РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

ТОМ XV

Материалы Итоговой сессии
Института археологии и этнографии СО РАН 2009 года

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
2009

ББК 63.4+63.5
П 781

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии и этнографии СО РАН

Ответственные редакторы:
академик *А.П. Деревянко*, академик *В.И. Молодин*

Редакционная коллегия:
А.В. Бауло, Е.И. Деревянко, О.И. Новикова,
С.П. Нестеров, И.В. Октябрьская, М.В. Шуньков

Работы выполнены в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», Программы Президента РФ по поддержке ведущих научных школ – НШ-2154 и НШ-1648, проектов РГНФ и РФФИ, интеграционных и молодежных проектов СО РАН, проектов Рособразования – РНП 2.2.1.1.2183 и 1.17.08 (ЗН-17-08), проекта ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» № 02.740.11.0353.

Статьи публикуются в авторской редакции

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. – Т. XV. – 536 с.

П 781

ISBN 978-5-7803-0193-6

ББК 63.4+63.5

© ИАЭТ СО РАН, 2009

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА
ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

А.К. Агаджанян

МЛЕКОПИТАЮЩИЕ КАК ИНДИКАТОР ПРИРОДНОГО ОКРУЖЕНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК*

Палеонтологический метод в настоящее время является одним из ведущих при изучении палеолитических памятников. Это обусловлено тем, что на протяжении среднего и позднего плейстоцена уже существовало большинство современных родов и видов животных и, прежде всего, млекопитающих, экология которых была близка современной. По видовому составу сообщества млекопитающих можно детально восстановить природную обстановку времени обитания палеолитического человека. Смена теплых периодов холодными приводила к существенному изменению пространственного соотношения различных поясов и типов растительности и животного мира. Оценить масштаб этих изменений позволяет ясное и полное представление о современной структуре фауны. Ниже приведено краткое описание животного населения природных зон Северной Евразии, выделены стенотопные (приуроченные к одному биотопу) и эврибиотные (обитающие в разных биотопах) виды (табл. 1).

Основу населения крупных млекопитающих зоны тундры Северной Евразии составляет северный олень *Rangifer tarandus*. По долинам рек из таежной зоны заходит лось *Alces alces*. На Североамериканском континенте характерным элементом тундровой биоты является овцебык *Ovibos moschatus*. Крупные хищники представлены волком *Canis lupus* и росомахой *Gulo gulo*. Прибрежные морские районы тундры регулярно посещает белый медведь *Ursus martimus*. Характерен песец *Alopex lagopus*, ареал которого в холодные эпохи плейстоцена достигал Алтая, Кузнецкой котловины, Приангарья.

Состав мелких млекопитающих достаточно характерен. Типичные виды этих сообществ за пределами тундры в настоящее время не встречаются. Важным элементом азиатского сектора Арктики является берингийский суслик *Spermophilus parryi*. Другая группа – лемминги: обыкновенный лемминг рода *Lemmus* и копытный лемминг *Dicrostonyx*. Обыкновенный или серый лемминг обитает в пониженных частях рельефа, предпочитая моховые ассоциации. Его основной корм – зеленые мхи. Копытный лемминг занимает сухие пространства, поросшие кустарничковой ивой, карликовой березкой, брусникой, шикшей. Он предпочитает побеги и листья карликовых ив. В тундре обитают также серые полевки – *Microtus hyperboreus*, *M.* (*Stenocranius*)

*Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 08-04-00483.

Таблица 1. Особенности зонального распространения млекопитающих Северной Евразии.

Отряды	Млекопитающие природных зон Северной Евразии					
	Зона тундр	Лесотундра	Зона лесов	Лесостепь	Зона степей	Зона пустынь
Насекомоядные	землеройка альпийская		еж обыкновенный землеройка обыкновенная землеройка средняя землеройка малая кутора крот	еж обыкновенный землеройка средняя землеройка малая	еж обыкновенный землеройка обыкновенная землеройка средняя землеройка малая	еж ушастый пегий путорак
Зайцеобразные и грызуны	длиннохвостый суслик копытный лемминг серый лемминг северосибирская полевка северная пищуха заяц беляк	 заяц беляк	белка обыкновенная летяга бурундук сони рыжие полевки пашенная полевка обыкновенная полевка бобр заяц беляк		сурок суслик большой суслик малый суслик краапчатый узкчерепная полевка степная пеструшка степная пищуха заяц русак	тонкопалый суслик большой тушканчик тушканчик Северцова земляной зайчик емуранчик мохноногий тушканчик гребнепалый тушканчик песчанки желтая пеструшка заяц толай
Копытные	северный олень		косуля кабарга лось благородный олень		лошадь кабан косуля сайга	кулан верблюд сайга джейран
Хищники	росомаха волк		куница соболь барсук медведь волк рысь		хорь барсук волк манул	хорь перевязка шакал полосатая гиена каракал гепард

gregalis, *M. oeconomus*. Их основной корм – стебли осок и злаков, листья и веточки кустарничковой растительности. Два первых вида – обитатели плакорных пространств. Полевка экономка – обитатель осокового разнотравья, интразональный вид, широко распространенный в Северной Евразии. Другой типичный элемент современной тундровой зоны – водяная крыса *Arvicola terrestris*, тесно связанная с поймами рек и озерными котловинами.

По южной периферии тундровой зоны, по долинам рек, где представлена древесная и/или кустарниковая растительность на север проникают представители рыжих полевок рода *Clethrionomys*. Наиболее типична здесь красно-серая полевка *Clethrionomys rufocanus*.

Зайцеобразные тундровой зоны – заяц-беляк *Lepus timidus* и северная пищуха *Ochotona hyperborea*. Заяц-беляк широко распространен в тундрах Евразии до побережья Ледовитого океана. Пищуха приурочена к азиатскому сектору Арктики.

Достаточно разнообразна фауна млекопитающих лесной зоны (табл. 2). Типичным представителем копытных в широколиственных лесах Европы является кабан *Sus scrofa*. Он составляет фоновую группу потребителей растительных кормов на Кавказе, в лесном поясе Памира и Тянь-Шаня. В бассейне Амура и в Приморье кабан является важнейшим компонентом таежных сообществ. Среди оленей в зоне хвойных лесов Северной Евразии господствующее место занимает лось. Другой олень, благородный *Cervus elaphus*, распространен по югу лесной зоны от Пиренеев до Алтая, Саян и Приморья. Третий род оленей, имеющий трансконтинентальное распространение, – косуля *Capreolus*. В пределах лесной зоны обитают также копытные, имеющие региональное распространение. Для широколиственных лесов Западной и Центральной Европы характерна лань *Dama dama*. В азиатской части обитает своеобразный представитель оленеобразных – кабарга *Moschus moschatus*, один из самых мелких видов современных копытных. Из полорогих на равнинах Северной Евразии в настоящее время обитают лишь зубры *Bison*. Их небольшие популяции существуют только на охраняемых территориях.

Хищники лесной зоны представлены волком, медведем *Ursus arctos*, росомахой, рысью *Lynx lynx*. Мышеяды – лисицей *Vulpes vulpes*, а на Дальнем Востоке – енотовидной собакой *Nycteroites megamastoides*. В лесах Евразии широко представлены мелкие куньи: ласка *Mustela nivalis*, горностай M*ustela erminea* и куница *Martes martes*; только в азиатской части – соболь *Martes zibelina*. На востоке в составе хищников присутствуют амурский тигр *Panthera tigris* и белогрудый медведь *Silenarctos tibetanuas*. В Восточной Сибири обитает колонок *Mustela sibirica*, на Алтае – солонгой *Mustela altaica*, в Приморье – харза *Martes flavigula.*

Богата и разнообразна в лесной зоне фауна насекомоядных. Самые крупные ее представители – ежи рода *Erinaceus*. Другая группа – кроты. Они активны круглый год, поэтому их ареал на севере ограничен зоной глубокого зимнего промерзания почвы. Ближайшая родственная кротам

Таблица 2. Региональные особенности населения млекопитающих лесной зоны Северной Евразии.

Отряды	**Млекопитающие лесной зоны Северной Евразии**			
	Хвойно-широколиственные леса Западной и Центральной Европы	Хвойно-широколиственные леса Русской равнины	Смешанные леса Западной Сибири	Хвойно-широколиственные леса Дальнего Востока
Насекомоядные	еж обыкновенный	еж обыкновенный	еж обыкновенный	еж обыкновенный
	землеройка обыкновенная	землеройка обыкновенная	землеройка обыкновенная	гигантская бурозубка
	землеройка средняя	землеройка средняя	землеройка средняя	землеройка обыкновенная
	землеройка малая	землеройка малая	землеройка малая	землеройка средняя
	кутора	кутора	кутора	землеройка малая
	белозубки	белозубки	сибирская белозубка	кутора
	крот	крот	крот	могера большая
Зайцеобразные и грызуны	белка обыкновенная	белка обыкновенная	белка обыкновенная	белка обыкновенная
	соня полчок	соня полчок	летяга	летяга
	соня лесная	соня садовая	бурундук	бурундук
	соня садовая	соня орешниковая	лесной лемминг	крысовидный хомячок
	соня орешниковая	лесной лемминг	рыжие полевки	рыжие полевки
	рыжие полевки	рыжие полевки	пашенная полевка	обыкновенная полевка
	подземные полевки	подземные полевки	обыкновенная полевка	полевка Максимовича
	пашенная полевка	пашенная полевка	бобр	полевка Роберта
	обыкновенная полевка	обыкновенная полевка	заяц беляк	
	бобр	бобр		
	заяц беляк	заяц беляк		

Окончание таблицы

Отряды	Млекопитающие лесной зоны Северной Евразии			
	Хвойно-широколиственные леса Западной и Центральной Европы	Хвойно-широколиственные леса Русской равнины	Смешанные леса Западной Сибири	Хвойно-широколиственные леса Дальнего Востока
Копытные	кабан	кабан	кабан	кабан
	лань	лань	кабарга	кабарга
	косуля европейская	косуля европейская	косуля сибирская	косуля сибирская
	благородный олень	благородный олень	благородный олень	благородный олень
		лось	лось	лось
Хищники	куница	куница	куница	колонок
	барсук	барсук	соболь	куница
	волк	волк	барсук	соболь
	медведь бурый	медведь бурый	волк	харза
	рысь	рысь	медведь бурый	барсук
	лесная кошка		рысь	волк
				медведь бурый
				медведь черный
				рысь
				тигр
				леопард

группа – выхухоли рода *Desmana*, в настоящее время обитает в лесной зоне Европы. Среди мелких насекомоядных преобладают представители землеройковых Soricidae.

Потребители растительных кормов мелкого размерного класса делятся на две группы. Одна из них тесно связана с древесными насаждениями и является индикатором лесных сообществ. К ней относятся древесные беличьи, сони, лесные мыши рода *Apodemus* и полевки рода *Clethrionomys*. Другую группу образуют полевки родов *Microtus* и *Arvicola.* Они широко распространены в пределах лесной зоны, однако в своей экологии не связаны с древесной растительностью, т. к. потребляют преимущественно зеленые корма. Они приурочены к биотопам с густым травяным покровом – лесным полянам, старым гарям, болотам и поймам рек.

Отличительной чертой зоны степей Евразии является преобладание трав в растительном покрове. Среди крупных растительноядов основу составляют непарнопалые и парнопалые. В эпоху неолита большая часть этих животных была одомашнена или уничтожена человеком. Судя по археологическим данным в эпоху палеолита от Причерноморья до Забайкалья и Монголии была распространена дикая лошадь *Equus caballus*. Из крупных полорогих в Причерноморье обитал дикий тур *Bos taurus*, в Забайкалье – як *Poephagus*. Мелкие полорогие в настоящее время представлены сайгой *Saiga tatarica*, ареал которой простирается от Калмыкии до Приаралья. В степи Казахстана и Алтая проникает джейран *Gazella subgutturosa*. В долинах рек обитает кабан.

Основным крупным хищником современной степной зоны является волк. Среди мышеядов присутствуют: лисица, ласка, горностай, светлый хорь *Putorius putorius* и хорь-перевязка *Voramela perigusna*.

Насекомоядные неравномерно распределены в пределах степного ландшафта. Ежи предпочитают биотопы кустарниковых зарослей, кроты – пониженные части рельефа.

Зайцеобразные представлены двумя группами: зайцами и пищухами. Пищуха отсутствует в европейской части степной зоны. На Южном Урале и в Сибири по склонам оврагов и балок обитает пищуха *Ochotona pusilla*.

Типичны для степной зоны наземные беличьи – сурки и суслики. Характерна для степных ландшафтов пеструшка *Lagurus lagurus*. Обычны серые полевки рода *Microtus*. В луговых ассоциациях и поймах рек обитают *Microtus arvalis, M. agrestis*, *M. oeconomus* и *Arvalis terrestris*. Водораздельные пространства населяют узкочерепная полевка *Microtus* (*Stenocranius*) *gregalis*, общественная полевка *M. socialis* и полевка Брандта *Lasiopodomys brandti*, которая обитает в злаковых и злаково-полынных степях Южного Забайкалья. Типичны грызуны, ведущие подземный образ жизни. Европейскую часть степей населяют слепыши рода *Spalax*, центрально- и восточноазиатскую – цокоры *Myospalax*, срединную часть занимают слепушонки рода *Ellobius*.

Зона пустынь Евразии не образует трансконтинентального пояса, хотя занимаемые ею площади велики, особенно в Центральной Азии. Харак-

терной чертой пустынь является отсутствие сплошного травянистого покрова. Отдельные куртинки злаков, сложноцветных, солянок расположены на значительном расстоянии друг от друга, что создает особые условия для передвижения наземных позвоночных. Из непарнопалых в азиатских пустынях обитает кулан *Equus hydruntinus*, из крупных травоядных – верблюд *Camelus bactrianus*. Среди мелких полорогих обычными являются дзерен *Procapra gutturosa* и джейран, в полупустынях Казахстана – сайга.

Крупные хищники представлены волком, гепардом *Acinonyx jubatus* и гиеной *Hyaena hyaena*. Среди хищников, охотящихся на мелких позвоночных, присутствуют шакал, лисица и кошки – каракал *Felis caracal* и хаус *F. chaus*.

Своеобразны мелкие млекопитающие пустынь. Семейство Erinaceidae представлено некрупным ушастым ежом *Erinaceus auritus*. Землеройковые – тремя родами: белозубки, бурозубки и пегий путорак *Diplomesodon*.

Практически все грызуны пустыни роют глубокие норы. В связи с кратким периодом вегетации растений и длительным периодом неблагоприятных условий они заготавливают корм впрок. С твердым грунтом при отсутствии растительности связана сальтариальная локомоция, т.е. передвижение прыжками на двух конечностях. Ярким примером такой жизненной формы являются тушканчики, представители семейства Dipodidae. Они ведут ночной образ жизни; питаются семенами, луковицами, клубнями растений; неблагоприятные сезоны года проводят в спячке. Для пустынь Евразии характерны также песчанки семейства Gerbellidae.

Большинство растительноядных млекопитающих относятся к стенотопным видам, т.е. они приурочены к определенным биотопам за пределами которых не встречаются. Эта особенность позволяет рассматривать данные виды как индикаторы определенных природных условий и восстанавливать по ним с достаточной точностью природные обстановки и климаты прошлого.

Кроме стенотопных видов, большое значение для реконструкции природной среды имеют интразональные виды. Например, кутора, водяная крыса, полевка-экономка, бобр, населяющие пойменные биотопы, свидетельствуют о существовании прибрежных осоковых зарослей. Их присутствие в палеонтологической летописи и количественное соотношение с другими видами указывает на характер водотока в окрестностях палеолитической стоянки.

Важным показателем климата является группа высоко специализированных землероев, которые активны круглый год – крот, слепыш, слепушонка, цокор. Северная граница их ареала не достигает зоны глубокого промерзания грунта и, тем более, распространения вечной мерзлоты. Присутствие этих видов в тафоценозе свидетельствует об относительно мягких зимах в эпоху существования данного биоценоза, без глубокого промерзания грунта.

Е.В. Акимова, А.Н. Мотузко, В.М. Колямкин, В.П. Чеха

НОВАЯ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА СЕРЕБРЯКОВКА (СРЕДНИЙ ЕНИСЕЙ)

Летом 2009 г. Частоостровским археологическим отрядом КГПУ были проведены охранные раскопки палеолитической стоянки Серебряковка в окрестностях с. Частоостровское (левый берег Енисея в 20 км ниже Красноярска).

Село Частоостровское издавна известно как место концентрации археологических памятников разных эпох: от неолита до средневековья. Первые находки в районе с. Частоостровское были отмечены еще во второй половине XIX в. В 1902 г. раскопки тагарских курганов предпринял А.В. Адрианов [Карцов, 1929]. Первые свидетельства о сборах остатков плейстоценовой фауны также датируются началом XX в. Кости мамонта, носорога, лошади, бизона, северного и благородного оленя находили и продолжают находить в оврагах обнажениях покровной толщи комплекса террас на Коркино-Барабановском участке левого берега Енисея. Однако первый палеолитический памятник был открыт здесь только в 1993 г. при расширении автодороги от с. Частоостровского к Енисейскому тракту. Охранные раскопки были проведены осенью того же года, но сколько-нибудь существенных материалов не было получено. Был сделан единственный вывод о финальнопалеолитическом возрасте памятника.

В течение последних лет непосредственно в 200 м севернее стоянки Частоостровское был заложен и интенсивно разрабатывался песчаный карьер, в котором неоднократно находили крупные кости животных. Только в октябре 2008 г. работы были приостановлены. Осмотр местонахождения позволил выявить два культурных слоя, расположенных на глубине 3, 5 и 4 м от дневной поверхности.

Раскопки стоянки, получившей название Серебряковка, по названию речки, левого притока Енисея, были начаты в июне 2009 г. Была вскрыта площадь 42 кв. м на глубину до 4,5 м.

Геоморфологически стоянка приурочена к выходу долины Серебряковки на низкие террасы Енисея и к узкой террасовидной поверхности, которая по гипсометрическому положению (16-26 м над современным руслом Енисея) может интерпретироваться как III надпойменная терраса.

Вся плейстоценовая толща разреза в раскопе представляет субгоризонтальное чередование прослоев супесей коричневато-серых, серовато-коричневых лессовидных и темно-серых, синевато-серых (закисных) легких

суглинков. (1,5–4,5 м от д.п.) с толщиной прослоек от 2 до 10 см (г.с. 3), перекрытая слоем светло-коричневой палевой супеси (0,6–1,5 м о т д.п.) (г.с. 2). Процессы облессования затронули г.с. 2 и верхнюю часть г.с. 3. Здесь прослеживаются многочисленные тонкие трещины глубиной около 1 м, образующие в плане ячеистую поверхность. В нижней части разреза, на уровне и выше культурных слоев, отмечена деформация с небольшим смещением слоев по трещине, имеющая, вероятно, характер отседания. Наклонное залегание слоев при увеличенной их мощности представляет собой явные следы эрозионного контакта вмещающих и перекрывающих культурные слои осадков.

Литологическое строение осадков не позволяет безоговорочно отнести их к аллювию одной из енисейских террас. Аналогичные этим образования довольно широко развиты по крутым бортам долины Енисея и, по мнению С.А. Архипова, представлены перигляциальным аллювием древних балочных систем [История…, 1970].

При раскопках стоянки в г.с. 2 и кровле г.с. 3 найдены две крупные пластины и два галечных скола, в верхней части г.с. 3 (1,5–2,5 м от д.п.) – отдельные крупные фрагменты ребер. За пределами раскопа на этой же глубине найдены кости лошади, бизона и северного оленя. Вероятно, что все находки плейстоценовой фауны, включая мамонта и носорога, сделаны местными жителями именно на этом уровне.

Культурный слой 1 залегает на глубине 3,3–3,5 м от д.п. между двумя суглинистыми прослойками. Слой тонкий с буроватыми вкраплениями сажи и угля, примазками охры. Угли плотные с целостной структурой, получены из веток различной толщины. Встречаются достаточно крупные головки (до 2 см в диаметре). Много мелких колотых фрагментов косточек (более 160 экз.), как правило, без следов огня. Все определимые кости принадлежат Rangifer tarandus L. (определение Н.Д. Оводова). В составе коллекции фрагменты конечностей, ребер, нижней и верхней челюстей. Залегание в слое исключительно горизонтальное, без каких-либо следов переноса.

Планиграфически слой представляет собой северный сектор разрушенного жилищного (хозяйственного) комплекса с очагом в центре. Очаг имел глубину 12 см, мощность прокала – около 7 см. Вероятный диаметр очага – 70–80 см. Во время подготовки очажной ямки была прорыта нижняя суглинистая прослойка, подстилающая уровень «пола» стоянки.

Каменный инвентарь немногочисленен: двуплощадочный бифронтальный нуклеус призматической формы (рис. 1 – *4*), резец на крупном пластинчатом сколе (рис. 1 – *5*), микроострие с ретушью по обоим краям (рис. 1 – *2*), две микропластины с мелкой ретушью (рис. 1 – *3*), выемчатое орудие на пластине (рис. 1 – *1*), отщепы, пластины с рабочей ретушью по краю, плоская галька-наковаленка, галька удлиненной формы без явных следов использования. Общее количество каменных предметов, включая промывку, составляет 127 экз.

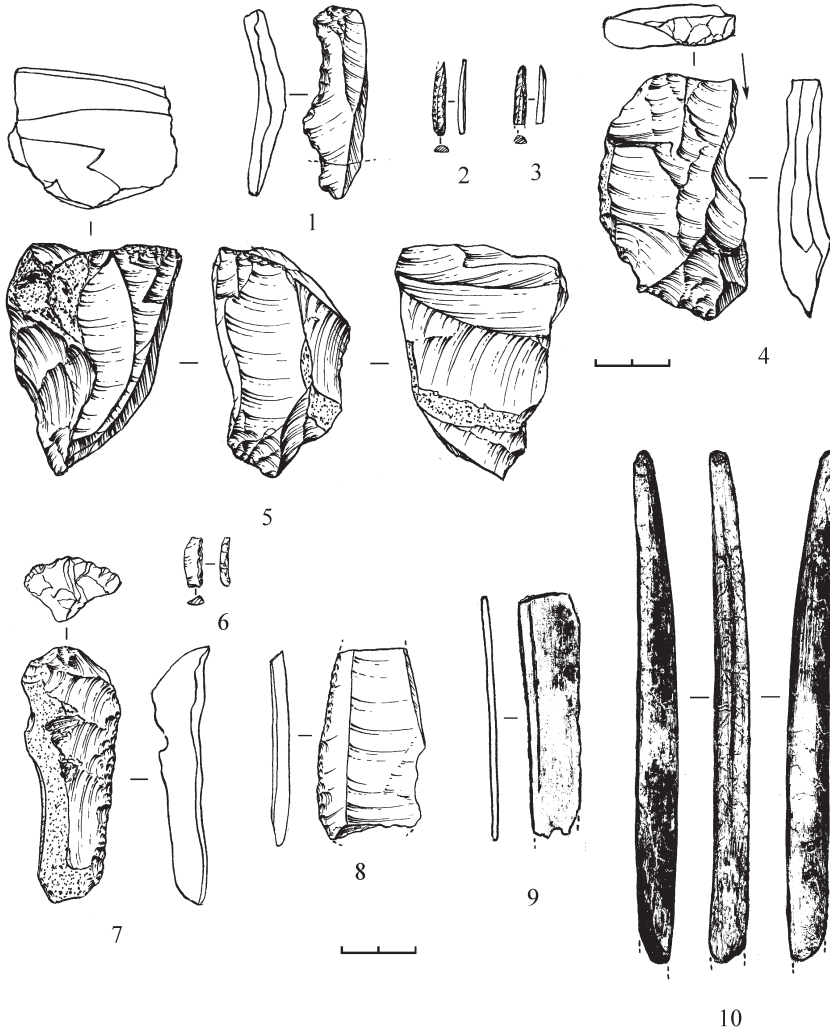

Рис. 1. Инвентарь стоянки Серебряковка. *1–5* – 1 к.с.; *6–10* – 2 к.с.

Культурный слой 2 располагается по большей площади раскопа со смещением к востоку, в сторону древнего (и наследуемого ему современного) лога. По-прежнему преобладают фрагменты костей, неравномерно рассредоточенные по всей площади, с концентрацией в юго-восточной части раскопа. Фаунистическая коллекция слоя содержит около 300 целых костей и фрагментов. Абсолютно преобладает Rangifer tarandus L., в единичных экземплярах – обломки Equus sp. и крупного копытного (Bison pr.?). На поверхности последнего прослеживаются следы зубов волка или собаки. Характерен разнообразный анатомический набор костей, что сви-

детельствует о разделке и потреблении целых туш оленей. Наряду с взрослыми присутствуют и молодые особи, что указывает на летне-осенний сезон существования стоянки. Особенностью фаунистической коллекции 2 к.с. является интенсивная фрагментация трубчатых костей: большинство обломков имеют следы продольного и поперечного раскалывания, выявлено большое количество мелких костяных отщепов.

В юго-восточной части раскопа узкой полосой располагается и большая часть каменного и костяного инвентаря (127 экз.), в основной массе представленная отщепами и пластинками. Каменный инвентарь крайне малоинформативен: концевой скребок на пластине с мелкой ретушью по краю и выпуклому неровному дистальному концу (рис. 1 – *8*), широкая пластина с мелкой ретушью по обоим краям (рис. 1 – *9*), массивная микропластина с отвесной ретушью по вогнутому краю (рис. 1 – *6*).

Интерес вызывают две находки из бивня мамонта, в числе которых оправа для вкладышевого орудия с неглубоким пазом по одному краю (рис. 1 – *10*). По своим параметрам изделие наиболее близко афонтовским орудиям [Ауэрбах, 1930; Абрамова, 1979]. Однако традиционно подобные предметы изготавливаются из рога северного оленя. Из бивня мамонта на Енисее известны пока только два пазовых орудия, найденные на стоянке Лиственка у г. Дивногорска: обломок округлого в сечении наконечника в 19 к.с. и крупный плоский кинжал в 7А к.с. [Акимова, Вдовин, Макаров, 1996; Акимова, Дроздов и др., 2005]. Из бивня мамонта также изготовлена пластина (обломок изделия?) с двумя параллельными полосками, явно прочерченными резцом с шириной рабочей кромки около 1,5 мм (рис. 1 – *7*).

Планиграфический анализ слоя позволяет предполагать наличие здесь более богатого хозяйственного комплекса, центр которого уже уничтожен карьером.

Остатки микротериофауны обнаружены в обоих культурных слоях. В к.с. 2 из 41 фрагмента определимы только 6 экз., представленные костями *Dicrostonyx* ***gulielmi*** Sanf. – 2 экз., *Microtus* ***(Stenocranius) gregalis*** Pall. – 4 экз. Все остатки беловато-палевого цвета с матовым блеском, не окатаны. Присутствуют характерные следы повреждения химическими веществами, что наблюдается при длительном нахождении фоссилий в незахороненном виде на поверхности поймы.

В 1 к.с. остатков грызунов значительно больше – 130 экз., из которых 51 экз. определим. Все кости светло-серого цвета, целые, не окатанные. Присутствуют все кости скелета, в том числе хорошо сохранившиеся черепа (3 экз.), небные кости черепа (8 экз.) и нижние челюсти без зубов (18 экз.). В составе коллекции ***Alopex lagopus*** L. – 1 экз., *Dicrostonyx* ***gulielmi*** Sanf. – 7 экз., *Lemmus* ***sibiricus*** Kerr. – 3 экз., *Lagurus* ***lagurus*** Pall. – 38 экз., *Microtus* ***(Stenocranius) gregalis*** Pall. – 2 экз.

Фауны обоих культурных слоев сходны по видовому составу и по экологической принадлежности к ландшафтам тундростепи. Подобные фауны формировались на больших территориях в периоды максимальных

похолоданий. Поскольку в составе фауны присутствует *Dicrostonyx guliel-mi* Sanf., то речь идет о сартанском похолодании. По видовому составу и морфологии копытных леммингов и степных пеструшек (*Lagurus lagurus* Pall.) фауна Серебряковки близка к фауне грызунов из 10 и 19 к.с. стоянки Лиственки и, в целом, к фауне Афонтовой горы II.

Культурные слои памятника отличаются по выбору каменного сырья. Для 1 к.с. характерен коричневый эффузив, традиционно связываемый с выходами коренных пород на р. Большой Кемчуг [Зенин, 2003, 2005]. В нашем случае обработке подвергались плохо окатанные обломки. Во 2 к.с. использовалась речная галька светло-желтого и грязно-белого кремня, желтовато-бурого халцедона, мелкопорфирового эффузива, риолита и роговика (определение Ю.М. Махлаевой).

Таким образом, в районе с. Частоостровское в течение нескольких лет уничтожалась стоянка, вмещающая, по крайней мере, два позднепалеолитических культурных комплекса in situ. Аналогов им в известных нам индустриях Среднего Енисея мы не видим. Микроострия с ретушью по обоим краям известны на стоянках раннесартанского времени Шестаково (Кемеровская область), Саженцы и Каштанка I на Красноярском водохранилище [Зенин, 2003, 2005, Акимова, Стасюк и др., 2009], круг распространения микропластин с крутой ретушью более широкий и охватывает целый пласт «мелкопластинчатых индустрий» Сибири в пределах 20–10 т.л.н. [Лисицын, 2000, Акимова, 2006, 2008]. С учетом даты 19 к.с. стоянки Лиственка появление пазовых орудий на Енисее может быть датировано не позже 17-16 т.л.н. При этом явный пластинчатый характер инвентаря не позволяет отнести 2 к.с., содержащий пазовое изделие из бивня, к афонтовской культуре.

На сегодняшний день стоянка Серебряковка дает основания корректировать представление о позднем палеолите Красноярского археологического района.

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 175 с.

Акимова Е.В. «Средний этап» позднего палеолита в Приенисейской Сибири // Современные проблемы археологии России. Материалы всероссийского археологического съезда. – Новосибирск, 2006. – С. 94– 96.

Акимова Е.В. Раннесартанская индустрия мелких пластин в финале позднего палеолита Среднего Енисея: к проблеме формирования археологических рефугиумов // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. – Т.1. Археология. Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырьё и приёмы обработки. – СПб: Наука, 2008. – С. 37– 47.

Акимова Е.В., Вдовин А.С., Макаров Н.П. Пазовые орудия Красноярского археологического района // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1996. – Вып.1. – С. 62–82.

Акимова Е.В., Дроздов Н.И., Чеха В.П., Лаухин С.А., Орлова Л.А., Санько А.Ф., Шпакова Е.А Палеолит Енисея. Лиственка. – Красноярск; Новосибирск: Универс; Наука, 2005. – 180 с.

Акимова Е.В., Стасюк И.В., Кукса Е.Н., Мотузко А.Н. Позднепалеолитическая стоянка Саженцы в зоне Красноярского водохранилища // Вузовская научная археология и этнография Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2009 – С. 175–181.

Ауэрбах Н.К. Палеолитическая стоянка Афонтова Ш. Труды общества изучения Сибири и ее производительных сил. – Вып. 7. – Новосибирск, 1930. – 59 с.

Зенин В.Н. Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины позднепалеолитическим человеком // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 332–354.

Зенин В.Н. Поздний палеолит Западно-Сибирской равнины. Автореферат дисс. …докт. истор. наук. – Новосибирск, 2003. – 58 с.

История развития растительности внеледниковой зоны Западно-Сибирской низменности в позднеплиоценовое и четвертичное время. – Тр. ИГиГ СО АН СССР. – Вып. 92. – 1970. – 363 с.

Карцов В.Г. Материалы к археологии Красноярского района. – Красноярск, 1929. – 64 с.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. Труды ИИМК РАН, том II. – СПб, 2000. – 230 с.

А.А. Анойкин

ВАРИАНТЫ ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ В ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСАХ СТОЯНКИ ТИНИТ-1 (ПО ДАННЫМ РЕМОНТАЖА КОЛЛЕКЦИИ 2009 ГОДА)*

В последние десятилетия среди методов изучения палеолитических индустрий все большее внимание уделяется методу ремонтажа, как позволяющему наиболее полно реконструировать все этапы первичной утилизации каменного сырья в пределах конкретного памятника [Славинский, Рыбин, 2007; Усик, 2009; Veselsky, 2008]. Кроме того, именно ремонтаж дает возможность максимально точно определить используемые техники расщепления, т.к. некоторые морфологически идентичные типы сколов, значимые для культурно-хронологической идентификации палеолитических индустрий, могут быть получены в ходе использования различных «операционных цепочек», являясь в одних случаях целью расщепления, а в других - техническими сколами или случайным продуктом. К сожалению, в виду особенностей функционирования палеолитических стоянок и специфики их дальнейшего существования как археологических объектов, далеко не всегда у исследователей имеется возможность применить этот метод для анализа конкретной каменной индустрии.

Стоянка Тинит-1 расположена в южной части Приморского Дагестана и является многослойным объектом, материалы которого относятся к финалу среднего - верхнему палеолиту [см. статью Анойкин и др. в этом сборнике]. Каменные артефакты на памятнике залегают *in situ* на нескольких уровнях (в настоящий момент зафиксировано 11 археогоризонтов (а.г.)). Имеющийся комплекс данных позволяет предполагать, что они являются свидетельством нескольких кратковременных эпизодов посещения данного места первобытным человеком, связаны с осуществлением охотничьей деятельности и сопровождались разовыми эпизодами обработки каменного сырья. В результате применения метода ремонтажа для части а.г. была получена серия сборок разной степени сложности, как демонстрирующих весь цикл первичного расщепления, так и отражающих один технологический этап. Также есть большое количество отдельных сколов восстановленных из двух и более фрагментов. Наиболее показательные в этом плане материалы получены из а.г. 2 и 4. Их общая коллекция (2007-2009 гг.) на настоящий момент насчитывает 89 и 117 предметов соответственно, при-

*Работа выполнена при поддержке РФФИ, проекты № 07-06-00096-а и 09-06-100000-к, и РГНФ, проект № 09-01-18097-е.

чем более 50% их собраны в складни (без учета чешуек и осколков). Всего получено 6 представительных сборок включающих от 9 до 35 элементов. В материалах 2009 г. представлены 3 из них.

Наиболее полные последовательности восстановлены для а.г. 2 (верхний палеолит) и позволяют реконструировать все основные этапы расщепления.

Сборка 1 (рис. 1): Первоначальной заготовкой является округлый удлиненный кремневый желвак, которому усечением с двух сторон придана уплощенная плиткообразная форма. Предварительная подготовка желвака проводилась, видимо, непосредственно на выходах сырья (верхнемеловой известковый массив в 1,5–2 км от стоянки). В начале регулярного расщепления поперечным ударом у заготовки была удалена верхняя часть (около 1/3 объема). После этого, используя полученную поверхность как плоскость ударной площадки, с ядрища была произведена большая серия последовательных снятий в рамках единого цикла, без какого-либо оформления фронта скалывания и без дополнительной подправки ударной площадки, латералей и других частей нуклеуса. Снятия производились в одном направлении от ребра образованного в ходе предварительной подготовки плоскости желвака и его естественного края. При этом зоной скалывания являлась смещающаяся в ходе утилизации выпуклость образующаяся плоскостью фронта и краем негатива предыдущего скола. Общий цикл утилизации подразделяется на несколько однотипных коротких серий, когда после скалывания нескольких последовательных снятий расщепление

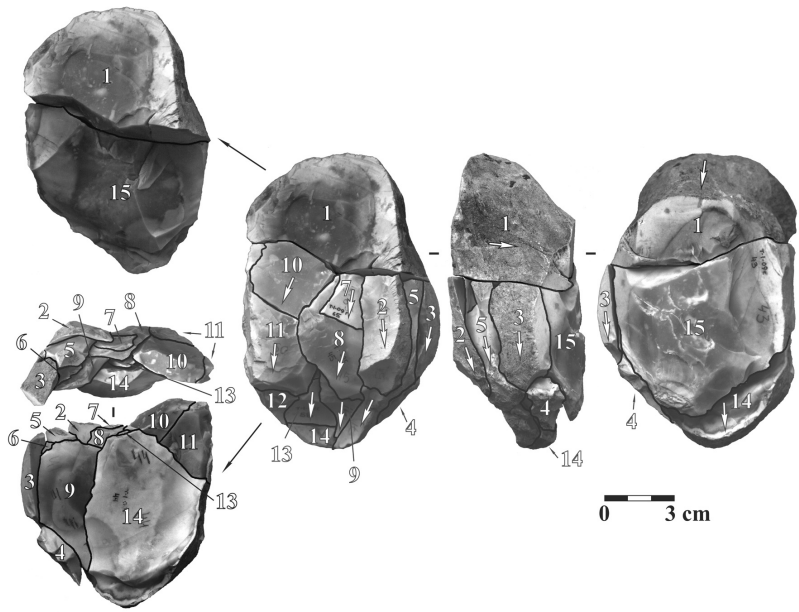

Рис. 1. Тинит-1. Археологический горизонт 2. Сборка 1.

вновь начиналось от ребра нуклеуса. Несмотря на отсутствие признаков подготовки и переоформления ядрища в ходе регулярного расщепления, стоит отметить элементы подправки карниза (мелкие заломы и забитости в приплощадочной зоне) у части сколов на последних этапах утилизации нуклеуса. Практически все сколы имеют удлиненные пропорции, но правильных пластин нет. Тем не менее, можно считать, что техника расщепления была направлена, в первую очередь, на получение пластинчатых форм. Так как ядрище восстанавливается практически полностью, за исключением одного крупного скола, можно предполагать, что в процессе расщепления не было получено заготовки с требуемыми характеристиками или нужной заготовкой был отсутствующий скол (не отличающийся по характеристикам от некоторых, имеющихся в сборке.

Сборка 2 (рис. 2): Заготовкой служил массивный уплощенный удлиненно-треугольный кусок кремня, на поверхности которого читаются негативы крупных сколов, свидетельствующих о предварительном оформлении желвака. Видимо, на стоянку заготовка была принесена уже в подготовленном виде, о чем свидетельствует отсутствие в материалах а.г. 2 сколов оформления, а также более сглаженный характер ребер негативов снятий, находящихся вне рамок утилизационной последовательности реконструируемой на стоянке. Фронт ядрища размещен на торцевой поверхности основания «треугольника», а ударные площадки - на узких прилегающих плоскостях. Общий цикл утилизации ядрища, в целом, совпадает с реконструирован-

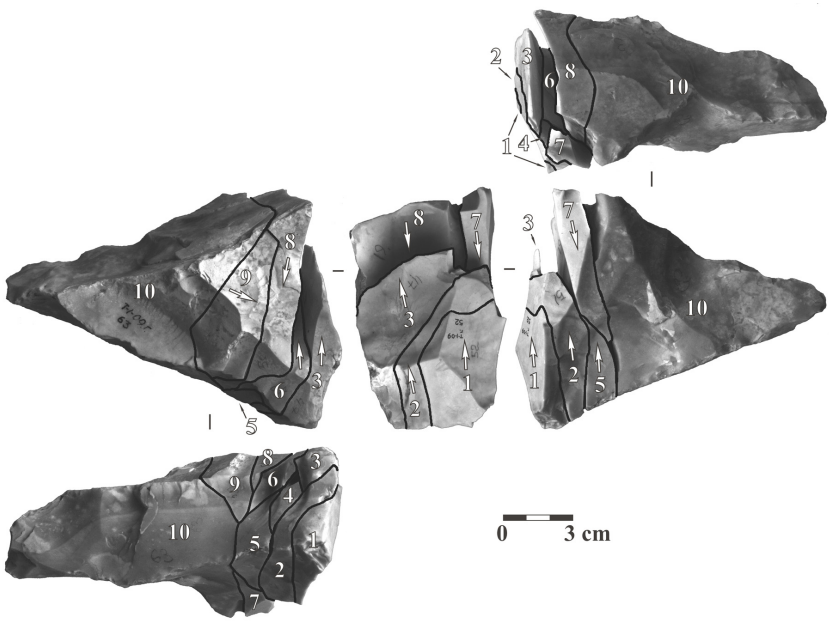

Рис. 2. Тинит-1. Археологический горизонт 2. Сборка 2.

ным для сборки 1. Расщепление велось «от ребра» ядрища, несколькими короткими сериями, с последовательным возвращением к начальной точке скалывания. Признаки дополнительного оформления фронта скалывания, латералей и ударных площадок отсутствуют. Интересно, что в отличии от сборки 1, после завершения нескольких серий снятий направление расщепления изменялось на встречное, а ударная площадка переносилась на противолежащую плоскость ядрища при сохранении единого фронта. Данные ремонтажа и анализ огранки дорсалов сколов позволяет предполагать, что направление скалывания изменялось как минимум дважды в процессе расщепления на этом участке нуклеуса. Также можно отметить, что на сколах отсутствуют признаки подработки приплощадочной зоны. Практически все сколы имеют удлиненные пропорции и прямоугольную форму, в том числе, есть и правильные пластины.

Археологические материалы а.г. 4 (верхний палеолит) также позволяют применить к ним метод ремонтажа. Полученная по коллекции 2009 г. сборка включает 9 элементов, однако, отражает весь цикл первичного расщепления.

Сборка 3 (рис. 3): Заготовкой служил уплощенный брусковидный обломок окремненного известняка, с выветрелой поверхностью и сглаженными ребрами. Процесс расщепления начался с оформления крупным сколом прямой вспомогательной ударной площадки на одном из продольных торцов заготовки, о чем свидетельствуют негативы на элементах 1 и 2 сборки. С полученной площадки по короткому торцу от ребра обломка произведено несколько последовательных удлиненных тонких снятий, оформивших плоскость основной площадки, угол которой к фронту составил 50º–60º. После чего было начато регулярное расщепление с широкой плоскости заготовки, в виде серии из 2–3 удлиненных сколов, частично удаливших желвачную корку с фронта скалывания. Следующий цикл утилизации начал-

Рис. 3. Тинит-1. Археологический горизонт 4. Сборка 3.

ся с переоформления ядрища. Крупным поперечным сколом (элемент 1) была выполнена новая ударная площадка, в целом повторяющая характер и угол к фронту предыдущей. После этого, двумя краевыми сколами (элементы 2 и 3) убран участок с заломами и образована ровная, скошенная к основанию латеральная плоскость. В дальнейшем от образованного ребра (латераль-фронт) выполнялись однотипные серии из нескольких снятий с последовательным возвращением расщепления в начальную точку. Можно отметить элементы подправки карниза (мелкие заломы и забитости в приплощадочной зоне) у двух сколов на последних этапах утилизации нуклеуса. Практически все сколы имеют удлиненные пропорции и прямоугольную форму, хотя правильных пластин среди них нет.

Таким образом, основным вариантом расщепления камня в верхнепалеолитических горизонтах Тинита-1, по данным ремонтажа, была своеобразная техника, когда для расщепления использовались удлиненные уплощенные заготовки, как естественные, так и специально подготовленные, с наличием ровных торцевых поверхностей. Начальным этапом утилизации служила подготовка прямой ударной площадки одним крупным снятием, после чего с полученной плоскости производилось скалывание краевых технических снятий, для придания начальной выпуклости фронтальной плоскости нуклеуса. Далее происходила реализация небольших серий удлиненных заготовок, также без предварительной подправки элементов ядрища. При этом зоной скалывания являлась смещающаяся в ходе утилизации выпуклость, образованная плоскостью фронта и краем негатива предыдущего скола. Общий цикл подразделяется на несколько однотипных коротких серий, когда после скалывания нескольких последовательных снятий расщепление вновь начиналось от ребра нуклеуса. В некоторых случаях ударная площадка и фронт скалывания переносились (переоформление или смена плоскости), однако, общая концепция утилизации объема ядрища не изменялась.

Список литературы

Славинский В.С., Рыбин Е.П. Восстановление с помощью ремонтажа вариантов скалывания камня в индустриях среднего палеолита и ранней поры верхнего палеолита стоянки Кара-Бом // Вестник Новосибирского государственного университета. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2007. – Т. 6, вып. 3. – С. 70–79.

Усик В.И. Метод леваллуа индустрий среднего и начала верхнего палеолита. Аспекты технологии и развития (по материалам запада Украины) // StratumPlus. – 2005–2009. – № 1.– С. 103–122.

Veselsky A.P. Kabazi V: Production and Rejuvenation of Bifacial Tools // Kabazi V: Interstratification of Micoqian&Levallois – Mousterian Camp Sites. Sinferopol-Cologne: Shlyakh, 2008. – P. 455–480.

А.А. Анойкин, М.А. Борисов, С.В. Лещинский, И.В. Зенин

ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОСЛОЙНОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ТИНИТ-1 (ЮЖНЫЙ ДАГЕСТАН) В 2009 ГОДУ*

Стоянка Тинит-1 (41°55'01"с.ш., 48°02'01"в.д.; а.в. – 724 м) расположена в 1,5 км к северо-западу от с. Тинит (Табасаранский р-н Республики Дагестан) (рис. 1,*А*). Памятник был открыт в 2007 г. сотрудниками Дагестанского отряда экспедиции ИАЭТ СО РАН и ИЭА РАН в ходе разведочных работ в верхнем течении р. Рубас [Деревянко и др., 2007]. Стационарное исследование объекты проводилось в 2008 г., когда на стоянке был заложен раскоп 6 × 5 м. Толща рыхлых отложений была вскрыта по всей площади раскопа на глубину ≈ 3 м, а на участке 2 × 2 м – до 5 м. На объекте выделено 8 слоев, содержащих 11 горизонтов залегания археологического материала (а.г.). В 2009 г. раскопки памятника были продолжены. К восточной стенке раскопа 2008 г. была сделана прирезка 4 × 8 м, ориентированная по длинной оси в направлении С-Ю (рис. 1, *В*). Толща рыхлых отложений была вскрыта по всей площади раскопа на глубину ≈ 3 м, а на участке 3 × 2 м – до 5,5 м. В ходе работ выделено 9 литологических слоев, содержащих 10 горизонтов залегания археологического материала (а.г.) в общем повторяющих характер залегания находок в раскопе 2008 г.

Ниже приводится сокращенное описание разреза (сверху-вниз) (рис. 1,*С*):

0. Техногенный слой, представляет собой остатки отвала 2008 г. Мощность – до 0,3 м.

1. Суглинок темный серо-коричневый, плотный, в кровле – включения современного мусора. Истинная мощность (и.м.) – 0,2–0,3 м.

2. Суглинок темно-коричневый плотный, по-видимому, эолово-делювиального генезиса. В средней части встречаются редкие ходы землеройных животных. Содержит материалы а.г. 1–2. И.м. – 0,2–0,8 м.

3. Супесь коричневато-серая (при высыхании – светлая, белесая) пористая, пылеватая, с массой древесного угля (фрагменты до 1 см). Генезис, вероятно, делювиально-эоловый. Отложения сильно биотурбированы (множество нор) особенно в подошве. Содержит материалы а.г. 3. И.м. ~ 0,1–0,45 м.

*Работа выполнена при поддержке РФФИ, проекты № 07-06-00096-а и 9-06-100000-к, и РГНФ, проект № 09-01-18097-е.

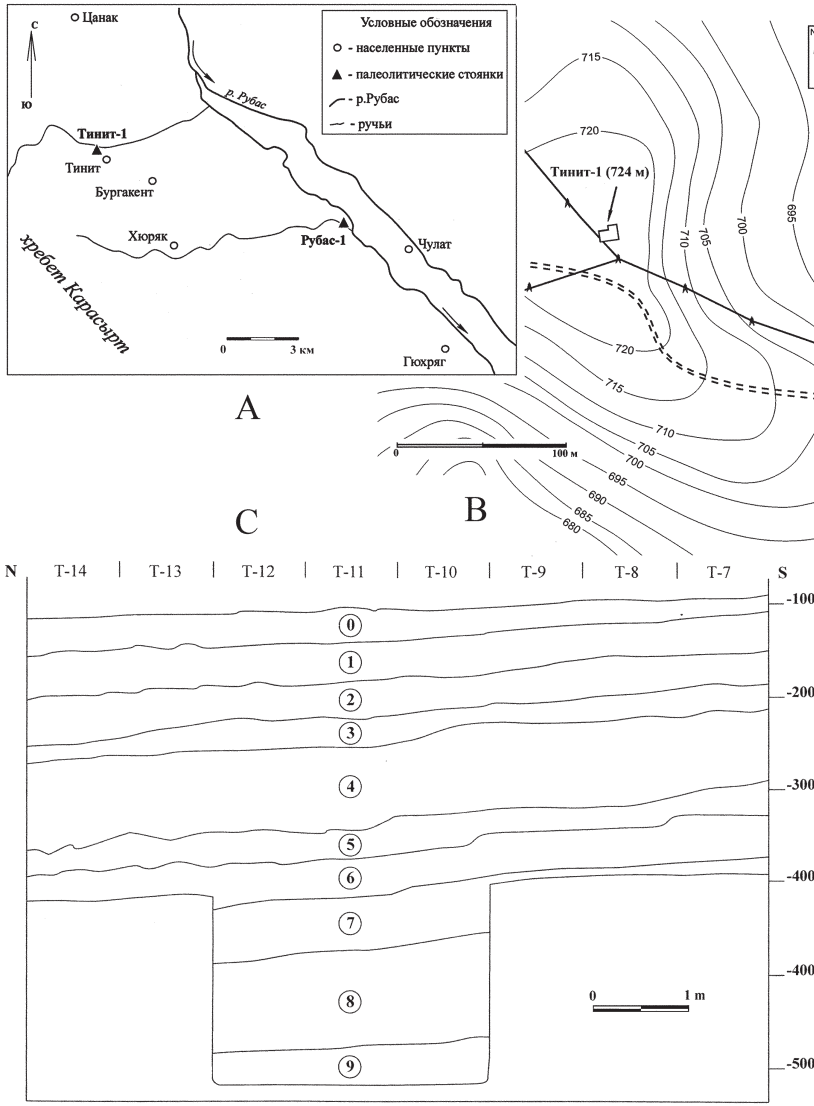

Рис. 1. Тинит-1. Карта-схема района работ (A), план расположения раскопа (B) и стратиграфический разрез восточной стенки (C).

4. Отложения близки таковым слоя 2. Отличие в сильно биотурбированной кровле, вертикальной тонкой трещинноватости и табачном оттенке отложений. И.м. ~ 0,65–1,0 м. Содержит материалы а.г. 4–5.

5. Отложения близки таковым слоя 3, однако, невыдержанны по простиранию и также трещинноваты. Из-за постоянного подъема поровых вод

местами отложения не высыхают и имеют темно-коричневый цвет. Содержит материалы а.г. 6. И.м. – 0,2–0,5 м.

6. Суглинок темно-коричневый (при высыхании – светло-коричневый) плотный, по-видимому, делювиального (с примесью эолового материала) генезиса. Отложения также разбиты многочисленными тонкими (1 мм), вероятно, гравитационными трещинами. Подошва слоя падает по азимуту 0 – 10˚ под углом до 10˚. Содержит материалы а.г. 7–8. И.м. ~ 0,2–0,7 м.

7. Суглинок делювиальный, близкий таковому слоя 4. Содержит материалы а.г. 9. И.м. ~ 0,15–0,5 м.

8. Темно-коричневая (при высыхании – коричневая) песчанистая глина делювиального генезиса. Отличается от слоя 7 уменьшением в составе песчаных зерен. Содержит материалы а.г. 10. И.м. ~ 1,2–1,7 м.

9. Серовато-коричневатый (белесый) суглинок. Текстура пятнистая за счет большого содержания карбонатов. Поверхность напластования разбита трещинами. Видимая мощность – до 0,6 м.

Все изделия из раскопа (599 экз.) изготовлены из кремня и сильно окремненных пород, залегающих в коренных условиях на расстоянии 1–2 км от стоянки и прослеженных в нескольких обнажениях. Планиграфический анализ условий залегания археологического материала, наряду с данными стратиграфии, свидетельствуют о том, что он залегает in situ и претерпел минимальные пространственные перемещения. Практически все изделия имеют горизонтальную или близкую таковой ориентацию, небольшой вертикальный разброс внутри выделенных археогоризонтов (а.г.) и согласное залегание относительно вмещающих геологических тел. Также в ходе работ выделено два четко локализованных крупных скопления артефактов с маленьким вертикальным диапазонам разброса, а часть находок внутри наиболее насыщенных горизонтов аппликируется между собой. Кроме археологического материала во всех отложениях вмещающих культурные остатки присутствуют примазки древесного угля и разрозненные угольки. Также в сл. 4 зафиксировано два небольших (до 2 см) изометричных обломка охряно-красного и оранжевато-красного цвета, представляющих собой тонкодисперсный агрегат гидроксидов железа, вероятно, с примесью глинистых минералов (определение Н.А. Кулик). Состав, структура материала и особенности его залегания позволяют предполагать, как более вероятное, их искусственное происхождение в суглинках слоя. Возможно, они были принесены на памятник как куски природной коричневато-оранжевой краски.

Остатки позвоночных в раскопе не обнаружены, что, по-видимому, связано с низкой скоростью седиментации и разрушением костей и зубов на дневной поверхности до захоронения.

Работы 2009 г., позволили составить более точное представление о структуре памятника, а также уточнить особенности каменных индустрий основных археологических горизонтов (а.г.).

А.г. 1 (19 экз.): нуклеусы – 1 (одноплощадочный монофронтальный, несет следы неоднократного переоформления и переноса плоскости и направления скалывания, истощен) (рис. 2,*8*), нуклевидные обломки – 2, пластины – 2, пластинчатые отщепы – 4, отщепы – 4 (рис. 2,*14*), обломки, осколки – 6. Орудийных форм нет.

А.г. 2 (67 экз., из них 32 экз. в одном локальном скоплении): нуклеусы – 3 (одноплощадочные монофронтальные для удлиненных заготовок – 2, двухплощадочные монофронтальные для удлиненных заготовок – 1), пластины – 8, пластинчатые отщепы – 12, отщепы – 28, обломки, осколки – 17. Орудийных форм нет.

А.г. 3 (102 экз.): нуклеусы – 1 (одноплощадочный монофронтальный для удлиненных заготовок, находится в начальной стадии эксплуатации), нуклевидные обломки – 1, пластины – 7, пластинчатые отщепы – 7, отщепы – 61, обломки, осколки – 25. Орудийных форм нет.

А.г. 4 (49 экз.): нуклеусы – 1 (одноплощадочный монофронтальный для удлиненных заготовок), нуклевидные обломки – 2, пластины – 6, пластинчатые отщепы – 4, отщепы – 20, обломки, осколки – 16. Орудийный набор (2 экз.) представлен мелким концевым скребком на удлиненном обломке и изделием с ретушированной выемкой.

А.г. 5 (54 экз.): нуклеусы – 2 (монофронтальныей двухплощадочный для небольших отщепов, сильно истощенный – 1, подпризматический для мелких пластин, пирамидальной формы – 1 (рис. 2,*13*)), нуклевидные обломки – 1, сколы леваллуа – 4 (рис. 2,*11*), пластины – 3, пластинчатые отщепы – 4, отщепы – 23, обломки, осколки – 17. Все сколы леваллуа имеют пластинчатые или близкие к таковым пропорции. Орудийный набор (2 экз., без учета неретушированных леваллуазский заготовок) представлен небольшим ножом с естественным обушком (рис. 2,*2*) и мелким угловатым скреблом на леваллуазском сколе (рис. 2,*4*).

А.г. 6 (291 экз., из них 47 экз. в одном локальном скоплении): галька – 1, нуклеусы – 8 (монофронтальные одноплощадочные для удлиненных заготовок, плоские – 2 (рис. 2,*3*); бифронтальный одноплощадочный подпризматический, с сопряженными фронтами, для удлиненных заготовок – 1 (рис. 2,*14*); бифронтальный двухплощадочный встречный, плоский – 1 (по одному краю ретушная подработка, возможно оформление лезвия скребла) (рис. 2,*16*); леваллуазский (?) монофронтальные, для отщепов – 2 (весь фронт скалывания удален одним снятием); радиальный бифронтальный – 1 (возможно заготовка бифасиального изделия), нуклевидные обломки – 2, сколы леваллуа – 7 (рис. 2,*7,10,12*), пластины – 25, пластинчатые отщепы – 23, отщепы – 116, обломки, осколки – 109. Большинство сколов леваллуа (5) имеют пластинчатые или близкие к таковым пропорции. Орудийный набор (5 экз.) представлен отбойником, фрагментом двойного продольного скребла, близкого по характеру отделки к категории скребел-ножей (рис. 2,*6*), двумя атипичными скребками (боковым и концевым на отщепах) и транкированно-фасетированным изделием (рис. 2,*15*).

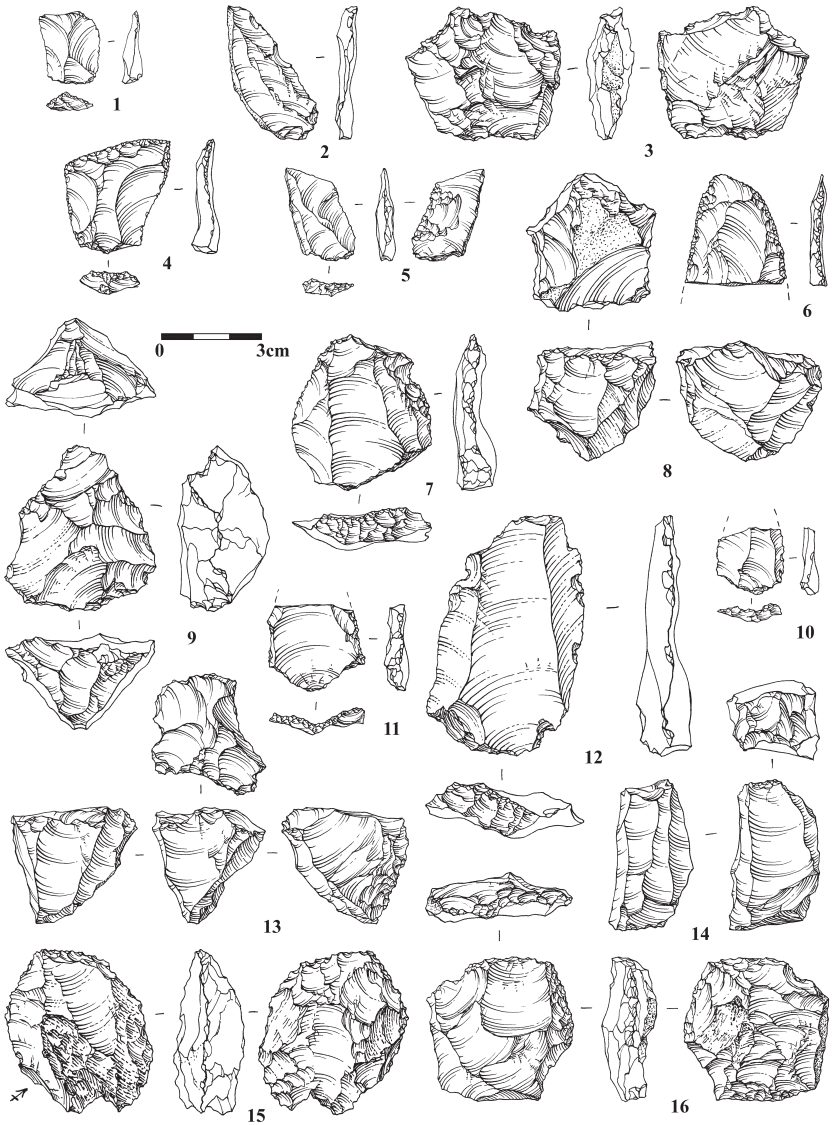

Рис. 2. Тинит-1. Раскоп. Каменные артефакты (художник А.В. Абдульманова).
1, 7, 10–12 – леваллуазские сколы; *2, 5* – ножи*; 3, 8, 9, 13, 14, 16* – нуклеусы;
4, 6 – скребла; *15* – транкированно-фасетированное изделие.
(*8* – горизонт 1; *2, 4, 11, 13* – горизонт 5; *3, 6, 7, 10, 12, 14–16* – горизонт 6;
1 – горизонт 7; *5* – горизонт 8; *9* – горизонт 9.)

А.г. 7 (6 экз.): нуклевидные обломки – 1, сколы леваллуа – 1 (рис. 2,*1*), пластины – 1, отщепы – 2, обломки, осколки – 1. Орудийных форм нет.

А.г. 8 (3 экз.): сколы леваллуа – 1, пластинчатые отщепы – 2. Орудийный набор (1 экз.) представлен мелким ножом с естественным обушком (рис. 2,*5*).

А.г. 9 (4 экз.): нуклеусы – 1 (леваллуазский, овальный, для отщепов, утилизация прекращена после неудачного снятия основного скола) (рис. 2,*9*), отщепы – 1, обломки, осколки – 2. Орудийных форм нет.

А.г. 10 (2 экз.): отщепы – 2. Орудийный набор (1 экз.) представлен сколом с ретушью (по ряду признаком может быть отнесен к атипичным скребкам).

Особенности распределения каменного материала в археологических горизонтах, его качественная и количественная характеристика, позволяют определить памятник Тинит-1 как многократно посещаемый кратковременный охотничий (?) лагерь.

Анализ объединенной коллекции каменных артефактов 2007–2009 гг. позволяет предполагать, что первые четыре а.г. по технико-типологическим характеристикам соответствуют периоду позднего палеолита. Об этом свидетельствует применение верхнепалеолитической техники скола – редуцирование края ударных площадок подтеской и пришлифовкой. В нижних горизонтах (с а.г. 5), напротив, фиксируется использование среднепалеолитических техник расщепления (фасетированные и двухгранные площадки у части заготовок; сколы оформления леваллуазских ядрищ; целевые заготовки, близкие леваллуазским формам, леваллуазские ядрища). Орудийный набор не многочислен, однако, отдельные яркие образцы орудий, в основном из нижних а.г. (скребла, транкированно-фасетированные изделия и др.), не противоречат делению коллекции, предложенному на основании технических параметров. Таким образом, в настоящий момент, можно соотносить археологический материал а.г. 1–4 с верхним палеолитом, а а.г. 5–11 – с финалом среднего палеолита и, возможно, более ранними его этапами.

Список литературы

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Славинский В.С., Борисов М.А., Кулик Н.А. Тинит-1 – новая многослойная палеолитическая стоянка в долине р. Рубас // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. – С. 72–77.

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Борисов М.А., Лещинский С.В., Зенин И.В. Исследования палеолитической стоянки Тинит-1 (Южный Дагестан) в 2008 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. – С. 36–41.

А.А. Анойкин, М.А. Борисов, С.В. Лещинский, И.В. Зенин

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СТОЯНКЕ ТИНИТ-1 (ПО МАТЕРИАЛАМ ШУРФОВ 2009 ГОДА)*

Стоянка Тинит-1 была открыта сотрудниками Дагестанского отряда экспедиции ИАЭТ СО РАН и ИЭА РАН в верхнем течении р. Рубас в 2007 г. В ходе работ на объекте было заложено два шурфа и осуществлены сборы подъемного материала с прилегающей склоновой территории (≈ 200 × 300 м). [Деревянко и др., 2007]. Стационарное исследование объекта началось в 2008 г., когда на стоянке был заложен раскоп 6 × 5 м. Толща рыхлых отложений в ходе работ вскрыта на глубину до 5 м. Всего выделено 8 слоев, содержащих 11 горизонтов залегания археологического материала [Деревянко и др., 2008]. В 2009 г. к восточной стенке раскопа 2008 г. была сделана прирезка 4 × 8 м, ориентированная по длинной оси в направлении С-Ю. Рыхлые отложения вскрыты по всей площади прирезки на глубину ≈ 3 м, а на участке 3 × 2 м – до 5,5 м. В ходе работ выделено 9 литологических слоев, в которых зафиксировано 10 горизонтов залегания археологического материала, повторяющих характер расположения находок в раскопе 2008 г. Археологические материалы стоянки относятся по предварительным данным в широкому хронологическому интервалу в пределах верхнего (а-г 1–4) – финала среднего палеолита (а-г 5–11) [Анойкин и др., в этом сборнике].

Наряду со стационарными раскопками, в 2009 г. для уточнения границ распространения археологических материалов было заложено четыре разведочных шурфа размерами 1 × 2 м (рис 1, *А*) по северному склону площадки, на которой расположен памятник (линия С-Ю).

Ниже дается стратиграфическое описание отложений вскрытых шурфами (сверху-вниз). Мощность выделенных слоев приводится в средних значениях.

Шурф 3. Пройден на глубину 6 м (рис.1, *Б*).

1. Суглинок темный, серо-коричневый, плотный, в кровле – включения современного мусора. Мощность – 0,3 м.

2. Суглинок темно-коричневый плотный, вероятно эолово-делювиального генезиса. Мощность – 0,8 м.

3. Супесь коричневато-серая (при высыхании – светлая, белесая) пористая, пылеватая, с массой древесного угля (фрагменты до 1 см). Генезис, вероятно, делювиально-эоловый. Мощность – 0,4 м.

*Работа выполнена при поддержке РФФИ, проекты № 07-06-00096-а и 09-06-100000-к, и РГНФ, проект № 09-01-18097-е.

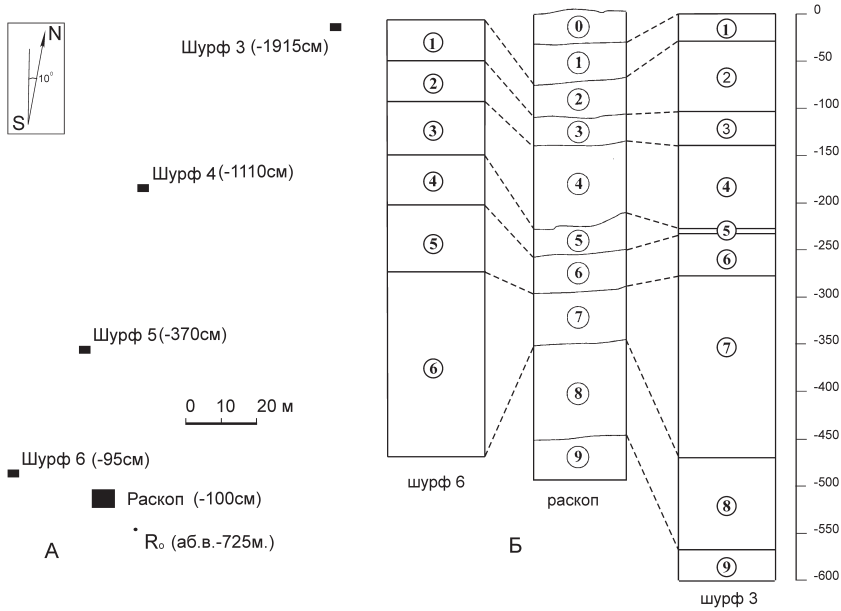

Рис. 1. Тинит-1. Схема расположения шурфов (А), стратиграфическая корреляция отложений раскопа и шурфов (Б).

4. Суглинок темно-коричневый плотный, вероятно эолово-делювиального генезиса. Мощность – 0,8 м.

5. Супесь коричневато-серая (при высыхании – светлая, белесая) пористая, пылеватая. Отложения невыдержанны по простиранию, трещинноваты. Генезис, вероятно, делювиально-эоловый. Мощность – 0,1 м.

6. Суглинок темно-коричневый (при высыхании – светло-коричневый) плотный, по-видимому, делювиального (с примесью эолового материала) генезиса. Отложения разбиты многочисленными тонкими (1 мм), вероятно, гравитационными трещинами. Мощность – 0,4 м.

7. Суглинок темно-коричневый плотный, вероятно эолово-делювиального генезиса. Мощность – 1,8 м.

8. Темно-коричневая (при высыхании – коричневая) песчанистая глина делювиального генезиса. Отличается от слоя 7 уменьшением в составе песчаных зерен. Мощность – 1,0 м.

9. Серовато-коричневатый (белесый) суглинок. Текстура пятнистая, за счет большого содержания карбонатов. Поверхность напластования разбита трещинами. Видимая мощность – до 0,5 м.

Отложения третьего шурфа насыщены обломочным кремнистым материалом (348 экз.), большая часть которого не имеет признаков искусственного расщепления. Эти предметы при анализе коллекции не учитывались.

Археологические материалы получены из трех слоев (4, 7 и 8).

Слой 4 (10 экз.): отщепы – 9, обломки – 1. Орудийный набор представлен обломком с ретушью.

Слой 7 (5 экз.): отщепы – 2, обломки – 3. Орудийный набор (3 экз.) представлен продольным скреблом на обломке (рис 2, *1*), обломками с ретушью – 2 (один по ряду признаков может быть отнесен к атипичным скребкам).

Слой 8 (5 экз.): пластина – 1, обломки – 4. Орудийный набор представлен зубчато-выемчатым орудием на обломке (рис 2, *5*) и обломками с ретушью – 3.

Шурф 4. Пройден на глубину 4,1 м.

1. Суглинок темно-коричневый плотный, вероятно эолово-делювиального генезиса. Мощность – 0,5 м.

2. Супесь коричневато-серая (при высыхании – светлая, белесая) пористая, пылеватая, с массой древесного угля (фрагменты до 1 см). Генезис, вероятно, делювиально-эоловый. Мощность – 0,3 м.

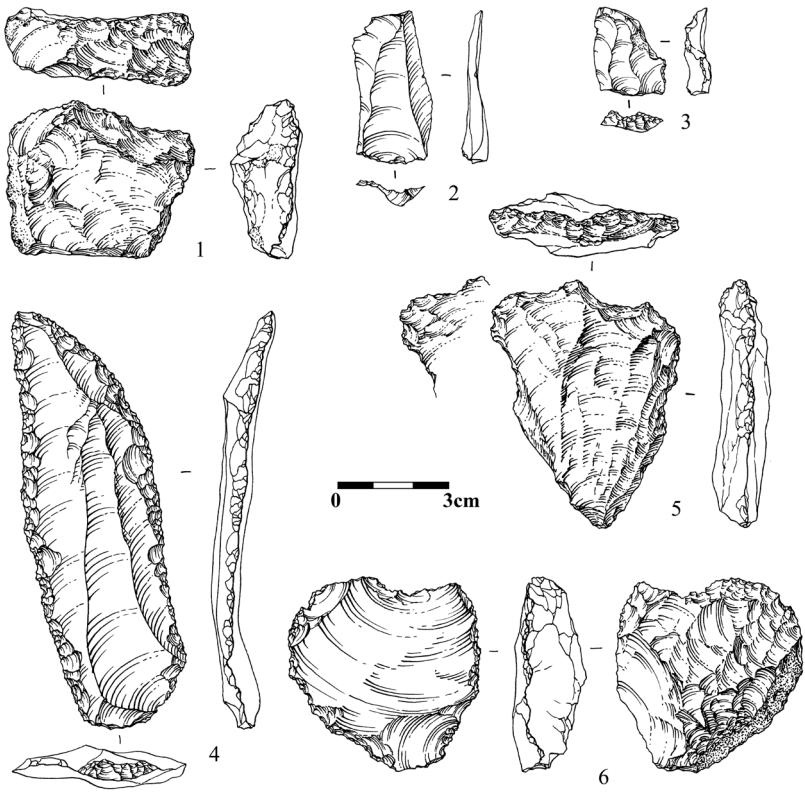

Рис. 2. Тинит-1. Шурфы. Каменные артефакты (художник А.В. Абдульманова).
1 – скребло; 2 – пластина; 3 – левалуазский скол; 4 – мустьерский остроконечник; 5 – зубчато-выемчатое изделие; 6 – леваллуазкий нуклеус.
(1, 5 – шурф 3; 2–4, 6 – шурф 6.)

3. Суглинок темно-коричневый плотный, вероятно эолово-делювиального генезиса. Мощность – 0,8 м.

4. Супесь коричневато-серая (при высыхании – светлая, белесая) пористая, пылеватая. Отложения невыдержанны по простиранию, трещинноваты. Генезис, вероятно, делювиально-эоловый. Мощность – 0,4 м.

5. Суглинок темно-коричневый, плотный, по-видимому, делювиального (с примесью эолового материала) генезиса. Мощность – 0,3 м.

6. Суглинок темно-коричневый плотный, вероятно эолово-делювиального генезиса. Мощность – 0,6 м.

7. Темно-коричневая (при высыхании – коричневая) песчанистая глина делювиального генезиса. Мощность – более 1,4 м.

Полученная коллекция представлена обломком (слой 6) и дистальным фрагментом отщепа (слой 3). Орудийных форм нет.

Шурф 5. Пройден до глубины 4,5 м.

1. Суглинок темно-коричневый плотный, вероятно эолово-делювиального генезиса. Мощность – 0,4м.

2. Супесь коричневато-серая (при высыхании – светлая, белесая) пористая, пылеватая, с массой древесного угля (фрагменты до 1 см). Генезис, вероятно, делювиально-эоловый. Мощность – 0,6 м.

3. Суглинок темно-коричневый плотный, вероятно эолово-делювиального генезиса. Мощность – 1,5 м.

4. Супесь коричневато-серая (при высыхании – светлая, белесая) пористая, пылеватая. Генезис, вероятно, делювиально-эоловый. Мощность – 0,4 м.

5. Суглинок темно-коричневый плотный, вероятно, эолово-делювиального генезиса. Мощность – 0,9 м.

6. Суглинок темно-коричневый плотный, вероятно, эолово-делювиального генезиса. Единично встречаются уплощенные карбонатные стяжения неправильной формы (до 0,8 до 0,2м). Мощность – 0,9 м.

Полученная коллекция представлена двумя обломками (слои 3 и 5) без следов вторичной обработки.

Шурф 6. Пройден до глубины 4,7 м (рис. 1, *Б*).

1. Суглинок темно-коричневый плотный, вероятно эолово-делювиального генезиса. Мощность – 0,4 м.

2. Супесь коричневато-серая (при высыхании – светлая, белесая) пористая, пылеватая, с массой древесного угля (фрагменты до 1 см). Генезис, вероятно, делювиально-эоловый. Мощность – 0,3 м.

3. Суглинок темно-коричневый плотный, вероятно, эолово-делювиального генезиса. Мощность – 0,7 м.

4. Супесь коричневато-серая (при высыхании – светлая, белесая) пористая, пылеватая. Генезис, вероятно, делювиально-эоловый. Мощность – 0,5 м.

5. Суглинок темно-коричневый плотный, вероятно, эолово-делювиального генезиса. Мощность – 0,7 м.

6. Суглинок темно-коричневый плотный, вероятно, эолово-делювиального генезиса. Мощность более 2,2 м.

Археологические материалы получены из слоев 4 и 6:

Слой 4 (2 экз): отщепы – 2

Слой 6 (11 экз.): нуклеус – 1 (леваллуазское овальное ядрище для снятия отщепов) (рис 2, *6*), леваллуазские сколы – 2, (рис 2, *3*), пластины – 2, (рис 2, *2*), отщепы – 3, обломки, осколки – 2, чешуйки – 2. Орудийный набор (2 экз.) представлен мустьерским остроконечником на конвергентном леваллуазском сколе пластинчатых пропорций (рис. 2, *4*) и обломком с ретушью.

Проведенные в 2009 году разведочные работы показали, что наибольшая концентрация находок фиксируется в районе раскопа. Это позволяет считать перспективным его дальнейшее расширение с целью получения новых данных о палеолитических комплексах основных археологических горизонтов стоянки Тинит-1.

Произведенные стратиграфические исследования позволили сравнить отложения шурфов между собой и с отложениями раскопа (рис. 1, *Б*) и провести следующую корреляцию полученных археологических материалов.

Шурф 3.

Находки слоя 4 могут быть соотнесены с материалами а-г. 4 раскопа.

Находки слоя 7 могут быть соотнесены с материалами а-г. 9 раскопа.

Находки слоя 8 не имеют аналога в раскопе.

Шурф 4.

Находки слоя 3 могут быть соотнесены с материалами а-г. 4 раскопа.

Находки слоя 6 могут быть соотнесены с материалами а-г. 9 раскопа.

Шурф 5.

Находки слоя 3 могут быть соотнесены с материалами а-г. 4 раскопа

Находки слоя 5 могут быть соотнесены с материалами а-г. 7 раскопа.

Шурф 6.

Находки слоя 4 могут быть соотнесены с материалами а-г. 6 раскопа.

Находки слоя 6 могут быть соотнесены с материалами а-г. 9 раскопа.

Стратиграфическое положение и облик находок позволяют предположительно датировать археологический материал верхних слоев шурфов 3, 4 и 5 эпохой позднего палеолита. Материалы шурфа 6 демонстрируют развитую среднепалеолитическую технику (нуклеус леваллуа, мустьерский остроконечник, левалуазские сколы) и могут быть отнесены к эпохе среднего палеолита. Артефакты из нижних слоев шурфа 3 не имеют аналогов в раскопе. По своему архаичному облику они наиболее близки к материалам нижнего комплекса поверхностных сборов 2007 г. [Деревянко и др., 2007], что позволяет предположить для них более ранний возраст и предварительно относить их к началу среднего палеолита или к финалу раннего палеолита. Уточнение возраста этих археологических материалов возможно при продолжении археологических работ.

Список литературы

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Славинский В.С., Борисов М.А., Кулик Н.А. Тинит-1 – новая многослойная палеолитическая стоянка в долине р. Рубас // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. – С. 72–77.

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Борисов М.А., Лещинский С.В., Зенин И.В. Исследования палеолитической стоянки Тинит-1 (Южный Дагестан) в 2008 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. – С. 36–41.

И.В. Асеев

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ НЕОЛИТА В ДОЛИНЕ РЕКИ МАНЗУРКА (ПРИТОК РЕКИ ЛЕНА)

В 1974 г. Северо-Азиатским отрядом археологической экспедиции ИИФиФ СО РАН под руководством А.П. Окладникова при обследовании долины р. Манзурка были исследованы погребения. Могильник находился в 5 км от поселка Манзурка вверх по течению реки на второй надпойменной террасе рядом с птицефермой, действующей на то время. Высота террасы от уреза воды составляет 1 – 10 м. Кладки погребений выявлены при визуальном осмотре берегового склона по выступающим на поверхность растительного покрова одиночным кускам скальной породы, не вписывающимся в ландшафт лесостепи террасы. Всего раскопано 5 погребений. Археологический материал зафиксирован в трех. Два не содержали никаких артефактов.

Могила 1. После снятия дерна в районе выступающего на дневную поверхность камня проявилась кладка, выполненная из кусков известняка. В плане кладка имеет овальную форму размерами с Ю на С 400 см, с З на В – 250 см. Камни (куски известняка размерами 20 – 25 см в плане) уложены очень плотно в один - два слоя. На глубине 10 см под основной кладкой зафиксировано могильное пятно размерами 175 см по длине и 50 см шириной, ориентированное строго по течению реки на Ю – С. Ниже на 10 см была обнаружена еще одна кладка меньших размеров, вытянутая с юга на север. Однако размеры этой кладки меньше могильного пятна и она практически включена в его заполнение. Это свидетельствует о том, что эта кладка непосредственно перекрывает могильную камеру. В археологической практике довольно часто встречаются случаи последовательного перекрытия могильной ямы упорядоченно уложенными плитами и это несет сакральный смысл, о чем будет сказано ниже. Необходимо отметить, что торцы кладки с севера и юга имеют относительно упорядоченный характер, т. е. где камни лежат более или менее плотно. А центральная часть, или S северной половины освобождена от камней перекрытия. Сам факт разрушения второй кладки свидетельствует о том, что погребение было ограблено. Кода это произошло – вопрос остается открытым. Состав заполнения могильного пятна в этом месте визуально однороден с общим его заполнением. К сожалению, археологу в таких ситуациях в полевых условиях, не имеющему никакого технического обеспечения кроме лопаты, раскопочного совка и щетки-сметки, да еще

подушечек пальцев своих рук, приходится ориентироваться на интуицию. Разборка заполнения на глубине 7–10 см под второй кладкой подтвердила факт ограбления. На этой глубине под второй кладкой обнаружены бедренные кости, кости голеней и стоп обеих ног, сохранившие анатомический порядок. Верхней половины костяка не было. Судя по анатомическому порядку сохранившихся костей, погребенный лежал на спине головой на север. Слева в области тазобедренных костей компактно уложенными находилась группа костяных предметов: костяное острие из грифельной кости длиной 17 см; 4 костяных иглы и одна заготовка иглы; 3 подвески из клыков марала с просверленными отверстиями. Все эти предметы были направлены остриями вниз, т. е. к стопам ног. У коленного сустава находилась наковальня из круглой в плане слегка уплощенной гальки диаметром 6,5 см. На одной из ее рабочих сторон имеется воронкообразное углубление диаметром 3,5 см. На противоположной этому углублению стороне имеются точечные выщерблены, но они зашлифованы (рис. 1 – 1). Рядом с наковальней лежал плоский лавролистный нож, выполненный из полупрозрачного кремня. Выполнен уплощающими сколами, а по периметру подправлен двусторонней мелкой ретушью (рис. 1 – 2). Рядом с этим ножом, но глубже, были найдены: нож на нуклевидном сколе, на одной плоскости которого остались негативы от снятых ножевидных пластин (рис. 1 – 3); костяная игла и полая трубчатая кость, один торец которой отпилен, а другой заглушен естественным окончанием сустава. Возможно, это заготовка заготовка миниатюрного игольника (рис. 1 – 4, 5). Справа костяка выше тазобедренного сустава найден наконечник стрелыс выемчатым насадом. Выполнен из светлосерого кремня двусторонними встречными сколами, по периметру подправленными выравнивающей ретушью (рис. 1 – 6). Здесь же находился вкладыш из светлосерой кремнистой породы, изготовлен в той же технике, что и наконечник стрелы. Форма вкладыша прямоугольная, один торец заострен мелкими сколами в долотовидное лезвие. Очевидно вкладыш концевой (рис. 1 – 7).

Могила 2 находилась на самом склоне террасы в 100 м на юг от кладки 1. На поверхности обозначена тремя небольшими выступающими из дерна камнями. После снятия дерна выявлены очертания всей кладки. Она полуовальной формы, очень компактно выложена из небольших слегка окатанных кусков известняка в один слой. Размеры кладки с севера на юг – 90 см, с запада на восток – 50 см. После снятия кладки на глубине 10 – 12 см от ее основания выявлены бедренные кости и кости ног голеней, судя по которым можно заключить, что погребенный лежал на спине, был ориентирован головой на север. Верхняя половина костяка отсутствует. Погребение явно грабленое. Но в области таза с правой стороны найден миниатюрный наконечник стрелы и оформленным глубокими выемками «зубом» чуть выше прямого насада на ребре наконечника. Надо полагать, что этот «зуб» служил для крепления наконечника в расщепленном сверху древке (рис. 2 – 1). В нашей практике такой способ крепления наконечника встре-

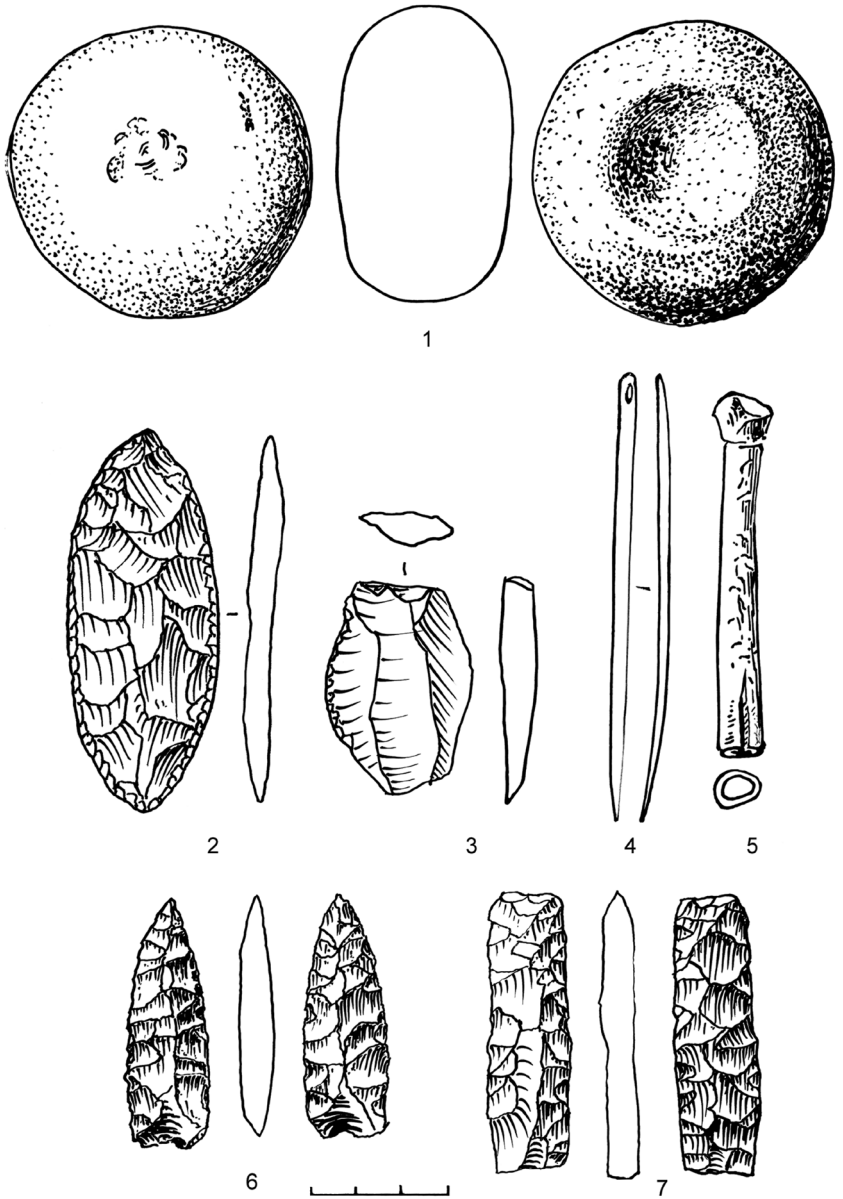

Рис. 1. Археологический материал из мог. 1 в долине р. Манзурка.

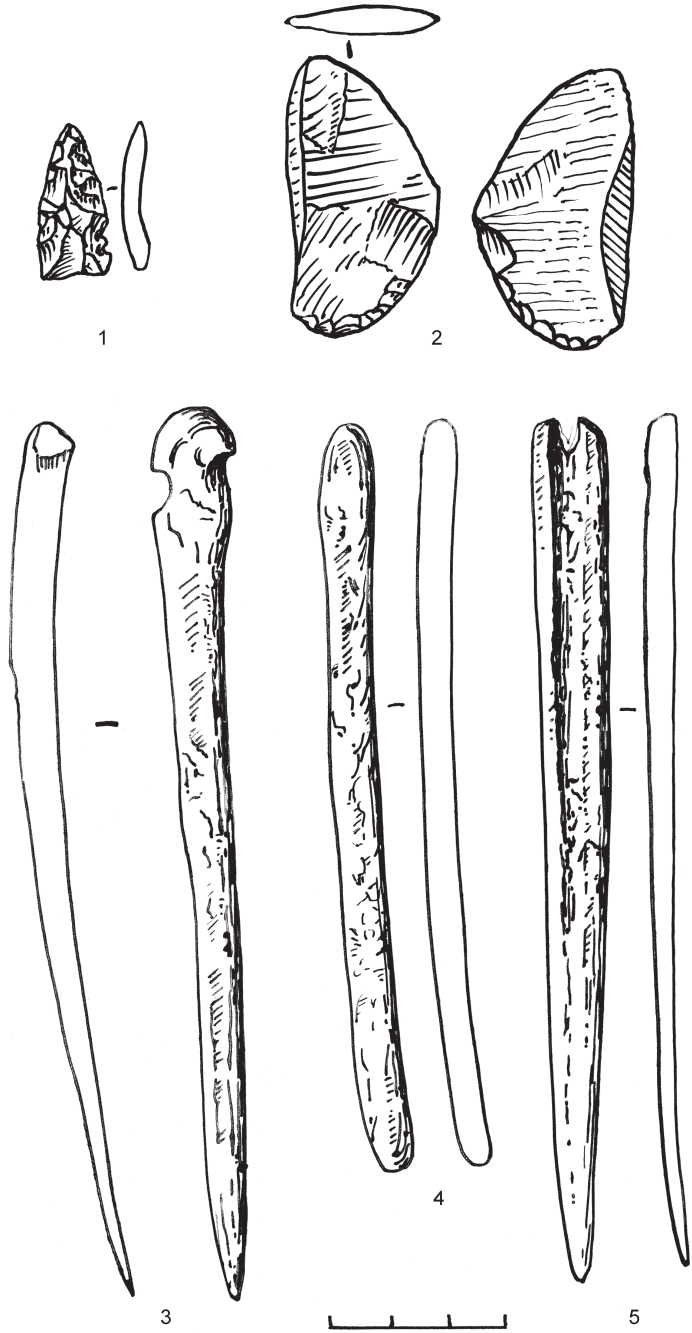

Рис. 2. Археологический материал из мог. 2 в долине р. Манзурка.

чается впервые. В заполнении под костяком найден небольших размеров пластинчатый нож из зеленого байкальского нефрита Одна половина овального лезвия подработана двусторонней мелкой ретушью (рис. 2 – 2).

Могила 5 находилась ниже птицефермы по течению р. Манзурки на правом ее берегу на первой надпойменной террасе, которая в этом месте поднимается вверх на высоту 3–5 м. Постепенно крутой склон переходит в более пологий и образует долину, запаханную под посевы зерновых. Кладка обнаружена у северного склона у проселочной дороги. На поверхности кладка обозначена тремя камнями. После снятия дерна выяснилось, что кладка разрушена грабителями и дугообразно вытянута с В на З. Диаметр дуги имеет размеры 430 × 300 см. Среди камней кладки найдено несколько фрагментов керамики с шнуровым орнаментом. На глубину 20 см от основания кладки прослеживается темный (до черного) гумусированный слой. В этом заполнении были найдены три костяные предмета, которые лежали разрозненно один от другого: это шило из грифельной кости животного размерами по длине 15 см и диаметром в среднем 9 мм (рис. 2 – 3); костяная палочка с закругленными торцами, которая могла служить стеком для нанесения точечного орнамента на керамике (рис. 2 – 4); острие из расщепленной вдоль трубчатой кости животного длиной 14, 5 см и шириной в среднем 13 мм (рис. 2 – 5).

Судя по наличию однотипного сопроводительного инвентаря – костяные и каменные артефакты –рассмотренные выше погребения относятся к одной эпохе. Более того, по этим артефактам можно рассматривать их эпохальную принадлежность. Костяные проколки и шилья из грифельных костей лесных животных и костяные иглы из кремня, также как и лавролистные клинки и прямоугольные кремневые вкладыши, а также костяные клинки из вдоль расщепленных трубчатых костей известны в неолитических погребениях Прибайкалья – могильниках Исаково и Серово [Окладников. Рис. 33; 68]. Пластинчатые нефритовые ножи с выпуклым лезвием, кремневые наконечники стрел с выемчатым насадом, подвески из клыков марала найдены при раскопках могильника на Шаманском мысу (на о-ве Ольхон) [Асеев. 2003, рис. 68 – 9, 18; рис. 69 – 2, 3, 5, 11].

Таким образом, могильник на р. Манзурка, исследованный в 1974 г. хронологически относится к исаково-серовскому этапу.

Список литературы

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л., 1950. – Ч. I/II. – 411 с. – (МИА; № 18).

Асеев И.В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – 206 с.

Н.Е. Бердникова, Е.О. Роговской

НОВОЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ В ДОЛИНЕ РЕКИ БЕЛОЙ (ПРИБАЙКАЛЬЕ)

Летом 2009 г. проведены археологические работы на территории, отводимой под строительство ВЛ-10 кВ у пос. Средний на левом борту долины Белой (левого притока Ангары). В результате проведенных исследований открыто новое палеолитическое местонахождение, получившее название «Северное».

В Прибайкалье долина Белой является наиболее археологически изученной территорией [Каменный…, 2001; Северная Евразия…, 2007]. Исследования двух последних десятилетий, проводившихся в нижнем течении долины Белой на Мальтинском геоархеологическом полигоне и на местонахождении Черемушник I, выявили проявления археологического материала в нижних отделах каргинской почвы и в казанцевском педокомплексе [Есида и др., 2006; Липнина, 2002; Роговской, 2008, 2008а]. Несмотря на многолетние работы, степень артефактуальной наполненности ранних и средних отделов неоплейстоцена в долине Белой небольшая. Они маркированы небольшим количеством материалов. Поэтому открытие новых местонахождений этого возраста является актуальным событием.

Местонахождение Северное находится на левом борту долины Белой на выположенном террасоувале с абсолютными отметками 456–457 м и относительными отметками 54–55 м от уреза Белой в 80 м юго-западнее автомобильной дороги М-53 «Байкал» напротив пос. Средний и в 700 м от бровки уступа вглубь террасоувала.

На исследуемой территории 50–60-метровый террасоувал обрамляет с севера и востока Тайтурское озеровидное расширение Белой, постепенно понижаясь в юго-восточном направлении до 36-метровых отметок в районе местонахождения Георгиевское I (верхняя окраина с.Мальта). От долины Белой он отчленяется резко выраженным уступом высотой 30–45 м в виде крутого и обрывистого склона (в зоне выхода на поверхность нижнекембрийских доломитов). Северо-западное направление и линейность его рисунка обусловлены формированием этого уступа по Ангарскому разлому. Поверхность террасоувала рассечена короткими логами северо-восточной ориентации. Линиями этих логов, видимо, маркируются зоны раздробления цоколя на отдельные блоки. Такое явление характерно для юга Прибайкалья и обусловлено активностью тектонических процессов, в том числе и в неоплейстоцене [Бердникова и др., 2005; Лобацкая и др., 2000].

На местонахождении Северное субаэральные отложения делювиального генезиса второй половины неоплейстоцена и голоцена вскрыты на глубину 2,30–2,40 м на площади 20 кв.м. В строении разреза выделяются следующие подразделения:

1) Голоценовые бескарбонатные отложения (Hl)мощностью до 0,5 м представлены профилем темно серой лесной почвы.

2) В неоплейстоценовых отложениях выделяется две толщи: высоко карбонатные отложения сартанского времени (мощность до 1,5 м) и слабокарбонатные отложения каргинского мегаинтерстадиала (вскрыты до 1,0 м).

Отложения сартанского горизонта в верхней части (sr^{4-3}) образованы тяжелыми желто-палевыми скрытослоистыми карбонатными суглинками. В нижней части этой толщи ярко выражены карбонатные новообразования в виде пятен и псевдомицелия. Нижняя (sr^{2-1}) часть горизонта сформирована тяжелыми тонкослистыми суглинками розовато-палевого цвета, с прослоями оглеения. В середине фиксируется уровень заложения криогенных трещин. В подошве отмечаются следы солифлюкционного течения, криогенные внедрения нижележащих отложений в виде инъекций и инволюций.

Отложения каргинского мегаинтерстадиала представлены крупноплитчатыми, зернистыми красноватыми тяжелыми суглинками-глиной – педиседименты осинских почв os^2 и os^1(?).

Особенностью вскрытых отложений является горизонтальное залегание литологических подразделений; преимущественной глинистый состав, вплоть до глин слоев; отсутствие естественных кластических включений.

Археологический материал залегал в двух стратиграфических позициях: в нижней части сартанской толщи и в отложениях каргинского возраста. В раннесартанских отложениях на глубине 1,30–1,60 м найдены обломки трубчатой кости и эпифиза млекопитающего, кварцитовый осколок и кварцитовый долечный скол.

В каргинских отложениях археологический материал фиксировались на глубине 1,70 до 2,20 м. Общее количество находок составило 31 экз. Остатки фауны представлены проксимальным эпифизом правой пястной кости крупного быка (*Bos **aut Bison sp***.) и правой центральной кости заплюсны лошади (*Equus **sp***.) (определение А.М.Клементьева). Визуальный осмотр кости заплюсны лошади и сравнение ее с хронологически близкими аналогами позволили высказать предположение, что латеральный выступ кости подработан с трех сторон – сняты выступы нижней суставной поверхности. Возможно, такая подработка была направлена на усиление естественного зооморфного облика этой кости и придания ей скульптурного образа. Но эти предположения требуют корректировки в сторону утверждения или отрицания, и поэтому необходимо проведение дополнительных аналитических операций.

Коллекции каменных артефактов насчитывает 29 ед. Наибольшую группу составляют продукты искусственного кливажа: мелкие кварцито-

вые осколки – 15 ед.; крупные кварцитовые осколки – 2 ед. В коллекции имеются два кварцитовых долечных скола, один из них коррадирован.

К преформам можно отнести рассеченную диагонально кварцитовую гальку (7,5 × 4 × 3,5 см) с нуклевидной обработкой поперечных концов. Площадкой в одном случай служила плоскость рассечения, во втором случае поперечный конец имеет биполярную обработку – снятия проводились как с плоскости рассечения, так и с естественных плоскостей гальки. К этой же группе можно отнести уплощенную гальку подтреугольной формы (7 × 5 (3) × 2 см), у которой широкий поперечный конец имеет чопперовидную оббивку короткими сколами. Выделяется подтреугольный кусок аргиллита (7 × 4,5 × 2,5 см), на широком конце которого имеется несколько слабо коррадированных сколов.

К орудийной группе можно отнести кварцитовый скол с крупной дорсальной ретушью на одном из краев; проксимальный фрагмент кварцитовой пластины с дорсальной ретушью по левому маргиналу; четыре чопперовидно обработанных кварцитовых гальки и гальку-отбойник.

Из группы чопперовидных изделий два предмета имеют обработку по одному фасу, а у двух обработаны оба фаса. Первую группу можно обозначить как чопперы, а вторую – как чоппинги. Все они поперечные однолезвийные. Особенностью этой группы является использование для оформления орудий небольших уплощенных галек длиной 7–8 см.

В качестве гальки-отбойника была использована кварцитовая галька размерами 10×6×3 см. На коротких концах этой гальки имеются зоны забитости в виде выщерблин и локальной выкрошенности. По одной из длинных сторон этой гальки зона сильной выкрошенности сформирована вдоль всей длины, по второй – она занимает 2/3 длины.

Обсуждение результатов. Возраст археологического материала, найденного на местонахождении «Северное», предварительно определяется по оценке возраста вмещающих отложений. Нижний уровень залегания материала, связанный с отложениями позднеосинской почвы каргинского возраста (os^2), относится к ранним отделам позднего палеолита (около 30 тысяч л.н.). Не исключено, что это и более древняя осинская почва (os^1), тогда датировка этих находок может быть обозначена в интервале 35–45 тыс.л.н.

Единичные находки в раннесартанских отложениях могут быть выделены как самостоятельная стратиграфическая позиция и маркировать факт обитания древнего человека на данном участке в это время, но могут относиться и к более древнему уровню находок. Их присутствие в раннесартанских отложениях, возможно, обусловлено криогенными внедрениями нижележащих каргинских отложений в виде инъекций и инволюций.

Выявленному комплексу местонахождения Северное стратиграфически и морфологически близки комплексы местонахождения Георгиевское I, расположенного в 3 км юго-восточнее на том же террасоувале [Роговской, 2008, 2008а]. Аналоги имеются как в синхронных материалах, так и в коллекции казанцевского возраста. Их объединяют маркеры раннепалеолитической

техники расщепления – наличие долечных сколов и превалирование кластических фракций; а также присутствие чопперовидных изделий.

Открытое в результате проведенных исследований местонахождение Северное предоставляет новые возможности в исследованиях ранних отделов позднего палеолита в Прибайкалье. Разброс залегания находок в каргинских отложениях в интервале около 50 см является нормальным постдепозиционным процессом [Медведев и др., 1998], поэтому выявленный комплекс может быть обозначен как инситный. В пользу инситности залегания археологического материала свидетельствуют также горизонтальное положение на данном участке поверхности террасоувала и соответственно отложений; отсутствие естественных включений отдельностей пород в отложениях и следов склоновых перемещений. Планиграфический рисунок расположения материала позволяет предположить наличие перспективного для дальнейших исследований комплекса.

Список литературы

Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., Леви К.Г., Аржанникова А.В., Савельев Н.А. Позднеледниковье и раннее послеледниковье Прибайкалья как природно-культурный феномен (особенности природных и культурных процессов) // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности: Мат-лы I (XLV) Рос. с междунар. участием археол. и этнограф. конф. студентов и молодых ученых. – Иркутск: Изд-во РПЦ «Радиан», 2005. – С. 15–25.

Есида К., Орлова Л.А., Медведев Г.И., Роговской Е.О., Таракановский С.П., Новосельцева В.М., Когай С.А. Черемушник I, II – топографический ансамбль геоархеологических отложений в долине реки Белой (промежуточный итог изучений) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. 1. – С. 132–136.

Каменный век Южного Приангарья: Международ. симпозиум «Современные проблемы палеолитоведения Евразии» / Путеводитель / Отв. ред. Г.И. Медведев. – Иркутск: Иркут- ун-т, 2001. – Т. II. – Бельский геоархеологический район. – 242 с.

Липнина Е.А. Мальтинское местонахождение палеолитических культур: современное состояние изученности и перспективы исследования: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2002. – 24 с.

Лобацкая Р.М., Котлобаева Т.А., Биктимирова Н.В. Характер раздробленности территории города как один из факторов оценки устойчивости геологической среды // Город: прошлое, настоящее и будущее. Проблемы развития и управления на пороге III тысячелетия. – Иркутск: ИрГТУ, 2000. – С.128–133.

Медведев Г.И., Воробьева Г.А., Ситливый В., Ков Н., Купэ Д., Липнина Е.А. Новый взгляд на динамику формирования культурных отложений палеолитического местонахождения Мальта // Главнейшие итоги в изучении четвертичного периода и основные направления исследований в XXI веке: Тез. докл. Всесоюз. совещ. – СПб.: ВСЕГЕИ, 1998. – С. 267–268.

Роговской Е.О. Палеолитические местонахождения начала верхнего плейстоцена на Мальтинском геоархеологическом полигоне: Автореф. дис. …канд. ист. наук. – Иркутск, 2008. – 18 с.

Роговской Е.О. Результаты исследований местонахождения Георгиевское I **в** Южном Приангарье // Вестник НГУ. Сер. История, филология. – 2008а. – Т. 7, вып. 3: Археология и этнография. – С. 63–71.

Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Сибирская археологическая полевая школа: Путеводитель экскурсий / Н.Е. Бердникова, Г.А. Воробьева, О.И. Горюнова, Е.А. Липнина, Г.И. Медведев, А.В. Мироманов, Е.О. Роговской, С.П. Таракановский, Е.А. Слагода, Е.Б. Ощепкова. – Иркутск: Оттиск, 2007. – 124 с.

В.В. Бобров, А.Г. Марочкин

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА ЛЕСОСТЕПНОЙ БАРАБЫ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ АВТОДРОМ-2 В 2009 ГОДУ)

Планомерные археологические исследования поселения Автодром-2, расположенного в Венгеровском районе Новосибирской области, продолжаются около десяти лет. Столь пристальное внимание обусловлено тем, что до настоящего времени это крупнейший в лесостепи Западной Сибири памятник, содержащий значительный комплекс материальной культуры населения эпохи неолита [Молодин, Бобров и др., 2003]. На поселении выделены две планиграфические группы западин (юго-западная и северо-восточная), сконцентрированных вокруг остатков древнего водоема. Главным результатом работ на северо-восточной части памятника (1998, 2007–2008 гг.) явилось то, что был получен комплекс однотипной керамики, характерный каменный инвентарь, данные о жилищах [Бобров, Марочкин, 2008]. Основываясь на типологической однородности многочисленной керамики, находящей близкие аналогии в материалах Артынской стоянки, один из авторов настоящей статьи поставил вопрос о выделении самостоятельной поздненеолитической культуры с названием «артынская» [Бобров, 2008].

В 2009 г. Кузбасской археологической экспедицией были продолжены работы на северо-восточном участке поселения. Раскоп общей площадью 144 м^2 включал в себя жилищную западину № 5 и значительную часть межжилищного пространства. Кроме того, в процессе работ был обнаружен небольшой котлован, не зафиксированный ранее при инструментальной съемке (№ 53). Выборка культуросодержащих горизонтов велась до уровня плотной суглинистой почвы темно-красного цвета, на этом же уровне осуществлялась фиксация жилищных котлованов и ям.

Стратиграфия. Визуально выделены следующие слои: 1) дерн – до 0,04 м; 2) гумусированная супесь темно-серого цвета – до 0,24 м; 3) песчаная почва белого цвета, мощностью до 0,2 м; 4) прослойка плотного песка темно-коричневого цвета, мощностью от 0,01 м до 0,18 м; 5) песчаная почва белого цвета с красным оттенком, отличающаяся от вышеописанного белого песка не только цветом, но и большей плотностью – до 0,2 м. В целом выявленная стратиграфия полностью соответствует наблюдениям, сделанным на этом участке памятника в прошлые годы [Бобров, Марочкин, 2008]. Как и прежде, основная масса находок залегает в слое белого песка. В гумусе находки почти отсутствуют, а в слое белого песка с крас-

ным оттенком они локализуются вокруг котлованов. Заполнение котлованов практически однородно, и состоит из песка белого цвета с различными оттенками серого и красного.

Жилище №5. Остатки сооружения представлены котлованом, углубленным в слой темно-красного суглинка на глубину до 0,16 м. Длина его по линии СЗ-ЮВ – 5,6 м, ширина по линии ЮЗ-СВ – 4,4 м. Дно относительно ровное, стенки почти по всему периметру крутые, за исключением юго-западной стороны, где они более пологие. Какие-либо признаки входа, столбовых ям, внутреннего очага не обнаружены. Уровень дна фиксировался по сохранившемуся на некоторых участках красному суглинку.

Котлован №53. Небольшой по размерам, округлой формы котлован ничем не выделялся на поверхности и был обнаружен в восточной части раскопа, на расстоянии в 4,5 м к ЮВ от жилища №5. Диаметр котлована достигает 3,2 м, при глубине относительно уровня темно-красного суглинка 0,4 м. Уровень дна зафиксирован с определенной долей условности, т.к. при сооружении котлована небольшой по мощности слой «материкового» суглинка был перерезан полностью. Небольшие размеры сооружения заставляют усомниться в его жилом назначении.

Каменный инвентарь. Отходы производства каменных орудий представлены 103 отщепами преимущественно аморфной формы и небольших размеров, и 1 поперечным сколом подживления нуклеуса. Три целых нуклеуса были найдены в слое белого песка в межжилищном пространстве. Один из них аморфный, больше напоминающий пренуклеус. Другие два, одноплощадочные, монофронтальные, несут негативы снятия пластин шириной 7–9 мм (Рис. 2, *4*). Найдено 40 пластин без вторичной подработки: 5 целые экземпляры, 17 проксимальные фрагменты, 11 сечения и 7 дистальные фрагменты (длиной 15–22 мм и шириной 7–18 мм). Почти на всех фиксируется утилитарная ретушь. Пластины с вторичной обработкой обнаружены в количестве 21 экземпляра. В основном это сечения (10 экз.) и проксимальные фрагменты небольшой длины (7 экз.) шириной 8–17 мм, гораздо реже дистальные концы и целые пластины. На пластинах в равной мере представлена мелкая ретушь по одному краю на вентральной или дорсальной стороне (Рис. *10*, *11*). Одна ножевидная пластина с усеченным дистальным концом крупных размеров: длина 111 мм при ширине в 17 мм (Рис. 2, *1*). Из 24 найденных скребков 17 изготовлены на отщепах, а 7 на пластинах. Почти во всех случаях рабочий край оформлен ретушью с дорсальной стороны. Встречаются боковые, концевые, круглые, полукруглые формы изделий (Рис. 2, *6, 7, 12–15*). Два скребка на отщепах имеют по две рабочих кромки, оформленных с дорсальной и вентральной стороны соответственно (Рис. 2, *7*). В единственном экземпляре представлено комбинированное орудие на крупном пластинчатом отщепе, на противоположенных торцах которого сделаны перфоратор и скребок (Рис. 2, *5*). Также в единственном числе найден каменный пест конической формы, прямоугольный в сечении, на торце утолщенной части которого видны много-

численные сколы и потертости (Рис. 2, *16*). В слое и заполнении котлована № 5 обнаружены 1 целый экземпляр и 3 фрагмента проколок на пластинах, оформленных крупной дорсальной ретушью со шлифовкой острия (Рис. 2, *8, 9*). Наконечники стрел представлены в количестве 6 экземпляров, найденных в слое и заполнении жилища № 5. Все изделия, изготовленные на пластинах струйчатой ретушью, имеют листовидную форму, вогнутую или прямую базу. Они небольших размеров: длина 23–30 мм, ширина 11–14 мм (Рис. 2, *2, 3*). Следует отметить также наличие в слое и заполнении обоих котлованов порядка десяти сколов с поверхности шлифованных орудий.

Керамический комплекс. Керамика является самой многочисленной категорией находок. Количество фрагментов без орнамента превышает 2500. Фрагментов с сохранившимся орнаментом немногим менее 700. Помимо этого, в состоянии *in **situ*** были зафиксированы 7 компактных скоплений фрагментов разных сосудов. Типологически весь массив керамики четко делится на две группы.

Первая группа может быть обозначена как керамика *артынского типа* (Рис. 1, *1–3*). В слое белого песка и заполнении обоих котлованов были найдены 95 фрагментов венчика, 391 фрагмент тулова и 2 фрагмента дна. К этой группе следует также отнести развалы трех разных сосудов (в общей сложности 10 фрагментов венчика, 130 фрагментов тулова и 3 фрагмента дна). Все развалы располагались явно *in **situ*** на плотной песчано-глинистой прослойке, на расстоянии 0,5–1 м к юго-западу и югу от жилища № 5. Глубина их залегания совпадает с нижней границей слоя белого песка. Посуда этой группы представлена тонкостенными (7–8 мм) остродонными сосудами. Встречается два вида венчиков – с прямым или волнистым краем. На всех фрагментах орнамент идентичен. Он выполнен в отступающе-протащенной, прочерченной или в отступающе-накольчатой технике, образуют прямые или волнистые горизонтальные линии. По свободному полю, иногда с напуском на орнаментальный пояс расположены круглые или полулунные ямки различной глубины. Встречаются как одиночные ямки, так и компактные группы из 2–4 штук. В случае, если венчик имеет прямой верхний срез, по нему нанесены косые насечки.

Вторая группа представлена остатками нескольких толстостенных (10–13 мм), вероятно, остродонных сосудов крупных размеров (Рис. 1, *4–6*). Одиночные фрагменты были обнаружены в количестве 193 штук: венчик – 26, 167 – тулово. Помимо этого, в не потревоженном состоянии удалось зафиксировать четыре развала разных сосудов (в общей сложности 45 фрагментов венчика, 207 фрагментов тулова и 6 фрагментов дна и придонной части). Большая часть фрагментов и все развалы располагались в восточной части раскопа, на разном удалении от жилища № 5. Как и в случае с керамикой первой группы, развалы зафиксированы *in **situ*** на уровне границы белого песка и песка с красным оттенком. Срез венчика во всех случаях прямой, слегка утонченный, иногда чуть отогнутый наружу.

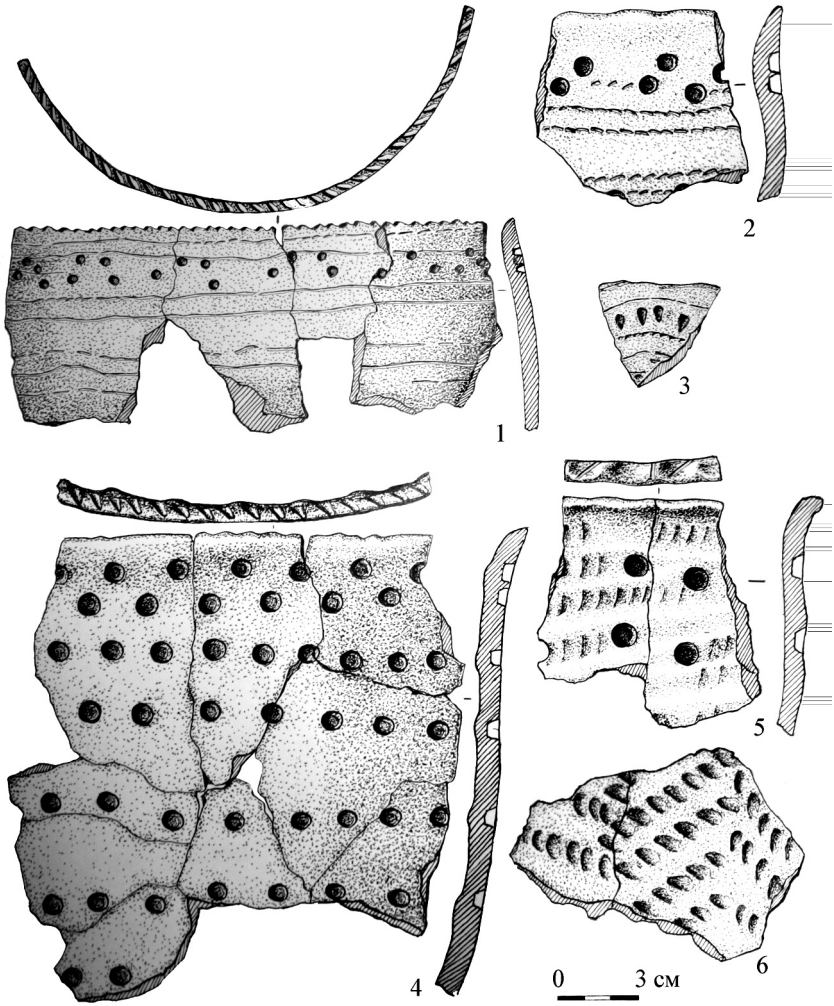

Рис. 1. Керамика поселения Автодром-2. Объяснения в тексте.

В плане декора преобладает орнамент по всей внешней поверхности сосуда в виде горизонтальных рядов глубоких круглых ямок, ближе к венчику расположенных в «шахматном» порядке (Рис. 1, *4*). На некоторых фрагментах помимо ямок фиксируются косые ряды небольших оттисков полулунной формы (Рис. 1, *5*). Сосуд, представленный в развале № 6, орнаментирован частыми овальными вдавлениями гладкого орнаментира, образующими зигзагообразный узор (Рис. 1, *6*). Срез венчика во всех случаях орнаментирован косыми насечками, в редких случаях образующих зигзаг. На сосудах этой группы иногда встречается слабо выраженный орнамент в

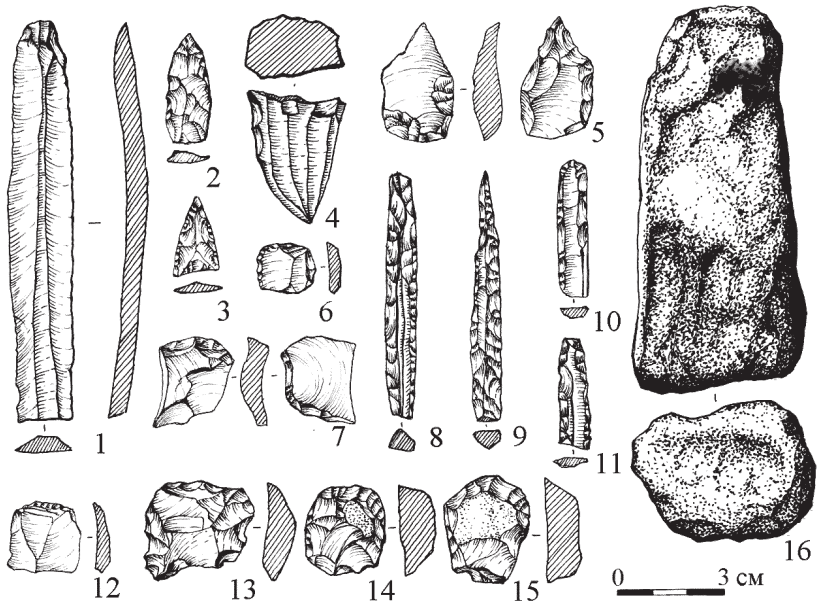

Рис. 2. Каменный инвентарь поселения Автодром-2. Объяснения в тексте.

виде вертикально расположенных оттисков крупной гребенчатой или гладкой качалки. Выявить его можно только при определенном освещении.

Полученные материалы вносят существенные коррективы в представление о специфике северо-восточной части памятника. Каменный инвентарь своей немногочисленностью и наличием характерных предметов (крупные ножевидные пластины, проколки с пришлифованным острием, миниатюрные наконечники стрел), а также неглубокий неправильной формы жилищный котлован идентичны комплексу, ранее соотнесенному с артынской культурой [Бобров, Марочкин, 2008]. В то же время, нарушена типологическая монолитность керамики, неизменно фиксируемая в прошлые годы. Стратиграфическая принадлежность обеих керамических групп одинакова, но внешнее различие между ними значительное. Объясняется ли оно функциональной дифференциацией разных типов посуды, или их разной культурно-хронологической принадлежностью, еще только предстоит выяснить, в том числе и в ходе дальнейших полевых наблюдений. Пока следует отметить, что керамика второй группы планиграфически тяготеет к восточным секторам.

Список литературы

Бобров В.В. К проблеме культурной принадлежности поздненеолитического комплекса поселения Автодром-2 // Окно в неведомый мир. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008 . – С. 110–113.

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Комплекс позднего неолита на поселении Автодром 2 в Центральной Барабе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XIV. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – С.15–20.

Молодин В.И., Бобров В.В., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Гаркуша Ю.Н. Исследование неолитического памятника Автодром 2 в Центральной Барабе – первые результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. IV. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С.140–143.

С.К. Васильев

ОСТАТКИ ТЕРИОФАУНЫ ИЗ ПЕЩЕРЫ ЧАГЫРСКАЯ (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ АЛТАЙ) ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В 2007 И 2008 ГОДАХ

Как археологический объект п. Чагырская была открыта С.В. Маркиным в 2007 г. В этом же году в толще пещерных отложений был заложен шурф, а в следующий полевой сезон начались планомерные раскопки памятника (Деревянко и др., 2008). Наряду с богатыми каменными индустриями, поступившими из слоёв 6а, 6б, 6в/1, 6в/2, собран достаточно представительный палеозоологический материал, насчитывающий более 18 тыс. костных остатков. Из этого числа лишь 3% удалось определить до вида, рода, или же класса. Часть остатков мелких млекопитающих, задержавшихся при промывке на 10 мм сетке, также оказалась в изученной коллекции. Зафиксированы остатки 30 видов мелких и крупных млекопитающих, а также рыб и птиц. Кроме того, в голоценовом слое 4 найдены остатки домашних *Capra-Ovis* и собаки, единичные фрагменты костей которых проникают по понорам до уровня слоёв 5-6б, гор. 2. В то же время в голоценовом слое обнаружено несколько обломков костей плейстоценового типа сохранности (табл.1).

Кости из плейстоценовых горизонтов окрашены в желтовато-коричневые цвета. Сохранность костного вещества относительно неплохая, однако при извлечении и последующем высыхании обломки диафизов трубчатых костей расслаивались и распадались на отдельные фрагменты. В результате этого при статистической обработке коллекции костных остатков насчитывается как минимум в 3–4 раза больше, чем это было изначально.

В отложениях 6 слоя обломки костей размером 1–2 см составляют 55,4%, 2–5 см – 36,2%, 5–10 см – 8%, более 10 см – 0,4%. Кости со следами обжига отмечены только в голоценовом слое 4. На некоторых фрагментах костей из слоя 6б прослеживаются слабо выраженные следы, оставленные корневой системой растений. Следы порезов каменными орудиями, в виде ряда едва заметных параллельных насечек, зафиксированы в одном случае на фрагменте ребра бизона (сл. 6в/1, гор. 4), и в двух случаях – на обломке ребра и трубчатой кости из гор.5 этого же слоя. Следы погрызов на обломках костей длиннее 5 см отмечены в 1,6% случаев. Характер погрызов показывает, что в основном они были оставлены зубами таких хищников, как волки и лисицы. Отмечено 25 фигурно растворённых и гладко отполированных фрагментов костей из отрыжек крупных хищников; при этом один обломок диафиза с

Таблица 1. Видовой состав и количество костных остатков в отложениях п. Чагырская (2007–2008 гг.).

Таксоны	Слои						
	4	5	6а	6б	6в	7а-б	Все-го
Canis familiaris				1*			1
Capra / Ovis	4*		2	5*			11
Asioscalops altaica			1	1			2
Chiropthera gen. indet.			1				1
Lepus tanaiticus	1		1				2
Lepus tolai			2				2
Citellus sp.	1		5		6		12
Marmota baibacina		1					1
Castor fiber				1			1
Cricetus sp.	2		7				9
M. myospalax	1		3	3	4		11
Arvicola terrestris	1		1				2
Rodentia gen. indet.		2	5		1		8
Canis lupus		1	2	14	16		33
Vulpes vulpes	2	3	4	10	14		33
Vulpes corsak	2		4	4	5		11
Cuon alpinus			2		1		3
Ursus arctos					2		2
Martes zibellina	1			1			2
Mustela eversmanni			2				2
Crocuta spelaea			6	2	3		11
Mammuthus primigenius		1			1		2
Equus (E.) ferus			2	1			3
E. ex.gr. sussemiones			6	2	8		16
E. sussemiones / ferus	1		13	1	3		18
Coelodonta antiquitatis			4				4
Cervus elaphus	7	1	8(1*)	2	7		25
Alces alces			2(1*)				2
Caprolus pygargus			2*				3
Rangifer tarandus			1		1		2
Bison priscus	1		81	32	142		256
Saiga borealis					2		2
Capra sibirica			9	6	29		44
Ovis ammon			4	4	1		9
Capra / Ovis		1	7				8
Pisces			2		3		5
Aves	6	2	5	3	4		20
Неопределимые обломки	117	271	3744	3395	9977	56	17560
Всего костных остатков	148	283	3938	3489	10233	56	18146

* Кости голоценовой сохранности.

множеством мелких сквозных отверстий достигает длины 123 мм при ширине 21–28 мм.

Подавляющее большинство из неопределимых обломков трубчатых и плоских костей, судя по их размеру и толщине стенок диафизов, относится к бизону. Осколки неправильно-продолговатой формы с острыми гранями излома указывают на то, что большая часть из них разбита рукой человека. Как уже было отмечено, имеются и кости со следами явного воздействия крупных хищников, присутствие остатков которых также достаточно велико. Несомненно, что какая-то часть костных остатков поступала в пещерные отложения в результате пищевой активности хищников. Вполне вероятно, что волки и пещерные гиены в периоды отсутствия человека проводили ревизию и утилизацию наиболее привлекательных из оставленных им отбросов охотничьей деятельности.

В плейстоценовых слоях кости рукокрылых, насекомоядных, зайцеобразных, грызунов, рыб и птиц составляют 11,9%. На долю 20 видов крупных млекопитающих приходится 474 костных остатка. Из этого количества к *Carnivora* относится 19,4%, к копытным и хоботным – 80,4%. Ниже приводится краткий обзор наиболее интересных из палеофаунистических находок.

В слое 6б, гор.1 обнаружен единственный коренной зуб бобра.

Остатки серого волка наиболее многочисленны среди хищников (7% от числа костей крупных млекопитающих). На 72% они состоят из зубов и их обломков, среди которых 8 молочных, что свидетельствует об активном использовании пещеры для выведения потомства. Обнаружено также 2 небольших фрагмента верхней челюсти и 7 обломков метаподий и фаланг.

От красного волка найдены проксимальная половина MC II и коленная чашка (сл. 6а, гор.1) и M_2 (сл. 6в/1, гор.1).

Бурый медведь представлен центральной костью заплюсны и целой когтевой фалангой (сл. 6 в/1, гор.1).

От соболя в слое 6б, гор.1 обнаружен целый левый верхний клык.

По числу остатков пещерная гиена в 3 раза уступает волку. Всего найдено 10 зубов или их обломков (в том числе 2 молочных, один из которых разъеден кислотной коррозией), и неполная 1-я фаланга. Очевидно *Crocuta spelaea*, как и волк, периодически использовала пещеру в качестве логова для выведения потомства.

Два небольших (менее 2 см) обломка пластинок pd 3 мамонтят обнаружены в слоях 5 и 6в/1, гор. 2. Пещерные гиены обычно затаскивали в свои логова головы мамонтят первых лет жизни для окончательной утилизации. Обломки пластин, гораздо реже целые зубы первых смен (pd 2–4) – это все, что от них, как правило, оставалось (Васильев и др., 2006).

В отложениях п. Чагырской, как и в других пещерных местонахождениях Алтая, присутствуют остатки крупной и массивной кабаллоидной *Equus ferus* и мелкой «куланоподобной» *E.* ex.gr. *sussemiones*. В разных

горизонтах 6 слоя от крупной формы собраны изолированные резцы, от мелкой – резцы и щёчные зубы, а также целая 1-я фаланга (сл. 6а, гор.1). Примечательно, что по количеству остатков *E.* ex.gr. *sussemiones* в несколько раз превосходит *E. ferus*. В других пещерах Алтая (Денисова, Страшная) остатки крупной кабаллоидной формы составляют более половины определимых костей Equidae, мелкая же форма лошади отходит на второй план, либо встречается единично (п. Окладникова, Каминная). Единственное исключение представляет датируемая заключительной третью каргинского времени п. Логово Гиены, где среди костей лошадей 2/3 относится к *E.* ex.gr. *sussemiones* (Васильев и др., 2006). В сумме остатки лошадей в п. Чагырской сравнительно немногочисленны – 7,6%.

Шерстистый носорог представлен целым зубом нижней челюсти полувзрослой особи и 3 мелкими обломками зубов, один из которых принадлежит взрослому, а два – юным (juv.) особям.

Третье место среди остатков копытных (3,6%) занимает марал. От него найдены обломки фаланг, кость запястья и несколько фрагментов зубов.

В слое 6а, гор.1 обнаружен единственный обломок предкоренного зуба лося плейстоценового типа сохранности. Плейстоценовый благородный олень и лось, входившие в состав мамонтовой фауны, в отличие от современных, не имели облигатной связи с лесными местообитаниями, и предпочитали скорее лесостепные биотопы (Васильев, 2005).

В этом же слое найдена целая передняя 1-я фаланга, а в слое 6в/1. гор.1 – целая 3-я фаланга северного оленя. Остатки *Rangifer tarandus* в пещерных местонахождениях Алтая и аллювиальных отложениях Предалтайской равнины повсеместно единичны, и связаны в основном с похолоданиями сартанского и ермаковского времени.

Сайгаку принадлежит две кости: это дистальный блок метаподии, разъеденный кислотной коррозией (6в/1, гор.1) и неполная 3-я фаланга из 5 горизонта этого же слоя.

Остатки сибирского горного козла встречаются гораздо чаще (в 4,4 раза), чем архара, что характерно и для других пещерных местонахождений Алтая. От указанных видов преобладают изолированные зубы и их обломки, фрагменты дистальных отделов конечностей.

Остатки бизона доминирует (54%) в тафоценозе Чагырской пещеры. Преобладают изолированные зубы и их обломки (87,3%). Посткраниальный скелет представлен целыми костями дистальных отделов конечностей и их обломками – фалангами, запястными и заплюсневыми, но имеются также единичные фрагменты подъязычных костей, головок рёбер, второго шейного позвонка. Среди изолированных щёчных зубов и резцов бизона к молодым (juv.) особям принадлежит около 9%, к полувзрослым (subad.) – 23%, к взрослым (ad) – 50%, к старым (sen.) – 18%. Промеры немногих из сохранившихся костей запястья, заплюсны и фаланг находятся на уровне минимальных значений промеров соответствующих костей *Bison priscus* казанцевского времени Верхнего Приобья (Васильев, 2008). Все они при-

надлежали некрупным животным, скорее всего – самкам. Серия зубов нижней челюсти (P_3, P_4, M_3) напротив, отличается от последних в среднем несколько более крупными размерами. По размерам M_3 бизон из Чагырской сопоставим с бизоном каргинского времени из расположенной в 30 км пещеры Логово Гиены (Васильев и др., 2006). Соотношение остатков бизона и лошади на юге Западной Сибири может быть использовано в качестве своеобразного индикатора палеосреды. К примеру, в отложениях казанцевского времени Красного Яра (под Новосибирском), в период господства лесостепных ландшафтов, остатки бизона встречаются более чем в 2 раза чаще (48,3 и 19,9%), чем лошади. В каргинском слое этого же местонахождения с широким развитием на водоразделах степных пространств, количество костей бизона по сравнению с лошадью сокращается почти в 4 раза (16,6 и 61,4%) (Васильев, 2008).

В сартанском слое 5 остатки мегафауны единичны (табл. 1). В отложениях 6 слоя видам степных биотопов принадлежит 81,2%, лесостепных – 6,4%, лесных – 1%, видам скальных биопотов – 11,3%. Таким образом, в момент накопления слоя 6 господствовали, вероятно, открытые – степные ландшафты, на что дополнительно указывает присутствие остатков зайца-толая, корсака, степного хоря, сайгака, а также заметное (более чем в 5 раз) преобладание остатков связанной с аридными ландшафтами стройной и тонконогой *Equus* ex.gr. *sussemiones*, над крупной широкопалой *E. ferus*, тяготеющей к увлажнённым грунтам лесостепей. Как было отмечено выше, доминирование остатков бизона в равной мере может свидетельствовать и о существовании полуоткрытых – лесостепных ландшафтов.

Анализ остеологического материала показывает, что Чагырская пещера – один из немногих палеолитических памятников на Алтае, где накопление фаунистических остатков в значительной степени происходило за счёт охотничьей деятельности человека. Преобладание остатков бизона в этом случае может служить отражением его охотничьей специализации. Очевидно также, что подобная специализация была направлена, прежде всего, на наиболее массовые, стадные виды копытных, обитавших в окрестностях пещеры.

Благодарность

Автор выражает признательность С.В. Маркину за предоставленный материал.

Список литературы

Васильев С.К. Олени (рода *Megaloceros, Cervus, Alces*) позднего плейстоцена Новосибирского Приобья // Фауны Урала и Западной Сибири в плейстоцене и голоцене. – Челябинск: Рифей, 2005. – С. 89–112.

Васильев С.К. Бизоны (*Bison p. priscus* Bojanus, 1827) позднего плейстоцена юго-востока Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии.– 2008. – № 2 (34). – С. 34–56.

Васильев С.К., Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. Новые палеотериологические исследования пещеры Логово Гиены (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. I. – С. 43–49.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкин В.С. Пещера Чагырская – новая стоянка среднего палеолита на Алтае. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV, ч. I. – С. 52–55.

С.К. Васильев, А.Н. Зенин

ФАУНИСТИЧЕСКИЕ ОСТАТКИ ИЗ ПЕЩЕРЫ СТРАШНАЯ (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ АЛТАЙ) ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В 1988–2008 ГОДАХ*

Пещера Страшная известна как один из древнейших археологических памятников на территории Алтая, в отложениях которого обнаружены изделия леваллуа-мустьерского облика и остатки фауны четвертичных млекопитающих. В процессе археологических исследований в1988–1994 и 2006–2008 гг. было выделено 13 литологических подразделений, 10 из которых (слои 1–10) содержат археологический материал в не потревоженном состоянии. Детальный анализ слоев 11 и 12 позволил установить, что археологические и фаунистические материалы обнаружены только в понорах и находятся в переотложенном состоянии. Отложения слоя 13 археологических и фаунистических материалов не содержали. Как палеонтологический объект пещера Страшная отличается значительной полнотой сохранности фаунистических материалов. Представленная в данной публикации коллекция состоит из костей размеров более 10 мм, насчитывающая более 102 тыс. костных остатков, из числа которых 26,8 тыс. (26,2%) удалось определить до вида, рода, или же класса. В голоценовых и плейстоценовых слоях пещеры отмечены остатки как минимум 54 видов диких и домашних млекопитающих, а также рыб, амфибий и птиц (табл. 1).

Менее 1,2% материала происходит из голоценовых слоёв 1 и 2. Относительное обилие остеологических остатков по плейстоценовым слоям разреза различается сравнительно мало. Исключение составляют 11 и 12 слои, все фрагменты костей в которых были обнаружены в заполнении поноров. Подавляющая часть костных остатков сильно фрагментирована: обломки крупнее 5 см составляют всего 7,4%. От крупных млекопитающих в основном сохранились изолированные зубы, кости дистальных отделов конечностей, или их фрагменты. Костные остатки из плейстоценовых слоёв гладкие и плотные, желтовато-коричневых тонов. Часть костей с предвходовой площадки отмечена следами воздействия корневой системы растений. Свежие разломы, произошедшие уже в процессе выемки материала, наблюдаются главным образом среди костных остатков из слоёв 6–10, степень фоссилизации которых, известковистость и трещиноватость постепенно увеличиваются вниз по разрезу. Следы погрызов на обломках крупнее 5 см составляют около 7,7%. Поверхность и острые грани боль-

*Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 09-01-18096е.

Таблица 1. Видовой состав и количество костных остатков в отложениях п. Страшная (1988–2008 гг.).

Таксоны	Слои													
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11*	12*	отвал**	всего
Canis familiaris	1	2												3
Capra-Ovis	14	21												35
Bos taurus		9												9
Erinaceus sp.					1	1								2
Asioscalops altaica	3	1	42	11	29	37	14	10	5	6	8	1	20	187
Chiropthera gen. indet.					1	2		5					1	9
Lepus tanaiticus			63	20	52	77	56	31	19	25	31	2	55	431
Lepus timidus	1	12												13
Lepus tolai	7	10	152	34	49	34	19	18	4	17	8		59	411
Ochotona sp.		1	4	4	8	9	3	3	4	6	3		2	47
Pteromys volans	1	1		1	1									4
Sciurus vulgaris						2								2
Citellus sp.	2	5	497	54	177	99	51	20	26	46	20		160	1157
Marmota baibacina	39	118	1916	586	1960	2070	1858	604	525	1147	1337	45	1416	13621
Castor fiber			3	1	1	9	1			1			3	19
Hystrix sp.			1		4	5								10
Allactaga sp.		1	2	1	4	9	8	4	1	4	3		1	38
Cricetulus sp.								1	1				3	5
Cricetus sp.	16	49	37	2	3	5	13	12	6	2	16		59	220
M. myospalax	10	29	195	37	78	110	59	43	22	23	32	1	84	723
Arvicola terrestris	13	5	6		1	2	1						8	36

Продолжение таблицы 1.

Таксоны	Слои													
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11*	12*	отвал**	всего
Rodentia gen. indet.	22	62	452	182	244	301	185	90	68	110	100	6	175	1997
Canis lupus	2		44	36	59	90	80	24	16	24	17		70	462
Vulpes vulpes	1	12	74	14	74	127	71	30	23	12	25	1	65	529
Vulpes corsak	1		30	21	13	77	35	3	5	10	6		6	207
Cuon alpinus			12	1	5	26	9	4	6	6	3	1	9	82
Ursus arctos			22	5	13	33	13	6	3	7	6	1	25	134
Ursus spelaeus										1				1
U. (Spelaearctos) savini						4				1			2	7
Gulo gulo			1	1			1						1	4
Mustela erminea		5	4		2	1	5				2		1	20
Mustela nivalis			1	2		4	1			1				9
Mustela altaica		1	3	1	1	6	1	2		2			6	23
Mustela eversmanni			6	2	5	8	7	5	2	11	4		10	60
Meles meles				1		1	1				1			4
Crocuta spelaea		3	87	36	77	151	135	53	19	20	18	1	102	702
Panthera spelaea			2			3		1		2	2		3	13
Uncia uncia							1							1
Lynx lynx		1			2	6	6			1	1			17
Felis manul			1			1		1					2	5
Mammuthus primigenius			1	2	6	21	8	2	3	2	4	2	5	56
Equus (E.) ferus			30	8	25	18	25	9	5	7	8	3	20	158
E. ex.gr. sussemiones			14	4	5	19	6	1	1	1	1		5	57

Окончание таблицы 1.

Таксоны	Слои													
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11*	12*	отвал**	всего
E. sussemiones / ferus	4	9	92	24	58	111	36	6	12	18	8		97	475
Coelodonta antiquitatis	2		47	8	36	76	31	5	13	14	9		63	304
Cervus elaphus	1	1	15	7	19	34	8	8	2	1	2		19	117
Megaloceros giganteus					4	9	4	3		1			6	27
Alces alces						1							1	2
Rangifer tarandus			3											3
Poëphagus mutus										2				2
Bison priscus	2	2	90	17	69	88	54	18	3	16	10		111	480
Saiga borealis		1		2	14	45	16	7	6	1	3		16	111
Procapra / Saiga			6		12	6							4	28
Capra sibirica	1	12	216	75	208	202	151	49	34	66	51	6	203	1274
Ovis ammon	1	1	76	22	62	88	44	16	13	19	12		51	405
Capra / Ovis			179	42	105	120	50	42	18	22	18		152	748
Pisces	9	24	46	28	43	33	5	2	3	3	1		29	216
Amphibia						3		1	3					7
Aves	18	65	219	101	229	189	43	9	17	22	23	2	66	1003
Неопределимые обломки	62	486	5797	4046	9021	16880	9618	4385	3206	4566	5660	399	11331	75457
Всего костных остатков	233	949	10276	5440	12789	21227	12784	5583	4100	6615	7098	471	14529	102139

* Нарушенные отложения.

** Материалы из заполнения шурфа 1969–1970 гг.

шинства фрагментов костей размером менее 5–10 см сглажены при прохождении их через желудочно-кишечный тракт крупных хищников.

Тафоценоз Страшной пещеры формировался в результате не имеющей аналогов (среди других пещерных местонахождений Алтая) активной норной деятельности сурков, пищевой активности хищных зверей, птиц и первобытного человека. Более половины всех определимых остатков принадлежит сурку, большинство из костей которого сохранилось целиком, что указывает на гибель зверьков в норах во время зимней спячки. Ведущая роль в аккумуляции костных остатков мегафауны принадлежала пещерным гиенам и волкам, о чём наглядно свидетельствует тот факт, что среди остатков крупных млекопитающих доля Carnivora достигает 34,4%.

Наряду с крупными хищниками, эпизодическим обитателем Страшной пещеры был и палеолитический человек. Основными объектами его охоты являлись, надо полагать, наиболее массовые виды копытных – сибирские горные козлы, архары, лошади, бизоны и сайгаки. За исключением фрагмента лучевой кости северного оленя из слоя 3_1а со следами порезов, и неопределимого обожжённого обломка размером менее 2 см из слоя 7, других явных признаков присутствия человека на остеологическом материале обнаружить не удалось. Несомненно, что какая-то часть мелких костных осколков образовалась в результате разделки охотничьей добычи, дроблении костей при извлечении костного мозга. В периоды отсутствия человека в пещеру наведывались или надолго заселялись пещерные гиены, волки, которые могли частично или полностью утилизировать накопившиеся отбросы его охотничьей деятельности.

От четверти до половины поверхности почти каждого слоя занимают различного рода стратиграфические нарушения: пристенные участки, следы перекопов, и, в особенности, многочисленные поноры сурков. Глубина нор для зимней спячки у сурков может достигать нескольких метров. Откопанный грунт из нижележащих горизонтов выбрасывался на дневную поверхность. При устройстве нор камни и другие крупные включения, мешающие работе, сурки обычно вытаскивают в зубах. В свою очередь при разрушении норных ходов грунт из верхних слоёв затекал на уровень более древних горизонтов. Таким образом, пещерные отложения в значительной степени перемешаны, и картина, вырисовывающаяся при послойном анализе остеологических остатков, в известной степени усреднена, снивелирована. В этой связи была предпринята попытка анализа фаунистических остатков отдельно для «чистого» слоя и нарушений, находящихся на уровне этого слоя. В каждом из стратиграфических подразделений была прослежена динамика изменения относительного обилия наиболее массово представленных, фоновых видов: сурка, лошади, шерстистого носорога, бизона, сайгака – дзерена, сибирского горного козла – архара, пещерной гиены. Как и следовало ожидать, в заполнениях поноров для слоёв 3–9 доля костей сурка оказалась в 1,4–2,4 раза выше, чем в «чистом» слое. В слое 10 доля остатков сурка в «чистом» слое, напротив, в 1,5 и 4,3 раза

соответственно была выше, чем в понорах. Число остатков перечисленных выше видов мегафауны в «чистых» слоях оказалось в среднем в 1,5 раза выше, чем в понорах, что может быть объяснено вообще меньшим количеством крупных включений в грунте из заполнения поноров.

По своему составу голоценовая териофауна из слоёв 1 и 2 аналогична современной. Указанные в таблице 1 единичные фрагменты костей шерстистого носорога, бизона, лошади, сибирского горного козла и архара имеют типичную плейстоценовую сохранность, и попали в эти слои в результате переотложения.

Существенных изменений в составе плейстоценовой мегафауны по отдельным слоям зафиксировать не удалось. Послойное распределение остатков млекопитающих по биотопическим группам указывает на относительно стабильную экологическую обстановку на протяжении всего периода осадконакопления, отсутствии крупных природно-климатических изменений. Лишь в слое 6 незначительно повышается доля лесной компоненты, при одновременном сокращении удельного веса зверей скальных биотопов (табл. 2). Находки в слоях пещеры костей таких типичных хионофобов, как сайгак, дзерен или кот-манул показывают, что уровень снежного покрова в плейстоцене был существенно меньше, чем в голоценовое межледниковье. В целом остатки мегафауны свидетельствуют о широком развитии открытых, степных пространств. На этом фоне существовали более или менее крупные лесные участки, приуроченные к долинам рек или горным ущельям, что создавало мозаичность ландшафтов.

Ниже приводится краткий обзор некоторых из наиболее интересных видов, остатки которых обнаружены в отложениях Страшной пещеры.

Среди всего палеотериологического материала наиболее замечательны находки остатков дикобраза (Hystrix sp.). Пещера Страшная – третий пункт на Алтае, где они были обнаружены. Места предшествующих находок – пещеры Разбойничья на северо-западном и Усть-Канская в центральном Алтае (Оводов, 2000; Деревянко и др., 2001). В каргинском слое 3.3 найден изолиро-

Таблица 2. Распределение (в %) костных остатков крупных млекопитающих по биотопическим группам в плейстоценовых отложениях п. Страшная.

Слои	Биотопическая группа				
	степная	лесо-степная	лесная	скальная	количество остатков
3	56,4	14,4	3,0	26,2	835
4	55,1	13,6	2,6	28,7	265
5	51,2	15,3	2,9	30,5	685
6	59,8	15,6	4,9	19,8	1051
7	57,1	15,9	3,1	23,9	641
8	54,7	22,3	2,4	20,6	247
9	51,1	22,7	2,1	24,1	141
10	50,8	16,8	4,2	28,2	238
11	42,0	25,0	4,0	29,0	176

ванный зуб, едва затронутый стиранием, а в слое 5.1 – непрорезавшийся зуб в маленьком обломке альвеолы и два обломка резцов. Из нарушений на уровне слоёв 5–6 происходит среднестёртый изолированный зуб. В стратиграфических подразделениях слоя 6 остатки дикобраза наиболее многочисленны: 4 целых зуба (3 – среднестёртых и 1 – не затронутый стиранием) и 1 обломок сильностёртого зуба. Они отличаются небольшими размерами, округлым сечением. По-видимому, все вышеперечисленные находки остатков дикобраза на Алтае связаны с интерстадиалами – каргинским, а возможно, и более древним временем. Повсеместная единичность костей дикобраза указывает на то, что в межледниковья на Алтае проходила самая северная граница ареала Hystrix sp, и он был здесь весьма редким, малочисленным видом.

Наряду с остатками бурого и малого пещерного медведя, в слоях пещеры (уровень сл. 10) найден левый M_3, по своим размерам и морфологии сходный с большим пещерным медведем. Длина коронки - 26, ширина 21,3 мм. Ранее остатки этого вида, считавшегося обитателем Западной Европы и Урала, уже были отмечены Г.Ф.Барышниковым для пещер Денисова и Страшная пещер на Алтае (Knapp et. al., 2009). На уровне третьего горизонта слоя 7 впервые для п. Страшной найден левый верхний клык снежного барса.

Таким образом, в результате проведенных работ были получены уникальные данные по фауне позднего неоплейстоцена, позволяющие сопоставить материалы из пещеры Страшная с имеющимися данными по территории Горного Алтая и реконструировать природно-климатическую и палеоэкологическую обстановку для всего Алтайского региона. Пещера Страшная может рассматриваться как универсальный накопитель остеологических остатков большинства видов местной фауны, населявших её ближайшие окрестности. Видовой спектр, представленный в пещерном тафоценозе, в совокупности с относительным обилием остатков тех или иных видов, позволяет достаточно точно реконструировать палеосреду и проследить динамику её изменений на протяжении длительного интервала времени.

Список литературы

Деревянко А.П., Агаджанян А.К., Кулик Н.А., Мартынович Н.В., Оводов Н.Д., Постнов А.В., Сердюк Н.В., Чевалков Л.М. Основные результаты изучения многослойного памятника Усть-Канская пещера в 1998–2001 гг. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 109–115.

Оводов Н.Д. Ископаемый дикобраз (Hystrix sp.) на Алтае // Палеогеография каменного века. Корреляция природных событий и археологических культур палеолита Северной Азии и сопредельных территорий. – Красноярск, 2000. – С. 100–102.

Knapp M., Rohland N., Weinstosk J., Baryshnikov G., Sher A., Nagel D., Rabeder G., Pinhasi R., Schmidt H., Hofreiter M. First DNA sequences from Asian cave bear fossils reveal deep divergences and complex phylogeographic patterns // Molecular Ecology. – 2009. – № 18. – P. 1225–1238.

С.К. Васильев, М.В. Шуньков

КРУПНЫЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ ИЗ ПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ В ЮЖНОЙ ГАЛЕРЕЕ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ*

Остеологический материал из плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры насчитывает около 22,8 тыс. костных останков, из которых 8,2% относятся к числу определимых. Доля определимых костей несколько выше, чем в материалах из восточной галереи (7%) [Васильев и др., 2008] и значительно превышает этот показатель для центрального зала (менее 1%) пещеры [Природная среда…, 2003]. Коллекция включает останки как минимум 36 таксонов мелких и крупных млекопитающих, а также рыб, амфибий и птиц (*табл. 1*).

Фаунистические остатки распределены по слоям неравномерно. Из литологического слоя 9 получено 2,6% всех костей. В коллекции из слоя 11 число костных останков резко возрастает. Например, в стратиграфических подразделениях 11.1 и 11.2 обнаружено 18% костного материала. В выборке из слоев 12–14 количество костей сокращается до 3%. Из отложений слоев 19–22 происходит 58% костных фрагментов. Из осыпи стенок раскопа получено 18,3% костей.

Костное вещество прочное, желтовато-палевых и светло-коричневых тонов. Острые грани на мелких фрагментах костей имеют характерную сглаженность от воздействия агрессивных кислот при прохождении через желудочно-кишечный тракт хищников. Большинство таких обломков попало в пещерные отложения, скорее всего, из распавшихся копролитов пещерной гиены.

На костях длиной более 5 см из слоев 9 и 11 следы погрызов отмечены в 4,7% и 8,5% случаев соответственно. На костях из слоев 14, 19, 21, 22 погрызы не зафиксированы. Также не встречены на костях и следы порезов каменными орудиями.

В отложениях горизонта 11.2. найден обожжённый фрагмент кости длиной 7 см. В коллекции много мелких фрагментов длиной 1–2 см, обожженных до кальцинированного состояния. Таких обломков получено из отложений слоя 19 – 18 экз., из слоя 20 – 89 экз., из слоя 21 – 28 экз., из горизонта 22.1 – 7 экз., из горизонта 22.3 – 2 экз. Среди них определены до вида только обломок лучевой запястной кости сибирского горного козла и обломок диафиза плюсневой кости косули из слоя 20.

*Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 07-01-00441.

Таблица 1. Видовой состав и количество костных остатков из плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры.

Таксоны	Слои														
	9	11	11.1	11.2	11.3	12	14	19	20	21	22	22.1	22.3	осыпь	всего
Homo sapiens			2												2
Chiropthera.			1				1								2
Asioscalops altaica	3		14	3			5	8	2	4	2			14	55
Citellus sp.	4		36	15		2	5	4		1				14	81
Marmota baibacina	3	2	4					11	1		1	1	2	22	47
M. myospalax	19		82	35		7	6	25	13	2	1	2		53	245
Rodentia .	10		53	22		7	21	9	9	5	5			32	173
Ohotona sp.	1		9	1			3		2					2	18
Lepus tanaiticus	2		13	5			2	4	1					3	30
Lepus tolai	3		8	2										10	23
Vulpes corsak	2		1	1				4	5			1		9	23
Vulpes vulpes	1		12	6			2	12	4	3				8	48
Cuon alpinus	1			10				17	5	9				13	55
Canis lupus	3		7	6			3	9	3					17	48
Ursus arctos	1			1				14	6	2				5	29
U. (Spelaearctos) savini														1	1
Mustela eversmanni			3			1									4
Mustela erminea			1												1
Mustela altaica														1	1
Mustela nivalis			1												1
Crocuta spelaea	12	8	42	21	5	8	11	4	2	1				60	174
Panthera spelaea														1	1

Окончание таблицы 1.

Таксоны	Слои														
	9	11	11.1	11.2	11.3	12	14	19	20	21	22	22.1	22.3	осыпь	всего
Uncia uncia			2	2										2	6
Mammuthus primigenius	1			1		1	1	2						2	8
Coelodonta antiquitatis	1	1	6	7		2	4	4	2	1			1	21	50
E. ex.gr. *sussemiones*	2	2		2	2	2	1	2						8	21
Equus (E.) ferus	3	2	8	4	1	2								6	26
E. sussemiones / ferus	4		25	19			6	7	2	5				28	96
Capreolus pygargus			1	1			1	2	12	6		1		2	26
Cervus elaphus			3	2			1			2				3	11
Megaloceros giganteus		1	2		1									2	6
Rangifer tarandus														1	1
Bison priscus	2		15	29	2	6	4	5	2		1			29	95
Procapra gutturiza			5	1			4	11	2	1				8	34
Saiga borealis								2		1	1			4	6
Capra sibirica	17	6	38	29	1	1	6	15	4	6				37	160
Ovis ammon	4	1	18	8	1	2	2	2	3					9	50
Capra / Ovis			24	20				12	3		1			36	96
Aves	1	1	35	15			5	11	3	5				31	107
Amphibia										1				2	3
Pisces	1		1	1				1						4	8
Неопределимые обломки	488	55	1964	1307	5	127	431	8473	1990	1800	223	212	169	3670	20914
Всего костей	589	79	2434	1576	18	168	525	8670	2076	1855	235	217	172	4170	22786

Количество определимого материала из верхней части отложений (слои 9, 11, 12, 14) значительно больше (18,8%), чем из нижних слоев 19, 21, 22 (2,7%), а степень раздробленности костного материала из верхней части разреза намного меньше. Число костей длинной более 5 см из слоев 9 и 11 в 10 раз превышает этот показатель для слоев 19, 21, 22 (*табл. 2*). Таким образом, верхняя часть отложений южной галереи содержит материал лучшей сохранности по сравнению с другими исследованными участками пещеры. Вместе с тем степень раздробленности материала из слоев 19, 21, 22 южной галереи выше, чем костей из центрального зала пещеры [Там же].

Среди определимых останков 795 экз. (42,4%) относится к грызунам, зайцеобразным, а также рыбам, амфибиям и птицам. Крупным млекопитающим принадлежит 1 078 костей от 29 видов. Среди них доля останков хищников составляет 36,4%, копытных и хоботных животных – 63,6%.

Таблица 2. Распределение фрагментов костей крупных млекопитающих из плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры.

Слои	Размерный класс							
	1–2 см		2–5 см		5–10 см		> 10 см	
	кости	в %	кости	в %	кости	в %	кости	в %
9	197	39,72	260	52,42	39	7,86	0	0
9.1	8	47,02	7	41,12	2	11,76	0	0
9.2	0	0	0	0	3	60,00	2	40,00
9.3	5	18,52	19	70,37	3	11,11	0	0
11	21	27,63	40	52,63	9	11,84	6	7,89
11.1	1128	51,77	912	41,85	118	5,42	21	9,64
11.2	633	41,67	695	45,75	168	11,06	23	1,51
11.3	0	0	7	38,89	8	44,44	3	16,67
12	66	49,62	62	46,62	3	2,26	2	1,50
12.3	0	0	1	12,50	6	75,00	1	12,50
12.4	0	0	4	30,77	3	23,08	6	46,15
14	231	47,43	227	46,61	27	5,54	2	0,41
19	7459	86,65	1084	12,59	64	0,74	1	0,001
20	1668	81,01	369	17,92	21	1,02	1	0,04
21	1555	85,15	250	13,69	19	1,04	2	0,01
22	203	89,82	20	8,85	3	1,33	0	0
22.1	187	87,38	25	11,68	2	0,93	0	0
22.3	152	89,41	18	10,59	0	0	0	0
осыпь	2248	56,44	1553	38,99	170	4,27	12	0,30

Костные останки крупных млекопитающих разных биотопических групп распределяются по слоям следующим образом. Степные виды: слой 9 – 54,7%, слой 11 – 58,7%, слой 14 – 74,3%, слои 19, 20 – 43,7%, слой 21 – 43,7%; лесостепные: слой 9 – 11,3%, слой 11 – 16,1%, слой 14 – 8,6%, слои 19, 20 – 19%, слой 21 – 37,9%; лесные: слой 9 – 1%, слой 11 – 0,9%, слой 14 – 0%, слои 19, 20 – 23,9%, слой 21 – 27,6%; скальные: слой 9 – 32,1%, слой 11 – 24,2%, слой 14 – 17,1%, слои 19, 20 – 13,4%, слой 21 – 20,7%.

Териофауна из слоёв 9, 11 и 14 по своему экологическому составу достаточно однородна. Преобладают виды открытых пространств – степных и скальных биотопов. Обитателям лесостепи принадлежат от 8 до 16% костей. Доля лесных видов составляет не более 1%. Количество костных останков и набор видов из отложений слоёв 19, 21 заметно отличается от материалов из вышележащей толщи. Здесь удельный вес обитателей степных ландшафтов значительно меньше, а доля представителей лесостепных, и особенно лесных ассоциаций гораздо выше. Единичные определимые кости из слоев 12 и 22 принадлежат животным степных и скальных биотопов.

Наибольший интерес представляют находки следующих видов.

Человек *Homo **sapiens***. Коренной зуб и диафиз метаподии человека, повреждённый кислотной коррозией, обнаружены в отложениях горизонта 11.1.

Бурый медведь *Ursus **arctos***. Многочисленные обломки зубов и костей дистальных отделов конечностей получены из слоев 19 и 21. Две неполных когтевых фаланги найдены в отложениях слоя 9 и горизонта 11.2. Таким образом, в верхней части разреза, по сравнению с нижней пачкой отложений, число останков этого хищника снижается в 24 раза. Возможно, в период накопления базальных отложений, пещера служила медведю берлогой для зимней спячки.

Малый пещерный медведь *Ursus **(Spelaearctos) savini***. К этому виду предположительно отнесена кость запястья (radiointermedium), обнаруженная в осыпи стенок раскопа. Она отличается от аналогичной кости *U. arctos* мелкими размерами и рядом морфологических особенностей.

Пещерная гиена ***Crocuta spelaea***. Самый многочисленный вид среди хищников, на его долю приходится 16,1% определимых костных остатков. Большинство костей получено из слов 9, 11 и 14. Преобладают изолированные зубы и их обломки (76%), а также наиболее прочные фрагменты нижней челюсти (9,2%). На сохранившихся фрагментах крупных трубчатых костей отмечены следы сильных погрызов. Учтено свыше 20 обломков копролитов гиены.

Пещерный лев *Panthera **spelaea***. Ему принадлежит сесамовидная кость, обнаруженная в осыпи стенок раскопа. Ранее в центральном зале пещеры была найдена вторая фаланга, на предвходовой площадке – фрагмент зуба нижней челюсти [Там же], а в восточной галерее – две вторых фаланги пещерного льва [Васильев и др., 2008].

Снежный барс *Uncia **uncia***. Правая ветвь нижней челюсти взрослой особи с обломанной восходящей ветвью и три зуба – слегка повреждённый неполный клык P_3, P_4 и неполный M_1 обнаружены в отложениях горизонта 11.1. Неполная локтевая кость, целая пяточная кость и фрагмент P^4 найдены в стратиграфическом подразделении 11.2. Две целые фаланги от одной особи происходят из осыпи стенок раскопа. Ранее среди материалов из центрального зала пещеры были определены верхний клык со следами кислотной коррозии (шурф 1984 г.) и целый P^4 (слой 22) [Оводов, Мартынович, 2008], а из горизонта 11.2 в восточной галерее были получены пяточная кость и астрагал от одной особи *U. **uncia***. На Алтае останки снежного барса найдены также в пещерах Разбойничья, Логово Гиены, Малояломанская, Усть-Канская и Страшная, а в Хакассии – в отложениях грота Проскурякова [Там же].

Мамонт *Mammuthus **primigenius***. Представлен редкими обломками пластинок зубов первых смен, а также крупным (28 см) фрагментом диафиза верхнего конца берцовой кости взрослой особи из горизонта 12.4.

Лошади *Equus*. Из плейстоценовых отложений алтайских пещер происходят, как правило, остатки двух форм – крупной массивной кабаллоидной лошади ***Equus ferus*** и мелкой архаичной, связанной с аридными ландшафтами. Последняя форма ранее определена как плейстоценовый осёл *Equus hydruntinus* [Барышников, 1998]. Однако новейшие палеогенетические исследования показали, что она является, скорее всего, особой формой, морфологически наиболее близкой к *Equus* ex. gr. ***sussemiones*** из раннеплейстоценовых местонахождений Западной Европы и Кавказа. Среди материалов из отложений южной галереи, также как из центрального зала и восточной галереи, кости ***Equus ferus*** немного преобладают над останками *E*. ex. gr. *sussemiones*.

Гигантский олень *Megaloceros **giganteus***. Неполный правый M_3 и фрагмент зуба найдены в горизонте 11.1, левый P_4 – в горизонте 11.3 и два обломка зубов – в осыпи стенок раскопа. Основание роговой штанги сброшенного рога некрупной полувзрослой особи обнаружено в слое 11. Кости гигантского оленя отмечены также в отложениях восточной галереи пещеры [Васильев и др., 2008] и на соседней стоянке Усть-Каракол, где найден фрагмент черепа с основанием рога [Природная среда…, 2003].

Северный олень *Rangifer tarandus*. Ему принадлежит запястная лучевая кость, найденная в осыпи стенок раскопа. Единичные останки северного оленя отмечены также в алтайских пещерах Страшная, Логово Гиены и Чагырская.

Список литературы

Барышников Г.Ф. Палеоэкология древнейших обитателей Горного Алтая // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 42–49.

Васильев С.К., Шуньков М.В., Цыбанков А.А. Фауна крупных млекопитающих из плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 2008. – Т. 14. – С. 26–31.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. Дикие кошки (*Mammalia, Felidae*) Алтая в плейстоцене и голоцене // Фауна и флора Северной Евразии в позднем кайнозое. – Екатеринбург – Челябинск: ООО «ЦИКР “Рифей”». – 2008. – С. 165–171.

П.В. Волков, Д.П. Волков, Н.Н. Зайцев, М.А. Миронов

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ С ГОРЫ ШАПКА В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК В 2009 ГОДУ)*

Гора Шапка как колоссальный археологический объект в Западном Приамурье известна давно. Впервые о памятнике упоминает И.А. Лопатин: «Около станицы Поярковой Амурской области, 7 верст выше ее, на горе «Шапка», есть небольшое земляное укрепление, приметное с реки» [Деревянко, 1973, с.22]. В 1870 году это городище было описано П. Кафаровым [Там же, с.25]. Летом 1902 года А.Я. Гуров и член Русского географического общества Г.Ф.Белоусов осмотрели это городище и произвели на нем небольшие раскопки. Они обнаружили костяные и железные наконечники стрел, глиняный кувшин с узким дном и фрагменты керамики [Гуров, 1902]. Чуть позже памятник описал Г.С. Новиков-Даурский [Новиков-Даурский, 1961]. В 1960-е гг. городище было осмотрено А.П. Окладниковым. Было заложено несколько шурфов – во рву с западной стороны, недалеко от тригонометрического пункта, в северной пристройке, – а также произведены сборы на поверхности. Полученный материал позволил отнести городище к чжурчжэньскому времени [История Амурской области.., 2008]. Работавшими здесь в начале 1980-х годов археологами была установлена общая площадь городища, которая впечатлила исследователей своим огромным размером, к тому же проведенные здесь исследования позволили детально охарактеризовать памятник как объект раннего и развитого средневековья [Нестеров, 1998].

Возобновленные в 2009 году исследования памятника сотрудниками Центром по сохранению историко-культурного наследия Амурской области позволили получить новые материалы об объекте, в том числе выявить неолитический слой относящийся, судя по обнаруженным артефактам, к осиноозерской культуре Западного Приамурья.

Гора Шапка – останец второй амурской террасы, возвышающейся над уровнем Амура на 110–120 метров. С юго-западной стороны, в полутора километрах от горы, течет Амур. Пространство между Амуром и горой занято старицами и прирусловыми валами, в основном широтного направления. Равнина, расстилающаяся вокруг горы, низменная, с мелким кустарником и одиночно стоящими деревьями; на ней много цветов – пионов, ландышей, желтых и красных саранок. Площадь останца око-

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 07-01-00417а.

ло 45 тысяч кв. м. Естественная высота горы в юго-западной, наиболее высокой части – 23,4 м, в северо-восточной –18 м [История Амурской области…, 2008]. Поверхность горы занята фортификационными сооружениями и остатками жилых построек (жилищные западины) средневекового периода.

В 2009 году раскоп был заложен в восточной, возвышенной части городища, отделяемой от основной площади крепости дополнительным рвом и валом. Общая площадь раскопа 14х14 м (196 кв. м).

Общая стратиграфия раскопанной части памятника выгладит следующим образом:

1) Дерновой слой, прослежен по всему профилю бровки, мощность до 12 см;

2) Темно-коричневый суглинок, мощностью до 96 см, насыщенный фрагментами керамики средневекового периода. Слой прорезают линзы гумусированного черного суглинка, прослой гумусированного, серого суглинка с включением частиц прокаленного грунта;

3) Коричневый, красноватый суглинок – до 30 см. Слой прослежен фрагментарно в северной и южной части стратиграфического разреза.

4) Желтый песок – материк.

Неолитическая коллекция соотносится со слоем коричневого, красноватого суглинка расположенного преимущественно в восточной части раскопа в секторах II и IV.

Коллекция представлена: отщепы без следов обработки и сработанности – 45 шт., сколы с камня – 6 шт., пластины без следов обработки и износа – 27 шт. Артефакты имеющие следы утилизации – 54.

Функциональные исследования каменных артефактов коллекции базировались на методике экспериментально-трасологического анализа, разработанной С.А.Семеновым и Г.Ф.Коробковой [Семенов, 1957; Korobkowa, 1999 и др.] и на методике анализа микрозаполировок износа каменных орудий Л.Кили [Keeley, 1980]. Использовался и опыт синтезированной трасологической методики, адаптированной для работы с материалами археологических коллекций палеолитических и неолитических памятников Северной Азии [Волков, 1999].

Для сравнительного анализа следов изношенности на древних орудиях из камня использовались материалы Сибирской эталонной коллекции трасологических стандартов.

Краткие результаты функционального анализа коллекции представлены в таблице 1.

В целом материал коллекции можно рассматривать как поселенческий комплекс с характерно высокой долей утилизованных орудий. Состав инструментария свидетельствует об изученной территории, как месте где происходило активное потребление мясных продуктов и относительно активная деревообработка.

Таблица 1. Основные функциональные характеристики орудий археологической коллекции 2009 года памятники Шапка.

№ артефакта	Квад-рат	Морфологическая характеристика	Функция	Обрабатываемый материал	Интенсивность износа
1	Н-4	подвеска	украшение		
2	Л-14	подвеска	украшение		
3	Л-11	подвеска	украшение		
4	Л-11	скопление вкладышей	двусторонний нож	мясо	Слабая
5	Н-7	вкладыш			
6	Л-12	вкладыш	нож	мясо	Слабая
7	К-5	вкладыш	строгальный нож	дерево	Слабая
8	К-8	вкладыш	нож	мясо	Слабая
9	О-11	вкладыш	нож	мясо	Средняя
10	Д-3	вкладыш	нож	мясо	Слабая
11	Л-6	вкладыш			
12	К-6	вкладыш	нож	мясо	Слабая
13	М-13	вкладыш	нож	мясо	Средняя
14	Д-10	вкладыш	нож		
15	Н-10	вкладыш	нож	мясо	Слабая
16	О-11-О-11	вкладыш	нож	мясо	Слабая
17	О-11-О-11	вкладыш	нож	мясо	Слабая
18	М-13	вкладыш	нож	мясо	Слабая
19	М-5	вкладыш	нож	мясо	Слабая
20	Ж-10	вкладыш	нож	?	Слабая
21	К-3	пластинчатый отщеп	скребок-нож	мясо, шкура	Скребок – слабая, нож – интенсивная
22	К-4		наконечник стрелы		
23	Л-3		наконечник стрелы		
24	Д-6		наконечник стрелы, нож	мясо	Слабая
25	Е-8		наконечник стрелы		
26	Л-2		наконечник стрелы		
27	Н-9		наконечник стрелы		
28	О-12		наконечник стрелы		
29	О-1		наконечник стрелы		
30	Л-11		наконечник стрелы		

31	О-1		наконечник стрелы		
32	О-1	бифас	нож для разделки туш, крупной рыбы	шкура, мясо	Средняя
33	А-1	галечник	нуклеус		
34	М-5	галечник	нуклеус		
35	В-13	пластина	нож	мясо	Интенсивная
36	Г-5		резец, скобель	дерево	Интенсивная
37	М-12		скобель	дерево	Слабая
38	О-3		нож	мясо	Слабая
39	А-4	отщеп	нож	мясо	Интенсивная
41	О-1	пластина			
42	Ж-2		нуклеус		Сработанный
43	М-5	пластина	нож	мясо	Слабая
44	Л-3	пластина	строгальный нож	дерево	Слабая
45	Л-3	пластина	строгальный нож + нож	дерево + мясо	Слабая
48	М-14	пластина	строгальный нож + скобель	дерево	Нож – средняя, скобель слабая
50	К-14	галечник	нуклеус		-
52	Г-14	ретуш. ластинчатый отщеп			Слабая
53	Л-9		нуклеус		Сработанный
54	Н-7	пластина	строгальный нож	дерево	Слабая
55	Б-12	пластина	резчик	дерево	Средняя
56	Н-7	отщеп	нож	мясо	Слабая
57	О-9	отщеп	строгальный нож	дерево	Средняя, вторичное использование
58	О-12	отщеп	строгальный нож	дерево	Средняя, вторичное использование

Данные об использованном инструментарии отображают характер, ранее малоизученной, пелеоэкономики осиноозерской культуры, что позволяет расширить изучение эволюции древнего хозяйства населения региона в процессе адаптации человека к условиям изменяющейся среды на территории Дальнего Востока России на рубеже плейстоцена-голоцена.

Планиграфический анализ материалов, как предполагается, позволит выделить соответствующие производственные площадки и определить дальнейшую стратегию археологического изучения памятника.

Список литературы

Волков П.В. Трасологические исследования в археологии Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 192 с.

Гуров А.Я. Археологические находки // Амурская газета. – 1902. – № 89.

Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1973. – 356 с.

История Амурской области с древнейших времен до начала XX века. – Благовещенск, 2008. – 424 с.

Семенов С.А. Первобытная техника. – М.; Л.: Наука, 1957. – 241 с. – (МИА; № 54).

Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – 184 с.

Новиков-Даурский Г.С. Историко-археологические очерки. – Благовещенск, 1961. – 190 с.

Keeley L.H. Experimental determination of stone tool uses. A microwear analysis. – Chicago, London: Univ. of Chicago Press, 1980. – 212 p.

Korobkowa G.F. Narzedzia w pradziejach. – Torin, widawnictwo Uniwersytetu Mikolaja Kopernika, 1999. – 168 p.

С.А. Гладышев, Ц. Болорбат, Д. Одсурэн, Т.Т. Чаргынов

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ МНОГОСЛОЙНОГО ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА ТОЛБОР-15 В 2009 ГОДУ*

Вот уже более века территория Монголии привлекает внимание исследователей, в той, или иной степени занимающихся изучением проблем, связанных с древней историей человека. В данной работе представляются материалы нового многослойного памятника Толбор-15, изучение которого началось в 2008 г. В анализ включены только источники из палеолитических слоев. Материал более поздней, голоценовой эпохи, является предметом самостоятельного исследования и будет рассмотрен в отдельной публикации.

В июле – августе 2009 г. международный российско-монгольско-американский археологический отряд продолжил стационарные раскопки многослойного памятника Толбор-15 в Хангайской горной стране, северная Монголия. Стоянка расположена на второй террасе р. Их-Тулбэрийн-Гол, практически на ее бровке (N–49° 16' 22,8", E–102° 58' 18,4"). Высота террасы составляет 10–12 м над урезом реки. Часть площади стоянки уничтожена дорожным карьером, в котором артефакты были вывернуты на поверхность. Благодаря этому карьеру, памятник и был обнаружен в 2006 г. к.и.н. Е.П. Рыбиным. Кроме того, на территории палеолитического объекта расположены два гуннских кургана, которые значительно сократили площадь исследования. В этом году был размечен раскоп площадью 54 м^2. Он располагался в 10 м к северу от раскопа прошлого года. Площадка была выбрана таким образом, чтобы конструкция кургана ни в коей мере не повредила культурные слои стоянки, что имело место в раскопе прошлого года. Одним краем (западным) изучаемая площадка примыкала к старому карьеру и, по мере углубления раскопа, его площадь увеличивалась за счет склона карьера.

При разборке культурного слоя применялась методика, хорошо зарекомендовавшая себя за годы полевых работ в Монголии. Слой вскрывался ножами и совками, все артефакты фиксировались на плане, а у нуклеусов, орудий и целых сколов измерялась и глубина залегания относительно репера. Работы на объекте подтвердили стратиграфическую ситуацию, полученную в предыдущие годы [Гладышев и др., 2007; Деревянко и др., 2008].

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проекты № 07-01-00417а, 09-01-00028а, и РФФИ, проект № 09-06-00006-а.

В разрезе выделено 6 литологических подразделений, в которых залегают 7 археологических горизонтов.

1 слой – гумусированная почва с неровной нижней границей, соответствует археологическому горизонту 1.

2 слой – белесоватый, плотный алеврит с примесью мелкозернистого лесса. В нем залегает археологический горизонт 2.

3 слой – песчаный алеврит белесовато-сероватого цвета с включениями обломочного материала вплоть до редких малых глыб. Нижняя граница неровная. В этом подразделении располагались археологические горизонты 3 и 4.

4 слой – белесоватая супесь с аналогичными физическими свойствами, что и в предыдущем слое, с повышенным содержанием псефитового материала. Граница неровная, наблюдаются многочисленные изгибы. Этот слой соответствует археологическому горизонту 5.

5 слой – сероватая песчано-суглинистая толща. Имеет ноздреватую структуру с включениями окатанного материала, от малых валунов до гальки и гравия. Нижняя граница резкая, слабонаклонная. В верхней части слоя расположен археологический горизонт 6, а в нижней - 7.

6 слой – смесь из валунов гальки и гравия с песчаным заполнителем. Вероятнее всего, это фация руслового аллювия ложа древней реки. Слой стерилен, не содержит археологического материала. Общая мощность рыхлых отложений, содержащих археологический материал, колеблется от 2,2 м до 2,4 м.

Коллекция артефактов, полученная в ходе раскопок, насчитывает 14159 каменных предметов. Предварительная статистическая обработка материала показала, что в коллекциях археологических горизонтов 2, 3 и 4 нуклеусы и орудия составляют самую незначительную долю (менее 1%), по сравнению с другими горизонтами. Во всех горизонтах дебитаж составляет подавляющую часть коллекции. В ходе раскопок и во время дальнейшей обработке материалов удалось проследить постепенное, эволюционное изменение техники первичного расщепления. Так, клиновидные нуклеусы появляются в 5-ом археологическом горизонте, они сделаны из отщепов, киль-основание и контрфронт у них преднамеренно обработаны ретушью. Микропластины снимались отжимной техникой с фронта-торца. Такие же клиновидные нуклеусы есть и в материалах горизонта 3. А во 2-ом и в 1-ом горизонтах типологический набор клиновидных нуклеусов становится более разнообразным. Они изготавливаются и из бифасов, их обработка становится более тщательной, а сами микропластины правильнее. Кроме того, в 1-ом и 2-ом горизонтах практически исчезают нуклеусы для получения крупных заготовок, а сколы становятся мельче. В нижних горизонтах преобладают нуклеусы для получения крупных пластин и пластинок. Выделяются следующие типы ядрищ: объемные подпризматические плоскостные и торцовые нуклеусы, ортогональные разновидности, а также ортогональные микронуклеусы. Иными словами, отжимная техника получения

микропластин фиксируется с 5-го археологического горизонта. Первичное расщепление нижележащих подразделений базируется на ударной технике с применением различных (мягких и твердых) отбойников. В материалах горизонтов 6, 7 присутствуют реберчатые и полуреберчатые технические сколы оформления нуклеусов, что наглядно свидетельствует о применении техники продления «жизни» нуклеуса путем перевода фронта скалывания с широкой плоскости на торец, или наоборот. Такой прием очень характерен для памятников ранней поры верхнего палеолита Северной Монголии (это Доролж–1, Орхон–1, Орхон–7, Толбор–4). Типологический набор орудий во всех горизонтах небогат. В подразделениях 6 и 7 выделяются концевые скребки высокой формы, сделанные из массивных пластин, изделия с тщательно выделенным клювом на проксимальном конце пластин, а также немногочисленные струги. Их мало, но типологический облик и характер обработки стругов не меняется от 7-го горизонта до 3-го. Выемчатых и зубчатых орудий крайне мало, единичными предметами представлены также острия с притупленным краем и ретушированные пластины и отщепы. В верхних горизонтах обнаружены концевые скребки низких форм небольших размеров, различные острия, фрагменты наконечников и ретушированные микропластины. Кроме каменных артефактов в горизонтах 3, 5 и 7 найдены фрагменты скорлупы яиц ископаемых страусов. Скорлупа является хорошим материалом для получения абсолютных датировок. Костный материал малочислен, кость плохой сохранности, сильно фрагментирована и непригодна для определения видового состава животных. В 7-ом археологическом горизонте найдены следы пяти очажных пятен. От них осталась только ярко красная прокаленная окантовка. Ни пепла, ни зольного заполнения не сохранилось. Видимо, очаги горели очень короткое время.

В целом, памятник Толбор–15 представляет собой многослойный комплекс, и его материалы относятся к разным периодам каменного века. Изучение этого объекта только началось и периодизацию археологических слоев, а также их относительную хронологию можно восстановить только по косвенным данным, привлекая материалы палеолитических памятников Монголии и Забайкалья, которые уже имеют шкалу радиоуглеродных дат. Следует начать с того, что на Толборе–15 имеется как минимум три разновременных блока палеолитических технокомплексов, а ассамбляж 1-го горизонта относится уже к голоценовому времени [Gladyshev, Tabarev, 2009]. Материалы археологических горизонтов 6, 7 (далее Г 6, 7), на наш взгляд, составляют единый, наиболее древний пласт памятника. Далее следуют коллекции горизонтов 4 и 5 (далее Г 4, 5). Чем отличаются друг от друга эти технокомплексы? В материалах Г 6, 7 преобладают одноплощадочные однофронтальные плоскостные нуклеусы для получения крупных пластин и пластинок. Доля пластин среди всей совокупности сколов очень высока (до 13%), что позволяет отнести рассматриваемый блок к пластинчатым разновидностям раннего верхнего палеолита. В комплексах Г 4, 5 эти два параметра меняются, причем в виде *тенденции*. Сокращается доля плос-

костных нуклеусов и пластин в общей массе сколов. Но коренные отличия комплексов Г 6, 7 и Г 4, 5 кроются в другом. Во-первых, в Г 5 появляются клиновидные нуклеусы, которые сохраняются вплоть до Г 1, только меняясь морфологически и технологически. Во-вторых, доля пластин и пластинок в индустрии Г 4, 5 снижается до 6%, что наглядно демонстрирует непластинчатый характер расщепления этого технокомплекса. В материалах Г 2, 3 эти тенденции получают дальнейшее развитие. Увеличивается число клиновидных нуклеусов, они становятся морфологически разнообразнее, а ядрища для получения крупных заготовок деградируют. Они превращаются в ортогональные разновидности для получения отщепов. Среди пластинчатых заготовок начинают доминировать микропластины, хотя их число пока еще и невелико.

Изложенные выше факты позволяют определить принадлежность каменных материалов Толбора–15 к широкому кругу южносибирских и центральноазиатских индустрий ранней поры верхнего палеолита. Технология расщепления обсуждаемых комплексов очень близка основным вариантам параллельного пластинчатого раскалывания, широко представленным в коллекциях памятников рассматриваемого региона. Орудийный набор, при наличии определенных локальных различий также свидетельствует о генетических связях монгольских индустрий с комплексами соседних территорий в рамках феномена ранней поры верхнего палеолита Южной Сибири. В материалах Толбора–15 прослеживается сочетание признаков, характерных как для раннего верхнего палеолита Горного Алтая и Забайкалья, так и местные, специфические черты.

Список литературы

Гладышев С.А., Коломиец В.Л., Лбова Л.В., Рыбин Е.П., Эрдэнэ-Очир Н. Полевые исследования многослойных палеолитических памятников в бассейне реки Их-Тулбэрийн-Гол (Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 43–48.

Деревянко А.П., Гунчинсурэн Б., Гладышев С.А., Болорбат Ц., Цыбанков А.А, Одсурэн Д., Чаргынов Т.Т. Археологическое изучение многослойного палеолитического памятника Толбор-15 в 2008 году // Археологийн судлал. – Улаанбаатар, 2008. – № VI (XXVI). – С. 5–26.

Glagyshev S, Tabarev A. New Data on the Early Upper Paleolithic of Northern Mongolia // Current Research in the Pleistocene – 2009. – Vol. 26. – P. 17–18.

С.А. Гладышев, А.В. Табарев, Ц. Болорбат, Д. Одсурэн

ГОЛОЦЕНОВЫЙ КОМПЛЕКС СТОЯНКИ ТОЛБОР-15 (СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ)*

Летом 2009 г. Монгольский палеолитический отряд продолжил работу на многослойном археологическом памятнике Толбор-15, открытом в 2006 г. В ходе раскопок прошлого года нами была обнаружена значительная толща (до 30 см, а в некоторых местах и более) отложений голоценового времени. Этот слой сложен почвенно-растительным субстратом, он имеет неровную нижнюю границу. Значительная часть голоценовых отложений была повреждена еще в древности, при сооружении кургана. Более половины площади раскопа 2008 г. в этом слое занимала кладка кургана, которая в настоящее время покрыта современным дерном и никак не фиксируется на дневной поверхности. В результате этого, археологическая коллекция 2008 г. из этого (1) слоя резко теряет свои информативные качества. Поэтому в этом году было принято решение отступить от кургана и заложить раскоп в 10 м к северу от прошлогоднего места работы. Общая площадь голоценовых отложений, вскрытых в этом году, составила 54 м^2. В общей сложности, в 1-ом горизонте раскопа 2009 г. обнаружено 5895 экз. каменных артефактов. Из них львиная доля принадлежит продуктам расщепления: отщепам, техническим сколам, чешуйкам, пластинкам, микропластинам и другим предметам – 5835 экз. Кроме того, в коллекции артефактов 1-го горизонта выделено 13 нуклеусов, 6 заготовок нуклеусов, 6 обломков нуклеусов, 31 орудие и отбойник. Основной сырьевой субстрат, который использовал древний человек, это местный кремнистый сланец, плотный, черного, темно-серого, серо-зеленого и серо-коричневого цвета. Желвачная корка имеет более светлый оттенок, до палевого и светло-желтого тонов. При подготовке и расщеплении нуклеусов использовались две основные техники – ударная и отжимная. Ударный метод осуществлялся, по всей вероятности, как каменным (местная галька), так и роговым отбойником без использования посредников (прямое ударное расщепление). В рамках ударной стратегии происходила подготовка и расщепление небольших подпризматических (объемных) одно - и двухплощадочных нуклеусов параллельного и встречного типов и их разновидностей – торцовых нуклеусов (на кусках плитки), расщепление которых происходило с узкой грани. Для подпризматических

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проекты № 07-01-00417а, 09-01-00028а, и РФФИ, проект № 09-06-00006-а.

нуклеусов характерна подготовка скошенной фасетированной площадки и подправка дуги скалывания мелкими сколами. Для торцовых ядрищ обязательным было оформление опорного ребра и контрфронта.

Отжимная техника представлена двумя модификациями микронуклеусов – микроторцовыми (5 экз.) и микроконическими (4 экз.), а также несколькими обломками и фрагментами микроядрищ. Расщепление микронуклеусов возможно лишь в небольших портативных устройствах. У микроторцовых нуклеусов несколькими сколами намечены контрфронт и основание, мелкими фасетками оформлены площадки. Отжим микропластин производился с торца, с узкой грани, или, реже, с двух граней. В процессе расщепления и подправки дуга скалывания и фронт скалывания захватывает боковые стороны лишь незначительно, эпизодически (Рис. 1, *4 – 9*). Типичной причиной прекращения утилизации микроторцовых нуклеусов было нарушение угла между площадкой и фронтом скалывания. При приближении этой величины к 90° происходят заломы и деформация фронта. У микроконических ядрищ отжим микропластин производится по всему периметру площадки или ее большей части, контрфронта или опорного ребра в таком варианте расщепления не предусмотрено, что свидетельствует об ином характере конструкции портативного закрепляющего приспособления (Рис. 1, *1 – 3*). Продуктами расщепления микроядрищ были микропластины-вкладыши (всего 279 экз. целых изделий и их фрагментов), часть из которых (20 экз.) впоследствии подправлялась мелкой краевой ретушью с вентральной стороны. Аналогии микроторцовым и микроконическим нуклеусам горизонтов 1 и 2 памятника Толбор-15 известны по целому ряду комплексов Монголии и сопредельных территорий Дальнего Востока [Гладышев, Нохрина, Табарев, 2007; Деревянко и др.,2008; Popov, Tabarev, 2008].

Орудийный набор 1-го горизонта невелик. В его состав входят мелкие скребки на отщепах и фрагментах пластинок (9 экз.) и скребки на крупных пластинчатых отщепах (3 экз.). Кроме того, встречаются скребки, сделанные из небольших отщепов с характерным элементом оформления – «шипом» с одной из сторон (2 экз.), микроскребки (4 экз.), а также скребки на сколах подправки площадок конических микронуклеусов (3 экз.). Помимо этого выделяется несколько скребловидных изделий на обломках и кусках сырья (6 экз.), одно орудие типа струга, один мелкий каплевидной формы наконечник стрелы, а также острие и проколка. Исключительно интересным компонентом археологических находок горизонта 1 является керамический материал, зафиксированный непосредственно вместе с микроконическими и микроторцовыми нуклеусами. Всего было обнаружено около 30 фрагментов грубой лепной керамики темно-коричневого цвета, представляющих части 2-3 небольших сосудов. Толщина фрагментов – не более 7–8 мм, венчик сосудов прямой, все фрагменты декорированы, орнамент – штамповый линейный, располагающийся по всей части тулова, венчика и, что примечательно, по его срезу (Рис. 2, *1 – 8*).

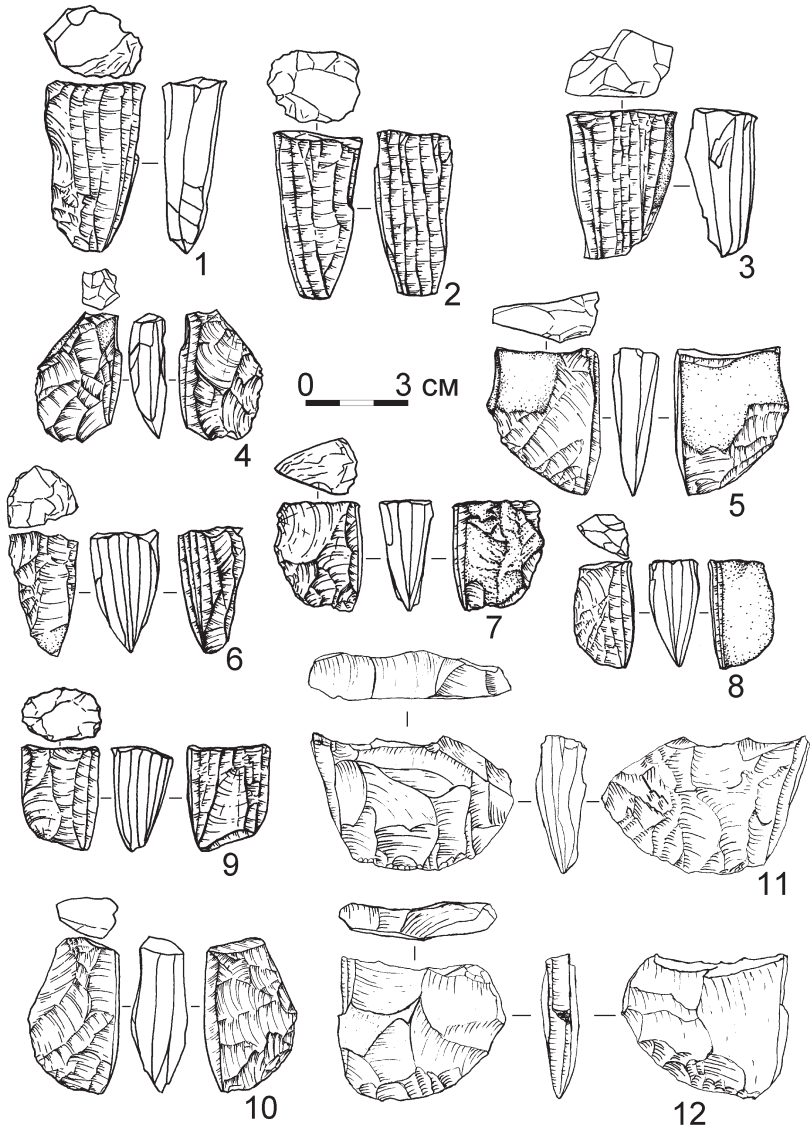

Рис. 1. Микронуклеусы стоянки Толбор-15.
1–3 – конические микронуклеусы, горизонт 1; *4–10* – клиновидные микронуклеусы, горизонт 1; *11, 12* – клиновидные микронуклеусы, горизонт 2.

Коллекция каменных артефактов 2-го археологического горизонта стоянки Толбор-15 насчитывает 2832 экз. Статистика этого горизонта в целом отражает те же пропорции между дебитажем и типологически выраженными изделиями, что и в 1-ом горизонте. К категории индустрии сколов

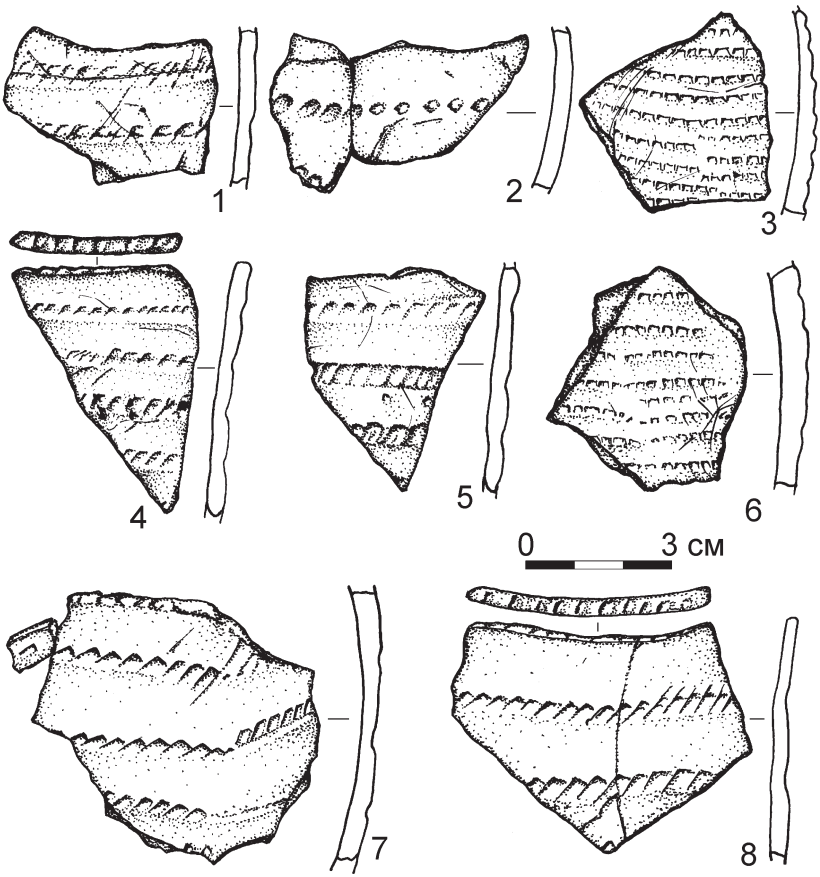

Рис. 2. Керамика из горизонта 1 стоянки Толбор-15.

относятся 2734 экз., Нуклеусов насчитывается 13 экз., их обломков и заготовок – 12 экз., орудий – 12 экз., а также один отбойник. Керамики в горизонте 2 не обнаружено. Ударная техника выглядит практически аналогично: расщепление средних по размеру конкреций плитчатого сырья или галек. Все нуклеусы (4 экз.) выполнены из раковистого трещиноватого сырья, присутствует карбонатная корка. Из обязательных элементов оформления фиксируются скошенные площадки (угол 55–65 градусов) и подправка дуги скалывания мелкими сколами. Следы негативов неровные, нерегулярные, на заключительной стадии расщепления нуклеусы приобретают аморфные очертания. Существенные различия горизонта 2 проявляются при рассмотрении отжимной техники расщепления. Микроторцовые нуклеусы и их заготовки составляют абсолютное большинство (12 экз.), микроконические полностью исчезают, зато появляются микроклиновидные нуклеусы – вариант микроторцового нуклеуса, реализуемый в специ-

альном приспособлении на особой заготовке (бифас, унифас, пластина, трехгранный скол), опорным ребром которой является приостренное основание – т.н. «киль» [Табарев, 2008; Tabarev, 1997]. В коллекции 2-го горизонта таких микронуклеусов два. Оба предмета сделаны из бифасиальных заготовок, с высоким узким фронтом скалывания, тщательной подготовкой опорного ребра и площадки. Площадка одного из нуклеусов фасетирована, а у второго подготовлена несколькими продольными сколами, которые в археологической литературе носят название «лыжевидных». Отметим, что это первая находка микроклиновидных нуклеусов, оформленных на бифасиальных преформах для толборских комплексов (Рис. 1, *11, 12*). Заслуживает внимания и значительная разница в количестве микропластин в материалах горизонтов 1 (279 экз.) и 2 (34 экз.), которая может свидетельствовать о большей эффективности и продуктивности микроконической техники. Орудийный набор горизонта 2 составляют скребки и скребловидные инструменты на мелких отщепах и обломках пластинок (7 экз.), острия и проколки (4 экз.), а также изделие на крупном плоском отщепе с периметральной обработкой края (предположительно – нож).

Таким образом, горизонты 1 и 2 впервые для толборских комплексов в полном объеме демонстрируют изменения в каменной индустрии (микрорасщеплении), происходившие на рубеже плейстоцена и голоцена, а также появление керамики, что позволяет исследователям более аргументированно определять хронологические и культурные рамки финала палеолита и начала неолита северной Монголии.

Список литературы

Гладышев С.А., Нохрина Т.И., Табарев А.В. Интерпретация археологического комплекса грота Чихэн // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. – Иркутск: Оттиск, 2007. – Т. 1. – С. 162–168.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Гладышев С.А., Нохрина Т.И., Табарев А.В. Новое прочтение археологического контекста пещеры Чихэн (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – 2 (34). – С. 2–12.

Табарев А.В. Расщепление микроклиновидных нуклеусов (гипотеза использования портативных приспособлений в каменном веке Северо-Восточной Азии) // Антропоген, палеоантропология, геоархеология, этнология Азии. – Иркутск: Оттиск, 2008. – С. 172–187.

Popov A.N., Tabarev A.V. Neolithic Cultures of the Russian Far East: Technological Evolution and Cultural Sequence // Turkish Academy of Sciences Journal of Archaeology. – 2008. – Vol. 11. – P. 41–62.

Tabarev A.V. Paleolithic Wedge-Shaped Microcores and Experiments with Pocket Device // Lithic Technology. – 1997. – Vol 22, N. 2. – P. 139–149.

А.П. Деревянко, Х.А. Амирханов, М.В. Шуньков,
А.К. Агаджанян, В.А. Ульянов, А.В. Кандыба, А.Г. Рыбалко

ПОИСКИ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА В ПРЕДКАВКАЗЬЕ

Открытие и исследование в последние годы серии раннепалеолитических памятников на юге России [Амирханов, 2007; Деревянко и др., 2009; Щелинский, Кулаков, 2009] стимулировало поиск новых объектов древнейшего палеолита в этом регионе. С этой целью осенью 2009 г. проведены комплексные исследования плиоцен-плейстоценовых отложений местонахождения Жуковское в Новосельцевском районе Ставропольского края [Деревянко, Амирханов, Зенин, 2006].

Местонахождение расположено в привершинной части суходольного распадка, рассекающего правый борт долины р. Томузловка в 0,5 км восточнее хутора Жуковский. На этом участке Ставропольской возвышенности долина Томузловки имеет хорошо выраженную ящикообразную форму с крутыми (средний угол склона 8–10°) прямыми или ступенчатыми бортами, расчлененными суходольными логами сложного дендритового строения. Днище долины широкое (более 4 км), слабовыпуклое в осевой части. Современное русло извилистое, шириной 2–2,5 м при глубине до 1 м, смещено к правому борту долины. Борта сложены супесчаными и песчаными отложениями, в разной степени скрепленными травертиновым цементом, с маломощными прослоями галечно-гравийного материала. Сверху пески и супеси перекрыты лессовидными суглинками видимой мощностью около 2 м. Абсолютная высота современного уреза Томузловки составляет 230 м, отметки междуречных поверхностей по правому борту достигают 340–380 м.

На участке с географическими координатами 44°46'14,4" N; 43°09' 52,6" E, на отметке 66 м над современным урезом реки (абсолютная высота 296 м) заложена разведочная траншея, вскрывшая следующую последовательность отложений (сверху-вниз).

Слой 1. Гумусовый горизонт черноземной почвы. Суглинки лессовидные, тонкопористые, трещиноватые, столбчато-призматической структуры. Слабо, но равномерно насыщены включениями гравия и мелкой гальки. Нижняя граница нечеткая, в виде постепенного цветового перехода к более светлым подстилающим отложениям. Мощность 0,3–0,4 м.

Слой 2. Суглинки легкие, лессовидные, темно-серые, тонкопористые, трещиноватые, с хаотически рассеянными гравийными включениями. Структура столбчато-призматическая, переходящая в нижней части в

крупнооореховатую. Отмечены карбонатные новообразования в виде слабо развитого псевдомицелия, белесых выцветов и карбонатных корочек. Нижняя граница нечеткая, волнистая, проведена по изменению цвета осадка. Мощность 0,7 м.

Слой 3. Суглинки легкие, лессовидные, светло-коричневые с охристо-желтым оттенком, пористые, тонкотрещиноватые, обогащенные гравийными и мелкогалечными включениями. Структура в кровле крупнооре-ховатая, в средней части – призматическая, в подошве – крупнокомковатая. Отмечено интенсивное развитие карбонатных новообразований в виде псевдомицелия и мучнистых белесых стяжений. Нижняя граница четкая, ровная, проведена по кровле подстилающих песчаных отложений. Мощность 0,25–0,75 м.

Слой 4. Пески средне- и крупнозернистые, охристо-коричневые, с красновато-коричневыми прослоями вторичного ожелезнения, хорошо отмытые, тонкослоистые, сцементированные карбонатами. Умеренно обогащены хорошо окатанным гравием и мелкой кварцитовой галькой. В кровле отмечены линзы и горизонты галечно-гравийного материала с песчаным заполнителем. Нижняя граница четкая, эрозионного типа. Мощность 0,25–0,45 м.

Слой 5. Пески мелкозернистые, алевритистые, светло-серые с палевым оттенком, с горизонтами травертинов в кровле и средней части. По составу олигомиктовые, кварцевые. Сцементированный травертином осадок представляет слабо оглиненный алеврит с песчаной фракцией. В средней и нижней частях выделены субгоризонтальные прослои более грубого механического состава и прослои интенсивного ржаво-охристого ожелезнения. Нижняя граница нечеткая, проведена по исчезновению травертиновых горизонтов и переходу к слабосцементированным отложениям. Мощность 1,4 м.

Слой 6. Пески разнозернистые, хорошо отмытые, светло-серые, слабо сцементированные, тонкослоистые, с прослоями мелкозернистых, слабооглиненных песков. Слоистость осадка нерегулярная, многоярусная, косослоистая и косоволнистая, отличается от типичной русловой слоистости и является, скорее всего, волновой рябью. Отмечены плотные включения сильно оглиненных серых песков. В нижней части найдены костные останки мелких позвоночных и фрагменты костей крупных млекопитающих. Нижняя граница четкая, проведена по кровле гравийно-галечного прослоя, отражающего резкую смену гидродинамической обстановки осадконакопления. Мощность 2,45 м.

Слой 7. Пески разнозернистые, светло-серые, чередующиеся с гравийно-галечными прослоями охристо-коричневого цвета, в различной степени омарганцованными. Галечный материал мелкий, окатанный до 3–4 класса, представлен в основном кварцитами и кремнистыми породами. Встречаются также закатыши плотных сероцветных суглинков и глин. С прослоями гравийно-галечного материала связаны находки каменных предметов

палеолитического облика. В нижней части слоя отмечены прослои грубозернистого песка с включением гравия и характерной для русловых фаций косой слоистостью. В них найден зуб корнезубой полевки *Mimomys* ***sp***. В подошве слоя залегает горизонт плохо окатанных омарганцованных валунов и гравийно-галечных конгломератов. Нижняя граница четкая, эрозионного типа. Мощность 2,8 м.

Слой 8. Суглинки, супеси и оглиненные разнозернистые пески, плотные, сероцветные, скрепленные глинистым цементом. Кровля маркируется горизонтом вторичного ожелезнения ржаво-охристого цвета. В верхней части выделяется пачка суглинков легких, плотных, сильно опесчаненных, с карбонатными новообразованиями. Суглинки замещаются слабосцементированными сероцветными мелкозернистыми песками с тонкими прослоями вторичного ожелезнения. Границы прослоев нечеткие, слоистость слабо выраженная, линзовидная, субгоризонтальная. Видимая мощность 2,1 м.

Судя по литологической характеристике, слои 1–3 представляют молодые почвы по лессам, заполнявшим прибортовые части долины и вовлеченным в склоновое смещение, возможно, с почвенными горизонтами, редуцированными в результате склоновых процессов. Обломочный и галечно-гравийный материал поступал с прибровочной части долины при выветривании сарматских песчаников и конгломератов, слагающих междуречные поверхности.

Слои 4 и 5 – отложения водоема со стабильным умеренно промывным гидрологическим режимом (осолоненный лиман или озерный/морской эстуарий). На существование постепенно мелеющего осолоненного лимана указывают различающиеся по механическому составу субгоризонтальные прослои песка и несколько горизонтов образования травертинов. Вместе с тем отсутствие глинистых, илистых и торфянистых горизонтов, характерных для лагунно-лиманных фаций, свидетельствует в пользу отложений устья реки, впадающей в относительно крупный приемный бассейн (подводная часть дельты).

Слои 6 и 7 являются отложениями устьевой части реки, переходной от наземной дельты к морской (подводной), в зоне сочетания осадков приустьевых баров, прибрежных валов и отмелей, отгороженных прибрежных водоемов типа лимана или лагуны и речных проток. Этапы прибрежно-морского осадконакопления чередовались здесь с формированием по аллювиально-дельтовому типу с локальными размывами, что сопровождалось приносом терригенного материала (мелкой гальки из элювия сарматских конгломератов и субаэральных карбонатных новообразований из пойменных почв), а также размывом и переотложением осадков лагунно-затонных фаций (закатыши оглиненных мелкозернистых песков).

Слой 8 соответствует, скорее всего, лагунно-лиманным отложениям, а его кровля представляет гидроморфную почву.

В результате промывки песчаных отложений слоя 6 получены костные остатки мелких позвоночных, принадлежащих 13 таксонам (см. табл. 1),

а также раковины морского моллюска позднего миоцена (среднего сармата) Plicatiformes fittoni (Orb.) (определение С.В. Попова, ПИН РАН).

В составе тафоценоза из аллювиальных песков в небольшом количестве (до 10%) отмечены кости амфибий (лягушек) и рептилий. Основную часть палеонтологического материала составляют кости млекопитающих. Из них на долю зайцеобразных приходится около 12%, остальные костные останки принадлежат насекомоядным и грызунам. Представители насекомоядных играли заметную роль в составе сообщества. На их долю в тафоценозе приходится 29% костей. Среди них преобладают кости и фрагменты челюстей небольшого крота *Talpa minor*. Присутствует крупный представитель землеройковых Blarinoides и своеобразная землеройка схожая с Drepanosorex.

Родовую принадлежность зайцев удалось определить по одному P_3. Остальные останки, в том числе два верхних моляра, судя по размеру и строению, также принадлежат этому роду.

Среди грызунов большой интерес представляет верхний моляр крупной летяги Miopetaurista. Остальные грызуны относятся к корнезубым полевкам родов Promimomys и Mimomys. Все зубы полевок имеют корни и хорошо выраженные дентиновые траки. Эти морфологические особенности, а также состав сообщества позволяют судить о его возрасте. Отсутствие в ориктоценозе некорнезубых полевок определяет его верхнюю возрастную границу палеомагнитным эпизодом Олдувей [Агаджанян, 2009]. Таксономический состав и эволюционный уровень корнезубых полевок устанав-

Таблица 1. Состав мелких позвоночных из отложений слоя 6 местонахождения Жуковское.

№	Таксон	Количество, экз.
	Mammalia	
	Insectivora	
1	Blarinoides sp.	2
2	cf. Drepanosorex sp.	1
3	Talpa minor	9
	Rodentia	
4	Miopetaurista sp.	1
5	Promimomys baschkirica Suchov	6
6	Promimomys sp. (мелкая форма)	2
7	Promimomys sp.	4
8	Mimomys sp.	6
9	Rodentia gen.	1
	Lagomorpha	
10	Pliolagus sp.	1
11	Leporinae gen.	4
12	Reptilia	2
13	Amphibia (Anura)	2
	Всего	41

ливают нижний хронологический рубеж ориктоценоза – начало верхнего плиоцена (стратиграфическая зона млекопитающих 16 MN).

Судя по составу сообщества мелких млекопитающих, палеогеографические условия этого времени были достаточно благоприятными. Высокая численность крота и наличие крупных землероек предполагают обилие наземных и почвенных беспозвоночных – червей и насекомых. Присутствие летяги схожей с ратуфой, обитающей ныне в лесах юго-востока Азии, указывает на развитие лесных массивов в умеренно-субтропических климатических условиях.

В галечно-гравийных прослоях литологического слоя 7 обнаружено несколько предметов палеолитического облика, представленных небольшой

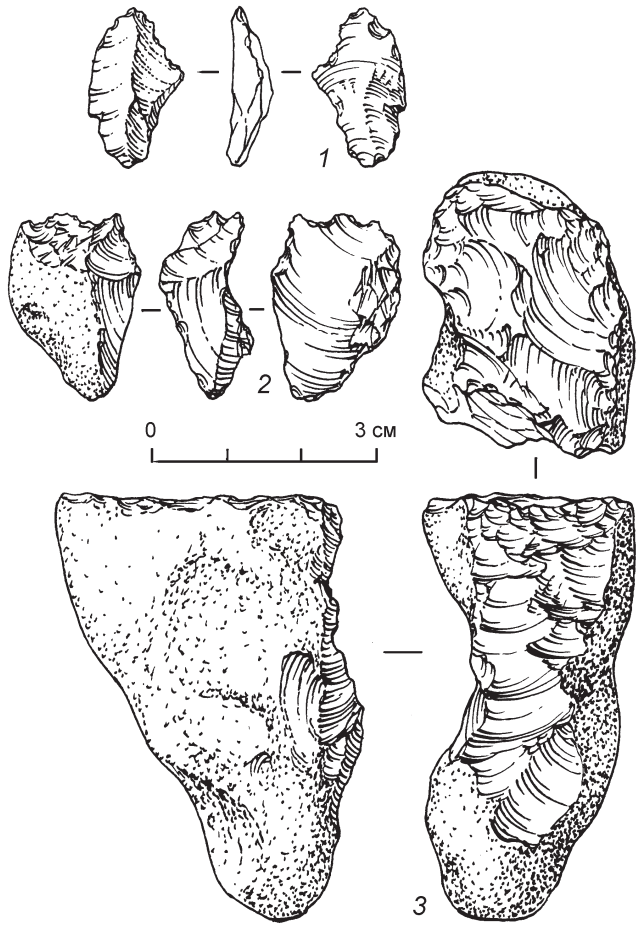

Рис 1. Предметы палеолитического облика
из стратиграфического слоя 7 местонахождения Жуковское:
1 – отщеп, *2* – острие-проколка, *3* – торцовый нуклеус.

галькой с серией преднамеренных снятий и двумя сколами. Эти предметы могут рассматриваться как торцовый одноплощадочный нуклеус (рис. 1, *3*), острие-проколка (рис. 1, *2*) и отщеп (рис. 1, *1*). Исходным материалом для них служила хорошо окатанная (до 3-го класса) галька халцедоновидного кремня (определение Н.А. Кулик, ИАЭТ СО РАН). Характер галечной поверхности указывает на интенсивный аллювиальный транзит материала. Вместе с тем присутствие в континентальных отложениях этого разреза раковин морских моллюсков хорошей сохранности, свидетельствует о незначительном переносе материала при формировании аллювиальной толщи. В любом случае предметы палеолитического облика залегают в едином стратиграфическом контексте с костными останками мелких позвоночных, геологический возраст которых не моложе верхнего плиоцена, т.е. около 2 млн лет.

Список литературы

Агаджанян А.К. Мелкие млекопитающие плиоцен-плейстоцена Русской равнины. – М.: Наука. – 2009. – 674 с.

Амирханов Х.А. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе. – М.: ТАУС. – 2007. – 52 с.

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н. Материалы к проблеме прикаспийского пути первоначального заселения юго-востока Европы // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. – М.: Наука. – 2006. – С 91–97.

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Зенин В.Н., Лещинский С.В. Ранний палеолит юго-восточного Дагестана. – Новосибирск. – Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 2009.– 124 с.

Щелинский В.Е., Кулаков С.А. Каменные индустрии эоплейстоценовых раннепалеолитических стоянок Богатыри (Синяя Балка) и Родники на Таманском полуострове (Южное Приазовье, Россия) // Древнейшие миграции человека в Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 2009. – С. 188–206.

А.П. Деревянко, А.А. Анойкин, М.А. Борисов

РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ РУБАС-1 (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ В 2009 ГОДУ)*

В 2009 г. Дагестанским отрядом совместной экспедиции ИАЭТ СО РАН и ИЭА РАН были продолжены археологические работы на местонахождении Рубас-1 (Табасаранский район, Республика Дагестан) [Деревянко и др., 2006; Деревянко и др., 2009].

Местонахождение локализовано в теле древнего оползня, в настоящее время имеющего вид 28-метрового террасовидного уступа. Стационарные работы на объекте начались в 2006 г., когда на обращенном к реке склоне была заложена разведочная траншея шириной 2 м, состоящая из нескольких ступеней, общей протяженностью 28 м и глубиной до 18 м от края уступа. На глубине ≈ 16 м от точки начала работ, на небольшом участке (≈ 2 кв. м) была вскрыта тонкая (до 0,15 м) гравийно-галечная прослойка, содержащая в небольшом количестве отдельности кремня, в том числе и с признаками искусственного расщепления. В ходе работ 2007–2008 гг. площадь раскопок была значительно увеличена и на уровне нижнего культуросодержащего горизонта (сл. 5) составила 110 кв.м. Общий раскоп размерами 22х5 м включил в себя и часть траншеи 2006 г. В 2009 г. к северо-западной стенке раскопа 2007–2008 гг. была сделана дополнительная прирезка итоговой площадью 28 кв.м (рис. 1,А).

В результате работ 2006–2009 гг. на сводном стратиграфическом разрезе памятника выделены следующие литологические подразделения (рис. 1,В) [Деревянко и др., 2009]:

В основании разреза залегают горизонтально-слойчатые темно-серые глины (сл. 6). Осадки морского генезиса и предположительно имеют миоценовый возраст [Деревянко и др., 2008]. На глинах, с большим хронологическим разрывом, залегает нижний культуросодержащий слой (сл. 5) представленный гравийно-галечной прослойкой мощностью до 0,4 м, с зеленовато-серым алеврито-песчаным заполнителем. Сл. 5 перекрывают мелкозернистые карбонатные пески светло-коричневого цвета, с прослоями светлых желтовато-коричневых глин, в которых встречаются отпечатки листьев и стеблей травянистых растений (сл. 4). Мощность ~ 8 м. Выше, с большим хронологическим разрывом, залегают гравийно-галечно-

*Работа выполнена при поддержке РФФИ, проекты № 07-06-00096-а и 09-06-100000-к, и РГНФ, проект № 09-01-18097е.

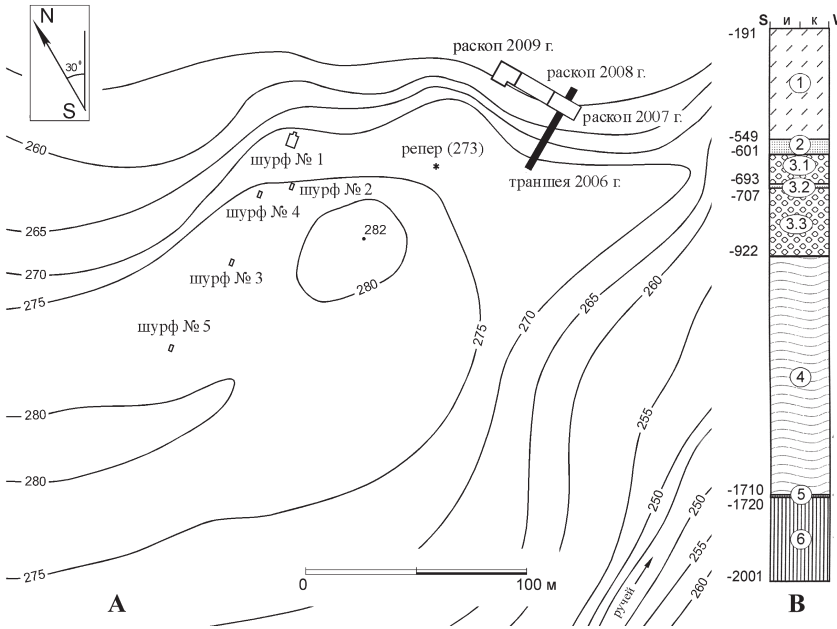

Рис. 1. Местонахождение Рубас-1. План-схема (А) и стратиграфическая колонка отложений по разрезу юго-западной стенки траншеи 2006 г. (В).

валунные отложения речного генезиса, местами слабо сцементированные до конгломерата (сл. 3). Встречаются невыдержанные по простиранию прослои желтовато-рыжего песка (до 0,4 м). Мощность ~ 3,5–3,8 м. В слое присутствует археологический материал среднепалеолитического облика. Галечники перекрывает аллювиальный песок с прослоями светло-серого алеврита (сл. 2). Мощность ~ 0,3–0,6 м. Венчает разрез пачка светло-коричневых супесчано-суглинистых отложений сложного генезиса (совокупность коллювиальных, делювиальных и эоловых процессов) – сл. 1. В слое выявлено несколько уровней залегания каменных артефактов, относящихся к финалу среднего – верхнему палеолиту. Мощность – до 4 м. [Деревянко и др., 2009].

Анализ разреза позволяет выделить четыре разновозрастные пачки [Лещинский и др., 2009]. Пачка 1 (слой 6; тортонский век, $N_1^2{}_{tr}$) представляет собой илы шельфа (глубина вод от 20 до 200 м). Пачка 2 (слои 5 и 4; позднеакчагыльское время, $N_2^3{}_{ak}$) сформирована в субаэральных и субаквальных (на глубинах от 0 до 15 м – пляжная, предфронтальная и переходная зоны) условиях морского побережья. Пачка 3 (слои 3 и 2; поздний (?) неоплейстоцен) – речной аллювий. Пачка 4 (слой 1; поздний неоплейстоцен – голоцен) – субаэральные образования [Там же…, С. 147]. Обоснование возраста отложений базируется на совокупности геологических и палеонтологических данных. Так в подошвенной части слоя 4 было

обнаружено большое количество раковинок и створок остракод хорошей сохранности, редкие фораминиферы (*Rotalia* ***beccari*** (Linne) и др.) и гастроподы. Доминанты среди остракод: эвригалинные *Cyprideis* ***littoralis*** (Brady) и *Cyprideis* ***punctillata*** (Brady). Другие виды – солоновато-пресноводные формы: *Limnocythere* aff. ***luculenta*** Livental, *Limnocythere* ***tenuireticulata*** Suzin, *Candona* ***abichi*** Livental, *Ilyocypris* ***bradyi*** Sars, *Eucypris* aff. *puriformis* Mandelstam. Наиболее важно присутствие в слое значительного количества *L.* ***tenuireticulata*** Suzin и *L.* aff. *luculenta* Livental. Первый вид появляется в акчагыльское время и для него типичен. Распространение второго – с акчагыльского до бакинского времени, где он угасает. Вид *C.* ***punctillata*** (Brady) известен в отложениях миоцена - апшерона. Раковины акчагыльских видов *C.* ***abichi*** Livental и *E.* aff. *puriformis* Mandelstam имеют признаки локального переноса. *C.* ***littoralis*** (Brady) и *I.* ***bradyi*** Sars – виды широкого распространения. Таким образом, состав остракод и литология осадков позволяют предполагать осадконакопление в опресненных прибрежных водах акчагыльского моря [Там же…, С. 147].

Древнейший археологический комплекс памятника связан со сл. 5. Среди угловатых обломков кремня, представленных в незначительном количестве в гравийно-галечной составляющей слоя (основную массу составляют обломки известняка и песчаника), некоторые предметы имеют признаки искусственной обработки. Диагностика изделий затруднена сильной «сглаженностью» поверхности предметов, что, скорее всего, связано с абразионным воздействием на них песка в пляжно-прибрежных условиях, в которых формировался слой, и особенностями самого кремневого сырья (сильная внутренняя трещиноватость, следствием которой были частые случаи природного раскалывания отдельностей кремня и образование по их краям участков с «естественной» ретушью). В ходе работ 2009 г. было обнаружено более 700 экз. кремня. Окатанные обломки, в основном, имеют размеры до 5 см, хотя встречаются единичные экземпляры до 20 см по длинной оси.В общей сложности около 100 экз. кремня имеют признаки искусственного (?) расщепления разной степени выраженности. Сохранность и облик предметов определили разделение коллекции на три группы по степени выраженности антропогенного воздействия. Артефакты первой группы представлены сколами, легко диагностируются, имеют типологическую привязку и выраженную системность обработки. Изделия второй группы представлены нуклевидными формами, а также обломками и осколками, вторичная отделка которых позволяет диагностировать возможную системность обработки и выделить рабочие участки. Также в эту категорию попадает группа мелких сколов, для которых нельзя исключать возможность образования при раскалывании кремневых обломков и галек вследствие соударений. Общее количество изделий в группах 1 и 2 составляет 44 экз. Предметы из третьей группы (62 экз.), представлены обломками и осколками, видимая вторичная отделка которых не имеет четкой системы, не образует

выраженных рабочих элементов, но все же может носить и антропогенный характер.

Анализ коллекции показал, что форма и размер артефактов во многом определяются формой и размером естественных обломков, использовавшихся в качестве исходного сырья, которые, в свою очередь, обусловлены особенностями морфологии и генезиса кремня в этом районе. При этом важнейшим фактором, влияющим на утилизационные характеристики кремня, является многократное проявление крупных тектонических нарушений, приводивших к появлению в его желваках скрытой трещиноватости [Деревянко и др., 2009].

Сравнительный анализ кремня в галечном материале и коренном залегании показал, что при раскалывании небольших желваков часто образовывались «изогнутые» обломки, что, вместе с характерным для кремня раковистым изломом, создает предпосылки для образования «выемчатых» контуров краев и «клювовидных» выступов на концах предметов. Также при раскалывании субцилиндрических желваков часто образуются обломки уплощенной и удлиненной формы, сходные сколам типа «цитрон» [Там же…, С. 47].

В силу этих особенностей местный кремень изначально колется очень «артефактоподобно». Кроме того, диагностика артефактов дополнительно осложняется мелкой «псевдоретушью» на тонких краях предметов, вследствие раковистого скалывания кремня при обламывании, а также «забитостями» и «выемками» на ребрах и вершинах обломков, возникающими при их перемещении. Вместе с тем, полный петрографо-минералогический анализ коллекции и исходного сырья позволил отсеять часть предметов, несмотря на признаки «артефактности», имеющих естественное происхождение и более четко локализовать небольшую группу артефактов, чьи параметры позволяют предполагать их искусственную природу.

Артефакты 1 и 2 группы – 44 экз. Из них: колотые гальки – 1, нуклевидные формы – 1 (рис. 2,*9*), сколы – 35 (рис. 2,*1–4,6,8*), обломки – 7. Сколы: крупные – 2, средние – 11, мелкие – 22. Все определимые остаточные ударные площадки гладкие; дорсальные поверхности – гладкие, с бессистемной огранкой и естественные. Орудийный набор (11): скребловидные орудия – 2 (рис. 2,*7*); атипичный скребок (?) – 1; орудия с шипом – 2; выемчатые орудия – 3 (рис. 2,*5*), скол с ретушью (?) – 1, обломки с ретушью (?) – 2.

Согласно предварительным стратиграфическим оценкам возраста раннепалеолитический комплекс Рубаса-1 является одной из древнейших археологических индустрий на Кавказе. На сегодняшний день наиболее близкие аналогии данным артефактам прослеживаются в материалах стоянки Дарвагчай-1, датируемых ≈ 600 тыс.л.н. (бакинское время (Q_1b)), что свидетельствуют о длительном существовании и развитии раннепалеолитических микроиндустрий на территории Северо-Восточного Кавказа.

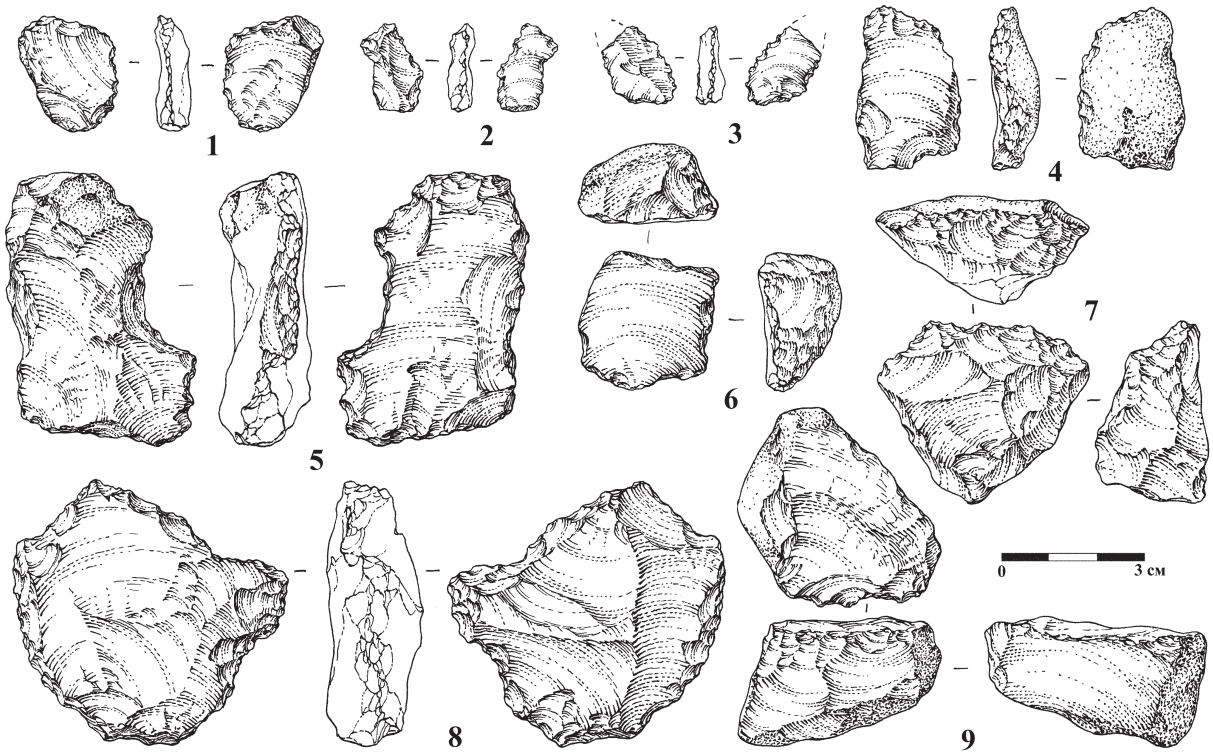

Рис. 2. Местонахождение Рубас-1. Раскоп 1. Каменные артефакты (художник А.В. Абдульманова).
1-4, 6, 8 – сколы; *5* – выемчатое орудие; *7* – скребловидное орудие; *9* – нуклеус.

Список литературы

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Зенин В.Н., Лещинский С.В. Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 124 с.

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Борисов М.А., Рудая Н.А. Раннепалеолитический комплекс местонахождения Рубас-1 (по материалам работ 2009 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 42–47.

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Лещинский С.В., Славинский В.С., Борисов М.А. Нижнепалеолитический комплекс местонахождения Рубас-1: предварительные результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 65–70.

Лещинский С.В., Коновалова В.А., Бурканова Е.М., Бабенко С.Н. Обоснование относительного возраста раннепалеолитических местонахождений Дарвагчай-1 и Рубас-1 (Южный Дагестан) // Древнейшие миграции человека в Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – С. 140–149.

А.П. Деревянко, В.Н. Зенин, А.Г. Рыбалко, А.А. Анойкин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ФИНАЛА СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА СТОЯНКИ ДАРВАГЧАЙ-ЗАЛИВ-1 (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОДЪЕМНЫХ СБОРОВ В 2009 ГОДУ)*

В ходе обследования отмелей небольшого залива на правом берегу Геджухского водохранилища в 2007 г. было собрано несколько десятков изделий из кремня. Новое местонахождение получило название Дарвагчай-залив 1 [Деревянко и др., 2007]. Памятник расположен на правом берегу Геджухского водохранилища (р. Дарвагчай) координаты: 42°07'36.7" с.ш., 048°01'51.2" в.д. В 2009 г. производились разведочные исследования на юго-западном склоне древнекаспийской террасы. Терраса имеет неровную распаханную поверхность, абсолютная высота колеблется в пределах 154–167 м.

В процессе работ на верхней распаханной части террасы, на территории примыкающей к памятнику, собранна довольно представительная коллекция каменных артефактов. Отбирались все нуклевидные изделия, предметы с вторичной отделкой, а также сколы (целые и фрагменты) имеющие определимые ударные площадки. В состав коллекции не были включены обломки и осколки, а также желваки и гальки с сомнительными сколами. В целом материалы данной коллекции составляют примерно 80 % от всех экспонированных на поверхности изделий.

В качестве сырья для изготовления артефактов использовался кремень, а также окремненные песчаники и известняки в виде окатанных желваков галек и их обломков. Поверхность изделий, без изменений или слабо выветренная, покрыта розовато-красноватой или бежевой патиной, а в некоторых случаях толстой (до 1 мм) карбонатной коркой.

Общее количество артефактов – 109 экз.

Первичное расщепление (104 экз.) представлено нуклеусами – 29 экз., нуклевидными обломками – 3 экз. и сколами – 72 экз.

Одноплощадочные монофронтальные нуклеусы – 16 экз. Самая многочисленная группа. Двенадцать изделий имеют плоский фронт скалывания, из них у двух предметов снятия производились поперек длинной оси заготовки.

В большинстве случаев изделия массивные продолговатой формы, два предмета плоские сильно истощенные миниатюрных размеров. Ударные

*Исследования выполнены при поддержке РГНФ, проекты № 08-01-00321а и 09-01-18097е.

площадки скошенные (9 экз.) и сильно скошенные (7 экз.), гладкие (7 экз.) и двугранные (5 экз.) оформлены одним или серией сколов, в двух случаях корочные. На рабочих плоскостях нуклеусов видны негативы укороченных снятий средних и мелких размеров. Выделяются четыре изделия, имеющие выпуклый фронт скалывания. Ударные площадки подготовлены серией сколов. На одном нуклеусе конусовидной формы (рис. 1,*1*) присутствуют негативы пластинчатых снятий (подпризматический).

Двуплощадочные монофронтальные нуклеусы – 4 экз. У двух нуклеусов скалывание производилось во встречном направлении. Ударные площадки подготовлены серией сколов. Изделия подтреугольные в поперечном сечении, контрфронт покрыт желвачной коркой. Один предмет подтрапециевидной формы в плане фронт скалывания плоский, снятия производились вдоль длинной оси заготовки. Второй нуклеус миниатюрных размеров прямоугольный в плане, рабочая плоскость выпуклая, ударные площадки расположены на продольных краях заготовки. Два других нуклеуса относятся к продольно-поперечной системе расщепления. Изделия массивные продолговатые в плане, ударные площадки скошенные подготовлены серией сколов, фронты скалывания уплощенные.

Леваллуазские нуклеусы – 4 экз. Все изделия округлой формы. У одного нуклеуса широкие плоскости оформлены серией центростремительных сколов (черепаховидный) на фронте скалывания виден негатив широкого укороченного снятия (рис.1,*2*). Другой нуклеус имеет контрфронт покрытый галечной коркой, левая латераль оформлена двусторонними сколами, на рабочей плоскости виден негатив подтреугольной формы (рис. 1,*3*). Два последних нуклеуса представлены в виде сильно сработанных форм.

Радиальные односторонние нуклеусы – 4 экз. Изделия округлые в плане, контрфронт покрыт желвачной коркой на плоскости расщепления видны негативы центростремительных снятий. Два нуклеуса массивные пирамидальной формы (рис.1,*6*), два других плоские сильно истощенные.

Двуплощадочный двусторонний нуклеус – 1 экз. Предмет шаровидной формы. Один фронт скалывания расположен на широкой плоскости, ударная площадка оформлена сколами. Во втором случае ударная площадка гладкая скалывание отщепов производилось с торца заготовки.

Индустрия сколов представлена 72 экз. Первичные отщепы насчитывают – 10 экз. (все целые, средних размеров). Остаточные ударные площадки: корочные – 5, гладкие – 4, двугранные – 1. Вторичные отщепы – 4 экз. (все целые), из них: крупные – 1, средние – 3. Остаточные ударные площадки: корочные – 2, гладкие – 2. Обычные отщепы – 37 экз., из них целые – 22, в том числе: крупные – 2, средние – 15, мелкие – 5. Определимые ударные площадки: корочные – 5, гладкие – 15, двугранные – 5, фасетированные – 5, точечные – 1. Краевые сколы – 5 экз. (целые), из них: крупные – 2, средние – 2. Остаточные ударные площадки: корочные – 2, гладкие – 2, двугранные – 1. Пластинчатые сколы – 7 экз., из них целые – 5, в том числе: средние – 4, мелкие – 1. Определимые ударные площадки: гладкие – 3,

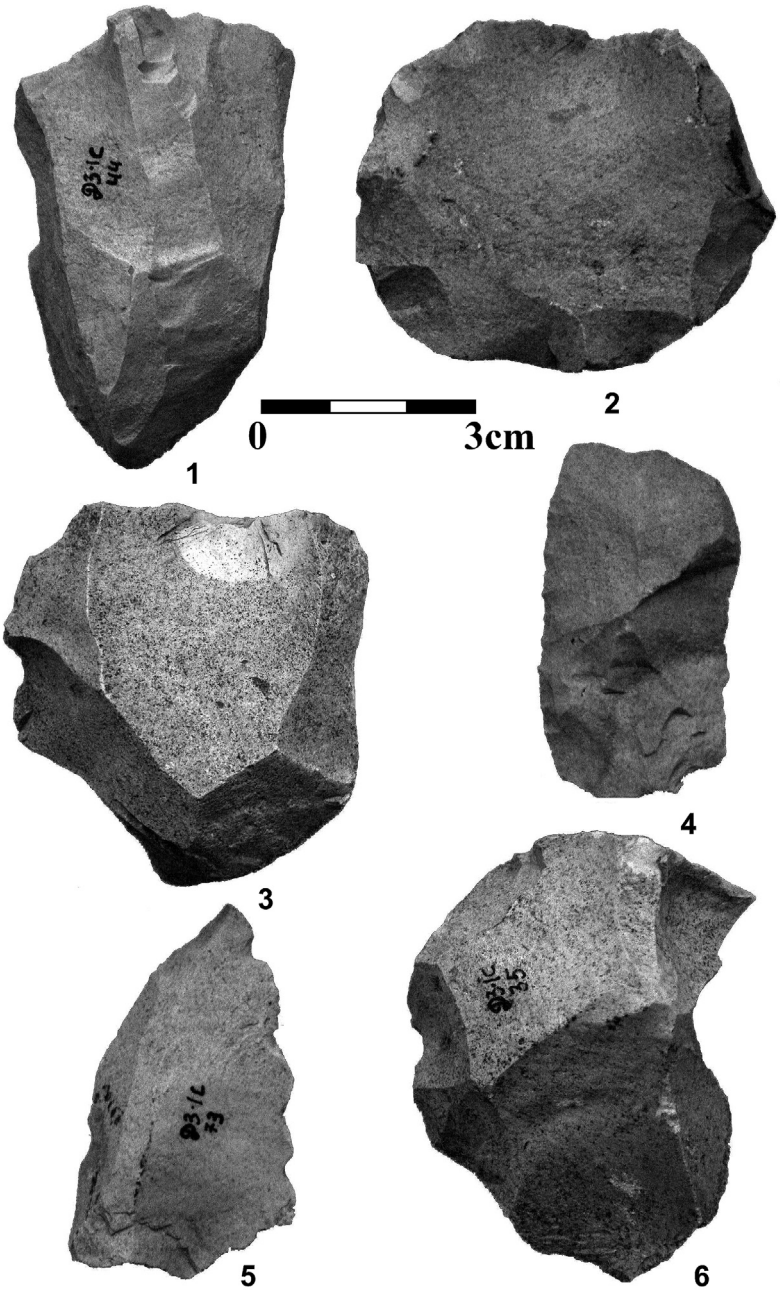

Рис. 1. Каменные артефакты. Дарвагчай-залив-1 (подъемные сборы).

фасетированные – 3. Пластины – 4 экз., из них одна целая крупного размера, три других представлены: проксимальными – 2 (крупный и средний) и дистальным (средний) фрагментами. Три сохранившиеся ударные площадки фасетированные. Леваллуазские сколы – 5 экз., изделия средних размеров представлены: пластинами – 3 экз. (одна в виде проксимального фрагмента), широким укороченным отщепом овальной формы и острием. Остаточные ударные площадки у всех сколов фасетированные выпуклые.

Орудийный набор – 16 экз.

Скребла – 4 экз., все орудия с одним рабочим краем представлены продольными (4 экз.) и поперечными (1 экз.) формами. Два продольных скребла выполнены на массивных обломках крупных размеров, лезвия слабовыпуклые неровные оформлены крутой, односторонней, разнофасеточной ретушью. Другое скребло крупных размеров выполнено на фрагменте отщепа, прямое лезвие подготовлено плоской, регулярной, ретушью. Последнее изделие с продольным расположением рабочего края выполнено на леваллузской пластине средних размеров, слабовыпуклое лезвие оформлено плоской и стелющейся регулярной ретушью (скребло-нож) (рис.1,*4*). Скребло с поперечным расположением лезвия оформлено на пластинчатом сколе средних размеров, рабочий край подготовлен вертикальной, ступенчатой, зубчатой ретушью.

Выемчатое орудие выполнено на обломке желвака средних размеров. Лезвие оформлено крутой, разнофасеточной ретушью.

Зубчатое орудие подготовлено регулярной зубчатой ретушью, на поперечном крае первичного отщепа средних размеров.

Леваллузское острие с ретушью. Один край проксимальной части изделия подправлен полукрутой, чешуйчатой ретушью (рис.1,*5*).

Нож выполнен на краевом сколе крупных размеров. Обушок покрыт желвачной коркой, противолежащий выпуклый край имеет следы нерегулярной, краевой ретуши.

Орудие с шипом. В качестве заготовки использовался массивный желвак продолговатой формы. На одной продольной стороне сколами и разнофасеточной ретушью оформлен крупный приостренный выступ.

Чоппинговидное изделие выполнено на обломке желвака продолговатой формы. Поперечные края носят следы укороченных сколов, а также многочисленных смятостей и забитостей.

Сколы с ретушью – 5 экз. Изделия крупных (1) и средних (4) размеров. Ретушь односторонняя, краевая, мелкая.

Собранная коллекция предметов позволяет сделать ряд следующих предварительных заключений. Преобладают изделия средних размеров, артефакты выполнены из однообразного сырья, имеют одинаковую степень сохранности поверхности и изготовлены в единой технической традиции. Обращает на себя внимание значительное количество нуклеусов (29 экз. – 26% от общего числа предметов). В целом коллекция имеет ярко выраженный мустьерский облик. Первичное расщепление представлено

леваллуаскими и одноплощадочными монофронталыми ядрищами параллельного принципа расщепления. Выразительными сериями представлены удлиненные сколы и пластины. Среди остаточных площадок преобладают фасетированные и гладкие. Орудийный набор представлен в виде разнообразных скребел и сколов с ретушью. Общий облик данной индустрии позволяет предварительно рассматривать ее в рамках финальной стадии среднего палеолита. В процессе дальнейших исследований очень вероятной представляется возможность обнаружения артефактов в стратифицированном состоянии.

Список литературы

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Кулик Н.А., Зенин И.В. Исследования раннего палеолита в Южном Дагестане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 78–79.

А.П. Деревянко, В.Н. Зенин, А.Г. Рыбалко, Н.А. Кулик

ДРЕВНЕЙШИЙ КУЛЬТУРОСОДЕРЖАЩИЙ ГОРИЗОНТ СТОЯНКИ ДАРВАГЧАЙ-1*

Стоянка Дарвагчай-1 стационарно исследуется с 2005 года [Деревянко и др., 2005]. В раскопах и береговых обнажениях Геджухского водохранилища получена серия разрезов, характеризующих стратиграфическую ситуацию на участке местонахождения. Анализ разреза позволяет выделить три разновозрастные пачки отложений, отделенные друг от друга существенными стратиграфическими перерывами с явными следами размыва. Пачка 1 (включает слой 1) генетически соответствует переходной зоне между шельфом и побережьем (глубина вод в среднем 8–15 м). Пачка 2 (слои 2–9) сформирована в условиях типичного морского побережья в интервалах глубин от 0 до 15 м (переходная, предфронтальная и пляжная зоны). Пачка 3 (слои 10–13) сформирована, преимущественно, в субаэральных условиях – ведущую роль в осадконакоплении играли коллювиальные, делювиальные, пролювиальные и элювиальные процессы (подробнее см.: [Деревянко и др., 2009]).

За время исследований культурные материалы были зафиксированы в прибрежно-морских осадках раннего неоплейстоцена (бакинский интервал) – слои 5–8. Нижележащие отложения неоплейстоцена (слои 3 и 4) в предыдущие годы не вскрывались, за исключением локальных участков вдоль берегового обнажения водохранилища. До недавнего времени наиболее древними считались малочисленные артефакты из слоя 5, но предполагалось, что они могут быть переотложенными из слоя 4 [Деревянко, Зенин, 2007]. На это указывали характеристики слоя 5 и редкие окатанные обломки кремня с признаками расщепления из слоя 4, которые можно было трактовать и как результат воздействия природных факторов.

Раскопки стоянки Дарвагчай-1 в июле-сентябре 2009 года проводились на площади 30 кв.м. на двух участках (сектор № 7–12 кв.м. и сектор № 8–18 кв.м.). В результате были полностью вскрыты отложения слоев 5–9 (ранний неоплейстоцен – бакинский интервал), а слой 4 разбирался локально – в секторах 6 и 8. Культурные материалы зафиксированы в слоях 4, 5, 6, 7/2, 7/4 и 8 (табл. 1). Общее количество полученных в раскопе 2009 года артефактов составило 1713 экз. Отмечено абсолютное преобла-

*Исследования выполнены при поддержке РГНФ, проекты № 08-01-00321а, 09-01-18097е.

Таблица 1. Стоянка Дарвагчай-1. Распределение каменного инвентаря по слоям. Материалы раскопок 2009 года.

категория, тип	слой 4	слой 5	слой 6	слой 6+7	слой 7/2	слой 7/4	слой 8	всего
первичное расщепление:								
галька со сколами	2			7	10		33	52
обломок	7		10	142	48	6	266	479
скол	2	2	1	47	18	5	130	205
осколок	10		1	137	48	4	225	425
нуклеус				10	2		16	28
всего:	*21*	*2*	*12*	*343*	*126*	*15*	*670*	*1189*
орудия:								
выемчатое орудие	4			56	13	1	86	160
долотовидное орудие				1			3	4
зубчатое орудие				4	1		11	16
клювовидное орудие				1	1		2	4
пробойник				5			7	12
нож					1			1
острие							1	1
резец	1			2			2	5
скол/осколок с ретушью			3	46	19	2	101	171
скребло				2	1	1	14	18
скребок	1	1	2	20	9	1	46	80
шиповидное орудие	1		1	18	8	2	21	51
чоппер							1	1
всего:	*7*	*1*	*6*	*155*	*53*	*7*	*295*	*524*
итого:	28	3	18	498	179	22	965	**1713**

дание кремневого сырья, как в первичном расщеплении, так и для изготовления орудий (более 99 %). Сырьем служили хорошо окатанные гальки, желваки, аморфные обломки и плитчатые отдельности. Их размер колеблется в пределах от 4 до 15 см. Обилие кремня на участке расположения стоянки, несмотря на его трещиноватость, позволяло отбирать материалы пригодные для изготовления орудий размером более 5 см.

В процессе раскопок отмечены серьезные нарушения слоев в виде отрывов крупных блоков ракушняка от тела берегового вала (слой 6) и их смещение в юго-восточном направлении. В результате смещения глыб были смяты и частично срезаны слои 4–6, а образовавшиеся трещины

были заполнены отложениями слоя 8. В локальных понижениях рельефа создавались относительно благоприятные условия для накопления различных фаунистических остатков – раковин моллюсков и костей крупных млекопитающих. Большинство найденных костей представлено в виде неопределимых фрагментов зубов, трубчатых или костной трухи.

Типолого-морфологический состав индустрии в целом не изменился – сохраняется преобладание орудий размером до 30 мм и перечень основных категорий каменного инвентаря. Изменения наблюдаются лишь в процентном соотношении отдельных типов и категорий внутри технокомплексов. Особую значимость имеет установление культурных материалов в отложениях слоя 4, являющихся наиболее ранними на месте стоянки.

В настоящее время коллекция каменных материалов с признаками расщепления из слоя 4 стоянки Дарвагчай-1 составляет 57 экз. Все предметы выполнены их кремня, обладают слабой и средней степенью окатанности и восковым блеском поверхности раскалывания. В качестве сырья использовалась преимущественно галька. Достоверно установить использование желваков и плиток кремня по имеющимся материалам не представляется возможным. Пористые участки сохранившейся галечной корки на ряде предметов прокрашены окислами железа (цвет – от коричневого до черного).

Морфологически выраженные *нуклеусы* в коллекции отсутствуют. Достаточно представительную серию составляют *нуклевидные обломки* – 10 экз., включая две колотые гальки с негативами разнонаправленных снятий. Размеры изделий – от 19 до 75 мм. Галечная корка сохранилась у шести предметов. В качестве ударных площадок диагностируются галечные (корочные) или гладкие поверхности раскалывания галек. Минимальное количество негативов сколов на поверхности обломков – 3, максимальное – 9. Скалывание производилось «бессистемными», встречными и однонаправленными сколами.

Обломки – 12 экз. Представлены массивными аморфными образцами кремня с негативами мелких сколов на поверхности. Размеры изделий – от 13 до 28 мм. Участки галечной корки сохранились у пяти предметов.

Осколки – 21 экз. Представлены преимущественно плоскими образцами кремня с признаками вентральной и дорсальной поверхности, но лишенные остаточных ударных площадок. Размеры образцов колеблются от 11 до 52 мм. Направление скалывания на вентральной поверхности часто невозможно определить с полной уверенностью. Дорсальная поверхность у десяти предметов сохраняет участки галечной корки (частично или полностью). Огранка спинок слабо диагностируется – она, как правило, бессистемная, в виде мелких разнонаправленных снятий. Примерно у половины изделий наблюдается выкрошенность по краям или участки с 2–3 фасетками ретуши.

Сколы – 3 экз. Все они массивные, укороченные, обладают полным набором признаков намеренного скалывания (вентральная поверхность,

ударный бугорок, ударная площадка). Размеры сколов – от 18 до 22 мм. Один из сколов является первичным, два других имеют огранку разнонаправленными снятиями. Ударные площадки у двух сколов гладкие, у третьего – двугранная. Ударные бугорки рельефные, хорошо выражены, занимают до половины вентральной поверхности.

Орудийный набор представляют 11 изделий. В качестве основ для изготовления орудий использовались мелкие гальки, обломки, осколки и целые сколы. Доминирующее положение в группе занимают выемчатые и шиповидные орудия.

Выемчатые орудия – 5 экз. Одно из них изготовлено на мелкой плоской гальке (29×20×11 мм). Вогнутое лезвие организовано на конце заготовки отвесной клектонской выемкой с последующей подправкой мелкой краевой ретушью. Другое орудие изготовлено на подтреугольном в плане галечном обломке (48×44×19 мм). Слабовогнутое лезвие протяженностью 27 мм расположено на коротком крае заготовки и оформлено многорядной крутой ретушью. Три других орудия изготовлены на осколках (размеры: 31×23×12 мм, 20×15×9 мм, 13×10×5 мм). Их лезвия оформлены в двух случаях отвесной ретушью, а в одном – клектонской выемкой.

Шиповидные орудия – 3 экз. Рабочий элемент орудия на осколке (14×10×2 мм) выделен мелкой краевой ретушью. Другое орудие изготовлено на углу обломка края скребловидного орудия (29×11×8 мм) путем нанесения крутой ретуши на участке слома. Третье орудие изготовлено на первичном сколе с гладкой ударной площадкой (22×22×7 мм). Шиповидное острие выделено ретушированными выемками на углу дистальной части заготовки.

Прочие орудия представлены по одному экземпляру. В их числе: *нуклевидный скребок* на обломке (31×26×21 мм), *зубчатое орудие* на осколке (36×13×9 мм) и атипичный угловой *резец* на обломке (29×18×14 мм).

В представленной коллекции изделий из кремня отчетливо выделяется серия бесспорных сколов, включая образцы преобразованные в орудия. Это позволяет считать слой 4 наиболее ранним культуросодержащим горизонтом в стратиграфической последовательности стоянки Дарвагчай-1. Его стратиграфическая позиция между слоями 3 и 5, в которых установлено доминирование раннебакинских видов остракод [Лещинский и др., 2008] позволяет предполагать и соответствующий относительный возраст палеолитической индустрии.

Список литературы

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Чепалыга А.Л. Палеолитическое местонахождение бакинского времени Дарвагчай 1 (предварительные данные) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и

этнографии СО РАН 2005 г.) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – Т. XI., часть I. – С. 68–73.

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Зенин В.Н., Лещинский С.В. Ранний палеолит юго-восточного Дагестана. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2009. – 124 с.

Деревянко А.П., Зенин В.Н. Первые результаты исследований раннепалеолитической стоянки Дарвагчай-1 в Дагестане // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 4 (32). – С. 29–51.

Лещинский С.В., Коновалова В.А., Бурканова Е.М., Бабенко С.Н. Палеонтолого-стратиграфические исследования в районе раннепалеолитических местонахождений Южного Дагестана // Ранний палеолит Евразии: новые открытия: Материалы международной конференции (Краснодар – Темрюк, 1–6 сентября 2008 г.). – Ростов-на-Дону: [б.и.], 2008. – С. 79–81.

А.П. Деревянко, В.Н. Зенин, А.Г. Рыбалко,
С.В. Лещинский, И.В. Зенин

ДАРВАГЧАЙ-ЗАЛИВ-1 – НОВЫЙ МНОГОСЛОЙНЫЙ ПАМЯТНИК В ЮЖНОМ ДАГЕСТАНЕ*

В ходе обследования береговых обнажений и отмелей небольшого залива в районе населенного пункта Кудагу на правом берегу Геджухского водохранилища в 2007 г. на двух локальных участках собрано несколько десятков изделий из кремня. Новые местонахождения получили названия Дарвагчай-залив 1 (ДЗ-1) и 2 (ДЗ-2) [Деревянко и др., 2007]. Сборы артефактов местонахождения ДЗ-1 (координаты: 42°07'36.7" с.ш., 048°01'51.2" в.д.) производились у подножья крутого юго-западного склона останца древнекаспийской террасы высотой 165–167 м а.в.. Верхняя часть останца имеет неровную распаханную поверхность. Высота склона в районе памятника от уреза водохранилища составляет 50 м. В нижней части склона на высоте 11–14 м от уреза прослеживается структурный уступ в виде пояса обнажений ракушняков и песчаников (бакинские отложения).

В 2009 г. при обследовании территории пляжа на площади 50–60 кв.м. собрана коллекция артефактов из 94 предметов. Часть изделий получена из стенки обнажения непосредственно примыкающего к пляжу. На месте обнажения был заложен шурф-врезка размером 1×3 м., а на склоне террасы (выше линии ракушняков) были заложены 2 шурфа размерами 1×2 м. Впоследствии количество шурфов было увеличено до шести. Шурфы размещены длинной стороной вдоль склона по одной линии (рис. 1). В процессе работ на распаханной части террасы собрана представительная коллекция (109 экз.) артефактов.

Ниже приводятся описание разрезов (сверху вниз) в шурфах, где наиболее наглядно представлена стратиграфическая ситуация и обнаружен массовый археологический материал.

Шурф-врезка 1.

Слой 1**.** Серо-коричневая супесь с большим содержанием песка, примесью дресвы, мелкого щебня, гравия и хорошо окатанных галек (до 0,1 м). Состав обломков: известковистый и окремненный тонко-, мелкозернистый песчаник и алевролит. Цвет обломков светло-серый, желтовато-серый, розовато серый, желтовато-коричневый. Сортировка и ориентировка обломочного материала отсутствуют. Слой пронизан корнями современ-

*Исследования выполнены при поддержке РГНФ, проекты № 08-01-00321а, 09-01-18097е.

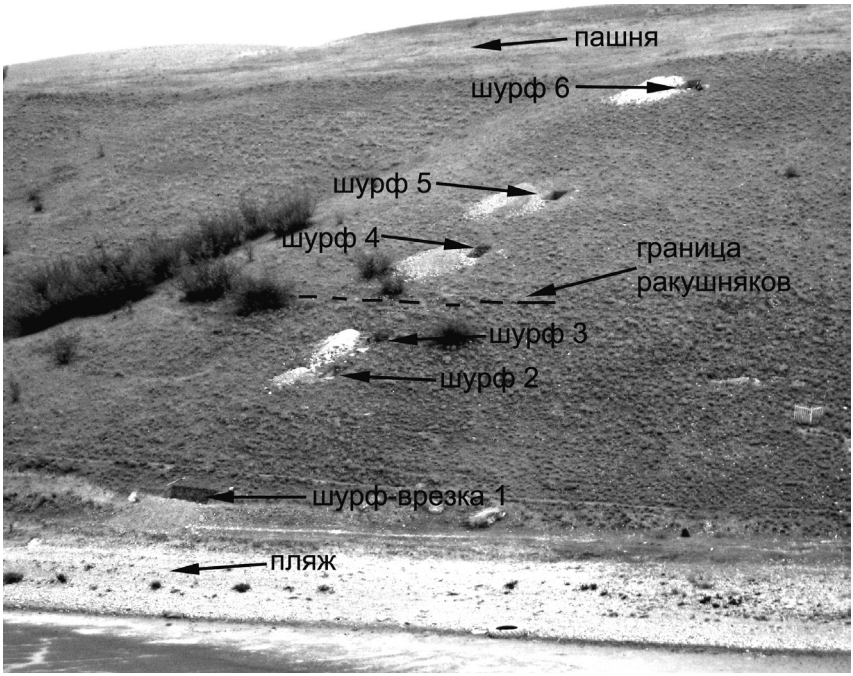

Рис. 1. Вид на местонахождение Дарвагчай-залив-1.

ных растений и ходами насекомых. Мощность слоя составляет 0,1–0,15 м. Подошва слоя нечеткая, но ясная, слабоволнистая, падает параллельно современному склону. Генезис отложений элювиально-коллювиальный (склоновый).

Слой 2. Коричневая (в сухом состоянии – светло-коричневая) супесь с большим содержанием обломочного материала: дресвы, щебня, полу – и хорошо окатанных галек. Размер галек до 0,15 м. Встречаются плоские глыбы ракушняка (до 0,55 м) с сильно выветренной поверхностью. Сортировка обломков отсутствует, плоский щебень, галька и глыбы ориентированы параллельно склону. В подошве слоя залегают хорошо окатанные валуны эллипсоидных и уплощенных форм (до 0,4 м). Мощность слоя 0,5–1,1 м. Подошва слоя четкая, не всегда ровная – видны промоины в нижележащих отложениях, заполненные в основном щебнем и галькой. Генезис склоновый. Отложения с явным перерывом (размывом) перекрывают нижележащие.

Слой 3. Зеленовато-коричневый (зеленовато-серый в сухом состоянии) алеврит с большим содержанием солей Ca и Na. Порода рыхлая, в сухом состоянии очень плотная. Текстура пятнистая (за счет пятен светло-серого алеврита). Видимая мощность слоя до 0,6 м. Возможно, отложения являются сильно выветренными образованиями акчагыла.

Шурф 3.

Слой 1. Аналог слоя 1 в шурфе 1. Отличие прослеживается в меньшем количестве галек и в большей доли обломков ракушняка. Мощность слоя составляет 0,1–0,15 м.

Слой 2. Сильно выветренный ракушняк диагонально-косослойчатый. Присутствуют мелкие обломки раковин моллюсков. Содержит линзы и прослои галечно-гравийного и песчано-алевритового материала. В нижней части слоя–прослой желто-коричневого песка. Видимая мощность более 1 м.

Шурф 5.

Слой 1. Опесчаненый суглинок очень плотный, серо-коричневого цвета. В кровле (до 0,1–0,15 м) с серым оттенком и значительной примесью хорошо окатанных гравия и гальки. Отложения залегают параллельно склону, что, вероятно, указывает на преобладание делювиального процесса осадконакопления. В средней части слоя много карбонатных стяжений, гравий и галька редки. Мощность слоя составляет 0,45–0,65 м. Подошва слоя нечеткая, ровная, падает параллельно склону.

Слой 2. Субаэральный (лессовидный?) желтовато-коричневый суглинок. Очень пористый, опесчаненый. В нижней части (0,2–0,3 м) появляется рыжеватый оттенок. Мощность по фасадной стенке 0,6–0,65 м. На боковой стенке шурфа отложения выклиниваются (срезаны слоем 1). Подошва слоя неровная, достаточно четкая, имеет небольшое падение.

Слой 3. Гравийно-галечные аллювиальные отложения с линзами и прослоями (мощностью до 0,4 м) глинистого крупнозернистого коричневого песка и опесчаненной темно-коричневой глины. Обломки разной степени окатанности. Сортировка обломков практически отсутствует, но ориентировка относительно четкая. Видимая мощность слоя более 1,4 м.

Шурф 6.

Слой 1. Серо-коричневая супесь с большим содержанием гравия и гальки (хорошо окатанной). Генезис элювиально-коллювиальный. Мощность 0,1 м. Подошва не всегда четкая, но ясная.

Слой 2. Аналог слоя 1 в шурфе 5 (делювий). Мощность 0,4 м. Подошва падает под меньшим углом относительно современного склона.

Слой 3. Гравийно-галечные отложения с примесью щебня и дресвы (аллювий). В заполнителе – крупно-, грубозернистый песок. Встречаются очень тонкие песчаные и глинистые линзочки (до 0,6 м). Сортировка обломков по размерности отсутствует. Ориентировка слабая. Видимая мощность слоя более 1,2–1,6 м.

Таким образом, в результате рекогносцировочных исследований на местонахождении Дарвагчай-залив-1 были обнаружены четыре разновозрастных комплекса палеолитических артефактов.

Комплекс 1. Коллекция предметов собранных на склоне и распаханной части террасы (109 экз.) имеет ярко выраженный мустьерский облик. Преобладают изделия средних размеров. Первичное расщепление представлено леваллуаскими и одноплощадочными монофронталыми ядри-

щами параллельного принципа расщепления. Выразительными сериями представлены удлиненные сколы и пластины. Среди остаточных площадок преобладают фасетированные и гладкие. Орудийный набор представлен в виде разнообразных скребел, скребков, сколов с ретушью. Общий облик индустрии и степень сохранности поверхности (без изменений или слабо выветренная) артефактов позволяют отнести ее к финальной стадии среднего палеолита.

Комплекс 2. Каменные изделия с пляжа (94 экз.) и в шурфе-врезке (234 экз.) предварительно могут быть отнесены к единой индустрии. Обращает на себя внимание значительное количество нуклеусов (54 экз. – 16% от общего числа коллекции). Первичное расщепление представлено преимущественно монофронтальными одно- и двуплощадочными ядрищами, с которых скалывали массивные отщепы крупных и средних размеров. Пластины представлены единичными экземплярами. Ударные площадки в основном гладкие и естественные, фасетированные площадки редки. Преобладают скребловидные орудия на крупных плитках, обломках галек и массивных сколах, присутствуют выемчатые и зубчатые изделия. Небольшое количество сколов носит следы нерегулярной, краевой ретуши. Общий облик и характер залегания обнаруженных артефактов позволяет предварительно датировать их в рамках начала среднего – финала раннего палеолита. Следует отметить очень высокую концентрацию артефактов и то, что большинство их не несет следов изменения поверхности. В шурфах расположенных выше линии ракушняков и на распаханной площадке подобные артефакты не обнаружены. Это позволило предположить, что не потревоженные делювиальными процессами археологические материалы могут быть расположены на участке, прилегающем к поясу ракушняков. Для выяснения этого и были заложены два шурфа ниже этого пояса. В результате раскопок было выяснено, что ракушняки в результате неотектонических процессов были частично разрушены, а продукты разрушения (глыбы, щебень) перекрывают доступ к ниже лежащим отложениям. Непосредственно в толще ракушняков обнаружены единичные изделия из кремня.

Комплекс 3. В шурфах расположенных выше линии ракушняков (№ 4–6) была выявлена галечно-гравийная толща, с линзами и прослоями суглинков и песков, аллювиального генезиса. Она содержит многочисленные артефакты из кремня (133 экз.). Поверхность изделий средне и слабо окатанная. Значительное количество изделий представлено в виде обломков и осколков средних и мелких размеров с элементами вторичной обработки. Немногочисленные сколы имеют массивные укороченные пропорции. Нуклеусы единичны. Среди орудий преобладают зубчатые, выемчатые, скребловидные и шиповидные изделия. Крупных изделий мало. В аналогичных отложениях (местонахождение Дарвагчай-карьер) ранее были выявлены несколько отщепов из кремня и ашельское рубило из серо-черного песчаника [Деревянко и др., 2005]. Характер залегания и степень

сохранности поверхности артефактов позволяют предварительно отнести их к раннему палеолиту, возможно, к финальной стадии.

Комплекс 4. Небольшая группа (4 экз.) артефактов получена непосредственно из толщи ракушняков (шурф 3). В их числе: нуклеус, скол и два обломка. Данные артефакты по условиям залегания фиксируют наиболее ранний этап присутствия человека на данном местонахождении (ранний палеолит, предположительно позднебакинское время).

Необходимость дальнейшего исследования местонахождения Дарвагчай-залив 1 несомненна. Впервые на территории Дагестана обнаружен многослойный археологический памятник, где в четких стратифицированных условиях отложений нижнего, среднего и верхнего неоплейстоцена обнаружены комплексы палеолитических индустрий. Это дает уникальную возможность установить последовательность развития палеолитической культуры, этапы заселения предгорной части Дагестана, культурно-типологический облик палеолитических технокомплексов и палеоэкологические условия их существования.

Список литературы

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А. Первые находки ашельских рубил в Дагестане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 49–53.

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Кулик Н.А., Зенин И.В. Исследования раннего палеолита в Южном Дагестане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 78–79.

А.П. Деревянко, А.В. Кандыба

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ОРХОН-1 И ОРХОН-7 (МОНГОЛИЯ)*

Вопрос о динамике развития каменных индустрий на территории Монголии всегда стоял особенно остро, в силу специфических условий осадконакопления. Поскольку большинство археологических объектов представляют собой места сборов подъемного материала, то изучение немногочисленных стратифицированных памятников становится наиболее важным.

Такими памятниками являются Орхон-1 и Орхон-7, расположенные в долине реки Орхон (Монголия), и обнаруженные совместной советско-монгольской экспедицией под руководством академика А.П. Деревянко Было установлено два крупных культурных подразделения, одно из которых относится к среднему палеолиту, другое к верхнему. В тоже время были проведены геологическая корреляция литологических слоев обоих памятников, палинологический, фаунистический анализы, получен ряд датировок из трех лабораторий [Деревянко, Николаев, Петрин, 1992].

В настоящей работе автор намерен дать технико-типологический анализ каменной индустрии, залегающей в одних и тех же литологических подразделениях, и, по предварительным исследованиям, отнесенной к верхнему палеолиту, и присутствующей на обоих памятниках, с целью уточнения принадлежности данного комплекса к конкретному этапу палеолита, его хронологические рамки, а также его сравнение с наиболее знаковыми памятниками сопредельных территорий.

К данному культурно-хронологическому этапу палеолита относятся верхние горизонты памятников Орхон-1 и Орхон-7. Общая численность составляет 4517 экз.

Нуклевидные изделия насчитывают 219 экз. (4,8% предметов комплекса), из них нуклеусов 43,8%. Господствующее положение занимает простое параллельное расщепление (57,7%) (рис. 1, *1–3*). Предварительное оформление как у ядрищ с продольной ориентацией, так и с поперечной, заключалось в оформлении скошенной, в отдельных случаях прямой, ударной площадки одним, реже несколькими сколами и оформления одной из латерали в виде ребра. Группа ядрищ с большим количеством фронтов и ударных площадок (23,3%) демонстрирует все ту же параллельную систе-

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 09-01-00028а.

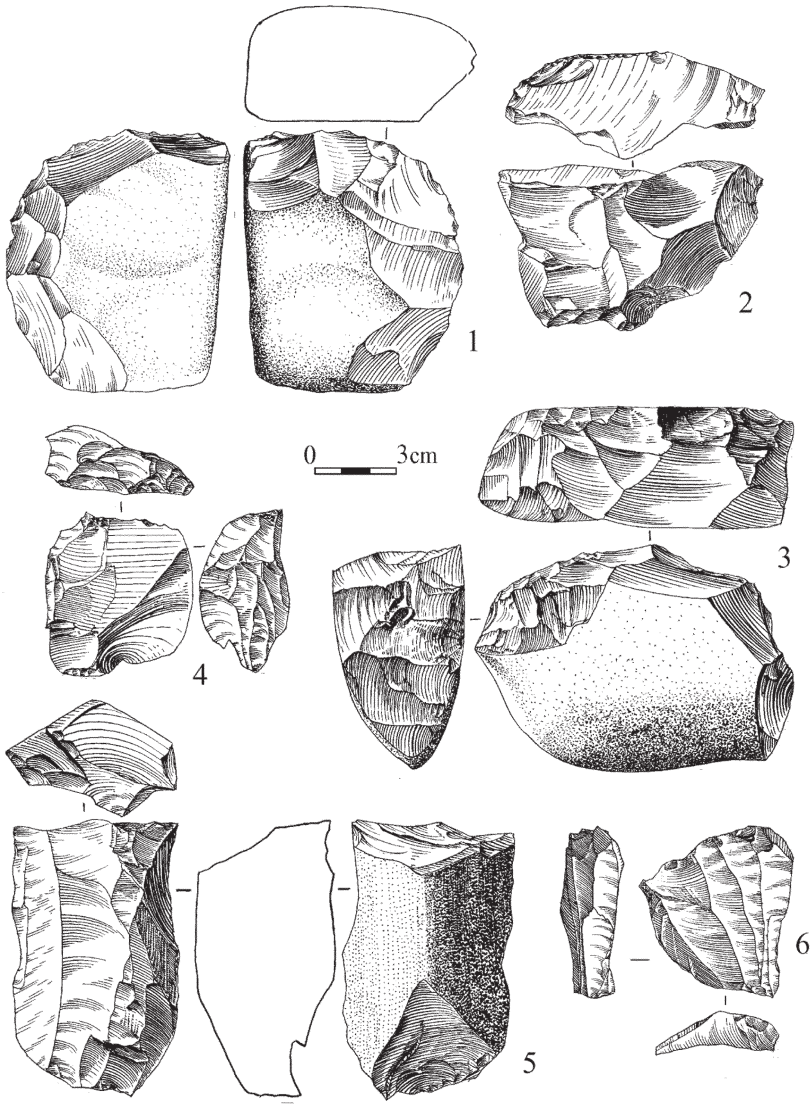

Рис. 1. Нуклеусы археологического комплекса средней поры верхнего палеолита памятников Орхон-1 и Орхон-7.

му скалывания. Организация новой площадки или нового фронта расщепления производилась, когда реализация заготовок в рамках предыдущего скалывания становилась невозможной из-за образования заломов или из-за внутренней трещиноватости сырья. Группа подпризматических ядрищ (6,3%) включает в себя двуплощадочные и одноплощадочные нуклеусы (рис. 1, *4–6*). В единичном экземпляре представлен конусовидный вари-

ант подпризматического нуклеуса. Для получения пластинчатых заготовок использовались торцовые нуклеусы (10,6%) (рис. 2, *1, 2*). Оформление заключалось в подготовке ударной площадки одним сколом, и лишь в некоторых случаях контрфронт и основание преобразовано в ребро. По одному представлены ортогональное и радиальное ядрища.

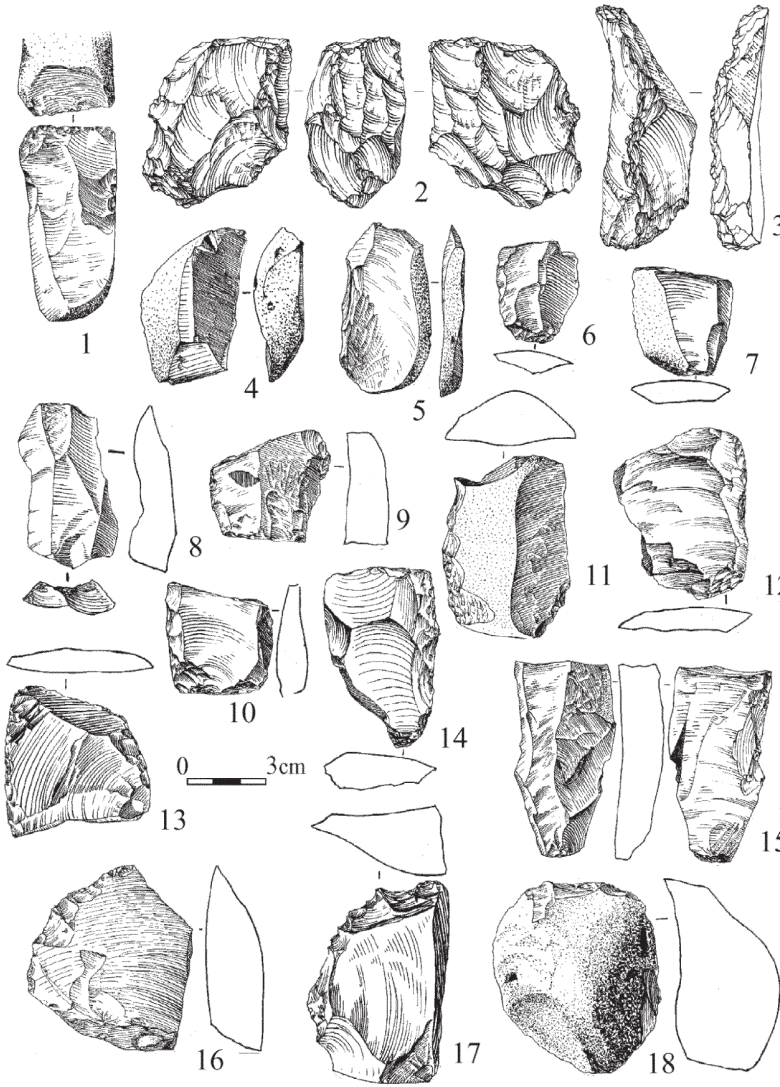

Рис. 2. Нуклеусы (*1, 2*), технические сколы (*3–5*), пластины (*6–8*) и орудия (*9–18*) археологического комплекса средней поры верхнего палеолита памятников Орхон-1 и Орхон-7.

Индустрия сколов насчитывает 4084 экз. (90,4% предметов комплекса). Одной из наиболее многочисленных групп является обломки (29,5%). Довольно представительна группа вторичных сколов (17%). Сравнительно невелика численность первичных сколов (4,9%). В группе технических сколов (1,9%) доминируют продольно и поперечно-краевые сколы (68,4%) (рис. 2, *4, 5*), гораздо меньше представлена численность реберчатых снятий (13,9%) (рис. 2, *3*). Самой значительной по численности группой являются отщепы (44,1%). Анализ огранки дорсала показал преобладание такого типа, как параллельная однонаправленная (52,4%), потом идет гладкая (19,9%). Среди определимых остаточных ударных площадок превалируют гладкие (76%). Пластин в комплексе крайне мало (2,2%). Суммарная доля пластинок и микропластинок очень маленькая (0,4%).

Орудийный набор насчитывает 242 экз. (5,4% предметов данного комплекса). Значительное количество орудий данного комплекса представлено сколами с ретушью (30,3%). Следующей по численности является группа зубчато-выемчатых орудий (19,8%), среди них больше выемчатых (54,2%), гораздо меньше собственно зубчато-выемчатых (27,1%) и зубчатых (18,7%). Среди скребел различных модификаций (19%) превалируют продольные прямые (28,3%) (рис. 2, *9–15*) и продольные выпуклые (15,2%) (рис. 2, *16,17*). Значительно меньше поперечных прямых (6,5%) и выпуклых (6,5%) (рис. 2, *18*), а также двойных скребел (8,7%). Скребла с диагональной прямой (4,3%) и угловой (4,3%) формой рабочего лезвия тоже довольно редки. По одному экземпляру присутствуют такие скребла, как тройные, угловатые, конвергентные, с четырьмя рабочими лезвиями. Отдельно следует упомянуть группу скребел, выполненных на обломках с выпуклым рабочим краем (6,5%). Среди скребков (9,9%) доминируют концевые (45,8%), гораздо меньше боковых (25%), угловых (8,3%) и с рабочим лезвием на площадке (8,3%). Единичными экземплярами представлены скошенный и угловатый скребки и орудие с вторичной обработкой на s периметра. Довольно представительными группами орудий являются ретушированные пластины (6,2%) и шиповидные орудия (6,2%). Незначительна доля проколок (3,7%) и резцов (1,7%), также долотовидных орудий (1,2%). По одному экземпляру присутствуют такие типы орудий как нож, стамеска и комбинированное орудие с рабочими элементами зубчатого орудия и скребка.

Приемами оформления для данного комплекса являются ретуширование, оббивка, выемчатое снятие и резцовый скол. Ретушь в большинстве случаев, в особенности для скребел и ретушированных сколов, расположена на дорсальной плоскости и имеет постоянный чешуйчатый характер нанесения. Часто встречался такой прием первоначальной обработки рабочего края, как оббивка, в особенности для скребел и зубчато-выемчатых орудий. Выемчатое снятие двух типов: образованное одним сколом с последующим эпизодическим ретуширование и образованное многочисленными сколами с интенсивным ретушированием. Резцовый скол фиксируется лишь в четырех случаях.

Данный комплекс демонстрирует все черты верхнепалеолитической индустрии. Господствует простая параллельная система расщепления, направленная на получение отщеповых заготовок. Доля призматической техники скалывания крайне низкая, что подтверждается низким количеством пластин в индустрии сколов. На уровне вторичной обработки, помимо ретуширования и обивки, активно применяется резцовый скол. В орудийном наборе, наряду с традиционными типами орудий, такими как зубчато-выемчатые орудия и скребла, существенно увеличивается количество скребков, резцов, долотовидных орудий, проколок. Для данного комплекса получены следующие даты: 23595±459 л.н. (США) верхней пачки литологического слоя 5 раскопа 1; 25000 л.н. (ЭПР), 25400±1100 л.н. (США) 25500±1400 л.н. (США) для литологического слоя 5 раскопа 3 памятника Орхон-7 [Деревянко, Николаев, Петрин, 1992].

Ближайшим памятником, содержащим индустрию сходную орхонской, являются Толбор-4. По технико-типологическим характеристикам наиболее близкие аналогии прослеживаются с 3 археологическим горизонтом. В группе, характеризующей первичное расщепление велика доля плоскостных, ортогональных и кубовидных ядрищ для получения отщепов и присутствие однонаправленных подпризматических ядрищ для снятия пластин и микропластинок. Отмечается существенное снижение удельного веса пластин по сравнению с нижележащими ранневерхнепалеолитическими горизонтами. Ведущими типами орудийного состава являются зубчато-выемчатые и шиповидные изделия, существенна роль скребел, но доля скребков снижается по сравнению с ранневерхнепалеолитическими горизонтами. Значительна группа ретушированных сколов и пластин. Небольшие группы образуют резцы и острия [Деревянко, Зенин, Рыбин и др., 2006].

К средней поре верхнего палеолита на территории Горного Алтая относится индустрия совершенного другого облика памятника Ануй-2. Хронологический диапазон существования индустрии от 23 431 ± 1 547 (ИГАН-1430) до 27 930 ± 1 594 (ИГАН-1425). Основная часть нуклеусов представлена ядрищами параллельного расщепления, в том числе и призматическими и торцовыми. Причем торцовое, призматическое скалывание направлено на получение микропластин. В составе типологически выраженного инвентаря наибольшим разнообразием отличаются изделия верхнепалеолитической группы – скребки, резцы, долотовидные орудия, проколки. Не менее значимую группу составляют зубчато-выемчатые орудия. Одной из особенностей данного комплекса являются скребла различных модификаций. Но в тоже время главной чертой этой индустрии является присутствие серии микроизделий, в число которых входят острия с притупленным краем граветтийского типа, миниатюрные скребки, проколки и микропластины с лезвиями, отделанными крутой краевой ретушью [Природная среда и человек в палеолите…, 2003].

Характерной чертой среднего этапа верхнего палеолита на территории Горного Алтая является возникновение микрорасщепления и увеличение

микроизделий в орудийном наборе, как, например, на памятнике Ануй-2. В орхонском комплексе элемент микропластин ничтожен. В тоже время сравнение с толборским комплексом, иллюстрирующим дальнейшее развитие отщеповой индустрии с увеличением доли микропластинчатого компонента, показывает, что индустрии среднего этапа верхнего палеолита памятников Орхон-1 и Орхон-7 представляют собой определенную эволюционную стадию, своеобразную начальную фазу данного культурно-хронологического этапа, для которой характерно именно отщеповый характер комплексов.

Список литературы

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А. Развитие каменных индустрий верхнего палеолита северной Монголии (по данным стоянки Толбор) // Человек и пространство в культурах каменного века Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 17–42.

Деревянко А.П., Николаев С.В., Петрин В.Т. Геология, стратиграфия, палеогеография палеолита Южного Хангая / Препр. ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск, 1992. – 87 с.

Каменный век Монголии: Палеолитические комплексы Кремневой Долины (Гобийский Алтай) / А.П. Деревянко, А.Н. Зенин, Д. Олсен, В.Т. Петрин, Д. Цэвээндорж – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 288 с.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

А.П. Деревянко, А.В. Кандыба

К ВОПРОСУ О ПЕРЕХОДЕ ОТ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА К ВЕРХНЕМУ НА ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПОСЛЕДНИХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Переход от среднего палеолита к верхнему представляет собой сложнейший этап эволюции человечества. Поэтому изучение так называемых "пограничных" памятников является одной из первоочередных задач, позволяющих помочь в решении данной проблемы.

Одним из таких объектов является археологический объект Мойлтын-Ам, являющийся первым стратифицированным памятником, обнаруженным на территории Монголии и изучавшимся многими исследователями [Окладников, 1981; Jaubert, Bertran, Fontugne et al, 1998].

В настоящей работе автор намерен дать технико-типологический анализ археологического материала, полученного в результате раскопок Совместной советско-монгольской экспедиции под руководством А.П. Деревянко в 1985–86 гг., и, по предварительным результатам, относимых авторами данной статьи к двум крупным культурно-хронологическим подразделениям: среднему и верхнему палеолиту.

Общая численность комплекса, относящегося к среднему палеолиту, составляет 259 экз.

Нуклевидные изделия составляют 36 экз. (13,9% предметов среднепалеолитического комплекса), из них нуклеусов 27 экз. Среди них доминируют две группы ядрищ. Первая группа представляет простое параллельное расщепление (51,8%), представленное двумя вариантами, продольным и поперечным. Следующая группа нуклеусов представляет собой леваллуазскую технику скалывания (44,4%). Выделяются две группы ядрищ: для острий и для отщепов. Нуклеусы для отщепов овальной в плане формы с выпуклой скошенной ударной площадкой (рис. 1, *3*). Фронт скалывания подготовлен центростремительно направленными снятиями. Исключение составляет нуклеус, фронт которого обработан параллельно направленными сколами. Латерали и, в нескольких случаях, основание бифасиально оформлены многочисленными мелкими сколами. Для части ядрищ присуще оформление центростремительными сколами выпуклого контрфронта. Нуклеусы для острий имеют подтреугольную в плане форму (рис. 1, *1,2,4*). Выпуклая ударная площадка создана серией мелких снятий. Фронт скалывания оформлялся конвергентно сходящимися пластинчатыми сколами.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 09-01-00028а.

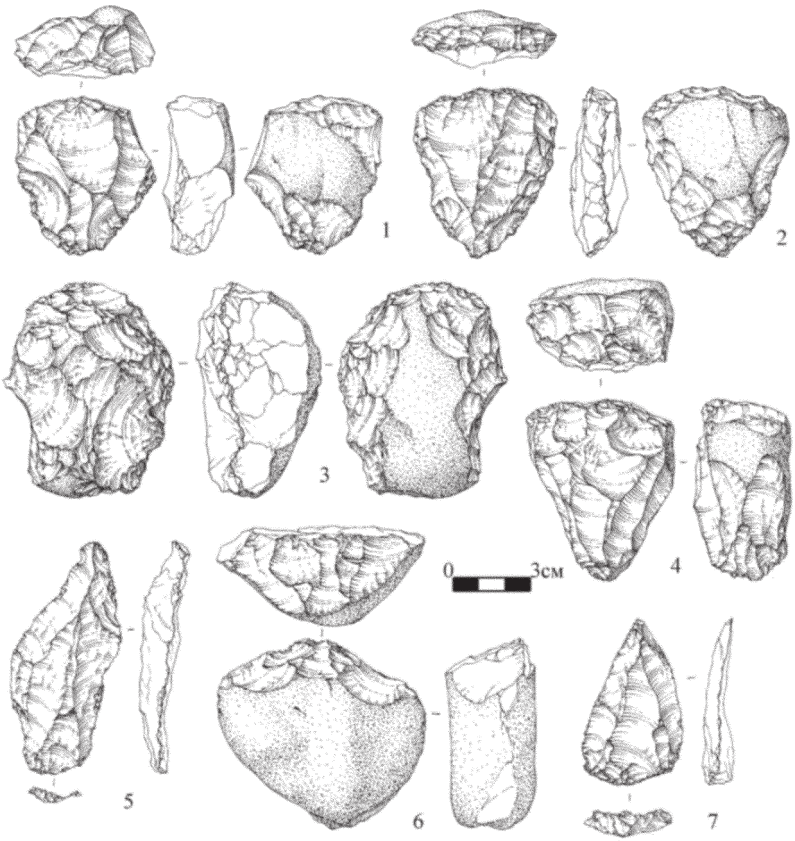

Рис. 1. Среднепалеолитический комплекс памятника Мойлтын-Ам.

Латерали подготовлены бифасиальными мелкими сколами. В единственном случае представлено торцовое расщепление, ориентированное на получение пластинчатых заготовок.

Индустрия сколов составляет 210 экз. (81,1% предметов среднепалеолитического комплекса). Наиболее представительна группа отщепов (42,9%). Среди определимых дорсальных поверхностей доминирует параллельная однонаправленная (61,2%). Среди вторичных сколов (28,4%) больше всего предметов крупных размеров (46,2%). Обломки (13,8%) также представлены преимущественно крупными экземплярами. Первичных сколов немного (7,1%). Технические сколы (2,9%) большей частью являются продольно- и поперечно-краевыми снятиями (83,3%). Определимые остаточные ударные площадки в основном гладкие (72,1%). Следующими по представительности группами являются естественные (16,2%) и фасетированные (8,1%) площадки. Пластины в индустрии (8,5%), в основном, средних размеров (55,6%), значительно меньше крупных (33,3%) и мелких

(11,1%). Огранка дорсала преимущественно параллельная однонаправленная, но в тоже время имеет место параллельная бинаправленная и ортогональная. Определимые остаточные ударные площадки гладкие, в единичных случаях представлены фасетированная и линейная.

Орудийный набор составляет 19 экз. (7,3% предметов среднепалеолитического комплекса). Среди орудий наиболее многочисленны сколы с ретушью (31,4%). Другой представительной группой являются леваллуазские острия и отщепы (26,3%) (рис. 1, *5,7*). Заметное место занимают выемчатые орудия (15,8%). Единичными предметами представлены одинарное продольное прямое скребло, зубчато-выемчатое и шиповидное орудия, чоппер с выпуклым рабочим краем (рис. 1, *6*) и пластина с ретушью.

Вторичная обработка представлена техникой оббивки, ретушью и анкошем. Подавляющее количество орудий создано при помощи постоянной чешуйчатой ретуши. Анкош создавался двумя способами: ретушированием и одним снятием. Оббивка применялась в одном случае для оформления чоппера.

Подводя итог анализу коллекции среднепалеолитического комплекса, можно утверждать, что в основе первичного расщепления лежат две технологии: простая параллельная и леваллуазская. В орудийном наборе весомую долю занимает леваллуазский компонент. Вторичная обработка демонстрирует приемы оформления орудий, характерные для среднего палеолита. Отмечается представительная группа пластин в индустрии сколов. С учетом всех особенностей среднепалеолитический комплекс можно назвать леваллуазским непластинчатым.

Общая численность комплекса, отнесенного авторами данного исследования к ранней поре верхнего палеолита, 878 экз.

Нуклевидные изделия насчитывают 94 экз. (10,7% предметов ранневерхнепалеолитического комплекса), из них нуклеусов 64 экз. Наиболее многочисленной группой являются одноплощадочные монофронтальные нуклеусы простого параллельного принципа расщепления (62,9%) продольной (рис. 2, *1*) и поперечной ориентаций скалывания. Группа двуплощадочных бифронтальных ядрищ (4,8%) демонстрирует ту же параллельную систему расщепления. Организация новой ударной площадки и нового фронта скалывание производилось, когда становилось невозможным снятие целевых сколов в рамках предыдущего расщепления. Для получения пластинчатых заготовок использовались двуплощадочные монофронтальные ядрища овальной в плане формы (17,7%) (рис. 2, *2,3,6,7*). Торцовые ядрища (9,8%) также предназначались для получения пластинчатых заготовок (рис. 2, *5*). Небольшой, но выразительной группой представлены леваллуазские нуклеусы для отщепов и острий (4,8%), оформленные как в предыдущем среднепалеолитическом комплексе (рис. 2, *4*). Выпуклые ударные площадки созданы многочисленными мелкими сколами. Фронт скалывания оформлен центростремительными сколами у ядрищ для отщепов и конвергентно сходящимися пластинчатыми снятиями у нуклеусов для острий.

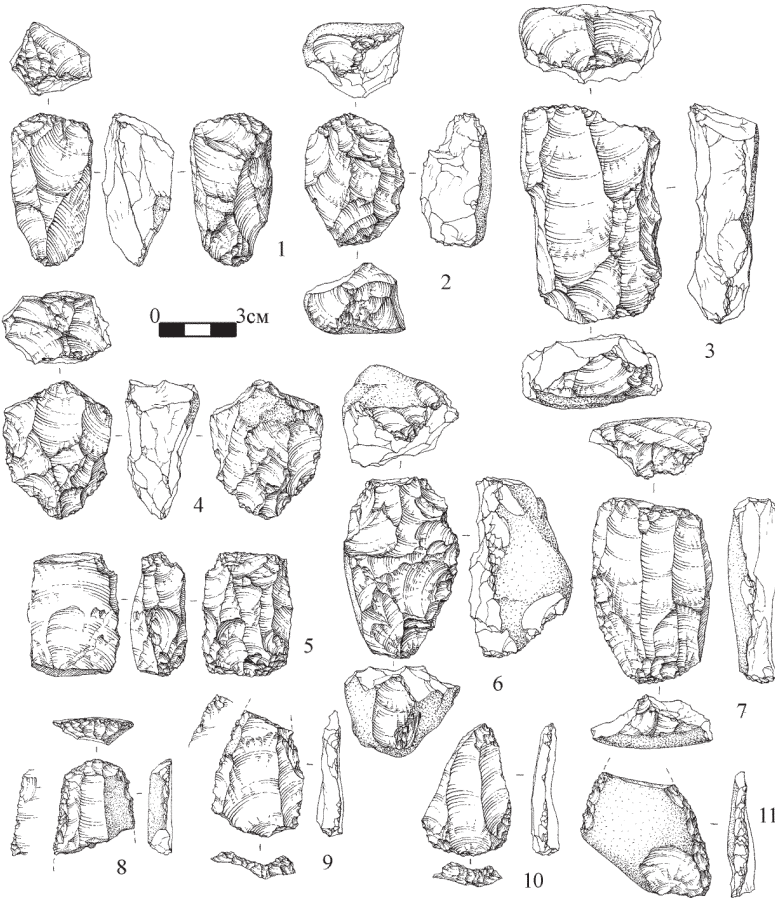

Рис. 2. Ранневерхнепалеолитический комплекс памятника Мойлтын-Ам.

Индустрия сколов насчитывает 747 экз. (85,1% предметов ранневерхнепалеолитического комплекса). Самой многочисленной группой являются отщепы (42,7%). Определимые огранки дорсала в основном параллельные однонаправленные (76,3%). Группа обломков является следующей по численности (25,8%). Чуть меньше вторичных сколов (22,2%). Невелика доля первичных сколов (4,7%). Технические сколы (2,1%), помимо продольно- и поперечно-краевых сколов (28,7%), демонстрируют появление таких типов как реберчатый скол (21,4%), удаленная площадка (таблетка) (14,3%), удаленный поперечный фронт (7,1%) и скол подправки ударной площадки (7,1%). Среди определимых остаточных площадок безраздельно господствует такой тип, как гладкая (87,5%). Существенно снизилась доля пластин (2,5%) в сравнении с предыдущим среднепалеолитическим комплексом. Большинство предметов средних размеров. Огранка дорсала преимущес-

твенно параллельная бинаправленная. Остаточные ударные площадки в основном гладкие, гораздо меньше фасетированных и двугранных.

Орудийный набор составляет 68 экз. (7,7% предметов ранневерхнепалеолитического комплекса). Самой значительной группой являются сколы с ретушью (48,5%). Следующая по численности группа скребел (16,2%) (рис. 2, *11*), несмотря на то, что представлена различными модификациями, устойчивых серий не образует. Самые представительные по численности это одинарные продольные прямые (27,2%) и одинарные поперечные прямые (18,2%) скребла. В группе зубчато-выемчатых орудий больше всего выемчатых (11,8%), гораздо меньше зубчатых (4,4%) и собственно зубчато-выемчатых предметов (2,9%). Скребки (5,8%) представлены следующими вариантами: концевыми (75%) (рис. 2, *8*) и с носиком (25%). Комбинированные орудия (2,9%) демонстрируют сочетания шиповидного орудия и скребла, и шиповидного выступа и скребка. Также незначительна доля пластин с ретушью (2,9%) и леваллуазских острий (2,9%) (рис. 2, *9,10*). В единственном варианте представлено шиповидное орудие.

Вторичная обработка заключалась в ретушировании, создании анкоша и оббивке. Ретушь, в большинстве случаев, имела постоянный характер нанесения. По углу наклона доминируют вертикальная и крутая. Анкоши создавались путем тщательного ретуширования, иногда с учетом естественной формы края. Оббивка применялась лишь в единичных случаях.

По сравнению с предыдущим комплексом среднего палеолита ранневерхнепалеолитическая индустрия демонстрирует не только количественные, но принципиально качественные изменения. Существенно увеличение плоскостного и торцового расщепления, направленного на получение пластинчатых заготовок, при сопутствующем сильном уменьшении доли леваллуазского скалывания. Хотя, не смотря на это, доля пластин в индустрии сколов уменьшилась, что, вероятно, можно объяснить стратегией расщепления, направленного на получении пластины как целевой заготовки. В тоже время в среднепалеолитическом комплексе пластина, возможно, являлась побочным продуктом оформления леваллуазского нуклеуса. В орудийном наборе, помимо традиционных скребел и группы зубчато-выемчатых орудий, необходимо отметить появление концевых скребков и существенное уменьшение доли леваллуазских типов орудий.

Данная культурная динамика памятника Мойлтын-Ам демонстрирует развитие каменных индустрий от среднего палеолита к раннему верхнему с постепенным качественным изменением. Дальнейшее изучение археологического материала Мойлтын-Ама и сравнение с памятниками сопредельных территорий позволит лучше понять проблему перехода от среднего палеолита к верхнему, и существенно её обогатить новыми данными.

Список литературы

Окладников А.П. Палеолит Центральной Азии. Мойлтын-Ам (Монголия). – Новосибирск: Наука, 1981. – 464 с.

Bertran P., Jaubert J., Olive M., Sitllivy V., Tsogtbaatar B. The Paleolithic Site of Mojl'tyn-Am (Harhorin, Mongolie): Thirty Years after A.P. Okladnikov // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: Мат-лы междунар. симп.: в 2 т. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 2. – С. 210 – 226.

А.П. Деревянко, К.А. Колобова, Д. Фляс,
А.И. Кривошапкин, У.И. Исламов, К.К. Павленок

ИССЛЕДОВАНИЕ СТОЯНКИ КУЛЬБУЛАК В 2009 ГОДУ*

История верхнего палеолита Средней Азии до сегодняшнего дня остается одной из наименее исследованных проблем палеолитоведения. Сложившаяся ситуация объясняется, с одной стороны, незначительным количеством известных стратифицированных верхнепалеолитических памятников, а с другой, – недостатком естественнонаучных данных даже по наиболее изученным объектам. С целью уточнения картины развития человеческих сообществ на территории Средней Азии в эпоху верхнего палеолита, силами российско-бельгийско-узбекской экспедиции с 2007 г. проводятся комплексные исследования стоянки Кульбулак – наиболее известного многослойного палеолитического памятника на территории Узбекистана [Касымов, 1990].

В 2009 г. площадь раскопа, вскрывшего верхнепалеолитические слои памятника, составила 18 м^2. Верхнепалеолитические горизонты вмещены во второй литологический слой, который представляет светлый зеленовато-серый суглинок с разнозернистым песком, гравием, дресвой и редкими щебнем. Несмотря на пролювиальный генезис отложений, археологический материал, присутствующий в литологическом слое 2, подвергся лишь незначительному перемещению. Об этом свидетельствует как присутствие в коллекции огромного количества чешуек, так и тот факт, что артефакты залегают преимущественно в горизонтальной плоскости, образуя скопления, разделенные пустым пространством. Зафиксировано, что верхнепалеолитический материал в пределах второго литологического подразделения залегает двумя количественно неравнозначными культурными слоями, отражающими, видимо, два эпизода обитания древних людей, различающихся интенсивностью заселения. Нижний, менее многочисленный культурный слой (2.2) свидетельствует о серии кратковременных посещений, а верхний уровень (2.1) отражает более долговременное и интенсивное обитание человека на стоянке.

Индустрия слоя 2.1. Коллекция каменного инвентаря насчитывает 15864 экз., из которых подавляющую часть составляют отходы производства. Количество артефактов без отходов производства составляет 2443 экз.

*Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 08-01-00332.

Первичное расщепление. Всего было обнаружено 191 экз. нуклевидных изделий, из которых типологически выраженных нуклеусов 111 экз. Самой многочисленной группой являются ядрища призматического принципа расщепления – 57 экз. Наиболее ярким компонентом призматического принципа выступают кареноидные нуклеусы для пластинок и микропластин (31 экз.), которые подразделяются на кареноидные нуклеусы для пластинок и микропластин на сколах продольной системы снятий (Рис. 2, *12*), кареноидные нуклеусы для пластинок и микропластин на сколах поперечной системы снятий (Рис. 2, *10, 11, 14*), кареноидные нуклеусы для пластинок и микропластин на различных отдельностях кремня (Рис. 1, *8, 9;* Рис. 2, *8*). Различные модификации призматических нуклеусов, включающие призматические моноплощадочные нуклеусы параллельного способа снятий для пластинчатых заготовок, призматическоое моноплощадочное ядрище конвергентного способа расщепления для пластин, призматическое моноплощадочное ядрище параллельного способа снятий для отщепов и призматические биплощадочные нуклеусы параллельного способа снятий для пластинчатых заготовок (Рис. 1, *10*, *12;* Рис. 2, *13*) насчитывают 26 экз.

Второй по численности и значимости группой нуклеусов выступают ядрища плоскостного принципа расщепления – 30 экз. Из них наиболее многочисленными и типологическими выраженными являются нуклеусы параллельного способа снятий: моноплощадочные монофронтальные плоскостные нуклеусы для пластинчатых сколов, моноплощадочные монофронтальные нуклеусы для пластинчатых заготовок на сколах, моноплощадочные монофронтальные нуклеусы для отщепов, биплощадочный бифронтальный нуклеус для пластинчатых сколов (Рис. 1, *13*) и биплощадочные монофронтальные встречного скалывания для пластинчатых снятий. Также были выделены плоскостной нуклеус ортогонального способа снятий и дисковидные ядрища. Третью группировку составляют различные модификации торцовых нуклеусов для получения пластинчатых снятий (24 экз.).

Анализ имеющихся в коллекции сколов также свидетельствует, что процесс расщепления на стоянке был направлен на получение пластинчатых заготовок. Данные по типологии ударных площадок говорят в пользу того, что на отщепах и пластинчатых отщепах обычно оформлялись гладкие ударные площадки, в то время как на пластинчатых сколах ударные площадки в большинстве своем точечные.

Категория технических сколов составляет 151 экз. Они представлены краевыми сколами, в том числе и с параметрами пластин, “таблетками” с призматических нуклеусов (Рис. 2, *5*), реберчатыми и полуреберчатыми пластинами, сколами подправок ударных площадок плоскостных нуклеусов, заныривающими сколами, и различными модификациями латеральных сколов (Рис. 1, *11*, *14*).

Орудийная коллекция слоя состоит из 151 изделия. Наиболее многочисленную группу составляют скребки (43 экз.), из которых выделяют-

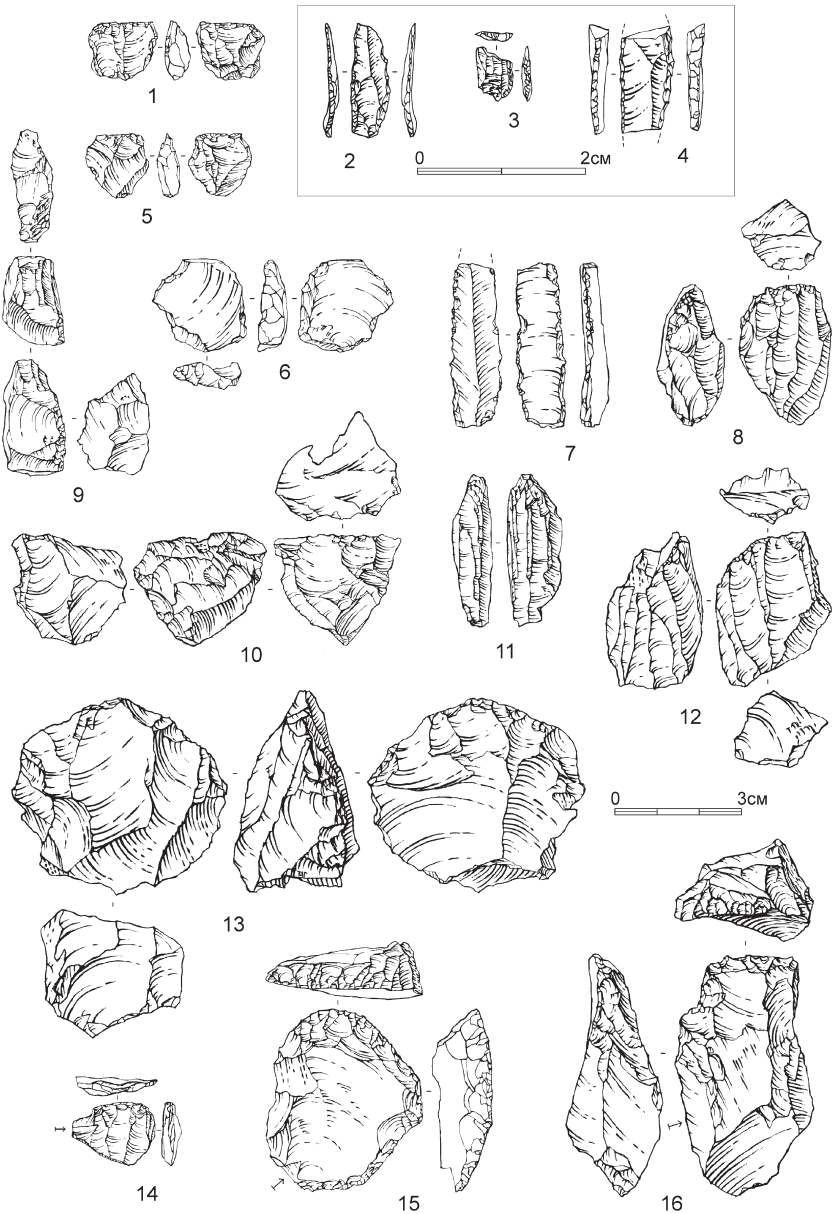

Рис. 1. Стоянка Кульбулак. Каменные артефакты из слоя 2.1. (рисунок Н.В. Вавилиной).

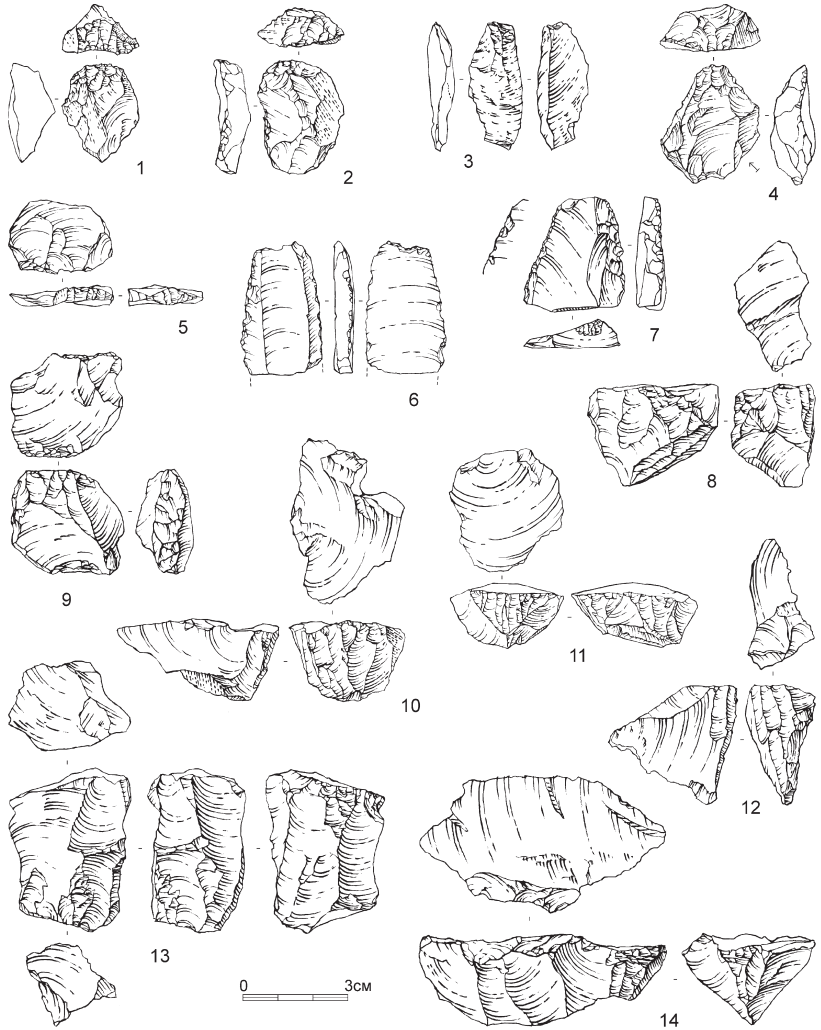

Рис. 2. Стоянка Кульбулак. Каменные артефакты из слоя 2.2.
(рисунок Н.В. Вавилиной).

ся концевые формы (Рис. 1, *16;* Рис. 2, *1, 2*), боковые (Рис. 1, *6*), угловые (Рис. 2, *4*), скребки на 3/4 части периметра заготовки (Рис. 1, *15*), с "плечиками" и стрельчатый скребок. Следующая по значимости типологическая группа - долотовидные изделия (30 экз.). Выделены как однолезвийные (Рис. 1, *5;* Рис.2, *3*), так и двулезвийные формы (Рис. 1, *1;* Рис. 2, *9*). Выделена категория микродолотовидных изделий с исключительно малым размером. Также хорошо представлены и другие микроорудия: микропластинка с притупленным краем, микропластинки с ретушью (Рис. 1, *2,*

3, 4), концевые микроскребки и микропластинка с ретушью утилизации. Было выделено 2 экз. мелких пластин с притупливающей интенсивной ретушью (Рис. 2, *7*). В коллекции присутствует 11 экз. скребел, включающих такие разновидности как простые продольные, обушковое продольное и поперечное одинарное скребла. Резцы немногочисленны и типологически неразнообразны. Зубчато-выемчатая группа насчитывает 4 изделия. Перфораторов − 8 экз., включая шиповидные орудия и проколки. Ножи с обушками составляют 4 экз. Достаточно многочисленную группу составляют неформальные (ситуационные) орудия (34 экз.; Рис. 1, *7*; Рис. 2, *6*). Выделено два остроконечника с ретушью, одна тронкированная пластина, и одно изделие определено как чоппер.

Индустрия слоя 2.2. Коллекция каменных артефактов составляет 8160 экз., большая часть принадлежит отходам производства. Количество артефактов без отходов производства составляет 1281 экз.

Всего выделено 73 экз. нуклевидных изделий, из которых 55 экз. – типологически определимые нуклеусы. Наиболее многочисленной группой являются нуклеусы плоскостного принципа расщепления – 32 экз. В этой группе, наиболее значимы ядрища параллельного способа получения заготовок: моноплощадочные монофронтальные для пластинчатых сколов, моноплощадочные монофронтальные для пластинчатых заготовок на сколах, моноплощадочные монофронтальные для отщепов, моноплощадочные монофронтальные для отщепов на сколах и биплощадочные монофронтальные нуклеусы для пластин. Также были выделены ортогональные нуклеусы и дисковидный нуклеус для отщепов. В коллекции присутствует плоскостное монофронтальное биплощадочное ядрище конвергентного способа расщепления для острий. Наиболее интересен двуплощадочный монофронтальный конвергентного способа снятий нуклеус для удлиненных острий, близкий по своим характеристикам к леваллуазским ядрищам.

Вторая по значимости группа – призматические нуклеусы для пластинчатых снятий (14 экз.): призматические моноплощадочные нуклеусы параллельного способа снятий для пластинчатых заготовок, подпризматический моноплощадочный нуклеус конвергентного способа снятий для пластинчатых заготовок, призматический биплощадочный нуклеус параллельного способа снятий для пластин и кареноидные нуклеусы. Третья по численности группа – торцовые нуклеусы для производства пластинчатых заготовок (9 экз.).

Анализ сколов данного слоя свидетельствует, что процесс расщепления в рассматриваемой индустрии направлен в большой степени на производство пластинчатых заготовок. Данные по типологии ударных площадок говорят в пользу того, что на пластинах и отщепах обычно оформлялись гладкие ударные площадки, в то время как на пластинках и микропластинках ударные площадки в большинстве своем точечные. Категория технических сколов насчитывает 61 экз. Они представлены краевыми пластина-

ми и сколами, “таблетками” с призматических нуклеусов, реберчатыми и полуреберчатыми пластинами, сколами подправок ударных площадок.

Орудийная коллекция слоя 2.2 насчитывает 48 экз. Наиболее представительна группа скребел (9 экз.), включающая в себя одинарные продольные, двойные продольные, продольные с обушком и ассиметричные конвергентные варианты. Группа скребков (6 экз.) состоит из концевых скребков, скребка с ретушью по периметру, бокового и стрельчатого скребка. Категория долотовидных орудий (4 экз.) представлена однолезвийными изделиями и двулезвийной стамеской. Резцы представлены единичным кареноидным многофасеточным орудием. Зубчато-выемчатая группа насчитывает 4 экз. зубчатых изделий и 3 экз. выемчатых. Микроорудия представлены концевым микроскребком и пластинкой дюфур. Выделено 2 экз. шиповидных изделий и нож с обушком. Отмечен один отщеп с характерной интенсивной притупливающей ретушью. Группа неформальных орудий состоит из ретушированных сколов и сколов функциональной ретушью.

Палеоантропологический материал. В литологическом слое 2, в основании культуросодержащего слоя 2.1 найден зуб древнего человека, являющийся вторым нижним премоляром человека современного физического облика (Б. Виола, личное сообщение). Находка обнаружена в не потревоженном стратиграфическом контексте и имеет хорошую сохранность. На настоящий момент эта находка представляет первое для территории Центральной Азии бесспорное свидетельство, ассоциирующее верхнепалеолитическую индустрию с конкретным видом человека.

Стоянка Кульбулак является уникальной для региона Центральной Азии. В 2009 г. были получены новые данные, которые подтвердили этот тезис. Речь идет, прежде всего, об обнаружении палеоантропологического материала. Основываясь на технико-типологических данных можно сделать вывод о культурной принадлежности исследуемых на памятнике комплексов, включенных во второй литологический слой, ко второй половине верхнего палеолита. Два культуросодержащих слоя проявляют несомненное культурное единство и генетическую близость. Более того, судя по составу каменного инвентаря, исследуемый участок памятника в разное время использовался как мастерская для получения сколов-заготовок и производства каменных орудий.

Список литературы

Касымов М.Р. Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана (по материалам многослойной палеолитической стоянки Кульбулак): Автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1990. – 42 с.

А.П. Деревянко, С.В. Маркин, В.С. Зыкина, В.С. Зыкин

ЧАГЫРСКАЯ ПЕЩЕРА: ИССЛЕДОВАНИЯ В 2009 ГОДУ

Пещерный объект (Краснощековский район, Алтайского края), содержащий богатейшие индустрии среднего палеолита, расположен в среднегорном районе северо-западного Алтая, в долине р. Чарыш, вблизи северного склона Тигерекского хребта. Исследованиями 2007–2008 гг. установлена стратиграфия рыхлой толщи приустьевой части пещеры, где выделены субаэральные осадки, содержащие многочисленные артефакты с останками мегафауны [Деревянко, Маркин, Зыкин, 2009].

Работами 2009 г, затронувшие внутреннюю часть полости в Зале 1, примерно в 7 м от капельной линии установлен следующий состав рыхлых пород:

Слой 1– суглинок лёгкий опесчаненный, серого, темно-серого цвета со слабым зеленоватым оттенком, некарбонатный, слабо уплотнен, содержит много мелкой окатанной гальки, щебёнки, отмечается глиняный песок, с четкой нижней границей (мощность до 0.05 м.);

Слой 2 – галечник серый хорошо окатанный, плохо сортированный, включает мелкие валуны и глыбки известняка до 15 см в поперечнике, скрепленные опесчаненым суглинком и глиняным песком, светло-серого цвета, рыхлым, некарбонатным. Основание слоя четкое по уменьшению количества обломочного материала и цвету. Условия залегания галечника, его плохая сортировка, наличие глиняного песка и гравия, присутствие мелких валунов в трещинах более мелких карстовых полостей свидетельствуют об его поступлении сверху, через карстовые воронки с поверхности террасы, цоколем которой служили известняки, в которых выработана пещера (мощность 0,25 м.);

Слой 3 – суглинок лёгкий опесчаненный, пестроокрашенный, в верхней части серый с серовато-белесыми прослоями, средняя часть имеет коричневато-серый цвет, сменяющийся у основания на желтовато-серый. Слой содержит много мелкой гальки, щебёнки и обломков карбонатных пород, карбонатный, встречается много угольков. Нижняя граница слоя волнистая, оконтурена белесыми карбонатными прослоями (мощность до 0,35 м.);

Слой 5 – суглинок опесчаненный, коричневато-серый, с белесым оттенком, более плотный, чем вышележащие слои, встречается много глиняного песка, слабо карбонатный (редкие пятнышки и тонкие прослойчики),

слабо пористый, включает мелкую щебёнку и гравий размером до 0,5 см, галечку от 2 см до 5 см и обломки известняков больше 10 см. Вокруг обломков горных пород и галек, а также вдоль по наклону поверхности отмечается шлировая структура. В кровле части слоя выделяется небольшой прослой более плотного суглинка, опесчаненного, светло-коричневого цвета, обогащенного глиняным песком. Цвет прослоя, вероятнее всего, обусловлен содержанием большего количества полуторных окислов и глинистой фракции. В слое встречаются норы землероев диаметром от 7 до 15 см, заполненные суглинком из слоя 1 и 3, содержащие мелкие угольки. Переход заметен по цвету. Слой имеет причудливую конфигурацию (мощность 0,15–1,0 м.)

Слой 6А – суглинок опесчаненный, серовато-коричневый, более темный и плотный, чем выше лежащий слой, карбонатный, пористый, изобилует наличием большого количества обломков известняка различного размера, окатанной гальки от 1 см до 7 см, дресвы до 1 см. Верхняя граница слоя в виде волнистой линии и клинообразных углублений, нижняя более ровная, неотчётливая. Встречаются норы землероев диаметром от 7 см до 10 см, заполненные суглинком из слоя 3. В слое отмечается неясная слоистость, ориентированная вдоль по падению слоя, связанная вероятно с мерзлотными процессами. Переход к нижележащему осадку заметен по цвету (мощность 0,2–0,6 м.);

Слой 6Б – суглинок опесчаненный, коричневато-серый, плотнее вышележащего, менее пористый, слабо карбонатный, активно вскипают только разложившиеся обломки известняков, отмечается глиняный песок плохо сортированный, преимущественно мелкозернистый, с зернами крупнозернистого песка. Наблюдается шлировая структура, свидетельствующая о развитии мерзлотных процессов при его седиментации. Встречаются в меньшем количестве обломки известняка, галька, щебень небольшого размера и дресва. Отмечаются норы землероев диаметром до 12 см. Переход в нижележащий слой слабо заметен по цвету (мощность 0,4 м.);

Слой 6В1 – суглинок опесчаненный близкий по цвету к вышележащему, но с более интенсивным серым оттенком, слабо карбонатный, слабо пористый, содержит небольшое количество обломков кристаллических горных пород размером до 5 см, мелкой гальки, щебня и дресвы, присутствуют окатанные зерна кварца размером крупного песка и мелкого гравия, отмечаются норы и ходы землероев. Редко встречаются хорошо разложившиеся в процессе выветривания обломки горных пород. Переход четкий по цвету (мощность 0,6 м.);

Слой 6В2 – суглинок желтовато-зеленого цвета, в продольной стенке раскопа прослеживается в ложбинообразном понижении и оконтурен супесью желтовато-зелёного цвета мощностью до 7 см, включающей горизонтально ориентированные по склонам ложбинки щебень, гальку, артефакты и кости. Ниже этого прослоя понижение заполнено суглинком лёгким пепельно-серого цвета, некарбонатным, рыхлым, в котором отме-

чаются обломки пород, галька, артефакты, разложившиеся кости, послойно располагающиеся на склонах ложбинки. В центре ложбинки в самой нижней её точке сконцентрированы угли (мощность 0,25 м.);

Слой 7 (а, б, в) – монтмориллонитовые глины, распложенные под прослоем желтовато-зелёного цвета, прослеживаются от фасовой стенки разреза под углом падения к выходу из пещеры. Непосредственно перед выходом в продольной стенке раскопа в этом слое отмечается ложбинообразное углубление, заполненное осадком слоя 6В2. Верхние 10 см монтмориллонитовых глин имеют темно-коричневый цвет, оскольчатую структуру. Ниже залегают крупнооскольчатые коричневые глины, в которых вперемешку расположены галька, обломки и пластинки горных пород, хорошо разложившиеся костные остатки. В слое много зерен кварца размером песка, а также глиняного песка. Верхняя граница слоя местами представлена мелкими, залегающими под углом трещинками, заполненными осадком вышележащего прослоя. Иногда она выглядит в виде мелких инъекций монтмориллонитовых глин в вышележащий прослой. Вероятнее всего это связано с проявлением мерзлотных процессов (мощность до 0,30 м.)

Как и на предыдущих участках пещеры в представленном разрезе выделяются голоценовые (слои 1–3) и плейстоценовые образования, делящиеся на две части. Верхняя часть, из них сложена преимущественно субаэральными осадками, в которых выделяются два разновозрастных горизонта (слой 5 и слои 6а, б, в/1, в/2) лессовидных отложений. Залегающие в основании разреза монтмориллонитовые глины, включающие зерна кварца и глиняного песка (слои 7а, б, в) представляют иной цикл седиментации.

Выявленные, преимущественно, однотипные среднепалеолитические технокомплексы приурочены к породам слоев 6а, 6б, 6в/1, 6в/2. Как и на других участках пещеры, состав индустрий сохраняет свою направленность. Для них характерно небольшое количество ядрищ и значительные объемы орудий, превышающие 10–20% от количества инвентаря. Для большинства сколов характерно смещение корпуса заготовки от оси снятия, что в сочетании с лицевой огранкой свидетельствует о преобладании приемов радиального расщепления. Типологической основой набора орудий являются скребла и орудия типа déjeté. Среди скребел большинство одинарных боковых и поперечных форм, меньше двойных параллельных и конвергентных орудий, единичны скребла с ретушью с брюшка и противолежащей отделкой. Выделяются скребла-ножи с естественными и искусственными обушками либо противолежащими рабочим ретушированным кромкам, либо примыкающими к ним под углом. Орудия типа déjeté самых разнообразных двойных и тройных комбинаций. Немногочисленные группы артефактов образуют зубчатые изделия, ретушированные анкоши, остроконечники, бифасы - обушковые формы с косым утолщенным краем. Наиболее примечательной находкой является плоско-выпуклый бифас овальных очертаний из слоя 6б, вероятно выполненный на массивном сколе или расщепленной гальки (рис. 1). Для изделия характерно наличие

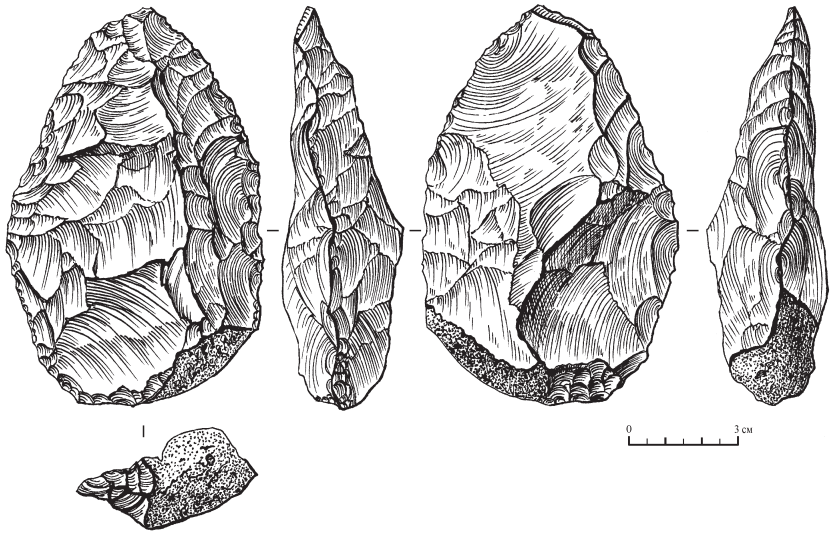

Рис. 1. Образец бифаса из слоя 6Б.

массивного снования – пятки, заполненного остатками галечного сырья и противолежащая уплощенная активная кромка, образованная конвергенцией парольных краев.

Новые археологические материалы из Чагырской пещеры, в совокупности с ранее полученными, имеют единственный на Алтае аналог в индустриях пещеры Окладникова [Деревянко, Маркин, 1992]. Эти индустрии, отличные от других технокомплексов региона, развивающиеся в сторону мустьерских черт, очевидно, образуют особую индустриальную линию развития, внося существенный вклад в вариабельность среднего палеолита части Алтае-Саянской горной страны [Деревянко, 2009].

Список литературы

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo* ***Sapiens*** в Восточной, Центральной и Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 328 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая (по материалам пещеры им. Окладникова). – Новосибирск: Наука, 1992. – 224 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкин В.С. Новый объект среднего палеолита на Алтае // Древнейшие миграции человека в Евразии: Материалы международного симпозиума. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – С. 101–106.

А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, М. Бакович, А.Н. Зенин,
В.Н. Зенин, А.И. Кривошапкин, Л. Булатович, И. Меденица

ИЗУЧЕНИЕ ПАЛЕОЛИТА В РЕСПУБЛИКЕ ЧЕРНОГОРИИ

Весной 2009 г. Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук и Центр археологических исследований Черногорской академии наук и искусств продолжили совместные экспедиционные исследования по поиску древнейших археологических памятников на территории Республики Черногории.

Основная часть Черногории занята горными массивами, сложенными преимущественно известняками с хорошо развитыми карстовыми формами рельефа. В ходе совместных экспедиционных работ проведены изыскания по выявлению палеолитических стоянок, расположенных в карстовых полостях – пещерах, гротах, под скальными навесами, а также на склонах и террасах речных долин. Исследования проведены в южных, восточных, центральных и северных районах Черногории.

На юго-восточном побережье Адриатического моря обследованы: скальный навес Дражиче, расположенный в 1160 м восточнее церкви Святой Петке около с. Горная Шушань, его географические координаты: 42º07'41.7" с.ш. (далее N) и 19º05'22.9" в.д. (далее E), абсолютная высота (далее H) 568 м; карстовая полость у юго-западной окраины с. Сусташ (42º 07'28.0" N, 19º07'07.9" E, H – 90 м); небольшой грот на южном склоне горного массива Можура и местонахождения кремня Красный Холм (41º56'28.9" N, 19º15'19.7" E, H – 34 м) и Скарет (41º56'51.6" N, 19º 15'28.3" E, H – 70 м) между г. Улцинь и населенным пунктом Пистула; Красная пещера (42º04'15.6" N, 19º06'01.3" E, H – 20 м) и две соседние карстовые полости, расположенные у берега моря в 3 км юго-западнее г. Бар; выходы кремня в устьевой зоне каньона р. Рикавац на северо-восточной окраине г. Старый Бар (42º05'48.9" N, 19º 08'15.5" E, H – 185 м), а также склоны и террасовидные поверхности в долине р. Железница и в окрестностях населенных пунктов Сусташ, Турчини, Круте, Владимир.

В окрестностях г. Андреевица обследована пещера на юго-восточном склоне возвышенности Зельевица (42º46'18.2" N, 19º46'55.7" E, H – 1 300 м) и различные террасовые уровни в долине верхнего течения р. Лим.

В районе г. Гусинье обследованы две пещеры на возвышенности Валуш ница в долине Гребайя (42º31'11.3" N, 19º47'06.7" E, H – 1 250 м) и пещера в горном склоне на западной окраине с. Везирова Брада (42º32'07.4" N, 19º49'41.0" E, H – 940 м).

В долине р. Тара обследована пещера у монастыря Добриловина (43°01'27.7" N, 19°23'49.9" E, H – 960 м).

В долине р. Тушина обследована Альова пещера, расположенная на юго-западной окраине с. Тушина (42°56'44.4" N, 19°11'51.4" E, H – 990 м).

На окраине г. Плевля осмотрена пещера Трлица (43°20'38.0" N, 19°23'00.2" E, H – 928 м), где в 1988, 1990 и 2001 гг. исследовалось местонахождение фауны раннего плейстоцена [Dimitrijevic, 1990; Codrea, Dimitrijevic, 1997; Forsten, Dimitrijevic, 2004; Arganti, Dimitrijevic, 2007].

В районе с. Готовуша обследовано четыре грота (43°24'07.6" N, 19°17'49.4" E, H – 880 м).

В районе Буковица обследована пещера в местности Тупца около с. Пипери (43°27'57.7" N, 19°02'22.5" E, H – 839 м), два небольших грота у с. Комини (43°28'28.8" N, 19°01'40.4" E, H – 822 м) и у с. Подкамень (43°29'10.2" N, 19°04'11.5" E, H – 1 076 м).

В районе с. Крушево/Ладьяна обследована Шильска пещера (43°18'04.0" N, 19°16'26.2" E, H – 963 м).

В районе с. Бобово обследована пещера Столац/Градац (43°16'42.4" N, 19°06'21.4" E, H – 1 324 м), расположенная по левому борту каньона р. Драга.

Кроме того, на юге Сербии обследована пещера Филиповича (43°16' 39.4" N, 19°46'13.3" E, H – 1 430 м), расположенная в горном массиве Ядовник около с. Горни Страньяни.

Всего обследовано 23 карстовых полости, а также склоны и террасовидные поверхности речных долин. В большинстве из них отсутствуют рыхлые отложения плейстоцена и, следовательно, следы пребывания первобытного человека.

Археологический материал обнаружен в окрестностях г. Бар. Около с. Горная Шушань, в 1160 м восточнее церкви Святой Петке, на тропе, ведущей к скальному навесу Дражиче (42°07'41.7" N, 19°05'22.9" E), на абсолютной высоте 568 м найден скребок высокой формы из красного кремня.

На северо-восточной окраине г. Старый Бар (42°05'48.9" N, 19°08'15.5" E) в устьевой зоне каньона р. Рикавац, на абсолютной высоте 185 м, вдоль дороги, ведущей вглубь каньона, обнаружены палеолитические отщепы с ретушью и сколы.

На местонахождении Скарет (41°56'51.6" N, 19°15'28.3" E) между г. Улцинь и населенным пунктом Пистула, на абсолютной высоте 70 м, на вершине останца морской террасы, на поверхности красноцветов обнаружены палеолитические артефакты – скребловидное орудие с естественным обушком, отщепы с локальной ретушью, сколы.

На местонахождении Красный Холм (41°56'28.9" N, 19°15'19.7" E) между г. Улцинь и населенным пунктом Пистула, на абсолютной высоте 34 м, в обнажении верхней части юго-восточной оконечности останца морской террасы обнаружен кремневый отщеп.

В пещере у монастыря Добриловина (43º01'27.7" N, 19º23'49.9" E) в долине р. Тара, расположенной на абсолютной высоте 960 м, в обнажении темно-серого щебеночника, заполненного сажистой супесью, обнаружены два кремневых отщепа с ретушью, миниатюрный скребок из красного кремня, три фрагмента гладкостенной керамики и кости млекопитающих.

В палеонтологической пещере Трлица (43º20'38.0" N, 19º23'00.2" E) на юго-восточной окраине г. Плевля, расположенной на абсолютной высоте 928 м, в обнажении раннеплейстоценовых красноцветов обнаружен отщеп из кремня.

В пещере Столац/Градац (43º16'42.4" N, 19º06'21.4" E) около с. Бобово, расположенной на абсолютной высоте 1 324 м, в обнажении переслаивающихся гумусированных и пепельных горизонтов обнаружено четыре фрагмента толстостенной средневековой керамики, в том числе две ручки сосуда.

В пещере Филиповича (43º16'39.4" N, 19º46'13.3" E), расположенной на юге Сербии около с. Горни Страньяни, на абсолютной высоте 1 430 м обнаружено два фрагмента керамики без орнамента и кость млекопитающего со следами искусственных (?) поперечных нарезов.

Наиболее перспективными для дальнейших поисков и изучения палеолитических памятников являются:

– палеонтологическое местонахождение в пещере Трлица на окраине г. Плевля;

– палеолитическое местонахождение Скарет (Улцинь – Пистула).

Весь археологический материал, обнаруженный в ходе совместных экспедиционных работ, передан на хранение в Центр археологических исследований Черногории (г. Подгорица).

Список литературы

Dimitrijevic V. Preliminary report on mammal fauna from Trlica near Pljevlja // Zbornik radova 12. – 1990. – V. 1. – P. 328–336.

Codrea V., Dimitrijevic V. *Stephanorhinus* cf. *hundsheimensis* (TOULA) (Rhinocerotidae, Mammalia) from Trlica near Pljevlja (Montenegro) // Geoloski anali Balkanskoga poluostrva. – Beograd.– 1997. – V. 61 (2). – P. 161–177.

Forsten A., Dimitrijevic V. Pleistocene horses (genus Equus) in the central Balkans // Geoloski anali Balkanskoga poluostrva. – Beograd. – 2004. – V. 65.– P. 55–75.

Arganti J., Dimitrijevic V. Pollen analyses of Pleistocene hyaena coprolites from Montenegro and Serbia // Geoloski anali Balkanskoga poluostrva. – Beograd. – 2007. – V. 68. – P. 73–80.

А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, В.А. Ульянов, А.Г. Векслер,
А.Н. Зенин, В.Н. Зенин, А.И. Кривошапкин

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ МОСКВЫ

В апреле 2009 г. Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук при участии Комитета по культурному наследию города Москвы провел рекогносцировочные исследования по поиску древнейших археологических памятников на территории г. Москвы.

В 2008 г. в Нескучном Саду на поверхности высокой террасы р. Москвы академик А.П. Деревянко обнаружил каменные изделия палеолитического облика, изготовленные из розовато-серого кремня хорошего качества – призматический нуклеус (рис. 1, *4*), рубящее орудие типа чоппера (рис. 1, *6*), отщепы с ретушью (рис. 1, *1–3, 5*), сколы. С целью выяснения источника происхождения палеолитического материала, условий его залегания и относительного возраста проведена зачистка верхней части плейстоценовых отложений высокой надпойменной террасы р. Москвы на территории Нескучного Сада.

Зачистка расположена в прибровочной части эрозионного останца, в пределах обширной террасовидной поверхности, по правому борту долины р. Москвы, на высоте 28 м над современным урезом реки, в 250 м к юго-востоку от современного русла. Ее географические координаты: 55°42'49,78" с.ш., 37°35'02,32" в.д., абсолютная высота 151 м.

Поверхность террасы, высотой 30 м над современным урезом, ровная, на месте зачистки субгоризонтальная, с небольшим уклоном в северном направлении, покрыта древесной растительностью. Терраса подверглась интенсивной овражной эрозии. Крупные овраги с многочисленными отвершками имеют глубину вреза до 20 м, формируя на участках наиболее густого расчленения эрозионные останцы. Склоны оврагов прямые или с нечетко выраженной ступенчатостью, крутые (до 35–40°), залесены. На склонах отмечены многочисленные микрооползни и оплывины объемом, как правило, до 0,5–1,0 м^3, изредка в средней и нижней частях склонов – до 3–5 м^3. На отдельных участках отмечены проявления активной современной дефлюкции, о чем свидетельствуют изогнутые у комля стволы деревьев. Местами встречаются старые заросшие промоины и эрозионные борозды глубиной до 0,5–1,0 м.

Зачистка на глубину 1,5 м вскрыла толщу песков разнозернистых, серых и светло-серых, белесых, с характерной для русловой фации аллювия косой слоистостью, подчеркнутой коричнево-охристыми прослоями оже-

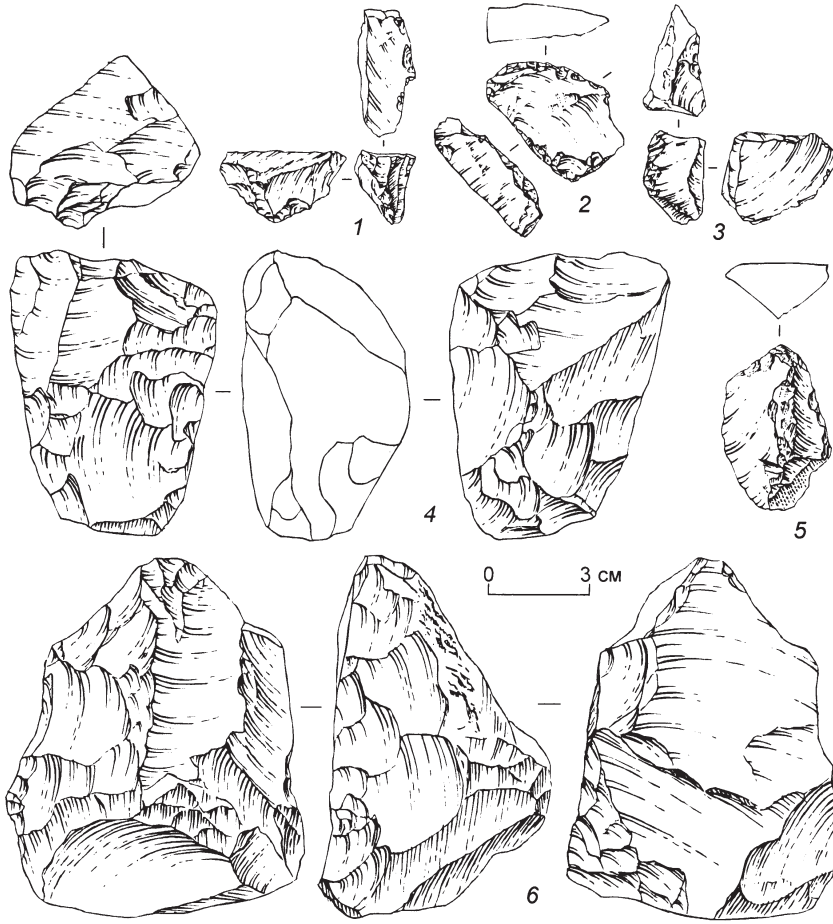

Рис. 1. Москва. Нескучный сад. Подъемный материал: *1–3, 5* – отщепы с ретушью, *4* – призматический нуклеус, *6* – рубящее орудие типа чоппера.

лезнения, с отдельными линзами и прослоями обогащения мелкогалечным материалом.

В зачистке сверху-вниз выделены три пачки отложений.

1. Пески средне- и крупнозернистые, интенсивного коричневого, темно-коричневого, местами почти черного цвета, оглиненные, с отдельными фрагментами слабо оглиненных песков желтовато-палевых оттенков. Представляют пески аллювиального генезиса, измененные процессами почвообразования и вовлеченные в склоновое смещение. Внутри пачки прослеживаются тонкие горизонты вторичного ожелезнения, соответствующие разновременным границам сезонного промерзания. Нижняя граница четкая, фестончато-языковатая. Мощность – 0,35 м.

2. Пески крупнозернистые, серые, с тонкими темно-коричневыми и бурыми прослоями ожелезнения, хорошо отмытые, одресвяненные, с включениями прослоев, обогащенных мелкогалечно-гравийным материалом. Состав песков преимущественно кварцевый, со значительной долей полевых шпатов и подчиненным содержанием темноцветных минералов. Гравийно-дресвянистый материал представлен в основном минеральными зернами разрушившихся гранитов. Галька стойких к выветриванию пород (кремнистые конкреции, кварциты), до 2–3 класса окатаности. Кремнистые конкреции часто колотые, острогранные с неоглаженными ребрами и вершинами ребер, или сильно трещиноватые, распадающиеся на острогранные обломки. Редко встречаются окремневшие остатки морской фауны каменноугольного возраста, сохранившие ажурное строение. Отдельные гальки темноцветных пород выветрились до консистенции песчаных гнезд, однако слюдистые минералы в их составе практически не подверглись химическому выветриванию.

Наличие растрескавшихся обломков свидетельствует об интенсивном морозном выветривании, а хорошая сохранность острых вершин, ребер и фаунистических остатков – о близком транзите от места их образования в спокойной гидродинамической обстановке. Вероятно, осадконакопление шло в холодных климатических условиях в водотоке со стабильным гидрологическим режимом, что характерно для перигляциальных равнин.

Подошва пачки подчеркнута хорошо выраженным горизонтом обогащения галечно-гравийным материалом с дресвяно-песчаным заполнителем красновато-коричневого цвета. Очевидно, галечно-гравийный горизонт маркирует границу эрозионного вреза в подстилающие отложения. Мощность – 0,75 м.

3. Пески тонкозернистые с алевритом, светло-серые, белесые, кварцевые, с отдельными прослоями незначительного обогащения темноцветными минералами, подчеркивающими косую слоистость. Отмечены отдельные прослои интенсивного охристого цвета с неровными, фестончатыми границами, связанные с постсидементационным ожелезнением. Вскрытая мощность – 0,4 м.

Судя по естественным обнажениям ниже по склону, светло-серые пески прослеживаются вниз на 6–7 м, где сменяются пачкой песков буровато-охристых, сильно ожелезненных, сравнительно плотно сцементированных, видимой мощностью около 2 м. Ожелезнение вызвано, скорее всего, интенсивной подпиткой грунтовыми водами, о которой свидетельствуют многочисленные выходы эфемерных родничков на 3–4 м ниже кровли «железистых» песков. Уровню разгрузки грунтовых вод гипсометрически соответствуют расширенные днища наиболее крупных отвершков оврага на отметках около 9–10 м над современным урезом реки.

В геоморфологическом отношении изученный участок расположен в тыловой части третьей надпойменной террасы р. Москвы, которая здесь непосредственно примыкает к нижней ступени Теплостанской возвышен-

ности. Эта терраса имеет местное историческое название – Ходынская или боровая терраса. По мнению специалистов [Природа…, 1998], Теплостанская возвышенность, благодаря своему высокому гипсометрическому положению, испытала относительно слабое влияние плейстоценовых оледенений, сохранив мощные дочетвертичные отложения и общие черты доледникового рельефа. Тем не менее, она была перекрыта донским и московским ледниками. При таянии московского ледника моренные отложения на нижней ступени Теплостанской возвышенности были размыты и замещены озёрно-ледниковыми осадками, которые преобразовали ее в водно-ледниковую равнину. Одновременно начала закладываться современная долина р. Москвы. Наличие галечника в отложениях третьей террасы, не характерного для отложений более низких террас, объясняется тем, что в ее формировании принимали участие потоки талых ледниковых вод, перемещавших этот тяжёлый материал.

О геологическом возрасте отложений третьей надпойменной террасы р. Москвы нет единого мнения. На принятой в 2008 г. МСК общей стратиграфической шкале четвертичной системы [Состояние изученности,… 2008], возраст границы между московским и следующим мезинским горизонтами установлен в 127 тыс. лет. Согласно нашим наблюдениям, отложения верхней части третьей надпойменной террасы формировались в холодных, видимо, перигляциальных условиях при участии флювиогляциального потока, что соответствует обстановке в окраинных частях отступающего ледника. Таким образом, возраст плейстоценовых отложений и, следовательно, палеолитических находок в Нескучном Саду не древнее 127 тыс. лет.

На территории Битцевского парка обследован участок, прилегающий к усадьбе Узкое – низовья Ускова оврага (р. Дубинкинская) и правый борт долины р. Чертановка от устья Ускова оврага до устья Коньковского оврага и на 500 м ниже по течению Чертановки.

В геоморфологическом отношении этот участок расположен в пределах высокой (абсолютные отметки 210–230 м) ступени Теплостанской останцовой эрозионной возвышенности. Теплостанская возвышенность относится к Москворецко-Окской полого-увалистой равнине, рельеф и геологическое строение которой во многом определены особенностями развития московской стадии ледникового покрова в южной краевой части ледника.

По мнению специалистов [Москва…, 1997; Природа…, 1998], Теплостанская возвышенность является ярким элементом доледникового рельефа и представляет крупный эрозионный останец с наибольшими абсолютными высотами кровли дочетвертичных отложений в пределах г. Москвы. В настоящее время вся поверхность возвышенности густо расчленена речными долинами и балками. Общие черты эрозионной сети унаследованы от доледникового рельефа, а некоторые речные долины – в частности, долина Чертановки, – существуют с доюрского времени.

Высокая ступень Теплостанской возвышенности перекрыта моренными отложениями московского и донского ледников максимальной мощ-

ностью до 30 м, сформировавшими пологохолмистую моренную равнину. Под моренными холмами на территории Москвы подразумеваются фрагменты моренной равнины, ограниченные водно-ледниковыми равнинами и долинами рек, где моренные отложения размыты. В их составе типичны окатанные обломки кристаллических пород из Финляндии и Карелии, а также захваченные ледником другие породы, в том числе, желваки кремня из отложений московского яруса среднего карбона. При таянии ледника мощные потоки талых вод размывали моренные отложения, унося значительную долю глины, песка и мелкоземистых продуктов разрушения скандинавских гранитоидов. Таким образом, водно-ледниковые отложения отличаются от моренных лучшей сортированностью и повышенной концентрацией стойких к физическому выветриванию пород – кварцитов и кремнистых конкреций, естественные россыпи которых являлись сырьевой базой для изготовления орудий первобытным человеком.

До недавнего времени окрестности усадьбы Узкое находились в относительно заповедных условиях. Однако в последние годы этот район стал зоной активного строительства объектов городской инфраструктуры, что сопровождается уничтожением естественного рельефа и перемещением рыхлых отложений. Эти обстоятельства затрудняют поиск палеолитических объектов. Тем не менее, единичные артефакты палеолитического облика были обнаружены по правому борту долины Чертановки, в 300 м ниже по течению от устья Коньковского оврага, у подножия холма – горно-лыжного спуска Узкое (55°37'40,09" с.ш., 37°32'33,66" в.д., абсолютная высота 210 м).

Плейстоценовые отложения, в которых обнаружены артефакты, по своему положению в рельефе и литологическому составу соответствуют флювиогляциальным осадкам, образовавшимся в результате таяния московского ледника. Согласно общей стратиграфической шкале четвертичной системы [Состояние изученности…, 2008], возраст верхней границы московского оледенения определен в 127 тыс. лет. Этим временем, скорее всего, и следует датировать флювиогляциальные осадки, содержащие палеолитические находки.

Список литературы

Москва: геология и город. – М.: АО «Московские учебники и Картолитография», 1997. – 400 с.

Природа Москвы. – М.: Биоинформсервис, 1998. – 256 с.

Состояние изученности стратиграфии докембрия и фанерозоя России. Задачи дальнейших исследований. Постановления Межведомственного стратиграфического комитета и его постоянных комиссий. – СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 2008. – Вып. 38. – 131 с.

А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.А. Цыбанков, В.А. Ульянов

НОВЫЕ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕИ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ*

В 2009 г были продолжены археологические исследования в восточной галерее Денисовой пещеры на участке сектора 6 [Деревянко и др., 2008]. Изучалась верхняя часть плейстоценовой толщи на площади квадратов Б–Г/2–4. В качестве стратиграфического репера вдоль продольной оси галереи по линии 3 оставлена часть плейстоценовой толщи в виде стенки протяженностью 3 м и шириной 0,3 м.

В процессе раскопок вскрыто три стратиграфических подразделения в пределах литологического слоя 11.

11.2. Щебнистая толща с включением редких мелких глыб. Заполнитель – суглинки легкие, сероцветные с коричневым оттенком, пористые, слабопластичные, одресвяненные, с крупнозернистой структурой. Щебень острогранный, изометричный и слабоуплощенный, невыветрелый, иногда со слабо развитой белесой реактивной каймой. Крупный щебень залегает хаотически или ориентирован субвертикально. Характерны включения прочных невыветрелых острогранных обломков костей светло-желтого цвета. Мощность – 0,1–0,2 м.

11.3. Глыбово-щебнистая толща с легкосуглинистым заполнителем порового типа. Обломочный материал преимущественно крупно- и среднещебнистый, с включением единичных глыб. Проективная площадь щебнистых включений достигает 50–60%. В нижней части горизонта преобладает мелкий щебень, также с включением единичных глыб, а проективная площадь щебнистой фракции составляет 30–40%. Наряду с обломками с острыми ребрами и слабо заглаженными вершинами, покрытыми непрочной белесой реактивной каймой мощностью в доли миллиметра, отмечены обломки со слабо оглаженными ребрами и белесой реактивной каймой мощностью до 2–3 мм. Встречена полностью выветрелая дресва, превратившаяся в белесые мучнистые стяжения. Заполнитель – суглинок легкий, опесчаненный и одресвяненный, коричневого, серо-коричневого и желтовато-коричневого цвета. В верхней и средней частях горизонта осадок умеренно пористый, с крупнозернистой, иногда переходящей в ореховатую, структурой. В нижней части – более плотный, слабо пористый, с мелкозернистой структурой, желтовато-коричневый с охристым оттен-

*Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 07-01-00441.

ком, обусловленным, вероятно, обильными включениями обломков охристо-желтых копролитов и мелкого костного детрита. Присутствуют обломки костей разной степени сохранности. В верхней части горизонта залегают в основном прочные, острогранные обломки трубчатых костей серовато- и красновато-желтого цвета, со слабым развитием марганцевых новообразований на поверхности в виде разрозненных пятен. Иногда встречаются мелкие (до 0,5 см в поперечнике) изометричные обломки сильно выветрелых губчатых костей яркого охристого цвета. В нижней части горизонта и, особенно, у его подошвы соотношение выветрелых и прочных обломков меняется. Здесь преобладают фрагменты костей размером до 1–2 см, выветрелые до состояния охристого детрита, а невыветрелые обломки встречаются относительно редко.

В квадрате Г/3 отмечено сильное изменение осадка в результате химического взаимодействия с агрессивными фосфатными растворами, поступавшими из вышележащих отложений. Обломочный материал покрыт мощной коркой фосфатных новообразований, в некоторых случаях известняк полностью разложился до состояния мучнистых белесых стяжений изометричной формы. Суглинистый заполнитель слегка опесчаненный и слабо одресвяненный, серо-палевого цвета с легким зеленоватым оттенком.

В средней части горизонта, в квадрате В/3 выделена линза мощностью до 0,15 м, обогащенная крупнощебнистым материалом с более темным, чем вмещающие отложения, заполнителем. Обломочный материал внутри линзы залегает в основном субгоризонтально, выстраиваясь в нечетко выраженную щебнисто-глыбовую отмостку.

Для отложений у северо-западной стены пещеры характерны высокая рыхлость, пористость и крупнозернистая структура. Отмечены темные, почти черные сажистые линзы и прослои – результат поступления, скорее всего, растительного детрита со стен пещеры. Отемненный мелкоземистый материал облекает коренную стену прерывистой полосой шириной от 1–2 до 10–20 см, а ближе к осевой линии галереи постепенно перемешивается с основным заполнителем. Крупнообломочный уплощенный материал залегает в пристенной зоне субвертикально или с крутым падением к продольной оси галереи.

В подошве горизонта, в центральной части квадратов Г–В/2–3 прослежен сильно деформированный линзовидный прослой мощностью 5–10 см, выполненный серо-коричневым отемненным суглинком, насыщенным мелкощебнистым материалом.

Нижняя граница горизонта нечеткая, растащенная, деформированная крупными обломками; проведена по изменению цветового оттенка заполнителя при переходе к отемненному серо-коричневому суглинку подстилающих отложений. Мощность горизонта достигает 0,7 м.

11.4. Суглинок легкий, серо-коричневый, насыщенный средне- и крупнообломочным материалом, с единичными включениями глыб. Обло-

мочный материал в основном острогранный, покрытый слабо развитой белесой реактивной каймой, залегает хаотически. Проективная площадь щебнистых включений достигает 40–50%. Заполнитель базального типа, крупнозернистой и ореховатой структуры, Присутствуют прочные обломки костей со светлой серовато-желтой поверхностью и слабо развитым омарганцеванием в виде мелких пятен. Часто встречаются хорошо сохранившиеся некрупные (до 0,5 см в поперечнике) остатки древесного угля.

В нижней части горизонта вскрыта линза мощностью 5–8 см, выполненная суглинком легким, пластичным, отемненным, гумусированным, со среднезернистой структурой, переходящей в кровле в чешуйчато-плитчатую. Обломочный материал представлен преимущественно мелкощебнистой фракцией. Его проективная площадь – около 20%. Вместе с острогранными обломками присутствует щебень со слабо оглаженными ребрами. Отмечены прочные обломки костей с красновато-желтой пленкой на поверхности. Темноцветную линзу подстилает суглинок средний, охристо-коричневый, слабо опесчаненный, с включением дресвы и редкого мелкого щебня. Проективная площадь обломочного материала составляет 5–10%. Суглинистый заполнитель пластичный, слабо пористый, с мелкозернистой структурой и выраженной тиксотропностью. Характерна высокая насыщенность включениями темно-охристого непрочного костного детрита в виде аморфных пятен размером до 3 см в поперечнике. Общая вскрытая мощность горизонта составляет 0,5 м.

Согласно данным относительной геохронологии плейстоценовых отложений в Денисовой пещере, эпоха формирования литологических подразделений слоя 11 соответствует первой половине изотопной стадии 3. Для отложений этого слоя в южной галерее установлен радиоуглеродный возраст в интервале 29–48 тыс. лет [Деревянко, Шуньков, 2004].

Археологические материалы из отложений слоя 11 насчитывают более 7500 каменных артефактов.

К нуклеусам относятся плоскостные одно- и двуплощадочные монофронтальные ядрища (рис. 1, *3*), а также ортогональные (рис. 1, *1*) и торцовые формы (рис. 2, *1, 4*). Для плоскостных нуклеусов характерна минимальная предварительная подготовка, включавшая, как правило, подправку одним или несколькими сколами слегка скошенной ударной площадки. Выделяются два одноплощадочных монофронтальных ядрища, изготовленные из крупных сколов. У них после подготовки узкой ударной площадки с вентральной плоскости скола-заготовки произведено снятие нескольких средних коротких отщепов. Особый интерес представляют торцовые нуклеусы, выполненные на крупных массивных удлиненных сколах. Снятие пластин осуществлялось на узкой торцовой стороне изделия с одной ударной площадки или с двух площадок во встречном направлении. Ортогональные нуклеусы представлены изделиями в последней стадии утилизации. Для них характерно использование негативов предшествующих снятий в качестве ударной площадки для последующего рас-

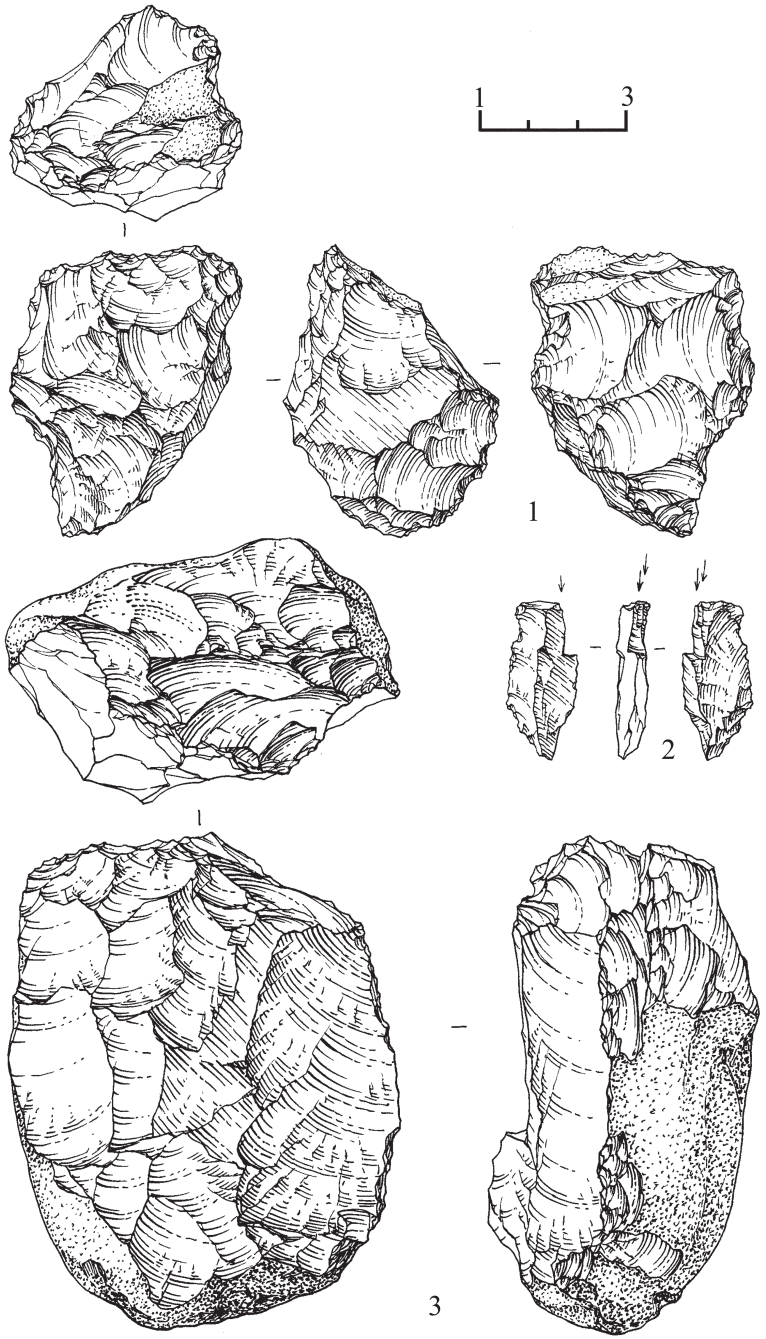

Рис 1. Каменный инвентарь из слоя 11 в восточной галерее Денисовой пещеры. *1, 3* – нуклеусы; *2* – резец.

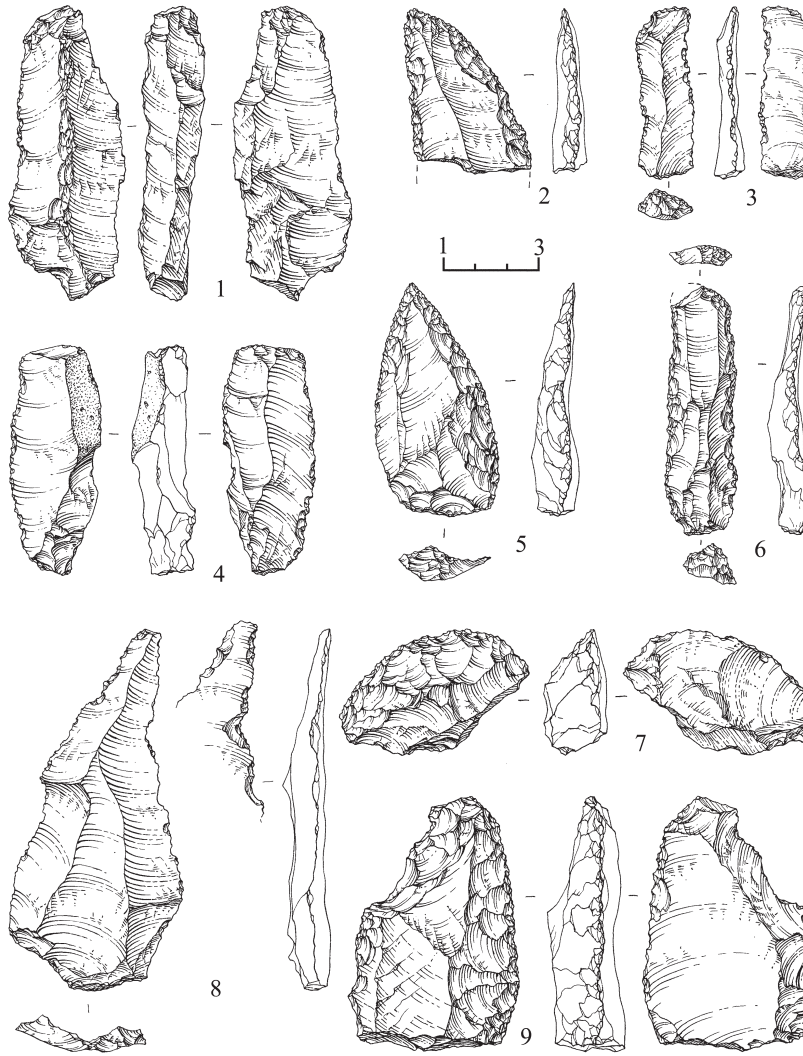

Рис 2. Каменный инвентарь из слоя 11 в восточной галерее Денисовой пещеры.
1, 4 – торцовые нуклеусы; *2* – ретушированный остроконечник на пластине;
3, 6 – концевые скребки; *5* – мустьерский остроконечник; *7, 9* – скребла;
8 – леваллуазский остроконечник.

щепления. Среди сколов преобладают отщепы, в основном их фрагменты. В небольшой коллекции пластин присутствуют достаточно выразительные формы крупных размеров.

В состав орудийного набора входят леваллуазские остроконечники, в том числе с бипродольно-конвергентной огранкой дорсальной поверхнос-

ти (рис. 2, *8*); мустьерские остроконечники с вентральной подтеской основания (рис. 2, *5*); ретушированные остроконечники на пластинах (рис. 2, *2*,); скребла, выполненные в продольном (рис. 2, *9*) и поперечном (рис. 2, *7*) вариантах; концевые скребки (рис. 2, *3, 6*), боковые резцы (рис. 1, *2*), ножи с обушком-обломом, выемчатые и шиповидные орудия, отщепы с эпизодической ретушью и ретушер.

В кровле горизонта 11.2 найден небольшой фрагмент от хлоритолитового браслета, ранее обнаруженного в подошве горизонта 11.1 [Деревянко, Шуньков, Волков, 2008].

В целом для каменной индустрии из слоя 11 в восточной галерее пещеры характерны как леваллуа-мустьерские изделия, так и хорошо выраженные верхнепалеолитические формы. Среди последних в системе первичного расщепления выделяются торцовые нуклеусы для получения пластин, а в типологическом списке инвентаря – острия с бипродольной огранкой дорсальной поверхности, боковые многофасеточные резцы и концевые скребки.

Список литературы

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3. – С. 12–40.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Волков П.В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2. – С. 13–25.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Волков П.В. Изучение верхнепалеолитических слоёв в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 2008. – Т. XIV. – С. 60–66.

С.А. Комиссаров, Ю.А. Азаренко

ПЕРВЫЙ ПЛЕЙСТОЦЕНОВЫЙ ПАМЯТНИК НА ТЕРРИТОРИИ ГОНКОНГА

Вплоть до начала 2000-х гг. наиболее ранние следы деятельности человека, выявленные на территории Гонконга (Сянгана), несмотря на интенсивный археологический поиск, не выходили за пределы эпохи неолита. Считалось, что первые поселенцы появились на островах, прилежащих к Гонконгу, несколько тысяч лет назад (краткий обзор см.: [Комиссаров, Азаренко, 2008]). Об этом свидетельствует выделение нижнего бескерамического слоя на стоянке Дунвань [Цзоу Синхуа, У Яоли, Ли Ланлинь, 1999], в котором были найдены грубые галечные орудия типа чопперов и чоппингов, предварительно отнесенные к хоабиньскому культурному кругу. Более точная датировка не установлена, но в любом случае она раньше слоев позднего неолита, представленных на той же стоянке (датированы по радиокарбону в пределах 2200–1500 лет до н. э.) и других неолитических памятников с керамикой, возраст которых определен примерно в 4000 лет до н. э. Сходные находки каменных орудий в бескерамическом контексте «стоянки Уэлш» на о. Цзяосичжоу (Кау Сай Чоу)* датированы 5020–4720 и 5240–4840 гг. до н. э. (после калибровки), и до недавнего времени именно она считалась древнейшими памятниками на территории полуанклава [Meachem, /1995/].

Для дальнейшего изучения наиболее ранних этапов истории на территории п-ова Цзюлун (Коулун) и близлежащих островов большое значение имела реконструкция динамики природно-климатических изменений в регионе. Движение ледников в северном полушарии в эпоху плейстоцена проявлялись в прибрежных районах Южного Китая (включая Гонконг), прежде всего, в изменении уровня моря. Так, в межледниковый период (ок. 120 тыс. лет до н. д.) климат был теплее современного, уровень моря был на 4–6 м выше; ледниковый максимум (ок. 75 тыс. лет до н. д.) проявился в данном регионе трансгрессией моря на 77 м ниже нынешнего уровня; последний гляциал, начавшийся примерно 25 тыс. лет назад и достигший максимума в период 18–17 тыс. лет до н. д., вызвал еще большую

* Западные исследователи в основном придерживаются юэского (гуандунского) произношения имен и названий. Мы считаем более правильным использовать нормативное чтение иероглифов, а в круглых скобках, при наличии данных, указываем юэский вариант.

трансгрессию – до 120–130 м ниже современного уровня моря, поэтому все острова вокруг Гонконга составляли тогда единое целое с материком. Постепенно климат становился более теплым, уровень моря поднялся, выйдя к периоду 7 000–6 000 лет до н. д. на примерно современные отметки (иногда даже превышая их на 1–3 м). Соответственно, многие древнейшие памятники оказались под водой; вымытые артефакты нередко находят в зоне отлива.

Выход за пределы голоцена был осуществлен благодаря открытию, сделанному У Вэйхуном (Стивен Нг) и Хуан Ху (Вон Фу) весной 2003 г. На холме Хуандитун (Вон Тэй Тун) в районе Шэньчун (Шам Чун), восточная часть полуострова Сигун (Сай Кин) они собрали коллекцию каменных орудий архаичного облика. После получения финансирования от правительства Особого автономного района Сянган в конце 2004 – начале 2005 гг. совместный отряд Археологического общества Гонконга и Исследовательского центра по археологии региона Линнань при Университете Сунь Ятсена (г. Гуанчжоу) провел на стоянке детальное обследование и разведочные раскопки. Всего было пробито пять шурфов общей площадью 11,5 кв. м на пляже и на склоне холма; там же проведен сбор подъемного материала на выделенных участках площадью, соответственно, 50, 50 и 100 кв. м, специально выделенных для подсчета плотности находок. Несмотря на сравнительно небольшую поверхность вскрытия, раскопки имели большое значение, поскольку позволили описать стратиграфию стоянки и привязать к конкретному слою найденные там каменные орудия, в том числе и из поверхностных сборов [У Вэйхун, Ван Хун, Тань Хуйчжун, Чжан Чжэньхун, 2006]. Впрочем, полное разделение коллекции по периодам – процесс очень непростой, поэтому в литературе прослеживается тенденция к обобщенному описанию всех находок, что не позволяет выделить характеристики наиболее ранних находок и проследить динамику их развития [Чжан Сэньшуй, 2006]. Проведенный палионологический анализ показал абсолютное преобладание (более 95 %) в 5-ом, 4-ом и 2-ом слое папоротниковых, с примесью маллоты (5-й слой), артозы (4-й слой), сосны и молочайных (2-й слой), что свидетельствует относительно холодному климату; для 3-го слоя набор растений соответствует данным из современного (поверхностного) слоя; эти сведения коррелируют с другими палеогеографическими реконструкциями. Поскольку часть находок была сделана на приливе, то уже это дало основание говорить, что памятник имел возраст более 6 тыс. лет назад. В соответствии с морскими картами, на глубине примерно 5 м выделяется подводная терраса, где и располагалась значительная часть обнаруженного памятника. Основной породой является кремнистый туф, удобный для обработки; поэтому люди могли приходить в данную местность за сырьем для изготовления орудий [The Trial Excavation..., 2005].

Часть находок сделано на склоне холма in situ, в слоях, дата которых получена с помощью метода оптически стимулируемого люминесцентно-

го датирования (ОСЛ-датирование). В частности, в нижнем пятом слое, возраст которого определяется в промежутке от 39 до 35 тыс. лет до н. д., нашли «короткое» рубило и т. н. пику; в третьем слое (дата примерно 6,8 тыс. лет до н. д.) – тесловидное орудие и чоппер. Архаичный нуклеус дисковидного типа, который китайские исследователи относят к леваллуазской традиции, и пластинчатый отщеп обнаружены во втором слое (с датой примерно 3 тыс. лет до н. д.). В составе собранного материала выделены также суматралиты, скребки, остроконечники, резцы; многочисленные отходы производства (всего более 2 тыс. артефактов, судя по научным публикациям, хотя в газетных статьях это количество увеличилось втрое [Открытие.., 2006]). Относительно большое количество бифасов, в т. ч. один из них – непосредственно в раннем слое, выделяет данный памятник из числа других находок эпохи верхнего палеолита на побережье Южно-Китайского моря, тогда как наличие суматралитов, напротив, сближает. Осмотревший коллекцию проф. Чжан Сэньшуй отметил отличия гонконгских «рубил» от классических образцов, найденных на территории Европы и Индии, но не нашел им аналогов и на территории Китая, поскольку данный период для южных районов недостаточно хорошо изучен (см.: [Discovery.., 2006]). В литературе зафиксированы попытки соотнести создателей комплекса Вон Тэй Тун с миграцией предков древних племен *боюэ* или с народом *лису* в процессе его перемещения на о. Хайнань (см.: [Сяо Итин, 2009. Гл. 2]) и увязать эти этнические характеристики с активно обсуждаемыми в литературе данным палеогенетических исследований (по материалам Y-ДНК гаплогрупп 03, 02a и др.), связанных с формированием и распространением сино-тибетских, австроазиатских и австронезийских народов (см.: [Shi Hong, Dong Yong-li, Wen Bo et al., 2005; Li Hui, Huang Ying, Mustavich et al., 2007]). Однако столь многозначные выводы требуют более углубленного специального исследования и тщательной проверки.

Список литературы

Комиссаров С.А., Азаренко Ю.А. Этапы ранней истории Гонконга (Сянгана) // VI съезд востоковедов России, Улан-Удэ, 17–21 сент. 2008 г.: Тез. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2008. – С. 50–52.

Discovery of ancient quarry rewrites HK's human history // Сообщение Агентства Синьхуа от 16.01.2006; размещено на сайте Ин-та археологии АОН КНР. URL: http://www.kaogu.cn/en/detail.asp?ProductID=1026 (дата обращения 22.10.2009).

Li Hui, Huang Ying, Mustavich L.F., Zhang Fan, Tan Jing-Ze, Wang Ling-E, Qian Ji, Gao Meng-He, Jin Li. Y chromosomes of Prehistoric People along the Yangtze River // Human Genetics. – 2007. – Vol. 122, № 3–4. – P. 383–388.

Meachem W. Hong Kong's Earliest Site [1995] // Сайт Университета Гонконга. URL: http://www.hku.hk/hkprehis/earliest.htm (дата обращения 25.10.2009).

Shi Hong, Dong Yong-li, Wen Bo, Xiao Chun-Jie, Underhill P. A., Shen Pei-dong, Chakraborty Ranajit, Jin Li, Su Bing. Y-Chromosome Evidence of Southern Origin of

the East Asian-Specific Haplogroup O3-M122 // The American Journal of Human Genetics. – 2005. – Vol. 77, Issue . – P. 408–419.

The Trial Excavation at the Archaeological Site of Wong Tei Tung, Sham Chung, Hong Kong SAR. Aplril 29, 2005 // Сайт Археологического общества Гонконга. URL: http://www.hkarch.org/en_news.html (дата обращения 24.10.2009).

Открытие доисторической стоянки на в районе Сай Кин // Эл. издание газеты «Тайян бао» (Гонконг). – 2006. – 11.01. URL: http://the-sun.on.cc/channels/news/20060111021528_0000.html (дата обращения 26.10.2009).

Сяо Итин. Наньхай бэйань шицянь юйе вэньхуа [Доисторическая культура рыболовства на северном побережье Южного моря]. – Сянган: Чжунго пинлунь сюэшу чубаньшэ, 2009 // Эл. публикация книги на сайте издательства «Китайское научное обозрение». URL: http://www.chinareviewnews.com/crn-webapp/cbspub/secDetail.jsp?bookid=35001&secid=35018 (дата обращения 25.10.2009).

У Вэйхун, Ван Хун, Тань Хуйчжун, Чжан Чжэньхун. Краткий отчет о разведочных раскопках стоянки Хуандитун, в районе Шэньчун, Сянган // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 2006. – Т. 25, № 1. – С. 56–67.

Цзоу Синхуа, У Яоли, Ли Ланлинь. Краткий отчет о раскопках доисторического памятника к северу от бухты Дунваньцзай о. Маваньдао в Сянгане // Каогу. – 1999. – № 6. – С. 1–17.

Чжан Сэньшуй. Выступление на презентации итогов полевых исследований стоянки Хуандитун на (п-ове) Сигун, Сянган, 15.01.2006 // Доклад размещен на сайте организации «Ин-т археологии Гонконга». URL: http://www.archaeology-hongkong.org/hkia/Policy%20Review/Resource%20Management/Wong%20Tei%20Tung.htm (дата обращения 25.10.2009).

Н.А. Кулик, С.В. Маркин

ПЕТРОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЙ ИЗ ЧАГЫРСКОЙ ПЕЩЕРЫ

Одним из объектов в Сибири, содержащем среднепалеолитические материалы, является Чагырская пещера, расположенная в среднегорном районе северо-западного Алтая и приуроченная к левому борту долины р. Чарыш, дренирующей отроги северного склона Тигерекского хребта. Пещера, имеющая северную экспозицию, расположена на высоте 25 м над уровнем реки. Своей приустьевой частью она выходит на вертикальную поверхность уступа фрагмента цокольной террасы высотой 50−60 м., сложенной нижнесилурийскими известняками. На горизонтальной поверхности террасы прямо над пещерой под маломощной современной почвой встречается окатанная галька и обломки валунов. В составе заполнителя пещеры выделяются голоценовые (сл. 1–4) и плейстоценовые образования. Голоценовые осадки включают слой (2) плохо сортированного, хорошо окатанного галечника, происхождение и переотложение которого в пещеру через карстовые воронки и вертикальные полости, связано с разрушением поверхности вышележащей цокольной террасы. Галечный материал присутствует и на дневной поверхности пещеры. Плейстоценовые образования делятся на две части. Верхняя часть сложена, преимущественно, субаэральными осадками, в которых выделяются два разновозрастных горизонта (слой 5 и слои 6а, 6б, 6в/1,6в/2) лессовидных отложений [Деревянко, Маркин, Зыкин, 2009]. Богатейшие индустрии среднего палеолита, имеющие единственный аналог на Алтае в технокомплексах пещеры Окладникова [Деревянко, Маркин, 1992], содержит средняя часть пещерной толщи, образованная всеми подразделениями пород слоев 6. Типологической основой обнаруженных индустрий из Чагырской пещеры являются скребла и орудия типа dĭjetĭ. Выделяются скребла-ножи с естественными и искусственными обушками либо противолежащими рабочим ретушированным кромкам, либо примыкающими к ним под углом. Немногочисленные группы артефактов образуют зубчатые изделия, ретушированные анкоши, остроконечники, бифасы – обушковые формы с косым утолщенным краем.

Петрографическое определение артефактов из Чагырской пещеры проводилось на материалах 2007 г, полученных на стадии начального зондирования карстовой полости, пород аллювия на материалах 2008 г. Из кровли слоя 6а (гор. 1) проанализировано 422 экз., его средней части и

подошвы (гор. 2) –413 экз., из слоя 6б – 147 экз., и 6в/1, 6в/2 – 213 экз. артефактов. Наличие остатков галечной поверхности на 419 артефактах (33,8%) свидетельствует, как и на других памятниках Северо-Западного Алтая, что сырьем каменной индустрии служил галечный материал. Поэтому для сравнения было проведено петрографическое определение пород современного аллювия р. Чарыш вблизи пещеры на площади около 12 м^2, а также гальки на современной поверхности пещеры и во 2-м слое толщи разреза (табл. 1, рис. 1 А, Б).

В качестве основного сырья образования технокомплексов Чагырской пещеры использовалось четыре типа пород: осадочные (песчаники, алевролито-песчаники), из которых изготовлено 23% всех артефактов, роговики (16%), эффузивы (27%) и яшмоиды (около 33%). Среди последних подавляющее большинство (29%) – высококремнистые яшмоиды засурьинской свиты кембро-ордовика, хорошо знакомые по мустьерской индустрии пещеры Окладникова [Кулик, Маркин, 2003] и индустриям других памятников бассейна р. Ануй. Количественные соотношения разновидностей каменного сырья в артефактах в разных слоях Чагырской пещеры очень близки – отклонения от среднего содержания той или иной разности пород по слоям не превышают 3%, и лишь в слое 6Б достигают 5,5% для осадочных пород. В составе аллювия р. Чарыш содержатся все разновидности каменного сырья артефактов, однако в целом петрографический состав галечника значительно разнообразнее – присутствуют не использованные в индустрии гранитоиды, много жильного

Таблица 1. Разновидности пород в артефактах и каменном сырье пещер Чагырская и Окладникова.

породы	1	2	3	4	5	6
эффузивы	26,9	81,6	51,2	75,8	8,9	0
гранитоиды	0	2,1	7	3,4	0,1	4,6
осадочные	23,1	7,1	16,5	10,2	59	26,8
роговики	16,3	1,2	4,4	1,3	5,1	45
известняк, иные	0,5	0,2	11,4*	2,5**	0,6	0
кварц	0,3	0,9	3,8	4,7	0	8,1
яшмоиды-эффузивы	3,9	6,7	5,1	2,1	0,5	0
засурья	29	0,2	0,6	0	25,8	15,5
всего	100%	100%	100%	100%	100%	100%

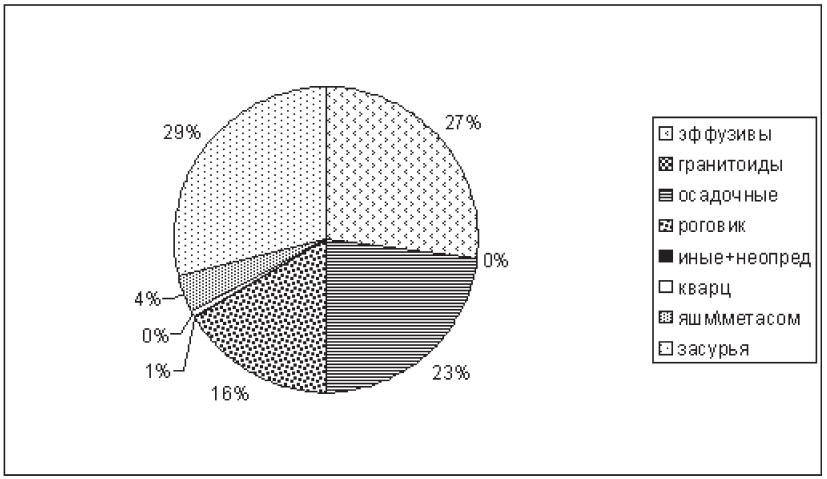
1. артефакты Чагырской пещеры (слои 6А-1, 6А-2 6Б, 6В)
2. галечный материал р. Чарыш у Чагырской пещеры
3. галька на современном полу Чагырской пещеры
4. галька из слоя 2 археологического разреза Чагырской пещеры
5. артефакты пещеры Окладникова
6. галечный материал р. Сибирячиха у пещеры Окладникова

* иные: известняк 0,6%, катаклазиты 7,6%, неопределимые 3,2%

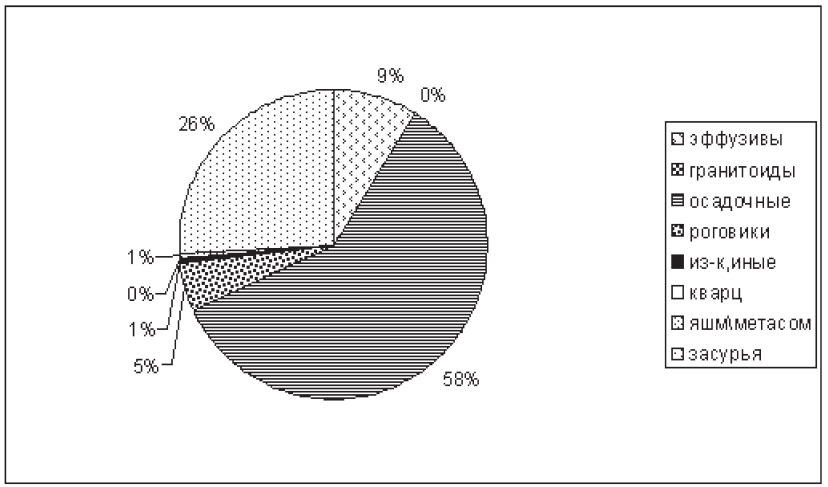
** иные: известняк 0,4%, катаклазиты 0,8%, неопределимые 1,3%

кварца, разнообразнее вулканические породы. Главное же – в галечном материале иное количественное распределение пород: эффузивные породы составляют от половины до трех четвертей всего галечного материала, в то время как содержание осадочных пород и особенно роговиков значительно ниже их содержания в индустрии памятника. Особенно мало засурьинских яшмоидов при значительном увеличении количества метасоматически измененных (главным образом окварцованных) эффузивов – яшмоидов по эффузивам. В результате график распределения пород имеет совершенно другой вид (рис. 1 Б). Соответствие петрографического состава пород в аллювии Чарыша и гальке, собранной на современном полу Чагырской пещеры и взятой из слоя 2 археологического разреза (табл. 1) подтверждает, что сырьем индустрии являлся аллювий р. Чарыш у пещеры, состав которого с течением времени мало менялся. Тем самым сравнение содержаний главных пород каменной индустрии Чагырской пещеры с содержаниями тех же пород в галечном материале р. Чарыш однозначно свидетельствует о целенаправленном отборе сырья, особенно роговиков и яшмоидов засурьинской свиты. Такое предпочтительное использование засурьинских яшмоидов в индустрии Чагырской пещеры позволяет сравнить ее с индустрией пещеры Окладникова, где использование этих пород также очень значительно (25,8% артефактов). Сравнение тем более уместно, что оба памятника находятся в сходных геологических условиях, располагаясь на западном фасе Горного Алтая в зоне ответвлений долгоживущего регионального Чарышско-Теректинского разлома, которые с востока и запада ограничивают Бащелакский гранитоидный массив, пересекая его контактовый ореол [(Кузнецов, 1963].

Яшмоиды засурьинской свиты («засурья») представляют собой высококремнистые тонкозернистые, реже – мелкозернистые кварцитовидные породы, преимущественно сургучно-коричневого и сургучно-красно-коричневого цвета («сургучники»), а также темные коричневато-серые или коричневато-черные до серых и черных со слабым восковым, до шелковистого, блеском. Помимо цвета, их макроскопическая диагностическая особенность – множество очень тонких, «волосных» черных кварцевых жилочек, одиночных и образующих характерные серии типа «конского хвоста», параллельных слоистости исходной осадочной породы, которая в местах скопления жилок мелко брекчирована и образует плоские, по слоистости же, обломки. Это брекчирование связано с образованием трещин усадки при диагенезе исходных высококремнистых осадков, и из отжимавшихся в трещины поровых растворов, насыщенных кремнеземом, кристаллизовался кварц жилочек, т.е. последние являются синхронными с диагенетическим преобразованием кремнистых осадков и превращением их в яшмоиды. Именно поэтому они – естественная составляющая этих пород и никак не влияют на технологические и потребительские свойства этого высококачественного сырья каменных

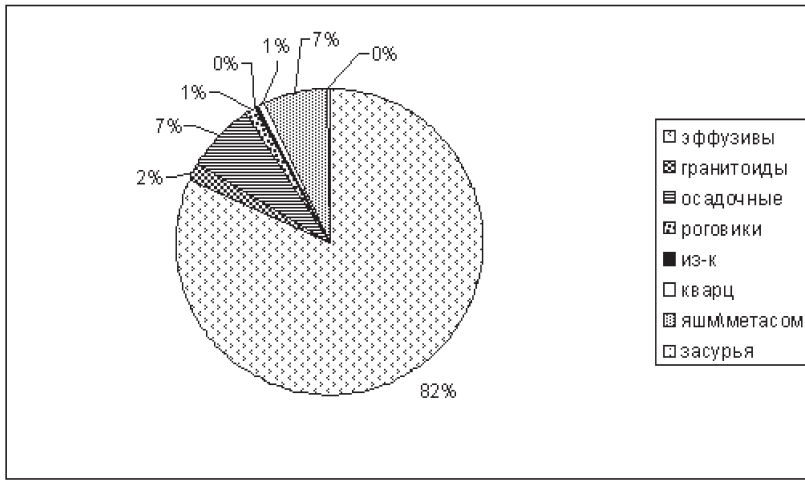

А. Петрографиченский состав артефактов Чагырской пещеры (слои 6А,6Б,6В)

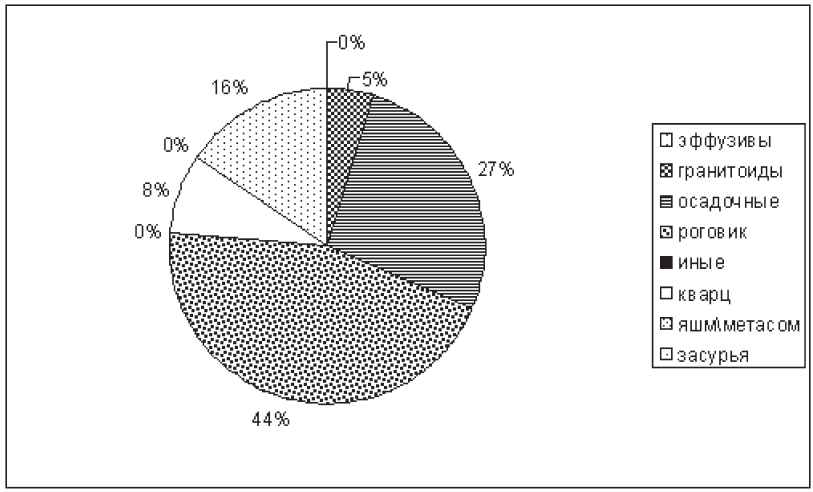

В. Петрографический состав артефактов пещеры Окладникова

Рис. 1. Петрографический состав артефактов

Б. Петрографический состав галечного материала р.Чарыш
у Чагырской пещеры

Г. Петрографический состав галечного материала р.Сибирячиха у п. Окладникова

и сырья пещер Чагырская и Окладникова.

индустрий. Однако в зонах тектонических нарушений засурьинские яшмоиды раздавлены и брекчированы с последующей перекристаллизацией и залечиванием трещин более поздним кварцем, его жилки достигают мощности 2–5 мм и в местах пересечения образуют крупные и мелкие кварцевые гнезда. Кварц этих жилок светлый, значительно более крупнозернистый (до 1мм), слабее связан со стенками трещин, поэтому раскалывание породы часто происходит вдоль жилок. Это значительно ухудшило технологические качества засурьинских яшмоидов как сырья для каменных индустрий пещеры Окладникова и Чагырской – на артефактах слишком часто проявлено неровное и прерывистое скалывание. Тем примечательнее, что при изготовлении орудий на обоих памятниках им оказывалось явное предпочтение. Сравнение обоих памятников по всему спектру петрографического состава артефактов показывает, что, помимо засурьинских яшмоидов, они совершенно различаются по использованию каменного сырья. Это обусловлено, прежде всего, разным составом пород в галечном сырье обоих памятников и разным качеством в нем одних и тех же пород. Так, в соответствии с положением пещеры Окладникова на притоке р. Ануй (р. Сибирячиха) в зоне контакта Бащелакского гранитоидного массива с песчано-глинистыми осадочными породами, главными по распространенности здесь являются роговики (табл. 1, рис.1, Г). Эффузивы отсутствуют вовсе, соответственно, отсутствуют и метасоматически измененные их разности (яшмоиды по эффузивам). Но так как роговики в этой части контактового ореола гранитоидного массива чрезвычайно сильно подроблены в зоне Бащелакского разлома, изменены и потому как сырье имеют низкое качество, они, при преобладающем их распространении в аллювии (45%), в индустрии составляют всего 5%; здесь на первый план выступают осадочные породы (главным образом мелкозернистые песчаники), составляющие около 65% всей каменной индустрии (рис. 1, В). Присутствие эффузивов и их яшмоидов в индустрии пещеры Окладникова при полном их отсутствии в ближайших галечниках р. Сибирячиха означает, что источником этого сырья служил аллювий Ануя, до которого от пещеры около 3 км.

Роговики в южном контактовом ореоле Бащелакского массива не попали в зону тектонического дробления Чарышско-Теректинский разлома и его ответвлений, потому сохранили свое хорошее качество как сырье, и их тщательно выбирали для индустрии Чагырской пещеры, несмотря на гораздо меньшую распространенность в галечном материале. Зато тектонические нарушения проявились неоднократно и очень сильно в среднем и верхнем течении Чарыша и его левых притоков, в поле распространения девонских эффузивов, в результате последние испытали сильное постмагматическое изменение и в значительной мере превращены в яшмоиды, которые использовались наравне со слабоизмененными эффузивами, а иногда, по-видимому, из-за сходства по цвету с «сургучниками», отбирались взамен последних.

Список литературы

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая (по материалам пещеры им. Окладникова). – Новосибирск: Наука, 1992. – 224 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкин В.С. Новый объект среднего палеолита на Алтае // Древнейшие миграции человека в Евразии: Мат-лы Междунар. симп. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – С. 101–106

Кузнецов В.А. Тектоническое районирование и основные черты эндогенной металлогении Горного Алтая // Вопросы геологии и металлогении Горного Алтая. – 1963. – Тр. ИГиГ СОАН СССР. – Вып. 13. – С. 7–66.

Кулик Н.А., Маркин С.В. Петрография индустрии пещеры им. Окладникова (северо-западный Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. IX, ч. 1. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 148–153

В.Е. Ларичев, П.Ю. Павлов

ДРЕВНЕКАМЕННЫЙ ВЕК ЕВРОПЫ: ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ РАННЕГО ЭТАПА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА (РЕКОНСТРУКЦИЯ КАЛЕНДАРНЫХ СИСТЕМ СЕВЕРА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ)

Вводные замечания. Публикацией композиции «записей» однолетних и многолетних систем счисления времени Каповой пещеры завершилось исполнение азиатской части программы предъявления доказательств наличия *во всех палеолитических культурах Сибири, от Камчатки до Урала*, объектов искусства с числовыми знаковыми «текстами» календарно-астрономического содержания.

Постановка проблемы и программная цель исследования. Доклад на очередной научной сессии Института призван обозначить начало исполнения второй части упомянутой программы – *европейского раздела ее*. Предстоящий поиск, рассчитанный на 3–4 года, предполагает предъявление доказательств овладения творцами палеолитических культур всего региона, от западных предгорий Урала до Атлантики, *естественно-научного разряда сведениями о Природе*, сходными с выявленными в культурах Северной Азии.

Отсутствие интереса к внешне простым, но по содержательности емким изделиям «художественного творчества», как и апатичное нежелание искусствоведов Европы погружаться в отыскание смысла «орнаментального» вида «записей», объяснимо:

1 – сложностью овладения гуманитарием, привычным к «либеральным размышлениям», *астроархеологическими методами* изучения источников. Ведь применение их на практике невозможно без познаний в области точных наук, где априори неприемлемы вольные суждения по фундаментальной важности вопросам;

2 – просчетом следования нелучшей традиции палеолитоведения **XIX в.** низко оценивать умственный статус палеолитического охотника – приписывать ему примитивность мышления и, соответственно, заземленность жизненных устремлений (ограничение деятельности его очевидным – добычей пропитания ради выживания в жестких условиях природной среды ледникового времени);

3 – низким качеством иллюстративных копий «орнаментированных изделий» в каталожного типа изданиях по искусству Восточной Европы, отражающих лишь «общее впечатление» от взгляда на них. Недостоверность документации (лишенность ее скрупулезности детализации) обрекает археолога-искусствоведа на сизифов труд, в случае если он вознамерится

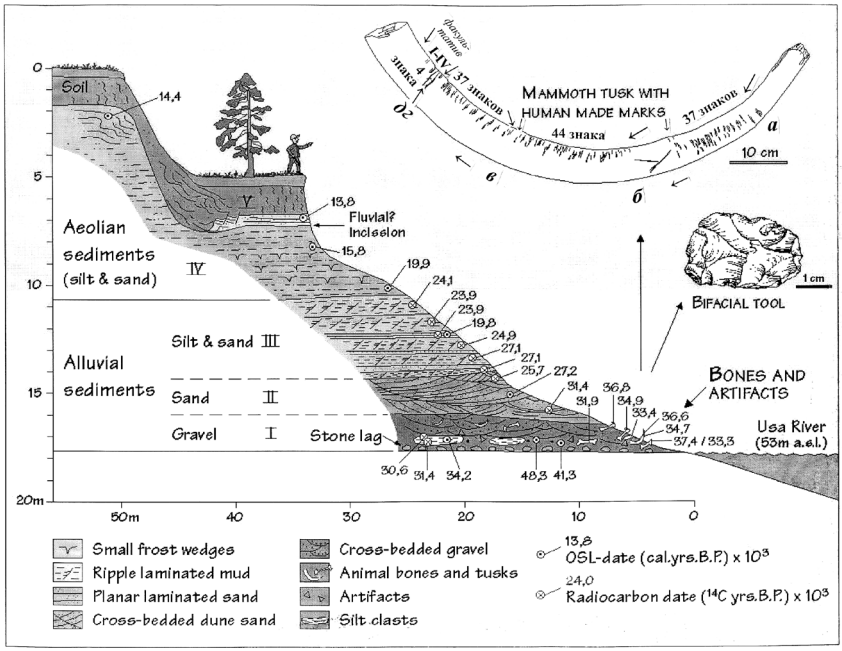

Рис. 1. Мамонтова курья. Стратиграфический разрез и датировка отложений (в тысячах лет). Позиционирование культурного горизонта и главных находок в нем – бивня с числовыми «записями» и бифаса (по: [Svendsen, Pavlov, 2005]).

вдруг следовать при интерпретациях *методическим установкам астроархеологии, палеоастрономии и палеокалендаристики.*

Как свидетельствует опыт, наилучшие результаты интерпретаций достигаются при изучении объекта искусства в подлиннике, *de **visu.*** Этому опыту и последуем далее.

Источник: бивень мамонта с насечками со стоянки Мамонтова курья. Историко-культурный контекст памятника и его датировка. Из списка подходящих для семантических реконструкций объектов искусства Восточной Европы изберем бивень со строчками насечек, обнаруженный *in **situ*** на стоянке Мамонтова курья (республика Коми, бассейн р. Печоры, южный берег средней части р. Усы; район, близкий западным предгорьям Полярного Урала; подробности см. Svendsen J.I., Pavlov P., 2005). Эта редкостной удачи находка вызывает исключительный интерес. Она представляет собой превосходный образец «символического письма» *раннего этапа верхнего палеолита*, намного превосходящего по древности знаковые «записи» на объектах искусства из погребений Сунгири.

Радиокарбоновая датировка бивня с насечками. Презентация знакового «текста» и подразделение его на отдельные «записи». Числовые константы каждой из них. Общее количество знаков в «тексте»

Традиционная оценка значимости их. Первая радиокарбоновая датировка бивня была получена в Тронгеймской радиоуглеродной лаборатории (Норвегия): 36 630 ± 1 310 / 1 130 л. н. (T–11403). Позже датирование того же объекта осуществили в университетской лаборатории г. Упсала (Швеция) с использованием технологии AMS – 34 655 ± 570 л. н. (TUA–3524), что близко дате обломка другого бивня, полученной радиокарбоновой лабораторией Санкт-Петербургского университета – 34 920 ± 1 040 л. н. (LU–3994). Микроскопический анализ позволил установить, что насечки на поверхности бивня делались вскоре после смерти животного, когда костная ткань еще сохраняла свежесть.

Значительная часть бивня испещрена насечками – линейными, прямыми или слегка наклонными, а также, редко, фигурными и серповидными. Три строчки насечек размещаются в пространстве от боковой поверхности приостренного конца бивня и далее вправо – в зоне среднего отдела его. Подсчет количества насечек оказался процедурой весьма трудной. После многократного повтора ее, проверок и уточнений был избран следующий вариант: (рис. 2, *а, б, в)*: в строчке на боковой поверхности приостренного конца наличествуют 37 насечек, во второй и третьей строчках среднего отдела, соответственно, 44 и 37. К правому концу последней строчки примыкают две очень тонкие и длинные параллельные линии *г* и *д*, *которые отделяют от нее 4 насечки* (см. на рис. 2, *в* I–IV).

В публикациях, посвященных «орнаментированному бивню», ряды насечек оцениваются традиционно – как «упорядоченный», с регулярным повтором ритма «узор», заключающий в себе «художественный или символический смысл». Представим альтернативное понимание слова «узоры», используя для раскрытия его *методы астроархеологического анализа*.

Тестирование числового контекста знаковых «записей». Проведем тестирование на предмет кратности и продолжительности в сутках *синодическому* (смещение относительно Солнца) и *сидерическому* (смещение на фоне звезд) оборотам Луны. 37, число знаков в двух «записях», первой и третьей (без учета знаков I–IV), в полной мере соответствует такому критерию:

$$37 \text{ сут.} : 29{,}5306 \text{ сут.} = 1{,}2529 \approx 1\frac{1}{4} \textit{ син}. \text{ месяца};$$
$$37 \text{ сут.} : 27{,}32 \text{ сут.} = 1{,}3543 \approx 1\frac{1}{3} \textit{ сид}. \text{ месяца}.$$

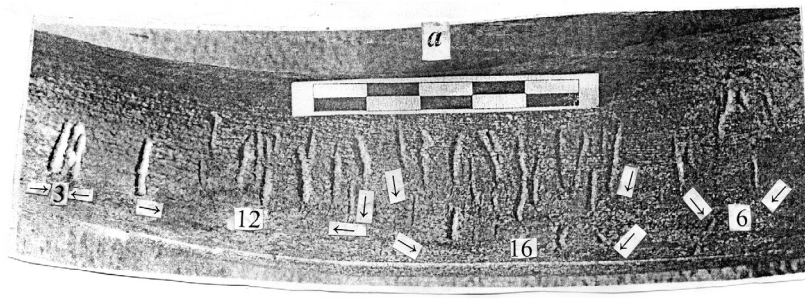
44, число знаков в средней строке, кратно лишь *синодическому* обороту ночного светила:

$$44 \text{ сут.} : 29{,}5306 \text{ сут.} = 1{,}4899 \approx 1\frac{1}{2} \textit{ син}. \text{ мес}.$$

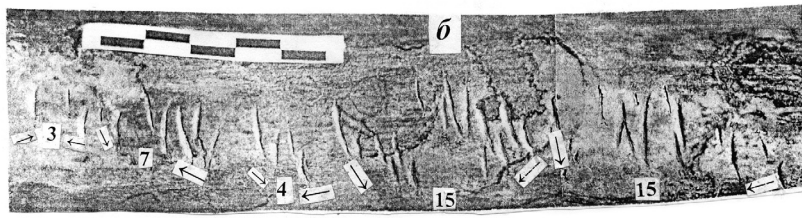
Общее количество знаков в «тексте» –

$$37 + 44 + 37 = 118,$$

есть высоко календарно-астрономически значимое число, ибо оно представляет длительность *каждого из трех* т. н. «сезонов» *лунного* года древних календаристов, т.е. *четырехмесячный цикл*:

всего 37 знаков

всего 44 знака

всего 37 знаков

Рис. 2. Знаковые «записи» на бивне мамонта:
а – 37 знаков (3 + 12 + 16 + 6); *б* – 44 знака (3 + 7 + 4 + 15 + 15);
в – 37 (3 + 29 + 5) + 4 *факультативных* знака.

118 сут. : 29,5306 сут. = 3,9958 ≈ 4 *син*. мес.

Если же 118 дополнить 4 знаками, отделенными тонкими линиями от «записи» 37, то опять-таки получим календарно-астрономически значимое число, но определяющее длительность трети не *лунного*, а *солнечного* года –

118 сут. + 4 сут. = 122 сут. ≈ ⅓ солнечного года.

Результаты тестирования позволяют приступить к реконструкции систем счисления времени в сообществе ранних *Homo* ***sapiens*** Приполярья.

Реконструкция систем счисления лунного года. С наибольшей вероятностью, считывание велось *без учета четырех знаков, отделенных от третьей строчки 37 двумя длинными резными линиями г* и *д*. Если такой допуск верен, то *трехкратный проход* по «записям» 37 → 44 → 37 выводил на рубеж окончания *лунного* года:

(37 + 44 + 37) сут. × 3 = 354 ≈ 354,367 сут.

Реконструкция системы счисления солнечного года. Возможны *два* варианта: *первый* – считывание велось *с учетом четырех факультативных знаков третьей строчки 37*. При таком допуске трехкратный проход по «записям» 37 → 44 → 37 + [4] сут. выводил на рубеж окончания *солнечного* года:

(37 + 44 +37 + [4]) сут. × 3 = 366 ≈ 365,242 сут.

Этот вариант нерационален потому, что в ходе счисления теряется связь с точным отслеживанием *лунного* времени (подключение к системе факультативной «записи» [4] определяет это). Полностью снимает такой недостаток *второй* вариант, когда *бульшая часть солнечного года отслеживалась с учетом ритмов лунного времени*: после четырехкратного прохода по записям 37 → 44 к счетной системе единожды подключалась «запись» (37 + [4]). Эта операция и выводила на рубеж окончания *солнечного* года:

[(37 + 44) сут. × 4] + (37 + [4]) сут. = 365 ≈ 365,242 сут.

Реконструкция системы счисления сидерического (звездного) года. Четырехкратный проход по «записям» 37 → 44 (последняя строчка 37 остается *вне учета*) с добавлением в конце лишь факультативной «записи» [4] выводил на рубеж окончания *сидерического года*:

[(37 + 44) сут. × 4] + [4] сут. = 328 ≈ 327,84 сут.

Реконструкция системы счисления цикла беременности женщины. После трехкратного прохода по «записям» 37 → 44 в счетную систему вводилась третья строчка «текста» – «запись» числа 37 + факультатив [4]. Такая последовательность счисления знаков выводила на рубеж окончания цикла беременности женщины, близкого классической (по энциклопедическим справочникам) длительности его (281 сут.):

[(37 + 44)сут. × 3] + 37 сут. = 280 ≈ 281 сут.

Заметим, что *число 280 примечательно тем, что оно кратно как синодическому, так и сидерическому оборотам* Луны, что связывает новорожденного с Небом и светилами:

280 сут. : 29,5306 сут. = 9, 4816 ≈ 9½ *син.* мес.;
280 : 27,32 сут. = 10,2489 ≈ 10¼ *сид.* мес.

Краткие итоги поиска. Реконструктивная часть доклада *с рационально простыми вариантами счисления разного вида календарных циклов* позволяет подтвердить главное – *подсчет знаков в трех «записях» 37 → 44 → 37 + + [4] произведен правильно.* Бивень с числовыми «записями» свидетельствует о том, что жрецы раннего этапа верхнего палеолита Приполярья Восточной Европы обладали высокого уровня знаниями в области точных протонаук – арифметики, астрономии и календаристики. В этом отношении они ни в чем существенном не уступали творцам культур той же стадии древнекаменного века Сибири и Западной Европы. Лунные и солнечные потоки времени отслеживались, надо полагать, с целью подстраивания к ним годовой круговерти повседневных дел охотников и собирателей – бытовых, производственных, культово-обрядовых и религиозных.

Список литературы

Svendsen J.I., Pavlov P. Mamontova Kurya: an enigmatic, nearly 40 000 years old paleolithic site in the Russian Arctic. The 21st Century Program COE «Cultural and Ecological Foundation of Mind». – Sapporo: Hokkaido University, 2005. – March.

В.Е. Медведев

НЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКА АМУРЗЕТ (ЕВРЕЙСКАЯ АВТОНОМНАЯ ОБЛАСТЬ)

Двухслойный памятник, состоящий из могильника середины I тыс. н.э. (верх) и комплекса находок неолитического времени (низ), находится на левом берегу Амура в пос. Амурзет Еврейской автономной области, часть памятника занята постройками районной больницы. При строительных работах в 1989 г. он был сильно поврежден, и тогда же в заложенном шурфе обнаружено первое погребение. В 1990 г. Амуро-Уссурийским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭт СО РАН под руководством автора на сохранившейся части памятника были проведены исследования на площади 76 м^2 (раскоп I). В предварительном сообщении об его исследовании коротко сказано о выявленных погребениях в верхнем слое, материалы эпохи неолита не рассматривались [Медведев, 1992].

Стратиграфия раскопа: 1) почвенно-пахотный слой (15–30 см); 2) темно-серый песок (18–45 см); 3) желто-серый песок (15–50 см); 4) серый пятнистый песок (15–40 см); 5) желтый песок (материк). Отдельные неолитические вещи отмечены при вскрытии верхних слоев песчаного грунта. Они были извлечены из нижнего культурного горизонта при рытье более поздних могил. Верхний уровень залегания непереотложенных неолитических реалий связан с основанием слоя 2 (темно-серый песок) на глубине около 45–50 см от поверхности.

В неолитическом слое зарегистрировано 10 ям размерами от 18×23 до 130×152 см и глубиной от 13 до 53 см, располагавшихся в различных местах раскопа. Материальные остатки залегали преимущественно одиночно, заметных скоплений их не отмечено.

Рассматриваемый неолитический комплекс следует классифицировать как стоянка без следов стационарных жилищ-полуземлянок. Сравнительно небольшая вскрытая площадь памятника, казалось бы, не позволяет решительное определение его типа. Тем не менее, раскопанную его часть поселением назвать нельзя. Люди могли иметь временные жилища в виде шалаша, навеса или балагана с использованием для их возведения шестов, кольев, от которых зафиксированы небольшие округлые ямки в центральной и южной частях раскопа. Более крупные ямы в северной его части предназначались, по всей видимости, для бытовых нужд. Изделия из камня на стоянке представлены относительно небольшим количеством готовых или почти готовых орудий: 2 двусторонне ретушированных лис-

товидных наконечника стрел, 4 скребка, сделанные из плоских отщепов, у двух из них выпуклые рабочие края с мелкой приостряющей ретушью на значительной части периметра (рис. 1, *1, 2*); орудие из галечного скола с режущим краем (рис. 1, *3*); проколка из плоской гальки (рис. 1, *4*); массивный отбойник из окремнелой гальки (рис. 1, *9*); скошенный резец (рис. 1, *8*), 2 пластинчатых скола со следами утилизации (рис. 1, *5, 7*). Найдены около 10 пластин и пластинчатых сколов без ретуши, а также 4 галечных рыболовных грузила. Основную часть каменных артефактов составляют гальки, частично расколотые или с несколькими сколами (62 экз.); галечные сколы размерами 1–8 см (150 экз.); отщепы (преимущественно мелкие чешуйчатые, пластинчатые, бесформенные) от 1 до 3 см в поперечнике, изредка – до 4–7 см (93 экз.). Зафиксированы 2 нуклеуса: первый – наподобие клиновидного в первичной фазе расщепления из халцедоновой гальки (рис. 1, *6*), второй – одноплощадочный уплощенный из яшмовидной гальки. Отсутствие изделий из пластин свидетельствует о неразвитости у людей, оставивших Амурзетскую стоянку, пластинчатой техники камнеобработки. Даже имеющиеся немногие пластины нельзя назвать правильными. Они грубой огранки, разномерные, сняты с галек или неокончательно оформленных галечных нуклеусов с сохранившейся их коркой.

Скребки и один наконечник стрелы изготовлены из отщепов и лишь второе метательное орудие без остатков галечной корки. Сказанное дает основание заключить, что техника изготовления каменного инвентаря на стоянке является галечно-отщеповой, шлифованные изделия, за исключением одного скола с рубящего орудия, полностью отсутствуют. Основной материал – небольшие (в поперечнике до 6–7 см, изредка до 10 см) яшмовидные, а также кремнистые и халцедоновые гальки.

Таким образом, о каменной индустрии неолитической стоянки можно говорить как о достаточно архаичной. Большое количество галек и заготовок из них, по сравнению с немногочисленным готовым инвентарем, свидетельствует о предназначении стоянки, главным образом, как временного или сезонного пункта для заготовки каменного сырья и его первичной обработки с сопутствующим рыболовным промыслом. Данное обстоятельство, возможно, объясняет отсутствие на стоянке шлифованных изделий, столь характерных для поселений неолита Приамурья.

Керамический материал стоянки представлен 128 черепками, в т.ч. 61 экз. венчиков сосудов и 67 экз. их стенок. Из-за отсутствия целых или хотя бы крупных частей посуда характеризуется в несколько обедненной форме с точки зрения ее морфологии. Фрагменты позволяют считать, что сосуды были плоскодонные, изготовленные способом ленточного налепа. Представляли собой резервуары простых открытых слабопрофилированных форм типа горшков, банок со слегка выделенной короткой шейкой или без нее и, возможно, вазовидных изделий. Утварь была разных размеров: диаметр венчика от 7–8 до 27–28 см при толщине стенок 4–6 см.

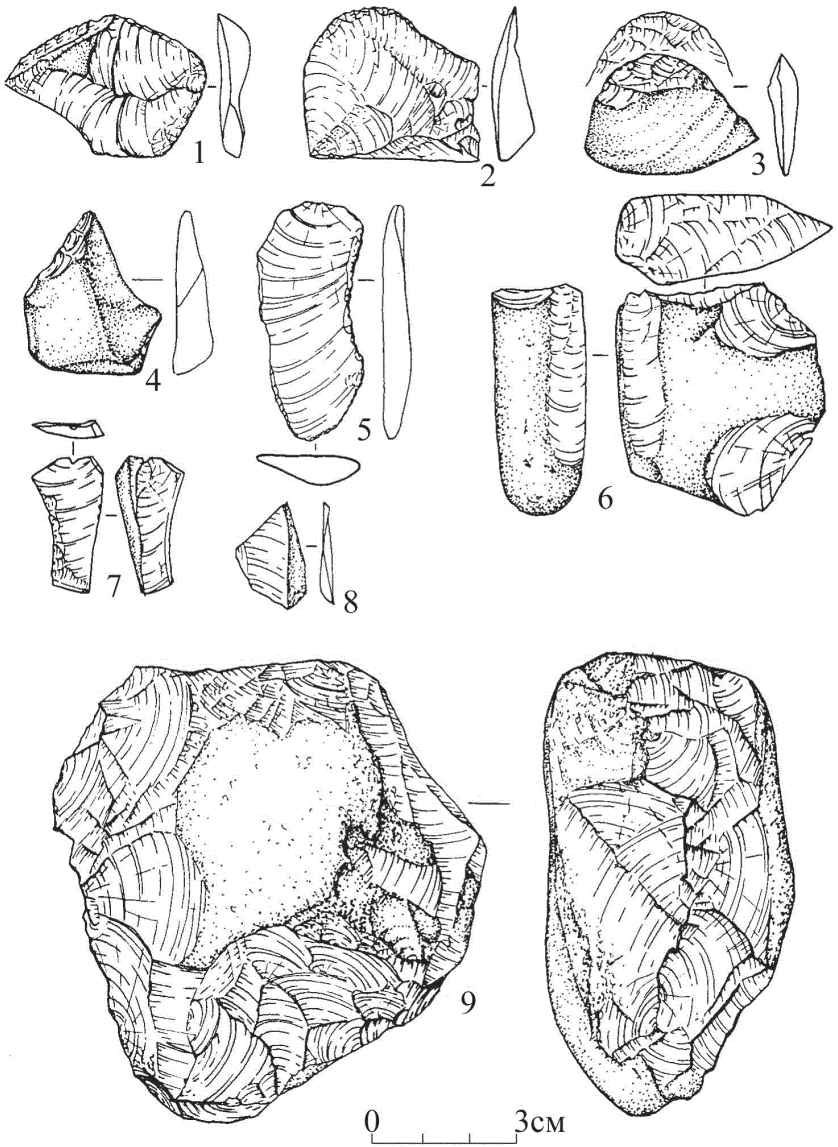

Рис. 1. Каменный инвентарь.
1, 2 – скребки; *3* – орудие; *4* – проколка; *5, 7* – сколы со следами утилизации; *6* – нуклеус; *8* – резец; *9* – отбойник.

Формовочная масса отощена слюдинистым песком и мелкой дресвой. Обжиг равномерный, черепок в изломе преимущественно темно-коричневый, бурый, есть черного цвета. В основном таких же оттенков внешняя и внутренняя поверхности керамики. Изнутри ниже венчика – нередко следы копоти и остатки пригоревшей пищи. Многие черепки с заглаженной поверхностью (особенно внутренней), но есть и шероховатые.

Венчики, в зависимости от их оформления подразделяются на три группы: 1) с несколькими валиками с насечками или вмятинами на них – фигурно-валиковые (рис. 2, *3*), 2) утолщенные с наружного края (рис. 2, *1, 2, 4*), 3) ровные или прямые без валиков и утолщений.

Основной декор – тиснение чаще мелкозубчатой гребенкой или орнаментиром-качалкой (преимущественно горизонтальные ряды, нередко в сочетании с наклонными или в виде горизонтального зигзага) (рис. 2, *5–12*). Имеются оттиски ромбического, овального, кружкового штампа, а также ямочные вдавления. Мелкие оттиски, как правило, овальные, подпрямоугольные, порой в виде скобочек. Они выполнены в технике отступающей лопаточки наряду с гребенкой и орнаментиром-качалкой, а также зубчатым колесиком (оттиски в последнем случае сформированы в узких желобках).

Одним из наиболее сложных вопросов в исследовании амурзетского неолитического материала является вопрос его культурно-хронологического определения. Не вникая в детали, можно утверждать, что комплекс находок не имеет связей как с начальным, ранним (осиповская, громатухинская, новопетровская, мариинская культуры), так и поздним (вознесеновская культура) неолитом Приамурья. Есть некоторое сходство, видимо, регионального уровня в технике орнаментации керамики (зубчатое колёсико, орнаментир-качалка, отступающая лопаточка, некоторые формы штампов) и отдельных мотивов декора с ранним этапом малышевской культуры (Гася, Сакачи-Алян – нижний пункт). Однако в целом керамика Амурзета архаичнее малышевской по технологическим, формальным и стилистическим атрибутам. Наблюдается определенная близость рассматриваемого комплекса с керамикой кондонской культуры (фигурно-валиковые рассеченные венчики, гребенчатый декор, отступающая лопаточка) [Окладников, 1984, рис. 1, *33, 34*; 2, с, т*;* табл. 1, *3*]. Но по большинству технико-типологических и других признаков амурзетская керамика, как, впрочем и каменный инвентарь, представляются старше и проще кондонской, включая ее ранний тип [см., например: Шевкомуд, Горшков, 2007, рис. 1; 2]. Прослеживается некоторое сходство с керамическими комплексами бойсманской культуры Приморья: фигурно-валиковое оформление венчиков, гребенчатый узор, отступающая лопаточка [Жущиховская, 1998, рис. 3. 6, *6; 3. 8, 4*; 3. 36, *6*; Морева, 2003, табл. 1, 1-й этап]. Но бойсманские коллекции керамики и каменного инвентаря тоже нельзя назвать более древними и примитивными по сравнению с амурзетскими. Напротив, они, на взгляд автора этих строк, несколько моложе последних.

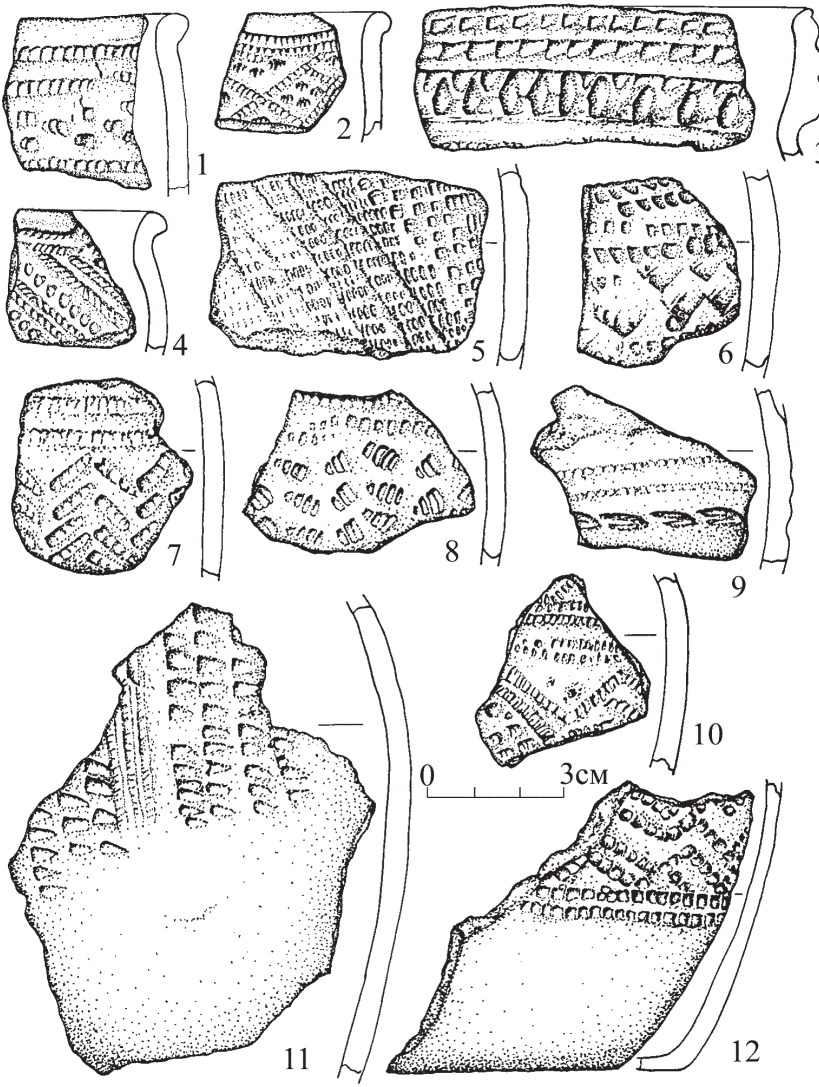

Рис. 2. Фрагменты керамики.

В настоящее время вряд ли есть возможность увязать амурзетские находки с какой-либо известной культурой. Остается лишь констатировать, что в культурно-хронологической колонке неолита Дальнего Востока они, с определенной долей вероятности, должны занимать место между мариинской и малышевской (кондонской – ранний этап) культурами. Амурзетскую стоянку трудно отнести только к нижне- или среднеамурскому неолиту, так же как и к приморскому. Она видится достаточно самостоятельной

с признаками синкретизма, занимающей своего рода региональную нишу на стыке нескольких культурных традиций раннего и среднего неолита. Дополнительные исследования комплексов амурзетского типа позволят прояснить данную проблему.

В заключение хотелось бы отметить следующее. Стоянка Амурзет интересна тем, что являет собой редкий, едва ли не единственный памятник неолита, стационарно исследованный на территории Среднего Приамурья между Малым Хинганом и впадающей справа в Амур Уссури. Эта местность полностью входит в административные границы Еврейской авт. области, ландшафты которой в восточной и центральной частях характеризуются как низменные, местами заболоченные и только западные, ближе к М. Хингану, – возвышенные, частью гористые (хребты Помпеевский, Сутарский). Несмотря на отдельные неолитические вещи, обнаруженные при раскопках памятников эпохи металла [см., например: Деревянко и др., 1999, рис. 42, *1*], мнение об указанной местности, как территории, заселенной в относительно позднее время, сохраняется. Амурзетская стоянка свидетельствует о довольно раннем освоении человеком территории Среднего Приамурья к востоку от М. Хингана.

Список литературы

Деревянко А.П., Богданов Е.С., Нестеров С.П. Могильник Найфельд. – Новосибирск, 1999. – 96 с.

Жущиховская И.С. Керамика с поселения Бойсмана-1 // Первые рыболовы в заливе Петра Великого. – Владивосток, 1998. – С. 123–196.

Медведев В.Е. Оригинальный могильник на среднем Амуре // Изв. Сиб. отд-ния РАН. – 1992. – № 3: Сер. ист., филол. и филос., вып. 3. – С. 63–64.

Морева О.Л. Относительная периодизация керамических комплексов бойсманской археологической культуры памятника Бойсмана-2 // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: М-лы международн. конф. «Из века в век», посвященной 95-летию со дня рождения академика А.П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции РАН. – Новосибирск, 2003. – С. 172–175.

Окладников А.П. Керамика древнего поселения Кондон. – Новосибирск, 1984. – 124 с.

Шевкомуд И.Я., Горшков М.В. К вопросу о кондонской культуре в Нижнем Приамурье (исследования поселения Князе-Волконское-1 в 2006 г. // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: М-лы всероссийск. конф. с международ. участием, посвященной 100-летию со дня рождения М.М. Герасимова. – Иркутск, 2007. – Т. 2. – С. 306–310.

В.Е. Медведев, И.В. Филатова

НЕОЛИТ НИЖНЕГО АМУРА И ПРИМОРЬЯ: ЭЛЕМЕНТЫ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КЕРАМИКИ)

На возможные связи неолитических культур Нижнего Приамурья и Приморья ранее уже указывалось исследователями [см., например: Окладников, 1959; Бродянский, 1987, Неолит юга Дальнего Востока, 1991; Медведев, 2000; Морева, 2005]. Опыт сравнительной характеристики орнамента приамурской и приморской керамики из коллекций наиболее изученных и/или опорных памятников, учитывая значительное увеличение количества источников в настоящее время, представляется по-прежнему актуальным.

Анализ керамики мариинской культуры выявил, что последняя по отдельным признакам близка некоторым образцам керамики недавно выделенного «сергеевского» типа а также руднинской культуры (рис. 1). Так, основным принципом декорирования выступает негативный рельеф, нанесенный на поверхность изделий штампованием. Характерным технико-декоративным элементом являются оттиски многозубчатой «гребенки», орнаментальным мотивом – прямая линия. Зонами размещения композиций бордюрного типа служили верхняя плоскость венчика и верхняя часть сосуда. Структура орнамента – концентрическая.

В орнаментике малышевской и кондонской культур также имеются сходные черты с керамикой «сергеевского» типа (рис. 2). Ведущим принципом декорирования выступает негативный рельеф, для нанесения которого применялось штампование и накалывание. Зафиксированы технико-декоративные элементы: дугообразные, овальные, треугольные, квадратные, прямоугольные, ромбовидные оттиски, отпечатки гребенчатого штампа; валики прямые и волнистые. Типичны орнаментальные мотивы в виде линий

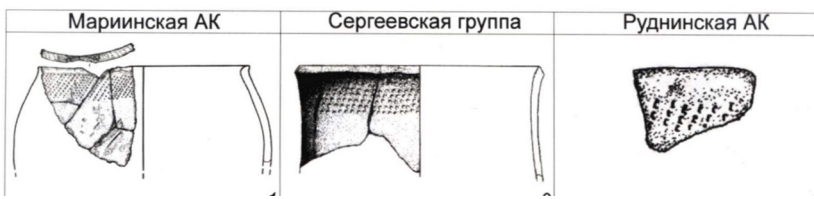

Рис. 1. Образцы орнамента на керамике мариинской культуры Нижнего Приамурья (*1*), «сергеевской» группы памятников (*2*) и руднинской культуры (*3*) Приморья: *1* – пос. на о-ве Сучу; *2* – Осиновка (по: [Батаршев, Морева, Попов, 2003]); *3* – пос. Чертовы ворота (по: [Неолит юга Дальнего Востока, 1991]).

Рис. 2. Образцы орнамента на керамике малышевской (*1, 4*) и кондонской (*2, 5*) культур Нижнего Приамурья, «сергеевской» группы памятников Приморья (*3, 6*): *1, 4* – пос. Малышево-1; *2, 5* – Осиновка (по: [Батаршев, Морева, Попов, 2003]); *3, 6* – пос. Кондон-Почта.

(прямая, волнистая), сетки. Композиции бордюрного типа размещены в верхней части орнаментальной зоны. Структура орнамента – концентрическая и сетчато-концентрическая.

В орнаменте сосудов малышевской культуры прослежены признаки сходства и отличия с материалами бойсманской культуры (рис. 3). Для малышевской керамики характерно два принципа декорирования сосудов – рельефный и плоскостной; в бойсманской выявлен только рельеф. В гончарстве обеих культур ведущим способом декорирования является штампование. Как в приамурских, так и в приморских материалах есть образцы, украшенные вдавлениями «гребенки» с количеством «зубцов» от двух до семи-восьми,

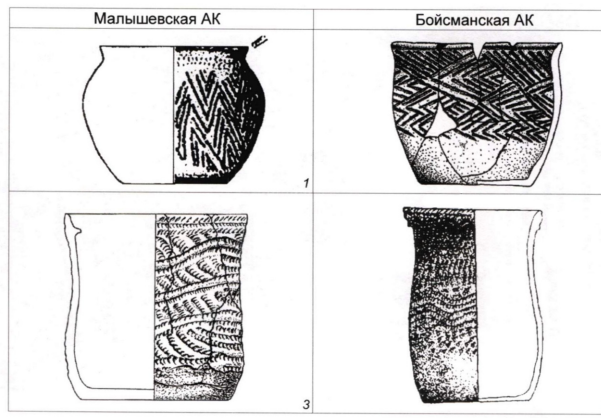

Рис. 3. Образцы орнамента на керамике малышевской культуры Нижнего Приамурья (*1, 3*) и бойсманской культуры Приморья (*2, 4*): *1* – пос. на о-ве Сучу; *2* – пос. Бойсмана-2 (по: [Попов, Чикишева, Шпакова, 1997]); *3* – пос. Гася; *4* – пос. Бойсмана-2 (по: [Морева, Попов, 2003]).

хотя для малышевского орнамента более типичны оттиски дву-, трех- и четырехзубчатого штампа. Различаются также форма и размеры оттисков. В обоих комплексах использовались оттиски «отступающей» лопаточки различной формы. Характерные для керамики бойсманской культуры орнаментальные мотивы находят аналогии в декоре малышевской культуры: прямая, дугообразная и волнистая линии, треугольник, ромб, шеврон, спираль. Однако в орнаменте бойсманцев отсутствуют сложные криволинейные геометрические мотивы: зигзаг, меандр, а также «личины». Структура орнаментальных композиций преимущественно концентрическая; есть немногочисленные образцы с сетчато-концентрическим строением. Сходны типы построения – бордюр, бордюр + сетка. Зоны размещения декора: от украшения только венчика и приустьевой части до всей внешней поверхности сосуда за исключением дна.

В материалах ряда малышевских местонахождений представлены изделия с характерным приемом оформления внешнего бортика венчика и низа горловины волнистыми линиями из составленных в шахматном порядке треугольных, реже дугообразных оттисков. По техническим и декоративным признакам этот прием сходен с так называемым волнистым ложным валиком на бойсманской керамике.

В орнаменте сосудов кондонской культуры зафиксированы признаки сходства и отличия с керамикой руднинской культуры (рис 4). Так, рельефный принцип декорирования поверхности сосудов является единственным. В приморском орнаменте, как и в приамурском, ведущую роль играют такие технико-декоративные элементы, как оттиски треугольные, ромбовидные и гребенчатого штампа, но оттиски «гребенки» представлены значительно меньше. Черты сходства проявляются также в орнаментальных мотивах: для обоих комплексов характерны прямая горизонтальная линия и сетка. Композиция декора различна. В кондонской культуре есть материалы с концентрической, сетчато-концентрической, радиально-концентрической и сетчато-радиально-концентрической структурой, в руднинской – концентрической и сетчато-концентрической структурой. Тип пространственного построения приамурского орнамента – бордюр, бордюр + сетка, бордюр + сетка + + розетка, приморского – бордюр, бордюр + сетка. В кондонской керамике декор нередко охватывает все орнаментальные зоны, включая верхнюю по-

Рис. 4. Образцы орнамента на керамике кондонской культуры Нижнего Приамурья (*1, 3*) и руднинской (*2, 4*) культуры Приморья: *1, 3* – пос. Кондон-Почта; *2, 4* – пос. Чертовы Ворота (по: [Неолит юга Дальнего Востока, 1991]).

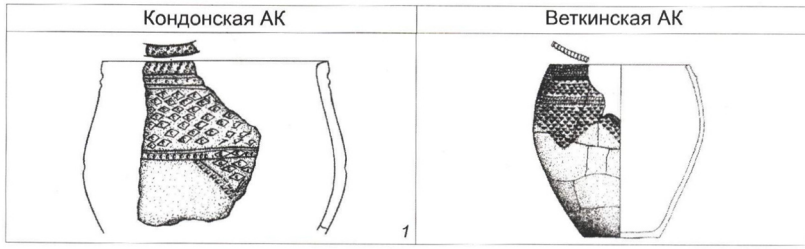

Рис. 5. Образцы орнамента на керамике кондонской культуры Нижнего Приамурья (*1*) и веткинской культуры Приморья (*2*): *1* – пос Кондон-Почта, *2* – пос. Ветка-2 (по: [Попов, Морева, Батаршев и др., 2005]).

верхность венчика и придонную часть сосуда, в керамике из пещерного памятника – располагается узкой полосой по верхней плоскости и ниже кромки венчика.

Часть материалов кондонской культуры обнаруживает сходство с керамикой веткинского типа (рис. 5). Так, для гончарства обеих культур рельефный принцип декорирования поверхности сосудов – единственный. И в приамурских, и приморских образцах ведущим принципом декорирования выступает негативный рельеф, для нанесения которого применялось штампование. Различие проявляется в том, что в веткинских материалах он часто сопровождается позитивным рельефом, выполненным в технике налепа, что характерно, если говорить о приамурских материалах, для малышевской, а не кондонской керамики. Технико-декоративные элементы представлены оттисками овальными, квадратными, прямоугольными и ромбовидными, гребенчатого штампа; валиками прямыми и волнистыми. Из орнаментальных мотивов характерны линия прямая, сетка, треугольник. Отметим наличие в керамике обеих культур характерного орнамента: треугольные (веткинские), ромбовидные (кондонские) оттиски, сгруппированные в треугольники с направленными вниз вершинами. Композиции сетчато-концентрические, типа бордюр + сетка. Зоны размещения орнамента на керамике в обеих культурах в принципе совпадают.

Сопоставление орнаментальных комплексов групп зайсановской культуры Приморья с материалами вознесеновской культуры Нижнего Приамурья обнаруживает ряд сходных и отличных признаков (рис. 6). Так, в материалах нижнеамурской керамики зафиксирован как рельефный, так и плоскостной орнамент; для орнаментальных комплексов приморских памятников рельефный принцип декорирования поверхности сосудов является единственным. Негативный рельеф нижнеамурской керамики, как и в приморских материалах, получали, применяя техники протаскивания, прочесывания, накалывания. Специфичным для орнамента вознесеновской культуры Нижнего Приамурья технико-декоративным элементом, представленным в

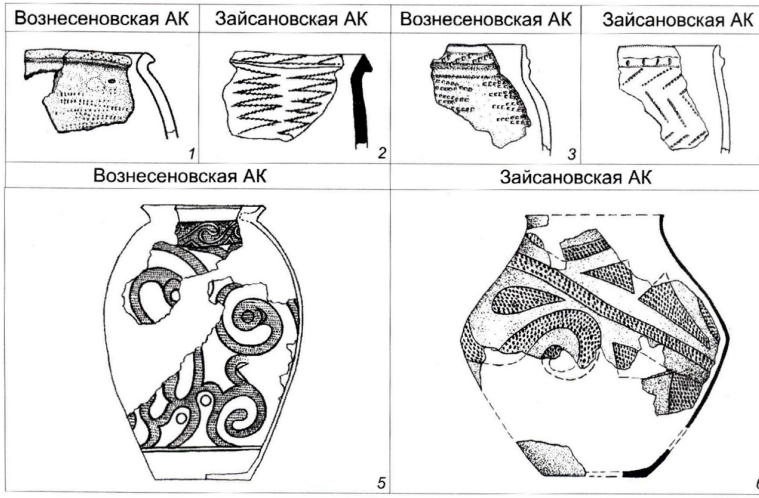

Рис. 6. Образцы орнамента на керамике вознесеновской культуры Нижнего Приамурья (*1, 3, 5*) и зайсановской культуры (приханкайской (*2*),вознесеновской (*4*), зайсановской (*12*) групп) Приморья: *1* – пос. Малышево-2; *2* – пос. Глазовка-городище (по: [Яншина,2003]); *3* – пос. Вознесенское; *4, 6* – пос. Олений (по: [Бродянский, 1989]); *5* – пос. Кондон-Почта (по: [Окладников, 1984]).

приморских материалах только в орнаменте вознесеновской группы памятников, являются оттиски зубчатого колесика. Позитивный рельеф в орнаментальных комплексах нижнеамурских и приморских памятников выполнен валиками, контур которых, однако, различен. Для приамурской керамики характерны валики с круглым, прямоугольным, треугольным в сечении контуром, для приморской – с треугольным. В наборе орнаментальных мотивов собственно зайсановской группы присутствуют вертикальный зигзаг, меандр, спираль; для керамики приморских памятников приханкайской и вознесеновской групп характерен вертикальный зигзаг. В орнаментике вознесеновской культуры Нижнего Амура мотивы вертикального зигзага, спирали и меандра характерны для средней группы, мотив вертикального зигзага – для ранней и поздней групп сосудов. Отметим единичные образцы приморской керамики с орнаментом, сходным с мотивом личин, а также с рельефными антропоморфными изображениями. Композиция декора приамурских и приморских материалов, в целом, совпадает. По структуре орнамент, преимущественно, концентрический. Зоны размещения декора – венчик, плечики и тулово сосудов – сходны. Основной тип пространственного построения – бордюр + сетка.

Итак, черты сходства, выявленные в результате сравнительного анализа орнаментальных комплексов нижнеамурских и приморских неолитических культур, проявляются на всех уровнях структуры орнамента в широком хронологическом и территориальном диапазоне. Несомненно,

некоторые из выделенных признаков следует рассматривать как культурно-стадиальные, т.е. как характерные для орнаментики дальневосточной неолитической керамики в целом. К таковым следует отнести: 1) рельеф (по преимуществу, негативный) как ведущий принцип декорирования поверхности сосудов и штампование как доминирующую технику его нанесения; 2) оттиски гребенчатого штампа как ведущий технико-декоративный элемент; 3) концентрическую (по преимуществу) структуру орнамента и бордюр как принцип пространственного строения. Прочие признаки, и в первую очередь, плоскостной декор в технике окрашивания, орнаментальные мотивы во всем их разнообразии, вероятно, являются культурными.

Наличие сходных черт можно объяснить предполагаемыми миграционными процессами, происходившими на разных этапах существования рассматриваемых неолитических культур. Первая контактная зона – юго-западная часть Нижнего Приамурья – по-видимому, являлась местом встречи носителей малышевской культуры и культурной традиции «сергеевского типа», бойсманской культуры; кондонской и руднинской, вознесеновской и зайсановской культур. Вторая контактная зона – северо-восточная часть Нижнего Приамурья – могла служить местом соприкосновения малышевской и бойсманской, вознесеновской и зайсановской культур.

Список литературы

Батаршев С.В., Морева О.Л., Попов А.Н. Керамический комплекс поселения Осиновка и проблема раннего неолита Приханкайской низменности // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Мат-лы Междунар. конф. «Из века в век», посвященной 95-летию со дня рождения академика А.П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции РАН. Владивосток, 11–25 сент. 2003 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 66–72.

Бродянский Д.Л. Введение в дальневосточную археологию.– Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1987. – 276 с.

Медведев В.Е. Поселение Перевал на юге Приморья // История и археология Дальнего Востока. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. – С. 40–48.

Морева О.Л. Керамика бойсманской культуры (по материалам памятника Бойсмана-2): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2005. – 26 с.

Морева О.Л., Попов А.Н. Культурная принадлежность остродонной керамики Бойсмана-2 // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Мат-лы Междунар. конф. «Из века в век», посвященной 95-летию со дня рождения академика А.П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции РАН. Владивосток, 11–25 сент. 2003 г. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 176–179.

Неолит юга Дальнего Востока: Древнее поселение в пещере Чертовы Ворота. – М.: Наука, 1991. – 224 с.

Окладников А.П. Далекое прошлое Приморья. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1959. – 292 с.

Окладников А.П. Керамика древнего поселения Кондон (Приамурье). – Новосибирск: Наука, 1984. – 123 с.

Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г. Бойсманская археологическая культура Южного Приморья (по материалам многослойного памятника Бойсмана-2). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 96 с.

Попов А.Н., Морева О.Л., Батаршев С.В., Дорофеева Н.А. Новые материалы по неолиту Восточного Приморья (результаты исследований 2005 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, декабрь 2005 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 184–189.

Яншина О.В. К проблеме однородности зайсановской археологической культуры Приморья // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий: Мат-лы XI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока. III Междунар. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». – Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2003. – С. 109–121.

Т.Ю. Номоконова, Р. Дж. Лозей, О.И. Горюнова

ФАУНА МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ БЕРЛОГА (МАЛОЕ МОРЕ, ОЗЕРО БАЙКАЛ)

В последние годы большое внимание при изучении археологических объектов побережья озера Байкал уделяется исследованию фаунистических материалов. В предлагаемой статье изложены результаты анализа костных остатков с многослойного поселения Берлога, проведенные в рамках Байкальского археологического проекта (Университет Альберта, г. Эдмонтон, Канада и Иркутский гос. университет, Россия). Материалы, включенные в анализ, были получены в результате раскопок 1977 г. (О.И. Горюнова). Определение видового состава животных выполнено Р. Дж. Лозей и Т.Ю. Номоконовой в 2009 г. Проведенная работа впервые включает исследование костей рыб и вносит уточнение видового состава млекопитающих, определенных ранее А.А. Хамзиной [1991]. Методика зооархеологических определений и количественного анализа, используемая в статье, соответствует схеме ранее анализируемых нами стоянок [Номоконова, Лозей и др., 2006; Nomokonova, Losey et al., 2009].

Многослойное поселение Берлога находится в восточной части одноименной бухты юго–восточного побережья Куркутского залива (западный берег пролива Ольхонские Ворота) Малого моря озера Байкал, в 2.5 км к северо–западу от пос. Сахюрта (МРС) Ольхонского района Иркутской области. Местонахождение открыто П.П. Хороших в результате работ 1921–1923 гг. Стационарными исследованиями Маломорского отряда Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета в 1976-1977 гг. выявлена многослойность объекта. Выделено 8 культурных слоев, датируемых от среднего мезолита до переходного периода к железному веку, с 10,3 до 2,5 тыс. л.н. [Горюнова, 1984; Горюнова, Воробьева и др., 1996]. Мощность рыхлых отложений, включающих археологические комплексы, до 3 м. Площадь вскрытия – 72 м^2.

Исследованные фаунистические материалы не многочисленны и представлены 507 костями, общим весом 411,13 г. (Табл. 1), большинство из которых составляют остатки рыб (66,4%). Среди определимых костей млекопитающие представлены следующими видами: бурый медведь (*Ursus arctos*), представители рода волчьих (*Canis* sp.), нерпа (*Phoca sibirica*), благородный олень (*Cervus elaphus)* и лошадь (*Equus* sp.). Остальные материалы были определены до уровня семейства оленьих (Cervidae) и отрядов грызунов (Rodentia), хищников (Carnivora) и парнокопытных (Artiodactyla).

Таблица 1. Фауна с многослойной стоянки Берлога (раскопки 1977 г.).

Таксон	Название	Культурные слои								Всего
		I	II	III	IV	V	VI	VII в.	VIII	
Ursus arctos	Бурый медведь							2		2
Phoca sibirica	нерпа							3		3
Cervus elaphus	благородный олень						2			2
Equus sp.	лошадь							2		2
Canis sp.	Волк/собака							1		1
Cervidae	олени					1		3	2	6
Rodentia	грызуны				1					1
Carnivora	хищники				2					2
Artiodactyla-крупные	парно-копытные					1				1
Mammalia	млеко-питающие			18	5		6	3	9	41
Perca fluviatilis	окунь		1		10	34		6		51
Esox lucius	щука	2				2	2	1		7
Acipenser baeri baic.	осетр						7			7
Cyprinidae	карповые					1		3		4
Pisces	рыбы					212	21	35		268
Aves	птицы							5		5
Molluska	моллюски					3				3
Неопределимые		9	7		84	1				101
Всего костей		11	8	18	102	255	38	64	11	507

Среди рыб – окунь (*Perca **fluviatilis***), щука (*Esox **lucius***), осетр (*Acipenser baeri baicalensis*) и семейство карповых (Cyprinidae).

Материалы VIII культурного слоя – средний мезолит (радиоуглеродная дата – 10145±290 (СОАН-3060) л.н..), ассоциируемые с самым ранним периодом использования стоянки, представлены 11 костями млекопитающих. Все они являются фрагментами орудий или несут на себе следы подработки. Среди них два изделия из рога семейства оленьих. Одно из них в виде обломка одностороннего гарпуна с косым шипом для крепления линя, другое – фрагмент рога со следами обработки у основания ветви (с подшлифовкой). Среди костяных изделий: фрагмент цельнорезного рыболовного крючка и обломки недиагностичных орудий (на некоторых отмечены насечки).

Материалы VII верхнего слоя относятся к финальному мезолиту (6525±100 (СОАН-3169) л.н.); они представлены большим разнообразием

фауны в отличие от предыдущего слоя. Здесь зафиксировано 64 экземпляра костей, среди которых шесть составляют изделия и кости с подработкой. Изделия представлены обломком основания двустороннего гарпуна с округлой выемкой для крепления линя и с насечками по внешнему краю (орудие обожжено), тремя обломками рога, продольно распиленных и обработанных у оснований, обломком острия из стенки трубчатой кости и недиагностичным обломком орудия с подшлифовкой.

По категориям животных в VII верхнем слое выделено 14 остатков млекопитающих, 45 рыб и пять фрагменов от грудины птицы среднего размера. Кости млекопитающих представлены: обожженными фрагментами нижней челюсти и единичным моляром медведя; плечевой, лучевой костями и жженым фагментом нижней челюсти нерпы; 3-ей фалангой и дистальным сесмоидом лошади; и 4-ым метатарсалом представителя рода волчьих. Кости нерпы принадлежат половозрелым особям, что подтверждается сростанием дистального эпифиза плечевой кости и проксимального эпифиза лучевой кости [Stora, 2002] и определению по годовым слоям в дентине клыка (8 лет, с сезоном гибели в марте-апреле [Weber et al., 1998]).

Кости рыб с этого слоя представлены 45 экземплярами, среди которых определены окунь, карповые и щука. Минимальное количество индивидуумов не прывашает единицы. Также найдено большое количество неопределимых чешуек рыб (общим весом 6,51 г.). В связи с их фрагментарностью подсчитать количество чешуек было затруднительно и поэтому добавлено в таблицу 1 под значением единицы.

Фауна VI слоя, относимого к финальному мезолиту, представлена 38 костями животных, среди которых ладьевидная и грифельная кости благородного оленя (конец последней обработан под острие или шило). Остальные остатки млекопитащих неопределимые, один из них жженный. Основная масса костей в этом слое представлена ихтиофауной (30 фрагментов), среди которой найдены кости осетра и щуки.

Фауна V слоя, датируемого развитым неолитом, выделяется наибольшим количеством костных остатков с преобладанием рыб (249 экз. из 255 остатков фауны). Среди млекопитающих найдены фрагмент рога семейства оленьих с подработкой и сесмоид крупного парнокопытного. Среди рыб основное количество принадлежит окуню (34 экз. минимум от 4 индивидуумов), щуке и карповым. Основной материал ихтиофауны недиагностичен в связи с его фрагментарностью. В слое также найдены три моллюска и неопределимая кость животного.

Кости животных IV культурного слоя (развитый неолит), представлены 102 экз., среди которых 84 недиагностичны до любой категории животных. Всего в данном слое зафиксировано восемь костей млекопитающих (два фрагмента челюсти хищника, большая берцовя кость мелкого грызуна и три недиагностичных, одна из них жженая). В слое также обнаружено две трубчатых кости, расщепленных повдоль и подшлифованных с внутренней стороны, и 10 неопределимых костей рыб.

Таблица 2. Фауна с многослойной стоянки Берлога по периодам.

Таксон	Переход к железному веку	Развитый неолит	Финальный мезолит	Средний мезолит	Всего
	I-II	III-V	VI-VII в.	VIII	
Ursus arctos			2		
Phoca sibirica			3		
Cervus elaphus			2		
Equus sp.			2		
Canis sp.			1		
Cervidae		1	3	2	
Rodentia		1			
Carnivora		2			
Artiodactyla		1			
Mammalia		23	9	9	
Всего млекоп.		28	22	11	61
Perca fluviatilis	1	44	6		
Esox lucius	2	2	3		
Acipenser b. baic.			7		
Cyprinidae		1	3		
Pisces		212	56		
Всего рыбы	3	259	75		337
Aves			5		5
Molluska		3			3
Неопределимые	16	85			101
Всего костей	19	375	102	11	507

Фаунистические остатки (как и археологические материалы) трех верхних слоев немногочисленны, что, вероятно, свидетельствует о малом использовании бухты в эти периоды.

Фауна III слоя (развитый неолит) представлена 18 недиагностичными костями млекопитающих, из которых семь содержат следы обработки огнем.

Кости животных II и I слоев (переходный период к железному веку, дата II слоя – 2130±145 (СОАН-3338) л.н.) содержали 8 и 11 фрагментов соответственно. Во II слое найдены: кость окуня и неопределимые фрагменты, в I слое – две кости щуки и 9 недиагностичных фрагментов.

В целом, количество костей животных со стоянки Берлога не многочислено и не превышает единицы при подсчете минимального количества особей (исключение – кости окуня с V слоя). Тем не менее, число видов животных достаточно разнообразно и представлено группами, как копытных, хищников, рыб, так и птиц. Остатки фауны принадлежат диким животным и рыбам. Судя по значительному преобладанию костей рыб в слоях финального мезолита и особенно развитого неолита, видимо, рыболовство (наряду с охотой и собирательством) играло значительную роль в хозяйственной деятельности (Табл. 2). Этому выводу соответствует и

анализ артефактов из слоев этих хронологических срезов, полученных из серии многослойных поселений Приольхонья, а так же результаты анализа фаунистических остатков с многослойного поселения Итырхей, расположенного в соседней бухте [Новиков, Горюнова, 2005; Номоконова, Лозей и др., 2006; Nomokonova, Losey et al., 2009]. Основным объектом лова являлись окунь, щука и представители семейства карповых, обитающих в прибрежных мелководных бухтах и заливах Байкала. Их добыча могла осуществляться в течение всего года и представляла собой устойчивый ыисточник пищи.

Список литературы

Горюнова О.И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1984. – 17 с.

Горюнова О.И., Воробьева Г.А., Орлова Л.А. Новые данные по хронологии многослойных поселений Приольхонья // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 57–59.

Новиков А.Г., Горюнова О.И. Древнее рыболовство на Байкале (по материалам многослойных поселений периода мезолита – бронзового века) // Изв. лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – С. 125–134.

Номоконова Т.Ю., Лозей Р.Дж., Горюнова О.И. Предварительный анализ фаунистических материалов с многослойной стоянки Итырхей (Малое море, озеро Байкал) // Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд–во ИрГТУ, 2006. – Вып. 4. – С. 166–177.

Хамзина А.А. Сравнительный анализ фауны многослойных археологических памятников Итырхей, Улан-Хада, Берлога (Прибайкалье) // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. – С. 70–75.

Nomokonova T., Losey R.J., Goriunova O.I. Prehistoric Fishing on Lake Baikal, Siberia: Analyses of Faunal Remains from Ityrkhei Cove. – VDM Verlag Dr. Mueller, 2009. – 124 c.

Stora J. Skeletal development in Grey seal *Halichoerus grypys*, the Ringed seal *Phoca hispida botnica*, the Harbour seal *Phoca vitulina vitulina*, and the Harp seal *Phoca groendlandica*: epiphyseal fusion and life history // Archaeozoologia. – 2000. **– № XI. –** С. 199–222.

Weber A., Link D.W., Goriunova O.I., Konopatskii A.K. Patterns of prehistoric procurement of seal at Lake Baikal: a zooarchaeological contribution to the study of past foraging economies in Siberia // Journal of Archaeological Science, 1998. – Vol. 25. – P. 215–227.

Н.Д. Оводов

БОЛЬШАЯ ПОЗДНЕПЛЕЙСТОЦЕНОВАЯ КОШКА В СИБИРИ

Литература об этой крупной вымершей кошке северной части Евразии довольно значительная, особенно касающаяся пунктов находок ископаемых остатков. Морфологическими отличиями скелетов пещерного льва и близких к нему «сородичей»: тигра и льва (Panthera leo) занимались такие палеотериологи, как И.Д.Черский [1891], В.И.Громова [1932], Н.К.Верещагин [1971]. Эти и другие авторы отмечали на черепах зверей признаки свойственные как льву, так и тигру. В конечном итоге все находки плейстоценовых остатков крупных кошек в Сибири авторы трактуют принадлежащими пещерному льву, что теоретически не всегда может быть обосновано.

За последние два десятилетия количество найденных костей пещерного льва значительно возросло особенно на Алтае и в южной половине Средней Сибири. Не исключение в этом плане представляет и территория Якутии [Боескоров, Лазарев, 1998].

В Алтайском регионе кроме двух пястных костей из Ханхаринской пещеры, отнесённых Ф.Ф.Брандтом к тигру, остатки крупных кошек обнаружены при раскопках ещё 10 пещер: Страшная (1), Денисова (3), Разбойничья (10), Каминная (2), Окладникова (13), Логово Гиены (7), Усть-Канская (1). В центральной части Горного Алтая, в 2-х км от пос. Яконур при исследовании пылеватых отложений сухого безымянного грота на глубине 8–10 см от поверхности грунта был обнаружен левый нижний коренной зуб (M/1) позднеголоценовой сохранности. Внешняя окраска белёсо-молочного цвета, неотличимая от таковой зубов современных животных. Можно предположить, что он принадлежал тигру [Оводов, Мартынович, 2009]. Коллекция плейстоценовых остатков по преимуществу состоит из изолированных зубов и дистальных фрагментов конечности. Судя по сохранности костей, гибель рассматриваемых кошек происходила по причине хищнической деятельности пещерных гиен, не брезговавших поеданием и себе подобных (в Разбойничьей пещере, например, обнаружены растерзанные остатки минимум 137 гиен. Здесь же найдены помимо захороненных по всей вероятности человеком нескольких плейстоценовых черепов серых волков, собаки и двух полугодовалых крупных кошек).

В бассейне Оби по данным Э.В.Алексеевой [1980] учтены 29 скелетных фрагментов пещерного льва, обнаруженных на речных бечёвниках

переотложенными из первоначального захоронения. В этом же регионе на Красном Яру (17 км от Новосибирска) С.К.Васильевым собрано 11 фрагментов скелета льва. Им же в 150 км от Новосибирска (местонахождение Тараданово) найдено 28 остатков пещерного льва.

На территории Средней Сибири с учётом прежних находок (палеолитические стоянки близ Красноярска: Переселенческий пункт, Тележный лог и Афонтова Гора II), благодаря размыву берегов Красноярского водохранилища коллекция значительно разрослась. Здесь, как и в среднем течении Оби, при относительно малом количестве пещерных гиен, львы далеко не всегда погибали от зубов этих «сухопутных акул». В Красноярском краевом краеведческом музее хранится коллекция остатков львов в количестве 39 костей. Самой привлекательной находкой оказался впервые найденный в Красноярском крае осевой череп пещерного льва, притом, прекрасной сохранности (сохранились даже крыловидные кости). Это седьмая по счёту в Сибири находка среди ей подобных. Очень старый по возрасту зверь, вероятно, погиб своей смертью. Череп, найденный школьниками в отсыпке железнодорожного полотна в районе станции Ужур, первоначально был захоронен, скорее всего, в слабопроточном водоеме, о чем свидетельствует заполнитель мозговой полости [Оводов, Заика, 2009].

Среди других экспонатов Красноярского музея имеются: мозговая часть черепа из Хакасии и два обломка лицевой части; полная нижняя челюсть с р. Индигирки (сборы В.А.Тимохина 1971 г.), аналогичная находка, но более худшего качества с Братского водохранилища и одна челюсть с P/3-M/1 с Красноярского моря. Оттуда же происходит фрагмент нижней челюсти с единственным P/4. Несомненный раритет, – нижняя челюсть среднеплейстоценовой гигантской пантеры, поднятой А.Ю.Тарасовым с искусственного пляжа Красноярского водохранилища, у которой длина M/1 равнялась 36 мм, превосходя аналогичный размер у пещерного льва на 4 мм. По мнению М.В.Сотниковой может быть отнесена к виду Panthera leo fossilis [Оводов, Тарасов, 2007].

Из посткраниума львиного скелета в Красноярском музее имеется 7 обломков и целых плечевых костей, одна целая лучевая, три локтевых, нижняя половина большой берцовой, две метаподиальных и кроме них одна пяточная кость из хакасского грота имени Проскурякова, обгрызенная волками. Неведомо, сколько ценного палеонтологического материала остается втуне по коллекциям школьных музеев и у так называемых чёрных палеонтологов.

В Иркутской области находок костей льва значительно меньше. Кроме единичных остатков этого вида в известной палеолитической стоянке Мальта и местонахождения Бадай-II, А.М. Клементьев приводит данные (личное сообщение) о находках льва ещё в семи пунктах. К ним можно добавить единичные остатки льва из байкальских памятников: пещера Куртун-I (сборы И.Е.Гребнева) и метаподий, обнаруженный командой А.П.Окладникова в местонахождении Саган-Заба.

В четвертичных отложениях Забайкалья фактов наличия остатков льва минимальное и это при условии огромного количества растительноядных от носорогов до газелей, обитатавших на открытых пространствах, вполне пригодных, как в саваннах Африки, для процветания львов.

Теперь перейду к самому интересному вопросу – отдельным миграциям тигров к северу из среднеазиатского и дальневосточного очагов, как варианту внедрения полосатой кошки в область обитания пещерного льва. За 150 лет, с первых десятилетий XIX века зафиксировано не менее 10–15 фактов появления тигров значительно севернее устоявшегося их ареала. Особенно поразительны заходы тигров в Восточной Сибири на территорию Якутии до 62 градуса северной широты [Сельский, 1856; Гептнер, Слудский, 1972]. Возможно, если бы не агрессия со стороны современного им человека звери продвинулись бы ещё дальше на север. Теперь прикинем в плане экстраполяции этих фактов, собранных в течении полутора веков, на отрезок времени в 40 тысяч лет. Получается головокружительная картина, особенно, если представить какой продовольственный ресурс в виде стад копытных Природа позднего плейстоцена предлагала и пещерному льву, и тигру в южной половине Сибири.

Следует вспомнить интересный факт нахождения костяной человеческой фигурки, найденной в палеолитическом слое стоянки Мальта (Иркутская область), одетой, как предполагают, в полосатый комбинезон. В.И. Громов [1935] на основании этой находки высказал мысль, что пещерный лев имел в отличие от своего южного собрата, полосатую окраску, на что Н.К. Верещагин ему резко возразил. Так отчего не предположить, что реальная модель, послужившая основой для творчества палеолитического скульптора, была облачена в одежду из тигровой шкуры?

По поводу появления зверей за пределами основного ареала знаток жизни тигров В.Г. Юдин писал (послание от 25. 07. 2009): «…в любой популяции, даже самой маленькой по численности, или находящейся в депрессии, находятся особи, «задача» которых заключается в векторном поиске новых мест. Суть дальних походов чисто биологическая и в корне отличается от полномасштабных миграций…».

Список литературы

Алексеева Э.В. Млекопитающие плейстоцена юго-востока Западной Сибири. – М.: Наука, 1980. – 186 с.

Боескоров Г.Г., Лазарев П.А. Новые находки пещерных львов в Якутии // Млекопитающие антропогена Якутии. – Якутск: Якутский научный центр СО РАН, 1998. – С. 35–43.

Верещагин Н.К. Пещерный лев и его история в Голарктике и в пределах СССР // Материалы по фаунам антропогена СССР. – Л.: Наука, 1971. – С.123–199.

Гептнер В.Г., Слудский А.А. Млекопитающие Советского Союза. Хищные (гиены и кошки). – М.: Высшая школа, 1972. – 550 с.

Громов В.И. О внешнем виде пещерного льва в связи с некоторыми археологическими находками // Проблемы истории докапиталистических обществ, 1–2. – 1935. – С. 165–168.

Громова В. Новые материалы по четвертичной фауне Поволжья и по истории млекопитающих Восточной Европы и Северной Азии вообще // Тр. комиссии по изучению четвертичного периода. – Л.: Изд-во АН СССР, 1932. – Том II. – С. 69–184.

Лукашкин А.С. Новые находки остатков послетретичных млекопитающих в Северной Маньчжурии // Отдельный оттиск из ежегодника клуба естествознания и географии ХСМЛ. – Т. I. – Харбин, 1933. – С. 123–130.

Оводов Н.Д. Буйвол (Bubalus sp.) в палеолите Приморья на фоне палеофаунистических идей // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Ч. I. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 173–180.

Оводов Н.Д., Заика А.Л. Череп пещерного льва из южной части Средней Сибири. 2009. (в печати).

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. Дикие кошки (Mammalia, Felidae) Алтая в геологическом прошлом. 2009. (в печати).

Оводов Н.Д., Тарасов А.Ю. Гигантская пантера с берегов Енисея // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. – Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. тех. ун-та, 2007. – С. 348–351.

Сельский И. Ответ на вопрос Гумбольдта о появлении тигра в Северной Азии // Записки Сибирского Отдела РГО, книга 1. – СПб, 1856. – С. 7–11.

Черский И.Д. Описание коллекции послетретичных млекопитающих животных, собранных Ново-Сибирскою экспедициею 1885–86 г. // Приложение к LXV тому записок Императорской Академии Наук. – СПб, 1891. – 706 с.

В.Ю. Ратников, А.Н. Мотузко, Е.В. Акимова

ГЕРПЕТОФАУНА И МЕЛКИЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ЛИСТВЕНКА*

Многослойная стоянка Лиственка известна с 1983 года. Она расположена в 40 км юго-западнее г. Красноярска, на окраине г. Дивногорска, по правому берегу р. Лиственки-Заречной, правого притока р. Енисей. Стоянка изучалась отрядом Красноярского педуниверситета совместно с КЛАПСС ИАЭТ СО РАН, под руководством Н.И. Дроздова (1983–86 гг.) и Е.В. Акимовой (1987–1997 гг.). На памятнике выделено более 25 культуросодержащих горизонтов, залегавших в толще переслаивающихся песков и алевритов, вероятно, древней террасы р. Лиственки-Заречной [Акимова, Дроздов и др., 2005].

В 1989 г. из геологического слоя 3 верхней части разреза был получен массовый герпетологический и микротериологический материал. Геологический слой 3 представляет собой светло-серые, белесые, пылеватые, карбонатные супеси с неясной наклонной слоистостью на отдельных участках (по В.П. Чеха). В подошве слоя располагаются костеносные линзы, приуроченные, как правило, к мешковидным и котлообразным расширениям, заполненным супесями с включениями известкового туфа. Костеносные линзы примыкают к скальным выходам коренных пород, фиксируясь одиночными мелкими внедрениями различной конфигурации на удалении до 30–40 см от скалы, и сливаясь в одну мощную линзу глубиной до 30 см непосредственно на стыке со скалой. Ниже этого уровня линзы одиночные, нередко проникающие вниз на 10–15 см. Происхождение костеносных линз с остатками герпетофауны связано с погадками хищных птиц, вероятно, из рода канюков. Остатки микромаммалий являются результатом жизнедеятельности хищных животных типа лисы, а также птиц из отряда сов.

Сплошная промывка грунта позволила получить многие сотни тысяч костей земноводных и пресмыкающихся, сотни костей мелких млекопитающих и фрагменты раковин самого крупного сибирского наземного моллюска *Bradybaena schrencki* (MIDDENDORF) и других видов [Санько, 2001].

Количество костей земноводных и пресмыкающихся огромно, поэтому для изучения отбирались только целые кости и более или менее узнаваемые фрагменты, в сумме составившие, вероятно, сотни тысяч экземпляров. Мелкие фрагменты, количество которых, наверное, составило

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 07-04-00694.

не меньшую величину, не отбирались. Окраска костей варьирует от коричневато-желтой до грязно белой, не одинакова и прочность костей. Эти признаки характерны для молодых (голоценовых) местонахождений.

В связи с большим количеством ископаемого материала мы не указываем точные количественные соотношения биологических таксонов, а ограничиваемся лишь приблизительным числом. По этой же причине мы приводим описание и рисунки лишь некоторых наиболее представительных костей.

Наиболее многочисленны остатки ящериц, составляющих основную массу материала и насчитывающих сотни тысяч костей. Среди них определены два вида: прыткая ящерица *Lacerta* ***agilis*** L. и живородящая ящерица *Zootoca* ***vivipara*** Jacquin. Первый вид в количественном отношении преобладает над вторым в несколько раз. Максимальные размеры особей прыткой ящерицы примерно в 1,5 раза крупнее особей живородящей, что в данном случае явилось дополнительным критерием оценки количества остатков этого вида. Кости мелкого размера, не имеющие морфологических видовых особенностей, могут принадлежать как молодым особям *Lacerta agilis*, так и взрослым особям *Zootoca* ***vivipara***.

Кости черепа двух видов ящериц отличаются между собой как размерами, так и выраженностью скульптуры: у прыткой ящерицы они толстые, массивные, с ясно выраженной ямчатой скульптурой, тогда как у живородящей ящерицы – легкие, тонкие, со слабо выраженной скульптурой. Для живородящей ящерицы характерно также наличие трехвершинных зубов, что позволяет идентифицировать челюсти последней – у прыткой ящерицы присутствуют только одно- и двухвершинные зубы.

Количество остатков жаб исчисляется, пожалуй, первыми сотнями. Практически все они представляют собой мелкие фрагменты костей, и удалось найти лишь единичные образцы, по которым удалось определить их видовую принадлежность. Например, на нижней стороне фрагментов парасфеноидов в области боковых отростков наблюдается четкий перегиб, а сама поверхность имеет резкий рельеф, что исключает отнесение этих фрагментов к зеленым жабам. Хорошо заметный гребень в виде «галочки» и узкий задний отросток позволяют отнести их к обыкновенной жабе *Bufo bufo* (L.) [Ratnikov, 2001]. Чешуйчатая кость с сильно расширенным ramus retrozygomaticus с параллельными волнистыми краями и коротким ramus zygomaticus – также принадлежит этому виду.

Несколько меньшее количество, чем кости жаб, составляют позвонки змей двух или трех видов. Однозначно определились туловищные позвонки узорчатого полоза *Elaphe* ***dione*** (Pallas). Их характерными особенностями являются: отсутствие гипапофиза и парапофизальных отростков; округлый снизу, нерасширяющийся или расширяющийся назад и иногда сливающийся с телом позвонка гемальный киль; слаборазвитые субцентральные гребни и субцентральные желоба; презигапофизальные отростки умеренной длины, сужающиеся к концам [Ratnikov, 2004].

Другая часть туловищных позвонков принадлежит ядовитым змеям семейства Viperidae. Их отличительными особенностями являются наличие длинного заостренного гипапофиза, относительно крупные котилюс и кондилюс, округлое снизу тело позвонка [Szyndlar, 1991]. В настоящее время на территории юга Красноярского края обитают два вида этого семейства: обыкновенная гадюка *Vipera* ***berus*** (L.) и обыкновенный щитомордник *Agkistrodon* ***halys*** (Pallas). К сожалению, нам не удалось найти однозначных отличий между позвонками этих двух видов. Однако, вероятно, что они оба присутствуют в ископаемом материале.

Последними по численности являются бурые лягушки, не принадлежащие к группе травяных: встречен лишь один позвонок с хорошо выраженной возвышенной площадкой на верхней поверхности невральной дуги [Ratnikov, 2001]. Вертикальные пластины невральной дуги узкие, а горизонтальные – умеренной длины. На сегодняшний день в районе исследований обитают два вида с такими характеристиками позвонков: остромордая лягушка *Rana* ***arvalis*** Nilsson и сибирская лягушка *Rana* ***amurensis*** Boulenger. Поскольку позвонок до вида не определим, мы идентифицировали его как *Rana* ***arvalis*** Nilsson aut *Rana* ***amurensis*** Boulenger.

Палеогеографическая ситуация определяется наличием типичных лесных форм *Zootoca* ***vivipara, Bufo bufo, Vipera berus***, свидетельствующих о наличии лесных ландшафтов. *Lacerta* ***agilis, Elaphe dione*** и *Agkistrodon halys* – виды широкого диапазона приспособляемости, указывающие на лесостепную обстановку или на то, что леса были разреженного типа с множеством лугов и полян. В настоящее время почти все идентифицированные виды обитают в пределах Лиственки. Лишь ареал *Elaphe* ***dione*** по последнему атласу пресмыкающихся [Ананьева и др., 2004] не включает эту территорию.

Остатки мелких млекопитающих принадлежат 15 видам: *Asioscalops* ***altaica*** Nik. – 102, *Sorex* ***araneus*** L. – 131, ***Sorex caecutiens*** Laxm. – 23, *Neomys fodiens* Penn. – 13, *Lepus* ***sp.*** – 4, *Eutamias* ***sibiricus*** Laxm. – 12, *Sicista* ***betulina*** Pall. – 14, *Apodemus* ***(Apodemus) agrarius*** Pall. – 7, *Clethrionomys* ***sp.*** – 22, *Clethrionomys* ***rutilus*** Pall. – 13, *Clethrionomys* ***rufocanus*** Sundev. – 10, *Arvicola* ***terrestris*** L. – 44, *Microtus* ***sp.*** – 72, *Microtus* ***(Agricola) agrestis*** L. – 26, *Microtus* ***(Pallasiinus) oeconomus*** Pall. – 1. Видовой состав животных свидетельствует о том, что все млекопитающие обитали в условиях небольшой долины реки, которая имела широкую хорошо увлажненную пойму, поросшую травостоем и кустарником, с редкими деревьями. Обилие кротов и землероек указывает на довольно благоприятные условия среды, которые имели место в среднем голоцене – в атлантическое время 8–6 тыс. лет назад.

Первые культурные слои памятника залегают непосредственно ниже и на уровне нижних костеносных линз. Вопрос с их датированием оставался открытым. Среди немногочисленного инвентаря присутствуют массивные провертки, скребло-бифас на сработанном нуклеусе, «чашка» из бивня ма-

монта. Общее укрупнение каменных изделий в рамках позднепалеолитических форм позволило поставить вопрос о мезолите Лиственки [Акимова, Дроздов и др., 2005]. Учитывая, стратиграфическое соотношение костеносных линз и первых культурных слоев Лиственки, можно считать, что новые палеонтологические материалы подтверждают этот вывод. В то же время ископаемые микромаммалии и герпетофауна впервые дают возможность реконструкции палеогеографических условий в долине р. Лиственка-Заречная (северо-западные отроги Восточного Саяна) в эпоху раннего-среднего голоцена.

Список литературы

Ананьева Н.Б., Орлов Н.Л., Халиков Р.Г., Даревский И.С., Рябов С.А., Барабанов А.В. Атлас пресмыкающихся Северной Евразии (таксономическое разнообразие, географическое распространение и природоохранный статус). – СПб: Зоологический институт, 2004. – 232 с.

Акимова Е.В., Дроздов Н.И., Чеха В.П., Лаухин С.А., Орлова Л.А., Санько А.Ф., Шпакова Е.А. Палеолит Енисея. Лиственка. – Красноярск–Новосибирск, «Универс»-«Наука», 2005. – 180 с.

Ratnikov V.Yu. Osteology of Russian toads and frogs for palaeontological researches // Acta zool. Cracov. 2001. – V. 44, № 1. – P. 1-23.

Ratnikov V.Yu. Identification of some Eurasian species of *Elaphe* (Colubridae, Serpentes) on the basis of vertebrae // Russian Journal of Herpetology. – 2004. – V. 11, № 2. – P. 91–98.

Szyndlar Z. A review of Neogene and Quaternary snakes of Central and Eastern Europe. Part II: Natricinae, Elapidae, Viperidae // Estudios geol. – 1991. – V.47. – P. 237–266.

Е.О. Роговской, Н.Е. Бердникова, А.А. Попов,
Г.Н. Молчанов, А.М. Клементьев

ИССЛЕДОВАНИЯ НОВОГО ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ СЕДОВА НА ТЕРРИТОРИИ ИРКУТСКА

Начиная с открытия в 1871 году палеолитического местонахождения Военный госпиталь, исследования на территории Иркутска регулярно обеспечивают пополнение фонда известных археологических объектов в максимально широком хронологическом диапазоне. В последние годы в рамках охранных археологических работ практически не проходит ни одного полевого сезона, чтобы в черте города не был открыт новый объект или работы не проходили на уже известном местонахождении.

Проводимые в 2009 г. на территории нового строительства археологические исследования ознаменовались открытием нового палеолитического местонахождения Седова, получившего свое название по одноименной улице, в окрестностях которой проводились работы.

За полтора века исследований для каждого из районов Иркутска сформировался свой историографический сюжет. Не является исключением и Октябрьский район города, к которому относится часть правого берега Ангары и открытое местонахождение.

Ранее окрестности ул. Седова именовались Петрушиной горой, предместьем Горохово и Половниковой рощей. Вся эта территория протянулась вдоль правого берега Ангары на расстояние около 1 км и расположена приблизительно в 2 км ниже плотины Иркутской ГЭС.

Начало археологических исследований в районе Петрушиной горы положено сотрудником ВСОРГО М.П. Овчинниковым, в 1892–93 гг. раскопавшим разрушающееся погребение [Овчинников, 1904; Лежненко, Лыхин, 1986; Медведев, Савельев, Лежненко, 1980]. Сотрудником музея ВСОРГО К.Г. Головкиным на месте нынешнего телецентра в 1922 г. проведены небольшие раскопки неолитической стоянки [Шободоев, 1995]. В 1924 г. В.И. Подгорбунский в предместье Горохово раскапывает часть неолитического могильника [Подгорбунский, 1928]. В 1933 г. И.В. Арембовским и А.П. Окладниковым в этом же предместье в береговом обнажении найдены остатки детского неолитического погребения [Медведев, Савельев, Лежненко, 1980]. В конце 1980 гг. В.В.Свинин собирал материал из разрушенных погребений на разных участках Петрушиной горы [Белоненко, 1995; Свинин, 1980; Стратиграфия…, 1990]. В 1998 г. в связи с началом строительства нового мостового перехода через Ангару начался новый этап археологических исследований территории. В археологичес-

ких выработках неоднократно фиксировался многочисленный палеонтологический материал в разных отложениях второй половины неоплейстоцена. Многие из собранных костей фрагментированы. Рекогносцировочные работы продолжались в 2001 и 2005 годах. Несмотря на достаточную их интенсивность, разнообразная коллекция фаунистических остатков, документируемая в различных седиментах позднего неоплейстоцена, так и не стала бесспорной частью археологического комплекса.

В структурно-геоморфологическом плане территория Иркутска относится к южной части Иркутского амфитеатра и находится в пределах Иркутско-Черемховской равнины. Выраженная прямолинейность речных долин, субпараллельность падей, схождение в одном узле русел Иркута, Ушаковки и Ангары указывают на использование гидросетью зон разрывных тектонических нарушений. Разломными структурами на территории Иркутска сформировано четыре мегаблока: Новоленинский, Топкинский, Правобережный, Левобережный [Воробьева, Бердникова, 2003]. В создании рельефа территории Иркутска наряду с эндогенными факторами решающую роль играли денудационные процессы, речная эрозия и аккумуляция, но литологический состав пород обусловил довольно мягкие черты его облика.

В геологическом разрезе территории выделяются юрские и четвертичные отложения. Юрские отложения представлены породами присаянской свиты: песчаниками, алевролитами и аргиллитами с прослоями угля. Юрские породы выходят на поверхность в нижней части склона правого берега Ангары. На цоколе залегает сцементированные дресвяно-галечниковые отложения. Галечники перекрывает толща неоплейстоценовых отложений, которые имеют субаэральный генезис и представлены делювиальными, делювиально-солифлюкционными, солифлюкционными и эоловыми образованиями. В толще отмечаются погребенные почвы и криотурбированные горизонты различного возраста. Мощность рыхлых отложений на Ангаро-Ушаковском водоразделе по данным бурения составляет 22–25 м.

Участок на ул. Седова, на котором в 2009 г. были развернуты археологические работы, представляет собой пологую вершину водораздельного увала, склоны которого обращены к юго-западу в долину Ангары и к северо-востоку к широкой пади, простирающейся параллельно долине Ангары. Абсолютные высотные отметки поверхности на испрашиваемом участке 454–457 м (от УМО). Меженный уровень напротив участка имеет показатель 424 м (от УМО).

В процессе работы на отдельном участке неоплейстоценовые отложения пройдены на глубину 8 м от дневной поверхности. Шурфом вскрыта монотонная толща раннекаргинских отложений. В нижней части профиля зафиксирована палеопочва, предположительно сопоставимая с байгинскими почвами муруктинского горизонта (mr). Раннекаргинские отложения непосредственно перекрыты культуросодержащими отложениями. Это образования раннесартанского - позднекаргинского возраста (kr^2-sr^1), представленные толщей солифлюциированных и криогенно нарушенных неяснослоистых,

буровато-сероватых, с линзами ожелезнения, средних суглинков и перекрывающим её легким, светло-бурым, лессовидным, карбонатизированным, суглинком, геохронология которого, вероятно, соответствует первой половине sr^2. Мощность культуросодержащих отложений выдержана в значениях 0,4–0,5 м, на отдельных участках раскопа доходя минимум до 0,25–0,3 м и максимум до 0,7–0,8 м. Наблюдения за стратиграфическим положением археологического материала показали его достаточно равномерное распределение по всей пачке. Глубина залегания культуросодержащих отложений варьирует от 2,5 м до 0,5 м от дневной поверхности, что связано с изменением естественного рельефа в результате различных техногенных факторов. В профиле сартанские отложения представлены компрессионной толщей и крупными криогенными трещинами, заложенными с уровня sr^2. Отмечается падение отложений, в том числе и культуросодержащих (геологические седименты 5 и 4 в общем разрезе), по линии восток-запад в долину Ангары.

Вскрытая шурфами и раскопами площадь составила 444 $м^2$. Коллекция насчитывает 757 ед. находок. В том числе 146 артефактов из камня и 609 костных остатков ископаемой фауны. Получение заготовок на местонахождении Седова базировалось на верхнепалеолитической технике скалывания. В качестве заготовок использовались сколы, крупные и мелкие пластины. Нуклеарная группа представлена двумя предметами: нуклеусом на гальке и кремневым плоскофронтальным нуклеусом с линейной площадкой. В составе орудийной группы одно- и двусторонние скребла, скребки концевые и кареноидного типа, остроконечник, резец, фрагмент ретушированной микропластины.

При осмотре ближайших к местонахождению береговых обнажений, было отмечено, что эффузивный галечник является основным в толще юрских конгломератов. В индустрии, наряду с микрокварцитами и кремнем, отмечены случаи использования местного сырья. В коллекции имеется выполненный на гальке эффузива нуклеус с подготовленной несколькими заломистыми снятиями площадкой и единичным сколом по фронту, одна расколотая поперек крупная галька и кластические фракции той же породы.

Определение палеонтологического материала позволило установить присутствие в сборах хищных и травоядных млекопитающих. Преобладают остатки травоядных *(**Bison priscus, Equus*** sp., *Coelodonta antiquitatis, **Capreolus*** sp., *Cervus **elaphus, Rangifer tarandus, Mammuthus*** sp.), потенциальной добычи древнего населения. От хищников встречены единичные остатки, принадлежащие песцу *(**Alopex lagopus)***, волку *(**Canis lupus)*** и пещерной кошке *(**Panthera (Leo)** spelaea)*. Среди травоядных наибольшее количество костей принадлежит быкам, лошадиные кости занимают второе место. Такой видовой состав характерен для позднекаргинско-раннесартанского хроносреза.

На основании некоторых общих технологических приемов, близких значений параметров заготовок, приемов вторичной обработки представляется возможным рассматривать облик каменной индустрии техноморфологически единым. В пользу сингенетичного происхождения получен-

ных материалов говорит и специфика сырьевой базы каменной индустрии. В качестве поделочного материала в основном использовался темно-зеленый микрокварцит, являющийся экзотом для района Иркутска и его окрестностей. Изделия из этого сырья встречены в верхней, средней и нижней части культуросодержащих отложений, т.е. вне зависимости от стратиграфической позиции того или иного артефакта.

В заключении следует сказать, что в зоне строительства на ул. Седова предполагается продолжение спасательных работ, что определенно послужит решению проблем, связанных с изучением археологического объекта, вовлеченного в процессы склонового переноса, как то: уточнение стратиграфических позиций и поиск зоны относительного геологического спокойствия и дислоцированного на ней археологического комплекса.

Список литературы

Белоненко В.В. Предложения по корректировке зон охраны памятников археологии г. Иркутска. – Иркутск, 1995. – Т. 1: Историческая записка. – Рукопись.

Витковский Н.И. Следы каменного века в долине р. Ангары // Изв. ВСОРГО. – 1889. – Т. XX, №1. – С. 1–42; №2 – С. 1–31.

Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е. Реконструкции природных и культурных событий на территории Иркутска: Научно-методические разработки междисциплинарных исследований городского культурного слоя. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. – 90 с.

Константинов Г.М. К материалам по изучению ангарского неолита // Изв. ВСОРГО. – 1928. – Т. LIV. – С. 88–93.

Лежненко И.Л., Лыхин Ю.П. Указатель археологических памятников города Иркутска: Материалы к Своду памятников истории и культуры Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск: РИО Упрполиграфиздата, 1986. – 44с.

Медведев Г.И., Савельев Н.А., Лежненко И.Л. Обоснование выделения зон археологического надзора и охранных зон на археологические памятники на территории г. Иркутска. – Иркутск, 1980. – Рукопись. – С.62–81.

Овчинников М.П. Материалы для изучения памятников древностей в окрестностях г. Иркутска // Изв. ВСОРГО. – 1904. – Т.XXXV, № 3. – С.62–76.

Подгорбунский В.И. Раскопки в Горохово, окрестности Иркутска летом 1924 года // Изв. ВСОРГО. – Иркутск, 1928. – Т. LIV. – С.95–102.

Свинин В.В. Позднемезолитическая стоянка Лисиха // Мезолит Верхнего Приангарья. – Иркутск, 1980. – С. 116–123.

Стратиграфия, **палеогеография и археология юга Средней Сибири:** К XIII Конгрессу ИНКВА (КНР, 1991). – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1990. – 165 с.

Шободоев Е.Б. Краткая историческая справка об археологических исследованиях К. П. Головкина в 1922 году. – Иркутск, 1995. – Рукопись.

Список сокращений

ВСОРГО – Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет

М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТАФОЦЕНОЗОВ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК*

В процессе многолетнего изучения палеолитических стоянок на территории Российского Алтая накоплен обширный материал по тафономии костных останков млекопитающих [Природная среда…, 2003]. Эти данные позволили подойти к пониманию механизмов формирования танатоценозов разного типа, что существенно влияет на интерпретацию первичной информации, полученной при анализе ископаемой фауны. Методические разработки в этом направлении важны для построения моделей природной обстановки и использования биоресурсов человеком в эпоху плейстоцена.

Палеолитические памятники подразделяются на стоянки открытого и закрытого типа. Первые из них связаны, как правило, с толщами субаэральных и субаквальных отложений горных склонов и речных долин. Стоянки закрытого типа приурочены к карстовым образованиям – пещерам, гротам, скальным навесам. Во всех случаях накопление костей крупных и мелких млекопитающих определялось сочетанием разных факторов. Анализ тафономических условий алтайских стоянок – Денисовой пещеры, Усть-Каракола, Ануя-3 и др. позволил определить механизмы концентрации костных останков на палеолитических памятниках. В соответствии с типом стоянок и размерностью костного материала эти тафоценозы разделены на четыре вида.

Тафоценозы мелких млекопитающих стоянок открытого типа. Наиболее представительные материалы получены из пойменных и склоновых отложений многослойных стоянок Усть-Каракол и Ануй-3 [Агаджанян, Шуньков, 1999, 2001]. Сохранность костей, особенности структуры и текстуры литологических слоев свидетельствуют, что включение останков позвоночных и раковин моллюсков в толщу осадка происходило без заметного влияния динамических или биогенных процессов. Большая часть костей принадлежит видам, которые непосредственно обитали на этой территории. Здесь, скорее всего, состав ориктоценоза, тафоценоза, танатоценоза и древнего биоценоза практически идентичен. Видовой состав ориктоценоза каждого слоя с минимальным искажением соответствует составу

*Исследование выполнено в рамках проектов РГНФ № 07-01-00441 и РФФИ № 08-04-00483.

исчезнувшего биоценоза времени накопления осадка. При формировании танатоценозов открытых стоянок происходила концентрация материала с конкретного участка поверхности, поэтому полученные данные имеют локальное значение и не могут экстраполироваться на другую территорию. Количественное соотношение разных видов в таких тафоценозах отражает их реальную долю в составе исчезнувших биоценозов данного района. Это – характерная черта материалов с открытых стоянок.

Одним из факторов концентрации костного материала на открытых стоянках являлась хозяйственная деятельность человека. Мелких грызунов, куньих, насекомоядных привлекали остатки добычи человека – кости, шкуры, рога, копыта. Землероек могла приманивать относительно высокая численность крупных насекомых-копрофагов и некрофагов. По соседству с человеком селились полевки, лемминги, суслики, пищухи. Например, в современной чукотской тундре суслики постоянно селятся у временных стойбищ геологов, охотников, оленеводов, что позволяет им покидать норы, не опасаясь нападения хищных птиц. Согласно полевым наблюдениям, суслику *Urocitellus parri* достаточно 10–12 дней, чтобы ощутить выгоду человеческого соседства. Подобным образом ведут себя бурундуки, лесные мыши, серые полевки и т.д. На Алтае, в Якутии, на Чукотке пищуха, как правило, заселяет заброшенные постройки в тайге или землянки охотников в тундре. Аналогичные явления, скорее всего, имели место и в палеолите.

Другим важным фактором накопления материала был охотничий промысел человека. Например, на многих палеолитических стоянках Русской равнины отмечено повышенное количество костей сурка, а также кости зайца. На стоянке Каменная Балка в заполнении кострищ найдено большое количество обожженных костей сурка [Агаджанян, 2006], что свидетельствует о целенаправленной охоте на этого крупного грызуна. Широкое употребление сурка в пищу подтверждают и материалы палеолитических стоянок Франции [Patou, 1987].

Кости мелких млекопитающих попадали на стоянки также с погадками хищных птиц и экскрементами животных, сопровождавших человека. В современной тундре или казахстанской степи хищные птицы регулярно используют заброшенные постройки человека в качестве присадов. В этих местах всегда находится много погадок. Сходным образом в открытых плейстоценовых ландшафтах сооружения покинутых стойбищ привлекали сов, канюков и других хищных птиц.

Тафоценозы крупных млекопитающих стоянок открытого типа. Очевидно, что крупные травоядные, опасаясь человека, обходили его стойбища стороной. Исключением могла быть сезонная потребность в соли, которую копытные испытывают в лесной и тундровой зонах. Возможно, их привлекал субстрат покинутых стоянок, обогащенный солями. Однако этот фактор, не мог существенно влиять на аккумуляцию здесь костного материала. Доминирующим фактором концентрации костей на открытых

стоянках была охотничья деятельность человека. Туши крупных и средних животных разделывались, скорее всего, на месте добычи и частями доставлялись на стоянку. Следы снятия шкуры с сибирского козла, обнаруженные на костях из среднепалеолитического слоя стоянки Усть-Каракол, указывают на то, что добытое животное было сразу же освежевано [Барышников, 1998]. Первобытный человек промышлял также сбором остатков добычи хищников, которые вторично утилизировал на стоянке.

Тафоценозы мелких млекопитающих стоянок закрытого типа. Согласно фаунистическим материалам из Денисовой пещеры и других скальных укрытий [Агаджанян, 1998, 2001], основным поставщиком костей мелких животных в пещерные полости являются хищные птицы. Практически все совы от мелкой сплюшки до бородатой неясыти и филинов проводят дневное время в укрытиях, в том числе в пещерах, расщелинах и под навесами скал. Большинство сов – птицы оседлые. Они круглогодично используют одни и те же полости, оставляя многочисленные погадки, наполненные костями мелких позвоночных. Во время гнездования совы приносят своим птенцам и целых зверьков, а если численность грызунов в биотопах высокая – делают запасы впрок. Дневные хищники предпочитают уступы скал и навесы с хорошим круговым обзором и не заселяют глубокие гроты, тем более, пещеры. Вместе с тем, они используют предвходовые части пещер и гротов, особенно если их вход расположен на крутом малодоступном склоне. Различен и спектр питания хищных птиц. Совы и канюки – специализированные мышеяды. В питании коршуна заметную роль играют рыбы, амфибии, рептилии. Соколы добывают преимущественно птиц.

Коллектором костей являются также и сами мелкие млекопитающие. Прежде всего – летучие мыши, использующие пещеры для дневного отдыха и зимовок. В предвходовой части пещер часто селятся пищухи, скальные полевки, землеройки, пополняя после гибели тафоценоз пещерных отложений. Другой фактор концентрации костей микротериофауны – помет хищников: мелких куньих, барсука, лисицы, устраивающих логово в пещерных полостях.

В целом, скальные полости практически постоянно используются хищными птицами и млекопитающими, следовательно, палеонтологическая летопись пещерных отложений заполняется непрерывно, в отличие от стоянок открытого типа, летопись которых пополнялась только в период обитания человека.

Тафоценозы крупных млекопитающих стоянок закрытого типа. Массовое накопление костей крупных и средних млекопитающих в пещерной полости было возможно только при участии хищников или человека. Некоторые хищники – гиена, лисица используют пещеры и гроты в весенний период для выведения потомства. Медведи регулярно устраивают в пещерах берлоги для зимней спячки. В феврале-марте у них рождается потомство, которое находится в пещере до полного таяния снега. Часть из них гибнет в раннем возрасте, поэтому в пещерных отложениях часто

встречаются кости медвежат. Иногда в пещерах устраивают свои выводковые гнезда мелкие куньи – ласка, горностай, колонок, солонгой, хорек. Они приносят в экскрементах кости мышевидных грызунов и периодически сами гибнут в пещерах.

Большинство копытных животных никогда не заходят в пещеры и гроты. Обитатели открытых ландшафтов – лошади, олени, антилопы, бизон в замкнутом пространстве испытывают состояние стресса. Исключение составляют обитатели скальных биотопов – козлы, бараны, кабарга. В условиях избыточной инсоляции, высоких температур, или при сильном ветре и обильных осадках, особенно в виде мокрого снега, они могут собираться под скальными навесами и в устье пещер.

Анализ костных останков крупных млекопитающих из плейстоценовых отложений Денисовой пещеры позволил предположить, что большая часть ископаемых костей травоядных животных накапливалась благодаря деятельности человека [Шуньков, Агаджанян, 2008]. При этом механизм транспортировки добычи у человека и хищников был разным. Гиена и волк не делают запасов, съедая на месте большую часть туши жертвы. Для выкармливания потомства они переносят мясо в желудке и пищеводе и отрыгивают его в логове для детенышей. Человек, напротив, приносил в пещеру значительную часть туши животного, предварительно расчленив ее на месте добычи. Поэтому обилие в пещерном тафоценозе костей крупных копытных указывает на активную охотничью деятельность человека.

Список литературы

Агаджанян А.К. Фауна мелких млекопитающих Денисовой пещеры // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 34–41.

Агаджанян А.К. Пространственная структура позднеплейстоценовой фауны млекопитающих Северной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001, – № 2. – С. 2–19.

Агаджанян А.К. Мелкие млекопитающие основного слоя верхнепалеолитического памятника Каменная Балка II // Палеоэкология равнинного палеолита (на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная Балка в Северном Приазовье) / Н.Б. Леонова, С.А. Несмеянов, О.А. Виноградова и др. – М: Научный мир, 2006. – С. 318–327.

Агаджанян А.К., Шуньков М.В. Остатки мелких млекопитающих из отложений палеолитической стоянки Ануй-3 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 6–10.

Агаджанян А.К., Шуньков М.В. Микротериологическая характеристика многослойного разреза палеолитической стоянки Усть-Каракол-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 7. – С. 37–42.

Барышников Г.Ф. Палеоэкология древнейших обитателей Горного Алтая // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 42–49.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Шуньков М.В., Агаджанян А.К. Использование биоресурсов обитателями Денисовой пещеры в верхнем плейстоцене и голоцене // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. 14. – С. 109–114.

Patou M. Les marmotes: animaux intrusifs ou gibiers des préhistoriques du Paléolithique // Archaeozoologia. – 1987. – N 1. – P. 93–107.

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

С.В. Алкин, В.В. Нестеренко

ИЗУЧЕНИЕ ФОРТИФИКАЦИИ УСТЬ-ЧЁРНИНСКОГО ГОРОДИЩА В ВОСТОЧНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ

В полевой сезон 2009 г. Благовещенский археологический отряд ИАЭТ СО РАН в сотрудничестве с коллегами из Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова продолжил работы по изучению археологического микрорайона на участке среднего течения реки Шилки от устья р. Кары до устья р. Горбица (Сретенский район Забайкальского края). Помимо археологических памятников других эпох, там зафиксирована система средневековых городищ, которые могут быть датированы концом I – началом II тыс. н.э. [Окладников, Ларичев, 1999; Деревянко Е.И., 1972]. На предшествующем этапе нами были выявлены варианты дислокации этих памятников, общие и особенные черты в топографии их оборонительных систем, планиграфии внутреннего пространства городищ с жилыми и хозяйственными постройками, общественными площадками и системой дренажа [Алкин, Васильев и др., 2006; Алкин, Нестеренко и др., 2007].

Планомерные раскопочные работы проводятся на городище у с. Усть-Чёрная. Это уникальный археологический объект в зоне контакта древних культур Верхнего и Среднего Приамурья. Он выделяется как своими размерами, так и месторасположением в приустьевой части реки Чёрной – самого мощного на этом участке Шилки левобережного притока. Его оборонительная система представляет собой двойной ров с тремя валами, которые защищают поселение с западной, северной и восточной сторон. С юга городище защищено естественным образом благодаря крутому склону. В медиальной части западного участка располагался вход, который выглядит сегодня как перемычки во рвах на уровне вала. В северо-западной части поселения и в средней части северного участка фортификации сохранились следы дренажной системы для отвода излишков воды с территории городища.

В сезоне 2008 г. посредством закладки траншеи через участок оборонительной системы у северо-восточного её угла были получены первые материалы к изучению архитектуры фортификационной системы. Удалось выяснить, что на центральном валу находился плетень, остатки которого зафиксированы в виде попарно расположенных ямок и фрагментов вертикальных жердей из стволов молодых лиственниц*. С внутренней стороны

*Авторы выражают искреннюю благодарность д.и.н. В.П. Мыльникову, выполнившему анализ особенностей деревообработки материалов с Усть-Чёрнинского городища.

располагался частокол (тын) из лиственничных плах [Алкин, Нестеренко и др., 2008]. В связи с этим в новом сезоне была поставлена задача дополнительного изучения конструктивных особенностей северо-восточного углового сочленения оборонительной системы. Подобная работа проводилась в регионе впервые.

В результате выявлена следующая археологическая ситуация. Система фортификации представляет собой линию – связку из двух параллельных рвов, по краям которых, снаружи и внутри городища, находятся валы. Третий вал расположен между рвами. Ширина системы валов и рвов варьируется от 7 до 10 м. Длина северной стены оборонительной системы 120 метров, южной и западной стен – около 75 метров. Переходы от западной стены к северной и от северной стены к восточной представляют собой скругленные прямые углы валов и рвов. В настоящее время поперечный профиль фортификационной системы представлен тремя возвышенностями линзовидного типа – оплывшими внутренним, средним и внешним валами и двумя «V» - образными углублениями между ними – затянутыми дёрном рвами. Поверхность оборонительной системы сильно задернована. Средний вал является наиболее высоким. Расстояние между гребнями валов и тальвегами рвов составляет в среднем 4,5 м. С целью изучения особенностей конструкции оборонительного сооружения в северо-восточ-

Рис. 1. Общий вид раскопа с элементами фортификации на городище Усть-Чёрная.

ном углу городища был заложен раскоп 14 × 14 кв. м, общей площадью 196 кв. метра.

Оказалось, что внутренний вал на этом участке был в основном сооружён из грунта, изъятого из жилищного котлована, прилегающего к оборонительной системе со стороны городища. Во внутреннем рве зафиксированы следы деревянной конструкции ограждения-тына, представленные остатками лиственничных и берёзовых плах, расположенных плотно в одну линию. На гребне среднего вала обнаружены фрагменты конструкции плетня в виде ряда парных вертикальных стоек из лиственничных жердей.

Таким образом, установлено, что оборонительное сооружение на городище Усть-Чёрная состояло из трёх частей: системы рвов и валов, системы из тына и плетня, дренажной системы и входа\выхода. Можно предполагать, что подобная конструкция использовалась и на обследованных нами ранее горных городищах (на Чудейском утёсе и на горе Витчиха), а также на пойменном городище в местности Кантога.

Укреплённые поселения – довольно редкий для Забайкалья тип археологических памятников. В западных районах это объекты, связанные с т.н. «валом Чингиз-хана» киданьского времени [Алкин, 2001]. Полагаем, что появление в конце I тыс. н.э. городищ на Шилке связано с проникновением в этот регион носителей мохэской культуры, которые осуществляли экспансию вверх по течению Амура. Археологические данные и сведения письменных источников говорят об активных процессах колонизации районов Западного Приамурья предками тунгусо-маньчжур. Шилкинская система городищ т.о. зафиксировала западную границу проникновения мохэсцев, на рубежах которой они вступили в контакт с местным (вероятно, бурхотуйским населением – монголоязычными шивэйцами китайских хроник). Технологии, использованные при возведении жилищ и фортификации, были совершенно новыми для Восточного Забайкалья, однако хорошо известными по изучению памятников этого типа в районах Среднего Приамурья [История Амурской области, 2008]. Облик археологических коллекций и, прежде всего, керамические материалы, указывают на активный процесс культурной трансформации и ассимиляции.

Список литературы

Алкин С.В. История изучения и современные представления о времени сооружения “вала Чингиз-хана” // Широкогоровские чтения (проблемы антропологии и этнологии): Мат-лы науч. конф. – Владивосток, 2001. – С. 60–63.

Алкин С.В., Васильев С.Г., Колосов В.К., Нестеренко В.В. Результаты полевых исследований на левобережье реки Шилки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XII; ч I. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С.249–254.

Алкин С.В., Нестеренко В.В., Васильев С.Г., Колосов В.К. Исследования на городище Усть-Чёрная в Сретенском районе Читинской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XIII. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – С. 168–172.

Алкин С.В., Нестеренко В.В., Колосов В.К., Мороз П.В. Полевые исследования в Сретенском районе Забайкальского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XIV. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 116–121.

Деревянко Е.И. Племена Приамурья и Забайкалья // 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов. – Чита: ЧГПИ, 1972. – С. 81–89.

История Амурской области с древнейших времён до начала XX века / Под ред. А.П. Деревянко, А.П. Забияко. – Благовещенск, 2008. – 424 с.

Окладников А.П., Ларичев В.Е. Археологические исследования в бассейне Амура в 1954 году // Традиционная культура востока Азии. – Вып. 2. – Благовещенск: Издательство АмГУ, 1999. – С. 4–29.

Н.Е. Бердникова, И.М. Бердников, Н.А. Батракова

РАСКОПКИ ВЛАДИМИРСКОГО НЕКРОПОЛЯ В ИРКУТСКЕ

Летом 2009 г. проведены охранные раскопки в историческом центре Иркутска на пересечении улиц Н.Набережная – Декабрьских Событий – Польских Повстанцев на территории, прилегающей к церкви Владимирской иконы Божией Матери (далее – Владимирская церковь), расположенной в левой приустьевой части Ушаковки (правого притока Ангары). Необходимость работ обусловлена подготовкой отвода данного участка под строительство здания Байкальского банка Сбербанка России. Строительные работы были остановлены после обнаружения в стенках котлована и разрушения строителями нескольких захоронений в гробах некрополя Владимирской церкви.

Левая придолинная часть р. Ушаковки, известная в истории Иркутска как «Идинская сторона», является участком раннего городского освоения наряду с Иркутским острогом. Здесь городскими доминантами являлись Московские ворота и Владимирская церковь, располагавшиеся недалеко от Спасской церкви Иркутского острога на берегу Ангары, в полукилометре ниже по течению. Первая деревянная Владимирская церковь с двумя приделами построена около 1718 г. В 1775 г. на деньги иркутского купца Я. Протасова на месте старой деревянной построена двухэтажная каменная церковь [Калинина, 2000, с. 111].

Археологические исследования в левой приустьевой части долины Ушаковки долгое время были эпизодическими. В 1898 г. Д.Д. Бархатовым на берегу Ангары у Московских ворот был найден пест-отбойник [ИОКМ, колл. № 4639]. В 2004-2009 гг. на отдельных участках территории под здание Байкальского банка проводил раскопки В.В. Краснощеков. Им вскрыты уровни городского культурного слоя (XVIII–XX вв.), культуросодержащие слои с материалами эпохи мезолита, неолита, палеометалла и погребение раннего железного века [Исаев, Краснощеков, 2005].

В настоящее время от некрополя Владимирской церкви сохранился фрагмент его северного участка, который и попал в площадь котлована. Он располагается в 130 м на юго-восток от берега Ангары и в 60 м на северо-запад от здания Владимирской церкви.

По геоморфологическим характеристикам участок, на котором находится котлован, представляет место сочленения двух поверхностей – 4–5-метровой поймы и 5–7-метровой надпойменной террасы [Воробьева,

Бердникова, 2003]. Территория раскопок располагалась на 5–7-метровой террасе.

Работы велись методом сплошного вскрытия. Общая площадь раскопа составила 210 кв.м. Рыхлые отложения вскрыты на всю мощность, включая кровлю галечника, на глубину от 1,2 до 2,0 м. В верхней части разреза выделяется современная гравийная засыпка, которая перекрывает остатки городского культурного слоя. По стратиграфическим особенностям отложений, выявленным в раскопе, установлено, что этот участок на уровне исходной поверхности перед началом городского освоения территории являл собой повышение. В результате городского освоения происходило неоднократное его выравнивание. В результате этого верхняя часть догородских отложений на большей части площади раскопа уничтожена и замещена культурогенными отложениями. Последние также сильно нарушены в процессе современных строительных работ. Фрагменты догородских субаэральных и пойменных песчаных отложений начала голоцена – финала сартана остались лишь на отдельных участках.

На вскрытой площади в культурогенной толще выделено три уровня залегания находок (у.н.): 0 у.н. – современная засыпка с переотложенными находками из культурного исторического слоя и костями из разрушенных погребений; 1 у.н. – бурый суглинок с включениями щепы, стружки, коры – уровень строительного горизонта; 2 у.н. - черный суглинок (территория двора).

Общее количество находок из всех уровней составляет более 1700 единиц. В составе коллекции имеются фрагменты керамической и фарфоровой посуды, изделия из металла, остатки фауны, каменные артефакты.

Керамические сосуды изготовлены на гончарном круге, открытой и закрытой формы с разнообразно оформленными венчиками: горшки, миски, тарелки. Преобладают остатки красноглиняных сосудов, в меньшем количестве встречены фрагменты глазурованной посуды. На нескольких фрагментах присутствует прочерченный орнамент. Обнаружены также остатки керамического чайника. Фрагменты фарфоровой посуды с синей росписью немногочисленны.

Изделия из металла представлены кованными четырехгранными гвоздями различных размеров, двумя монетами 1740-х гг., подвеской (?) округлой формы, изделием из железа трапециевидной формы.

В составе фаунистических остатков присутствуют кости домашних (крупного и мелкого рогатого скота, свиньи) и диких животных (зайца-беляка), а также птицы (определение А.М. Клементьева). Доминирующими являются кости крупного рогатого скота, принадлежавшие разным особям (в т.ч. и молодым). Домашняя свинья представлена меньшим количеством костей, все они принадлежат особям молодого возраста. Кости птиц по размерам отнесены к двум разным видам, возможно домашним. Единственное свидетельство промысловой активности населения – фрагмент кости некрупного зайца-беляка, а также чешуя рыб. Также зафиксировано

два изделия из диафиза трубчатой кости животного со следами подрезки и шлифования.

Каменные артефакты (сколы, нуклевидная преформа, скребок), зафиксированные в культурогенных отложениях, происходят из уничтоженных догородских отложений голоценового возраста.

Обнаружены также три конструкции из плит песчаника с известковой заливкой, которые являлись остатками фундаментов строений, предположительно XVIII–XIX вв.

На исследуемом участке вскрыто 46 захоронений в гробах-ящиках и колодах. Взрослые захоронены в гробах – 24 погребения; дети преимущественно в колодах – 19 погребений, лишь одно детское – в гробу. Два погребения сильно разрушены: в одном костяк отсутствовал, обнаружен лишь нательный крест и фрагменты крышки гроба; в другом зафиксированы остатки кожаной обуви и фрагменты деревянной конструкции, предположительно гроба.

Все захоронения совершены в грунтовых ямах. Ямы ориентированы по линии З–В с некоторыми отклонениями. Захоронения располагались рядами по линии С–Ю. Четко прослеживается три ряда, внутри которых выделяются участки с групповыми ярусными захоронениями (до 3-х ярусов). В засыпке ям встречены фрагменты керамики, изделия из стекла и перламутра, бисер и железная игла с ушком. Стенки одной из могильных ям укреплены досками (толщиной до 5 см) на одном уровне с располагавшимися здесь погребениями.

Умершие погребены согласно православной традиции в гробах или колодах в вытянутом положении на спине, ориентированы по линии З–В головой на запад, с небольшими отклонениями. Гробы-ящики изготовлены из досок толщиной до 3 см, скрепленных железными гвоздями, как правило, по углам вверху и внизу. Крышки гробов крепились при помощи гвоздей. Внутри каждого гроба присутствует «подголовник», представляющий собой доску, поперечно уложенную под головой умершего. В могилу гробы, вероятно, опускались на веревках, о чем свидетельствует наличие практически в каждом случае двух деревянных брусков, поперечно уложенных на дно могильной ямы под гробом. Формы гробов – прямоугольные и трапециевидные. Долбленые прямоугольные и трапециевидные колоды детских захоронений сохранились плохо. В некоторых случаях крышки крепились к основной части при помощи двух гвоздей.

В захоронениях найдены нательные кресты (31 экз.). Преобладают простые четырехконечные кресты с прямоугольными лопастями, соответствующие I типу крестов-тельников из погребений Илимского острога [Молодин, 2007]. Кресты изготовлены из медных сплавов и серебра. В одном взрослом погребении найден фрагмент женской серьги, и в одном детском – фрагмент костяной кольцевидной подвески. В нескольких погребениях присутствовали остатки кожаной обуви. В одном из взрослых погребений во рту умершего находилась монета в плохо сохранившемся кожаном мешочке.

Анализ полученных данных позволяет датировать вскрытые захоронения Владимирского некрополя XVIII в. Исходя из установленной практики формирования и использования приходских кладбищ в XVIII в. на территории Иркутска начало функционирования Владимирского погоста правильнее было бы связать с датой постройки и освящения первой деревянной Владимирской церкви, т.е. с 20-ми гг. XVIII в.

В 60-х гг. XVIII в. кладбище, по всей видимости, было закрыто, как и многие приходские кладбища в центре Иркутска, в частности приходское кладбище Спасской церкви [Бердников, 2009]. Такую датировку функционирования некрополя подтверждает и находка монеты во рту одного из умерших. В соответствии с каталогом она определяется как полушка 1730–1740-х гг. [Рылов, Соболин, 1994]. Нательные кресты, обнаруженные в погребениях, аналогичны крестам некрополя Спасской церкви, время существования которого определяется довольно четко [Бердников, 2009]. Но на Владимирском некрополе нет того разнообразия форм нательных крестов, как в коллекции некрополя Спасской церкви Иркутского острога [Бердникова, Воробьева, Бердников, 2008; Бердникова, Воробьева, Бердников, Пержакова, 2008].

Возраст уровней находок можно определить в интервале XIX–XX вв., учитывая неоднократную чистку территории после пожаров [Воробьева, Бердникова, 2003] и выравнивания поверхности.

В результате проведенных охранных раскопок получены новые данные по православному христианскому обряду в Сибири первой половины XVIII в. Собрана коллекция антропологического материала, сопровождающего погребального инвентаря, материалы, характеризующие бытовые стороны жизни населения Иркутска в XIX в.

Список литературы

Бердников И.М. К определению хронологии Спасского некрополя (по материалам раскопок на территории археологического объекта «Иркутский острог») // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы). – Кемерово: КемГУ, 2009. – Ч. II. – С. 10–12.

Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., Бердников И.М. Раскопки исторического центра Иркутска // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. II. – С. 428–430.

Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., Бердников И.М., Пержакова А.С. Спасательные раскопки на территории Иркутского острога // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 126–130.

Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е. Реконструкции природных и культурных событий на территории Иркутска: Научно-методические разработки междисциплинарных исследований городского культурного слоя. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. – 90 с.

Исаев А.Ю., Краснощеков В.В. Новый археологический объект в городе Иркутске // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности.

Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. – Иркутск: Изд-во РПЦ «Радиан», 2005. – С. 114–115.

Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии (XVII – начало XX века). – М.: Галарт, 2000. – 496 с.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. – Новосибирск: Инфолио, 2007. – 248 с.

Рылов И.И., Соболин В.И. Монеты России и СССР. – М., 1994. – 320 с.

Список сокращений

ИОКМ – Иркутский областной краеведческий музей
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет
КемГУ – Кемеровский государственный университет

В.В. Бобров, А.С. Васютин, А.А. Зимин

ОРНАМЕНТАЦИЯ ПОЗДНЕЙ ВЕРХНЕОБСКОЙ КЕРАМИКИ ИЗ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ КАЛТЫШИНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА (КУЗНЕЦКАЯ КОТЛОВИНА)

За последние два десятилетия Кузбасской археологической экспедицией кафедры археологии КемГУ были исследованы и частично опубликованы материалы раскопок нескольких курганных могильников верхнеобской культуры (юрт-акбалыкский этап) на территории Калтышинского археологического микрорайона (АМР) [Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2005; 2007], что значительно увеличило фонд исходных данных, в том числе и по такой категории верхнеобского инвентаря, как керамика. Многочисленный и разнообразный керамический материал, выявленный в составе жертвенных комплексов вне границ погребений, является определяющим для культурной идентификации археологических объектов и выявления специфики керамических комплексов как археологических микрорайонов, так и для локальных вариантов верхнеобской культуры в целом.

Типология верхнеобского, как и рёлкинского орнамента, основана на подходе, который определяется сочетанием элементов и мотивов в различные композиции [Беликова, Плетнева, 1983; Чиндина, 1991; Троицкая, 1992; Троицкая. Новиков, 1998]. Как отмечают все перечисленные исследователи, наличие различной числовой индексации одних и тех же типов и вариантов орнамента затрудняет сравнительный анализ керамических комплексов локальных вариантов, АМР и даже отдельных памятников верхнеобской и рёлкинской культур [Беликова, Плетнёва, 1983; Чиндина, 1991].

На данном этапе изучения кузнецкой керамики, когда большая часть сосудов представлена лишь фрагментами или несерийными экземплярами, объединение орнаментов в группы более предпочтительно, нежели в типы, что достаточно для их различения между собой и типологического сопоставления с верхнеобскими керамическими комплексами новосибирского и томского локальных вариантов. В данном случае, первые две группы (гребенчатая и прочерчено-нарезная) выделены по технике нанесения орнамента, остальные две группы - условно, т.к. они представлены единичными экземплярами с нетрадиционной орнаментацией или обладают комбинацией простых орнаментальных признаков, не образующих серии.

Группа I (гребенчатая) – 3 варианта с геометрическими композициями из горизонтальных рядов и полос гребенчатых прямоугольников, ромбов и косых параллельных сдвоенных линий («лесенок») в сочетании с рядами

горизонтальной и вертикальной гребёнки (рис. 1, 1, 3, 4). Наличие гребенчатых геометрических композиций (прямоугольников и ромбов) на кузнецкой керамике придают ей определённую специфичность в сравнении с керамикой других локальных вариантов. Отметим, что гребенчатые ромбы в дальнейшем используются для орнаментации керамики басандайской культуры Нижнего Притомья, а так называемые «воротничковые» верхнеобские и басандайские сосуды ещё украшаются оттисками косой гребёнки

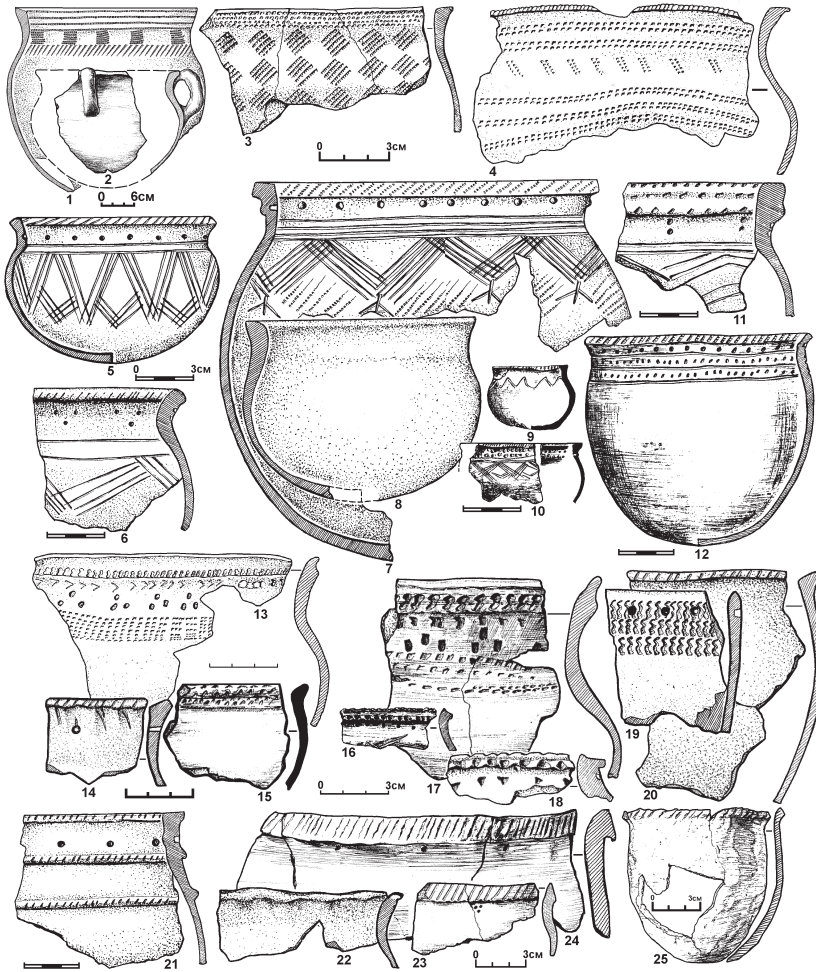

Рис. 1. Орнаментальные группы поздней верхнеобской керамики из курганных могильников Калтышинского АМР (Кузнецкая котловина):
гребенчатая – *1, 3, 4, 13*; прочерченно-нарезная – *5–7*, *9–12*; инокультурная (валиковая, фигурно-штамповая, гладкие сосуды с боковыми ручками) – *2, 8, 19, 21*; «синтетическая» – *14–18, 20, 22–25*. (*1–21* – Ваганово **I**; *22–24* – Калтышино **II**; *25* – Озерки **I**.)

и насечками. Число таких совпадений в декорировке сосудов обоих культур увеличивается за счёт очень редкой орнаментальной фигуры, имитирующей отпечаток трёхпалого «птичьего следа» [рис. 1, 7; Плетнёва, 1997].

Группа II (прочерчено-нарезная) – наиболее вариативная по сочетанию сетчатых и зигзагообразных мотивов из прочерченных линий в сочетании с рядами ямок, жемчужин и поясков из горизонтальных линий по шейкам и плечикам (рис. 1, 5–7, 10, 11).

Группа III (инокультурная) – она представлена отдельными экземплярами неорнаментированных сосудов с боковыми ручками (рис. 1, 2, 8) южного степного происхождения, сосудами с горизонтальными валиками («валиковая керамика») восточного происхождения (рис. 1, 20) и фигурно-штамповой орнаментацией в виде горизонтальной полосы из стилизованного змейчатого штампа (уточки?) северного (рёлкинского») происхождения (рис. 1, 19). Наличие этой группы согласуется с общей тенденцией трансформации верхнеобского керамического комплекса. Именно на юртакбалыкском этапе появляются отдельные сосуды с орнаментацией лесного («рёлкинского») типа. Одновременно появляются кубковидные сосуды с ручками тюркского облика, но с верхнеобским орнаментом (гребенкой), напоминающие кубки в руках каменных тюркских изваяний [Троицкая, Новиков, 1998].

Группа IV («синтетическая») – она отличается наиболее простыми композициями с обеднённым орнаментом (рис. 1, 20, 25), занимающем преимущественно верхнюю зону, венчики и шейки сосудов, сочетающим такие простые элементы как ямки, лунки, насечки, оттиски уголком палочки или лопаточки, группированные строенные ямочные штампы и рядные мотивы, широко распространённые в предшествующих группах. Показательными для этой группы являются сосуды с бордюрными и воротничковыми венчиками, внешние стороны которых сформованными пальцевыми защипами и ногтевыми оттисками (рис. 1, 16, 18, 22), и рядов группированного орнамента из строенных ямок по шейке (рис. 1, 13, 17, 23).

Среди верхнеобской и рёлкинской керамики «синтезированный» тип выделен или в качестве отдельного типа IV [Чиндина, 1991], или в составе валикового типа III [Беликова, Плетнева, 1983]. В обоих случаях – это керамика с наиболее простыми орнаментальными композициями и обеднённым орнаментом; один ряд ямок или гребёнки, иногда оба эти элемента сочетаются, но не более чем в двух рядах, ямки в сочетании с палочкой, одни оттиски палочкой, сочетание жемчужника и палочки, одни насечки и т. д [Беликова, Плетнёва, 1983; Чиндина, 1991]. Особое внимание к этому типу орнамента вызвано тем, что по наблюдениям Л.А. Чиндиной этот тип «…представляет синтез трёх предыдущих типов, в формах и орнаментации которого типовое своеобразие рёлкинской керамики уже фиксируется как отголосок былых устойчивых традиций» [Чиндина, 1991], т.е. содержит новые черты, явно имеющие хронологическое значение. В целом характерной особенностью поздней керамики является резко утолщённые

венчики и преобладание сосудов с прямым горлом. В это же время появляются крупные низкие чаши. Число сосудов орнаментированных уголком штампа резко сокращается, а жемчужины встречены более чем на половине сосудов. Самым распространенным орнаментальным мотивом становится горизонтальные линии и зигзаги, а также ряды наклонных линий [Троицкая, 1992].

В настоящее время появились более веские основания для омоложения верхней даты ряда вариантов керамики «синтетического» типа в пределах X в. как с точки зрения эволюции форм и орнаментации, так и соответствующей датировки закрытых погребальных комплексов Средней и Нижней Томи, определяющих верхнюю дату верхнеобских закрытых комплексов из Кузнецкой котловины [Плетнева, 1984; Васютин, Ширин, 2002; Ширин, 2002; 2004].

Типологически поздние признаки, указанные выше, в орнаментации и оформлении венчиков сосудов вполне сопоставимы с выделенными признаками для басандайской керамики [Плетнёва, 1997]. При сравнении кузнецкой керамики «синтетического» типа с керамикой Нижнего Притомья X-XII вв. нетрудно заметить совпадение форм круглодонной посуды, украшенной простыми композициями из рядов ямок, горизонтальной и вертикальной гребёнки [Плетнёва, 1984; 1997]. Аналогичные признаки в оформлении венчиков сосудов, их форм и орнаментации выделены и для «керамического ареала» X-XIII вв. Верхней Оби [Беликова, 1996; Адамов, 2000]. Эти точные наблюдения подтверждаются также керамическими материалами из трёх могильников басандайской культуры: Осинки, Санаторный-1 и Ташара-Карьер-2 [Савинов, Новиков, Росляков, 2008].

Типовые особенности орнаментации керамики Калтышинского АМР и проведённые сопоставления с керамическими материалами конца I – начала II тыс. в перспективе позволяет вернуться к постановке вопроса об истоках формирования басандайского керамического комплекса и «керамического ареала» в целом, и роли в этом процессе позднего керамического комплекса верхнеобской культуры. В границах Калтышинского АМР, в отличие от новосибирского и томского локальных вариантов верхнеобской культуры (юрт-акбалыкский этап), доминирующей группой является керамика с гребенчато-штамповой орнаментацией. В тоже время значительная вариативность и многокомпонентность орнаментальных групп калтышинской керамики является её отличительной особенностью. Причины этого разнообразия керамического комплекса ещё далеко не ясны. Они, возможно, были обусловлены в целом природно-географическими особенностями Кузнецкой межгорной котловины Кузнецко-Салаирской горной области, в том числе и Калтышинского степного микроареала, что стимулировало разнообразие способов хозяйствования. С другой стороны, пограничное положение Кузнецкой котловины, на стыке этнокультурного взаимодействия кочевых и оседлых культур верхнеобского ареала, могло обуславливать культурное разнообразие и специфику этого локального варианта.

Список литературы

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIVв. – Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2000. – 256 с.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э.– Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983. – 243 с.

Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. – 272 с.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Охранные раскопки верхнеобского кургана № 8 на могильнике Озерки I в 2005 г. (Калтышинский археологический микрорайон) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 212–218.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Материалы кургана № 3 могильника Калтышино II и вопросы этнокультурного взаимодействия в степном микроареале Кузнецкой котловины в середине X в. // Археология Южной Сибири. – Вып. 24: Сб. науч. тр., посвящ. 30-летию Кафедры археологии Кемеровского государственного университета. – Кемерово: Летопись, 2007. – С. 51–63.

Васютин А.С., Ширин Ю.В. Курганная группа Порывайка // Аборигены и русские старожилы Притомья. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. – С. 78–92.

Плетнева Л.М. Погребения IX–X вв. в Томском Приобье // Западная Сибирь в эпоху средневековья. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. – С. 64–87.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. – 350 с.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 424 с.

Троицкая Т.Н. Орнаментация керамики верхнеобской культуры // Орнамент народов Западной Сибири. – Томск, 1992. – С. 33–34.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1998. – 152 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). – Томск: Изд-во ТГУ, 1991. – 184 с.

Ширин Ю.В. Городище Городок в Кемеровском районе // Аборигены и русские старожилы Притомья. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. – С. 41–77.

Ширин Ю.В. Средневековые комплексы с желобчато-валиковой орнаментацией сосудов на юге Западной Сибири // Этносы Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее: Мат-лы науч.-практ. конф. – Ч. 1. – Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2004. – С. 182–187.

В.В. Бобров, И.В. Ковтун, А.Г. Марочкин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ В НИЖНЕТОМСКОМ ОЧАГЕ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Нижнетомский очаг наскального искусства охватывает нижнее течение р. Томи на участке протяженностью 47 км между д. Писаной Яшкинского района и г. Юргой Кемеровской области. По береговой линии р. Томи зафиксировано 8 местонахождений наскальных изображений: Томская писаница, Крутая 1,2, Новороmановская писаница, Вторая Новороmановская писаница, Висящий камень, Никольская и Тутальская писаницы. Значительно скромнее данный район представлен собственно археологическими комплексами: могильниками, поселениями и др. Исследование подобных объектов представляется чрезвычайно актуальной задачей, решение которой позволит уточнить культурно-хронологическую атрибуцию нижнетомских петроглифов.

Сейчас в Нижнетомском очаге наскального искусства исследовано или частично исследовано четыре археологических местонахождения вблизи петроглифических комплексов. Это поселение Писаная 1 у Томской писаницы (обнаружено В.В. Бобровым, исследовано И.В. Ковтуном), местонахождение Долгая 1, примыкающее к скальным плоскостям Новороmановской писаницы (обнаружено И.В. Ковтуном, частично исследовано А.Г. Марочкиным), поселение Долгая 2 у Новороmановской писаницы (обнаружено и частично исследовано А.Г. Марочкиным) и поселение Новороmаново 2 у писаницы Висящий камень (обнаружено И.В. Ковтуном, частично исследовано И.В. Ковтуном и В.В. Бобровым). Кроме того, в 2009 году в 1 км от Новороmановской писаницы, на коренном борту А.Г. Марочкиным был обнаружен первый в этом районе курганный могильник Долгая 3.

Материалы, полученные в результате проводившихся с 1990 г. исследований вышеперечисленных комплексов позволяют сделать предварительные выводы о культурном облике населения, проживавшего на данной территории и о хронологии бытовавших здесь культур.

Писаная 1. Поселение расположено в 400 м вниз по течению р. Томи от Томской писаницы. Площадь памятника составляет не более 100 м кв. Исследован полностью. Получены материалы эпохи ранней (Рис.1, *1*) и поздней бронзы. Позднебронзовый пласт представлен материалами ирменской культуры (Рис. 1, *2–9*).

Долгая 1. Памятник расположен в устье р. Долгая (приток р. Томи), геоморфологически примыкая к Новороmановской писанице. Его местона-

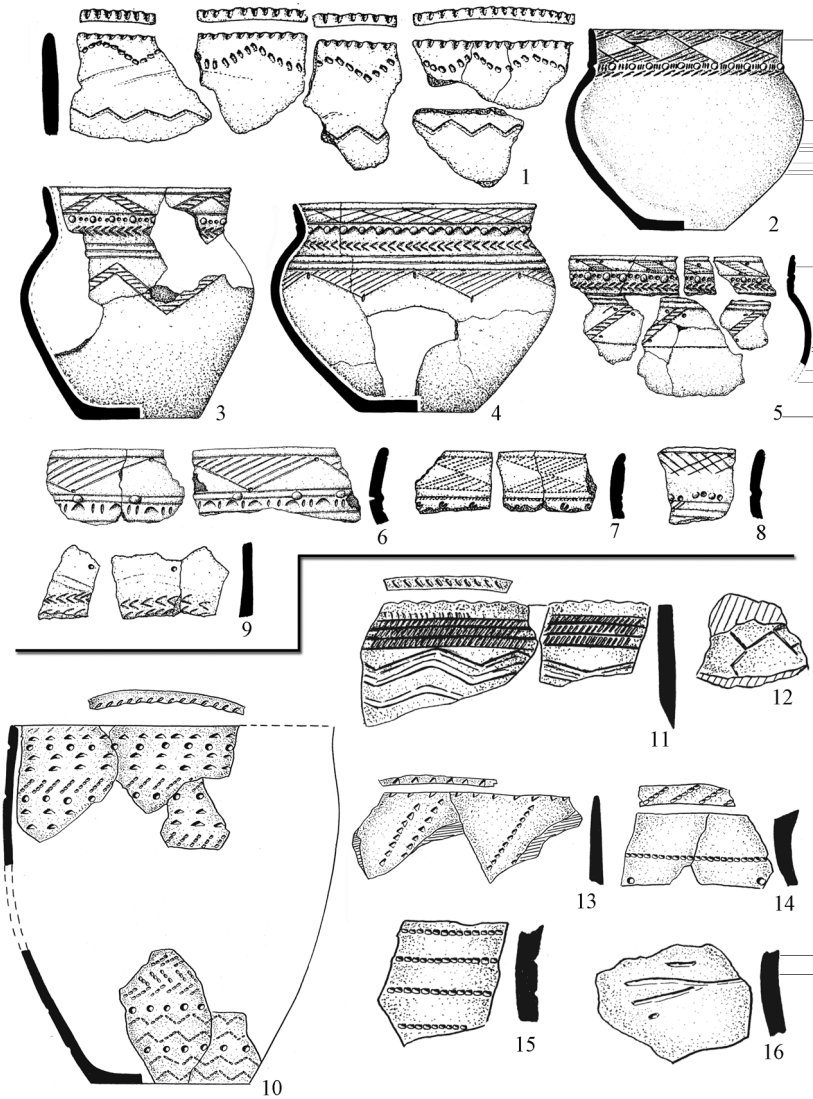

Рис. 1. Керамика памятников Писаная-1 и Новороманово-2.

хождение приурочено к небольшой (25×8 м) «заплывшей» террасе, образованной на пологом понижении берегового склона, а рисунки писаницы выбиты на прибрежных валунах, подпирающих террасу с юга и востока. Каких-либо внешних признаков на поверхности не имеет. Площадь памятника, по данным разведочных шурфов, не превышает 150 м^2. Раскопано 12 м кв. Находки из раскопа весьма многочисленны: более 300 осколков костей животных, 280 фрагментов керамической посуды, железный нож,

изделие из рога лося, каменный наконечник стрелы листовидной формы, два скребка на крупных каменных отщепах, три предмета неизвестного назначения из углистого алеврита, несколько отщепов, бронзовый сплеск и насколько кусков металлосодержащего шлака. Типологический анализ орнаментированной керамики (110 фр.) позволяет выделить на памятнике хронологические комплексы эпох неолита (?) (Рис. 2, *1–5*), ранней (Рис. 2, *6–7*), развитой (Рис. 2, *8–12)* и поздней бронзы (Рис. 2, *13–19)*, переходного от бронзы к железу времени (Рис. 2, *20)*, раннего железа (Рис. 2, *21–23*) и средневековья. Характер залегания разновременных находок в слое соответствует хроностратиграфическому принципу [Марочкин, 2009].

Долгая 2. На правом берегу р. Долгой, также в приустьевой зоне обнаружено поселение (?) Долгая 2. В разведочном шурфе обнаружена керамика крохалевской культуры эпохи ранней бронзы, представленная фрагментами баночных сосудов, украшенных оттисками «под-текстиль» и редким «жемчужником» в зоне венчика.

Курганная группа Долгая 3. На коренном борту правого берега Томи, в 1 км выше по течению от устья р. Долгой, зафиксирована курганная группа из семи округлых в плане насыпей, диаметром 7-10 м, расположенных в два ряда. Датировка и культурная принадлежность не определены.

Новороманово 2. Поселение расположено в 300 м ниже по течению р. Томи от писаницы Висящий камень. Комплекс исследовался четырьмя раскопами общей площадью около 250 м кв. Получены материалы неолита, развитой и поздней бронзы, а также средневековья. Неолитический комплекс представлен на северо-востоке памятника компактным скоплением из фрагментов керамики очень плохой сохранности, отщепов, нескольких листовидных наконечников стрел и фрагмента каменного бифасного клинка. Немногочисленные фрагменты керамической посуды с гребенчато-ямочным орнаментом, предположительно датируемые ранней фазой эпохи развитой бронзы, зафиксированы во всех раскопах. Одним сосудом представлена эпоха поздней бронзы (Рис. 1, 10). Случайно, вне раскопа, при рытье хозяйственной ямы на верхнем участке террасы обнаружен фрагмент самусьской керамики (Рис. 1, *11*). К средневековью следует отнести немногочисленные фрагменты профилированных сосудов с декором в виде горизонтальных защипов, обнаруженные только на северо-восточном участке террасы. В центральной части памятника зафиксированы остатки углубленного в материк закрытого очага, а вокруг него – многочисленные куски металлосодержащего шлака. Кроме того, зафиксированы три древние каменные выкладки - конструкции. Все три сооружения не перерезают материк, имеют почти правильную прямоугольную форму, схожие размеры (длина 1,6–2,1 м при ширине 1–1,2 м, мощностью до 0,3 м) и ориентированы длинной стороной по линии север-юг. Подобные конструкции, но округлой формы, известны в Нижнетомском регионе на поселении Самусь IV [Васильев, 2007].

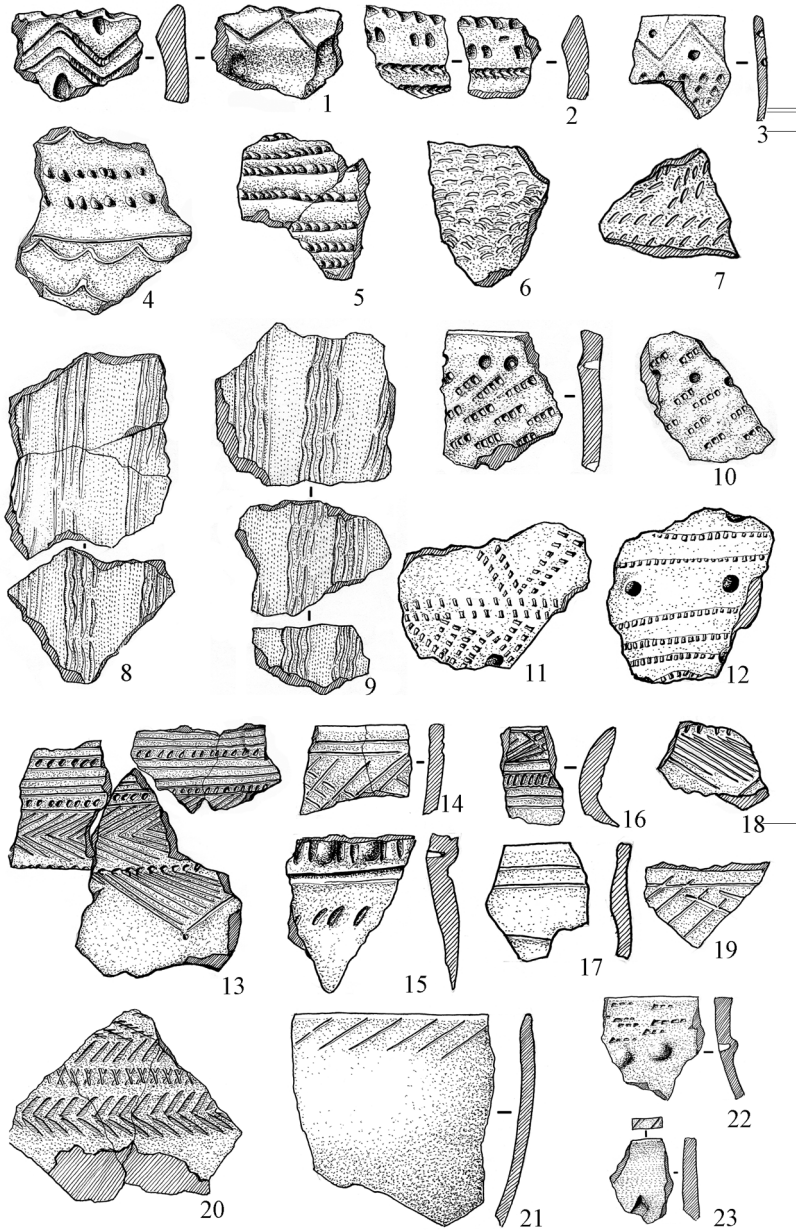

Рис. 2. Керамика памятника Долгая-1.

Наиболее информативная хронологическая колонка представлена материалами местонахождения Долгая 1. Самым представительным комплексом данного памятника является керамика самусьского времени, включая гребенчато-ямочную. Имеются фрагменты ирменских сосудов, что связывает этот культурно-хронологический пласт с ирменским комплексом поселения Писаная 1, на котором он является абсолютно доминирующим. Помимо этого, данные местонахождения, вероятно, связывают находки молчановской (тургайской) керамики на Долгой 1 и случайно обнаруженный фрагмент молчановского сосуда на Томской писанице [Ковтун, 2001]. Эпохой поздней бронзы, вероятно, датируется и археологически целый сосуд с Новороманово 2, сочетающий в своей орнаментации «таежные» гребенчато-ямочные мотивы и «степные» андроноидные элементы, представленные подтреугольными вдавлениями, а также вертикальной «елочкой» (Рис. 1, *10*). Материалы развитой бронзы, происходящие с данного памятника, невыразительны, и ограничиваются гребенчато-ямочной керамикой и единственным, случайно найденным самусьским фрагментом. Тем не менее, это позволяет связывать указанный немногочисленный комплекс с одновременными материалами Долгой 1. Особый интерес представляют новороmановские каменные выкладки, конструктивно напоминающие выкладки с Самусь IV. Дальнейшие раскопки этого памятника позволят уточнить состав его культурно-хронологических комплексов.

Особо оговорим предполагаемую датировку керамики с отступающе – накольчатой орнаментацией с Долгой 1 (Рис. 2, *1–5*). Подобная керамика, зафиксированная на нескольких памятниках Среднего и Нижнего Притомья, датируется в диапазоне неолит – эпоха ранней бронзы [Новгородченкова, 1987; Рудковский, 2007]. Характер залегания этой керамики на Долгой 1 её хронологической позиции не уточняет [Марочкин, 2009]. Поэтому вопрос об узкой датировке данного комплекса оставляем открытым.

Учитывая хронологию нижнетомских петроглифов, возможно предположить, что их ранний комплекс синхронен вышеописанным материалам ранней фазы эпохи развитой бронзы, представленным самусьской и гребенчато-ямочной керамикой. Не исключено, что на притомских скалах имеются петроглифы, одновременные или даже однокультурные ирменским древностям Писаной 1 и Долгой 1. Вероятность этого уже аргументировалась одним из авторов [Ковтун, 2001]. Полагаем, в Нижнем Притомье представлены и наскальные изображения эпохи раннего железного века. Эта идея В.Н. Чернецова имела свое продолжение и последователей. Но, предполагаемая рядом исследователей кулайская атрибуция новороmановских петроглифов пока не находит адекватного соответствия в материалах рассматриваемых археологических комплексов. Возможно, в данном случае речь может идти о синстадиальности наскальных изображений эпохи раннего железа и соответствующего археологического комплекса.

Список литературы

Васильев Е.А. Самусь IV: старые проблемы на фоне новых исследований // Археологические материалы и исследования Северной Азии, древности и средневековья. – Томск: Том. гос. ун-т, 2007. – С. 114–127.

Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 184 с.

Новгородченкова И.В. Керамика поселения Курья-4 // Проблемы археологических культур Евразии. – Кемерово, 1987. – С.78–85.

Рудковский И.В. Керамика поселения Чердашный лог // Археология и этнография Приобья: Материалы и исследования. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2007. – С. 92–102.

Л.А. Бобров, А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ РУССКИХ КАЗАКОВ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ САЯНО-АЛТАЯ В ВОЕННОЙ ОБЛАСТИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОЕ ВРЕМЯ*

Со времени появления на южных рубежах Сибири военных отрядов русских казаков и служилых людей в конце XVI–XVII вв. правящая элита тюркских этносов стремилась заимствовать огнестрельное оружие и освоить тактику его применения.

В комплексах боевых средств тюркских номадов Саяно-Алтая преобладали традиционные виды холодного оружия и средства защиты. Кыштымы и телеуты вели обстрел противника из луков «монгольского типа» со срединными и плечевыми фронтальными костяными накладками и концевыми вкладышми. В памятниках енисейских кыргызов и тувинцев остатки луков не обнаружены. Однако, русские казаки, которым приходилось воевать с кыргызами, утверждали, что «бой у них лучной» [Потапов, 1957. С. 18]. Кыргызы, кыштымы, телеуты и тувинцы применяли для поражения противника стрелы с плоскими и гранеными железными наконечниками. Енисейские кыргызы и телеуты использовали также дротики. Сходство форм луков и стрел на территории всей Центральной Азии свидетельствует о едином процессе развития средств и тактики дистанционного боя у тюркских номадов [Худяков, 2007. С. 149].

Оружие ближнего боя кыргызских, телеутских и тувинских воинов было во многом схожим. Воины этих народов сражались однотипными ударными копьями, палашами и саблями. Наличие в составе оружейного набора схожих форм древкового колющего и клинкового оружия объясняется общими тенденциями в тактике конного боя и общими источниками поступления оружия. Шорские мастера-оружейники поставляли оружие енисейским кыргызами и телеутам. Определенные отличия наблюдаются между данным оружейным набором и вооружением кыргызских кыштымов, в составе которого присутствуют архаичные мечи и преобладают топоры русского производства, использовавшиеся также телеутами и тувинцами. Эти различия обусловлены характером и интенсивностью внешних контактов кыштымов, которые в значительно большей степени, чем тюркские и монгольские кочевники, взаимодействовали с русскими людьми. В составе оружия ближнего боя у телеутов и кыштымов были изделия российского производства: ударные копья, секиры, булавы и кистени.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 07-01-00434а.

В наборе защитного вооружения монгольских и тюркоязычных номадов Саяно-Алтая присутствовали близкие по конструкции доспехи: пластинчатые панцири-куяки и пластинчато-нашивные внутренние панцири, пластинчато-кольчатые комбинированные доспехи, кольчуги, сфероконические и сфероцилиндрические шлемы. Сведения о различных типах кыргызских доспехов содержатся в русских письменных источниках, в которых русские воины высоко оценивали их качество [Бахрушин, 1955. С. 182]. Отдельные находки позднесредневековых панцирей, кольчуг и шлемов обнаружены в Южной Сибири. Комплекс вооружения енисейских кыргызов и кыштымов, телеутов и тувинцев имел общую основу. Он включал оружие дистанционного и ближнего боя и средства защиты, которые были характерны для всей Центральной Азии.

Военная организация улусов енисейских кыргызов включала отряды отдельных княжеств и ополчения, составленные из вассальных племен. Основную ударную силу войск тюркских народов Южной Сибири составляли дружины профессиональных воинов – батыров, составлявших отряды, охранявшие местных князей. В составе войск енисейских кыргызов и телеутов широко привлекались отряды, набранные из зависимых племен кыштымов. Искусство ведения сражений конными армиями у тюркских народов Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и Нового времени основывалось на применении рассыпного строя и массированного обстрела противника, и атаки лавой отрядами панцирной конницы в ближнем бою. На протяжении периодов развитого и позднего средневековья Саяно-Алтай был важной ремесленной базой оружейного производства не только для тюркских кочевых народов и монгольских государств Центральной Азии. Воины тюркских народов Южной Сибири использовали холодное оружие и доспехи, изготовленные шорцами, жившими в Кузнецкой котловине.

Появление в конце периода позднего средневековья на границах Южной Сибири отрядов русских служилых людей существенным образом изменило традиционную линию развития военной истории тюркских кочевых народов. В это время кочевникам пришлось столкнуться с хорошо вооруженным, обладавшим огнестрельным оружием и большим боевым опытом вооруженной борьбы против номадов могущественным противником, имевшим иные, в большей степени соответствующие новым историческим условиям, вооруженные силы и военные традиции. Большая часть кочевых государственных образований не смогла на равных противостоять превосходящим силам и вооруженным огнестрельным оружием армий крупнейших евразийских империй. В эпоху позднего средневековья и Нового времени правители тюркских народов Южной Сибири предпринимали попытки оснащения своих воинов ручным огнестрельным оружием и артиллерией, и применения новых тактических приемов ведения боя. Тюркские кочевые народы Саяно-Алтая попытались заимствовать некоторые виды холодного оружия ближнего боя и огнестрельное оружие

у русских людей [Бобров, Худяков, 2004. С. 263–266]. Среди этнических групп, чаще иных контактировавших с русским населением, выделялись кетские и самодийские племена, находившиеся на положении кыштымов в кыргызских княжествах. Кыштымы смогли обеспечить себя изделиями русского производства. Воины-кыштымы использовали в качестве оружия приобретенные у русских людей железные топоры. Енисейские кыргызы и телеуты, оценив по достоинству высокую эффективность огнестрельного оружия, стали ориентироваться на приобретение и оснащение своих воинских отрядов этим оружием. Однако решить эту задачу им в полной мере не удалось. Не имея соответствующей требованиям времени производственной базы для изготовления сложных в техническом отношении видов оружия и боеприпасов, полностью обеспечить в необходимом объеме свои воинские формирования новыми видами вооружения они не смогли. Русские воины, оказавшиеся в непростых для себя условиях в отдаленных от экономических центров Российского государства районах Западной и Восточной Сибири, несмотря на нехватку людских и материальных ресурсов и наличие превосходящего по численности вражеского окружения, смогли мобилизовать все свои силы и возможности, успешно противостоять воинственным противникам и удержать вновь присоединенные территории. Важную роль в достижении этих военных успехов сыграло не только обладание определенным военно-техническим преимуществом, выразившемся в обладании огнестрельным оружием, но и умение передвигаться и преодолевать крупнейшие водные артерии Сибирского региона, и возведение фортификационных сооружений, оказавшихся надежным средством обороны против нападений военных отрядов кочевнической конницы. Русские воины стремились активно использовать в своей боевой практике и традиционные виды холодного наступательного оружия и защитного вооружения, которые они охотно приобретали или обменивали у местных жителей. Особенно высоко ценились русскими казаками и служилыми людьми пластинчатые и комбинированные панцири, наручи и другие предметы индивидуальной металлической защиты воинов, которых в арсеналах царских воевод в Сибири не хватало и поэтому добывать их приходилось самим воинам. Нередко при этом нарушались царские указы и защитное вооружение приобреталось в обмен на ружья и боеприпасы, хотя продавать их сибирским «иноземцам» было категорически запрещено. Использовались русскими воинами и некоторые тактические приемы ведения боя, успешно применявшиеся кочевниками. В составе военных отрядов российских войск в Сибири служили представители коренных народов. Они выполняли обязанности проводников, переводчиков, разведчиков. Ввиду постоянной нехватки людских резервов российские власти в Сибири постоянно принимали в состав казачьих войск сибирских татар, казахов, бурят и других тюркских и монгольских кочевых народов. Поэтому влияние в сфере военного дела между русским населением в Сибири и тюркскими и монгольскими народами было взаимным.

В создавшихся новых условиях в результате постоянно возрастающего военного давления извне, со стороны крупнейших евразийских держав, изменить в свою пользу ход событий военной истории изучаемого региона южносибирским и центрально-азиатским кочевникам оказалось не под силу. Утратив свое былое военное преимущество над армиями стран оседло-земледельческой цивилизации в численности, организованности, боевом опыте, мобильности и маневренности на полях сражений, кочевые народы Южной Сибири и Центральной Азии стали часто терпеть поражения в войнах с превосходящими их по вооружению, технической оснащенности и организованности войсками своих грозных противников. В дальнейшем, в ходе военных действий, происходивших в течение периода Нового времени, тюркские и монгольские номады попали в сферу влияния и были включены в качестве подвластного населения в состав крупнейших мировых империй Российской и Маньчжурской. В последующий исторический период военные силы номадов стали использоваться российскими и маньчжурскими властями в качестве иррегулярной, или вспомогательной конницы в составе имперских войск в ходе военных действий, которые вели эти государства против своих противников на территории Евразии. Период самостоятельного развития военного дела кочевых народов в Центральной Азии в начале Нового времени завершился.

Список литературы

Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в. // Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 3; ч. I2. – С. 176–297.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Этнокультурные контакты русских с тюркскими этносами Западной и Южной Сибири в военной сфере в позднем средневековье // Русские. Материалы VII Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск: Тобольск. гос. ист.-арх. музей-заповедник, 2004. – С. 263–266.

Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. – Абакан: Хакас. книжн. изд-во, 1957. – 307 с.

Худяков Ю.С. Эволюция комплекса вооружения кочевников Южной Сибири в позднем средневековье и в Новое время под влиянием контактов с русскими людьми // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2007. – С. 125–154.

А.П. Бородовский

ГРАВИРОВКИ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В МЫЮТИНСКОМ ПЕТРОГЛИФИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ

Среди наскальных изображений Горного Алтая гравировки являются одной из самых интересных разновидностей петроглифов. В 2003 году в ходе обследования долины реки Сема – одного из самых крупных притоков реки Катунь на Северном Алтае, автором был обнаружен новый петроглифический комплекс Мыюта-3 в районе села Мыюта Шебалинского района Республики Алтай [Бородовский, Ойношев, 2005].

Наскальные изображения нанесены на выступах зеленовато-коричневой породы к юго-востоку от одноименного села. Скальная поверхность с изображениями имеет юго-западную экспозицию. Петроглифы расположены на нескольких скальных плоскостях и выполнены в разной технике. Фигуры копытных животных (козлов, маралов) в основном выполнены в технике выбивки. Часть этих изображений перекрывает друг друга, являясь изобразительным палимпсестом. В целом петроглифическое местонахождение Мыюта-3 представлено пятью композициями, содержащими от двух до десяти рисунков. Общее количество изображений составляет около тридцати наскальных рисунков (выбивок и гравировок).

Особое место в петроглифическом комплексе Мыюта-3 занимают гравировки эпохи средневековья, выявленные автором в 2008 г. Изображения нанесены на скальном блоке, расположенном на самом возвышенном участке относительно всех наскальных рисунков мыютинских петроглифов.

В состав гравировок Мыюта-3 входит несколько рисунков (рис. 1). Среди них два изображения лучников, три изображения орлов и два изображения маралов. Сверху часть этих гравировок перекрыта грубой антропоморфной выбивкой более позднего происхождения. Композиционно изображения стреляющих лучников нанесены на противоположных сторонах плоскости скального выступа. Один лучник изображен с двумя стрелами в районе пояса (рис. 1, *4*). Наконечник стрелы, изготовленный для стрельбы, имеет ромбические очертания. В одной из его лопастей изображено круглое отверстие. Наконечники такого типа были распространены на Саяно-Алтае с конца VI по XIV век н.э. [Степи Евразии…, 1981; Худяков, 1997]. Оперение стрел прорисовано в виде эллипсов. За спиной у лучника изображен развивающийся стяг на древке. Стяг имеет одностороннее приостренное навершие на древке и три выступающих хвоста на полотне знамени. Один из них расположен в верхней части стяга, а два других – на

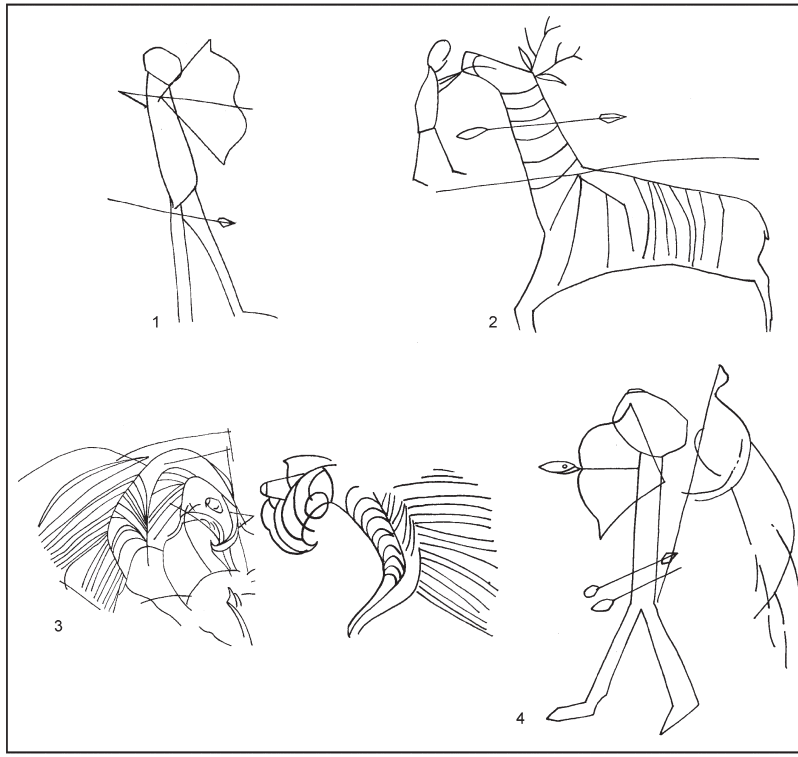

Рис. 1. Гравировки древнетюркского времени в Мыютинском петроглифическом комплексе.
1– изображение лучника; 2 – изображение человека и марала; *3* – изображение орлов; *4* – изображение лучника с знаменем.

его нижнем крае. Среди петроглифов р. Бураты в Чуйской степи известно два отдельных изображения стягов на древке, которые интерпретируются как копья со знаменами [Кубарев, 2008]. Отсутствие на мыютинской гравировке изображения втока и двухстороннего навершия не позволяют столь однозначно интерпретировать его как копье со стягом. Изображения пеших лучников со стягами (знаменами) за спиной, близкие к мыютинскому, выявлены среди граффити древнетюркского времени на петроглифическом комплексе Кургак в Чуйской степи [Кубарев, 2004].

Второй лучник изображен с натянутым луком (рис.1, *1*). В районе пояса, как и у первого лучника, у него изображена стрела с наконечником ромбического типа без оперения. Одна из его рук нарисована согнутой в локте, натягивающей тетиву. Плечи у луков на изображениях лучников симметричны и выгнуты наружу. Общие размеры луков на гравировках составляют почти половину от общей высоты фигур лучников. Наличие стрел в районе пояса лучников (рис. 1, *1, 4*) соответствует одному из спо-

собов ношения стрел на поясе для удобства и скорострельности стрельбы. На Горном Алтае гравировки пеших лучников с изображением стрел на поясе можно встретить среди раннесредневековых изображений Каракола [Соёнов, 2005], Калбак-Таша [Соёнов, 2005] Кургака [Кубарев Г.В, Кубарев В.Д, 2001] и Цаган-Салаа IV в Монголии [Кубарев, Цэвендорж, 1996]. Аналогичное расположение стрел известно на средневековых европейских изображениях XIII века (Библия Мациевского и Рутландский псалтырь), а так же у японских конных лучников [Курэ, 2007].

Между лучниками мыютинских гравировок располагается фигура марала с стрелой в районе гортани (рис. 1, *2*). Она аналогична изображениям стрел у двух лучников (ромбический наконечник и эллипсоидное оперение). Тело животного заштриховано горизонтальными (шея) и вертикальными (туловище) линиями, вероятно, изображающими шерсть животного. Перед мордой оленя изображена фигура человека меньшего размера, чем лучники. Эта композиция мыютинских петроглифов имеет определенные аналогии с гравировками Калбак-Таша [Соёнов, 2005].

В центральной части гравировки, ниже антропоморфных изображений и рисунков копытных животных, нанесены две фигуры орлов в геральдической композиции (рис. 1, *3*). Аналогии этой композиции распространены в металлопластике Западной Сибири вплоть до эпохи позднего средневековья [Молодин, 1992]. Над гравировками двух орлов нанесен современный рисунок головы птицы, выполненный в реалистичной манере. Кроме стиля, это изображение отличается отсутствием патинизации линий изображения.

В целом вся мыютинская гравировка эпохи средневековья представляет охотничий сюжет. Такие сцены охоты характерны для древнетюркской наскальной изобразительной традиции [Бородовский, 1986] Различные размеры лучников, возможно, так же отражают их расположение во время охоты. Не исключено, что человеческая фигура у головы марала могла соответствовать изображению процесса разделки его туши. Сходное по композиции изображение человеческой фигуры с медведем известно среди гравировок Калбак-Таша [Соёнов, 2005].

Гравировки орлов Мыюты также могут быть связаны с центральноазиатским охотничьим промыслом, в рамках которого ловчие птицы занимали особое место. Возможно, что в мыютинских средневековых гравировках нашла отражение и определенная сезонность охоты. По этнографическим данным из Монгольского Алтая в кочевой среде известно использование ловчих птиц в осеннее-зимний период, начиная с момента установления первого снежного покрова. Волосяной покров, изображенный на марале (рис.1, *2*), также может быть одним из признаков сезонности охотничьей деятельности, поскольку именно в осенне-зимний период шерсть марала становится максимально длинной и густой, а окостеневшие рога сохраняются с октября по декабрь [Бородовский, 2007].

Гравировки лучников на мыютинских петроглифах вполне можно рассматривать как одни из эталонных для средневековых (древнетюркских)

наскальных изображений Горного Алтая. Основанием для этого является детальное воспроизведение конструкции лука, стрел с наконечниками, способов их ношения, а так же знамен.

Выявленные средневековые гравировки Мыюта-3 с изображением охотничьих сюжетов располагаются перед Семинским перевалом, на значительном расстоянии от основных петроглифических местонахождений Горного Алтая. Такая локализация является еще одним аргументом, подтверждающим сложение в этом регионе северной границы центральноазиатской петроглифической традиции [Бородовский, Бородовская, 2008; 2009]. Пространственными признаками этой границы является единичность и рассеянность расположения петроглифических местонахождений на скальных выходах горных хребтов Северного Алтая. К таким местонахождениям относятся петроглифы Чемала, Толгаёка, Татарки, Чичкеши, Бийке, Тоурака, Барагаша, Ануя, Будачихи, Сибирячихи [Кубарев, Маточкин, 1992], Теплого ключа [Бородовский, Бородовская 2005], р. Усть-Уба [Кирюшин, Горбунов.., 2007].

Несмотря на немногочисленность этих наскальных изображений Северного Алтая, в сравнении с основными территориями распространения алтайских петроглифов, в них представлено все многообразие способов нанесения изображений (выбивка, гравировка, раскраска), основных образов (копытные животные, антропоморфные персонажи), сюжетов (охотничьи сцены), знаков и рунических надписей, характерных для центальноазиатской петроглифической традиции.

Список литературы

Бородовский А.П., Ойношев В.П., Соёнов В.И., Суразаков А.С., Танкова М.В. Древности Чуйского тракта. – Горно-Алтайск, 2005. – 102 с.

Бородовский А.П. Хозяйственные сцены в древнетюркских изображениях // Исторический опыт освоения Сибири. – Вып. 1. – Новосибирск, 1986. – С. 38–40.

Бородовский А.П. Древний резной рог Южной Сибири. – Новосибирск, 2007. – 176 с.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археология и туризм Горного Алтая. – Новосибирск, 2005. – 60 с.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологическое наследие горной долины нижней Катуни. – Новосибирск, 2009. – 122 с.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., Волков П.В., Маркин С.В., Нохрина Т.И., Постнов А.В., Шуньков М.В. Археологические экскурсии по памятникам Горного Алтая: Путеводитель. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2008. – 122 с.

Кирюшин К.Ю., Горбунов В.В., Даньшин О.В. Руническая надпись с реки Усть-Уба (Алтайский район Алтайского края) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. Археология, этнография, устная история. – Вып. 3. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2007. – С. 57–59.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск, 1992. – 124 с.

Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., Руническая надпись из Кургака (Юго-Восточный Алтай // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т.VII – материалы годовой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во института археологии и этнографии СО РАН, 2007. – С. 341-342.

Кубарев В.Д., Цэвендорж Д. Раннесредневековые граффити Монгольского Алтая // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Матлы IV Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 140–143.

Кубарев Г.В. Копья с втоками у древних тюрок (по раннесредневековым петроглифам Алтая) // Тр. II (XVIII) всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. – М., 2008. – Т. II. – С. 236–239.

Кубарев Г.В. Раннесредневековые граффити Чуйской степи // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск, 2004. – Вып. 2. – С. 75–86.

Курэ М. Самураи. Иллюстрированная история. – М.: АСТ, Астель, 2007. – 192 с.

Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1992. – 189 с.

Соёнов В.И. Археологические памятники горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). – Горно-Алтайск, 2003. – 160 с.

Степи Евразии в эпоху позднего средневековья. – М.: Наука, 1981. – 304 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 160 с.

А.П. Бородовский, Е.Л. Бородовская

КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ В ГОРНОЙ ДОЛИНЕ НИЖНЕЙ КАТУНИ

Локализация древних и раннесредневековых каменных изваяний для определенных территорий имеет важное значение в рамках исследования традиционного монументального искусства Сибири. Долгое время для горной долины нижней Катуни такие археологические памятники были не известны. Широкомасштабные и комплексные археологические исследования этой территории в начале XXI в. позволили выявить целый ряд объектов [Бородовский, Бородовская, 2007], среди которых – каменные изваяния, оленные камни и балбалы. Для сводной характеристики этой разновидности археологических памятников, построенной по хронологическому и территориальному признакам (с древности и до средневековья, с севера на юг, от нижнего течения реки Катунь к верхнему течению), приведем описание изваяний и их местонахождений.

В 2009 г. на территории с. Долина Свободы в пойме р. Катунь при сооружении погреба на глубине двух метров местными жителями было обнаружено каменное изваяние **Долина Свободы-3** (рис. 1). Предмет изготовлен из сланцевой гальки длиной около 45 см серо-синего цвета. На одной из узких граней камня в объемной манере выбито лицо с четкой моделировкой подбородка, впалых щек и углубленных округлых глазниц. Нос изображен с небольшой горбинкой на переносице. Эту деталь можно интерпретировать как моделировочный прием, а так же и как отражение антропологических особенностей определенного образа. Рот изваяния прорезан специальной линией. Выбивка всего лица тщательно зашлифована. На боковых поверхностях камня расположены более грубые не зашлифованные следы выбивки. Они находятся на месте подбородка и ушей. В целом, антропоморфное изображение имеет определенное визуальное сходство с очертаниями древнегреческого коринфского шлема, который в своей форме воспроизводит анатомические особенности головы человека.

Изваяние из с. Долина Свободы имеет аналогии с каменными жезлами эпохи развитой бронзы, а так же широкий круг аналогий среди изваяний юга Западной Сибири и Казахстана. Предмет датируется не позже середины II тыс. до н.э. и относится к кругу самусьско-сейминской каменной пластики. Моделировка лица на каменном изваянии эпохи развитой бронзы является одним из ранних образцов «лицевых» каменных скульптур,

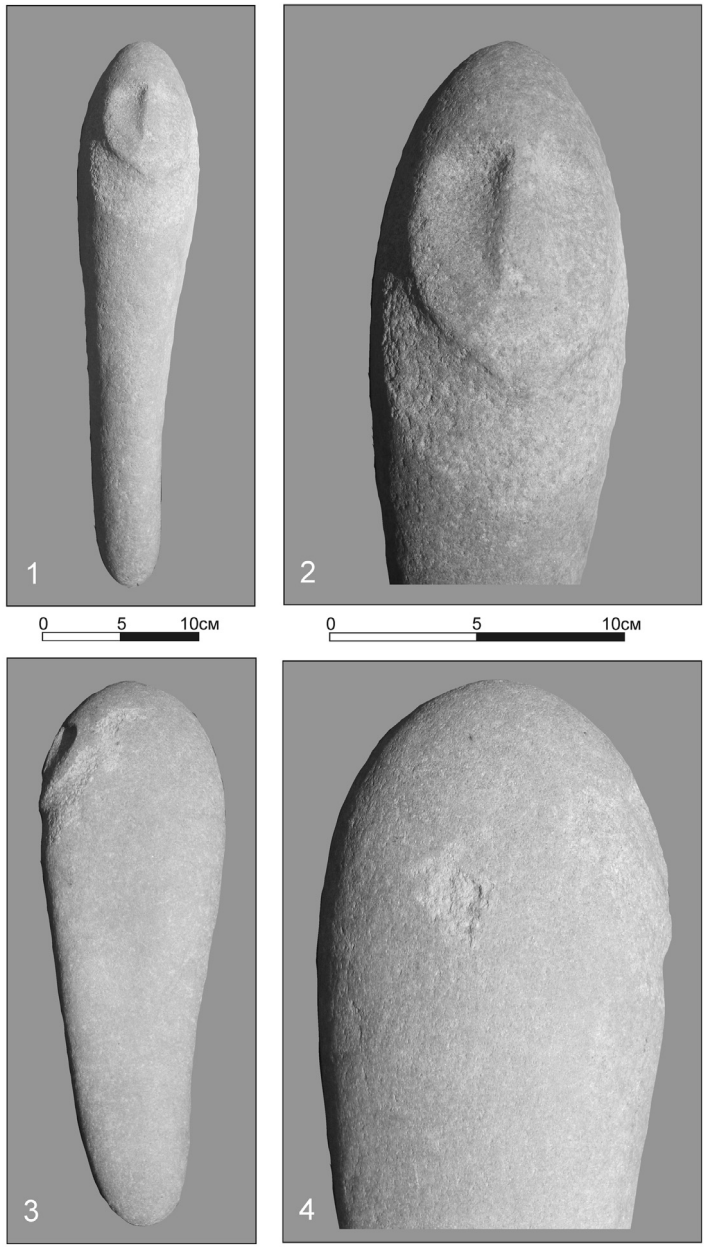

Рис. 1. Каменное изваяние из с. Долина Свободы.

Рис. 2. Расположение каменных изваяний в горной долине нижней Катуни.
1, 2 – каменное изваяние в погребении кургана № 82, могильник Чултуков Лог-1; *3* – балбалы у кургана № 1, могильник Чултуков Лог-2; *4* – каменное изваяние у поминальной оградки Бирюзовая Катунь-1.

широко распространенных на нижней и средней Катуни в более позднее древнетюркское время. Случайный характер находки каменного изваяния из с. Долина Свободы, так же как и выявление оленного камня Манжерокское Озеро-1 (рис. 3, *2*), может быть признаком культового места или погребального комплекса. Небольшие размеры этого изваяния позволяют отнести его к так называемым памятникам «мобильного» древнего искусства, использующихся в самых различных целях – монументальных, ритуальных и погребальных.

На южной оконечности Манжерокского озера, в 1 км к северо-востоку от села Озерное, в 2002 году краеведом Н.М. Воробьевым было обнаружено изваяние – **Манжерокское Озеро-1** (оленный камень) [Бородовский, Бородовская, 2007]. Изделие выполнено из гранита размером 70 х 15 см. Один из краев камня имеет овальную обивку (рис. 3, *2*). Сечение предмета подквадратное. Вверху, на одной из граней отчетливо заметна линей-

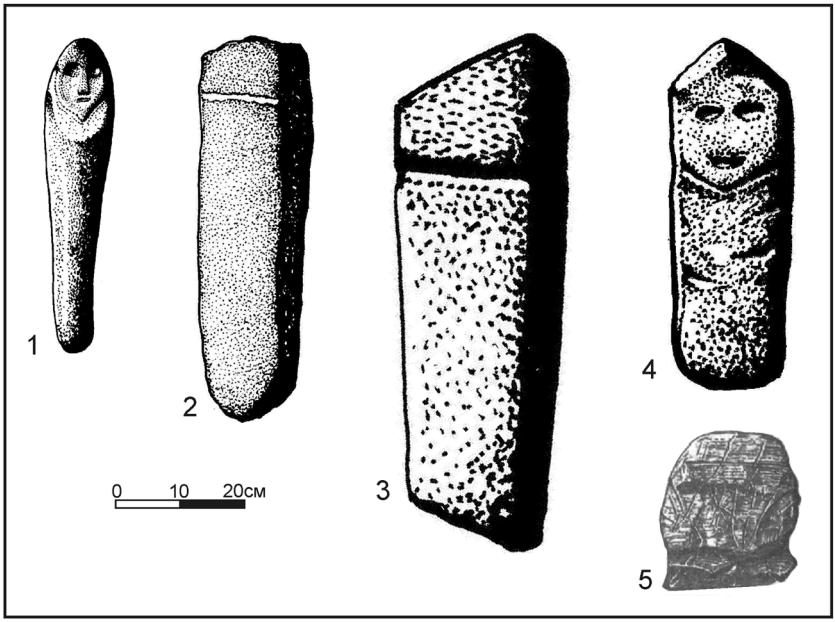

Рис. 3. Каменные изваяния горной долины нижней Катуни.
1 – Долина Свободы-3 (эпоха развитой бронзы); *2* – Манжерокское Озеро-1 (эпоха раннего железа); *3* – Чултуков Лог-1д (эпоха раннего железа); *4* – Бирюзовая Катунь-1 (эпоха средневековья); *5* – Бирюзовая Катунь-7 (эпоха металла).

ная выбивка. Место, где было обнаружено изваяние, неоднократно ранее подвергалось мелиоративным работам (изменению русла ручья), поэтому его первоначальное расположение могло быть иным. Предмет датируется началом I тыс. до н.э. Аналогии ему можно найти среди оленных камней I группы из Юстыдского комплекса [Кубарев, 1979; Бородовский, 2003; Акимова, Бородовский..., 2008].

Каменное изваяние **Чултуков Лог-1д** обнаружено в 2008 году при исследовании кургана № 82 некрополя Чултуков Лог-1. Изваяние (оленный камень) было обнаружено в заполнении могилы у северо-западного края (рис. 2, *1, 2*). На одной из граней выбита горизонтальная полоска, возможно имитирующая пояс воина. Оленный камень аналогичен изваянию с Манжерокского озера и оленным камням I группы из Юстыдского комплекса [Кубарев, 1979]. Предмет датирован эпохой раннего железа.

Фрагмент каменного изваяния с поселения «Бирюзовая Катунь-7» обнаружен в 2008 г. при обследовании поселения эпохи раннего железа Бирюзовая Катунь-7 (рис. 3, *5*). Обломок верхней части каменного антропоморфного изваяния обнаружен в восточной стенке подпрямоугольной каменной конструкции из плит [Семибратов, Кирюшин…, 2009]. Предмет датируется эпохой металла.

Древнетюркское каменное антропоморфное изваяние **«Бирюзовая Катунь-1»** располагалось у поминальной оградки «Бирюзовая Катунь-1» (рис. 2, *4*; рис. 3, *4*). Оно выполнено на стеле, грани которой обработаны по периметру. Чётко очерчен овал лица, глаза, рот, головной убор и левая рука, в которой находится сосуд [Кирюшин, Кирюшина, режим доступа http://ashpi.asu.ru/ths/ths03/bktn.html; Кирюшин, Матренин, 2009]. Изваяние относится к концу I тыс. н.э. и входит в круг немногочисленных древнетюркских погребально поминальных комплексов горной долины нижней Катуни.

К каменным изваяниям, с нашей точки зрения, следует относить и балбалы. Этот важный элемент пазырыской погребальной обрядности имеет самостоятельное значение, поскольку сооружался у каменных курганов как отдельный поминально-погребальный элемент. Кроме того, для установки балбалов был необходим тщательный поиск исходного материала, природного форма которого воспринималась как отдельный объект монументальной изобразительной традиции.

Балбал **Чултуков Лог-1д** обнаружен в 2008 году при исследовании кургана № 82 некрополя Чултуков Лог-1. Он был расположен с северо-западной стороны кургана, рядом с оленным камнем. Предмет датирован эпохой раннего железа.

Два балбала **Чултуков Лог-2а** обнаружены в 2008 году при исследовании каменной конструкции кургана № 1 могильника Чултуков Лог-2 (рис. 2, *3*). Они были установлены параллельно друг другу с юго-восточной стороны кургана. Балбалы датируются эпохой раннего железа.

Все каменные изваяния горной долины нижней Катуни отличаются достаточно небольшим размером. Это, скорее всего, было обусловлено местной сырьевой базой. На нижней Катуни отсутствуют крупные каменные блоки, представленные плитняком или галечником. Выбор каменного сырья для изваяний чаще всего определялся наиболее подходящими природными формами камней для изготовления скульптур. Манера нанесения изображения на каменный материал отличалась невысоким рельефом и лаконичностью линий воспроизведенных образов. Чаще всего воспроизводилось лицо (Долина Свободы-3, Бирюзовая Катунь-1) или отдельные элементы, символизирующие детали костюма (оленные камни Манжерокское Озеро-1, Чулутков Лог-1д). В ряде случаев каменные изваяния горной долины нижней Катуни были связаны с погребальной традицией (курганные группы Чултуков Лог-1, 2, Бирюзовая Катунь-1) или являлись признаками разрушенных погребальных комплексов (изваяние Манжерокское Озеро-1).

В целом для горной долины нижней Катуни характерно наличие каменных изваяний на протяжении всей эпохи металла (от развитой бронзы до раннего средневековья). Эти памятники органично сочетают в себе центральноазиатские и западносибирские традиции монументального искусства.

Список литературы

Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., Киреев С.М. Археологические памятники и объекты Майминского района. – Горно-Алтайск: Изд-во АКИН, 2008. – 144 с.

Бородовский А.П. Археолого-этнографические исследования по туристическому маршруту «Алтайская одиссея» // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Вып. XIII. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2003. – С. 33–39.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Обследование прибрежных территорий озера Манжерок // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т.XIII. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. – С. 188–192.

Кирюшин К.Ю., Кирюшина Ю.В. Работы АлтГУ по созданию археологического парка «Перекресток миров» как элемент создания международного имиджа Алтайского края. Режим доступа http://ashpi.asu.ru/ths/ths03/bktn.html).

Кирюшин К.Ю., Матренин С.С. Раскопки кургана раннего средневековья Бирюзовая Катунь-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XVII. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2009. – С. 235–243.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). – Новосибирск: Наука, 1979. – 120с.

Семибратов В.П., Кирюшин К.Ю., Матренин С.С. Бирюзовая Катунь-7 – новый памятник эпохи железного века в Алтайском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XVII. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2009. – С. 323–328.

Н.И. Быков, И.Ю. Слюсаренко

ЛИХЕНОМЕТРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В БАССЕЙНЕ РЕКИ ЮСТЫТ (ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ АЛТАЙ)*

Долина р. Юстыт, расположенная в Юго-Восточном Алтае вдоль границы с Монголией, является одним из наиболее уникальных археологических микрорайонов Алтая. Здесь находится значительное число разнообразных археологических памятников: палеолитические местонахождения, херексуры и оленные камни, многочисленные курганы от эпохи бронзы до древнетюркской эпохи, каменные изваяния, гончарные мастерские, остатки железоделательного производства. Насыщенность археологическими объектами явилась причиной пристального внимания к данной территории специалистов различного профиля, как в прошлом, так и в настоящем. Однако раскопками были охвачены лишь отдельные категории памятников: в основном, пазырыкские и древнетюркские курганы и поминальники [Кубарев В.Д., 1991; Кубарев Г.В., 2005]. Первые попытки составления свода памятников микрорайона ограничились разработкой типологии основных форм наземных конструкций и фиксацией наиболее примечательных объектов [Кубарев, 1980]. Проблема выявления всех визуально фиксируемых археологических конструкций и их отображения на картах с точной координатной привязкой долго оставалась нерешенной.

Цель сплошного картографирования памятников по левому берегу долины р. Юстыт была положена в основу планомерных исследований, которые на протяжении последних пяти лет проводил Дендрохронологический отряд ИАЭТ СО РАН при тесном сотрудничестве с коллегами из Алтайского госуниверситета [Слюсаренко и др., 2007]**. Для удобства съемки археологических памятников были выделены участки их концентрации, которым присвоены названия «Площадка 1», «Площадка 2» и т.д. Для этих участков составлялись инструментальные топографические планы с изображением контуров объектов и рельефа местности. Отдельно фиксировались оди-

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 07-06-00173а).

**Подобную работу на правом берегу долины р. Юстыт осуществила группа исследователей из Гентского университета в рамках программы ЮНЕСКО. См. Gheyle W. Highlands and Steppes. An Analysis of the Changing Archaeological Landscape of the Altai Mountains from the Eneolithic to the Ethnographic Period. Thesis presented for the Degree of Doctor of Archaeology. – Ghent: Ghent University, 2009. – 380 p.

ночные конструкции. Результатом стало выявление свыше 1000 различных археологических объектов только на левом берегу реки. Подобное исследование неизбежно поставило вопрос о хронологической атрибуции объектов, которая без проведения раскопок часто была затруднена.

Одновременно сотрудниками Алтайского госуниверситета выполнялась программа фитоиндикационных исследований памятников долины р. Юстыт. Для решения проблемы датирования объектов среди прочих используемых методов фитоиндикации в ходе исследований применялся метод **лихенометрии**, в основе которого лежит зависимость линейных размеров (диаметров) лишайников от их возраста. Ранее выполненный анализ лихенофлоры в пределах исследуемой территории показал, что наиболее подходящими для целей датирования с использованием линейных размеров являются два вида накипных лишайников – *Dimelaena oreina* и *Rhizocarpon geographicum* s. str. В ходе полевых работ на 197 археологических памятниках были измерены особи близкие к максимальным размерам. Далее для каждой такой особи определялся средний диаметр (полусумма максимума и минимума). Кроме того, по каждому объекту вычислялся средний диаметр по двум видам одновременно. Такой подход позволял сгладить влияние локальных экологических условий и, гипотетически, учесть сукцессионное взаимодействие видов.

Ввиду отсутствия четко датированных поверхностей невозможно было полученные значения использовать для абсолютного датирования археологических памятников, поскольку это могло приводить к значительной ошибке. Вместе с тем, как показали исследования, максимальные диаметры лишайников уменьшаются по мере уменьшения возраста памятника, что создает благоприятные условия для ранжирования археологических памятников по возрасту, то есть их относительного датирования (рис. 1).

Подобное относительное датирование памятников позволяет решить ряд исследовательских вопросов. В первую очередь это касается определения хронологической принадлежности некоторых объектов, особенно тех, для которых внешние конструктивные особенности не проливают свет на их возраст. Например, на основании лихенометрических исследований выявлено, что многорядные геометрические выкладки (объект №77 Площадки №1 и объект №69 Площадки №9) синхронны херексурам. Курганы на платформе (объекты №22 и №24 Площадки №1), соответствующие монгун-тайгинской культуре эпохи поздней бронзы-предскифского времени [Варенов и др., 2004, с. 211] и выкладки, условно названные нами «веслами» (объекты №№19, 20, 46-48 и 132 Площадки №1 и объекты №№ 39, 40, 54, 70 Площадки №9) [Кубарев, 1980, с. 89], сооружены ранее курганов пазырыкской культуры, но позже херексуров. Для ряда курганов, установление культурной принадлежности которых по внешним признакам вызывает затруднение, с помощью лихенометрического датирования определяется место в ранжированном ряду, что дает основания предполагать их возраст. Так, например, курганы №№29 и 31 Площадки №1 могут

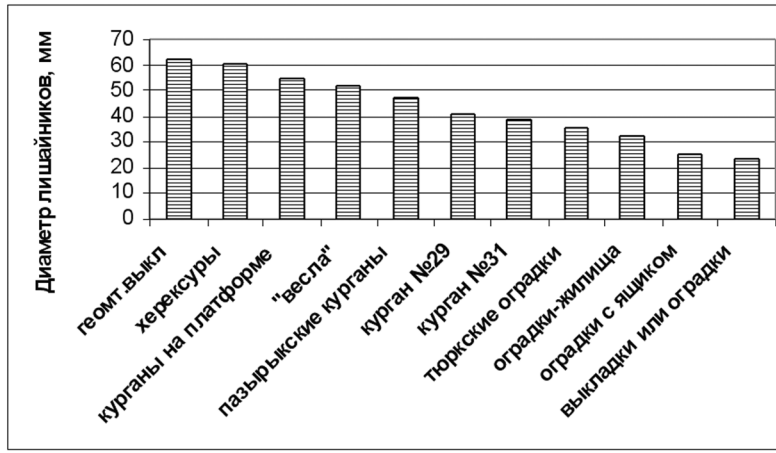

Рис. 1. Относительное лихенометрическое датирование археологических памятников на Площадке № 1 в долине р. Юстыт (Юго-Восточный Алтай).

быть отнесены к гунно-сарматскому или самому началу тюркского времени, а курган №18 Площадки №2, по-видимому, к тюркскому времени.

Другой пример необходимости и полезности относительного датирования археологических объектов – ранжирование по возрасту однокультурных объектов. Такое датирование позволяет разнести по времени могильники или курганы внутри могильника. Так могильные цепочки пазырыкских курганов №2–9 и №34–36 Площадки №3 сооружены практически в одно и то же время, в отличие от цепочки курганов №58–59, принадлежащих этой же культуре, но созданных позже. Схожая картина отмечается и на Площадке №4, где цепочка пазырыкских курганов №№143–155 имеет общий возраст несколько больший, чем цепочка №№22–30. Подобным же образом разнесены по возрасту оградки типа «жилищ» на Площадке №6. Здесь группа объектов №№17–25 и №№46,47,49 близки по возрасту, а объекты №№8–10 сооружены позже. Установление возраста отдельных объектов в комплексе сооружений, например в могильной цепочке, позволяет определить общие принципы возведения объектов в тех или иных культурах. Так, например, выявлено, что пазырыкские цепочки в долине р. Юстыт формировались с юга. В частности это демонстрируют цепочки курганов №№8–10 Площадки №2, цепочки №№2–9, 34–36, 58–59 Площадки №3, а также цепочка №143–155 Площадки №4. Тюркские же оградки №№48–50 на Площадке №3 наоборот сооружены с севера на юг.

Однако установление относительного возраста сталкивается с рядом трудностей. Часто это связано с более поздним нарушением каменного материала объекта (ограбление, разбор насыпи для строительства). В этом случае возможно определение даты последнего нарушения насыпи, что также имеет значение для археологических исследований. Вторая труд-

ность возникает вследствие ошибок при измерении диаметра лишайников. Связано это с тем, что на определенном этапе освоения лишайниками каменного материала, происходит их срастание. В этом случае определение возраста с помощью данной методики невозможно. Поэтому применяется другая, которая учитывает проективное покрытие лишайников разной «конкурентной силы» (Давыдов, Быков, 2009). Однако последняя методика более трудоемкая, требующая больших лихенологических знаний. В настоящее время данная работа выполняется по исследуемой территории. Вместе с тем, следует отметить, что для условий долины Юстыта вполне приемлема и первая методика, в отличие, например, от долины р. Большой Яломан.

Наконец третья трудность лихенометрического датирования связана с неодинаковыми локальными экологическими условиями для лишайников. Например, вызывает сомнение возраст оградок типа «жилищ», в литературе относимых к эпохе поздней бронзы [Савинов, Рева, 1993], а в нашем хроностратиграфическом ряду занявших место после тюркских оградок. Вероятно, занижение возраста в данном случае связано с тем, что каменный материал здесь находится практически на уровне поверхности почвы. Подобная ситуация наблюдается также на поминальных кольцах в комплексах пазырыкских могильников: поминальники часто демонстрируют возраст намного меньше, чем курганы. Например, на Площадке №3 курганы могильной цепочки №№34–36 имеют средний диаметр лишайников 51 мм, а соответствующие им поминальные кольца №37–44 лишь 30 мм, что меньше, чем у некоторых тюркских оградок – №48–50 (39,7 мм).

От решения проблемы указанной выше и установления скорости роста лишайников зависит в целом успешность использования лихенометрии в археологии. В связи с этим в бассейне реки Юстыт и в пределах других модельных участков заложены полигоны, на которых ежегодно фиксируется прирост лишайников. Однако решение последней задачи, вероятно, потребует длительного времени, поскольку ежегодный прирост лишайников на исследуемой территории по предварительным оценкам составляет менее десятой миллиметра в год.

Список литературы

Варенов А.В., Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Разведка пазырыкских курганов в Северо-Западной Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X, ч. I. – С. 211–216.

Давыдов Е.А., Быков Н.И. Лихенометрический анализ памятников Яломанского археологического комплекса // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 59–63.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск (Северная Азия). – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 69–91.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 400 с.

Савинов Д.Г., Рева Л.И. К вопросу о ритуальных памятниках эпохи бронзы Южной Сибири (могильники Барлык II и Узунтал IV) // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. – С. 45–51.

Слюсаренко И.Ю., Крупочкин Е.П., Быков Н.И. Современные подходы к проблеме картографирования археологических памятников (на примере Юстытского археологического микрорайона, Юго-Восточный Алтай) // Погребальные комплексы с мерзлотой в горах Алтая: стратегии и перспективы. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. – С. 110–118.

А.В. Варёнов, И.А. Бауло, П.И. Шульга

КОСТЯНЫЕ И РОГОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ МОГИЛЬНИКА ЦЗЯОХЭ (ЯР-ХОТО) В ТУРФАНСКОЙ ВПАДИНЕ В ВОСТОЧНОМ ТУРКЕСТАНЕ*

Городище Цзяохэ (Яр-Хото) расположено в 10 км к западу от г. Турфана, центра одноименного уезда в Синьцзян-Уйгурском автономной районе КНР. Китайские письменные источники зафиксировали, что городище Цзяохэ было столицей владения *Цзюйши (Гуши)* в эпоху династии Хань. Спорадически археологические работы в районе Цзяохэ (Яр-Хото) велись еще с начала XX века, однако основную массу находок составляли средневековые древности. В первой половине 90-х годов XX века на городище Цзяохэ работала совместная китайско-японская археологическая экспедиция под эгидой ЮНЕСКО. Ход раскопок освещался в китайской археологической периодике [Ду Гэньчэн, 1998; Ян Июн, 1999], а полностью результаты исследований за 1993–1994 гг. увидели свет в 1998 г. [Городище Цзяохэ, 1998]. Сообщения об этих работах публиковались нами на русском языке [Варенов, Шойдина, 1999, 2000; Варенов, Бауло, 2003].

На самом городище исследовались поселенческие и храмовые комплексы эпохи средневековья, но, кроме того, экспедицией был раскопан и издан могильник к северу от городища, принадлежавший, как считается, знати и рядовым жителям *Цзюйши (Гуши)*. Этот могильник изучен не целиком. Исследовано три участка: два вокруг больших курганов М16 и М01, а третий раскоп длиной 48 м и шириной 12 м расположен примерно в 100 м к югу от кургана М01. Всего расчищено 55 погребений. Как крупные курганы, так и большинство рядовых захоронений ограблено, в них мало что сохранилось. Только в некоторых могилах были найдены разрозненные вещи.

Всего обнаружено около сотни изделий из кости и рога. В основном, это украшения: бусины, кольца, трубочки, и другие поделки из резной кости. Представлены детали конской упряжи, костяные ложки, концевые накладки на лук. Китайские археологи разделили все вещи на две категории: украшения и прочее. Сейчас, опираясь на их классификацию, мы дадим по необходимости краткое описание костяных и роговых изделий могильника Цзяохэ (Яр-Хото).

I. Украшения – 47 экз.

1) Резная голова оленя, 1 экз. М28:41. Изделие вырезано из кости (рога?). Рога оленя украшены узорами из кругов, шевронов, дуг, треугольников,

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 08-01-00309а.

а также выпуклыми квадратами. Нос орнаментирован каплевидными узорами и неправильными треугольниками. В нижней челюсти просверлено круглое сквозное отверстие диаметром 0,8 см. Общая длина изделия 11 см. (рис. 1:*13*).

2) Резная пластинка в форме древесного листа, 1 экз. M04:4 (рис. 2:*13*).

3) Украшение в виде кольца (браслета) с изображением тигра, 1 экз. M16(2):15, изделие повреждено, длина сохранившегося фрагмента 2,1 см.

4) Украшение в форме цветка с отверстием, 1 экз. M16k9:1 (рис. 1:*17*).

5) Украшение ромбовидной формы с отверстием, 1 экз. M08:1 (рис. 1:*16*).

6) Украшения приостренной формы с отверстием, 2 экз. M16k9:4 (рис. 1:*15*).

7) Каплевидные пластинки, 3 экз. Все три схожи. M27:12 (рис. 2:*18*).

8) Прямоугольная пластинка, 1 экз. M01md:2. В каждом из узких краев пластинки просверлено по три отверстия диаметром 0,35 см (рис. 2:*7*).

9) Украшения в форме поясных пряжек, 2 экз. Обе пряжки примерно одинаковой формы. M01ma:14 (рис. 2:*17*).

10) Украшения в форме персика (луковицы), 4 экз. Форма у всех примерно одинакова. M28:19 (рис.2:2). M06:7 (рис. 2:*3*).

11) Обоймочки, 3 экз. По форме в основном сходны. M27:9 (рис. 1:*11*). M01:35 (рис. 1:6). M01:32 (рис. 1:*12*).

12) Трубочки, 14 экз. Делятся на четыре типа.

I тип – округлые в сечении трубочки. Делится на два подтипа:

Подтип IA M01:33 (рис. 1:*10*). Подтип IB M28:16 (рис. 1:*9*). M28:33 (рис. 1:*7*).

II тип – V-образные в сечении трубочки, 3 экз. M28:36 (рис. 1:*8*).

III тип – округлые в сечении трубочки со скошенным концом, 2 экз. M28:30 (рис. 1:*1*). M28:20 (рис. 1:*2*).

IV тип, 2 экз. Схожи между собой. Поверхность украшена неправильными антиподальными треугольниками. M28:17 (рис. 1:*4*). M28:9 (рис. 1:*3*).

13) Кольца, 9 экз. Делятся на три типа:

I тип: поверхность ровная, плоская. M23:4 посередине большое отверстие. Диаметр 2,8 см, толщина колеблется от 0,3 до 0,4 см.

II тип: оборотная сторона изделия выпуклая. M28:26 диаметр 1,35 см, максимальная толщина 0,5 см.

III тип: оборотная сторона изделия вогнутая. M28:10 (рис. 2:*9*).

14) Бусины, 6 экз. Делятся на два типа:

I тип: в сечении подпрямоугольные, 4 экз. Посередине у всех большое отверстие, стенки выпуклые. M28:14: стенки бусины сильно изогнуты, украшены одним кругом и одним треугольником (рис. 1:*22*). M27:4: на стенках изделия нанесен узор из двух вогнутых треугольников и одного выпуклого круга между ними (рис.1:*21*).

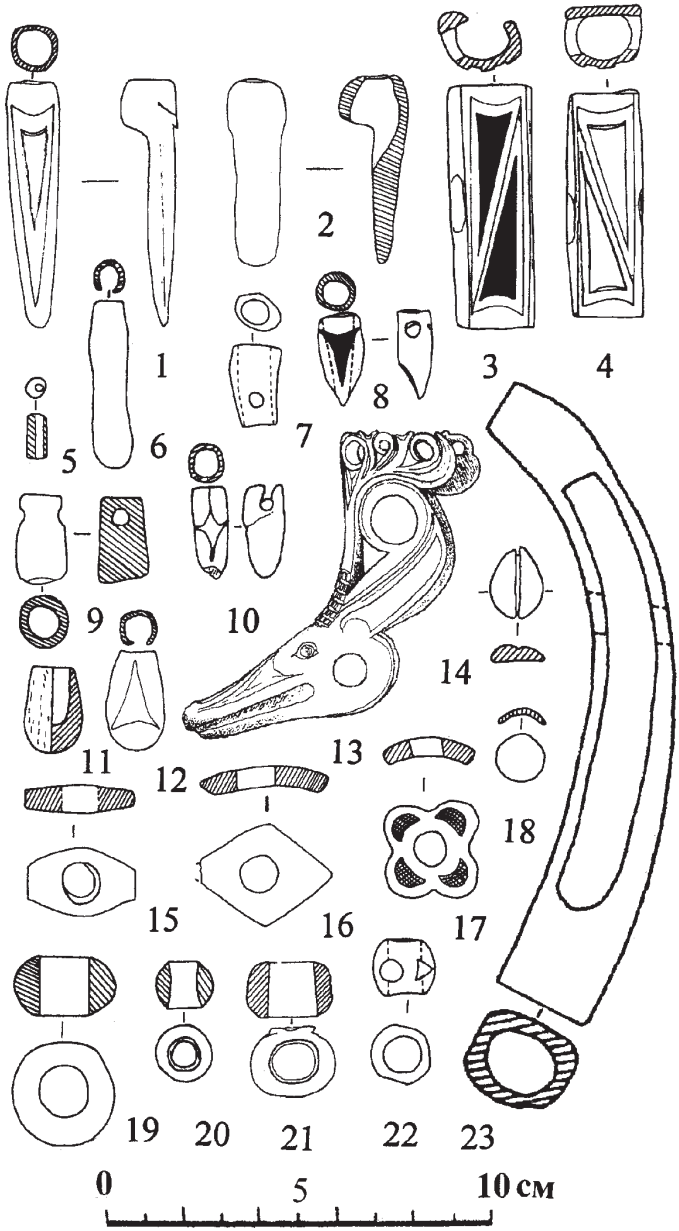

Рис. 1. Костяные и роговые изделия могильника Цзяохэ (Яр-Хото).
1–4, 7–9, 13, 19, 22 – из погребения M28; *5, 18* – из погребения M16(2); *6, 10, 12* – из погребения M01; *11, 20, 21* – из погребения M27; *14* – из погребения M01ml; *15, 17* – из погребения M16k9; *16* – из погребения M08; *23* – из погребения M01md. (Сведение рисунков к одному масштабу и компоновка таблиц выполнены А.В. Вареновым.)

II тип: в сечении овальные, 2 экз. M28:22 (рис. 1:19). M27: Северная яма с лошадью (рис.1:*20*).

II. Прочее: 32 экз. Включает костяные пряжки, застежки, ложки и пр.

15) Поясные пряжки, 11 экз. Делятся на два типа:

I тип: квадратная застежка, круглое кольцо, 2 экз. M28:29 (рис.2:*15*).

II тип: квадратная застежка, кольцо в форме персика, 9 экз. M28:7 (рис. 2:*16*).

16) Застежки, 14 экз. Делятся на два типа: подпрямоугольные и подтреугольные. I тип: застежки подпрямоугольные. Выделяются подтип IA с изогнутой поверхностью и подтип IB с плоской поверхностью.

Подтип IA – изогнутые застежки, 6 экз. M06:2 (рис. 2:*10*). M29:4 (рис.2:*12*).

Подтип IB – ровные застежки, 5 экз. M06:1 (рис. 2:*11*). M27:5 (рис. 2:*5*).

II тип: подтреугольные застежки, 3 экз. Все примерно одинаковы. M29:3 (рис. 2:*20*). M28:8 (рис. 2:*19*). M04:5 (рис.2:*21*).

17) Костяные ложки, 2 экз., обе близки по форме. M01mj:2 повреждена. Ложка отполирована, один конец широкий, другой узкий. С узкого конца она заточена, как клинок. Сохранились следы использования. Длина 13 см, ширина 2,8 см. (рис. 2:*4*).

18) Концевые накладки на лук, 4 экз. По форме все похожи. Один конец обломан, другой, с вырезом для тетивы, сохранился хорошо. M01mj:1 (рис. 2:*8*).

19) Кочедык (шило для развязывания узлов), 1 экз. M01md:3 (рис. 1:*23*).

20) Имитация раковины каури, 1 экз. M01ml:1 (рис.1:*14*).

Резюмируя, надо заметить, что предложенная китайскими археологами классификация находок из Цзяохэ отличается нечеткостью, когда внешне сходные вещи оказываются отнесенными к разным категориям инвентаря. Произошло это, надо полагать, из-за слабого знакомства первых исследователей Цзяохэ с материалами эпохи раннего железного века сопредельных территорий, в первую очередь, Саяно-Алтая и Южной Сибири. Отсюда и неправильное (или нечеткое) определение функционального предназначения многих костяных (роговых) изделий. Китайские археологи считают культуру могильника Цзяохэ местной, турфанской, характерной для знати и рядовых жителей *Цзюйши*. В целом, с таким мнением можно согласиться, но следует заметить, что очень многие костяные (роговые) детали конской сбруи, и особенно седельные принадлежности из Цзяохэ (рис. 2: *1–3, 5–7, 9–12, 14–21*) имеют прямые аналогии на российской территории, в первую очередь, в памятниках пазырыкской культуры: Пазырык III, IV, VI и др. [Руденко, 1953, С. 219, 395, табл. LIX, LXI; Шульга, 2008, С. 265]. Это позволяет датировать большинство погребений Цзяохэ второй половиной IV в. до н.э. [Шульга, Варенов, 2008, С. 285]. Анализ распределения костяных изделий по большим курганам и рядовым могилам может помочь уточ-

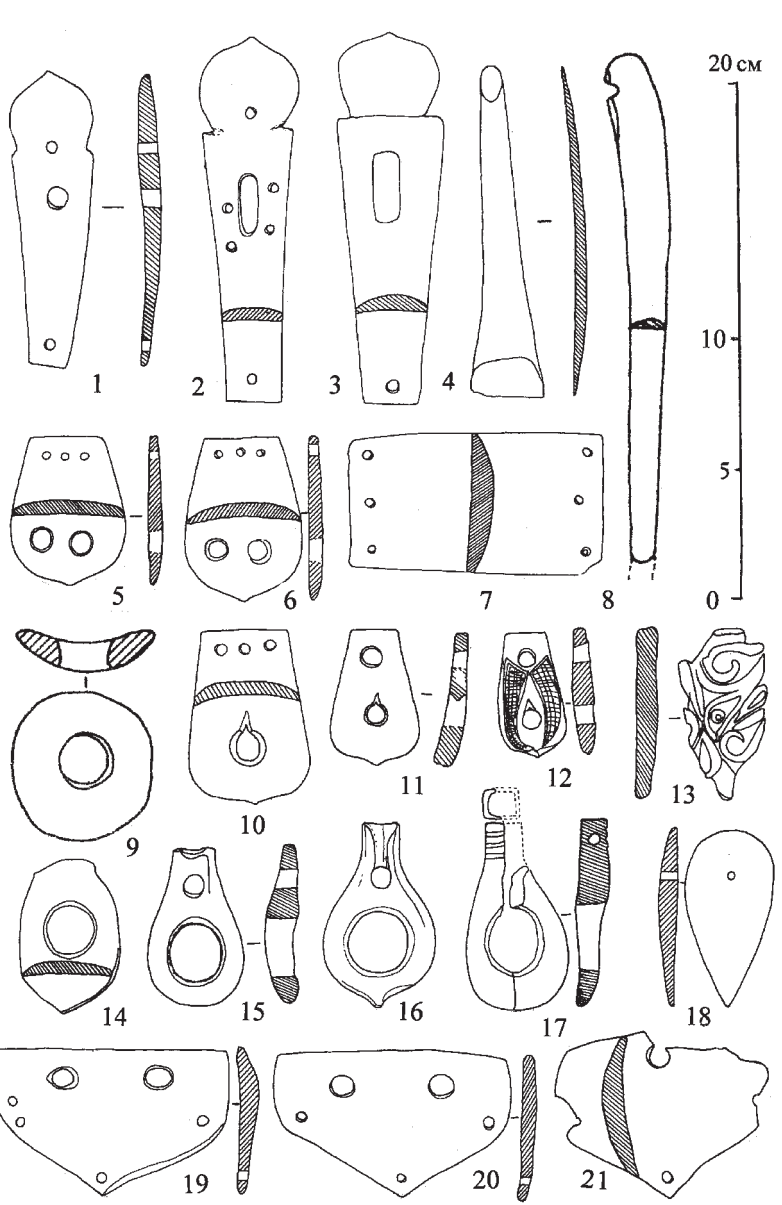

Рис. 2. Костяные и роговые изделия могильника Цзяохэ (Яр-Хото).
1 – из погребения М27 (северная яма с лошадью); *2, 9, 15, 16, 19* – из погребения М28; *3, 10, 11* – из погребения М06; *4, 8* – из погребения М01mj; *5, 6, 18* – из погребения М27; *7, 14* – из погребения М01md; *12, 20* – из погребения М29; *13, 21* – из погребения М04; *17* – из погребения М01ma. (Сведение рисунков к одному масштабу и компоновка таблиц выполнены А.В. Вареновым.)

нить их культурно-хронологическую атрибуцию. В частности, костяная (роговая ?) накладка на лук (рис. 2:*8*) и костяная ложка (рис. 2:*4*) найдены в могиле M01mj вместе с ханьской монетой *у-шу (у-чжу)*, которая отливалась начиная со 118 г. до н.э., что и определяет нижнюю хронологическую границу создания данного погребения гунно-сарматским временем.

Список литературы

Варенов А.В., Шойдина О.С. Археологические памятники городища Цзяохэ (Яр-Хото) в Турфанской впадине (по результатам раскопок 1993–1994 годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – T.V. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – С. 312–316.

Варенов А.В., Шойдина О.С. Могильник к северу от городища Цзяохэ (Яр-Хото) – памятник гуннского времени в Турфанской впадине // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. VI. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 257–262.

Варенов А.В., Бауло И.А. Керамика могильника Цзяохэ (Яр-Хото) в Турфанской впадине в Восточном Туркестане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. IX. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 294–298.

Городище Цзяохэ – отчет об археологических раскопках за 1993–1994 годы. [Цзяохэ гучэн – 1993,1994 няньду каогу фацзюе баогао]. – Пекин: Дунфан, 1998. – 12, 206 с., X, XXXVIII л. илл. (на кит. яз.).

Ду Гэньчэн. Новые археологические открытия на “Шелковом пути” // Гугун боуюань юанькан. – 1998. – № 3. – С. 14–19. (на кит. яз.).

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с., CXX табл.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. – Ч. I. – Барнаул: Азбука, 2008. – 276 с.

Шульга П.И., Варенов А.В. Материалы могильника Цзяохэ и проблема синхронизации памятников скифского времени на Саяно-Алтае и в Китае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XIV. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СОРАН, 2008. – С. 282–286.

Ян Июн. Краткое сообщение о раскопках могильника на первой террасе за оврагом к северу от городища Цзяохэ в Турфане // Вэньу. – 1999. – № 6. – С. 18–25 (на кит. яз.).

А.В. Варёнов, Е.А. Гирченко

КУЛЬТОВЫЕ БРОНЗЫ САНЬСИНДУЯ И ПУТИ ИХ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В июле 1986 года в районе Саньсиндуй уезда Гуанхань провинции Сычуань была обнаружена большая прямоугольная яма, в которой найдено порядка 300 различных артефактов из бронзы, золота, нефрита, камня, слоновой кости, керамики и кости животных. Во второй, вскрытой рядом яме, оказалось около 600 изделий [Саньсиндуй, 1999, С. 23]. Кости животных и многие бронзовых предметы были перед погребением предварительно обожжены, что привело китайских исследователей к выводу о связи ям с церемонией жертвоприношения. Обе ямы обнаружены в пределах укрепленного городища, занимавшего площадь до 10 км^2. Находки, сделанные в Саньсиндуй, позволили выделить особую культуру эпохи бронзы, получившую свое название по этому памятнику. Датируется культура Саньсиндуй по аналогиям второй половиной II тыс. до н.э. После своего открытия она вызвала исключительный интерес исследователей из разных стран мира [Yan Ge, Katheryn Linduff, 1990, p. 505–513].

Причиной тому, в первую очередь, бронзовые изделия Саньсиндуя, которые очень необычны и разнообразны. Они включают бронзовые антропоморфные головы и маски разных размеров, в том числе очень крупные, большое (высотой свыше 260 см) изваяние стоящего на пьедестале человека, статуэтки коленопреклоненных людей, бронзовые «священные» деревья, колонну с изваянием взобравшегося на нее дракона и т.д. [Варенов, Гирченко, 2008, С. 151–156]. Почти сразу же последовали многочисленные попытки семантической интерпретации саньсиндуйских бронз. Бронзовые маски, как правило, связывали с проявлениями шаманизма, а стоящую на пьедестале человеческую фигуру считали изображением первопредка [Комиссаров, 1989, С. 122], хотя особых оснований для подобных выводов не было, ввиду почти полного отсутствия свидетельств современных письменных источников о районе Сычуани [Познер, 1981, С. 208–209].

По нашему мнению, реконструкции мировоззрения древних на археологическом материале можно признать удачными, если рассматривается не какой-то взятый отдельно элемент декора или фигура, а достаточно сложная (лучше многофигурная) композиция. В идеальном случае ей соответствует законченный мифологический текст. Однако общая интерпретация (без конкретных деталей) возможна и при отсутствии релевантного текста,

исходя из структуры самого изделия и мифологических аналогий из других культур. Продемонстрируем оба подхода на конкретных примерах.

Большинство исследователей считают, что в Саньсиндуе существовал развитый солярный культ, подтверждением чего служат так называемые бронзовые «священные деревья» (или «деревья духов»). Самым известным китайским солярным мифом является история о десяти солнцах и Стрелке И. Вот как излагает начало этого мифа Юань Кэ: «Десять солнц были детьми Сихэ – жены восточного небесного божества Ди-цзюня. … В бурлящем море росло громадное дерево *фусан* в несколько тысяч чжанов высотой и толщиной в тысячу чжанов. На этом дереве и жили десять сыновей-солнц. Девять солнц находились на верхних ветвях и одно – на нижних» [Юань Кэ, 1989, С. 139]. С этим мифом хорошо соотносится изображение солнечного дерева с птицами-солнцами на ветвях, воспроизводимое на многочисленных рельефах из ханьских погребений и на похоронном стяге из Мавандуя.

Бронзовых солярных «деревьев духов» в Саньсиндуй найдено два. Первое дерево общей высотой 396 см, высота его ствола 359 см, а диаметр круглого основания – 92,4–93,5 см (рис. 1:1). На этом основании покоится трехногая опора, видимо, изображающая гору, на вершине которой закреплен вертикальный ствол дерева. На стволе в три яруса располагаются девять ветвей, одна из веток на каждом ярусе с развилкой. На каждой из девяти ветвей сидит птица с хищным загнутым клювом, а вдоль одной из сторон ствола к корням дерева спускается рогатый дракон. Вершина этого дерева обломана. Второе дерево полностью не сохранилось, но, в целом его можно считать идентичным первому (рис. 1:2). Различаются изображения птиц и основания-горы, на которых стоят деревья. У второго дерева с трех сторон горы-основания располагаются коленопреклоненные антропоморфные фигурки, возможно, с какими-то предметами в руках. В целом, соответствие записанному мифу поразительное, хотя особенности оформления саньсиндуйских «деревьев духов» заслуживают самого тщательного анализа, а их отличия от описанных в мифе – отдельного подробного обсуждения, здесь неуместного, ввиду ограниченности объема данной статьи.

Также любопытно упоминание в солярном мифе о петухах, которые своим кукареканьем прогоняли злых духов ночи. «По преданию, на верхушке *фусана* весь год сидел нефритовый петух. Когда ночь начинала рассеиваться и наступал рассвет, нефритовый петух расправлял крылья и громко кукарекал. За нефритовым петухом начинал кричать золотой петух на большом персиковом дереве на горе Таодушань – Горе персиковой столицы. Злые духи и привидения, услышав крик, поспешно возвращались на Таодушань» [Юань Кэ, 1989, С. 139–140]. В Саньсиндуй мы находим единичное скульптурное изображение петуха, но в бронзе, а не в нефрите или в золоте, хотя масса других изделий из данных материалов в жертвенных ямах и присутствует. Заманчиво было бы при реконструкции «священных деревьев» Саньсиндуя разместить этого бронзового «золотого/нефритово-

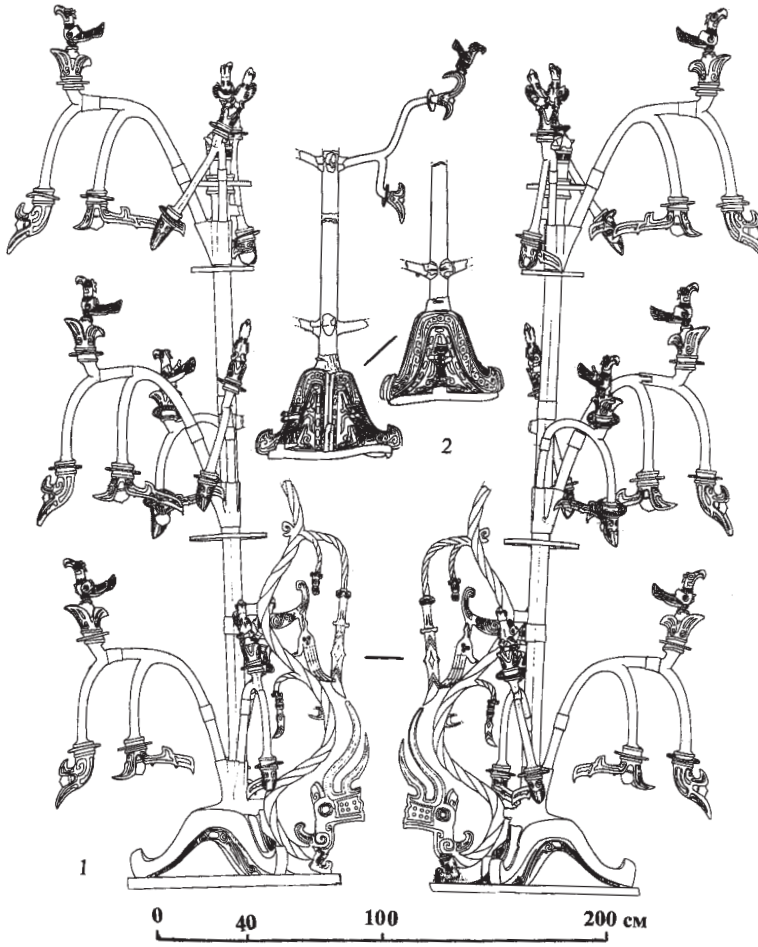

Рис. 1. Бронзовые «священные деревья» из Саньсиндуя.
1 – первое «священное дерево»; *2* – второе «священное дерево».

го петуха» на верхушке одного из них. Однако следует иметь в виду, что фигурка петуха в 1,5–2 раза меньше всех остальных орнитоморфных изображений Саньсиндуя, связанных с бронзовыми деревьями, и могла ли она действительно на них монтироваться – предмет конкретного исследования на реальных изделиях.

Особого внимания заслуживает т.н. «священный алтарь» (или «алтарь духов») из Саньсиндуя. На основе его анализа можно попытаться реконструировать саньсиндуйскую систему мироздания и при отсутствии мифологического текста. В высоту «алтарь» достигает 53 см и состоит как

минимум из четырех уровней (рис. 2). Самая нижняя часть представлена зооморфным существом, затем следует уровень из четырех стоящих крупных антропоморфных фигур, далее – уровень, состоящий из четырех гор, а самая верхняя часть представляет собой шкатулку, так называемый «небесный чертог». Крышка «шкатулки» отсутствует (обломана), так что, вполне вероятно, «алтарь» имел первоначально и пятый уровень.

Самая нижняя часть, на которой стоит вся конструкция – это округлая подножка. Основание состоит из полого внутри существа, с большой головой, широко открытым плоским ртом, прямыми ушами, длинным хвостом и крыльями. На них и опирается круглое основание следующего яруса с четырьмя стоящими фигурами. Фигуры одеты в двубортные халаты с короткими рукавами, перевязанные двойным поясом. Спина и подол их одежды украшены «вихревыми» узорами, на ногах фигур – орнамент в виде глаз, руки вытянуты на уровне груди, и держат какие-то извивающиеся предметы. Головы четырех стоящих фигур увенчаны шапками V-образной формы, из середины которых поднимаются плоские антропоморфные личины в причудливых головных уборах, но эти детали сильно повреждены. Основа следующего уровня, покоящаяся на головных уборах стоящих фигур, округлая, а сам он представлен фигурами в виде четырех гор. Горы украшены орнаментом, похожим на перевернутые зооморфные личины. На вершины «гор» опирается верхняя часть «алтаря», изготовленная в виде квадратной шкатулки, возможно, изображение «небесного чертога». Вдоль каждой из его четырех стен расположены в ряд пять коленопреклоненных антропоморфных фигур, а на крыше – птицы и/или орнитоморфные существа.

Резюмируя, можно предположить, что «священный алтарь» является моделью системы мироздания с трех/пяти- частным делением по вертикали и четырехчастным по горизонтали, где нижний мир представлен в двух слоях хтоническим зооморфным существом-проглотом, возможно, олицетворяющим первобытный хаос и попирающими его четырьмя духами-хранителями, скорее всего, соотносимыми с четырьмя сторонами света (аналог локапал в индуизме). Средний мир, мир людей – уровень покоящихся на головах «хранителей» четырех гор, наверняка «мировых». Верхний мир в рассматриваемой модели, так же, как и нижний, двухслоен: опирающийся на вершины гор «небесный чертог» с коленопреклоненными антропоморфными фигурами, возможно, изображающими «духов предков» живых саньсиндуйцев (аналог скандинавской Вальхаллы) и витающие над «чертогом» орнитоморфные небесные духи или божества.

О почитании духов предков нам очень много говорят синхронные Саньсиндую шанские надписи на гадательных костях из Аньяна. В научной литературе уже высказывалось мнение, что бронзовые маски и головы из Саньсиндуя этих самых духов предков как раз и изображали, являясь частью интерьера древних храмов, а именно бронзовыми деталями деревянных или глиняных антропоморфных скульптур [Лабецкая, 2006, С. 263–264]. Известно, что храмы, как правило, создаются как более или

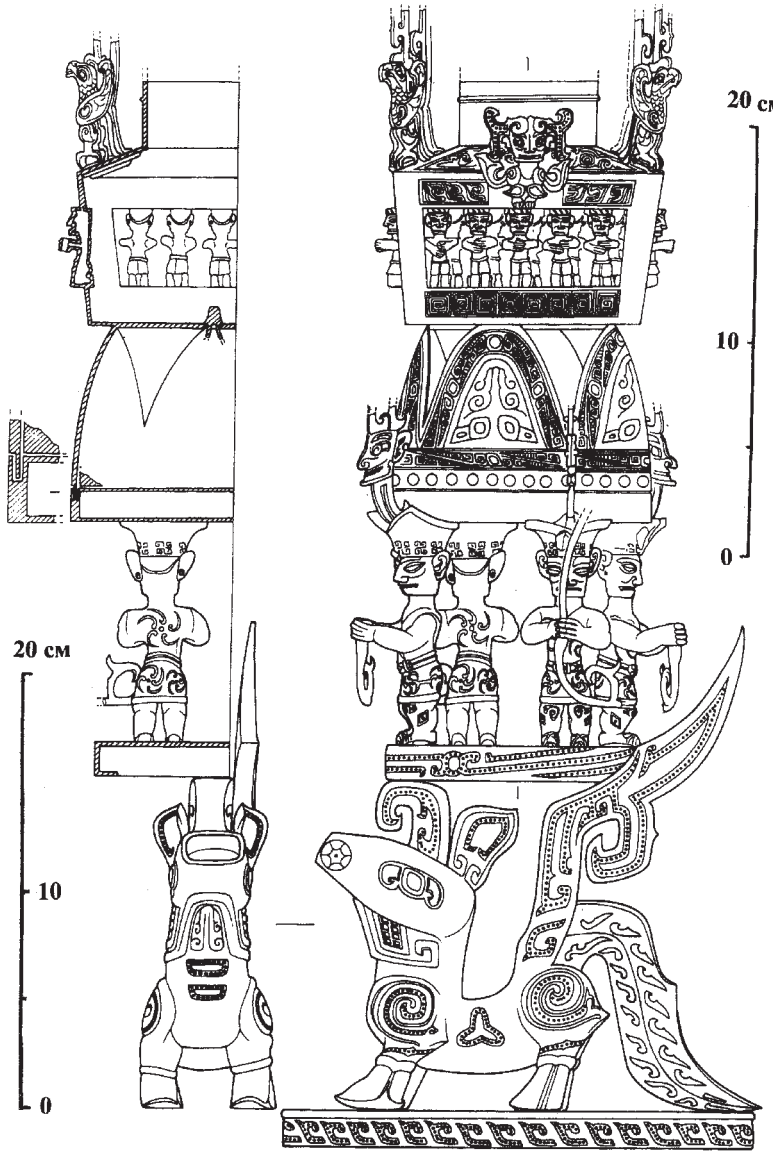

Рис. 2. Бронзовый «священный алтарь» из Саньсиндуя.

менее точное земное отражение (модель) небесного мира, как его себе представляют их создатели. Значит, справедлива будет и обратная зависимость. Соответственно, бронзовый «небесный чертог» позволяет нам реконструировать возможный внешний вид саньсиндуйских храмов: квадратные (или прямоугольные) строения под четырехскатной кровлей,

с крупными антропоморфными скульптурами, расположенными рядами вдоль стен, лицевой частью наружу.

Список литературы

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Саньсиндуй – новая культура эпохи бронзы из Южного Китая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XIV. – Новосибирск, Изд-во ИАЭ СО РАН, 2008. – С.151–156.

Комиссаров С.А. Бронзовые шаманы из провинции Сычуань // Природа. – 1989. – № 3. – С. 122.

Лабецкая Е.П. Комплекс верований и культов носителей культуры Саньсиндуй // Сибирь на перекрестке мировых религий: Мат-лы III межрегион. науч.-практ. конф. – Новосибирск: НГУ, 2006. – С. 263–265.

Познер П.В. Царства Ба и Шу по материалам «Шуцзина», хроники «Чуньцю» и «Шицзи» Сыма Цяня // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. – М.: Наука, 1981. – С. 208–223.

Саньсиндуй цзисы кэн. [Жертвенные ямы Саньсиндуя]. – Пекин: Вэньу, 1999. – 628 с. (на кит. яз.).

Юань Кэ. Мифы древнего Китая. / Пер. с кит. Е.И. Лубо-Лесниченко, Е.В. Пузицкого и В.Ф. Сорокина. – М.: Наука, 1987. – 527 с.

Yan Ge, Linduff K.M. Sanxingdui: a new Bronze Age site in southwest China // Antiquity. – Vol. 64. – No 244. – September, 1990. – P. 505–513.

Д.П. Волков

СТРОИТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ НАЙФЕЛЬДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ОЗЕРЕ БЕЛОБЕРЕЗОВОМ В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Археологические исследования памятника найфельдской группы мохэ на берегу оз. Белоберезового в Константиновском районе Амурской области, расположенного в 8 км к северу от р. Амур, произведенные в 2008 году, позволили детально исследовать особенности домостроительства найфельдского населения на территории Западного Приамурья. Поселение состоит из 44 жилищных западин [Волков, Зайцев, 2008].

Жилище I, ориентированное углами по странам света, имело подквадратную в плане форму (4×4,2 м). Оно ориентированно длинной осью в направлении юго-восток – северо-запад *(рис. 1)*. Котлован копался с уровня коричневого суглинка, прорезал его и углублялся ниже в желтый песок. Общая глубина котлована относительно древней дневной поверхности до-

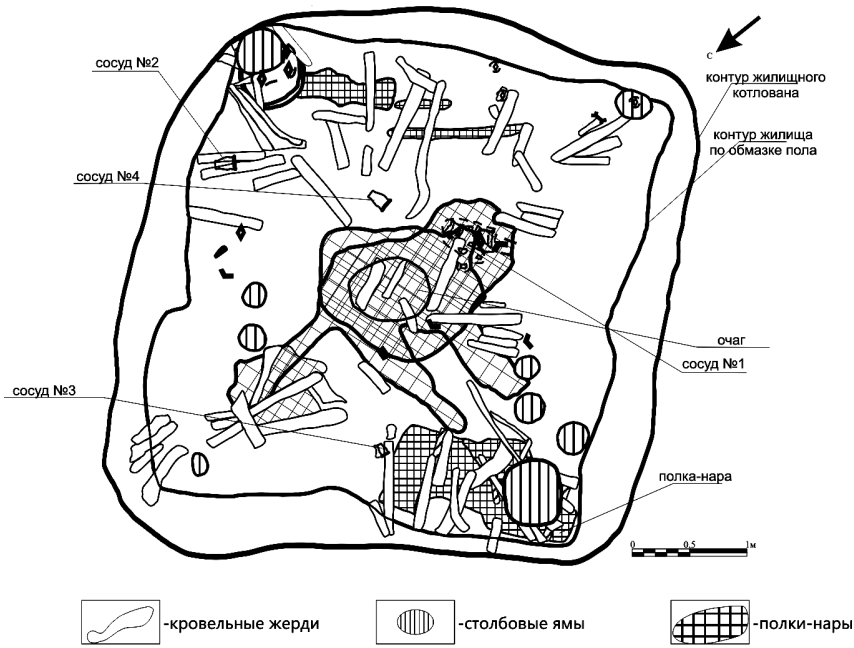

Рис. 1. План жилища I.

стигала 100–110 см. В процессе строительства жилища края квадратного котлована осыпались, что привело к его округлению в верхней части, в том числе и углов. Нижняя граница жилища имеет относительно ровные очертания, четко отбиваемые обмазкой пола. Далее над котлованом сооружалась деревянная каркасная конструкция, основу которой составляли четыре стропила (жерди). Их нижние концы упирались за пределами углов котлована на уровне современной для строителей почвы. Верхние концы выводились под углом к середине жилища, образуя ребра пирамиды. Следы внутренней верхней рамы-обвязки не обнаружены, что позволяет говорить об ее отсутствии или об ее полном уничтожении при пожаре. Можно предположить, что верхние концы угловых стропил могли соединяться в пучок. Образованные стропилами четыре наклонные плоскости кровли были перекрыты уложенными по направлению от края котлована к верхней части жилища деревянными плахами, досками или тонкими жердями. Возможно, в процессе эксплуатации жилища углы кровли в рыхлом грунте начинали проседать, что привело к установке подпорных столбов в данных местах. Их нижний край заглублялся в пол на глубину от 15 до 25 см. Столбы в восточном и западном углах были установлены в ямы диаметром до 50 см на глубину 20–25 см. Столбовые ямы в южном и северном углах имеют меньший диаметр и глубину 10–12 см. Все обнаруженные угловые столбовые ямы имели наклон к внешней стороне котлована. Это говорит о том, что столбы в них устанавливались под углом к поверхности пола, подпирая стропила непосредственно у края котлована. Не исключено, что строители жилища, зная сыпучий характер грунта, в котором копался котлован, могли изначально устанавливать под стропила подпорные угловые столбы. Тогда данный элемент можно считать изначальной деталью каркасно-столбовой конструкции, что является особенностью домостроительства на данном поселении.

Вход в жилище представлял собой, по всей видимости, проем в кровле жилища, расположенный на северо-восточном скате, о чем свидетельствует наличие своеобразной ступени из грунта у данной стенки котлована.

Очаг в жилище располагался в его центральной части и представлял собой округлое углубление в полу постройки, что является обычным для дальневосточных жилищ (в том числе и найфельдской группы мохэ), наряду с использованием очага, укрепленного деревянными плашками, камнем и берестяной подстилкой [Кривуля, 1996]. Оставленные на полу жилища ямки у очага, расположенные попарно параллельно друг другу, возможно, являются следами 4 столбов, на которые опиралась рама из жердей (приспособление для хранения или сушки вещей).

В интерьере жилища у северо-западной и юго-восточной стены котлована сохранились остатки полок-нар. Они представляют собой уложенные на небольшие бревнышки-лаги широкие доски. Судя по толщине лаг, высота нар относительно уровня пола была незначительна. При этом, полки-

нары в обоих случаях, скорее всего, были частично разрушены при установке подпорных столбов в восточном и западном углах.

Пол жилища был обмазан слоем плотной темно-коричневой глины. Обмазка пола прослежена повсеместно по всей площади жилища, за исключением участков расположения столбовых ям и очага. Толщина слоя обмазки колеблется от 2 до 6 см в зависимости от уровня поверхности слоя песка, в котором было выкопано жилище.

Концентрация археологического материала, представленного, в основном, фрагментами сосудов и их археологически целыми формами (4 сосуда), связана с пространством вокруг очага и с полками-нарами.

Таким образом, жилище I было каркасным без рамы-основы, но с дополнительными подпорными столбами под стропила в углах котлована, имело форму пирамиды. Выход из жилища был в северо-восточном скате кровли, который оборудовался дополнительной земляной ступенью внутри котлована.

Жилище II имеет аналогичную с жилищем I ориентацию и структуру постройки. Размеры его составляют 4,3×3,6 м , длинной осью юго-восток – северо-запад *(рис. 2)*.

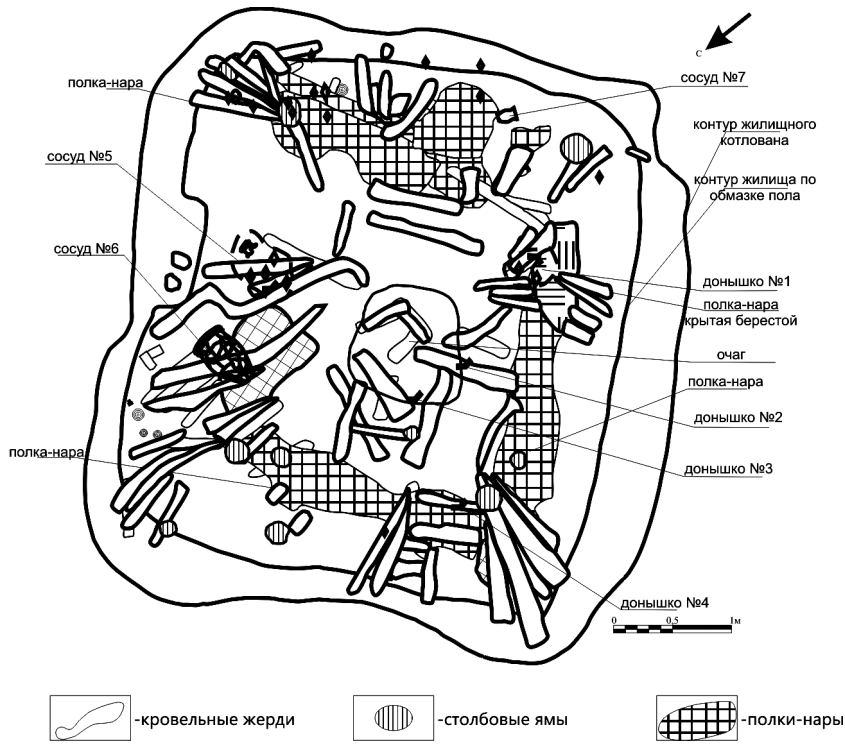

Рис. 2. План жилища II.

Общая глубина котлована относительно древней дневной поверхности колеблется за счет неровности пола, имеющего общее понижение к центру и северному углу постройки. Она составляет 86–110 см.

Некоторым отличием конструкции и эксплуатации жилища II от жилища I является установка подпорных столбов и обустройство полками-нарами. Основные подпорные столбы жилища II устанавливались на расстоянии от 40 до 100 см от углов под стропила, о чем свидетельствует их незначительное заглубление и наклонный след от столбовых ям. Остальные столбовые ямки на полу, возможно, также связаны с текущим ремонтом кровли и стен жилища.

Выход из жилища II располагался так же, как и в жилище I, в северо-восточном скате, о чем свидетельствует наличие своеобразной ступени из грунта у стенки котлована. Она представляла собой прямоугольный уступ размером 80 на 32 см и высотой 22 см относительно пола жилища.

Внутреннее обустройство жилища сводилось к установке полок-нар у трех стенок котлована (за исключением стороны, на которой располагался выход из жилища). Полки-нары сооружались на расстоянии 30–50 см от стен котлована, образуя, таким образом, некоторое пустое пространство, используемое, по всей видимости, для складирования вещей, продуктов, посуды. Следует отметить наличие у одной из полок-нар своеобразной спинки, изготовленной путем установки одной из широких досок на ребро и подпорку со стороны стенки жилища вертикальными распорками – столбиками.

Зафиксированный на одной из полок-нар фрагмент берестяного листа позволяет предположить, что ее использовали в качестве подстилки на доски.

Основной археологический материал в жилище представлен фрагментами сосудов и их археологически целыми формами. Два из них располагались у входа в жилище и представляли собой сосуды найфельдского типа, с характерной для них орнаментацией. Один из сосудов располагался за нарами в южной части постройки.

Таким образом, жилище II, так же как и жилище I, представляет собой каркасную постройку без рамы-основы, в форме пирамиды, с входом в северо-восточном скате кровли, который оборудовался дополнительной земляной ступенью внутри котлована.

Жилища имели идентичную ориентацию, располагаясь в одну условную «улицу», параллельную кромке воды оз. Белоберезового.

Полученный археологический материал свидетельствует о принадлежности раскопанных жилищ памятника к одному периоду. Обнаруженные фрагменты сосудов, развалы и целые формы относятся к найфельдской группе [Дьякова, 1984, с.56-57], хотя на некоторых сосудах присутствует смешение орнаментальных традиций гончарства троицкой группы мохэ, которые можно наблюдать на посуде из Новопетровского могильника, расположенного в устье р. Дунайки, вытекающей из оз. Белоберезового [Деревянко, 1975, с. 204].

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного датирования.

Раскопанный объект/№ образца	Индекс лаборатории	Радиоуглеродная дата, л.н.	Калиброванная дата, ±1δ, гг.н.э.	Калиброванная дата, ±2δ, гг.н.э.
Жилище I, кровля, гл. -69, кв. 13	СОАН-7603	1400±30	621–630	601–680
Жилище I, кровля, гл. -65, кв. 32 -42	СОАН-7605	1465±50	544–547	529–663
Жилище II, кровля, гл. -79 -67, кв. 101	СОАН-7604	1600±50	476–532	587–597
Жилище II, дно, -79-67, кв.101	СОАН-7606	1440±30	602–648	560–659

В ходе работ с двух раскопанных построек были взяты 8 образцов угля для проведения радиоуглеродного анализа, по четырем из них (2 – из жилища I и 2 – из жилища II) в Лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии и минералогии СО РАН были получены даты. Они укладываются в хронологический диапазон 1400–1600 лет назад (см. табл. 1).

Для сужения хронологического диапазона существования жилищ I и II, для каждого из них была проведена процедура синхронизации калиброванных дат (±1δ и ±2δ). В результате, жилище I датируется VII в. н.э. (601–663 гг.) (при ±2δ, или вероятности 95,4%). Хронологические рамки существования жилища II определяются концом VI в. н.э. (587–597 гг.).

В результате проведенного исследования двух жилищ памятника на берегу оз. Белоберезового были определены основные конструктивные особенности домостроительлства найфельдской группы мохэской культуры. Несмотря на разную сохранность конструкций жилищ, погибших во время пожара, можно сделать заключение об их идентичности и единообразии приемов, применяемых в ходе строительства и эксплуатации построек.

Список литературы

Волков Д.П., Зайцев Н.Н. Предварительные итоги археологического изучения жилищ найфельдской группы мохэ на озере Белоберезовом в Амурской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С.157–159.

Деревянко Е.И. Мохэские памятники на Среднем Амуре. – Новосибирск: Наука, 1975. – 250 с.

Дьякова О.В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник IV–X вв. – М.: Наука, 1984. – 206 с.

Кривуля Ю.В. Раннесредневековые жилища Приморья // Освоение Северной Пацифики. – Владивосток, 1996. – С. 155–174.

Ю.Н. Гаркуша, А.Е. Гришин

НОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ

В рамках подготовки будущего ложа Богучанской ГЭС (Кежемский район Красноярского края) отрядом ИАЭТ СО РАН под руководством А.Н. Зенина в мае-июне 2008 года были проведены разведочные работы по всей зоне затопления [Зенин, 2009]. В том числе, было произведено обследование территории многослойного памятника «Шивера Проспихино». Местонахождение обнаружено в 1969 г. участниками Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета. В 2006 г. на памятнике были проведены раскопки и разведки Красноярского университета под руководством П.В. Мандрыки, был зафиксирован ряд местонахождений на территории памятника под названием Селище Кода 7. А.В. Постнов, участник разведочных работ 2008 г., считает данное местонахождение частью ансамбля археологических памятников «Шивера Проспихино», т.к. для выделения отдельных памятников в рамках большой площади ансамбля пока недостаточно ясны их границы [Зенин, 2009]. Поэтому он предлагает пока сохранить за объектом первоначальное (с 1969 г.) название. Авторы данной статьи поддерживают эту точку зрения. Среди всего прочего, в 2006 г. П.В. Мандрыкой было полностью исследовано одно жилище VIII–XI вв. н.э. и обнаружены следы культурного горизонта раннего железного века [Мандрыка, 2007].

Памятник расположен на правом берегу р. Ангары, на высокой террасе, в 4 км от устья р. Коды вверх по течению р. Ангары. В ходе разведки 2008 года на памятнике было заложено 16 шурфов.

Погребение обнаружено в шурфе №12 (рис. 1 – *1*). Шурф размерами 1 × 1 м, ориентированный по сторонам света, был заложен в 16 м от склона террасы. В шурфе было зафиксировано пятно, в котором концентрировались мелкие костные остатки и фрагменты сосуда. После прирезки могильное пятно в плане приобрело овальную, вытянутую по линии восток-запад форму. Длина могилы – не менее 0,7 м, ширина – 0,52 м, глубина относительно уровня сооружения – 0,2–0,21 м. Стенки ямы пологие, дно ровное. Следов горения в могиле не зафиксировано. По центру ямы обнаружено округлое скопление кальцинированных, сильно фрагментированных костей человека не младше Juvenis (определение произведено к.и.н., с.н.с. ИАЭТ СО РАН Д.В. Поздняковым). Кости имеют следы термического воздействия разной интенсивности , по характеру разрушения и цвету кос-

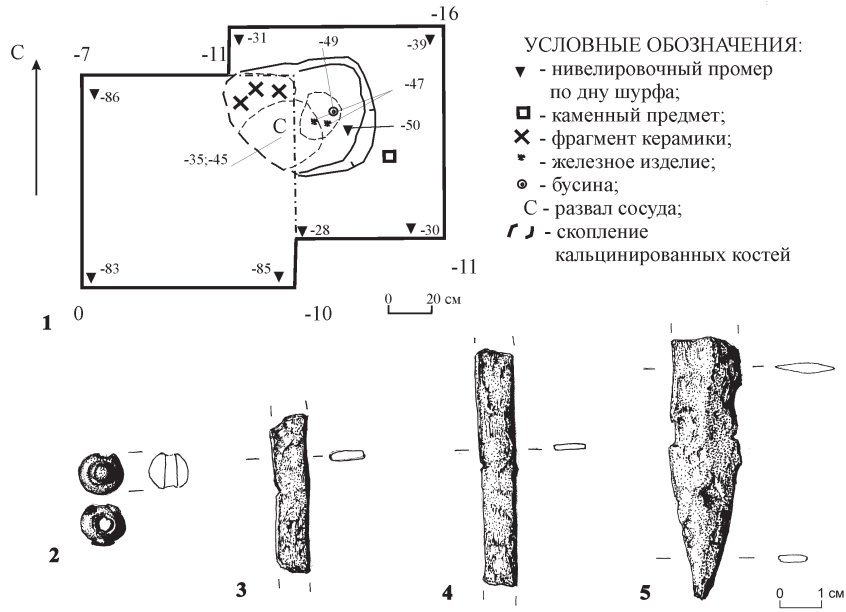

Рис. 1. Шивера Проспихино. Шурф 12.
План (*1*) и находки из погребения (*2-5*): *2* – стекло (?); *3-5* – железо.

тей температура воздействия определена в 800-1000 ºС (Д.В. Поздняков). Мощность скопления – до 0,1 м.

В юго-западном углу могилы обнаружен развал одной трети керамического сосуда (рис. 2). В верхней части скопления костей найдены фрагменты коррозированных железных изделий (пряжки, обоймы ? – рис. 1 – *3, 4*) и «глазчатая» бусина (рис. 1 – *2*). В нижней части скопления костей обнаружен фрагмент железного орудия (наконечник стрелы ? – рис. 1 – *5*). Следов термического воздействия на предметах не зафиксировано.

Традиция ингумирования кремированных на стороне останков в небольших округлых и неглубоких ямах без наземных сооружений эпизодически прослеживалась в материалах цэпаньской культуры: Сергушкин-1 (пункт А), погр. 4; Слопцы, погр. 1 [Привалихин, 1993а, с. 12–14]; Окуневка [Леонтьев, 1999, с. 14–15]. Комплексы датированы **V-II вв. до н.э. по** бронзовым наконечникам стрел, бабочковидным ажурным бляшкам, и некоторым другим предметам (каменные наконечники стрел, костяные насады к ним и др.) [Привалихин, 1987, с. 92–94]. Причем для данного периода зафиксированы и случаи частичной кремации трупов в могиле.

Наибольшее же распространение практика ингумирования кремированных останков получила в регионе в период средневековья (**VI–XII вв. н.э.).** Известно более 15 погребений на памятниках Северного Приангарья: Усть-Кова, Чадобец, Отика, Сергушкин-3, Карапчанка, Усть-Кода [Василь-

евский, Бурилов, 1971, с. 255, 258, 259; Леонтьев, Дроздов, 1996 с. 42, 43; Леонтьев, 1999; Леонтьев, Дроздов, Макулов, 2005]. Причем помещение в яму необожженных останков встречались на порядок реже – 3 комплекса [Заика, Рейс, 2005, с. 187; Леонтьев, Дроздов, 1996, с. 40, 41]. Вместе с кремированными костями помещали железные предметы в разном сочетании: тесла, ножи с кольцевидным или крюковидным навершием, наконечники стрел, фрагменты цепочек, пластины, удила, проколки с волютовидным навершием, иглы, наконечники стрел, пряжки, трубки и пр. Кроме этого, в могилах находились бронзовые нашивные бляшки и бусины, китайская медная монета и др. Очень часто предметы несут на себе следы огня [Привалихин, 1993б, с. 101]. Керамический сосуд в качестве сопроводительного инвентаря встречен лишь однажды и с необожженными останками. Фрагменты же частей сосудов в заполнении могилы обнаруживались и в могилах с кремированными останками (2 случая на Усть-Кове). Таким образом, при морфологическом сходстве комплексов с кремированными останками двух разных хронологических периодов разница в сопровождающем инвентаре очевидна.

Охарактеризуем обнаруженные нами предметы. «Глазчатая» бусина в подобных погребениях встречена впервые (рис. 1–*2*). По классификации стеклянных украшений, предложенной В.П. Диопик для региона Юго-Восточной Европы VI–IX вв. н.э., изделие можно отнести к варианту *б* [1961, с. 222]. Правда, с устойчивыми подтипами этого варианта, связать предмет не представляется возможным. Атипичные же представители варианта *б* бытовали в рамках всего изученного исследовательницей периода.

Можно предположить, что обломок железного предмета является фрагментом причерешковой части наконечника стрелы (рис. 1–*5*). Близкие по форме целые изделия были обнаружены в других средневековых погребениях региона [Привалихин, 1993б, с. 102, рис. 14].

Сосуд имеет баночную форму, и вероятнее всего, круглое дно (рис. 2). Диаметр по венчику – около 23 см, высота – не менее 20 см. Он изготовлен ручной лепкой. Внутренняя и внешняя поверхность тщательно заглажены. Визуально фиксируется добавление дресвы. Черепок тонкий (0,3 см). Формовалось изделие от устья ко дну ленточным способом (ширина лент около 3 см). На финальном этапе конструирования, при изготовлении устья добавлялась практически не расформованная лента, край которой отгибался во внешнюю сторону. Из-за слабой расформовки край сосуда имеет небольшое утолщение. Орнаментирована верхняя четверть сосуда. Орнамент – отпечатки косопоставленного гребенчатого мелкозубого штампа. Композиция – лента из двух горизонтальных параллельных рядов оттисков от края сосуда, и лента из почти вертикальных рядов оттисков, расположенная ниже. Внутренняя, отогнутая часть венчика также покрыта одним рядом косопоставленных гребенчатых отпечатков. Композиция и способ нанесения орнамента, морфология изделия находят аналогии в материале памятников «каменско-малокоренинского-цэпаньского круга» [Леонтьев,

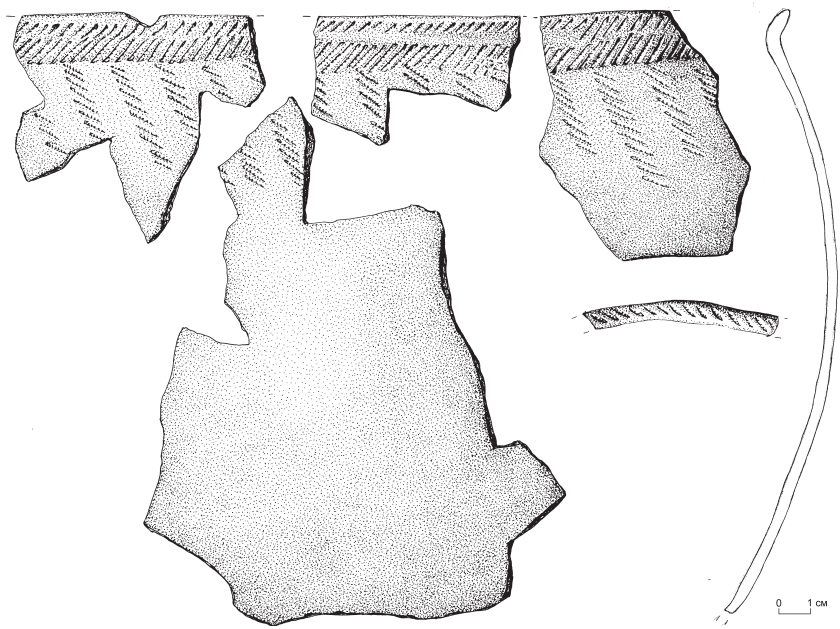

Рис. 2. Шивера Проспихино. Керамический сосуд из погребения.

1999; Мандрыка, Фокин, 2005, с. 138, рис. 2 – *4, 21*; с. 139; Привалихин, 1993а]. Главным и принципиальным отличием описанного изделия является отсутствие являющегося своеобразным маркером указанного круга культур налепного валика по венчику [Мандрыка, Фокин, 2005, с. 139]. Отметим, что в результате разведки 2007 года В.П. Мандрыкой на данном местонахождении при сборе подъемного материала обнаружен фрагмент очень схожий с описанным сосудом [Мандрыка, 2007, рис. 148 *1*].

Материал характеризуемого комплекса пока однозначно не указывает на время совершения захоронения. «Глазчатая» бусина не является узкодатирующим предметом. Сосуд по морфологии и орнаментации, на наш взгляд, ближе к керамическим изделиям раннего железного века региона. Отсутствие следов огня на предметах также характерно для комплексов этого времени. Но, вместе с тем, наконечник стрелы, если мы правильно определили функциональное назначение и морфологию предмета по фрагменту, имеет аналогии в средневековых комплексах региона. Наличие керамики в могиле также указывает на эту эпоху. Поскольку в мировой науке появилась возможность датировать кремированные останки по 14С [Olsen et al., 2008], в дальнейшем может появиться еще один аргумент для определения хронологического положения комплекса. Т.к. между периодами бытования традиций игумирования кремированных останков существует разрыв в 800 лет, не исключено, что обнаруженный комплекс демонстри-

рует особый в культурном и хронологическом смысле вариант погребальной практике.

В 2009 г. В.П. Мандрыкой было продолжено исследование ансамбля Шивера Проспихино, в т.ч. площади примыкающей к шурфу. Это позволит окончательно прояснить датировку представленного комплекса.

Список литературы

Васильевский Р.С., Бурилов В.В. Археологические исследования в 1968 году в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. – Вып. 2. – Новосибирск: Изд-во ИИФиФ СО АН СССР, 1971. – С. 240–275

Заика А.Л., Рейс Т.М. Скальное погребение на Шалаболинской писанице (предварительное сообщение) // Социогенез в Северной Азии – Иркутск: ИрГТУ, 2005. – Ч. 1. – С. 186–187.

Зенин А.Н. Отчет об археологических разведках на территории Кежемского района Красноярского края (в зоне затопления Богучанской ГЭС). – Новосибирск, 2009.

Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. Средневековый могильник многослойного поселения Усть-Кова на Ангаре // Гуманитарные науки в Сибири. – 1996. – №3. – С. 39–46.

Мандрыка В.П. Отчет о результатах археологических разведок в Большемуртинском, Казачинском и Кежемском районах Красноярского края в 2006 году. – Красноярск, 2007.

Мандрыка П.В., Фокин С.М. Комплекс раннего железного века на поселении Стрелковское-2 на Ангаре и его место в древней истории Приенисейской тайги // Социогенез Северной Азии. – Иркутск: Изд-во ИГТУ, 2005. – Ч. I. – С. 136–139.

Леонтьев В.П. Железный век Северного Приангарья: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1999. – 24 с.

Леонтьев В.П., Дроздов Н.И., Макулов В.И. Новые данные по средневековой истории Северного Приангарья // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 2005. – Вып. 23. – С. 30–31.

Привалихин В.И. Комплекс материалов скифского времени стоянки Сергушкин-3 // Проблемы археологии культур степей Евразии. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1987. – С. 90 – 95.

Привалихин В.И. Ранний железный век Северного Приангарья: (Цэпаньская культура): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Кемерово, 1993а. – 24 с.

Привалихин В.И. О погребальной обрядности таёжного населения Северного Приангарья в начале II тыс. н.э. // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1993б. – С. 101–103.

Olsen J., Heinemeier J, Bennike P., Krause C., Hornstrup K.M., Thrane H. Characterisation and blind testing of radiocarbon dating of cremated bone // Archaeological Science. – 2008. – № 35. – P. 791–800.

А.Е. Гришин, Ю.Н. Гаркуша, Ж.В. Марченко

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ РАБОТ В 2009 ГОДУ НА ПАМЯТНИКАХ В УСТЬЕ РЕКИ ВЕРХНЯЯ КЕЖМА (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ)

Пашинским отрядом ИАЭТ СО РАН в 2009 году исследовались два памятника, расположенных в устье р. Верхняя Кежма (Пашинка), левого притока р. Ангары: на многослойной Стоянке Пашина (правый берег р. Верхняя Кежма) и на местонахождении Деревня Пашино (левый берег р. Верхняя Кежма). Работы проводились в рамках подготовки будущего ложа Богучанской ГЭС в Кежемском районе Красноярского края).

Начало работ на Стоянке Пашина относится к 1970-м гг. [Васильевский и др., 1988, с. 9-18, 102-113, 212-216; Леонтьев, Дроздов, 1997, с. 200, 221; Леонтьев, Дроздов, Привалихин, 2005, с. 50; Леонтьев, Дроздов, Макулов, 2005, с. 30]. Авторы настоящего сообщения ведут археологические спасательные работы на памятнике второй год (итоги полевого сезона 2008 г. уже подготовлены к публикации).

В 2009 г. на стоянке сплошным раскопом была изучена площадь 925 м^2, всего за два года отрядом была исследована площадь 1025 м^2. В ходе разбора напластований было обнаружено 9686 находок. В том числе: каменные бифасиальные орудия, ретушированные отщепы и пластины, микропластины, скребки, ножи, наконечники, топоры, шиповидное орудие, железный нож с волютовидным навершием, роговые и каменные тесла, обломки литейной формы и фрагменты технической посуды. Материал относится к широкому хронологическому диапазону от эпохи неолита до средневековья. Памятник, особенно верхние слои, сильно разрушен за последние десятилетия в ходе хозяйственных работ. Спецификой стоянки является совместное залегание разновременных находок на одном уровне и, в едином, как нам представляется, слое, не имеющем следов нарушения. Данная ситуация ярко иллюстрирует особенность стратиграфии большинства стоянок Приангарья [Бурилов, 1975, с. 86]. Это подтверждают и другие исследователи [Васильевский и др., 1996, с. 36], в том числе и для данного памятника [Васильевский и др., 1988, с. 104].

Отметим несколько интересных объектов. В одном из ранних слоев памятника обнаружено скопление костей особи *Bison priscus Bojanus 1827* (анализ выполнен канд. биолог. наук С.К. Васильевым). Размеры тела животного соответствуют характеристикам самых крупных представителей Bison priscus позднего плейстоцена Южной Сибири. Следы разделки туши

на костях не обнаружены. Тем не менее, среди костей найдены каменные предметы: пластина, микропластина и три отщепа.

Изучены *три непотревоженных погребения* (№4-6). На дне неглубокой могильной ямы №4 находился скелет взрослого человека. Судя по положению костей, умерший был уложен вытянуто на спину, головой на восток-северо-восток. На грудной клетке найдены два костяных и один каменный наконечники стрел. На черепе располагались бочковидные бронзовые бусины, являющиеся остатком украшения прически или головного убора (рис. 1 – *1*). Нам известно о четырех подобных бусинах, обнаруженных на стоянке Сергушкин-3 и отнесённых автором раскопок к раннему железному веку [Привалихин, 1993, с. 16]. В погребальных комплексах Енисейского Приангарья такие бусы также встречаются в единичных экземплярах [Мандрыка, 2008. с. 120]. Погребение №5, по всей видимости, являлось ингумацией в небольшую яму скелетированных останков взрослого индивидуума: черепа и фрагментов двух длинных костей руки и ноги. Сверху на останки были положены два камня средних размеров. Вещей с погребенным не обнаружено. Могила №6 также оказалась безинвентарной, поза взрослого погребенного и характеристики ямы в целом аналогичны погребению №4. По всей видимости, нами обнаружено продолжение некрополя раннего железного века, выявленного ранее [Дроздов и др., 2005].

Среди многочисленных свидетельств железоделательного производства (участков переотложенного прокаленного грунта, фрагментов крицы,

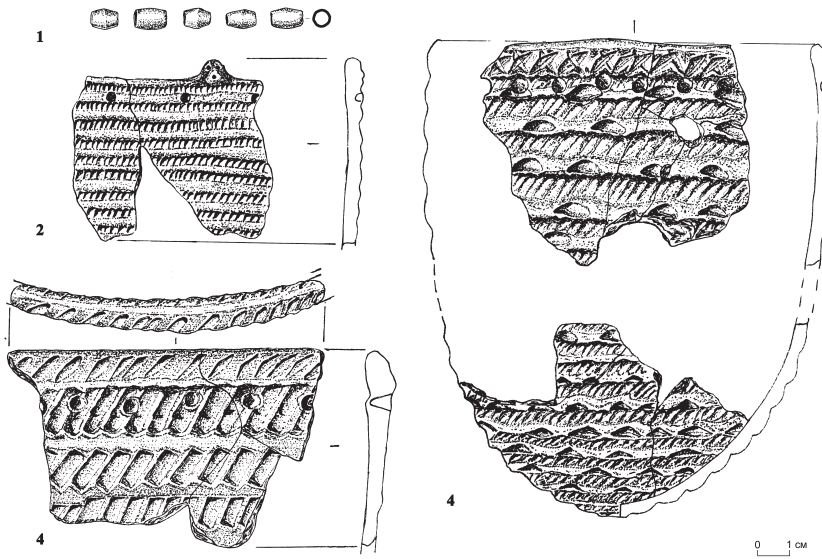

Рис. 1. Бронзовые бусины из погребения 4 Стоянки Пашина (*1*); фрагменты керамики из конструкции, раскоп 1, Деревня Пашино (*2–4*).

шлака, глиняной обмазки печей, обломков технологической посуды) на стоянке обнаружена не разобранная в древности *металлургическая печь*. Она представляла собой круглую в плане яму диаметром 0,4 м. Глубина сохранившейся части – 0,5 м. Стенки были покрыты глиняной обмазкой. Часть обмазки в верхней части имела небольшой отрицательный наклон. Возможно, это основание разрушившейся надземной глиняной трубы. На дне ямы зафиксирован канал для слива металла. Заполнение печи выглядело следующим образом (снизу - вверх). На самом дне – кусок выплавленного железа (1,5 кг). На одном с ним уровне и чуть выше – насыщенно черная супесь с углистыми включениями и каплями кричного железа, а также несгоревшие крупные фрагменты древесины (топливо). Выше – куски шлака и шлака с губчатым железом (металл-крица).

Исследованный объект являлся простейшим металлургическим горном для получения жидкого и кричного железа. По классификации А.В. Гладилина он принадлежит ко второму виду металлургических печей Северного Приангарья, которые по аналогии с сооружениями Минусинской котловины и верховий Ангары датируются V–IV вв. до н.э. [Гладилин, 1985, с. 10]. Ранее на памятнике была изучена печь – «домница» I тыс. н. э. [Леонтьев, Дроздов, 2005]. По своим конструктивным особенностям (наземная, с выкладкой из каменных плит) она отличается от исследованного нами сооружения.

Местонахождение Деревня Пашино было известно только по подъемному материалу. Поэтому работы 2009 года явились началом полномасштабного стационарного исследования объекта. Главной задачей являлось определение границ памятника и степени сохранности культурных слоёв. Была проведена шурфовка участков памятника и заложен небольшой раскоп (4х4 м). Общая площадь шурфов и раскопа составила 129 м^2. Всего на памятнике обнаружено 3389 находок. В раскопе выявлена часть *котлована конструкции эпохи неолита – раннего металла*.

Раскоп расположен на уплощенном участке пойменной террасы. Археологические материалы выявлены при разборе пяти верхних горизонтов, но находятся в переотложенном состоянии в силу антропогенных и естественных причин. При зачистке по уровню 6-го горизонта, на глубине 1,1–1,2 м от современной поверхности была зафиксирована часть древнего слабоуглубленного котлована. Котлован имел чёткие границы, маркированные углистыми прослойками с мелкими фрагментами сгоревшего дерева и единичными расположенными под наклоном или на ребре мелкими плитками сланца. Основное заполнение котлована – желтовато-серая песчаная супесь с многочисленными точечными углистыми остатками, включающая сажистые прослойки. Данный слой содержит артефакты расположенные in situ. Вдоль западной стенки раскопа, узкой полосой располагался слой коричневато-желто-серой, однородной песчаной супеси, в которой также присутствовали расположенные in situ артефакты, но в гораздо меньшей концентрации. Вероятно, слой маркирует периферию культурного слоя в

котловане. В придонной части стенки пологие, выше, вероятно были вертикальными, дно ровное, плоское. При зачистке дна были выявлены три ямы хозяйственного назначения.

На дне сооружения располагались скопления отщепов и чешуек, каменные орудия (скребки, отщепы с ретушью, наконечники стрел, тёсла) и развалы двух сосудов. Керамика баночной формы с приостренным дном характеризуется сплошной орнаментацией внешней поверхности (рис. 1 – *2–3*). Орнамент - горизонтальные ряды отпечатков лопатки, ногтя, гладкого штампа, опоясывающие поверхность сосуда. Для зоны венчика характерен ряд ямочных вдавлений. Ближайшие аналогии присутствуют в ранее исследованных, неолитических материалах Стоянки Пашина [Васильевский и др. 1988, с. 111–113]. В керамическом комплексе сооружения есть фрагмент венчика с «зооморфным» налепом (рис. 1 – *2*). Аналогичная керамика встречается в эпоху неолита и бронзы в лесной полосе Зауралья и Западной Сибири [напр.: Кирюшин, Малолетко, 1979, с. 69, рис. 31, *11, 14*; Кирюшин, 2004, рис. 155–158; Мошинская, 1976, с. 28, рис. 28, *1*].

К сожалению, по исследованной части котлована нельзя достоверно говорить о многих характеристиках и особенностях сооружения. Насколько нам известно, это пока единственная конструкция эпохи неолита – раннего металла, достоверно зафиксированная в Северном Приангарье.

Список литературы

Бурилов В.В. К археологии Средней Ангары (по материалам раскопок в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС) // Археология Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 81–86.

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 225 с.

Васильевский Р.С., Березин Д.Ю., Привалихин В.И. Стоянка и могильник Капонир // Гуманитарные науки в Сибири. – 1996. – №3. – С. 32–39.

Гладилин А.В. Памятники железного века Северного Приангарья: Автореф. дисс. … канд. ист. Наук. – Новосибирск, 1985. – 16 с.

Дроздов Н.И., Леонтьев В.П., Привалихин В.И. К вопросу о хронологической принадлежности погребений стоянки Пашина в Северном Приангарье // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2005. – Вып. 4. – С. 50–57.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. – Барнаул: АГУ, 2004. – 295 с.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. – Томск: ТГУ, 1979. – 183 с.

Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. Памятники железного века Северного Приангарья и их культурно-хронологическая периодизация // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – С. 219–221.

Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. К вопросу о развитии металлургии железа у племен Северного Приангарья по материалам стоянки Пашина // Проблемы архео-

логии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI., ч. I. – С. 390–393.

Леонтьев В.П., Дроздов Н.И., Макулов В.И. Новые данные по средневековой истории Северного Приангарья // Археология Южной Сибири. – 2005. – Вып. 23. – С. 30–31.

Привалихин В.И. Ранний железный век Северного Приангарья: (Цэпаньская культура): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Кемерово, 1993. – 24 с.

Мандрыка П.В. Могильник Усть-Шилка II как индикатор культурно-исторической ситуации раннего железного века Енисейского Приангарья // Вестник НГУ – Серия: История, филология. – 2008. – Том. 7. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 117–131.

Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. – М., 1976. – С. 16–32.

А.В. Зубова

К ВОПРОСУ О МУМИФИКАЦИИ У РАННЕСКИФСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТУВЫ

Первые сведения о мумификации тел умерших, практикуемой населением скифского круга Евразии, содержатся в трудах античных авторов. Геродот, описывая погребальные обычаи скифов, писал: «Когда у скифов умирает царь, то там вырывают большую четырехугольную яму …тело поднимают на телегу, покрывают воском; потом разрезают желудок покойного; затем очищают его и наполняют толченым кипером, благовониями и семенами селерея и аниса. Потом желудок снова зашивают» [Геродот, IV, 71]. Это, как видно из текста, описание обряда погребения, проводимого по отношению к населению высших социальных слоев. Археологических свидетельств мумификации погребенных у населения Евразии на настоящий момент обнаружено уже немало [см. напр. Руденко, 1953; 1960; Вадецкая, 1999; Феномен алтайских мумий, 2000]. Однако, возможность их обнаружения очень сильно зависит от природно-климатических условий, в которых совершалось погребение. В силу этого, получение репрезентативных данных о частоте распространения этого обычая среди скифо-сибирского населения затруднительно, и каждый обнаруженный случай нуждается в тщательном описании и введении в научный оборот.

Особенно это касается «рядовых» погребений. До сих пор сведения об относительно «массовой» мумификации населения имеются только для таштыкской культуры [Вадецкая, 1999, с.154-161]. Среди пазырыкского населения Горного Алтая следы преднамеренной мумификации тел умерших зафиксированы преимущественно в «царских» погребениях [Руденко, 1953], и только на плоскогорье Укок были обнаружены мумифицированные тела представительницы «знати» и рядового воина [Феномен…, 2000, с. 120].

Сведения античных авторов относительно погребального обряда рядового скифского населения ограничиваются кратким сообщением Геродота о том, что «когда же умирают все прочие скифы, то ближайшие родственники кладут тело на повозку и возят по всей округе к друзьям. Все друзья принимают покойника и устраивают сопровождающим угощения, причем подносят и покойнику отведать тех же яств, что и остальным» [Геродот, IV, 73]. Из этого отрывка нельзя установить, проводились ли по отношению ко «всем прочим скифам» какие-либо действия, направленные на сохранение их тел.

Целью данной работы является описание и введение в научный оборот случая мумификации, зафиксированного в курганном могильнике Догээ-баары (Тува). Этот памятник находится у подножия горы Догээ, на берегу р. Бий-Хем [Чугунов, 2007, с.123]. Здесь было изучено 27 курганов эпохи ранних кочевников (уюкско-саглынская культура). Антропологические коллекции из этих курганов были переданы в сектор антропологии Института археологии и этнографии СО РАН.

Кроме обычного краниологического и остеологического материала здесь присутствовали останки погребенных с частично сохранившимися мягкими тканями. Их изучение позволило сделать некоторые выводы о технике мумификации практикуемой уюкско-саглынским населением Тувы.

Наиболее явно следы мумификации представлены на останках мужчины 25–30 лет из кургана №6 (погребенный №1, ему же принадлежал череп № 3). Его останки сохранились значительно лучше, чем тела других индивидов из этого могильника. Частично мумифицированными оказались мягкие ткани левой части спины, начиная от второго поясничного позвонка и до крестца; живота; левой ягодицы и правой ноги (бедра и голени). На черепе мягкие ткани полностью отсутствуют, он не трепанирован, следовательно, мозг, вероятнее всего, не извлекался.

Изучение патологического статуса погребенного показало отсутствие на сохранившихся частях тела явных изменений, которые могли бы прояснить причину смерти данного индивида. Следов травм также не обнаружено. В зубной системе присутствуют только обычные патологические маркеры, отмечаемые практически в любой группе древнего населения. К их числу относятся начальная стадия пародонтоза, вызванная вероятно отложениями (хотя и слабыми) зубного камня, небольшие сколы эмали на первом и втором правых верхних молярах; и очень слабо выраженная гипоплазия эмали на нижних клыках, связанная, вероятно, с физиологическим стрессом, при переходе на «взрослую» диету.

При изучении сохранившихся фрагментов кожи спины, правой ноги и ягодицы не было обнаружено никаких следов разрезов или швов. Все следы посмертных манипуляций обнаружены в брюшной полости. Об их наличии свидетельствует разрез, длиной минимум 10 см (полную длину установить не удалось из-за плохой сохранности останков), выявленный на тканях живота. Он располагался на уровне 8–9 ребра с левой стороны, и, скорее всего, был предназначен для удаления внутренних органов. После проведения этой процедуры разрез был зашит, по направлению сверху вниз. Длина стежков составляла 0,3–0,5 см. Следы заживления отсутствуют.

На внутренней поверхности ребер отсутствуют следы дополнительных манипуляций с брюшной полостью. Также нет явных следов преднамеренного удаления грудины и хрящевых частей ребер. Искусственных наполнителей в брюшной и тазовой полости не обнаружено.

Сопоставление полученных данных с уже описанными в литературе случаями мумификации продемонстрировало их сходство с обрядовыми действиями, зафиксированными в могильнике Верх-Кальджин-2 [раскопки В.И. Молодина, Феномен…, 2000, с.121, рис. 146] и во Втором Башадарском Кургане [Руденко, 1960, с.330]. В обоих случаях манипуляции ограничивались удалением внутренних органов брюшной полости, без затрагивания черепа и применения искусственных наполнителей.

Список литературы

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1999. – 440 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.-Л., 1960.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М., 1953.

Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева и др. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000.

Чугунов К.В. Могильник Догээ-Баары 2 как памятник начала уюкско-саглынской культуры Тувы [по материалам раскопок 1990–1998 гг.] // Сб. науч. тр. в честь 60-летия А.В. Виноградова. – СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007.

К.Ю. Кирюшин, В.В. Горбунов,
А.А. Тишкин, В.П. Семибратов

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКОГО КУРГАНА НА ТЕРРИТОРИИ «БИРЮЗОВОЙ КАТУНИ»

На территории нынешней особой экономической зоны туристско-рекреационного типа (ОЭЗ ТРТ) «Бирюзовая Катунь» (Алтайский район Алтайского края) в 2002 г. только один памятник археологии («Большая Тавдинская пещера») был поставлен на государственную охрану (постановление АКЗС №169 от 28.12.1994 г.). Поэтому главной задачей в последующее время стало выявление объектов культурно-исторического наследия, которые могли быть уничтожены в ходе хозяйственного освоения отведенной площади. В результате выявлен целый ряд древних и средневековых комплексов. В 2004 г. под руководством П.И. Шульги у Тавдинских пещер осуществлялись раскопки кургана тюркского времени. После исследований каменное надмогильное сооружение этого объекта было восстановлено до первоначального вида. Начиная с 2005 г. на основании договора с руководством туркомплекса «Бирюзовая Катунь» проводятся работы по созданию археологического парка «Перекресток миров». Древние памятники и результаты их изучения внедряются в сферу туризма.

В апреле 2009 г. у подножья Большой Тавдинской пещеры, недалеко от упомянутого выше кургана на территории парка, был выявлен аналогичный комплекс, получивший очередное обозначение «Бирюзовая Катунь-9». Летом в ходе его расчистки зафиксирована каменная насыпь подовальной формы размерами 4,6х4 м, ориентированная длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Она состояла из рваных камней, выложенных в два слоя (высотой в центре до 0,5 м). По периметру кургана прослежено кольцо из более массивных камней. Высота крепиды оказалась около 0,35 м. На уровне материка выявлено могильное пятно подпрямоугольной формы, размерами 2,15×1,47 м, ориентированное длинными сторонами по линии ЮВ–СЗ. На дне могилы, в северо-восточной половине ямы, расчищен скелет мужчины 50–55 лет (определения С.С. Тур). Умерший был уложен на правый бок, головой на юго-восток; руки вытянуты, ноги согнуты в коленях. Вдоль лобной кости черепа зафиксирована пара роговых накладок на верхний конец лука. Пара срединных боковых накладок на рукоять лежала параллельно костям правой руки (ниже локтя). Рядом находился позвоночник овцы. Расстояние от концевых до срединных накладок лука составляло 0,42 м. Ниже челюсти погребенного, уходя под скелет, располагались пять железных наконечников стрел с роговыми свистунками и фрагментами древков,

а также стрелковый пояс, состоявший из железной пряжки и трех распределителей. Вокруг поясничных позвонков зафиксирован основной пояс с частично уцелевшей кожаной основой, бронзовой пряжкой и восьмью бляхами-накладками. Местами сохранились остатки одежды. На левом крыле таза лежал железный нож.

В юго-западной части могильной ямы, на одном уровне с человеком, находилась лошадь. Животное располагалось на животе, с подогнутыми ногами, грудью на северо-запад, шея и голова были повернуты на юго-запад. С правого бока коня лежало железное стремя, несколько ниже него зафиксирована роговая подпружная пряжка, а вдоль костей правой задней ноги обнаружены три цурки. Во рту лошади находились железные удила с роговыми псалиями.

Раскопанный объект по основным признакам погребального обряда соответствует канонам тюркской культуры: полусферическая каменная насыпь, одиночная ингумация в сопровождении целой туши коня, положение умершего человека головой в восточный сектор, нахождение лошади слева от хозяина на животе с подогнутыми ногами головой в противоположную сторону (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 137–139). Нестандартно выглядит размещение умершего мужчины на боку.

Сопроводительный инвентарь из исследованного кургана представлен такими вещевыми комплексами, как вооружение, костюм, орудия труда и снаряжение верхового коня.

Из предметов вооружения обнаружено оружие дальнего боя, которое представлено сложносоставным луком и стрелами. От лука сохранился комплект роговых накладок: пара концевых боковых с вырезами под тетиву и пара срединных боковых (рис. 1.-1–4). Видимо лук был положен в могилу не целым, так как отсутствовала необходимая пара накладок на нижний рог. Концевые накладки короткие – длиной 13,2–13,6 см. Они характерны для поздней модификации тюркских луков, появившейся в период II Восточно-тюркского каганата, т.е. во 2-й половине VII – 1-й половине VIII вв. [Горбунов, 2006, с. 15]. Стрелы представлены железными черешковыми наконечниками. Они имеют трехлопастное перо шестиугольной и треугольной формы. Все экземпляры были снабжены роговыми свистунками, а два из них имели округлые прорези в лопастях (рис. 1.-5–13). Наиболее точные аналогии наконечникам происходят из тюркских памятников 2-й половины VI – 1-й половины VIII вв. [Горбунов, 2006, рис. 26.-19, 21; 27.-12, 13, 24, 25].

К элементам костюма относится гарнитура от двух поясов: основного и стрелкового. В основной (наборный) пояс входили следующие бронзовые вещи: составная пряжка (овальная рамка, подвижный язычок и длинный щиток), две четырехугольные и шесть сегментовидных прорезных бляхнакладок. Аналогичные изделия появились в тюркской поясной гарнитуре с середины VII в. [Овчинникова, 1990, с. 25–34, рис. 6–7]. С помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Аль-

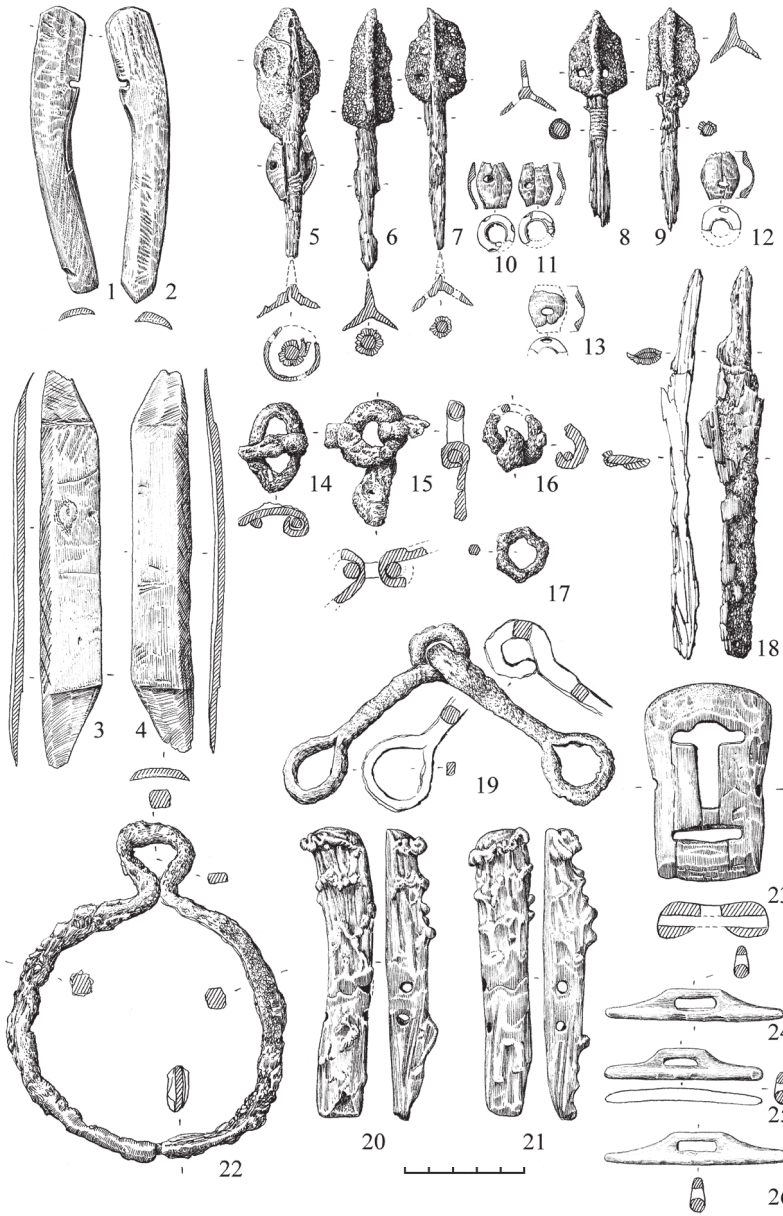

Рис. 1. Бирюзовая Катунь-9. Инвентарь из кургана.
1–4, 10–13, 20–21, 23–26 – рог; *5* – железо, дерево, рог; *6–9, 18* – железо, дерево; *14–17, 19, 22* – железо.

фа-2000, производство США) на кафедре археологии, этнографии и музеологии Алтайского госуниверситета были получены результаты спектрального анализа бронзовых деталей основного пояса. Прибором снималось несколько показаний в разных местах изучаемых находок. Для выявления поэлементного состава использовалась специальная аналитическая программа. По пряжке получены следующие показатели, характеризующие медно-свинцово-оловянные и медно-оловянно-свинцовые сплавы: **рамка** – Cu (медь) – 64,52%; Pb (свинец) – 27,87%; Sn (олово) – 5,51%; Fe – 1,58%; Co (кобальт) – 0,37%; Ni (никель) – 0,15%; **язычок** – Cu – 65,17%; Pb – 26,03%; Sn (олово) – 5,47%; Fe – 2,12%; Ag (серебро) – 0,78%; Co (кобальт) – 0,26%; Ni (никель) – 0,17%; **щиток** (анализ сделан дважды) – 1) Cu – 90,52%; Sn – 4,98%; Pb – 2,91%; Ag – 0,98%; Fe – 0,55%; Ni – 0,06% и 2) Cu – 76,53%; Sn – 13,52%; Pb – 5,84%; Ag – 2,74%; Fe – 1,26%; Ni – 0,11%. Повышенное содержание железа во всех этих результатах, по всей видимости, связано с тем, что рамка, язычок и щиток были скреплены продетым штырьком, который сильно окислился. Приведем еще данные рентгенофлюоресцентного анализа одной прямоугольной бляхи-накладки, которая имела фиксирующую пластину. Указанным прибором было получено несколько результатов. Обобщенные сведения выглядят следующим образом: **бляха-накладка** (лицевая сторона) – Cu – основа; Pb – 26–28%; Sn – 3–4%; Ag – около 1%; Fe – <1%; **фиксирующая пластина** – Pb – 46–47%; Cu – 30–32%; Sn – 15–16%; Ag – около 2,5%; Fe – 1,7–1,9%; Bi (висмут) – около 0,5%; Zn (цинк) и Ni – следы. Изложенные показатели демонстрируют два разных сплава. Подобная ситуация фиксировалась при изучении аналогичного пояса из кургана Бирюзовая Катунь-3 [Тишкин, Кирюшин, Матренин, 2009].

Стрелковый пояс состоял из железных вещей: овально-рамчатой пряжки с подвижным язычком и трех кольчатых распределителей, у каждого из которых изначально было по три подвижных лопасти-зажима (рис. 1.-14–17). Похожие предметы от стрелковых поясов встречены в тюркских погребениях 2-й половины VI – 1-й половины VIII вв. [Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. 9.-2, 6; Кирюшин и др., 1998, рис. 2.-7–10, 7.-9–17].

Из орудий труда найден железный нож (рис. 1.-18). Он не имеет узких хронологических привязок, но такие предметы достаточно часто встречаются в тюркских памятниках Алтая. В качестве близкой аналогии можно привести нож из кургана 1-й половины VII в. памятника Катанда-3 [Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. 9.-10].

К снаряжению верхового коня относятся удила с псалиями, стремя, подпружная пряжка и цурки. Удила имеют крюковые внутренние окончания звеньев и кольчатые внешние (рис. 1.-19). Псалии – стрежневидные двудырчатые (рис. 1.-20–21). Аналогичные удила у тюрок встречаются в памятниках VI–VIII вв. [Овчинникова, 1990, с. 94], а псалии характерны для 2-й половины V – 1-й половины VII вв. [Гаврилова А.А., 1965, табл. VII.-1;

XX.-36; Кирюшин и др., 1998, рис. 4.-2–3]. Стремя имеет треугольное петельчатое ушко, округлые дужки подквадратного сечения, прогнутую узкую (ширина 2 см) подножку. Совокупность этих признаков встречается у стремян VI–VII вв. [Неверов, 1998, с. 144–146]. Подпружная пряжка имеет подпрямоугольную форму, основание щитка и наружная часть рамки слегка выпуклы, переход между ними заужен. Язычок не сохранился, но под него есть Т-образная прорезь (рис. 1.-23). Данный экземпляр по деталям оформления можно датировать VI–VII вв. [Неверов, 1985, с. 201–202]. Цурки имеют классическую для тюркской культуры форму (рис. 1.-24–26).

Исходя из приведенных аналогий, курган Бирюзовая Катунь-9 в целом следует отнести к катандинскому этапу тюркской культуры [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 162]. Однако, учитывая наличие в нем архаичного стремени и псалиев, возможно, его датировку следует ограничить 2-й половиной VII в.

Список литературы

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М. Л.: Наука, 1965. – 146 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. – Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – 232 с.

Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескень-VI // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. – №3. – С. 165–175.

Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. – № 2. – С. 115–129.

Неверов С.В. Костяные пряжки сросткинской культуры (VIII–X вв. н.э.) // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. – С. 192–206.

Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII–XII вв. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 129–151.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 223 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 200 с.+вкл.

Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Матренин С.С. Рентгенофлюоресцентный анализ поясного набора из кургана Бирюзовая Катунь-3 // География – теория и практика: современные проблемы и перспективы. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 240–243.

Ю.Ф. Кирюшин, Д.В. Папин, А.С. Федорук

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА В КУЛУНДИНСКОЙ СТЕПИ ЛЕТОМ 2009 ГОДА*

Начиная с 2000 года Кулундинская археологическая экспедиция Алтайского государственного университета совместно с лабораторией археологии и этнографии ИАЭТ СО РАН ведет постоянные полевые исследования на памятниках эпохи бронзы степной части Обь-Иртышского междуречья. За это время работами были охвачены археологические объекты, представляющие все периоды бронзового века, от энеолита и до формирования культур скифского круга. Впервые для этого хронологического периода была получена серия радиоуглеродных дат из хорошо культурно атрибутированных комплексов, сделаны фаунистические определения археозоологических коллекций, проведено магнитометрическое картирование поселения Рублево VI, определены антропологические коллекции, получен разнообразный археологический инвентарь. Наиболее значимые работы проводились на могильнике Рублево VIII, поселениях Калиновка II, Рублево VI, Жарково III. Особый интерес представляют исследования на последнем объекте, несмотря на то, что по количеству найденных бронзовых артефактов и объему керамической серии он значительно уступает Калиновке II и Рублево VI, зафиксированная на памятнике стратиграфическая ситуация позволяет выполнять культурно-хронологические построения эпохи поздней бронзы на более достоверном материале.

В отчетный полевой сезон работы были продолжены на поселение Жарково III и грунтовом могильнике Рублево VIII. Жарково III находится в центральной Кулунде в Баевском районе Алтайского края недалеко отныне не существующего поселка Жарково. Раскопки поселения ведутся с 2004 г. [Федорук, Шамшин, Иванов, и др., 2005; Федорук, 2006; Кирюшин, Папин, Федорук, 2006; 2007; 2008а; 2008б; Кирюшин, Федорук, Папин, 2008; и др.]. Задачей работ 2009 г. стало расширение зоны раскопок, продолжение исследования зольника и трех изучавшихся ранее конструкций.

Уже на первом этапе работ было установлено, что зафиксированная на поверхности западина не совпадает с контурами конструкции № 3, выявленной раскопом, и смещена по линии север-юг на четыре – пять метров. При ее дальнейшим изучении выяснилось, что котлован прорезал слой

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проекты № 09-01-60104а/Т и 07-01-00527а.

зольника и погребенной почвы, достигая глубины 1,46 м от уровня современной поверхности. При зачистке центральной части по уровню материка были выявлены столбовые ямки, как по периметру котлована, так и в его центре, а также контур объекта №8. Последний имел округлую в плане форму (диаметр на уроне дна жилища составлял около 2,7 м) и глубину около 3 м (в связи с высоким уровнем грунтовых вод его удалось пройти только до отметки 2,77 м). Материалы из жилища №3 представлены костями животных, преимущественно ирменской и донгальской керамикой, а также каменным пестом с оформленной рукоятью, крупным костяным черешковым наконечником стрелы четырехгранного сечения с двумя жальцами и обломанным острием, двумя небольшими фрагментами бронзовой руды и бронзовой полусферической бляшкой со шпеньком (Рис. 1, 2).

Зольник, практически на всей своей площади располагался непосредственно над слоем погребенной почвы. Исключение представляет зона жилища №2, где погребенная почва отсутствует, и слой зольника перекрывает жилище. Материалы зольника представлены большим количеством костей животных, двумя небольшими каменными лощильцами, одним каменным орудием неизвестного назначения, двумя сработанными альчиками МРС, отдельными фрагментами камней и керамических сосудов. Культурная принадлежность керамики определяется как андроновская и саргаринско-алексеевская. Отдельные фрагменты сосудов относятся к доандроновскому периоду. Кроме того, необходимо отметить обнаружение в нижнем горизонте зольника, на уровне погребенной почвы, развала андроновского сосуда и черепной крышки человека (определение С.С. Тур). Непосредственно возле стенки жилища №2, в слое зольника, при зачистке второго условного горизонта был выявлен контур объект №10 представлявший собой яму округлой формы диаметром до 2 м и глубиной до 1,55 м. от уровня современной поверхности. В заполнении данного объекта было обнаружено несколько костей животных и отдельные фрагменты керамики без орнамента.

Материалы жилища №1 представлены преимущественно ирменской, сарагаринско-алексеевской и донгальской керамикой. Рядом с краем жилища №1 был обнаружен нечеткий контур еще одной конструкции, также, вероятно, являющейся остатками врезанной в зольник и погребенную почву полуземлянки, и предварительно обозначенной нами номенклатурой «жилище №4». В пределах данной конструкции был выявлен и исследован объект №9 представлявший собой яму округлой в плане формы диаметром около 2,2 м. и глубиной до 2,43 м от современной поверхности. Находки из конструкции №4 представлены костями животных, немногочисленными фрагментами ирменской посуды, а также каменными молотком(?) и пестом.

При изучении жилища №2 визуально фиксирующегося только на уровне погребенной почвы подстилающей зольник, удалось обнаружить часть его восточной стенки, прорезающей погребенную почву и углубленной в материк на 0,2–0,35 м. В пределах данной конструкции исследовано не-

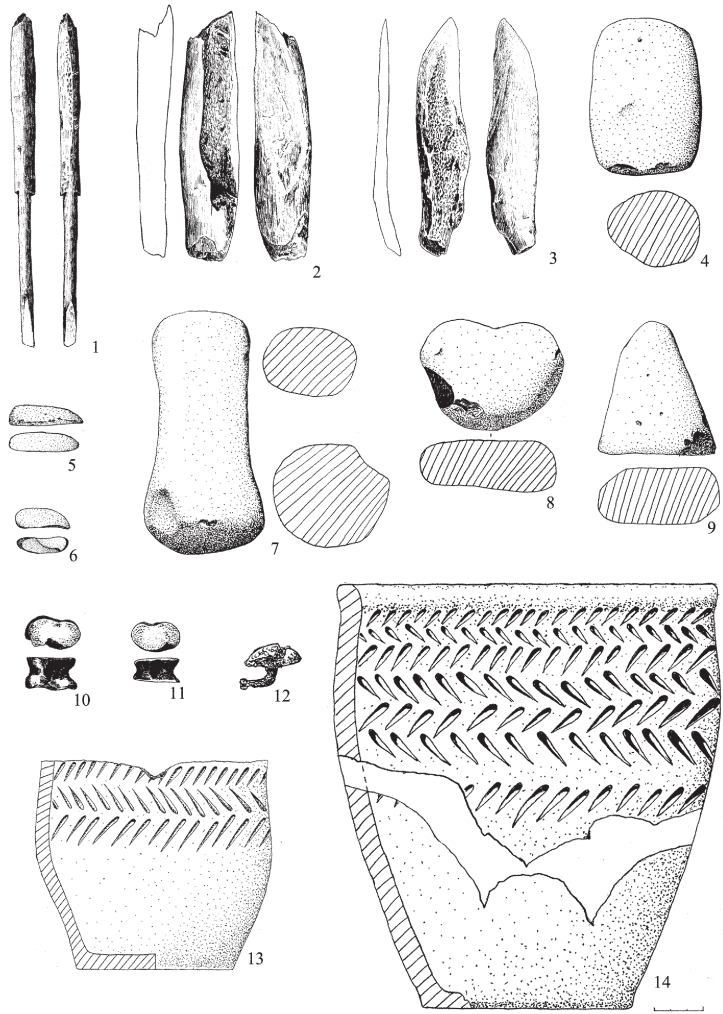

Рис. 1. Материалы поселения Жарково-3 (*1–12, 14*) и могильника Рублево VIII (*13*).
(*1–3, 10, 11* – кость; *4–9* – камень; *12* – бронза; *13, 14* – керамика).

сколько столбовых ямок, обнаружено множество костей животных и фрагментов андроновской керамики (рис. 2).

Таким образом, проведенное полевое изучение поселения Жарково III позволило сделать ряд важных планиграфических и стратиграфических наблюдений, для последующих реконструкций. Во первых, конструкции № 1 и 3 врезаны в зольник и в нижний горизонт погребенной почвы примерно на одинаковую глубину, обладают схожей каркасно-столбовой

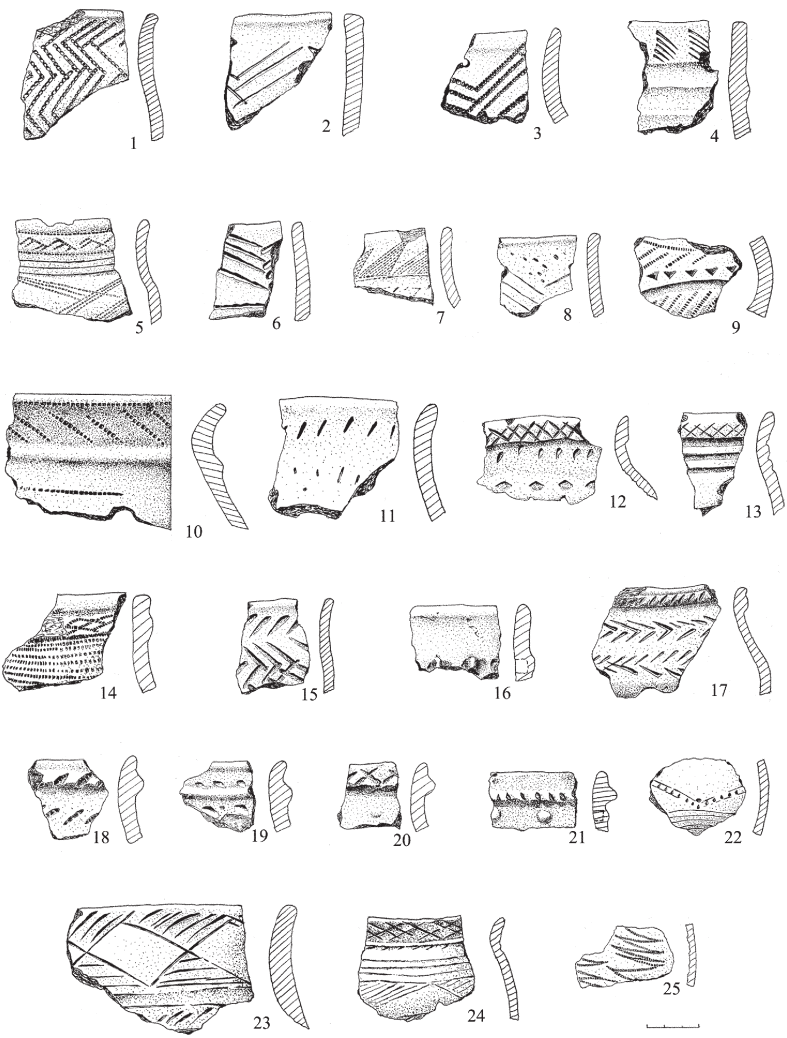

Рис. 2. Керамика поселения Жарково-3.

конструкцией, но при этом имеют разнонаправленное расположение на площади поселения, несмотря на довольно близкое нахождение. Во вторых, котлован № 2 находился под слоем зольника, но так, же прорезал погребенную почву. В третьих, керамика «доандроновского» типа располагается в основном на нижней погребенной почвы и в четвертых, в зольнике выделяется несколько горизонтов накопления культурных осадков, разделенных уровнями погребенной почвы, что указывает на перерывы в осадконакоплении.

Предварительные выводы можно сформулировать следующим образом, поселение Жарково III имеет несколько строительных горизонтов периода бронзового века, наиболее ранний из которых связан с до андроновскими традициями. Население андроновской культуры освоило современную территорию памятника, более близкую к реке, что возможно указывает на более низкий уровень грунтовых вод в тот период. Наиболее полно представлена эпоха поздней бронзы именно в этом время здесь функционировали два жилища, доминирующим компонентом для первого является «ирменско-саргаринско-алексеевский», а для третьего «ирменско-донгальский». Наиболее актуальными в настоящий момент являются две проблемы, соотношение андроновского и доандроновского культурных пластов и уточнение хронологической позиции для объектов эпохи поздней бронзы, синхронность которых не является очевидной.

В результате проведенных работ на могильнике Рублево VIII, было, выявлено пять погребений, датируемых эпохой развитой бронзы (андроновская культура). Планиграфически выделяются ряды могил, вытянутые по линии ЮЗ-СВ, хотя можно увидеть и ряды, идущие перпендикулярно этому направлению. Выявленное направление является продолжением рядов основного раскопа 1999–2008 годов. Все выявленные погребения детские, совершенные по обряду ингумации, скорченно на правом боку, головой на ЮЗ-З, в головах размещался сосуд, в двух погребениях присутствует деревянная обкладка. Керамика из детских погребений отличается от взрослых меньшими размерами и простотой орнаментальных схем. Большинство сосудов – банки открытого или закрытого типа, встречается слабопрофилированная посуда (рис. 1–13). Важное значение для методики изучения грунтового могильника Рублево VIII, стало то, что раскоп 2009 года связал в единую планировочную сетку центральный, восточный и северный раскопанные участки памятники, что в свою очередь позволило составить единый сводный план могильника.

Список литературы

Кирюшин Ю.Ф. Папин Д.В., Федорук А.С. Исследования в Центральной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII. – Ч. I. – С. 358–360.

Кирюшин Ю.Ф. Папин Д.В., Федорук А.С. Исследования поселения Жарково-3 в Центральной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 264–267.

Кирюшин Ю.Ф. Папин Д.В., Федорук А.С. Предварительные итоги исследования поселения эпохи поздней бронзы Жарково-3 // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. – Барнаул: Концепт, 2008а. – С. 5–17.

Кирюшин Ю.Ф. Папин Д.В., Федорук А.С. Продолжение исследований на поселении Жарково-3 // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008б. – С. 166–168.

Кирюшин Ю.Ф., Федорук А.С., Папин Д.В. Предварительные итоги полевого изучения поселения Жарково-3 в Центральной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 169–174.

Федорук А.С. Результаты археологического обследования районов центральной и южной Кулунды в 2005 году // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история) 2005 г. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2006. – Вып. 2. – С. 80–84.

Федорук А.С., Шамшин А.Б., Иванов Г.Е., Цывцина О.А., Раиткин С.С. Памятники эпохи поздней бронзы Кулунды (по материалам разведки 2004 года) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история) 2004 г. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. – Вып. 1. – С. 113–116.

К.Ю. Кирюшин, В.П. Семибратов

ИССЛЕДОВАНИЕ ТАВДИНСКОГО ГРОТА В 2008 ГОДУ

В мае 2005 г. между руководством особой экономической зоны туристско-рекреационного типа «Бирюзовая Катунь» и АлтГУ заключён договор о сотрудничестве, по которому АлтГУ проводит работы по интеграции объектов археологического наследия туркомплекса в сферу туризма [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Кирюшина, Семибратов, 2006, с. 43–47]. В рамках этого договора сотрудниками АлтГУ летом 2005 г. начаты работы по изучению Тавдинского грота [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов, 2005, с. 333–339]. Летом 2008 г. археологами АлтГУ были продолжены исследования Тавдинского грота.

Началу работ предшествовали большие подготовительные работы. Для обеспечения безопасности археологов и туристов, посещающих раскопки, был построен навес, защищающий от возможного падения камней.

К объекту ведёт лестница, что, во-первых, облегчает подъём, а во-вторых, позволяет предотвратить культурный слой памятника от разрушения в результате увеличения потока туристов. Внутреннее пространство разделено на две части. В правой – культурный слой памятника закрыт настилом (полом) и организована смотровая площадка для туристов. В левой – перекрытие отсутствует. В этой части в ближайшие годы будут проводится археологические раскопки. Можно констатировать, что сделан важный шаг в обеспечении техники безопасности и организации цивилизованного подхода к использованию археологических объектов в сфере туризма. В павильон подведено электричество, организована подсветка раскопа, позволяющая более качественно просматривать отработанный грунт. Выполнена подвесная разметка раскопа. Была организована промывка грунта. Всё это позволило провести работы на высоком методологическом уровне.

Геоморфологически Тавдинский грот находится в долине реки Катуни на высоте 18 м над урезом воды, что соответствует уровню второй Катунской террасы. Вход в грот располагается на практически вертикальной стенке карстового массива, представленного юрскими терригенно-карбонатными отложениями и палеозойскими породами, вышедшими на поверхность в виде рифовых массивов в позднекайнозойскую эпоху орогенеза. Такое расположение грота определяет характер наложения глыбово-обломочного материала у его подножия и характер предвходовой площадки, представленной крутым склоновым понижением.

Грот по своему строению простой, горизонтальный. Вход подпрямоугольный, на потолке имеется несколько вертикальных трещин сифонов, возможно связывающих грот с расположенной выше полостью Большой Тавдинской пещеры. Площадь грота невелика – около 30 кв.м, ширина входной плоскости по капельной линии – 11,5 м, глубина – 4,5 м, высота – от 2,0 до 3,5 м. Вход обращен на Ю–В.

Разборка отложений производилась по всей площади раскопа по квадратам размером 1×1 м в пределах одного литологического горизонта. Литологические горизонты вскрывались условными вертикальными пластами мощностью 5 см. Горизонтальная зачистка производилась, по мере возможности, после снятия каждого условного вертикального пласта мощностью 5 см, и обязательно – после снятия каждого литологического горизонта.

В ходе работ 2005 и 2008 гг. удалось проследить и выявить несколько культурно-хронологических горизонтов.

Слой 1. Супесь светлая пылеватая лессовидная, лишенная растительности. Разобран четырьмя условными уровнями. В одном из квадратов зафиксирован обложенный каменными плитками современный очаг с остатками древесного угля, стекла и консервных банок.

Слой 2. Суглинок темно-серый песчанистый, гумусированный мощность от 80 до 110 см. По характеру расположения и количеству обломочного материала слой подразделяется на несколько подгоризонтов.

Слой 2А датируется скифским временем. Этот комплекс представлен фрагментами керамики, костями животных, рыб и птиц.

Вся керамика сильно фрагментирована, представлена венчиками от 10 сосудов, тремя днищами и несколькими сотнями экземпляров обломков стенок, размеры которых в основном от 1×1 см до 2×2 см. Венчики орнаментированы жемчужинами, разделёнными наколами треугольной формы, круглыми наколами в один ряд, у нескольких фрагментов венчик рассечён по внешнему краю насечками. Частично реконструируются формы у десяти сосудов. Обнаружен развал сосуда с жемчужником и вдавлениями по венчику, и с налепным валиком, рассечённым насечками на тулове (рис. 1, *1*).

Слой 2Б. Во время раскопок 2008 г. найдены фрагменты венчиков от пяти сосудов, двух фрагментов днищ, около 100 экз. обломков стенок, размеры которых в основном от 1×1 см до 2×2 см. Керамические коллекции этого комплекса представлены фрагментарно. Около 80% всей керамики представлены фрагментами размером 1×1 см, остальные не превышают 2×2 см. У двух сосудов реконструируются формы. Первый сосуд баночной формы, орнаментированный оттисками гребенчатого штампа, образующими ряды елочки (рис. 1, *4*). Второй сосуд баночной формы, слабо профилированный, орнаментирован по венчику рядами прочерченных линий, а в верхней части тулова – отпечатками мелкого гребенчатого штампа, образующего сеточку (рис. 1, *2*). Подобная керамика находит аналогии в материалах бийского этапа большереченской культуры. Таким образом, материалы

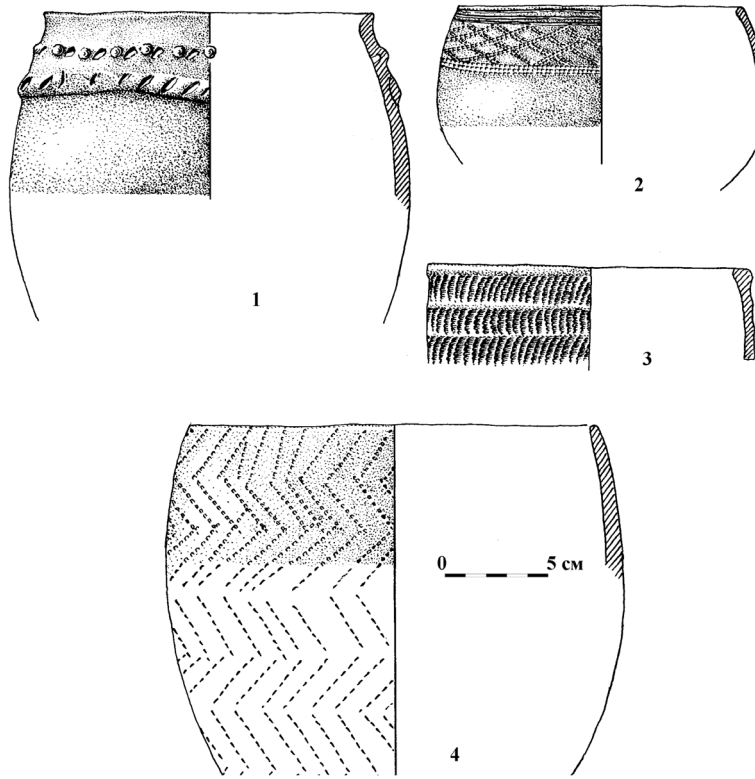

Рис. 1. Керамика из Тавдинского грота.
1 – слой 2А; *2, 4* – слой 2Б; *3* – слой 3.

этого комплекса относятся к переходному времени от эпохи бронзы к раннему железному веку и датируются VII в. до н.э.

В слое обнаружен рыболовный крючок (рис. 2, *16*) и обломок ножа (рис. 2, *17*). Изделия изучались на кафедре археологии, этнографии и музеологии АлтГУ с помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000) (аналитик А.А. Тишкин). Крючок изучался указанным рентгенофлюоресцентным спектрометром дважды в разных местах [Кирюшин К.Ю., Семибратов, Тишкин, 2009, с. 105–108]. Получены следующие результаты:

1. Cu – 89,89%; Sn (олово) – 9,14%; Pb, Fe (железо) – следы.

2. Cu – 83,58%; Sn – 15,01%; Pb – <1%, Fe – <1%.

Эти данные свидетельствуют о том, что изделие сделано из оловянной бронзы. Фиксация в сплаве незначительного содержания свинца и железа отражает наличие таких элементов в медной руде, характерной для северо-западных предгорий Алтая. Для обломка ножа обобщенные показатели

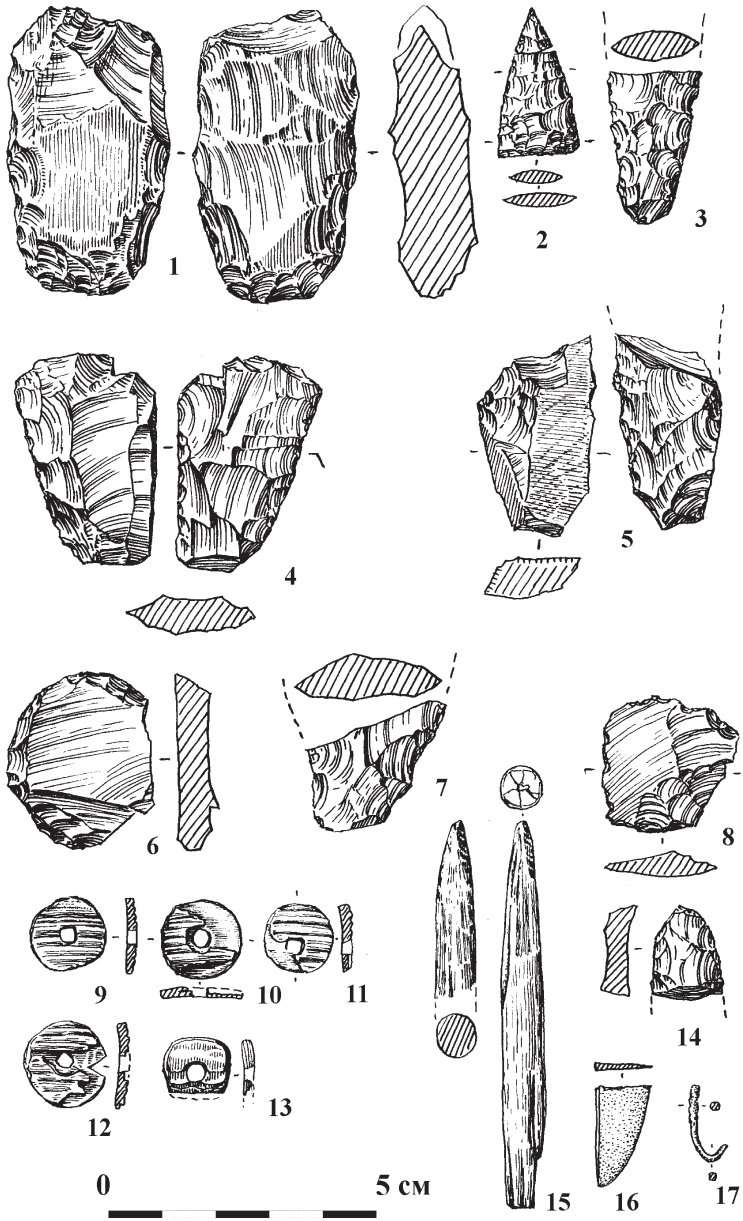

Рис. 2. Материал Тавдинского грота.
1–8, 14 – камень; *9–13* – раковина; *15* – кость (рог?); *16–17* – бронза.
1–15 – слой 3; *16–17* – слой 2Б.

выглядят следующие образом: Cu – 84–85%; Sn – 14–14,5%; Pb – >0,5%; Fe, Ni – следы [Кирюшин К.Ю., Семибратов, Тишкин, 2009, с. 105–108].

Слой 3. Супесь светло-коричневого оттенка, пройдена на глубину от 50 до 70 см. Заполнение слоя состоит на 15–20% из обломков известняков и сланцев. К слою 3 приурочены материалы, относящиеся к эпохе финального неолита – раннего энеолита. Найдены фрагменты тонкостенных сосудов, орнаментированных коротким гребенчатым штампом (рис. 1, *3*), и толстостенной неорнаментированной керамики. Обнаружено 335 каменных артефактов. Из них 327 экз. – отходы производства, в основном чешуйки (240 экз.) и отщепы (87 экз.), из которых крупного размера – 6 экз., среднего – 5 и мелких – 76 экз. Орудийный набор представлен скребком (рис. 2, *6*), тремя обломками наконечников стрел (рис. 2, *2, 3*) (два обломка аплицируются (рис. 2, *2*)). Кроме этого, в слое обнаружены обломки бифасиальных изделий (рис. 2, *5, 7*). Интересна находка каменного топорика (рис. 2, *1*), представляющего собой бифасиальное изделие. выполненное на плитке мелкозернистого кварцита. Найден обушковый нож, выполненный на пластинчатом отщепе (рис. 2, *4*). В орудийном наборе представлены обломки зубчато-выемчатого орудия (рис. 2, *8*) и пластинчатого отщепа с ретушью (рис. 2, *14*).

В 2008 г. найдено пять перламутровых подвесок-паеток (рис. 2, *9–13*), аналогичных обнаруженным в 2005 г. Трасологическое исследование 29 перламутровых «бусин», найденных в 2005 г., было выполнено П.В. Волковым. В процессе исследования артефактов было сделано заключение, что изучаемые изделия из перламутра нашивались на одежду, и именно в таковом качестве наиболее выгодно демонстрировали красоту перламутра [Волков, Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов, 2006, с. 253–255].

Наиболее интересна находка изделия из кости или рога, предположительно наконечника стрелы или самострела (рис. 2, *15*).

Наиболее интересными являются материалы третьего слоя Тавдинского грота. В настоящее время эпохи финального неолита и раннего энеолита – наименее изученные периоды в истории Алтая. Скорее всего, материалы третьего слоя относятся к эпохе раннего энеолита. Среди каменных артефактов отсутствуют орудия на пластинах, нуклеусы и снятия с нуклеусов. Видимо, мы имеем дело с деградацией призматической техники расщепления. Этот вывод подтверждает находка в 2005 г. медного шила в третьем слое. Данный предмет анализировался двумя методами. Сначала по взятому образцу в Лаборатории минералогии и геохимии Томского государственного университета были получены результаты полуколичественного спектрального анализа: Cu (медь) – >>5; Sb (сурьма) – 0,3; As (мышьяк) – 0,1; Bi (висмут) – 0,05; Sn (олово) – 0,05; Si (кремний) – 0,05; Pb (свинец) – 0,02; Ca (кальций) – 0,02; Ni (никель) – 0,01; Zn (цинк) – 0,01; Co (кобальт) – 0,01; Mn (марганец) – 0,007; Fe (железо) – 0,005; Ti (титан) – 0,005; Al (алюминий) – 0,003; Mg (магний) – 0,001; Au (золото) – 0,001; Ag (серебро) – 0,0005 (в весовых процентах; аналитик Е.Д. Агапова). Затем само изделие

изучалось на кафедре археологии, этнографии и музеологии АлтГУ с помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000) [Кирюшин К.Ю., Семибратов, Тишкин, 2009, с. 105–108]. Сначала был сделан анализ поверхности шила, а затем исследовалось место взятия пробы. Получены следующие показатели: 1. Cu – 99,63%; Pb – <0,5%; Ni (никель) – следы.

2. Cu – 99,2%; Pb, Ni, Bi (висмут) – следы.

Несмотря на то, что представленные свидетельства химического состава изделия демонстрируются в разных системах измерения, все же нетрудно заметить имеющееся сходство. Ориентируясь на данные рентгенофлюоресцентного анализа, можно заключить, что шило – медное с набором характерных рудных сопроводительных элементов. Полуколичественный спектральный анализ демонстрирует включения, которые, вероятно, были исходными в использованной медесодержащей руде.

Представленные результаты имеют свои особенности, позволяющие расширить наши представления о древнем металле. Указанные показатели характеризуют орудие труда, сделанное на основе меди. Находка медного шила в материалах исследуемого Тавдинского грота отчасти объясняется удачей, т.к. этот археологический объект, вероятнее всего, являлся культовым местом [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов, 2005, с. 333–339].

В ходе работ 2008 г. отобраны образцы для радиоуглеродного датирования третьего слоя. В настоящее время мы склонны датировать имеющиеся материалы концом IV – 1-й половиной III тыс. до н.э.

Работы на памятнике будут продолжены. С накоплением фактического материала можно будет более подробно рассмотреть обозначенные в данной статье проблемы.

Список литературы

Волков П.В., Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. Трасологическое исследование перламутровых «бусин» из материалов Тавдинского грота // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. I. – С. 253–255.

Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П., Тишкин А.А. Металлические изделия из Тавдинского грота // География – теория и практика: современные проблемы и перспективы. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 105–108.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. Исследования Тавдинского грота в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – Т. XI. – Ч. I. – С. 333–339.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Кирюшина Ю.В., Семибратов В.П. Археологический парк «Перекрёсток миров» – история создания и перспективы развития // Алтай Россия: через века в будущее. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. – Т. 1. – С. 43–47.

Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин, С.П. Грушин,
Д. Эрдэнэбаатар, Ч. Мунхбаяр

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МОНГОЛИИ И НА АЛТАЕ

В рамках реализации проекта по теме «Организация и проведение комплексных историко-архивных, библиографических и историко-археологических (полевых) исследований на территории Саян-Алтая и Монголии» (государственный контракт с Санкт-Петербургским государственным учреждением культуры «Музей-институт семьи Рерихов») осуществлялись обширные исследования в Монголии, на Алтае и в Туве. Полученные значительные по объему и существенные по содержанию материалы требуют длительной обработки. Поэтому ниже изложены лишь отдельные результаты с упором на результаты раскопок памятников эпохи бронзы.

В Монголии наряду с целенаправленными обследованиями, осуществленными в Баян-Ульгийском, Ховдском и Южно-Гобийском аймаках, проводились раскопки ранее выявленных комплексов. В долине р. Буянт исследовались разновременные объекты на памятниках Баян булаг-II, Улаан худаг-I, Халзан узуур-II и III, Шарсум-I и Полигон-I, расположенные неподалеку от г. Ховда. Географически изучаемая территория приурочена к восточным отрогам Монгольского Алтая.

На памятниках Халзан узуур-II, Шарсум-I и Полигон-I раскопаны своеобразные объекты, расположенные на первой надпойменной террасе. Они представляли собой курганы с каменными ящиками. Все эти объекты находились в аварийном состоянии. На современной поверхности фиксировались каменные сооружения из плит, которые выступали над поверхностью, составляя прямоугольный ящик со средними размерами 2,2×1,2 м. Ориентированы погребальные камеры длинными сторонами по линии ЮВ–СЗ. Вокруг ящиков и внутри них фиксировались отдельные камни. Рядом в большинстве случаев находились плиты перекрытия. Среди камней насыпи кургана №1 могильника Халзан узуур-II были обнаружены обломки каменного сосуда. Каменные ящики были углублены в грунт на 0,3–0,7 м. Курган №4 могильника Халзан узуур-II состоял из сдвоенного ящика. Внутри погребальной камеры в большинстве случаев находились разрозненные человеческие кости плохой сохранности, но в некоторых ящиках были отдельные части скелет в сочленении. Предметный комплекс представлен керамическим неорнаментированным сосудом, каменным сосудом, украшенный под венчиком поясом из треугольников (рис. 1), каменным пестом.

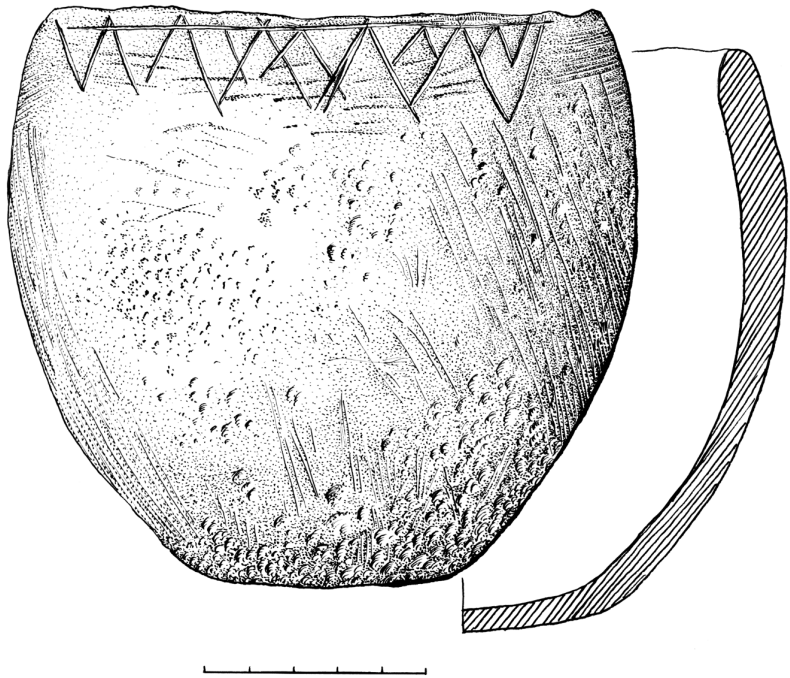

Рис. 1. Каменный сосуд. Шарсум I, кург. № 1.

По особенностям погребального обряда и характеру обнаруженных предметов, раскопанные каменные ящики могильников Халзан узуур-II, Полигон-I и Шансум-I можно связать с памятниками так называемого чемурчекского типа и предварительно датировать их концом III – началом II тыс. до н.э.

Исследованные курганы на комплексе Халзан узуур-III оказались разрушенными или безынвентарными, что затрудняет их датировку и культурную принадлежность. Однако, судя по особенностям стилистического изображения животных на камне, обнаруженном в насыпи одного из курганов, время нанесения рисунков связано с периодом поздней бронзы (рис. 2).

Кроме представленных объектов, в долине Буянта на памятнике Баян булаг-II были раскопаны тюркские оградки, имевшие изваяния, а также изучены «оленные» камни и средневековые каменные скульптуры на комплексе Баян булаг-I. На уже известном комплексе Улаан худаг-I осуществлялась зачистка и фиксация всех конструктивных особенностей крупного херексура с лучами (диаметр внешнего кольца более 36 м). «Оленный» камень, обнаруженный рядом, подвергся дополнительному изучению, а также копированию с использованием микалентной бумаги. В ходе разведок зафиксировано значительное количество археологических объектов в Ховдском и Баян-Ульгийском аймаках. Начата работа по

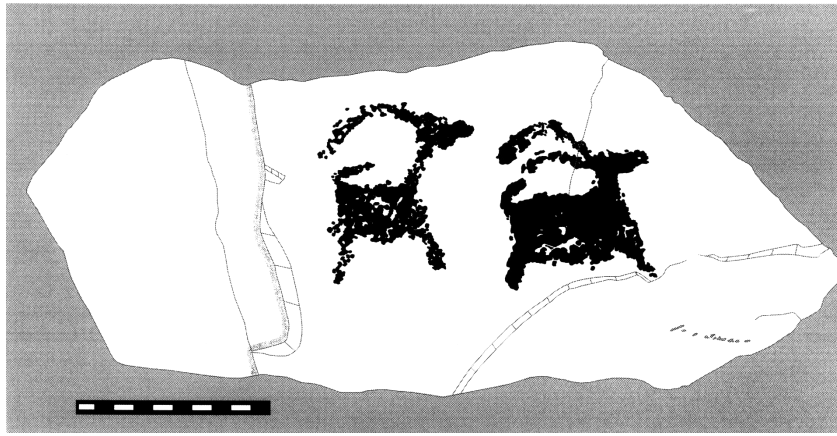

Рис. 2. Изображения на камне из насыпи. Халзан уззур III, кург. № 3. (Прорисовка А.Н. Мухаревой.)

всестороннему документированию массива петроглифов на памятнике Баатыр хайран.

В Южно-Гобийском аймаке основные работы были сосредоточены на поселении Баян-Булаг, расположенном в 25 км к югу от сомона Номгон и имеющем укрепленную часть, предварительно соотнесенную с китайской крепостью Шоусяньчен (основана в 105 г. до н.э.). Исследованная площадь составила более 500 кв. м. В раскопе №2 (географические координаты по GPS-навигатору: N – 42°36.119', E – 105°10.691', высота на уровнем моря – 1245 м) получен значительный по количеству предметный комплекс, основной массив которого относится к эпохе Западная Хань (II–I вв. до н.э.).

На территории Рудного Алтая исследовались памятники Подсинюшка и Сигнал, расположенные соответственно в Курьинском и Третьяковском районах Алтайского края. Кроме этого осуществлялись разведочные мероприятия, в ходе которых открыты новые памятники.

Поселение Подсинюшка находится в 4 км к юго-востоку от с. 8 марта, в 2,3 км к югу от оз. Белого, в 3,3 км к северо-востоку от вершины г. Синюха. В 2009 г. было обнаружено несколько сооружений в виде скопления камней и хозяйственных ям. Наибольший интерес представляет очаг, выполненный из небольших каменных плиток уложенных на ребро в виде кольца, диаметром 1 м. В центре сооружение обнаружено пятно прокаленного грунта и мелких кальцинированных костей. Находки представлены каменными пестами, кусочками руды и шлака, фрагментами керамики. Судя по ним, поселение относится к афанасьевской культуре (IV–III тыс. до н.э.).

Могильник Сигнал расположен на правом берегу р. Плоская (левый приток р. Алей) в 1 км к ЮЮВ от окраины с. Плоское [Тишкин, Казаков, Бородаев, 1996]. В ходе работ было выявлена ограда подпрямоугольной формы с размерами 5×3,4 м, вытянутая длинной осью по линии ЮЗ–СВ,

сооруженная из небольших каменных блоков уложенных в три слоя. Внутри ограды исследована циста из каменных плиток сооруженная в яме. Конструкция имела четырехугольную форму в плане размерами 1,4×1,3 м. В западном углу цисты отмечено скопление угольков, у западной стенки обнаружен венчик сосуда, еще два фрагмента керамики, судя по всему, от этого же сосуда обнаружен у северо-восточной стенки. Других находок в ящике не найдено. Изученный объект, по особенностям обнаруженной керамики и выявленных конструкций относится к периоду средней бронзы и, вероятно, связан с андроновской культурно-исторической общностью, памятники которой распространены на обширной территории от Урала до Енисея.

В Рубцовском районе Алтайского края были продолжены раскопки на памятнике Бугры. При исследовании кургана №4 основное внимание в прошедшем полевом сезоне было уделено завершению работ в дромосе, а также снятию остававшейся части половины курганной насыпи для получения разреза по центральной бровке, ориентированной по линии Ю–С. Кроме этого, вскрывалась могила-2. Полученные археологические находки дополнили уже имеющиеся материалы. Среди них стоит выделить хорошо сохранившуюся составную деревянную фигурку кошачьего хищника, а также железные наконечники стрел и украшения одежды из цветных металлов. В ходе проведенных разведок на территории указанного района выявлены новые археологические объекты, а также доисследовано разрушенное погребение сросткинской культуры.

В Онгудайском районе Республики Алтай осуществлялись обследования в урочище Кур-Кечу и около с. Шашикман. Они являлись продолжением ранее проводимых работ. Зафиксирован и подробно описан ряд своеобразных объектов.

В заключение необходимо указать, что в данном сообщении нашли отражение лишь отдельные результаты реализуемой программы по широкому изучению древней и средневековой истории юга Западной Сибири, Алтае-Саянской горной страны и Монголии.

Список литературы

Тишкин А.А., Казаков А.А., Бородаев В.Б. Памятники археологии Третьяковского района // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 194–210.

С.А. Комиссаров, О.А. Хачатурян

ЦИНЬСКАЯ КЕРАМИКА*

В данном сообщении мы рассмотрим керамические сосуды древнекитайского царства Цинь со времени его образования в первой половине IX в. до н. э. и до падения империи (207 г. до н. э.) включительно. Наиболее известная категория циньской керамики – терракотовые погребальные фигуры, а также строительные материалы (кирпич и черепица) из глины обладают существенной спецификой и заслуживают специального исследования. Что касается сосудов, то они найдены в основном в захоронениях и представляют наиболее массовую категорию инвентаря. Изготовлялись, как правило, на круге, отдельные детали добавлялись с помощью лепки. В целом, циньская керамика продолжает общую чжоускую традицию, но имеет ряд специфических черт (см.: [Китайская археология.., 2004. С. 331–334]). Для 1-го (раннего) этапа (IX–VIII в. до н. э.) характерно использование в качестве погребальной утвари как специально изготовленных, так и бытовых сосудов. Последние не отличаются богатой орнаментацией, которую часто заменяет веревочный декор; чаще всего сосуды украшают резными опоясывающими линиями, как одиночными, так и группами, иногда они могут заполнять всю верхнюю часть сосуда; встречаются также опоясывающие линии гребенчатого штампа.

Типичными формами являются триподы типа *дин* на невысоких ножках с «копытцами»; триподы типа *ли* с заостренными ножками («в виде заступа»), аналогии которым можно найти в культурах бронзового века Ганьсу–Цинхая; двухярусные сосуды *янь* для варки пищи на пару (нижняя часть – трипод *ли*, в котором кипятили воду, получая пар, верхняя – «кастрюля» *цзэн* с отверстиями в дне, в которой распаривали зерно); чаши *доу* на высокой ножке; горшки *гуань* с подчеркнутым ребром; кувшины *ху* с выделенным горлом и расширенным устьем. Есть сосуды *гуй* на массивном поддоне для жертвоприношения зерна, воспринятые от чжоусцев предшествующего периода. В могилах обычно находят нечетное число *дин* и *янь* и четное – *гуй* и *доу*; для других типов количественные закономерности не прослеживаются. Достаточно рано появляются нарядные сферические вазы *ху* с высоким расширяющимся горлом, украшенные расписным «громовым» (меандровым) узором – довольно точные копии

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 09-01-00321а.

бронзовых ритуальных сосудов (рис.1, *А*). Роспись белым и красным цветом в форме треугольников, шевронов, ромбов с точками, двусторонних Т-образных элементов покрывала также поверхность ритуальных сосудов *гуй*, *доу* и *бэй* (см.: [Чжао Сюэцянь, Лю Суйшэн, 1963. С. 538–540; Юнь Аньчжи, 1984. С. 12]).

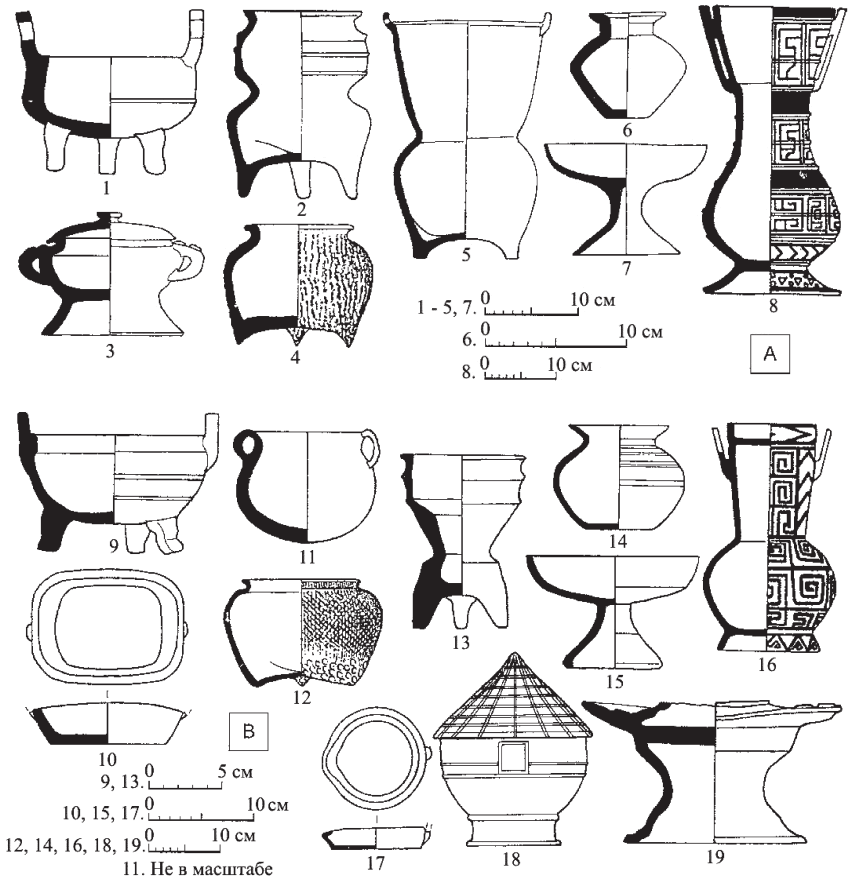

Рис. 1. Циньская керамика 1-го и 2-го периодов.

А – 1-й период (конец Зап. Чжоу – ранний период Чуньцю): *1 – дин* (Фулиньбао М3:8); *2 – янь* (Фулиньбао М11:5); *3 – гуй* (Фулиньбао М7:7); *4 – ли* (Фулиньбао М11:5); *5* – квадратный *янь* (Сигаоцюань М3); *6 – гуань* (Фулиньбао М7); *7 – доу* (Сунцунь М3); *8 – ху* (Фулиньбао М6).

В – 2-й период (средний и поздний периоды Чуньцю): *9 – дин* (Жуцзячжуан М6); *10 – пань* (Ванцзяхэ М13:2); *11 – фу* (Циньцзягоу М3); *12 – ли* (Циньцзягоу М4); *13 – янь* (Жуцзячжуан М5); *14 – гуань* (Жуцзячжуан М6); *15 – доу* (Циньцзягоу М3); *16 – ху* (Бацитунь ВМ11); *17 – и* (Циньцзягоу М3); *18 – цзюнь* (Дяньцзы М252:1); *19 – гуй* (Жуцзячжуан М3).

Большинство этих типов продолжается на 2-м этапе (**VII–VI вв. до н. э.**). Добавляются круглодонные котелки *фу* и плоские сковородки *пань* с невысоким бортом. У триподов *ли* низко опущенное дно с нечетко выделенными ножками. Практически они превращаются в сосуды с округлым дном, имеющим три выступа; понять их принадлежность к триподам можно только в рамках изменений, произошедших за несколько столетий. Как отметил Чэнь Пин [1982. С. 66], с появлением котелков *фу* триподы постепенно исчезают, поскольку котелки выполняют ту же функцию кипячения воды и приготовления жидкой пищи. Доказательство такого замещения можно видеть в бронзовом сосуде *янь* из могильника в Синду, датированного периодом Чжаньго, где в нижней части вместо привычного трипода помещен котелок; сходный сосуд, найденный в пределах мавзолея императора Цинь Шихуанди, при раскопках в Шанцзяоцунь. Сохранившиеся керамические триподы *дин* и *янь*, а также сосуд *гуй* с уменьшенным поддоном (часто с крышками) в основном относятся к ритуальным и являются показателями статуса погребенных. Появляются шкатулки *цзюнь*, воспроизводящие форму амбаров для зерна на высоком стилобате, с отверстием-окошечком [Хань Вэй, 1983]; они объединяют характеристики бытовой керамики и погребальной вотивной пластики (рис. 1, *В*).

На 3-м этапе (середина VI – начало V вв. до н. э.) распространяются открытые миски с выделенным ребром в верхней либо центральной части тулова (в зависимости от этой особенности в китайской литературе их называют, соответственно, *юй* или *пэнь*), а также горшки (*гуань*) с раздутым туловом (рис. 2, *А*). Наиболее распространены бытовые сосуды типов *ли* и *гуань* (до 65 % от всей найденной керамики); в богатых погребениях сочетаются с ритуальными сосудами, в бедных представлены одной–двумя вещами.

На последнем, 4-м этапе (**V–III вв. до н. э.**) **появляются специфические** формы сосудов: бочонок (который также называют термином *ху*, что, на наш взгляд, не вполне правомерно) «в форме шелковичного кокона» и кувшин *ху* «в форме головки чеснока», имеющий свой бронзовый аналог (рис. 2, *В*).

Наиболее информативным памятником заключительного (имперского) этапа государства Цинь является мавзолей его Первого императора – даже несмотря на то, что он раскопан лишь в очень небольшой части. Керамика, найденная на территории мавзолея и смежных объектов, не столь разнообразна, что связано с функциональными и социальными характеристиками памятников. Так, при раскопках в северо-западном углу внутренней стены «погребального парка» мавзолея т. н. ведомства по снабжению, которое поставляло пищу для проведения ритуалов, обнаружили большую корчагу высотой 48 см и диаметром устья 86 см; два бочонка («в форме куриного яйца», как называют их авторы отчета); около десятка горшков и мисок. Обращает внимание находка двух фарфоровых горшков светло-зеленого цвета: сферической формы, на небольшом поддоне и практически со

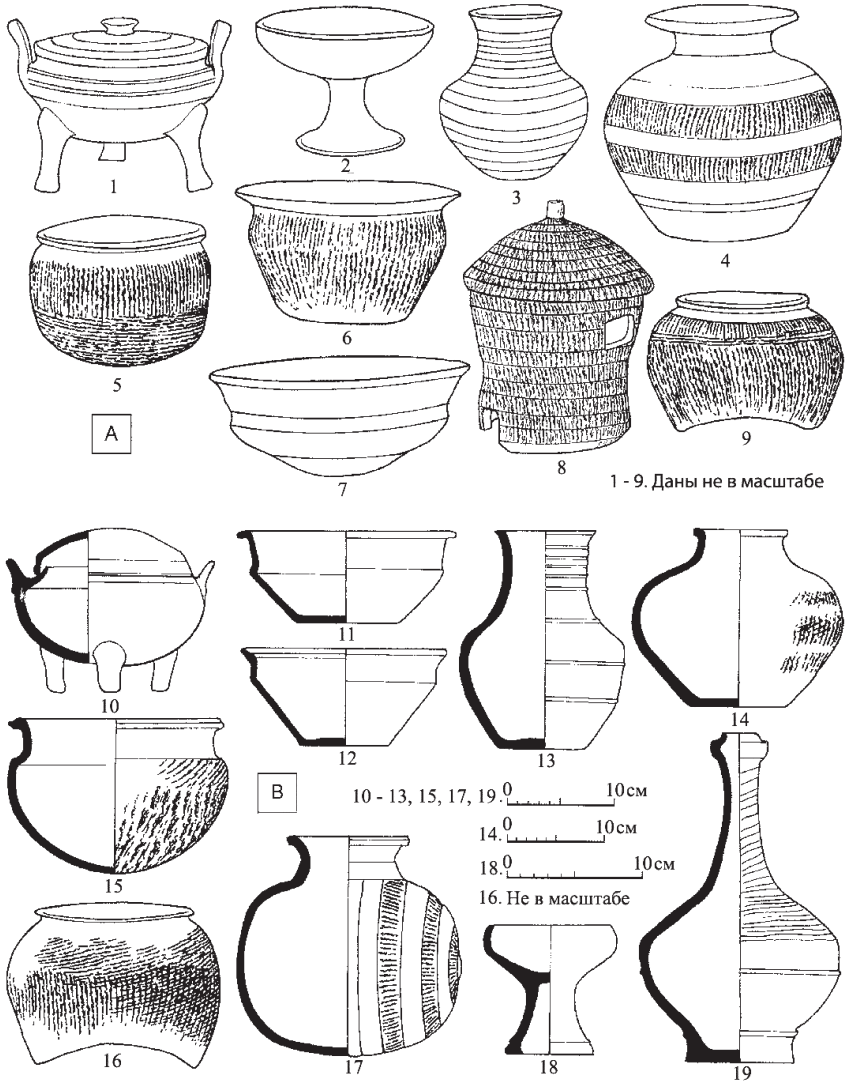

Рис. 2. Циньская керамика 3-го и 4-го периода.

A – 3-й период (ранний период Чжаньго): *1 – дин* (Кэшэнчжуан M213:5); *2 – доу* (Кэшэнчжуан M19:1); *3 – ху* (Кэшэнчжуан M221:4); *4 – гуань* (Кэшэнчжуан M208); *5 – фу* (Кэшэнчжуан M209); *6 – юй* (Кэшэнчжуан M19); *7 – пэнь* (Кэшэнчжуан M203:1); *8 – цзюнь* (Кэшэнчжуан M204); *9 – ли* (Кэшэнчжуан M211).

B – 4-й период (средний и поздний периоды Чжаньго, империя Цинь): *10 – дин* (Гаочжуан M2:4); *11 – пэнь* (Чаои, M211); *12 – юй* (Баньпо M68); *13 – ху* (Баньпо M68); *14 – гуань* (Чаои M112); *15 – фу* (Чаои M209); *16 – ли* (Бацитунь M9); *17 – ху* «в форме шелковичного кокона» (Баньпо M19); *18 – доу* (Дяньцзы M96:10); *19 – ху* «в форме головки чеснока» (M24088:4).

срезанным венчиком. Один из них найден вместе с притертой крышкой с небольшим ушком по центру. В такой плотно закрывающейся посуде могли хранить лекарства. Отдельно найдено шесть крышек из светло-желтого фарфора, а также многочисленные фрагменты.

Довольно много (87) сосудов «производственного» назначения обнаружили при раскопках «конюшни» в Шанцзяоцунь к востоку от внешней стены «погребального парка». Там выявлено 93 ямы, из которых 37 раскопано. В одних располагались керамические фигурки конюхов, которые лежали лицом на восток (спиной к могильному кургану), в других – скелеты лошади, головой на запад (к кургану), в третьих – фигурки и лошади лежали вместе. Лошади закапывались в землю живыми, только некоторые предварительно были убиты и помещены в деревянные колоды. Вместе с терракотовыми конюхами найдены железные орудия их ремесла, а со скелетами лошадей – керамические сосуды [Краткий отчет.., 1980б]. Миски *пэнь* и более низкие блюда *пань* с остатками зерна или стеблей растений стояли перед захороненными лошадьми; рядом располагались кувшины с раздутым туловом и невысоким горлом, в которых, очевидно, хранили воду для поения лошадей. Важным орудием поддержания порядка в ночное время были лампы с плоской чашкой для масла, конусовидной подставкой и соединяющей их ножкой. Выделяется одна лампа на высокой ножке с выделенными «коленцами», которая имитирует стебель бамбука.

Три миски *пэнь* с ребром посредине или в верхней трети сосуда и выделенным венчиком обнаружены в ямах «зверинца», раскопанного между двумя стенами в западном секторе, где обнаружены захоронения различных животных. Высота сосудов 7–9 см, диаметр расширяющегося устья 23–24,5 см [Краткий отчет.., 1982. С. 28].

В могилах знати, раскопанных в Шанцзяоцунь, выявлена большая коллекция сосудов, но преобладает бытовая керамика: массивные корчаги *вэн*, горшки *гуань* со сглаженными или выделенными плечиками, котелки *фу* (у одного из них нижняя часть покрыта оттисками «вафельного» орнамента); сосудов, которые обычно определяются как ритуальные (триподы *дин*, чаши на поддоне *доу*, кувшины *ху* «в форме головки чеснока», шкатулки-амбары *цзюнь*), очень немного. В то же время, судя по рисунку внутри одной из мисок *пэнь*, она также относится к ритуальным. Вырезанный рисунок изображает трех рыб, свернувшихся вокруг центра, причем одна самая маленькая рыбка находится внутри самой большой рыбы [Краткий отчет.., 1980а. С. 48, рис. 7, *13*]. При этом нельзя не вспомнить, что именно в данном районе в V тыс. до н. э. бытовала культура *баньпо*, где расписные изображения рыб внутри мисок *пэнь* являлись одним из главных мотивов. Речь не идет, разумеется, о прямой преемственности через многие тысячелетия; в образе рыб воплотились архетипические представления о душе, сформировавшиеся у предков китайцев еще в эпоху неолита [Евсюков, 1983]. Данный пример показывает, что в качестве ритуальных могли использоваться различные формы сосудов.

Изучение сосудов на всех этапах развития позволяет воспринимать керамический комплекс в его информационной полноте, определять внешние контакты и влияния. В этом отношении показателен пример триподов *ли* с заостренными ножками («в виде заступа»), практически полностью исчезнувших в династийный период, но на начальном этапе обладавших выраженными чертами керамики раннецянских (жунских) культур *каяо, сыва, синьдянь* [Юй Вэйчао, 1985. С. 188]

В заключение следует упомянуть, что начиная с V в. до н. э. в захоронениях появляются погребальные керамические модели: повозки, домашний скот, амбары (в т. ч. амбары-шкатулки *цзюнь*), представленные и в инвентаре мавзолея. Они являются первым опытом использования вотивных фигурок, получивших широкое распространение при династии Хань [Li Xueqin, 1985. P. 226].

Список литературы

Евсюков В.В. Представление протокитайцев о душе // 14-я науч. конф. «Общество и государство в Китае». – М.: ГРВЛ, 1983. – Ч. 2. – С. 17–25.

Китайская археология: Эпоха обоих Чжоу / Гл. ред. Чжан Чаншоу, Инь Вэйчжан. – Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ, 2004. – 564 с.

Краткий отчет об обследовании циньского кладбища в Шанцзяоцунь, уезд Линьтун // Каогу юй вэньу. – 1980а. – № 2. – С. 42–50, 27.

Краткий отчет об обследовании и шурфовании ям-конюшен на восточной стороне мавзолея Цинь Шихуана // Каогу юй вэньу. – 1980б. – № 4. – С. 31–41.

Краткий отчет об обследовании бурением сопроводительных захоронений на территории погребального парка Цинь Шихуана // Каогу юй вэньу. – 1982. – № 1. – С. 25–29.

Хань Вэй. Предварительные суждения об оборудовании для сохранения зерна в государстве Цинь // Каогу юй вэньу цункань. – 1983. – Вып. 3. – С. 74–77.

Чжао Сюэцянь, Лю Суйшэн. Записки о раскопках восточночжоуских погребений в Фулиньбао, уезд Баоцзи, пров. Шэньси // Каогу. – 1963. – № 10. – С. 536–543.

Чэнь Пин. О котлах *фу* // Каогу юй вэньу. – 1982. – № 5. – С. 65-69.

Юй Вэйчао. Сб. статей по археологии от доциньского периода до эпохи обеих династий Хань. – Пекин: Вэньу, 1985. – 269 с.

Юнь Аньчжи. Краткий отчет о раскопках могильника государства Цинь в Шанмэнцунь, уезд Чанъу, пров. Шэньси // Каогу юй вэньу. – 1984. – № 3. – С. 8–17.

Li Xueqin. Eastern Zhou and Qin Civilisations. – New Haven & London: Yale University Press, 1985. – XVI, 527 p.

С.А. Комиссаров, О.А. Хачатурян, Д.В. Черемисин

ЦИНЬСКАЯ ЧЕРЕПИЦА С РИСУНКАМИ В «ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ»*

Использование черепицы в качестве кровельного материала относится к числу выдающихся изобретений Древнего Китая. Самые ранние образцы черепицы найдены при раскопках большого жилого комплекса (площадью свыше 1 000 кв. м), расположенного на фундаменте из утрамбованной земли, который выявлен в составе городища Таосы (южная часть провинции Шаньси) и датирован возрастом 4 100 лет до н. д. [Ван Вэй, 2007. С. 8]. Правда, объемы использования черепицы были первоначально невелики. Судя по раскопкам «чжоуского оракула» в Фэнчуцунь (XI в. до н. э.) на территории провинции Шэньси, найденное там небольшое количество простой черепицы с веревочными оттисками на поверхности первоначально использовалось для того, чтобы покрывать конек крыши, тем самым лучше закрепляя кровлю из растительных материалов [Шан-Чжоу.., 1979. С. 181–185; см. также: Комиссаров, 1985. С. 88, 89]. К концу периода Западное Чжоу (IX–VIII вв. до н. э.), как показали раскопки жилищ в Чжаочэньцунь (в 2,5 км от Фэнчуцунь), черепица уже покрывала всю крышу, что, в свою очередь, потребовало значительного усиления опорных конструкций [Шан-Чжоу.., 1979. С. 185–187].

Для покрытия использовалась как плоская, так и полуцилиндрическая черепица. Особое внимание уделялось изготовлению и украшению концевых керамических дисков, которые закрывали срезы полуцилиндрической черепицы вдоль края крыши. В эпоху Чжоу первоначально использовались полудиски; такие образцы с узором двойных колец найдены в Чжаочэньцунь. В поздний период Чжаньго (IV–III вв. до н. э.) наравне с полудисками появляются собственно диски (круглой формы), узоры на которых различались в соответствии с царством, где они изготавливались. Так, в царстве Янь предпочитали использовать маску мифического монстра «таотe», в Ци – изображения дерева, в Цинь – узоры в виде гор, деревьев и облаков [У Жунцэн, 1988. С. 538]. Постепенно вырабатывался единый стандарт дисков с «облачным» узором, объединивший традиции разных царств и получивший дальнейшее развитие при династии Хань [Ма Цзяньси, 1976. С. 44]. Много черепичных дисков с «облачным» (спиральным) узором и цветами подсолнечника найдено на территории мавзолея Цинь

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 09-01-00321а.

Шихуанди, реже используются различные благопожелательные надписи, включающие до 10 иероглифов, выполненных, как правило, почерком *сяо чжуань*, утвержденным в качестве стандарта в ходе реформ, проведенных Первым императором. Диаметр таких дисков обычно составляет 13–20 см, но встречаются и особо крупные образцы – например, диски с терриоморфным узором *куй вэнь* диаметром до 60 см. На многих образцах кирпича и черепицы прослеживаются клейма многочисленных чиновников или ведомств, которые занимались поставкой стройматериалов для мавзолея (левый и правый «сыкун», левый и правый дворец и др.).

В целом, узоры черепицы, обнаруженной при раскопках циньских керамических мастерских, отличаются исключительным разнообразием (см., напр.: [Цзяо Наньфэн, Ма Чжэньчжи, Лю Ли, 1984. С. 23–29]); особого внимания заслуживают изображения животных, представленных на находках с территории циньской столицы периода Чжаньго в Юнчэн [Цзяо Наньфэн, Чжан Чжунли, Дуань Цинбо и др., 2008. С. 104–105]. Их изучение – предмет специального исследования; однако с учетом набора животных (олени, «тигры») и особенностей их изображения (сцены терзания, вывернутое тулово) можно предполагать влияние искусства «звериного стиля» (***Рис. 1***). Перспективным представляется также сопоставление этих изображений с писаницами на территории Ганьсу и Внутренней Монголии. Китайские исследователи выделяют в составе рисунков на дисках ряд сюжетных и стилистических особенностей (заполнения в виде шевронов, переплетающиеся головы животных, серповидные когти и др.), которые не встречаются на памятниках других государств Древнего Китая периода Чжаньго, но представлены в наскальном и пластическом искусстве древних кочевников Северного Китая и Монголии (см.: [Лю Ли, 1983]). Такие контакты с зоной степей прослеживаются и по другим элементам циньской материальной культуры.

Заслуживает особого внимания диск, в котором композиция с копытным животным помещена в своеобразный картуш, образованный змеей. Такие сюжеты Д. В. Деопик считал классическими для дяньского (тиенского) искусства; он же указал на их связь с сако-юэчжийским миром [Деопик, 2008]. Следует отметить, что сходство изображений на черепице с “классическими” памятниками звериного стиля восточного региона пояса гор и степей Евразии, скорее тематическое, чем стилистическое. При этом в одном из экземпляров черепицы с сюжетом атаки или “терзания” оленя хищником с чертами волка (?), можно усмотреть также и моделировку туловища оленя с выделенными бедром и лопаткой и гипертрофированными рогами (один показан вдоль туловища оленя до хвоста) в традициях, выработанных в зверином стиле евразийских степей скифской эпохи. Другая композиция, в которой оленя атакует, вероятно, собака, и, кроме того, в нее включено еще одно изображение лягушки или жабы и другие фигуры животного и птицы, не имеет следов подобной стилизации.

Рис. 1. Концевые диски черепицы государства Цинь с изображениями в «зверином стиле».

Еще одна особенность изображений на циньской черепице с зооморфными изображениями – это очевидная S-видность фигур оленя и хищника с повернутой назад головой. Общий для хищников и копытных животных силуэт фигур, который задается этой линией, характерен для эпохального стиля скифской эпохи, что неоднократно отмечалось исследователями (С.И. Руденко, Е.В. Переводчикова, В.Д. Кубарев и другими).

Стоит отметить также такую особенность изображений животных на концевых дисках, как разновеликость фигур хищников и копытных. Дважды в композициях к крупным фигурам оленей "подставлены" несоразмерно маленькие хищники, "терзающие" оленей за шею. В данном случае, вероятно, также следует говорить о воспроизведении главной *темы* искусства звериного стиля, хотя сюжеты с моделированием сюжета терзания в композициях с разновеликими фигурами хищников и копытных, хорошо известны, например, в Пазырыке. Наиболее близка сцене на черепице композиция из Катандинского кургана, где на "клювоголового лося" … "напал хищник небольшого размера" (Завитухина, 1998, с. 147) (показана непропорционально маленькая фигура хищника с чертами медведя, морда которого воспроизведена на шее фантастического копытного).

Таким образом, в отношении зооморфных сюжетов на черепичных дисках можно предположить, что в качестве прототипов подобных сцен на концевой циньской черепице могли использоваться какие-то предметы с изображениями в зверином стиле. Семантика изображений могла быть существенно переосмыслена.

Список литературы

Деопик Д. В. Центральноазиатские связи раннегосударственных объединений в верховьях Сицзяна, Янцзы и Красной реки в позднем бронзовом – раннем железном веке // Традиционный Вьетнам. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – С. 9–25.

Завитухина М.П. Золотая пластина из Забайкалья в Сибирской коллекции Петра I // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. – СПб., 1997. – С. 143–148.

Комиссаров С.А. Археология Западного Чжоу (1027–770 гг. до н. э.) // Древние культуры Китая: Палеолит, неолит и эпоха металла. – Новосибирск: СО «Наука», 1985. – С. 86–111.

Ван Вэй. Чжунхуа вэньмин циюань яньцзюдэ синь дуйсян юй синь цзиньчжань [Новые перспективы и новое развитие исследований по происхождению китайской цивилизации] / Доклад на конференции «Древний Гонконг и Восточная Азия», 21 нояб. 2007 г. – Гонконг, 2007. – 49 с. (на кит. яз.).

Лю Ли. Чжаньго Цинь дунъувэнь вадандэ ишу юаньлю [Истоки искусства узоров в виде животных на циньских черепичных дисках периода Чжаньго] // Каогу юй вэньу цункань (г. Сиань). – 1983. – Вып. 3. – С. 68–73. (на кит. яз.).

Ма Цзяньси. Цинь ду Сянъян вадан [Концевые черепичные диски из циньской столицы Сяньян] // Вэньу. – 1976. – № 11. – С. 42–44. (на кит. яз.).

У Жунцэн. Вадэн [Концевые керамические диски] // Чжунго дабайкэ цюаньшу: Каогусюэ [Большая Китайская энциклопедия: Археология]: 2-е изд. / Отв. ред. Ся Най. – Пекин: Чжунго дабайкэ цюаньшу, 1998. – С. 538. (на кит. яз.).

Цзяо Наньфэн, Ма Чжэньчжи, Лю Ли. И цзю ба эр нянь Фэнсян Юнчэн Цинь–Хань ичжи дяоча цзяньбао [Краткий отчет об обследовании в 1982 г. памятников эпохи Цинь–Хань в районе г. Юнчэн, уезд Фэнсян] // Каогу юй вэньу (г. Сиань). – 1984. – № 2. – С. 23–31. (на кит. яз.).

Цзяо Наньфэн, Чжан Чжунли, Дуань Цинбо, Тянь Яци, Хоу Нинбинь, Сяо Цзяньи. Шаньси каогу яньцзюдэ лиши юй шоухо [История и итоги археологических исследований в провинции Шэньси] // Каогу юй вэньу (г. Сиань). – 2008. – № 6. – С. 3–16. (на кит. яз.).

Шан-Чжоу каогу: Каогу чжуанье цзяосюэ цанькаошу [Археология Шан и Чжоу: Учебное пособие по специальности «Археология»]. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1979. – 378 с., 63 табл. (на кит. яз.).

В.Д. Кубарев

ДВА ЧАШЕЧНЫХ КАМНЯ ИЗ СЕЛА БЕШ-ОЗЕК (РЕСПУБЛИКА АЛТАЙ)

К числу редких и наиболее древних памятников Алтая принадлежат т.н. «чашечные камни». Они получили своё название благодаря наличию на поверхности стел округлых чашечных углублений. Два новых «чашечных камня» найдены при обследовании разрушенных погребений каракольской культуры в 2008 г., в огороде частной усадьбы с. Беш-Озек.

Приведем их краткое описание:

Стела 1. Размеры 150 × 37 × 3 см. Материал – слоистый сланец светло-серого цвета. На одной грани выбито три неглубокие лунки (рис. 1, *1*). Оборотная сторона повреждена сплошными сколами, изображений нет;

Стела 2. Размеры 155 × 45 × 8 см. Материал – слоистый сланец светло-серого цвета. На одной грани в верхней части камня выбит слабо изогнутый поперечный желобок, под ним два симметрично расположенных кружка и «ожерелье?» с неразборчивым изображением. В средней части несколько неглубоких лунок (рис. 1, *2*). На оборотной стороне, в верхней части стелы – пять чашечных углублений, и две лунки в средней части камня.

Первые чашечные камни на Алтае были открыты В.Д. Кубаревым в 1982 году на левом берегу реки Теньги [1984, с. 211] и позднее им опубликованы [1986, с. 68–80]. В районе с. Озерного А.С. Суразаковым в 1977 г. была также найдена плита-стела? с изображениями быков, оленей и др. животных [Кубарев, 1988, рис. 69]. Этому редкому памятнику посвящена отдельная публикация [Молодин, Погожева, 1989]. Исследователи относят плиту к каракольской культуре.

Ареал чашечных камней Алтая пока ограничивается бассейном Урсула и приустьевой частью р. Чуи (Онгудайский район Республики Алтай). Кратко перечислим эти памятники.

Долина р. Урсул. Крупные мегалитические стелы с чашевидными углублениями имеются в долине р. Урсул (лев. приток Катуни). В известном урочище Шибе, у с. Талда отдельные чашечные камни были переиспользованы и стоят в качестве балбалов с восточной стороны больших курганов пазырыкской культуры Алтая. Другая их часть также использована вторично – это оленные камни и древнетюркские изваяния [Кубарев, 1986, с. 76, табл. 2].

Долина р. Каракол. В 1995 г. нами найдено несколько мегалитических стел (высотой 3–4 м) у дер. Боочи, на левом берегу р. Каракол (правый при-

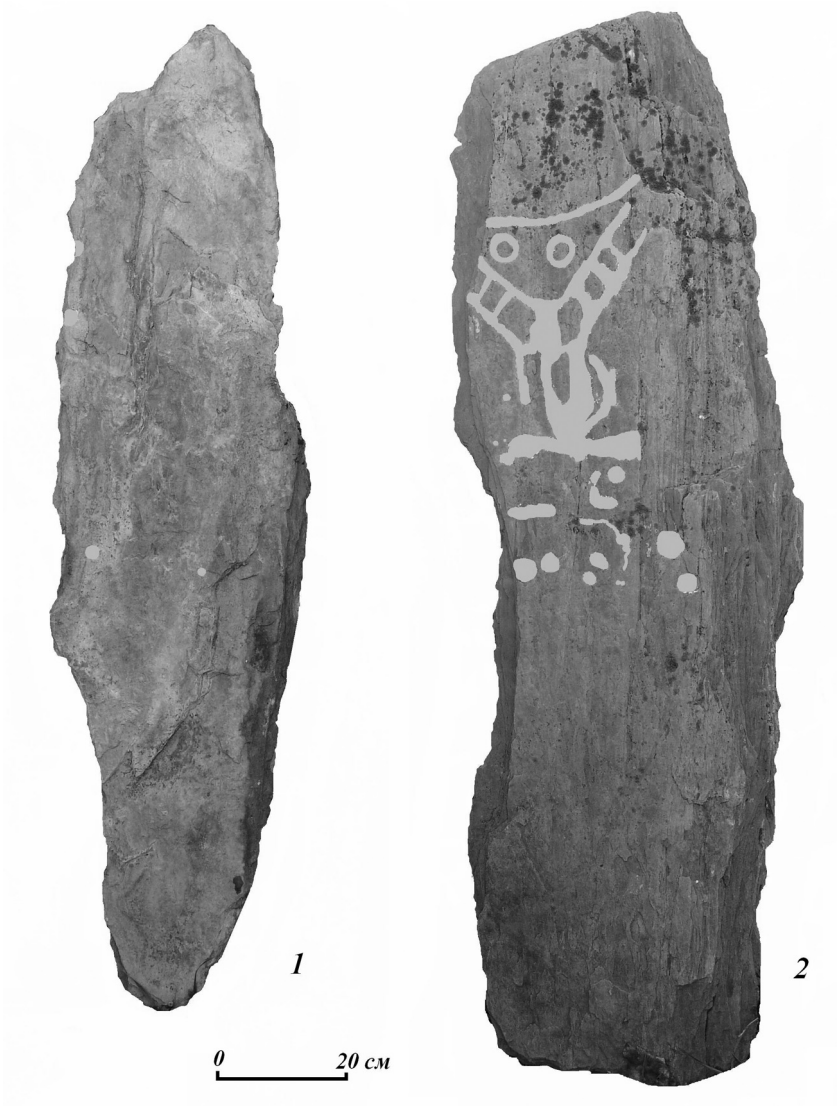

Рис. 1. Два чашечных камня из Беш-Озека. Алтай.

ток Урсула). На их гранях имеются чашечные углубления, а сами монументы, возможно, находятся in situ. Об этом свидетельствуют их массивность и обособленное расположение с западной стороны больших курганов пазырыкской культуры.

Стелы в окрестностях с. Иня. На восточной окраине с. Иня, ранее стояло уникальное каменное изваяние. Верхняя его часть, с зооантропоморфной личиной, была отбита уже в наше время и хранится в музее

г. Горно-Алтайска. После публикации этого памятника [Кубарев, 1979, с. 9, табл. 2, *2*] в архиве Горно-Алтайского музея С.В. Киреевым была найдена и старая фотография ещё целого памятника [см. прорисовку в кн.: Кубарев, 1988, табл. XV, *2*]. Кроме того, что поиски по фотографии первоначального местонахождения изваяния увенчались успехом, в непосредственной близости от нижней обломанной части этого изваяния, были обнаружены еще три массивные стелы, переиспользованные в качестве ограждения древнетюркского поминального комплекса. Их огромные размеры (высота одной из стел превышала 4 м) и форма свидетельствуют, что они органически входили в один культовый комплекс вместе с ранее описанными монументальными памятниками эпохи бронзы. Причем одна из стел была затем превращена в оленный камень, на котором, однако, кроме пояса и архаического чекана, других изображений не оказалось.

Бичикту-Кая. На правом берегу р. Катуни, чуть ниже ее слияния с р. Чуей, у известного бома Бичикту-Кая найден чашечный камень. Он представляет собой серую гранитную плиту неправильных очертаний, полными размерами 420 х 300 х 27 см. На одной плоскости камня около двух десятков чашечных углублений диаметром от 2,5 до 4 см, глубиной 0,5–15 мм. Нижняя, вкопанная часть, выходящая обломанным краем на дневную поверхность, указывает ориентацию чашечного камня. Он был обращен лицевой (?) стороной на юго-запад.

Стелы из Калбак-Таш I. На правом берегу Чуи, между с. Иодро и с. Иня, у местонахождения петроглифов Калбак-Таш I найдены две небольшие плиты с рисунками, возможно, использовавшиеся в древности как стелы. Они весьма близки теньгинским чашечным камням наличием рисунков и чашевидных углублений на двух широких гранях плит. Однако, судя по их небольшим размерам и рисункам, калбакташские плиты–стелы, очевидно, были установлены несколько позже, чем теньгинские или каракольские.

Стела из Калбак-Таш II. Обломок каменного блока с чашечными углублениями, шлифованными поперечными полосами и глубокими параллельными «резами», недавно найден в устье Чуи, на местонахождении Калбак-Таш II. Он до сих пор лежит в 30 м. от полотна Чуйского тракта.

Стела в окрестностях с. Иодро с выбитыми рисунками и чашечными углублениями обнаружена поваленной, с восточной стороны полуразрушенного кургана. Находится прямо у Чуйского тракта, рядом с селом Иодро, на левом берегу Чуи. Стела была поставлена новосибирскими археологами в предполагаемом первоначальном положении.

Если обратиться к опубликованным археологическим материалам соседних с Алтаем регионов, то можно найти очень похожие монументальные памятники, датируемые эпохой бронзы или даже более архаичным временем. Очевидно, на раннем этапе первые азиатские «менгиры» были более массивны, грубы и бесформенны. Они не имеют никаких изображений. Подобные менгиры, достигающие высоты 4–6 м, известны в Центральном

Казахстане. Характерной особенностью их является расположение на возвышенных местах, вблизи древних поселений и у некрополей эпохи бронзы. Некоторые из них, благодаря причудливой природной форме, названы бараньими, медвежьими и даже верблюжьими камнями [Маргулан, 1979, с. 277–278; 286–287]. Та же традиция установки зооморфных менгиров практиковалась и в Хакасии [Кызласов, 1986, с. 148–151, табл. 86; 88]. На втором этапе в Саяно-Алтае, возможно, появляются стелы с чашевидными углублениями и редкими рисунками парнокопытных (лось, марал и бык). Такие стелы-обелиски известны в центральных и западных областях Казахстана: в местности Койшоки и на р. Кантегир [Маргулан, 1979, с. 287, с. 292–294, табл. 212; 215], а также в Дыкылтасе [Самашев, Ольховский, 1996, с. 218–234, табл. 1, *7*]. Нанесенные на них фигуры (кольца, поперечные полосы и "перехваты") уже напоминают оленные камни. Однако не исключено, что часть стел Дыкылтаса («рыбообразной и саблевидной» формы) гораздо древнее периода установки оленных камней и может быть отнесена к ранней бронзе. Об этом могут свидетельствовать: использование широкой грани в качестве лицевой, наличие пропилов и чашечные углубления.

Монгольские мегалитические стелы располагаются, как и алтайские, у подножия гор. Они, возможно, маркировали древние родовые угодья, одновременно служа визуальными ориентирами на путях кочевания. Один «чашечный камень» найден в одном из рядов, недавно открытого комплекса оленных камней в местности Цагаан-Асга. Стелы у сомона Ногонуур и оз. Ачит-Нуур, наличием чашечных углублений в верхней части [Кубарев, 2000, табл. I, *4*], напоминают теньгинские стелы Алтая.

На р. Цагаан-Гол, в 1999 г. обнаружен чашечный камень, переделанный в оленный камень [Кубарев, Цэвээндорж, 2000, табл. 7, *1*]. Еще два небольших камня с чашечными углублениями – своеобразные "чуринги" бронзового века, недавно были найдены на р. Ховд и в центре насыпи циклопического керексура у оз. Цагаан-Нуур [Кубарев, 2000, табл. I – *6, 7*]. Последняя находка, по условиям местонахождения, явно повторяет ситуацию ритуального комплекса Уйтас на р. Коксай, где чашечный камень (с тремя лунками и другими изображениями) находился с восточной стороны сооружения, напоминающего по конструкции керексуры Монголии [Марьяшев, Потапов, 1999, с. 104, табл. 4].

Чашевидные углубления на алтайских стелах, несомненно, семантически близки подобным символам, нанесенным на окуневских стелах, изваяниях, менгирах Хакасии и Казахстана. Применяясь в качестве отдельных изобразительных элементов (глаза, уши, солярный знак, корпускулы лучевых корон и т.д.), они на некоторых изваяниях кажутся излишне многочисленными, сюжетно не связанными с основными изображениями. Причем, чашевидные углубления выполнены на них, как на боковых сторонах, так и на лицевой части и даже на макушке изваяний. Приведенные примеры позволяют высказать предположение, что ритуал установки стел

с чашевидными углублениями существовал и в Хакасии. Он, возможно, древнее традиции изготовления окуневских изваяний. Поэтому отдельные стелы в более позднее время дополнительной обработкой могли быть превращены в изваяния.

Таким образом, если суммировать факты, то они работают в пользу авторской версии о хронологии теньгинских стел и чашечных камней Центральной Азии. Монументальные памятники Алтая, а также синхронные им «тазминские» (по Л.Р. Кызласову) стелы Хакасии, в том числе и стелы на тагарских курганах, вторично или даже многократно переиспользованы в намогильных сооружениях более поздних культур. Они, несомненно, относятся к эпохе энеолита-бронзы, а может быть и к финальному неолиту Южной Сибири [Шер, 1980, с. 217–233; Кызласов, 1986, с. 185–187].

Список литературы

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая. Оленные камни. – Новосибирск: Наука, 1979. – 120с.

Кубарев В.Д. Охранные работы на Алтае // АО 1982 года. – 1984. – С. 209–210.

Кубарев В.Д. Чашечные камни Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1986. – С. 68–80.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 172 с.

Кубарев В.Д. “Мифические” чашечные камни Алтая и их аналогии в древних культурах Евразии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. – С. 104–108.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д. Terra incognita в центре Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С.48–56.

Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 295 с.

Маргулан А.Х. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Онер, 1979. – 336 с.

Марьяшев А.Н., Потапов С.А. Камни с чашевидными углублениями из Семиречья // История и археология Семиречья. – Алматы: Фонд XXI века, 1999. – С.104–109.

Молодин В.И., Погожева А.П. Плита из Озерного (Горный Алтай) // СА. – 1989. – № 1. – С. 167–177.

Самашев З.С., Ольховский В.С. Стелы Дыкылтаса // Вопросы археологии Западного Казахстана. – Самара, 1996. – Вып. 1. – С. 218–234.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

В.Д. Кубарев, Г.В. Кубарев

НОВЫЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ИЗВАЯНИЯ АЛТАЯ

Двадцать пять лет назад была опубликована монография по древнетюркским изваяниям Алтая [Кубарев В.Д., 1984]. Тогда корпус древнетюркских изваяний этого региона насчитывал 256 скульптур. С тех пор найдено довольно значительное число новых каменных изваяний, часть из которых уже введена в научный оборот [Кубарев В.Д., Кочеев, 1989; Кубарев Г.В., Розвадовски А., Кубарев В.Д., 2003; Ямаева, 2003 и др.], другие же остаются неопубликованными*. Общее число известных на сегодняшний день древнетюркских изваяний Алтая приближается к 300 экземплярам.

Также активно продолжается исследование собственно древнетюркских поминальных сооружений на территории Алтая [Кубарев Г.В., 2005; Кубарев Г.В., Слюсаренко И.Ю., Кубарев В.Д., 2006; Матрёнин, Сарафанов, 2006 и др.]. Точное количество исследованных поминальных сооружений оценить также достаточно сложно, так как многие остаются неопубликованными. Примерное число раскопанных древнетюркских оградок около 200.

Информация о новых изваяниях и исследованных оградках Алтая, как правило, отрывочная и публикуется в самых различных малотиражных и труднодоступных изданиях. Именно поэтому нами разработан исследовательский проект, нацеленный на создание полного каталога древнетюркских изваяний Алтая, обобщение информации о поминальных сооружениях, картографирование поминальных объектов, наконец, получение представительной серии радиоуглеродных дат и, по возможности, абсолютное датирование объектов методом дендрохронологии.

В настоящей публикации мы вводим в научный оборот небольшую серию из пяти древнетюркских изваяний. Получив сведения от различных информаторов о наличии новых изваяний, мы предприняли специальную поездку, в ходе которой они были всесторонне научно обработаны. Все изваяния были смещены с первоначальных мест установки, но для отдельных памятников удалось установить их местонахождение. Приведём описание этой серии изваяний.

---

* Так, по информации В.И. Соёнова, за последний год только в одной долине р. Себистей (Кош-Агачский район Республики Алтай) найдено пять древнетюркских изваяний.

Рис. 1. Древнетюркские изваяния.
1 – с. Купчегень, школьный музей; *2* – с. Озёрное (Онгудайский район); *3* – Озерное, музей «Ойбок» (Усть-Канский район); *4* – Бель; *5* – с. Каракол, школьный музей.

Изваяние № 1. с. Купчегень (рис. 1, *1*). 63×23 × 9 см. Выполнено на валуне темно-серой породы. Голова изваяния тщательно обработана и выделена по отношению к туловищу. Сверху воспроизведен небольшой головной убор. Черты лица хорошо и глубоко проработаны: нос с широкими ноздрями, губы, брови. Глаза изображены миндалевидными с круглыми зрачками.

С правой стороны на голове имеется скол и здесь же на торцевой стенке – четыре косые вырезанные линии. Вероятно, это современные следы от транспортировки (?) изваяния.

Расположено на территории школы с. Купчегень вместе с несколькими другими древнетюркскими изваяниями. По сведениям В. М. Моносова, это изваяние было найдено в 1975 г. жителем села Купчегень трактористом Николаем Аспомбаевым на террасе левого берега р. Большой Яломан, на пашне. Лицо изваяния было подновлено находчиком зубилом. Затем он доставил изваяние в с. Купчегень. Спустя некоторое время В.М. Моносов привёз его на территорию местной школы.

Изваяние № 2. с. Озёрное (рис. 1, 2). 106 × 37 × 7–12 см. Выполнено из сланцевой плиты серо-голубого цвета. Голова изваяния сколота в древности – сохранилась лишь нижняя часть лица: нос, усы, рот. Лицо выполнено в высоком рельефе по отношению к шее, фон которой выбран сплошной выбивкой. Таким же приёмом рельефно выделены руки, плечи и сосуд – фон вокруг них выбран сплошной выбивкой. Остаётся впечатление, что изваяние осталось незаконченным: фон остался невыбранным вокруг пояса и кинжала.

Правая рука согнута в локте и держит снизу кувшинчик, левая – опущена на рукоять коленчатого кинжала, который на двух портупейных ремнях подвешен к поясу. На поясе схематично воспроизведены прямоугольные бляхи без прорезей.

Изваяние найдено в 2006 году учителем истории с. Озёрное (Онгудайский район Республики Алтай) Л.Г. Кергиловой. Оно находится примерно в 80 м на ЮЮВ от большого кургана, диаметром 27–30 м. В свою очередь, курган расположен в 3 км на юг от с. Озерное.

Изваяние № 3. с. Озерное (рис. 1, *3*). 78×25 × 8 см. Выполнено на сланцевой плите серо-коричневого цвета. Голова выделена из общего монолита и отделена от туловища глубокой выемкой. Крупные и выразительные черты лица выполнены в глубоком рельефе: широкий нос, переходящий в надбровные дуги-брови, большие миндалевидные глаза, рот, щеки и длинные усы. Правая рука согнута в локте и держит сосуд, левая – опущена вниз, на предполагаемый пояс.

Изваяние найдено близ с. Озерное, находящееся в 5 км от с. Усть-Кан. Ю.М. Самташев доставил его в музей «Ойбок» туристического комплекса «Усть-Канская пещера», где оно сейчас и находится.

Изваяние № 4. Бель. (рис. 1, *4*). 56 × 23 × 10 см. Выполнено из плиты серо-коричневой плотной породы. Одной линией изображены овал лица, плечи, шея. Схематично показаны черты лица. Правая рука согнута в локте и держит снизу сосудик, левая рука лишь намечена. Все детали выполнены неглубокой точечной выбивкой. Верхняя часть изваяния частично сколота, а лицевая поверхность слегка залощенная.

Изваяние найдено у подножия гор, на краю вспаханного поля в 3–4 км от с. Иня, в направлении р. Малый Яломан.

Изваяние № 5. с. Нижняя Талда (рис. 1, *5*). 35 × 25 × 3 см. Выполнено на сланцевой плите серого цвета. Почти в центре плиты глубокой выбивкой воспроизведено лицо. Нос и брови показаны одним рельефом, маленькие глаза близко посажены друг к другу. Усы, как будто, отсутствуют. В правом верхнем углу от лица мелкой выбивкой намечена ещё одна личина, значительно меньшего размера.

Изваяние было найдено в окрестностях с. Нижняя Талда. В настоящее время оно находится в экспозиции школьного музея с. Каракол.

Анализируя иконографию и реалии, изображенные на данных изваяниях, можно сказать, что два из них (рис. 1, *1*, *5*) относятся к самому распространенному типу – лицевых, когда на фигуре изображены только черты лица или силуэта головы. Два других изваяния показаны с сосудом в правой руке, но без оружия (рис. 1, *3, 4*). Они могут быть отнесены к типу 2 [Кубарев В.Д., 1984, с. 20]. Наиболее интересно и реалистично изваяние из Озёрного (рис. 1, *2*). На нем хорошо различимы: отдельно смоделированное лицо, рельефно выделяющиеся плечи. Правая рука, согнутая в локте, поддерживает перед грудью сосуд, левая - опущена на рукоять коленчатого кинжала, подвешенного к поясу, который украшен бляхами квадратной формы. Оно принадлежит к группе изваяний с сосудом в правой руке, поясом и оружием (тип 1 по классификации В.Д. Кубарева) [1984, с. 20].

Наиболее интересной деталью изваяния у с. Озёрного (рис. 1, *2*) является коленчатый кинжал, тем более, что изваяний с коленчатыми кинжалами на Алтае не так много. По мнению одного из авторов этой статьи, коленчатые кинжалы связаны с мало изученным периодом древнетюркской истории – временем существования первого Тюркского каганата (VI – первой половиной VII вв.) [Кубарев Г.В., 2008]. Именно поэтому изваяние, найденное у с. Озёрного, должно относиться к этому раннему периоду древнетюркской эпохи.

Данная публикация является предварительной и вводит в научный оборот вышеописанную серию каменных изваяний, которые в будущем займут своё место в сводном каталоге древнетюркских изваяний Алтая.

Список литературы

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.

Кубарев В.Д, Кочеев В.А. Новая серия каменных изваяний Алтая // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1989. – С. 202–222.

Кубарев Г.В. Исследование древнетюркских оградок в местностях Кыйу и Кызыл-Шин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. X**I, ч. I. –** С. 368–374.

Кубарев Г.В. Коленчатые кинжалы древнетюркской эпохи // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э.: Тез. докл. IV Междунар. архе-

ологич. конф. – Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 2008. – С. 68–72.

Кубарев Г.В., Розвадовски А., Кубарев В.Д. О новых древнетюркских изваяниях Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX, ч. I. – С. 373–376.

Кубарев Г.В., Слюсаренко И.Ю., Кубарев В.Д. Исследование древнетюркских оградок в устье Чаганузуна (Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. I. – С. 392 – 396.

Матрёнин С.С., Сарафанов Д.Е. Классификация оградок тюркской культуры горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2006. – С. 203–218.

Ямаева Е.Е. Изваяние из урочища Согодёк // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. – Вып. 1. – С. 90–91.

Г.В. Кубарев, И.Ю. Слюсаренко, В.Д. Кубарев

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОМИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА V – НАЧАЛА VI ВЕКА АРЖАН-БУГУЗУН НА АЛТАЕ*

В полевом сезоне 2009 года Чуйский и Дендрохронологический отряды Североазиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН проводили совместные археологические работы на территории Кош-Агачского района Республики Алтай. Объектом исследования стало большое сооружение с валом и рвом в верховьях р. Бугузун, близ границы с Республикой Тыва.

Этот памятник был открыт в 1979 году В.Д. Кубаревым и отнесен к древнетюркским поминальным сооружениям. Позднее, в своей монографии, посвященной древнетюркским изваяниям Алтая, В.Д. Кубарев причислил это сооружение к одному из десяти известных на Алтае поминальных памятников древнетюркской знати [1984, с. 51–55]. Это т.н. аютинский тип оградок, окруженных валом и рвом. Однако даже при визуальном осмотре памятника до начала археологических работ бросалось в глаза то, что объекты, окруженные валом и рвом, не являются оградками, а скорее напоминают круглые насыпи курганов. На памятнике отсутствовали такие неотъемлемые атрибуты древнетюркских поминальных сооружений, как изваяния и балбалы. Необычность этого сооружения была отмечена и В.Д. Кубаревым [1984, с. 53]. В ходе работ предстояло определить характер этого, единственного в своём роде, памятника на Алтае, его хронологическую и культурную принадлежность.

Исследованный археологический объект получил название Аржан-Бугузун, т.к. находится в верхнем течении р. Бугузун, в относительной близости к местному целебному источнику – Аржану. Он представлял собой четыре каменные насыпи, возведённые в ряд по линии В-З и окруженные валом и рвом (рис. 1). Размеры этого прямоугольного, с округлыми углами сооружения составляли 32х36 метров. Сторонами оно ориентировано почти строго по странам света. Вал и ров хорошо сохранились и четко прослеживались ещё до начала проведения раскопок. В северной стенке вала и рва различимы три прохода, каждый шириной около 1 метра. Они устроены напротив трёх крупных каменных насыпей. За пределами сооружения, к северу и югу от него на некотором удалении – две небольшие каменные

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проекты № 08-06-00253а, 09-06-10015-к.

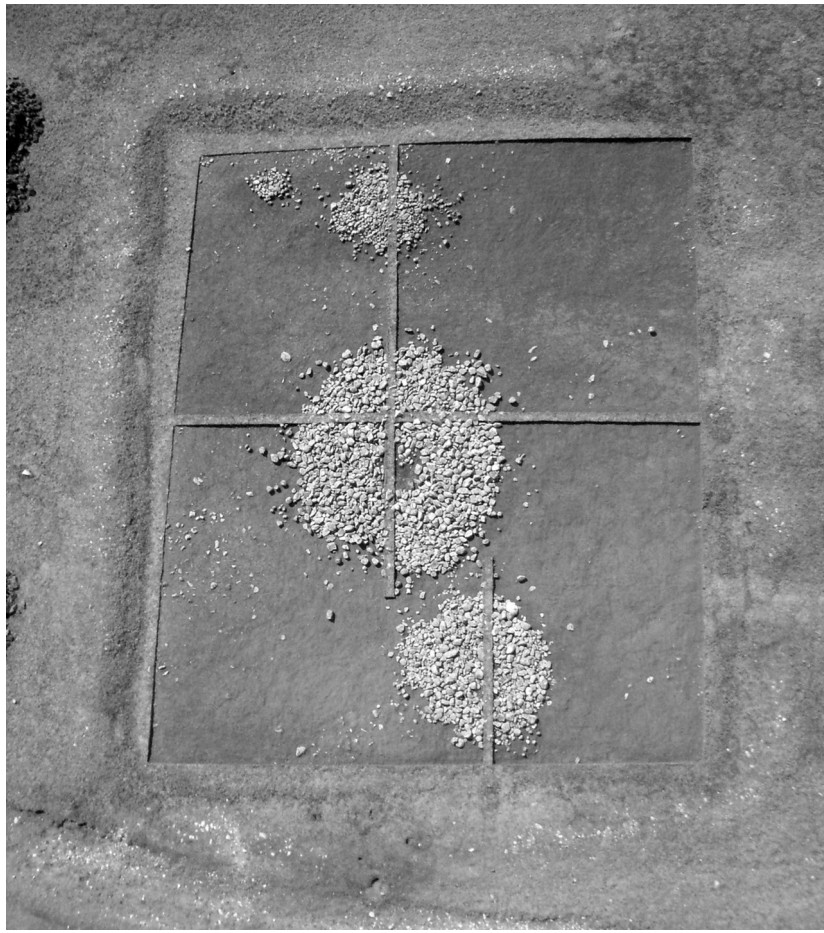

Рис. 1. Вид сверху на зачищенные насыпи объектов памятника Аржан-Бугузун.

кладки. Сооружение с валом и рвом выглядит изолированным и никоим образом не привязано к памятникам других, предшествующих эпох – поблизости их просто нет.

Каменные насыпи оказались сильно задернованными, что довольно необычно для этого высокогорного района Южного Алтая. Вероятно, этот факт объясняется большей увлажненностью долины Бугузуна и наличием болот по сравнению с другими районами Южного Алтая. Большие объекты (№ 1 – диаметр 6,3 м; № 2 – диаметр 9-9,8 м) были сложены из крупных камней в 2-3 слоя, малые объекты (№ 3 – диаметр 4,2 м; № 4 – диаметр 1,8–2,2 м) – из небольших камней и галек в 1–2 слоя. В центре насыпей пространство, как правило, не было заполнено камнями и здесь прослежены мощные зольные пятна, в которых фиксировались отдельные жженые

кости животных или человека. Под насыпями трёх объектов (№ 1–3) обнаружены фрагменты керамических сосудов, с орнаментом от прокатанного штампа. Под каменными насыпями курганов не было зафиксировано ям и погребений. Исследование памятника проводилось сплошной зачисткой и снятием дёрна внутри вала и рва – т.е. всё межкурганное пространство было зачищено. Однако каких либо дополнительных сооружений, ямок или зольных пятен на этом пространстве не было выявлено. Вал и ров со всех четырёх сторон были прорезаны траншеями, с целью установления конфигурации, размеров и их конструктивных особенностей.

Наиболее интересная находка была сделана в зольном пятне объекта № 1. Здесь был зачищен уздечный набор, состоящий из железных удил с псалиями и бронзовых, позолоченных бляшек, выполненных в т.н. полихромном стиле. Несомненно, что все бляшки сделаны одним мастером в едином стиле. Они овальной и круглой формы, отличаются друг от друга размерами и вставками из разных полудрагоценных камней – красноватого и бежевого цветов. Вставки в виде кабошонов занимают центральную часть предмета, вокруг гнезда, по краю бляшки имеется ободок из крупной зерни или из филигранной проволоки, имитирующей зернь. В таком же стиле оформлены две уздечные бронзовые пряжки. Их щиток выполнен в виде такой же круглой бляшки со вставкой из полудрагоценного камня. Уздечный набор украшали также прямоугольные бляшки со вставками из камней и серебряный набалдашник. Любопытно, что насечки, выполненные на железных S-образных псалиях, имитировали их изготовление из витого прута. Пожалуй, единственная вещь, найденная в этом скоплении артефактов, не относилась к уздечному набору – это золотая бляшка, вероятно, являвшаяся нагрудным медальоном человека. Она имеет два ободка из зерни, а в центре – вставку из граната (?).

Необходимо отметить, что все предметы были уложены на почти прогоревшее кострище, а не бросались в огонь. Несмотря на окалину, поврежденность от высокой температуры некоторых бляшек и их вставок из камней, в целом, уздечный набор и железные удила прекрасно сохранились.

Исследованный памятник Аржан-Бугузун является первым и пока единственным в своем роде на Алтае. Археологические памятники такого круга, несмотря на свою единичность, встречаются на территории всей степной полосы Евразии: от Алтая до Северного Причерноморья. К этому кругу памятников принадлежат: погребение в Бома на территории Синьцзяня [The ancient culture, 2008, 258–261 pp.], катакомбное погребение в местности Шамси в Киргизии [Kožomberdieva etc. 1998], погребение у оз. Борового в Казахстане [Бернштам, 1949], ряд склепов (50,65,72,76) Борижарского могильника в Казахстане [Байпаков и др., 2005, с. 203]. Наконец, два погребения на р. Морской Чулек в Северном Причерноморье являют собой пример наиболее удалённого на запад распространения подобных памятников [Засецкая и др., 2007].

Наибольшую близость находки из Аржан-Бугузуна обнаруживают с материалами из катакомбного погребения в Шамси в Киргизии [Kožomberdieva etc. 1998]. Здесь, в том числе, обнаружен уздечный набор с аналогичными небольшими удилами, снабженными S-образными псалиями [Kožomberdieva etc. 1998, Abb. 9, *8, 9*]. На уздечные ремни крепились бляшки различной формы, многие из которых аналогичны изделиям из Аржан-Бугузуна. Они также выполнены из бронзы и позолочены, хотя некоторые детали оформления отличны. Не исключено, что часть круглых бляшек, найденных на алтайском памятнике, могла украшать переднюю луку седла, как в случае с подобными находками из Шамси [Kožomberdieva etc. 1998, Abb. 7, *2*]. Как предполагают авторы публикации материалов из погребений Морского Чулека, в Центральной Азии могли существовать ювелирные мастерские, продукция которых обнаруживается не только на территории современных Киргизии и Казахстана, а теперь и Алтая, но и в Северном Причерноморье [Засецкая и др., 2007, с. 80].

Все вышеперечисленные памятники характеризуются богатством погребального инвентаря, представленного золотыми украшениями костюма и конской сбруи. Погребенные в них люди, несомненно, принадлежали к высшим слоям кочевнического общества. Этим во многом объясняется их единичность. Авторы раскопок и публикаторы этих погребальных комплексов достаточно единодушно и убедительно датируют их второй половиной V – началом VI вв.* Вероятно, к этому же времени следует относить и памятник Аржан-Бугузун. Взятые для радиоуглеродного анализа образцы угля, вероятно, смогут уточнить датировку исследованного комплекса в верховьях р. Бугузун.

Принципиальным отличием исследованного памятника в местности Аржан-Бугузун от уже упомянутых аналогичных памятников в Киргизии, Казахстане, Туркестане и Северном Причерноморье является тот факт, что на алтайском памятнике не было зафиксировано погребений. Можно лишь предполагать, что это сооружение имело поминальный характер, однако аналогов ему не известно. Оно лишь отдельными элементами сходно с поминальными сооружениями древнетюркской знати, а именно – наличием вала и рва.

Исследованный объект относится к заключительному этапу эпохи Великого переселения народов или к т.н. постгуннской эпохе. Это «смутный» период в истории Евразийской степной зоны, когда различные кочевые народы восточного происхождения устремились на Запад. Каждый новый памятник этой эпохи представляет большой научный интерес, что лишний раз подчеркивает значимость проведённых полевых исследований.

---

*Ещё одно погребение у с. Тугозвоново в Алтайском крае, содержащее великолепные образцы изделий в полихромном стиле, по-видимому, датируется несколько более ранним периодом – IV-V вв. [Уманский, 1978].

Список литературы

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. – Алматы: Баур, 2005. – 224 с.

Бернштам А.Н. Находки у озера Борового в Казахстане // Сб. музея антропологии и этнографии. – 1949. – Вып. 13.

Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. – 212 с.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.

Уманский А.П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 129–163.

Kožomberdieva E.I., Kožomberdiev I.K., Kožemjako P.N. Ein Katakombengrab aus der Schlucht Samsi // Eurasia Antiqua. – 1998. – № 4. – S. 451-471.

The ancient culture in Xinjiang along the Silk Road. – Urumchi, 2008. – 304 p.

В.Е. Ларичев, Е.Г. Гиенко, С.А. Паршиков

ХРАМ ВРЕМЕНИ И СВЯЗАННЫЕ С НИМ КОМПЛЕКСЫ САКРАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА (К ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АСТРАЛЬНЫХ СТРУКТУР СВЯТИЛИЩА ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА СЕВЕРНОЙ ХАКАСИИ)

Галилео Галилею и 400-летию начала телескопической астрономии посвящаем.

За три десятилетия систематического обследования долины р. Белый Июс в районе Сундуков (предгорья Кузнецкого Алатау) были обнаружены многочисленные, разного вида объекты древних культур. Особый интерес среди них неизменно привлекали памятники, выявленные у подножий и на склонах группы возвышенностей со скальными вершинами, именуемых местными жителями Грудь-горой. Эти памятники воспринимались неким центральным звеном, связующим воедино всё культурно обустроенное пространство от храмов и могильников Саратского Сундука (Кобяково) и горы Сохатин (Подлиственки) на севере и до правобережных гор окрестностей сел Фыркал и Малое Кобежиково на юге (продолжение гряды Сундуков левобережья Белого Июса и его притоков – рек Черемушка, Черная и Кизилка).

Разведочные поиски проводились в конце 80-х гг. прошлого века сначала на западных склонах Грудь-горы. Тогда удалось обнаружить наскальные рисунки, древние туры, сложенные из плиток песчаника, сложноструктурный *астрокомплекс* из вертикально вкопанных плит и загадочного назначения объект с веером крупных, горизонтально уложенных плит. Повторное обследование западных, а затем и восточных склонов возобновилось лишь через полтора десятка лет с целью дополнительного изучения наскальных изображений и их фиксации. Тогда-то и был найден самый интересный из памятников, названный «*Храмом Времени*» [Ларичев, 2004], а поблизости от него – миниатюрное святилище «Алтарь» с изображениями трех солнц и каменной выдвинутой вперед полкой. Она предназначалась, видимо, для установки курильниц и размещения жертвенных подношений.

Первому памятнику и функционально связанным с ним объектам прилегающей (в пределах видимости) округи посвящен этот доклад. Работа велась в русле программы, изложенной на предшествующей научной сессии ИАЭТ СО РАН [Ларичев, Гиенко, Паршиков, Прокопьева, 2008]. Задача состояла в том, чтобы подтвердить идею рациональности увязывания основного объекта изучения (положим, наскальных изображений)

с культурными комплексами, территориально близкими или удаленными от объекта, но, возможно, функционально связанными с ним. Глубинная подоплека такого, не лишенного технических сложностей, изыскания *с использованием нетрадиционных методики и технологий*, *а также должной новизны инструментария*, нацеливалась на отход от традиционного метода отыскания смысла знаков и образов первобытного искусства. Того метода, который В.И. Равдоникас иронично назвал «*механистической трактовкой*» и с чем безуспешно пытался «*покончить*» ещё в конце 30-х годов прошлого века [Ларичев, 2009*а*; 2009*б*, в печати].

***Храм Времени* как *астроархеологический* объект.** При работе в поле над расшифровкой календарной знаковой «записи» возникла мысль о том, что внутреннее пространство *храма,* ориентированного центральной осью входа на юг, освещается лишь в зимние месяцы, когда Солнце смещается низко над южным горизонтом, но полностью уходит в тень, когда наступают месяцы астрономических весны и лета.

Эта идея требовала, разумеется, строгой проверки специалистами – астрономами и геодезистами, вооруженными соответствующим инструментарием и неординарными методами их использования. Именно это и осуществили сотрудники и студенты Сибирской государственной геодезической академии в 2009 г. В ходе тщательных геодезических и астрономических измерений, а также дулжных расчетов *использовались навигационный спутниковый приемник, электронный теодолит, программируемый микрокалькулятор, электронный тахеометр с лазерным прицелом, лазерная рулетка и электронный наклономер*. С помощью последних трех приборов производились промеры *внутреннего пространства храма*. Обработанные данные позволили реконструировать, картины того, что именно наблюдал древний человек в определенное время и в определенном месте. При выполнении измерений рассматривались два варианта расположения наблюдателя: 1 – *на площадке перед храмом* (предполагалось, что в древности жрец осуществлял обзор горизонта и одновременно вел наблюдение за освещенностью внутренних деталей *храма*); 2 – *внутри храма*.

Работа началась с определения географических координат *храма* навигационным спутниковым приемником с точностью 2–5 м и ориентировки всего комплекса по астрономическому азимуту с точностью 0,2' (рис. 1, **а**). Далее были измерены горизонтальные и вертикальные направления на характерные точки горизонта и вычислены соответствующие склонения суточных параллелей. Эти операции позволили определить места восходов Солнца в дни летнего и зимнего солнцестояний, а также в равноденствия (результаты см. на рис. 1, **а**, **б**, **в**). Из отмеченных на рисунке точек, рукотворной оказалась лишь одна – массивная, намеренно подпертая и круто приподнятая плита (рис. 1, **б**; см. отметку –28°). Как выяснилось, она предназначалась для фиксации места восхода низкой полной летней Луны со склонением –28°. Приметной была также точка восхода Солнца в дни летнего солнцестояния. Дневное светило всходило *у края башневидно-*

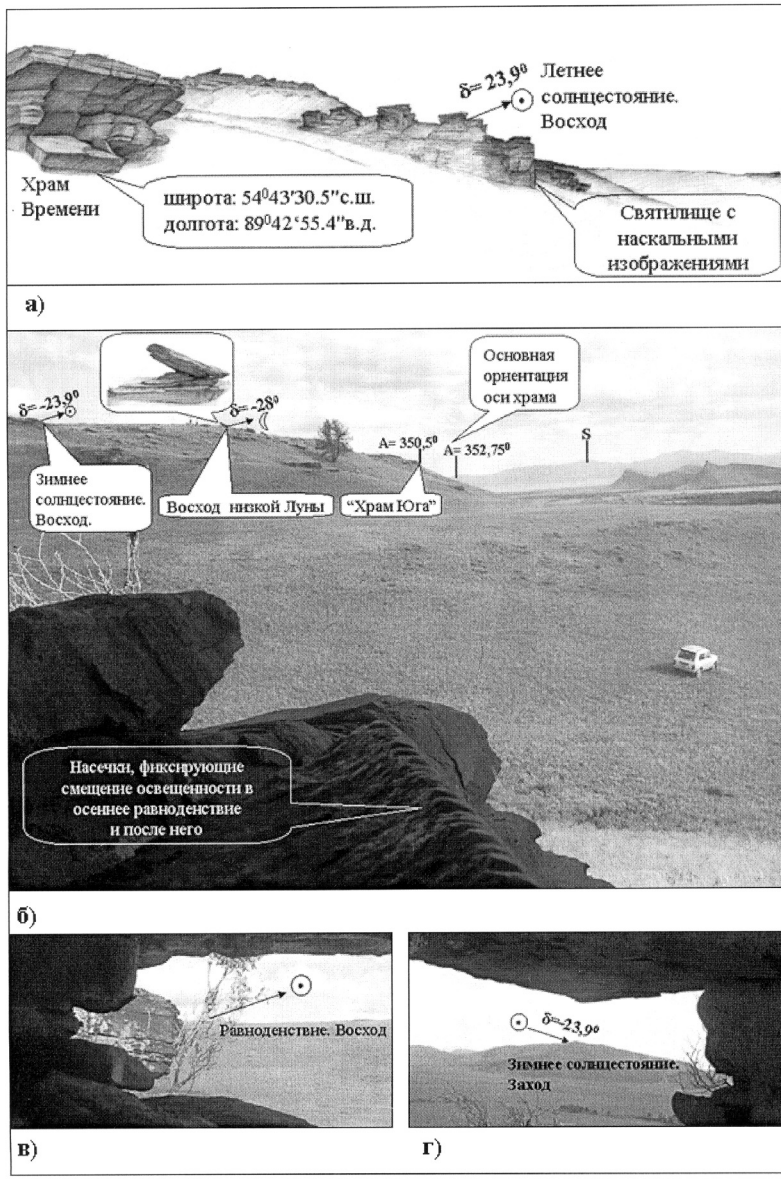

Рис. 1. «*Храм Времени*» и связанные с ним сакральные скульптуры:
а – взаимоположение *храма* и *святилища* с наскальными изображениями; точка восхода Солнца в дни летнего солнцестояния (второй справа башневидный выступ); **б** – астрономически значимые точки горизонта, наблюдаемые из *храма*; **в** – точка восхода Солнца в осеннее и весеннее равноденствия, когда начинают освещаться насечки (см. **б**); **г** – точка захода Солнца в дни зимнего солнцестояния над вершиной горы Солбон (*Венера*).

го выступа над святилищем с наскальными изображениями, расположенными в полусотне метров от *храма* (рис. 1, **а**; см. отметку 23,9° и надпись «Святилище с наскальными изображениями»). Угол рельефного уступа на дальнем горизонте тоже можно считать заметной для наблюдателя точкой. Там, у подножия уступа, ожидался восход Солнца в дни зимнего солнцестояния (рис. 1, **б**; см. отметку –23,9°). Бесспорных указателей точки восхода Солнца в дни равноденствий при осмотре горизонта от *храма* выявить не удалось. Возможно, они не сохранились или остатки их скрывает растительность.

Определение ориентировки *храма* (см. на рис. 1, **б** отметку «Основная ориентация оси *храма*») и реконструкция его освещенности Солнцем в течение года преподнесли в особенности оптимистические результаты. А все дело в том, что при ориентировке оси храма на юг, Солнце практически *не «заглядывает» внутрь храма летом*. Чтобы представить, как освещает внутреннюю полость его осеннее, зимнее и весеннее Солнце, пришлось решать нетривиальные геодезические и астрономические задачи. Для того сначала были проведены натурные наблюдения горизонта изнутри *храма* и осуществлены линейные и угловые замеры его стенок. Далее последовало определение ориентировки всего сооружения по азимуту с точностью 30'. С помощью серии угловых и линейных измерений электронным тахеометром *было выполнено «сканирование» сооружения с целью получения трехмерной модели его камеры*, а также измерены возможные горизонтальные и вертикальные направления, наблюдаемые из *храма* как в пределах входа в него, так и через проемы по левому и правому краям боковых стенок, оформленных, полагаем, преднамеренно. Все эти операции *исполнялись с использованием лазерного луча электронного тахеометра*.

Результаты определения ориентировки *храма* в целом и его главного элемента – ребра с насечками у восточной стенки, позволили сделать выводы о связи памятника с другими астроархеологическими объектами ближайшей округи. Так, выяснилось, что центральная ось *храма* была ориентирована на юг по азимуту 352,75° ± 0,5° (см. рис. 1, **б**). В том направлении виден край скального обрыва, где в 80-е годы удалось обнаружить упомянутое выше «загадочное сооружение» с веером горизонтально уложенных тяжеловесных песчаниковых блоков и вертикально установленной плитой в центре (см. на рис. 1, **б** отметку «*Храм Юга*»; см. также рис. 2).

Реконструкцию освещенности Солнцем внутренней полости *храма* в течение года по результатам выполненных измерений можно представить следующим образом: летнее Солнце, поднимаясь высоко на юге, *оставляет в тени все стенки сооружения, а также насечки на ребре*. Так продолжается вплоть до наступления осеннего равноденствия. В этот день лучи восходящего Солнца *впервые в году проникали сквозь восточный проем, освещая край ребра с насечками, а далее, к полудню, лучи проникали внутрь, полностью освещая пол храма, прикрытый у входа плитой, но оставляя в тени заднюю стенку камеры* (рис. 1, **б** и **в**).

Рис. 2. «*Храм Юга*» с веером горизонтально уложенных песчаниковых плит. С другой точки наблюдения, обозначенной наклонно установленной плитой, – «*Храм восхода Солнца в дни зимнего солнцестояния*».

По мере приближения к зиме, Солнце начинало всходить с каждым утром правее и правее (т.е. ближе и ближе к югу), *вследствие чего освещалось все большее и большее количество насечек* (см. рис.1, **б**). *Понемногу расширялась и площадь освещенности задней стенки храма.* Процесс этот завершался в дни зимнего солнцестояния. Тогда освещенными оказывались *все насечки и примерно 75% задней стенки*. Не менее интересная картина наблюдалась и при заходе Солнца в те же дни зимнего солнцестояния: лучи светила проникали внутрь *храма* через *западный проем и освещали еще раз всю восточную стенку его и все насечки* (рис. 1, **г**).

После зимнего солнцеворота начинался обратный процесс, связанный с началом смещения точек восходов и заходов Солнца на север. Он, этот процесс, завершался восходом *дневного светила в день весеннего равноденствия, когда крайние насечки освещались в последний раз* (рис. 1, **б** и **в**). Тогда же начинали день за днем исчезать в тени все детали внутреннего пространства *храма*, чтобы через полгода, в день осеннего равноденствия, лучи Солнца вновь впервые осветили крайние насечки, знаменуя окончание летнего астрономического сезона и начало второго полугодия – осенне-зимнего, когда светило пребывало в южной половине Мира, расположенной ниже небесного экватора (рис. 1, **б** и **в**).

Использование новых методов анализа *храмового сооружения* позволило раскрыть его неизвестное ранее функциональное назначение – уникаль-

ного *светотеневого определителя времени наступления сезонных перемен в течение всего года и точной фиксации моментов равноденствий и солнцестояний. Храм Времени* был и местом, откуда велись прямые наблюдения восходов и заходов светил на горизонте. Он представлял собой одну из главных структур сакрально обустроенной местности, в которую входили святилище с наскальными изображениями, приметные места восходов светил и «*Храм юга*». Результат поиска подтвердил идею возможности связи изучаемого объекта с другими культурными комплексами, размещенными как вблизи, так и на значительном от него удалении.

Список литературы

Ларичев В.Е. Парадоксы Времени (к проблеме характера религии тагарской культуры) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций: Сб. статей. – Новосибирск: Редакционно-издательский центр НГУ, 2004. – Вып. 3: Парадоксы в археологии. – С. 113–141.

Ларичев В.Е.. Космос, Время и Боги в символах и образах наскального искусства Карелии (методы астроархеологии, палеоастрономии и палеокалендаристики в «прочтениях» сюжетных панно). – Ч. I.: Интерпретация композиции «Охота на медведя» // Информационные технологии в гуманитарных науках: Сб. статей. – Вып. 13. – Новосибирск: ЗАО РИЦ «Прайс-Курьер», 2009а. – С. 94–111.

Ларичев В.Е. Космос, Время и Боги в символах и образах наскального искусства Карелии (методы астроархеологии, палеоастрономии и палеокалендаристики в «прочтениях» сюжетных панно). – Ч. II.: Интерпретация сцены «Шествие двух групп оленей» // Информационные технологии в гуманитарных науках: Сб. статей. – Вып. 15. – Новосибирск: ЗАО РИЦ «Прайс-Курьер», 2009б (в печати).

Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Паршиков С.А., Прокопьева С.А. Первый Сундук – Мировая Гора, достигающая высоты Солнца (к методике выявления закономерностей размещения в культурно обустроенном пространстве сакральных памятников) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XIV. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 184–189.

Е.А. Миклашевич

ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ И МОНИТОРИНГ ПАМЯТНИКОВ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА В ХАКАСИИ И НА ЮГЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В 2009 ГОДУ

В полевой сезон 2009 г. автором проводились работы по документированию и мониторингу состояния сохранности памятников наскального искусства на территории Республики Хакасия и юге Красноярского края.

В Минусинском районе Красноярского края было продолжено документирование петроглифов в горах Суханиха и Мосеиха, расположенных на правом берегу Енисея в месте впадения в него р. Тубы в Енисей. Главными направлениями работ были копирование изображений и документирование повреждений. На береговом склоне Суханихи (Суханиха I), где многие плоскости находятся в аварийном состоянии из-за воздействия Красноярского водохранилища, проводился мониторинг состояния их сохранности, а документированию повреждений было уделено особое внимание (рис. 1, *1*). Проведено сравнение состояния памятника по материалам исследования его А. В. Адриановым в 1904 г., которые включают описания изображений [Адрианов, 1906] и копии-эстампажи [МАЭ]. Выяснилось, что к настоящему времени исчезла целая группа плоскостей, фактически ещё одно местонахождение, которое было расположено между береговым склоном и внутренними логами Суханихи; скорее всего, оно уничтожено каменоломней. На местонахождении Суханиха IV (Основной лог) на склоне среди камнепада обнаружена отдельная плита с изображениями антропоморфных фигур (рис. 1, *2*), близко напоминающих фигуры одной из известных плоскостей этого же местонахождения. На горе Мосеиха несколько плоскостей было расчищено от лишайника, а одна и от склоновых отложений (рис. 1, *3*), что позволило выявить новые изображения и уточнить контуры ранее зафиксированных. С этой же целью применялась ночная фотосъёмка петроглифов в искусственно созданном косом освещении. На местонахождении Мосеиха I (известном как Потрошиловская писаница) при участии студентов Кемеровского государственного университета, проходивших музейную практику, проводилась расчистка петроглифов основной группы плоскостей от выполненных красками посетительских надписей.

Были продолжены работы и по планомерному документированию петроглифов местонахождений Сулек и Сульфатные горы в Орджоникидзевском районе Республики Хакасия. Петроглифы копировались способом прорисовки на прозрачные материалы, а также с помощью эстампажей – бумажных оттисков, по методу А. В. Адрианова.

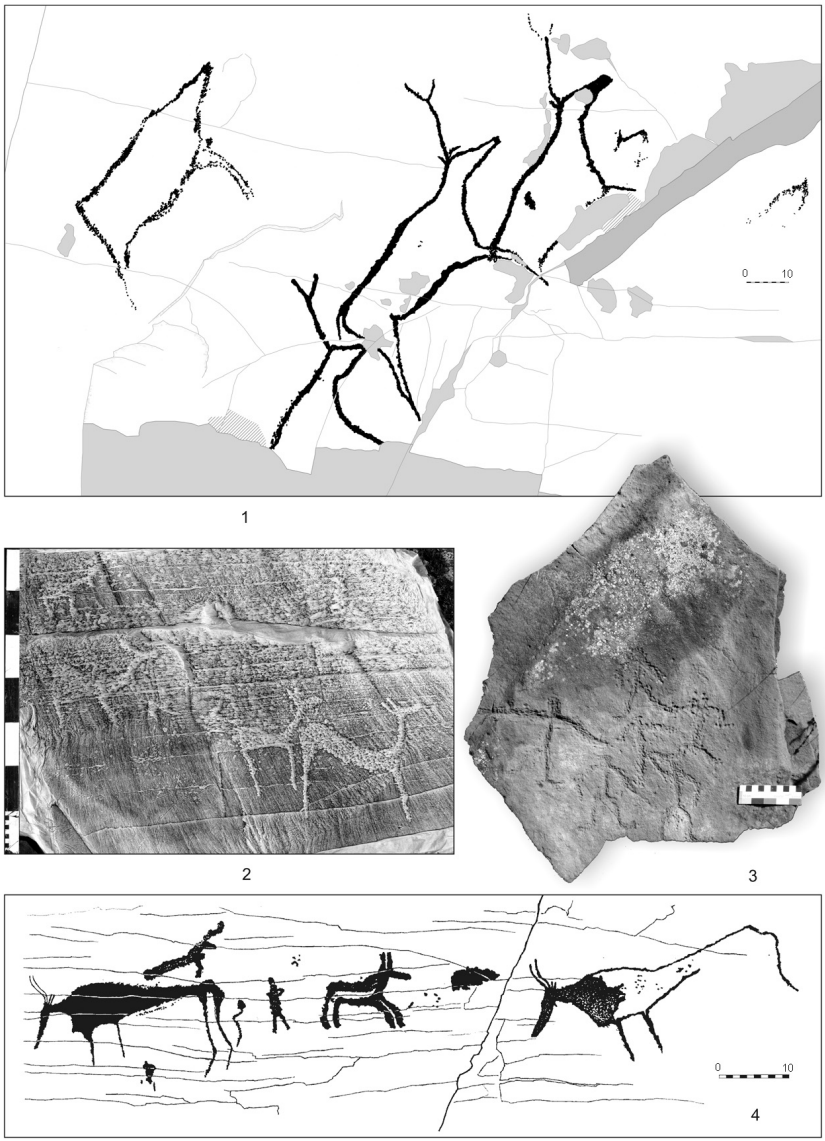

Рис. 1. 1 – Суханиха I, документирование повреждений. На прорисовке петроглифов отмечены трещины, утраты фрагментов камня и скальной корки, внутренние полости; *2* – Мосеиха III, микалентная копия плоскости, обнаруженной в 2009 г. и расчищенной от лишайника и склоновых отложений; *3* – Суханиха IV, найденная в 2009 г. плита с изображениями антропоморфных фигур; *4* – Мосеиха III, прорисовка изображений окуневской культуры с более поздними добавлениями.

Одним из главных направлений нашей работы является мониторинг состояния сохранности и выявление динамики деструкции памятников наскального искусства. С этой целью была предпринята поездка, повторяющая маршрут А. В. Адрианова 1909 года по писаницам Ачинского уезда [Адрианов, 1910, с. 41-46] (ныне Шарыповский район Красноярского края, Орджоникидзевский и Ширинский районы Республики Хакасия). Ровно 100 лет назад неутомимый исследователь памятников наскального искусства А. В. Адрианов посетил в этом районе такие памятники как Уракская писаница (также известная под названиями Ораки, Кедровая), Печищенская, или Сулековская писаница (Сулекская), писаница на горе Тюря, писаница «против горы Тюря», Ошкольская писаница, руническая надпись у пещеры Тогус-Асс, Аспатская писаница, писаница на р. Техтерек. На первых пяти памятниках было выполнено документирование петроглифов способом эстампирования (эстампажи хранятся в фондах МАЭ) и фотографирования (фотографии пока не обнаружены); выполненные краской руническая надпись Тогус-Асса и рисунки Техтерека были зарисованы Адриановым и опубликованы в упомянутой статье. Таким образом, в нашем распоряжении оказались материалы для сравнения состояния писаниц сейчас и 100 лет назад.

Особенно большие возможности для мониторинга предоставляет наиболее полная коллекция эстампажей, сделанных А. В. Адриановым на Сулекской писанице и горе Тюря. С помощью фотографий этих эстампажей были выявлены изменения в состоянии сохранившихся, но разрушающихся плоскостей памятника. Несколько плоскостей с рисунками в юго-западной части горной гряды в настоящее время полностью утрачены (выломаны на камень для строительства дороги в 1950-е гг.), однако могут быть восстановлены для науки по эстампажам Адрианова. Также, по эстампажам могут быть восстановлены фрагменты изображений на двух самых крупных и известных плоскостях Сулекской писаницы, более всего повреждённых посетительскими надписями. В целом, состояние Сулекской писаницы (Сулек I) красноречиво показывает динамику процессов разрушения памятников наскального искусства за последние 100 лет: сейчас на этом местонахождении сохранилось 14 плоскостей с изображениями, 7 плоскостей утрачены полностью; из 14-ти оставшихся на четырёх отмечены значительные утраты фрагментов скальной корки и даже целых скальных блоков с изображениями, две плоскости обезображены надписями.

По фотографиям эстампажей из коллекции МАЭ удалось сделать также интересные наблюдения о состоянии петроглифов Ошкольской писаницы и на горе Кедровой (Уракская писаница). В первом случае отмечены увеличение площади утрат скальной корки и следы попыток отколоть фрагменты с изображениями. Для писаницы на горе Кедровой как наиболее характерные виды разрушений отмечены отслоение и отделение фрагментов скальных блоков с изображениями от основного массива, что связа-

но, видимо с индустриальной деятельностью (промышленные взрывы?) в районе, а также посетительские надписи и рисунки.

Выполненная краской руническая надпись у входа в одну из пещер Тогус-Асс (современное название Тогзас) пока цела (следы попыток отколоть её были зафиксированы ещё А. В. Адриановым [1910, с. 44]), но сам вход в пещеру до такой степени покрыт посетительскими надписями, что обнаружить среди них рунику чрезвычайно трудно.

Нами были осмотрены и рисунки Аспатской писаницы (ниже места впадения рч. Аспат в р. Белый Июс). Адрианов лишь отметил, что здесь «местах в 4-5 можно заметить следы полинявшей и почти исчезнувшей фигурной писаницы, сделанной красною краской» [1910, с. 45]. Мы выявили на этом местонахождении 11 плоскостей с изображениями, выполненными красками разных оттенков красного и коричневого цветов. Рисунки действительно едва заметны и «читаются» с большим трудом. Из наиболее интересных можно отметить композиции с изображениями животных (лосих?, медведя?), а также изображение, очень напоминающее окуневские личины (рис. 2, 5). Оно нарисовано на скале, своей естественной формой похожей на человеческую голову, отделённую «шеей» от «туловища». На «голове» так же естественным рельефом выделяются выпуклость «носа» и углубления «глазниц».

На скале, расположенной у впадения в Июс р. Техтерек, А. В. Адрианов зафиксировал 8 отдельных изображений – фигур и знаков [1910, с. 45]. К настоящему времени сохранилось только 2 из них (рис. 4). Эти изображения выполнены густой тёмно-красной краской, с отчётливыми контурами, и, в отличие от размытых рисунков Аспатской писаницы, относятся к гораздо более позднему времени, скорее всего, к этнографической современности.

Проведенный «сравнительный анализ» позволяет проследить не только динамику деструкции памятников, но также и «динамику» их исследования и введения в научный оборот. За прошедшие сто лет результаты документирования только одного из них – петроглифов на горе Кедровой – были опубликованы полностью [Семенов и др., 2000]!

В статье А. В. Адрианова упоминается также писаница близ улуса Ключик, которую он нашёл и сделал эстампаж и две фотографии [1910, с. 46-47], и писаница «пониже станицы Солоноозёрной 5-6 верст, на берегу Белого Июса», о которой имел лишь «опросные сведения», но найти не успел [там же]. Местонахождение улуса Ключик и, следовательно, писаницы около него, нам пока установить не удалось. Что касается второго памятника, то это, видимо, писаница, известная сейчас как Кобяковская. Она находится близ современной деревни Кобяково, на берегу Белого Июса. В 1980-х была найдена и исследована В. Е. Ларичевым [Ларичев, 1983]. Нами в 2009 г. было проведено документирование петроглифов этой весьма интересной, пока в литературе не представленной писаницы. К сожалению, состояние её сохранности нельзя назвать удовлетворительным.

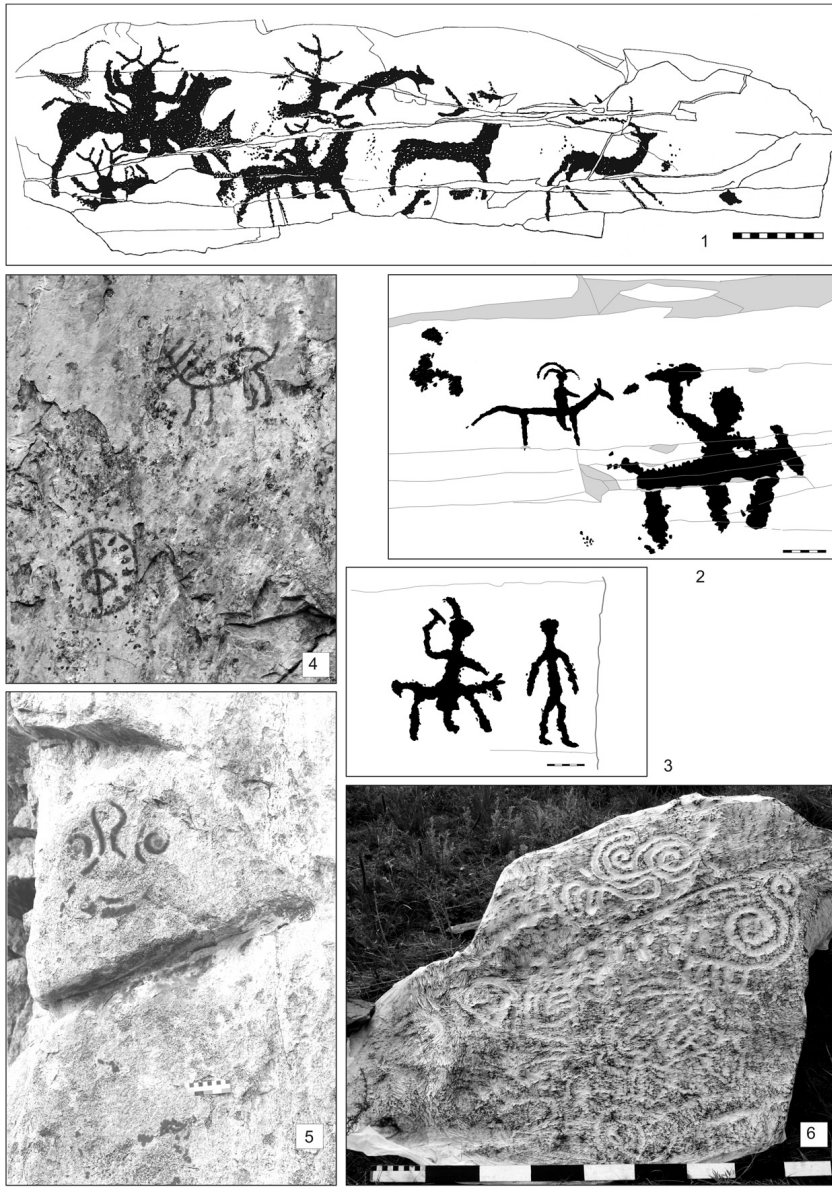

Рис. 2. 1 – Прорисовка одной из композиций местонахождения Сулек IV; *2, 3* – прорисовки некоторых композиций Кобяковской писаницы; *4* – выполненные краской рисунки писаницы Техтерек (фотография в естественном виде, без обработки); *5* – личина Аспатской писаницы (фотография обработана, рисунок существенно усилен в программе Photoshop); *6* – микалентная копия на расчищенном от лишайника камне с «лабиринтами», Фёдоров Улус.

Центральную часть горы прорезает дорога, ведущая в с. Июс, при строительстве которой, видимо, был уничтожен ряд плоскостей. Отдельные фрагменты изображений эпохи поздней бронзы и скифского времени найдены на разрушенных плоскостях по обе стороны дороги. Не пострадала от строительства группа плоскостей, расположенная ближе к берегу реки, но здесь отмечены довольно сильные факторы естественной деструкции. Всего на памятнике выявлено около 10 плоскостей, половина из которых содержит лишь фрагменты изображений.

В Аскизском районе Республики Хакасия были продолжены работы по поиску и документированию изображений в окрестностях с. Нижняя Тёя. В 4 км к востоку от села, в местности, известной как Фёдоров Улус, зафиксирован новый памятник наскального искусства. В этом районе в 1989 г. проводила раскопки разновременных памятников экспедиция под руководством Д. Г. Савинова. В одной из могил тесинского времени могильника Арбан IV была найдена каменная стела, со всех четырёх сторон покрытая абстрактными изображениями – «лабиринтами». На склоне горы, у подножия которой располагалось это погребение, сотрудники экспедиции заметили и скальный выход с похожим изображением, едва угадывавшимся под толстым слоем лишайника. В 2009 г. мы вернулись к исследованию этого местонахождения. Кроме уже известной плоскости, были найдены ещё две, тоже с аналогичными нефигуративными изображениями и тоже густо покрытые лишайником. После расчистки были выявлены контуры изображений, некогда довольно глубоко выбитых, а теперь сильно сглаженных под действием лишайников. Петроглифы скопированы на микалентную бумагу (рис. 2, *б*), сфотографированы в естественном виде и при искусственно созданном косом освещении ночью. Скальные выходы в этой местности обследованы полностью, других изображений не обнаружено.

Список литературы и источников

Адрианов А.В. Писаницы Енисейской губернии. – Томск, 2006. (Рукопись. Архив МАЭС ТГУ. Д. 55.)

Адрианов А.В. Отчёт по обследованию писаниц Минусинского края // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии… – № 10. – СПб., 1910. – С. 41–53.

Ларичев В.Е. Отчёт об исследованиях Верхнечулымской археологической экспедиции в 1982 г. – Новосибирск, 1983. (Рукопись. Архив ИА РАН. Р-1, № 9228.)

Семёнов Вл.А., Килуновская М.Е., Красниенко С.В., Субботин А.В. Петроглифы Каратага и горы Кедровой. – СПб., 2000.

Е.А. Миклашевич, Л.Л. Бове

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА В ОНГУДАЙСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ В 2009 ГОДУ

В полевом сезоне 2009 г. авторами статьи было проведено обследование нескольких памятников наскального искусства, расположенных на территории Онгудайского района Республики Алтай. В зависимости от степени изученности памятников, задачами экспедиционных работ являлись: разведки и определение границ местонахождений, замеры координат, фотофиксация, составление фотопанорам, описание, копирование, выявление факторов разрушения и документирование повреждений петроглифов. Наиболее существенные результаты были получены при обследовании трёх хорошо известных местонахождений.

Памятник наскального искусства у с. Озёрного был обследован и в целом документирован ещё в 1989 г., позднее результаты работы были полностью опубликованы [Миклашевич, 2006]. Тем не менее, оставалась необходимость более тщательного обследования как уже известного местонахождения, так и других гор в окрестностях села. В задачи работы входили также замеры координат, фотофиксация петроглифов на современном уровне, съёмка фотопанорам для последующей индексации, документирование повреждений и оценка состояния сохранности памятника. В результате обследования основного местонахождения были найдены несколько неизвестных ранее плоскостей с петроглифами, большей частью обычные изображения козлов, но также и более интересные композиции, как например, группы ориентированных по диагонали и даже вертикально животных – козлов, оленей, хищников (рис. 1, *1*), или гравированное изображение оленя с подогнутыми ногами и др. Обследование горы со скальными выходами, находящейся в 2,7 км к СВ от пункта IV, показало отсутствие там наскальных изображений. В будущем планируется продолжить поиск петроглифов в горах, расположенных к СЗ от села и озера Теньгинское.

На знаменитом местонахождении Калбак-Таш, которое монографически опубликовано [Kubarev, Jacobson, 1996] и в настоящее время является одним из немногих в Сибири музеефицированных памятников наскального искусства, входя в состав природно-хозяйственного парка «Чуй-Оозы», проводились работы по определению факторов разрушения памятника и документированию повреждений петроглифов. Документирование повреждений было проведено на примере чрезвычайно показательной в этом плане плоскости № 273 (по индексации В. Д. Кубарева, Э. Якобсон). Были

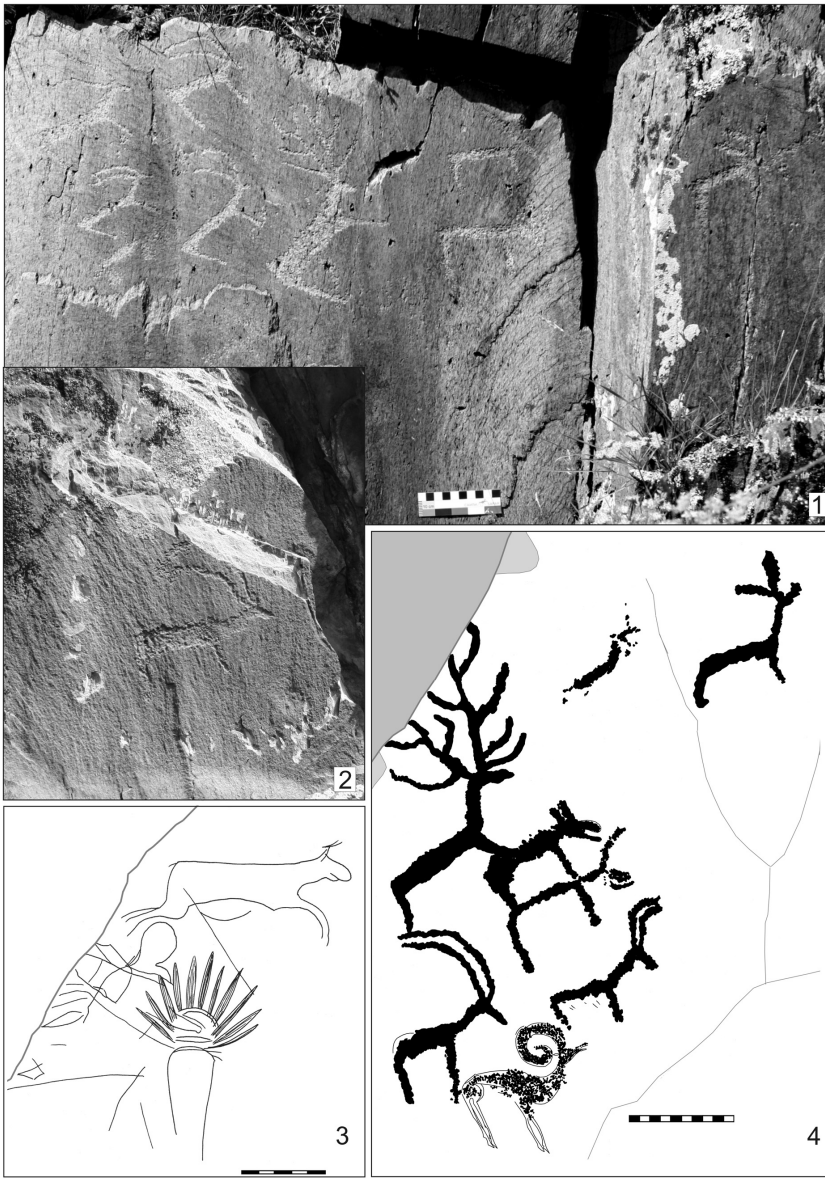

Рис. 1. 1 – Наскальная композиция у с. Озерное; *2* – Калбак-Таш. Видны следы попыток отбить наскальный рисунок и отсутствующий фрагмент в верхней части; *3* – Бичикту-Бом. Солнцеголовое божество каракольской культуры (гравировка, прошлифовка) и более поздние изображения; *4* – Бичикту-Бом. Рисунки, выполненные техникой выбивки по гравированным эскизам.

зафиксированы не только все детали всех изображений, как это обычно делается, но также и особенности субстрата (границы плоскости, рельеф скальной поверхности, трещины). Далее были выявлены и по разработанной системе условных обозначений нанесены на полученную прорисовку следующие виды повреждений: последствия жизнедеятельности лишайников, высших растений, насекомых; отслоившиеся и утраченные фрагменты камня и скальной корки; антропогенное вмешательство (современные выбивки и граффити, следы сколов и попыток отбить фрагменты плоскости с помощью альпенштока). С помощью метода перкуссионной дефектоскопии были выявлены и также зафиксированы на прорисовке внутренние полости (глубинные и подкорковые) и аварийные участки – слабодержащиеся фрагменты скальной корки. При сравнении с прорисовкой В. Д. Кубарева отмечена утрата фрагментов скальной корки с изображениями в верхней и правой верхней частях плоскости. Скорее всего, эти слабодержащиеся фрагменты были намеренно отколоты посетителями памятника. По свидетельству экскурсовода А. Борбошева, попытки туристов отбить «на память» фрагменты древних изображений не прекращаются даже теперь, когда памятник находится под охраной. Одну из таких попыток он пресёк летом этого года, но к сожалению, турист-вандал успел повредить плоскость с изображением (рис. 1, *2*).

Другой знаменитый памятник наскального искусства Горного Алтая – Бичикту-Бом – также монографически опубликован [Мартынов, Елин, Еркинова, 2006] и находится на охраняемой территории природного парка «Уч-Энмек». К сожалению, представленный в публикации уровень документирования и интерпретации этого выдающегося памятника таков, что заставляет обратиться к его исследованию вновь. В частности, авторы монографии утверждают, что «здесь нет изображений ранее **IV в. до н.э.»** [Мартынов и др., 2006, с. 302]. Однако, даже по опубликованным в книге весьма приблизительным копиям можно «опознать» и выбитые изображения эпохи бронзы, и изумительные раннескифские гравировки. Одной из задач нашего обследования памятника и стало выявление и точное документирование изображений скифского времени. Была обнаружена целая серия одиночных изображений и многофигурных композиций, выполненных в основном в технике гравировки, и представляющих собой яркие образцы аржано-майэмирского стиля. Одна из таких композиций представлена на рис. 2, *2*. Изображения раннескифского времени локализуются по большей части на самых верхних ярусах горы, возвышающейся над деревней Бичикту-Бом, и её отрогов. Эти композиции явно были хорошо заметными и привлекали внимание более поздних «художников». На некоторых плоскостях гравировки скифского времени перекрыты выбитыми композициями, в ряде случаев – выполненными в хорошо выраженном «геометрическом» стиле (рис. 1, *4*; рис. 2, *1*). Таким образом, в петроглифах Бичикту-Бома выделяется ещё один изобразительный пласт, датировка которого пока не совсем ясна, но в любом случае, эти изображения не могут

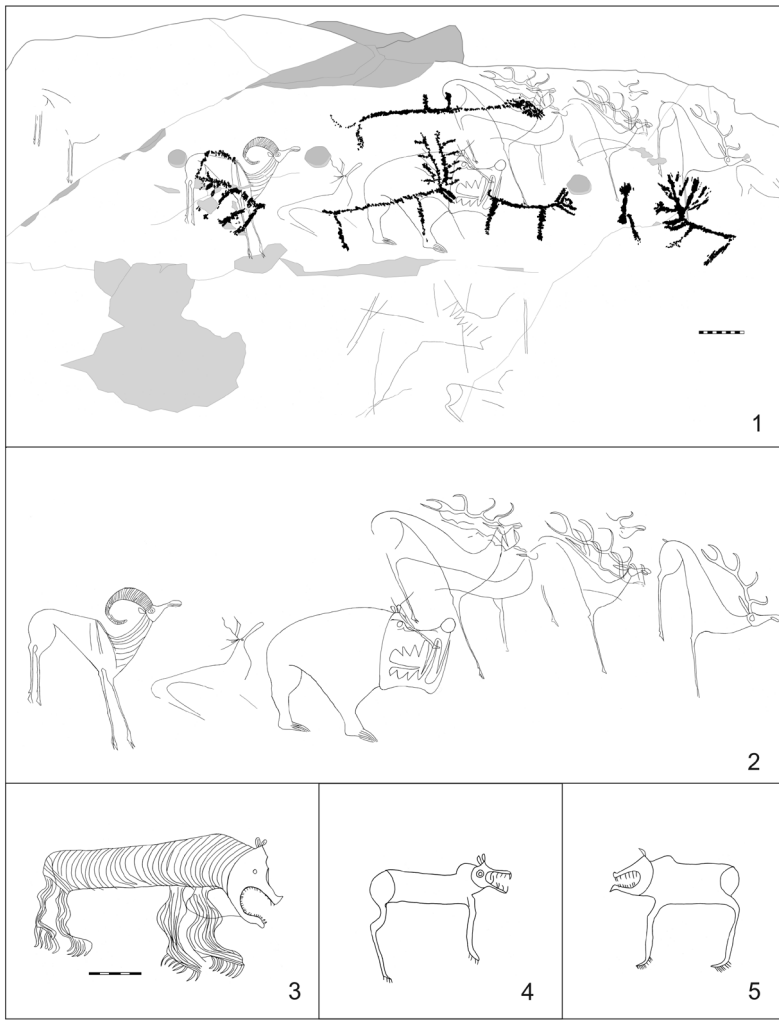

Рис. 2. Петроглифы Бичикту-Бома.
1 – многофигурная композиция-палимпсест с гравировками скифского времени и более поздними выбитыми изображениями. На копии зафиксированы особенности субстрата и повреждения скальной поверхности; *2* – та же плоскость, представлены только гравировки скифского времени; *3–5* – выполненные в подражание изображения медведей более позднего времени (фрагменты многофигурных композиций).

быть ранее аржано-майэмирского пласта (последовательность перекрывания была прослежена с помощью увеличительных стёкол и макросъёмки). Образ медведя (или медведеподобного хищника), находящийся в центре представленной композиции (рис. 2, *2*) и обнаруженный также на других плоскостях, «вдохновлял», видимо, и алтайских художников. В целом ряде

художественно выразительных, сложных многофигурных композиций нового времени (хотя, по мнению авторов монографии, среди современных рисунков «нет смысловых групповых сцен», они «не несут художественной ценности и лишены какого-либо смысла» [там же, с. 319]), находящихся рядом со сценами скифского времени, воспроизводится этот образ (рис. 2, *3-5*), сохраняющий некоторые черты иконографии ранних эпох.

В процессе осмотра памятника и поиска рисунков скифского времени, совершенно неожиданно было обнаружено выполненное в технике сочетания гравировки и прошлифовки изображение солнцеголового персонажа (рис. 1, *3*), пополнившее небольшую пока серию рисунков каракольской культуры на скалах [Молодин, 2006, с. 278]. Изображение частично перекрыто более поздними фигурами. Зафиксированный фрагмент представляет собой только часть некогда большой плоскости, расслоившейся в направлении параллельно изобразительной поверхности. Верхние слои её наклоняются книзу и растрескиваются, в данное время фрагмент с солнцеголовым персонажем находится на поверхности с сильным отрицательным углом наклона, с угрожающим отслоением скальной корки и на слабодержащемся блоке камня, то есть, в аварийном состоянии.

На скалах Бичикту-Бома были также проведены выявление факторов разрушения памятника и документирование повреждений петроглифов. Основным естественным фактором разрушения является вертикальное расслоение скальных выходов, затем постепенный крен верхнего слоя с изобразительной поверхностью книзу, и последующее выпадение скальных блоков. Большую угрозу представляет также отслоение и вспучивание скальной корки с последующей утратой фрагментов изображений. Можно лишь предполагать, какое огромное количество плоскостей с рисунками было утеряно в результате естественной деструкции скал на протяжении долгого времени функционирования памятника. Наверняка, жители долины, оставившие Каракольский могильник [Кубарев, 1988] (находящийся всего в 3 км от Бичикту-Бома) и обладавшие высокоразвитой художественной традицией, не обошли своим вниманием и скалы Бичикту-Бома. Но за прошедшие 4 тысячелетия от той эпохи до нас дошел лишь один рисунок!

Список литературы

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988.

Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М. Бичикту-Бом – святилище Горного Алтая. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. – 346 с.

Миклашевич Е.А. Памятники древнего искусства у с. Озёрного (Горный Алтай) // Археология Южной Сибири. – Вып. 24. – Кемерово, 2006. – С. 102–127.

Молодин В.И. Каракольская культура // Окуневский сборник 2. Культура и её окружение. – СПб, 2006. – С. 273–282.

Kubarev V. D., Jacobson E. Sibérie du Sud 3: Kalbak-Tash I (République de l'Altai. Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. – F. 3. – Paris, 1996.

В.И. Молодин, Н.В. Ермакова

БРОНЗОВЫЙ ВИСЛООБУШНЫЙ ТОПОР ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ БАРАБЫ

Находка бронзового вислообушного топора – явление в Барабинской лесостепи достаточно редкое. Еще до недавнего времени на этой территории не было зафиксировано ни одного такого изделия [Аванесова, 1991, рис. 1]. Однако в последние годы ситуация несколько изменилась. Прекрасный вислообушный топор с гребнем и тамгообразными знаками был обнаружен на юге Барабинской лесостепи [Молодин, Шатов, Софейков, 1999, с. 462–466]. В настоящее время он экспонируется в музее Института археологии и этнографии СО РАН. Второй вотивный вислообушный топор был найден в погребальном комплексе андроновского (федоровского) могильника Старый Тартас-4 [Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002, рис. 10–6]. Литейная форма для отливки проушного топора была найдена И.Г. Глушковым на севере Барабинской лесостепи, в предтаежной зоне, в поселенческом комплексе Нижняя Тунгуска Шб.

Очевидно, что столь малое нахождение подобных предметов в Барабе связано с еще недостаточной степенью изученности этих обширных пространств. Несомненно и то, что подобные предметы представляли большую ценность для их владельцев, поэтому не часто терялись или помещались в захоронение. Редкое нахождение проушных топоров обусловливает высокий исследовательский интерес к данным реалиям.

Характеризуемый в статье топор экспонируется в краеведческом музее города Куйбышева (Новосибирская обл.) (ККМ-Вх-5-2532), куда он поступил в 2007 г. По словам Геннадия Никифоровича Герасименко, жителя села Бурундуково, топор был обнаружен еще в 80-е годы прошлого века в районе села Седово (Куйбышевский р-н НСО). Специализированных археологических разведок в этом районе не проводилось, по этой причине представляется, что в окрестностях данного населенного пункта целесообразно провести специальные исследования.

Характеризуемое изделие представляет собой массивных предмет размером 24 × 8 × 6 см, отлитый, судя по сохранившимся литейным швам, в сложносоставной литейной форме (рис. 1). Изделия, опираясь на классификацию, разработанную Н.А. Аванесовой, следует относить к типу «В» – «топоров, с гребнем» [Аванесова, 1991. С. 11, рис. 9], хотя полных аналогов анализируемого топора нам не известно. Топор, как классические изделия с гребнем, имеет характерный закругленный валик, идущий по нижнему

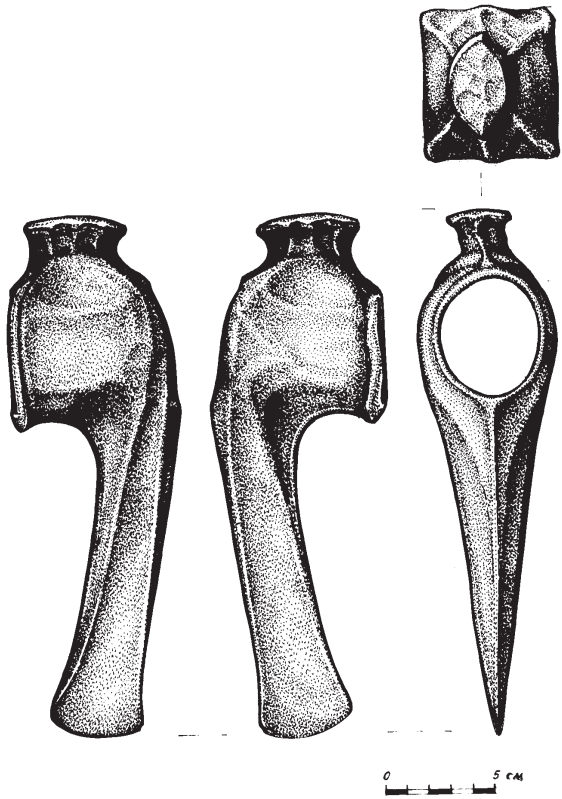

Рис. 1. Бронзовый вислообушный топор из краеведческого музея г. Куйбышева.

краю втулки, однако на обухе валик не образует гребня, как это типично для классических изделий такого типа. Обух на рассматриваемом изделии увенчан овальным, плоским сверху, несомненно, раскованным молотовидным бойком. Именно эта деталь делает публикуемое изделие совершенно оригинальным, не имеющим полных аналогов. К тому же и упомянутый выше «валик, переходящий в гребень» в данном конкретном случае выражен весьма слабо, данное обстоятельство лишний раз подчеркивает его индивидуальность.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что несмотря на эту яркую индивидуальность проушного топора из Барабы, он, несомненно, несет на себе традицию «топора с гребнем». Данное обстоятельство весьма важно, поскольку картографирование топоров с гребнем, проведенное Н.А. Аванесовой, показывает их широкое распространение от Урала до Енисея и, как полагает исследователь, «они не имеют аналогий за пределами андроновской культурно-исторической общности» [Аванесова, 1991, с. 11].

Наиболее близкие параллели рассматриваемому топору обнаруживаются с изделиями варианта В4 по классификации Аванесовой. Для них характерно наличие на обухе чекановидного отростка или сферической шишки [Аванесова, 1991, с. 15] (в нашем случае это молотообразный отросток). Один из таких топоров происходит из Семеречья [Аванесова, 1991, рис. 11–24], а другой из Восточного Казахстана [Черников, 1960, т. XI, 2], что, кстати сказать, территориально весьма близко от района Центральной Барабы.

Соглашаясь с культурной диагностикой вислообушных топоров, которую разработала Н.А. Аванесова, сегодня никак не можем принять предлагаемую ею хронологию подобных изделий (XII–IX вв. до н.э.) [Аванесова, 1991, с. 16], которая с современных позиций выглядит крайне завышенной. На наш взгляд, такие предметы следует датировать, скорее всего, серединой II тыс. до н.э., они никак не моложе XIV века до н.э., а скорее, значительно древнее. Об этом свидетельствует как упомянутый выше вотивный топорик, найденный в погребении андроновской (федоровской) культуры Старый Тартас-4 в Барабе, так и последние радиоуглеродные датировки, как андроновских федоровских [Молодин, Парцингер, Марченко и др. 2008, с. 325–328], так и ирменских [Молодин, Парцингер 2009] комплексов из Барабинской лесостепи.

Список литературы

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). – Ташкент: Фан, 1991.

Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. –2002. –№ 3 (11). – С. 48–62.

Молодин В.И., Парцингер Г. Хронология памятника Чича-1 // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Т. 3. – Новосибирск, 2009. – С. 51–77.

Молодин В.И., Парцингер Г., Марченко Ж.В., Пиецонка Х., Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Гришин А.Е. Первые радиоуглеродные даты погребений эпохи бронзы могильника Тартас-1 (попытка осмысления) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – Т. I. – М., 2008. – С. 325–328.

Молодин В.И., Шатов А.Г., Софейков О.В. Проушной топор с гребнем из южной Барабы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. V. – Новосибирск. Из-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – С. 462–465.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. // МИА. – 1960. – № 88.

В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова, О.И. Новикова, А.И. Соловьёв, А. Наглер, И.А. Дураков, Н.С. Ефремова, Л.С. Кобелева, Д.А. Ненахов

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ У НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ БАРАБЫ В ЭПОХУ РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА ТАРТАС-1 В 2009 ГОДУ)*

С момента открытия могильника Тартас-1, расположенного в Венгеровском районе Новосибирской области, прошло 7 лет [Молодин, Софейков, Дейч и др., 2003, с. 441–446]. За эти годы на памятнике было исследовано 300 захоронений, включающих комплексы усть-тартасской, одиновской, познекротовской, андроновской, ирменской культур эпохи бронзы, а так же завершающей стадии гунно-сарматского времени.

В 2009 году было вскрыто ещё 61 захоронение, и к массиву одиновских, позднекротовских и андроновских (фёдоровских) могил добавились погребения древнетюркской эпохи. Кроме этого, на памятнике было выявлено 35 ям различного назначения.

Особый интерес представляют погребения, расположенные на СВ участке памятника, где продолжались ряды познекротовских могил, сменяющиеся андроновскими. В этой части могильника была выявлена достаточно редко встречающаяся в погребальных комплексах ситуация, когда одна культура постепенно сменяет другую, причём удалось зафиксировать динамику этого сложнейшего процесса.

На данном участке памятника два ряда позднекротовских захоронений продолжают парный ряд погребений, выявленных в прошедшем полевом сезоне. Оба ряда приурочены к СВ краю надпойменной террасы р. Тартас, на которой находится памятник. Начало цепочки могил, расположенной на склоне террасы, было выявлено в прошлом году (5 захоронений), в этом году обнаружено еще 11, возможно, ряд будет продолжаться и далее. Захоронения сильно потревожены, но они, вне всякого сомнения, позднекротовские, порой имеющие по инвентарю и погребальному обряду абсолютные параллели с однокультурными погребениями памятника Сопка-2. Так, в погребении № 325 in situ сохранился набор инструментов (вероятно, для вязания и плетения), в которых присутствует предмет из рога неизвестного назначения, Г-образной формы с навершием в виде усеченного конуса (Рис. 1,*4)*. Абсолютно аналогичный набор предметов был обнаружен в не потревоженной могиле № 4 кургана 31 могильника Сопка-2 [Молодин, 1985, рис. 25,*11*; 38,*8*].

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проекты № 09-01-18092е, 09-01-00398а.

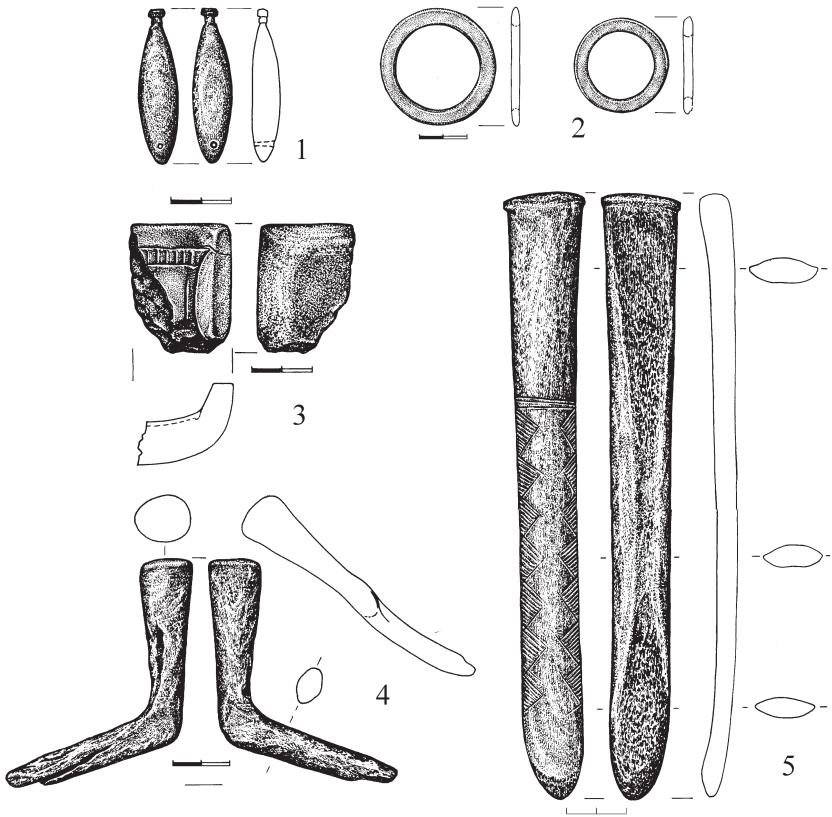

Рис. 1. Находки из погребений могильника Тартас-1.
1 – костяная рыбка (погр. № 323); *2* – нефритовые кольца (погр. № 324); *3* – обломок глиняной литейной формы (погр. № 323); *4* – костяное Г-образное изделие (погр. № 325); *5* – орнаментированное костяное изделие (погр. 330).

Из позднекротовских могил на Тартасе-1 обращает на себя внимание коллективное захоронение № 323. Оно было сильно потревоженным, однако в нем обнаружены две великолепные находки: костяная скульптурка рыбки – прекрасный образец пластического искусства (рис.1,*1*) и обломок литейной формы для изготовления бронзового кельта (рис. 1,*3*). Сохранился фрагмент створки с частью рабочей камеры. На её поверхности прослеживаются следы термического воздействия металла, образовавшиеся вследствие многократного использования изделия. Судя по негативу рабочей камеры, отливаемый в форме кельт имел овально-уплощённую втулку и шестигранное сечение средней части. Втулка была украшена пояском из двух параллельных линий. Лицевая плоскость кельта отделена от боковых граней прочерченной линией, имитирующей ребро жёсткости, характерное для кельтов сейминско-турбинского

круга [Черных, Кузьминых, 1989, с. 38, 147]. Параллельно ей идёт ещё одна более короткая полоска. Исходя из морфологических признаков, отливаемое в форме изделие принадлежит, скорее всего, к типу самусько-кижировских кельтов и, согласно классификации Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, его следует относить к типологическому разряду К-40 [Там же, с. 148–152].

Из находок в позднекротовских захоронениях примечательны так же обломок бронзового браслета со спиралевидными окончаниями (погр. № 321); сосуд, орнамент которого построен по принципу подражания андроновской посуде (погр. № 332) (Рис. 2,*1*). Эти предметы явно свидетельствуют о проникновении андроновских (федоровских) культурных традиций в среду носителей позднекротовской культуры.

Еще один предмет, по-видимому, вязальная палочка (погр. № 330), украшен резным геометрическим узором (рис. 1,*5*), что также может говорить о заимствовании автохтонным позднекротовским населением художественных традиций пришельцев.

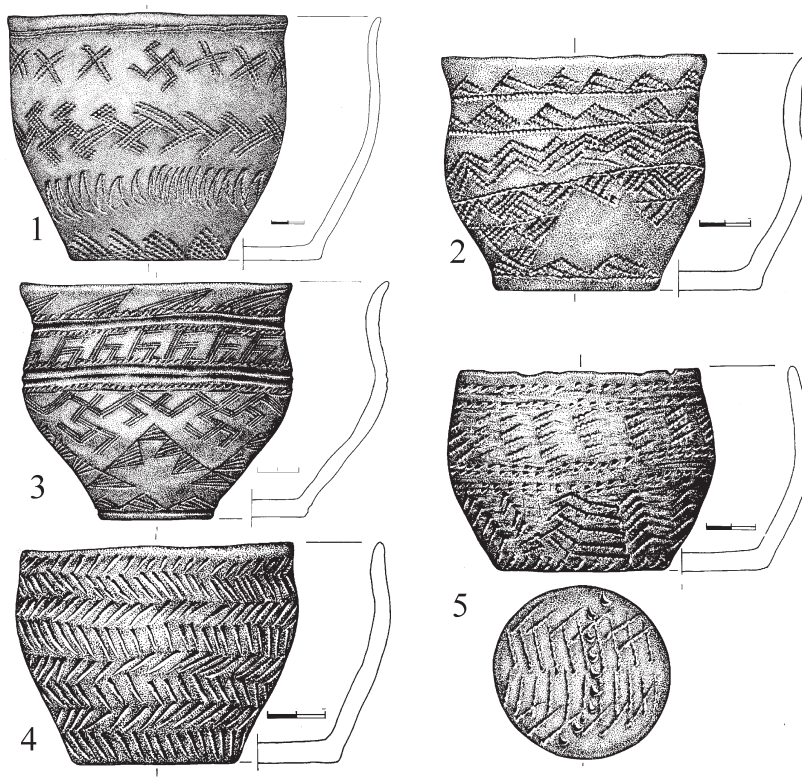

Рис. 2. Сосуды из погребений могильника Тартас-1.
1 – погр. № 332; *2–5* – погр. № 351.

Интересно, что линия разнообразных по форме и величине ям, цепочкой тянущаяся за обозначенными рядами позднекротовских могил, продолжается по всей линии распространения данного могильника. Возможно, что эти ямы представляли собой не что иное, как сакральное ограничение некрополя.

В этой же части могильника, на крутом склоне террасы было обнаружены три захоронения №№ 313, 314 и 324, преднамеренно пристроенные к позднекротовским рядам. Все умершие лежат в могилах на боку в скорченном положении. В могилу № 313 был помещен баночный андроновский сосуд, а в захоронение № 324 – два нефритовых височных кольца (рис. 1,*2*), характерных для могильников сейминско-турбинского круга [Бадер, 1964, с. 93-96; Черных, Кузьминых, 1989, с. 244, рис. 109]. Данные погребения, поэтому, можно рассматривать как свидетельство первой волны контактов андроновцев (федоровцев) с аборигенами позднекротовцами на уровне брачных отношений.

За линией ям, ограничивающих позднекротовский могильник с ЮЗ, выявлен еще один ряд из 7 могил, также имеющих свою специфику. Погребения в них совершены по кротовской обрядовой практике, т.е. на спине, в вытянутом положении, головой на СВ. Вместе с тем сосуды, которые помещены в захоронения – андроновские (федоровские) или же выполнены по стандартам этой культуры (в качестве примера можно привести погр. № 333). В этом же ряду находились погребения, совершенные по андроновским (федоровским) погребальным стандартам (№№ 335, 336). Этот ряд также обособлен от двух предыдущих цепочкой ям. Очевидно, что перед нами проявление следующего уровня интеграции местной позднекротовской и пришлой андроновской (федоровской) культур, когда явственно присутствует проявление в отдельно взятой могиле (как и в ряду) характерных черт обеих культур. Налицо и сохранение такой черты обрядовой практики, как огораживание захоронений рядом ям.

Следующий далее вглубь террасы в ЮЗ направлении ряд погребений состоит из 7 могил. Все они были потревожены в древности. Характер внедрения в погребальную камеру был таков, что можно усматривать скорее не ограбление, а осквернение могил. Об этом может свидетельствовать не нарушенный контур могильных ям, а также наличие в могилах изделий из бронзы. В этом ряду доминируют андроновские черты погребальной практики, хотя и в посуде, и в положении скелетов в могиле проявляются автохтонные (позднекротовские) черты (погр. №№ 339, 344). По-видимому, в этот период функционирования могильника андроновский компонент все более преобладает в обществе. Не исключено, что аборигены позднекротовцы не всегда мирились с таким положением дела, что могло проявиться в преднамеренном осквернении действующего кладбища, где уже доминировали пришельцы (хотя это предположение мы не можем пока достаточно убедительно аргументировать).

Следующая группа могил представлена двумя рядами, состоящими из шести и пяти захоронений соответственно. Здесь мы также наблюдаем до-

минирование андроновских черт в погребальной практике, что выражается в характерной позе погребенного – на боку, в скорченном положении. Значительная доля сосудов выполнена также в рамках андроновских (федоровских) канонов. Вместе с тем, имеют место и определенные черты обрядовой практики, которые никак нельзя назвать андроновскими. Так, в захоронении № 351, совершенном по андроновским канонам, среди четырех сосудов три – андроновские (рис. 2,*2,3,4*), а один – кротовский (рис. 2,*5*), что наблюдается в технологии изготовления, в форме и в орнаментации. Аналогии последнему сосуду мы находим в кротовских могильниках Ордынское-1 [Молодин, 1977, табл. LVI] и Сопка-2 [Молодин, Ламина, 1989, с. 103–118]. Вместе с тем, в этой группе захоронений присутствуют новации, вектор которых не находит объяснений в интеграции обозначенных выше культурных групп. И если причину вторичных захоронений еще можно объяснить автохтонной традицией, то наличие специфической посуды, встречающейся вместе с андроновской (федоровской), или же исполненной в рамках данной традиции, однозначно объяснить сложно.

Так, в погребении № 353 обнаружен сосуд баночной формы, украшенный по придонной части канелюрами, а по дну – концентрическими окружностями. Аналогии подобному оформлению дна мы находим на сосуде петровского типа могильника Петровка-II [Кузьмина, 2008, с. 97, рис. 8,*5*]. Надо сказать, что орнаментация дна вообще характерна для керамики петровской культуры [Там же, с. 96–97]. По-видимому, этот фиксируемый на Тартасе-1 импульс следует связывать с территорией Северного, Центрального и даже Западного Казахстана – основным ареалом петровской культуры [Зданович, 1988, с. 132]. О западноказахстанском векторе направления культурных связей свидетельствует сосуд из погребения № 358, украшенный грубо свисающими треугольниками и расположенными под венчиком крупными налепными шишечками. Такая традиция украшения сосудов зафиксирована В.В. Ткачевым в материалах памятников Танаберген-II, Жаман-Каргала-1, Ишкиновка-1 и др. [2007, рис. 6–1,4; 7–4; 11–2,4;15–2; 18–8 – 11; 25–7; 33–2 и др.]. Таким образом, данное направление культурных связей или миграций следует иметь в виду при дальнейшем осмыслении материалов могильника Тартас-1.

Наконец, в ЮЗ части террасы выявлены 4 группы (ряда) захоронений, которые в значительно большей степени напоминают классические андроновские (федоровские). По-видимому, они оставлены населением, уже впитавшим в себя местные традиции, переработавшим их и вернувшимся к классическим канонам культуры. Об этом свидетельствуют классические формы и орнаментация посуды, наличие трупосожжений (погр. №№ 304, 305). Конечно, автохтонные черты в обрядовой практике присутствуют и здесь. Это наличие не характерных для культуры предметов (роговое блюдо в захоронении № 302) и не типичной для ее носителей рыбной пищи. Это и устройство в верхней части засыпки могилы специальной ямы, куда ссыпались еще горячая зола с пищевыми остатками и фрагментами керамики. Как показывают многолетние раскопки, данный элемент обрядовой прак-

тики надежно фиксируется именно в этой части могильника [см.: Молодин, Парцингер, Гришин и др., 2007, с. 329–333].

Таким образом, раскопки памятника в 2009 г. позволили представить динамику его формирования в период развитой бронзы и увидеть несколько стадий этнокультурного процесса, протекавшего, по крайней мере, в данной части Барабинской лесостепи. Автохтонное позднекротовское население испытывало мощное культурное влияние юго-западных соседей андроновцев (федоровцев). С приходом на данную территорию последних и постепенной адаптацией пришельцев к местным условиям, происходит взаимодействие с местной культурой на уровне организации семейно-брачных отношений (причем с фиксацией разных стадий этого взаимодействия). Завершилось все триумфом пришельцев, сохранивших основные элементы своей материальной и духовной культуры, и, в то же время, впитавших и местный этнокультурный колорит.

Данная модель подтверждается сосуществованием рассматриваемых комплексов на одном кладбище, планиграфией памятника без нарушения могил или рядов (за исключением, конечно, более ранних или боле поздних комплексов) в рамках рассматриваемой эпохи.

Список литературы

Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. – М: Наука, 1964. – 176 с.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. – 177 с.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. – Актобе: ПринтА, 2008. – 358 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 171 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И., Ламина Е.В. Керамика могильника Сопка-2 // Керамика как исторический источник: Сб. науч. тр. – Новосибирск, 1989. – С. 103–118.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Новикова О.И., Соловьев А.И., Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В., Пиецонка Х., Казакова Е.А. Результаты полевых исследований памятника Тартас-1 в 2007 г. // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 329–333.

Молодин В.И., Софейков О.В., Дейч Б.А., Гришин А.Е., Чемякина М.А., Манштейн А.К., Балков Е.В., Шатов А.Г. Новый памятник эпохи бронзы в Барабинской лесостепи (могильник Тартас-1) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX. – С. 441–446.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. – Актобе: Актюбинский обл. центр истор., этногр. и археол., 2007. – 384 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. – М.: Наука, 1989. – 320 с.

В.И. Молодин, А.О. Наглер, А.И. Соловьёв, Л.С. Кобелева, И.А. Дураков, М.А. Чемякина, П.Г. Дядьков

НОВЫЙ ЭТАП СОТРУДНИЧЕСТВА ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН И ГЕРМАНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА. РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОГОРЕЛКА-2*

Осенью 2008 г. был заключен договор о научном сотрудничестве между Институтом археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск) и Германским Археологическим институтом (DAI) (Берлин), который явился продолжением многолетних совместных исследований в Сибири и Монголии. Напомним, что первое соглашение между учреждениями было заключено еще в 1999 году.

Одним из главных направлений совместной деятельности ученых России и Германии являются полевые исследования. Уже вошли в научный оборот уникальные источники, полученные на городище переходного от бронзы к железу времени Чича-1 в Барабинской лесостепи и пазырыкских памятников Олон-Курин-Гол – 6, 10 в Северо-западной Монголии [Подробнее см.: Молодин, Парцингер 2008, с 389–403].

В 2009 году основные работы развернулись на курганном могильнике Погорелка-2 в Чановском районе Новосибирской области. Памятник находится в 2,5 км к З от одноименного села и представляет собой обширную группу крупных курганных насыпей (42 объекта), с двумя земляными сооружениями диаметром около 60 м и высотой 2,5 м, которые планируется исследовать в будущем. Для работ была выбрана насыпь диаметром 26 м и высотой 0, 69 м.

Первоначально было проведено геофизическое обследование избранного для раскопок объекта. Основной его целью было выявление границ распаханного кургана и ровика, возможно окружающего курган, а так же наличие погребальных комплексов. При небольшой высоте насыпи могли быть распознаны магнитные свойства археологических объектов, не только находящихся в полах насыпи, но и центре. Основаниями для таких предположений были успешные широкомасштабные геофизические исследования курганных могильников Здвинск-1, Здвинск-4 в Западной Сибири (Эпов, Молодин, Чемякина и др, 2006, с. 85–86). На территории археологических памятников Чича-1, Сопка-2, Преображенка-6, Здвинск-1 удалось выявить древние курганы, там, где их рельефные признаки были

*Работа выполнена при поддержке совместного проекта № 25 СО РАН и УрО РАН.

полностью уничтожены распашкой (Молодин, Чемякина и др., 2001, с. 399–407; Дядьков, Молодин и др., 2005, с. 304–309). На большинстве исследованных объектов археологические раскопки подтвердили данные геофизического мониторинга.

Высокоточной магнитометрической съемкой исследована площадь 1600 кв.м. Использовалась аппаратура: магнитометр-градиентометр G-858 (Geometrics, USA) .и магнитовариационная станция МВ-07. Съемка производилась параллельными профилями через 1 м с юга на север. Частота автоматической записи данных в режиме непрерывной съемки составила 10 измерений в секунду. Разнос датчиков магнитометра составил 121,1 см, высота замеров над уровнем дневной поверхности 30 см.

На полученной магнитограмме зона насыпи кургана проявилась повышенными магнитными параметрами 3–9 нТл, на фоне межкурганного пространства с магнитными значениями 0–2,5 нТл. Вне курганной насыпи отчетливо проявились следы пашни в виде чередующихся параллельных полос с пониженными и повышенными магнитными параметрами. Ровик не зафиксирован. Среди повышенного фона кургана были выявлены участки с магнитными значениями выше 5 нТл, наиболее перспективные для интерпретации в качестве археологических объектов. Юго-западная часть магнитограммы осложнена контрастными линейными нарушениями техногенного характера, связанными со строительством дороги. В северо-западной части магнитной карты на фоне борозд вспашки отчетливо выделяются пять магнитных аномалий выше 5 нТл.

Судя по результатам раскопок, центральная и самая крупная аномалия приурочена к обширному прокалу в центре курганной насыпи, нарушенному мощным грабительским ходом. Область с повышенными магнитными значениями в северной части кургана сопоставима с линзой черной гумусированной прослойки и скоплением небольших прокалов. Остальные аномалии не имеют столь явной привязки и могут быть связаны с неоднородностями структуры насыпи, либо другими нарушениями антропогенного характера (рис. 1).

Таким образом, данные магнитометрии позволили определить границы раскопа. Магнитограмма выявила и структурные детали насыпи. В ходе раскопок выяснилось, что курган сложен из дерновых кирпичиков. Опыт работ в Барабе показывает, что дерновый и почвенные слои наиболее магнитны в отличие от подстилающего материкового суглинка. Видимо по этой причине достаточно мощное тело насыпи кургана не позволило контрастно выделить заполнение отдельных погребений.

При разборе насыпи кургана кроме прокалов были обнаружены куски обмазки из глины белого цвета, фрагменты керамики эпохи раннего железного века, кости птиц, два черепа мелких пушных зверей, один из которых сохранил следы удара клевцом (?).

Выявлено пять взрослых и одно детское захоронение саргатской культуры. Три из них (№№ 1, 26) совершены в насыпи. Остальные (№№ 3,

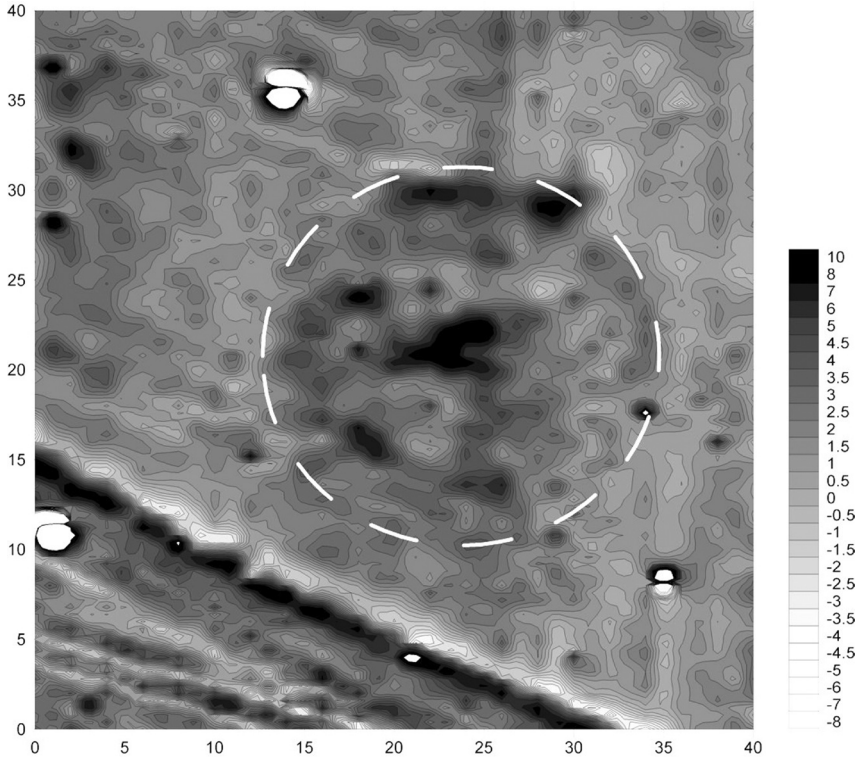

Рис. 1. Погорелка-2, кург. № 8. Магнитограмма.

4, 5), прорезали материк. Все ямы располагались цепочкой в центральной части кургана и были ориентированы по линии ССЗ-ЮЮВ. Две могилы – №№ 3,5 оказались непотревоженными и содержали останки взрослых, лежавших на спине головой на ССЗ. На костях заметны следы военных травм, которые позволяют восстановить тип оружия, от которого погибли люди – это лук и стрелы, длинный меч, булава или кистень. По предварительным наблюдениям ряд нарушений целостности костяков (например, отсутствие кистей рук) может быть связан с обрядами получением воинских трофеев, проявления которых иногда обнаруживаются среди археологических материалов. Так в Андреевском кургане эпохи раннего железного века в Приуралье, встречены «ожерелья» из кистей человеческих рук [1973, С. 87, рис. 30. 3]. Ритуальные действия, связанные с манипуляциями с частями человеческих тел известны в воинских традициях населения широкого территориального, хронологического и культурного диапазона – от раннего железно века до средневековья, от Причерноморья до Северной Америки [Соловьев, 1990; Стукалин, 2008, с. 517–519]. Очевидно, в круг населения, практиковавшего такие обряды, входили и носители саргатской культуры.

Под костями одного из погребенных (могила №3) сохранились остатки, по всей видимости, одежды, представленные полосами черной органики со следами вертикальных зигзагов золотистого цвета. Самое восточное погребение в цепочке (№4, рис. 2), оказалось потревоженным. Однако в

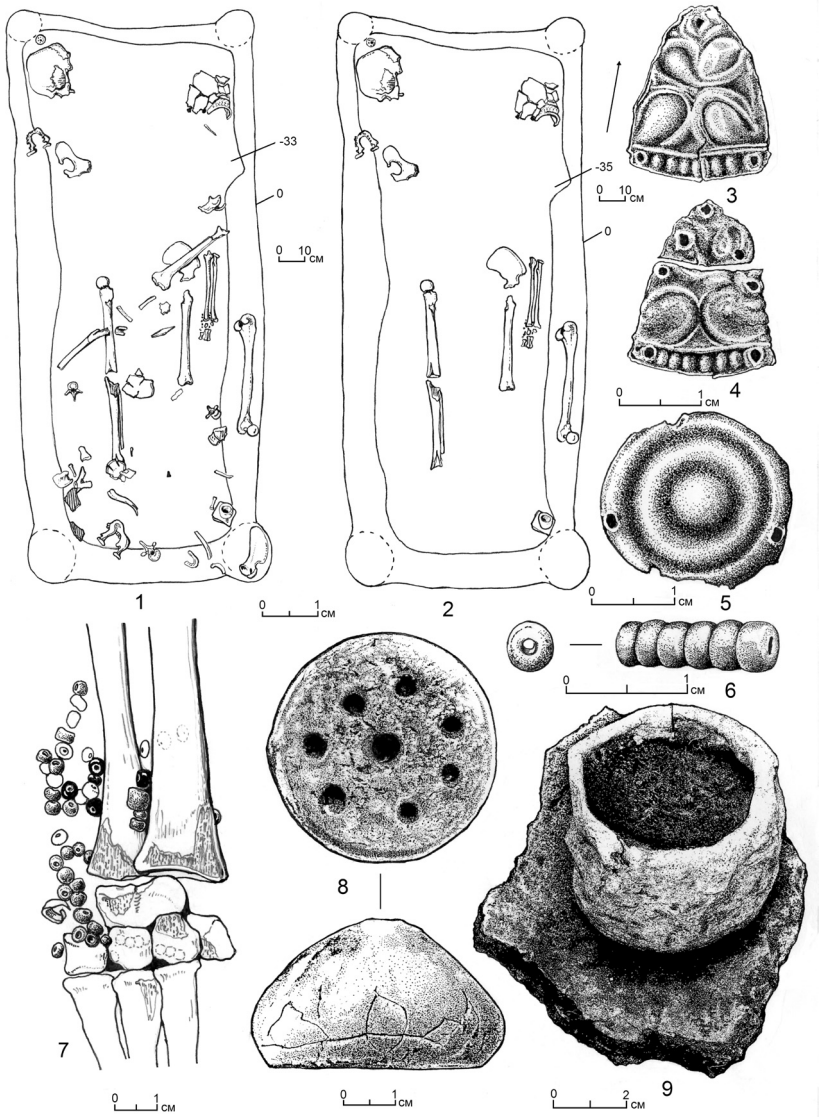

Рис. 2. Погорелка-2, кург. № 8, погр. № 4.
1 – общий план погребения; *2* – нижний горизонт; *3, 4* – золотые нашивки; *5* – бронзовая бляшка; *6* – лазуритовая (?) пронизка; *7* – остатки браслета из бус с бронзовой застежкой; *8* – глиняное пряслице; *9* – сосуд на фрагменте поселенческой керамики.

нем сохранились in situ часть костей вместе с украшениями – браслетом из бусин и пронизок голубого стекла и лазурита (?), скрепленных бронзовой застежкой (рис. 2,7). Среди других находок – пронизки (рис. 2.6) и бусины белого, коричневого и голубого цвета, глиняное пряслице (рис. 2.8), круглая бронзовая бляха с выпуклыми концентрическими поясками (рис. 2.5), две треугольные золотые нашивки, с рельефным орнаментом (рис. 2.3,4), три керамических сосуда, один из которых – круглодонный горшок, украшенный резной «елочкой» рядом округлых вдавлений на горловине и шейке, стоял в головах. Второй, так же имел круглое дно, «елочку» на горловине, горизонтальную линию на шейке и свисающие треугольники на плечиках. Край венчика орнаментирован рисками, нанесенными ногтями. Сосуд был установлен в верхней части могилы, однако при ограблении разбит и разбросан по полости камеры. Третий – маленькая (4,5 см высотой) банка – располагался в ногах и был установлен на фрагмент толстостенной поселенческой керамики (рис. 2.9). Конструирование сосудов проходило по емкостно-донной программе. Сначала лепилась горловина, затем с помощью лент-жгутов наращивали тулово. Процесс обработки поверхности проводили горизонтально по кругу с помощью инструмента с неровным зубчатым краем (щепа) (сосуд № 1) или просто заглаживали пальцами (сосуд № 2,3). Формовочная масса изделий №№ 1 и 3 – глина + шамот, сосуда № 2 – глина, без добавления шамота. Керамическая коллекция могильника Погорелка-2 состоит из 11 сосудов, 6 из которых находились в погребальных камерах. Подобные изделия встречаются в погребальных комплексах Прииртышья (Стрижево II к2 м4 №2, м7 №3, к5 скопление №2, Бещаул IV, к2 м1 №1) и датируются первыми веками н.э. Материалы не опубликованы, хранятся в музее ОмГУ).

Параллели предметному комплексу обнаруживаются среди древностей саргатской культуры среднего Притоболья и Приишимья, сарматских материалов европейской части страны. Так, аналоги круглой бронзовой бляхе с концентрическим орнаментом можно указать среди находок Абатского-3 могильника [Матвеева, 1994, рис. 39, 2; 54, 5,6], близкая художественная идея встречается в декоре изделий из Тютринского могильника [Матвеева, 1993, рис. 32. 15.]. В числе типологически близких предметов можно указать золотые нашивки треугольной формы из позднесарматского (II–IV вв.н.э.) могильника в Южном Приуралье Лебедевка-6 [Мошкова, 1989, с. 210, табл. 81. 71]. Бесспорные черты сходства можно усмотреть и с более ранними по времени скифскими золотыми подвесками с растительными мотивами из Мастюгино [Петренко, 1989, с. 107, рис. 42. 82]. Сходные по форме двудырчатые псалии так же происходят из Абатского-3 могильника [Матвеева, 1994, рис.39]. Глиняные пряслица обычной, распространенной формы, известные, например, среди находок с Розановского городища [Корякова, 1988, рис. 23.1]. Хотя точных аналогов роговой поясной пряжке с неподвижным шпеньком из погребения №5 не известно, сам тип таких предметов повсеместно распространен среди древностей гунно-сарматского времени.

Под насыпью кургана была обнаружена серия столбовых ямок, образующих сложную архитектурную композицию. Некоторые из них, очевидно, связаны с многоугольной оградой, вокруг сакральной территории кургана; другие с ритуальными сооружениями-жертвенниками, на его площади. В одном из них была обнаружена яма с металлургическими шлаками, в другом уложен кусок мяса. С обрядами, совершенными до возведения насыпи, связана и серия небольших прокалов, сгруппированных на периферии СВ сектора. Наличие золистой присыпки в насыпи кургана вместе с присутствием птичьих костей может объясняться совершением специфического акта проводов души покойного, описанного на угорском материале В.Н. Чернецовым [1959, с. 51] и А.В.Бауло [2002, с. 62–63]. Отметим, что многоугольные насыпи, форма которых восстанавливается по контуру окружавшего их ровика, хорошо известны среди древностей саргатской культуры Зауралья и Западной Сибири, например в Гаевском [Корякова, 1997], Искровском. Тютринском, Абатском могильниках [Матвеева, 1991, рис. 13, 27, 29, 32; 1994, рис. 49].

Судя по вещевому материалу из исследованных комплексов – длинным роговым фронтальным накладкам лука с расширениями на концах хуннского типа, роговой поясной пряжке с неподвижным шпеньком, украшениям, морфологическим и технологическим особенностям керамического комплекса, – данный памятник был сооружен на рубеже – в первых веках нашей эры и относится к завершающей стадии существования сргатской культуры [Л.Н. Корякова 1997, с. 145–152], пока еще весьма слабо изученном восточном ареале её распространения.

Список литературы

Бауло А.В. Культовая атрибутика березовских хантов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СОРАН, 2002. – 92 с.

Дядьков П.Г., Молодин В.И., Чемякина М.А., Михеев О.А. Магнитометрические исследования археологических памятников Тартас-1 и Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СОРАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 304–309.

Корякова Л.А. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. – 240с.

Корякова Л.А. Гаевский могильник в контексте эволюции саргатской культурной общности // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологические исследования. – Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. – С. 138–154.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на среднем Тоболе. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. – 175 с.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. – 152 с.

Молодин В.И., Парцингер Г. Итоги второго цикла работ совместного российско-германского проекта Института археологии и этнографии СО РАН и Германско-

го археологического института (2004–2008 годы) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XIV. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СОРАН, 2009. – С. 398–403.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Гаркуша Ю.Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Балков Е.В. Геофизические и археологические исследования могильника Сопка-2 в 2000–2001 годах // Проблемы археологии и этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. VII. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СОРАН, 2001. – С. 399–407.

Мошкова М.Г. Позднесарматская культура // Степи европейской части СССП в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С.191 – 202.

Петренко В.Г. Украшения и булавки // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С.106–108.

Соловьев А.И. О жертвоприношении людей у древнего населения Прииртышья // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 92–103.

Степанов П.Д. Воинские трофеи в погребениях Андреевского кургана Мордовской АССР // КСИА . – М., 1973. – № 136.

Стукалин Ю.В. Энциклопедия военного искусства индейцев Дикого Запада. – М.: Яуза, Эксмо, 2008. – 688с.

Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Тр ИЭ, Нов. Сер., 1959. – Т. 51. – С. 114–156.

Эпов М.И., Молодин В.И., Чемякина М.А. Итоги и перспективы геофизических исследований археологических памятников Алтая и Западной Сибири // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск, 2006. – Т. 1. – С. 76–91.

В.И. Молодин, Е.А. Соловьёва, А.И. Соловьёв

КОЛЛЕКЦИЯ ПРЕДМЕТОВ ЭПОХИ ДЗЁМОН ТОКИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ*

Проблемы, связанные с изучением глиняной пластики *догу* эпохи Дзёмон Японии часто затруднены ввиду недостаточности информации, которую испытывает исследователи европейских и азиатских научных центров. К тому же, адаптация даже имеющихся сведений сложна ввиду языкового барьера. В этой связи появление каталогов крупных музеев Японии, где данные предметы представлены на фотографиях и сопровождаются описанием, следует только приветствовать. Краткую историографическую характеристику одного из таких недавно вышедших изданий [Illustrated Catalogue of Tokyo National Museum, 1996] мы и предлагаем заинтересованному читателю. Иллюстрированный каталог Токийского Национального музея, одного из известнейших музеев Японии, содержит информацию о коллекции предметов эпохи Дзёмон, включающую *догу* и другие глиняные изделия. В коллекции более 400 экспонатов, среди которых антропоморфные изображения догу, глиняные пластины, глиняные маски, глиняные ушные украшения, изображения животных и другие.

Коллекция догу является достаточно представительной – 194 статуэтки. Относительно целыми изделиями можно считать около 30 (в Японии в целом таковых насчитывается около 300). [Соловьёва, 2005] Материалы коллекции имеют чёткую хронологическую и географическую привязку: большая часть статуэток – 86 – найдена в центральной части Японии, район Канто, и 64 в северо-восточной, район Тохоку. Происхождение части предметов неизвестно.

Большинство статуэток, представленных в коллекции, относятся к позднему этапу периода Дзёмон (2500–1000 гг. до н. э.) – 89, и заключительному этапу периода Дзёмон (1000–300 гг. до н. э.) – 75, по периодизации Нагамине [Nagamine, 1986], 14 фигурок относятся к среднему и начальному этапам культуры (5300–2500 гг. до н.э.) [Nagamine, 1986], некоторые не определены, 3 статуэтки отнесены к более позднему периоду Яёй (III в. до н.э. – III в. н.э.), соответствующему началу бронзового века на Японских островах [Nagamine, 1986]. Учитывая тот факт, что глиняные статуэтки активнее всего производились и применялись на позднем и заключительном этапах в центральной и северо-восточной части Японии, можно за-

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 09-01-00412а.

ключить, что коллекция музея достаточно полно иллюстрирует данный феномен как характерный элемент культуры Дзёмон [Молодин, Соловьёва, 2008].

Если обратиться к типологическим характеристикам самих статуэток, то, опираясь на типологические разработки Оно М., Ёнэда К. и других, следует отметить их определённое разнообразие [Ёнэда, 1984; Эсака, Оно, 1983]. В коллекции представлены фигурки самых известных типов – догу

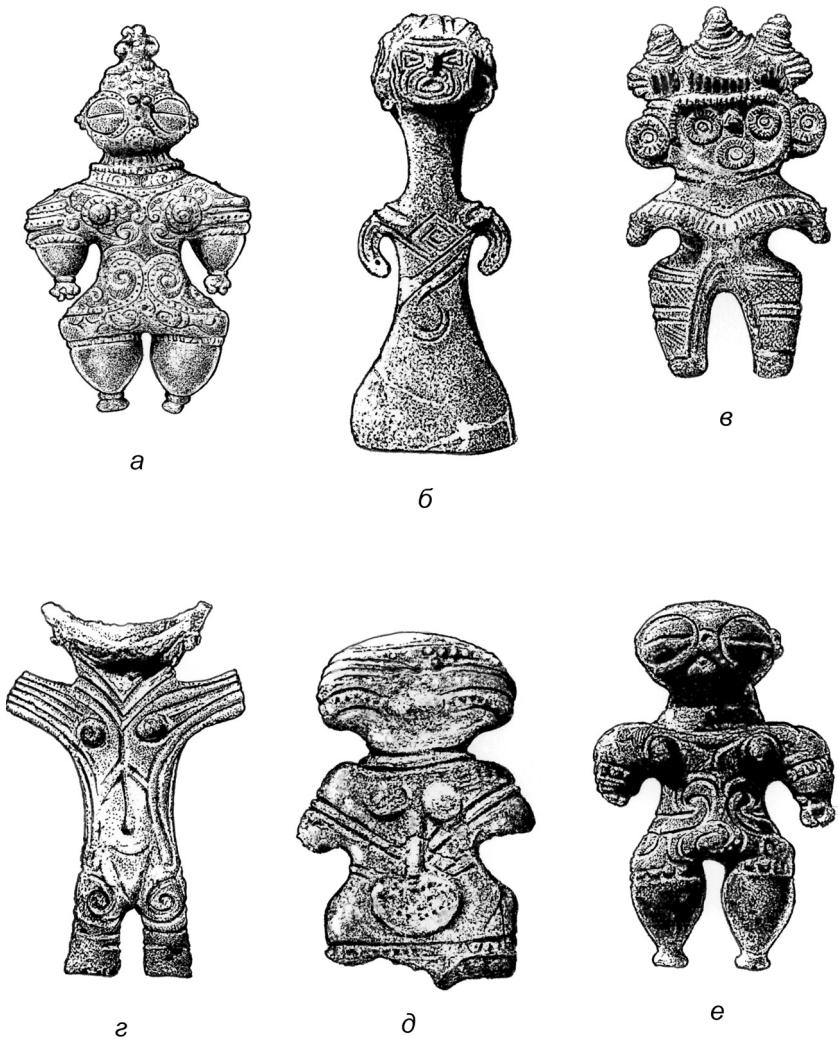

Рис. 1. Догу из коллекции Токийского Национального музея. Типичные статуэтки: *а – догу*-«снежные очки», *б – догу*-кувшин, *в – догу*-сова. Нетипичные *догу*: *г, д, е.* (по: [Illustrated Catalogue…, 1996]).

в «снежных очках» (рис. 1а) и с руками, разведёнными в стороны, догу-«гора» и догу-«сова» (рис. 1в), догу-цилиндр и догу-«кувшин» (рис. 1б), встречаются полые и цельные статуэтки, с проработанными чертами лица и без детальной их передачи, мелкие, средние и крупные скульптурки, а также догу, которые не возможно соотнести с известными типами (рис. 1 г, д, е). Многие статуэтки орнаментированы полностью или частично, в орнаментальных мотивах встречаются вертикальные и горизонтальные линии, завитки, ряды точек, верёвочный оттиск и т.д. Широко представлены разнообразные головные уборы фигурок или причёски. В коллекции также присутствует большое количество статуэток с отверстиями в разных частях тела. Коллекция Токийского музея по праву считается одной из наиболее представительных относительно *догу*.

Кроме непосредственных материалов коллекции каталог содержит также чрезвычайно ценные для исследователя данные. Во-первых, это сводная таблица всех предметов коллекции, классифицирующая их по типам и дающая исчерпывающую информацию о месте нахождения, времени существования и размерах предмета. Во-вторых, сводная таблица предметов по памятникам, в которых они найдены. И, в-третьих, полный перечень коллекции на английском языке, который особенно ценен, поскольку правильное прочтение географических названий представляет определённую сложность для исследователя, японские издания, к сожалению, далеко не всегда содержат подобную информацию.

Коллекция *догу* Токийского Национального музея является сравнительно новой и мало известной для российского исследователя, поэтому значение появления каталога представляется нам крайне важным. Данное издание позволяет ввести в научный оборот ранее неизвестные предметы коллекции, даёт возможности для определения новых направлений в изучении глиняных предметов эпохи Дзёмон.

Список литературы

Молодин В.И., Соловьева Е.А. К вопросу об обрядовой практике использования антропоморфной пластики в Японии (дземон) и Америке (вальдивия) // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: человек и исторический ландшафт. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. – С. 126–130.

Соловьёва Е.А. Догу: классификация и интерпретация. – Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2005. – С. 20.

Ёнэда К. Догу. – Токио, 1984. – 110 с.

Эсака Т., Оно М. Догу-но тисики [Знание о догу]. – Токио, 1983. – 144 с.

Illustrated Catalogue of Tokyo National Museum. – Tokyo National Museum, 1996. – P. 150.

Nagamine M. Clay Figurines and Jomon Society // Windows on Japanese Past : Studies in Archeology and Prehistory. – Michigan, 1986. – P. 358.

В.П. Мыльников

РАЗМЕТКА – КЛЮЧЕВАЯ ОПЕРАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЗЬБЫ ПО ДЕРЕВУ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ* (ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛЛЕКЦИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА)**

Методы и результаты исследования

Художественная резьба по дереву – способ творческой обработки дерева, один из древнейших и наиболее распространенных видов декоративно-прикладного искусства [Семенов, 1956, с. 221; Лямин, 1970, с. 37; Бородулин, 1975, С. 1769; 1986, с. 100; Буриков, Власов, 1994, с. 4; Мыльников, 2003, с. 450].

Одной из важнейших операций, без которой при изготовлении любого деревянного предмета не обходится ни один деревообработчик, тем более резчик по дереву, является *разметка* – начертание (обозначение) контуров будущего изделия и деталей рельефа изображения. Существует несколько точек зрения на способы и приемы нанесения рельефа орнамента для резьбы ножом.

Исследуя резные изделия из курганов Пазырыка С.А. Семёнов предположил, что рисунок на заготовку наносился по памяти, без шаблона острием ножа или шила [1956, с. 215]. Этнографические наблюдения показывают, что эти инструменты до сих пор остаются главными в арсенале резчика по дереву у многих народов. По мнению Л.Л. Барковой, занимавшейся изучением искусства резьбы на бортах и крышке кедровой колоды из 2-го Башадарского кургана, мастер скифского времени «не делал разметку композиции, а создавал фигуры по трафарету», так как было установлено, что при наложении силуэта одного изображения на другое фигуры полностью совмещаются [1984, с. 87].

С.И. Руденко высказал еще одну точку зрения на технологию художественной резьбы и происхождение тончайших углубленных следов – это следы от обрезания золотой фольги, которой были покрыты многие предметы украшений коня и человека в курганах пазырыкской культуры. Он исследовал орнамент на лицевой поверхности подвесной налобной блях украшения узды коня из кургана 1 могильника Туэкта и привел следующие соображения. «На наружной поверхности одной из блях сохранился

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 09-01-18085е.

**Автор сердечно благодарит сотрудников Государственного Эрмитажа Л.Л. Баркову и Л.С. Марсадолова за любезно предоставленную возможность изучать оригинальные предметы.

контур наклеенного орнамента. Судя по оставленным следам, на наружную поверхность этой бляхи был наклеен золотой листок. Затем по внутреннему его краю весьма тонким острием ножа вырезан орнамент (рис. 75, а), после чего отрезанная часть листа снята. На бляхе от этой операции остался след в виде как бы процарапанной иглой волнистой линии» [1960, с. 124]. Из текста явствует, что в момент обнаружения этой бляхи на ней не было золотой фольги, и предположения о ее наличии и способах ее закрепления на предмете – это всего лишь гипотеза С.И. Руденко.

В девяностых годах прошлого века нам посчастливилось провести детальный анализ деревянных украшений конской упряжи из курганов Пазырыка, Башадара, Туэкты, Укока. Было замечено, что в луче яркого, низконаправленного контрового (косого) света на обратных поверхностях большинства деревянных предметов с художественной резьбой фиксируются тончайшие резаные следы, оставленные острейшим тонким лезвием ножа в виде едва различимых глазом волосяных линий, следующих по абрису артефакта на расстоянии 2–4 мм от края. Причем одни изделия с такими следами были обернуты (оправлены) золотой фольгой, другие окрашены или сочетали фольгирование и окраску, на третьих не было никакого дополнительного покрытия (рис. 1, *1,2*).

В результате возникло предположение о назначении этих следов: либо это система разметки с обозначением абриса украшения, либо следы обрезки лишней золотой фольги, остающейся после оборачивания ею лицевой плоскости изделия. Трасологический анализ многочисленных артефактов убедил нас в том, что это в основном следы обрезки золотой фольги вдоль края предмета. Аргументы следующие. Практически все следы прорезаны лезвием ножа. Некоторые из них неровные и двойные, что бывает при недостаточном первичном нажиме на лезвие и повторном обрезании. Видимо, в этих случаях не было особого смысла мастеру со скрупулезной ювелирной четкостью обрезать фольгу на оборотной стороне предмета скрытой от глаз. Еще обращает на себя внимание тот факт, что на отдельных очень важных участках поверхности внутри предметов со сквозной резьбой таких следов почему-то нет.

После анализа сотен деревянных украшений с художественной резьбой мы пришли к выводу, что разметка внешних контуров деревянных резных изделий и рельефа, как и разметка композиции на резных бортах кедровой колоды из Башадара 2 осуществлялась по трафарету, вырезанному из кожи или бересты и шаблону-паре [Мыльников, 1999, с. 38]. Была проведена серия экспериментальных исследований, подтвердивших нашу с Л.Л. Барковой точку зрения. В числе прочих украшений конской сбруи скифского времени была изучена и бляха из Первого Туэктинского кургана (рис. 2, *1, 2*). Результаты трасологического и фото-аналитического анализов рисунка орнамента показали, что оно нанесено легким равномерным прочерчиванием на лицевую поверхность бляхи тончайшим острием шила с несколькими подправками. На оборотной стороне бляхи на расстоянии 2–5 мм от края

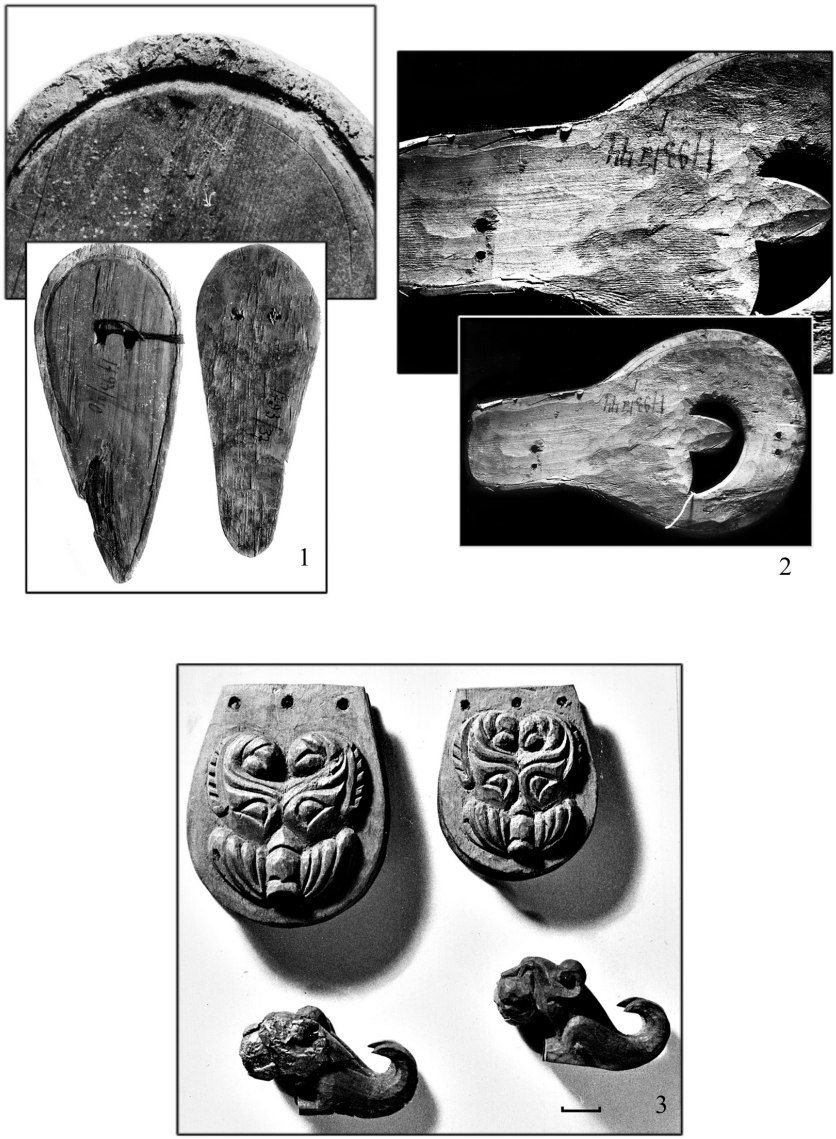
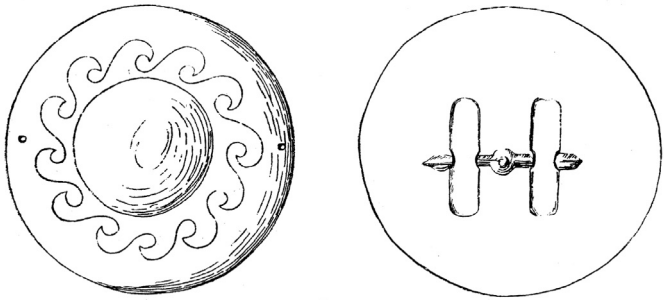
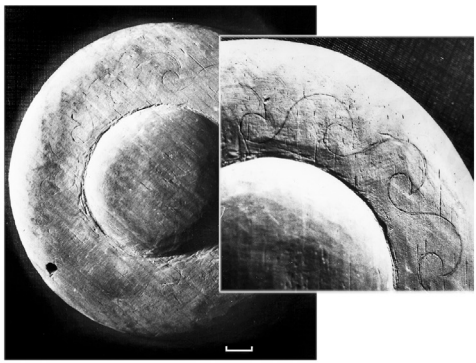

Рис. 1. 1–2 – следы разметки на оборотных сторонах деревянных украшений из пазырыкских курганов; *3* – парность украшений с художественной резьбой.

сохранились резаные следы, оставленные тонким лезвием остро отточенного ножа. Эти данные подтверждают наши предположения о назначении следов разметки обведения контуров шаблона-пары, орнамента рельефа и обрезания лишней фольги.

1

2

3

4

Рис. 2. 1 – налобная бляха – украшение конской упряжи из Первого Туэктинского кургана (по [Руденко, 1960]); *2* – рисунок орнамента; *3* – следы обрезки золотой фольги; *4* – берестяное седельное украшение из Первого Туэктинского кургана (Руденко, 1960).

По поводу обрезания лишних участков золотой фольги с помощью острия шила или ножа, наклеенной на лицевую и оборотную стороны предмета можно сказать следующее. Экспериментальные исследования выявили, что как бы аккуратно ни была приклеена фольга, после высыхания клея во время прочерчивания (по С.И. Руденко – процарапывания) острием шила (иглы), края фольги по абрису рисунка рвутся или задираются, а следы рисунка орнамента на поверхности предмета получаются неровные, разной глубины и толщины, в зависимости от характера структуры древесины и величины усилий, прикладываемых к шилу или игле при прорезании прочерчиванием (процарапыванием). Можно было бы предположить, что такой рисунок, вырезанный по наклеенному листу фольги, мог получиться в результате очень точного, кропотливого и мастерски исполненного обрезания по намеченному острием шила контуру (или по памяти) тонким концом предельно острого лезвия ножа. Но в таком случае остались бы неравномерные углубления в изгибах и острых углах изображения при движении лезвия ножа по криволинейному контуру рисунка. На плоскости оригинальной бляхи контуры изображения ровные, одной глубины, некоторые линии двойные. Эксперименты показали, что к тому же возникают сложности при снятии лишней (отрезанной) фольги, приклеенной к деревянной основе: после операции ее удаления на лицевой поверхности предмета всегда остаются заметные следы инструментов или ногтей, чего не было зафиксировано на оригинале.

Резонный вопрос «почему мастер не вырезал размеченный рельеф и не закончил изделие?» – остается неразрешенной загадкой. Можно лишь высказать предположение о том, что резчик не успел полностью закончить работу к намеченному сроку ритуальной процессии, связанной с погребением, и намеченный рисунок рельефа орнамента был скрыт под сплошным слоем золотой фольги, лишние участки которой были обрезаны по краю на оборотной стороне бляхи (рис. 2, *3*).

Нами была выявлена еще одна характерная технологическая особенность – почти все пары S-образных псалий, развилок-распределителей ремней, деревянные имитации кабаньих клыков, некоторые виды скульптурных подвесок, подвесных и нашивных блях силуэтно совпадали при наложении друг на друга как лицевыми, так и оборотными сторонами (рис. 1, *3*). Это обстоятельство служит ярким показателем того, что пазырыкские мастера для изготовления серии парных предметов для наборов украшений использовали своеобразное лекало или трафарет (шаблон-пару). Данные стилистического и сравнительно-типологического анализов подтверждают, что все искусство художественной резьбы по дереву – классики «звериного стиля» пазырыкцев Алтая – основано на парности и симметричности. Т.е. каждый набор украшений для коня и человека состоял из двух частей (для левой и правой половин тела), на которых симметрично располагались пары предметов. Согласно данным трасологического анализа мастер-резчик вначале изготавливал одно изделие полностью, затем накладывал его на лицевую поверхность заготовки для второго изделия и

острым концом шила или лезвия ножа, удерживаемого под углом 40–60°, обводил контур лекала-оригинала. Далее мастер обрезал лишнюю древесину с заготовки второго (парного) изделия по контуру разметки и подгонял его профиль под профиль подлинника. Рисунок рельефа с оригинала переносился на лицевую поверхность, конечно, по памяти (на глазок), и потому ни один рельеф копии не мог идеально повторить рельеф образца, как это бывает при литье из металла в одну форму.

Выводы

Трасологический, фото-аналитический методы и экспериментальные исследования доказали свою эффективность при выявлении дополнительной информации о предмете и технологии его изготовления.

Еще раз подтвердился тезис о том, что разметка является ключевой операцией, определяющей, диктующей и в какой-то мере регламентирующей основной процесс резьбы – выявление контуров предмета и рельефа орнамента лезвием ножа.

Детальный анализ самой системы разметки показал, что очертания контуров предметов при помощи трафарета или шаблона-пары наносили на лицевую сторону, не подвергавшуюся дополнительной обработке. Затем лишнюю древесину осторожно обрезали, ориентируясь на линию контура и сверяя размеры изделия с оригиналом. После выявления задуманной формы предмета, лицевую строну дополнительно заглаживали тонким стружением и приминанием древесины костяным лощилом. Далее на гладко обработанную поверхность наносили разметку рельефа изображения и, постоянно сверяясь с оригиналом, лезвием ножа при помощи скобчато-выемчатой техники резьбы выявляли объем рельефа изображения.

Стилистический анализ орнамента выявил близкие аналогии рисунку на налобной бляхе коня из Первого Туэктинского кургана. Это седельное украшение, вырезанное из бересты, найденное в этом же кургане – (рис. 2, *4*). Круглый предмет с полусферой в центре, окруженной идущими по кругу в одном направлении спиралевидными завитками, символизирующими собой головы грифонов – насыпь кургана под защитой фантастических существ представителей верхнего мира, модель галактики, центр вселенной – типичный мифологический сюжет о мироздании, мировом древе. В астро-археологическом плане круг с полусферой и 12-ю спиралевидными завитками – своеобразный календарь пазырыкцев.

Список литературы

Баркова Л.Л. Резные изображения животных на саркофаге из 2-го Башадарского кургана // АСГЭ. – Л.: Искусство, 1984. – Вып. 25: Контакты и взаимодействие культур Евразии. – С. 83–89.

Бородулин В.А. Резьба // Большая Советская Энциклопедия – М, 1975. – Т. 21. – С. 1769–1771.

Бородулин В.А. Художественная обработка дерева. – М.: Наука, 1986. – 105 с.

Буриков В.Г., Власов В.Н. Домовая резьба. – М.: Нива России совместно с Компанией “Евразийский регион”, 1994. – 352 с.

Лямин И.В. Вторая жизнь дерева. Дерево в искусстве. – М: Лесная промышленность, 1970. – 135 с.

Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 232 с.

Мыльников В.П. Резьба по дереву в эпоху палеометалла // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX., ч. I. – С. 449–458.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.

Семенов С.А. Обработка дерева на древнем Алтае // СА. – 1956. – Т. XXVI. – С. 204–230.

С.Н. Нестеров, Юн Кванджин, Хан Джисун, Шин Хи Квон,
Я.Ю. Хабибуллина, Ли Кёнха, Пак Джонсэн,
О.А. Шеломихин, В.Д. Лоскутов, Хун Гунмук

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ОСИНОВОЕ ОЗЕРО В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 2009 ГОДУ

Озеро Осиновое – старичного происхождения, является остатком одной из проток Амура. Его длина составляет около 3,5 км. Западный берег в настоящее время представляет собой безлесное пространство – сельскохозяйственные поля. В древности это был, судя по топографическим наблюдениям, большой амурский остров. Восточный берег оз. Осинового сейчас занят Новопетровской рощей – лесным массивом, состоящим из осин, берез, зарослей лимонника китайского, дикого винограда и других редких растений дальневосточной флоры (является памятником природы, охраняемым государством). Длина рощи примерно 2,8 км, ширина 90–330 м. Восточнее неё лежит пойма небольшой речки Дунайки, которая вытекает из оз. Белоберёзового, находящегося в 2,7 км северо-западнее оз. Осинового. Таким образом, участок восточного берега оз. Осинового в древности представлял собой один из островов в русле Амура. Известные археологические памятники расположены в Новопетровской роще.

Древние памятники на восточном берегу оз. Осинового были обнаружены в 1961 г. в 270–360 м от его юго-восточной оконечности. Здесь в 1965 г. во время раскопок неолитического поселения было исследовано одно средневековое жилище, датированное по китайским монетам «кайюань тунбао» серединой VIII в. [Деревянко, 1975, с. 40–46]. Средневековое поселение располагается примерно в одном километре от его юго-восточной оконечности, в 1,3 км северо-западнее с. Войково Константиновского района, что находится на противоположном берегу озера, и в 480 м северо-западнее неолитического поселения (рис. 1, *1*). Поселок на современной поверхности представлен 21 большой глубокой западиной. Они вытянуты вдоль берега озера в две линии с нерегулярным расположением.

В 2009 г. на поселении работала международная российско-корейская экспедиция Института археологии и этнографии СО РАН и Государственного исследовательского Института культурного наследия Республики Кореи.

Для раскопок была выбрана западина 2, вокруг которой разбит раскоп 10×15 м (координаты N 49°36'12.2" E 128°12' 25.9"). Западина располагалась ближе к берегу озера и имела подквадратные очертания 5,2×5,2 м. Ее глубина от уровня современной поверхности составляла 87 см. На площади в 150 м^2 было исследовано жилище 2 и околожилищное пространство с южной стороны, где обнаружены две большие ямы.

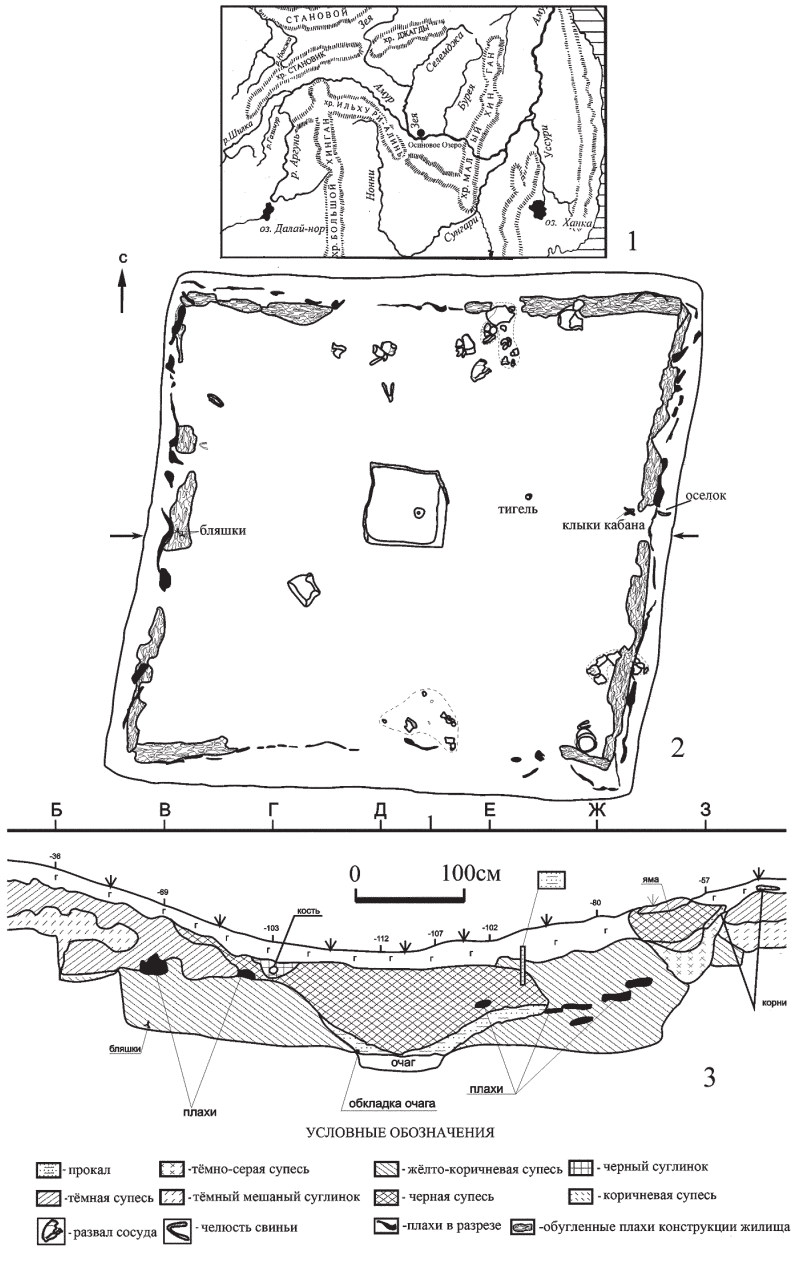

Рис. 1. Местонахождение памятника Осиновое Озеро в Приамурье (*1*), план жилища 2 на уровне рамы-основы и пола (*2*) и его разрез с южной стороны (*3*).

Стратиграфическая ситуация на поселении в данном месте была изучена по разрезам четырех стенок раскопа, а также по трем бровкам (с двух их сторон): одной – по линии север–юг, двух – запад–восток. Было выяснено, что часть напластований в южной части раскопа сразу под дерном представляет остатки выкида из глубокого жилищного котлована. Севернее, восточнее и западнее от жилища этого слоя нет. Здесь сразу под дерном залегает погребенная почва, с которой строилось жилище.

Размеры котлована, который ориентирован сторонами по странам света, на верхнем уровне составили примерно 5,6×5,6 м. В его пределах зачищены деревянные обугленные остатки конструкции жилища. Судя по сохранившимся деталям, основу жилища составляла рама-основа из четырех бревен. Концы северного и южного бревна лежали поверх концов восточного и западного бревна. С внешней стороны рамы вплотную друг к другу были поставлены плашки или доски, составляющие стенку жилища. Она отделяла жилое пространство от стен земляного котлована. С северной и восточной стороны зафиксировано по 18 вертикальных плах, с западной – 20, с южной – 16. Для гидроизоляции использовалась береста, которой были обёрнуты деревянные стены. Глубина котлована жилища от уровня древней погребенной почвы была примерно 100 см. Размеры жилища составили: северная сторона – 5,16 м, западная и восточная – 4,9 м, южная – 4,95 м. Следы опорных столбов под стропила отсутствуют. Эта деталь сближает осиноозёрское жилище с постройками с р. Буреи (Большие Симичи, Букинский Ключ–1) [Древности Буреи, 2000, с. 148–155; Нестеров, Шеломихин, 2002].

В середине интерьера располагался очаг подквадратной формы (75–85×75–80 см). Его основание было заглублено ниже пола на 15 см. По периметру очажной ямы имелась деревянная обкладка. В заполнении очага найдено круглое изделие диаметром примерно 10 см, изготовленное из фрагмента сосуда. В его середине просверлено отверстие. Около очага с западной стороны лежал большой камень-сиденье (длина 22–26 см, ширина 18,5 см, высота 16 см), на котором видны следы заточки металлических ножей и выбоины от использования одной из его поверхностей в качестве наковальни (рис. 1, *2, 3*).

Вход в жилище однозначно не определяется. Учитывая расположение сосудов и свиных челюстей в интерьере жилища, можно предположить, что он мог быть в западном или в южном скате постройки. Южная стенка жилища практически не сохранилась. Но с данной стороны на околожилищном пространстве зафиксировано наибольшее количество керамических черепков от разбитой посуды. Здесь также были две глубокие ямы, в заполнении которых обнаружены фрагменты керамики, идентичной той, что из жилища. Наибольшая их концентрация происходит из первого горизонта слоя 2, который является выбросом из котлована жилища, а после постройки его – дневной поверхностью для обитателей поселения. Ниже этого уровня концентрация артефактов падает, но остается доста-

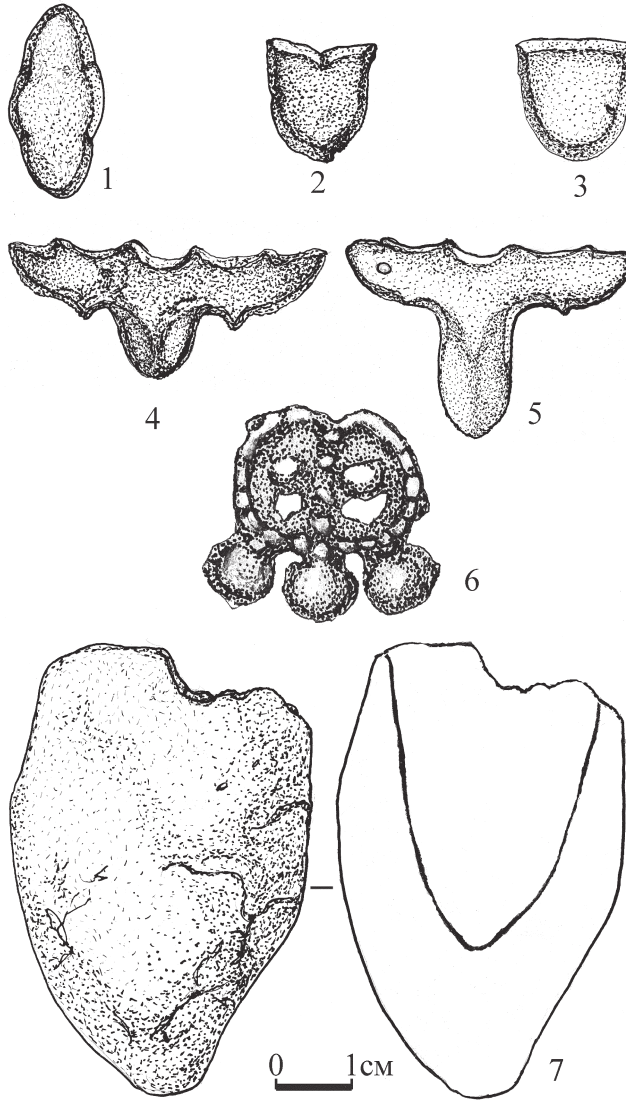

Рис. 2. Находки из жилища 2 Осинового Озера.
1–6 – серебряные бляшки, *7* – керамический тигель.

точно высокой, по сравнению с северной, с восточной и, отчасти, с западной площадками около жилища. В западной стенке жилища, которая сохранилась относительно хорошо, со смещением к юго-западному углу имелся разрыв в раме-основе в виде понижения с чашевидным дном. Его верхняя часть представляла собой заполнение ярко–оранжевого цвета, свидетельствующего о сильном огне в данном месте. Примерно напро-

тив этого разрыва, ближе к очагу лежал камень-сиденье. В некоторых жилищах, например, в жилище 4 памятника Большие Симичи, аналогичный камень лежал со стороны входа [Древности Буреи, 2000, с. 329, рис. 103].

На полу жилища, который был покрыт суглинком и утрамбован, найдены 6 нижних челюстей свиньи, в одном случае дикого кабана, которые лежали по периметру пола. Археологически целые лепные сосуды найдены у северной стенки жилища и в его юго-восточном углу (всего 9). Все они принадлежат к троицкой группе керамики. В тоже время, рядом с лепным сосудом № 3 на полу лежали обломки сосуда, изготовленного на гончарном круге. В заполнении северо-западной части жилища, среди деревянных плашек обнаружены серебряные, или бронзовые, легированные большим количеством серебра (по предварительному определению к.и.н. И.А. Дуракова) пять бляшек и два наконечника от подвесных ремешков пояса уйгурского типа (рис. 2, *1–3*). Две серебряные бляшки, похожие на стилизованные головы лосей в фас, найдены на полу под западным бревном рамы-основы (рис. 2, *4, 5*). Одно серебряное ажурное украшение с необработанными краями найдено в слое 2 южнее жилища (рис. 2, *6*). Керамический тигель со следами воздействия высокой температуры и капельками серебра внутри обнаружен в восточной части жилища недалеко от очага (рис. 2, *7*).

На берегу озера, напротив средневекового поселения, были поставлены 2 шурфа (1Ч2 м). Сезонный подъем воды в озере приводит к тому, что из прибойной полосы начинает вымываться археологический материал. В 2009 г. в результате размыва были найдены два фрагмента нижних челюстей свиней. Археологический материал из шурфов, состоящий из фрагментов лепной керамики троицкого типа, показал, что береговая линия озера использовалась жителями посёлка для выброса мусора и бытовых отходов.

Особенностью материала, полученного при раскопках жилища 2, можно считать присутствие, как в погребенной почве, так и на полу жилища наряду с лепной керамикой троицкого типа фрагментов станковой посуды. Подобное сочетание керамической посуды в жилищах троицкой группы мохэ в Амурской области встречено впервые. Наличие тигля и отлитой, но необработанной бляшки (не были убраны следы литейных швов), а также разрозненных бляшек пояса, может свидетельствовать о том, что в данном жилище жил человек, специализировавшийся на изготовлении украшений из цветного металла (литейщик-ювелир).

Предметный комплекс, полученный при раскопках, позволяет датировать данное жилище VIII–X вв. и отнести к троицкой группе мохэ (бохайцам), однако по конструкции жилище 2 принадлежит к домостроительной традиции населения михайловской культуры (бэй шивэй), которые к X в. были ассимилированы пришедшими из Маньчжурии группами бохайских мохэ.

Список литературы

Деревянко Е.И. Мохэские памятники на Среднем Амуре. – Новосибирск: Наука, 1975. – 250 с.

Древности Буреи / С.П. Нестеров, А.В. Гребенщиков, С.В. Алкин, Д.П. Болотин, П.В. Волков, Н.А. Кононенко, Я.В. Кузьмин, Л.Н. Мыльникова, А.В. Табарев, А.В. Чернюк; отв. ред. Е.И. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 352 с.

Нестеров С.П. Шеломихин О.А. Общее и особенное в конструкции жилищ памятника Букинский Ключ-1 // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 3. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. – С. 71–77.

Н.Д. Оводов, О.И. Горюнова, А.Г. Новиков, А.В. Вебер

ФАУНИСТИЧЕСКИЕ ОСТАТКИ И КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ БРОНЗОВОГО ВЕКА МОГИЛЬНИКА КУРМА XI (ОЗЕРО БАЙКАЛ)

Исследования костных остатков млекопитающих с археологических объектов дают богатый материал для восстановления хозяйственной деятельности человека и для реконструкции окружающей его среды. Цель предлагаемой статьи – анализ состава костных остатков животных (включая и изделия), полученных из погребений бронзового века могильника Курма XI.

Древний некрополь расположен в 210 км к СВВ от г. Иркутска, на СЗ побережье Малого моря оз. Байкал, в 0,5 км к СВ от п. Курма (Ольхонский район Иркутской области). Захоронения бронзового века размещались, в основном, вдоль ЮВ подножья горы на высоте от 6 до 16 м над уровнем Байкала (нижний ярус) и на террасовидном уступе ее восточного склона на высоте 28–30 м (верхний ярус). Протяженность могильника – 200 м.

Некрополь обнаружен в 1992 г. отрядом Байкальской археологической новостроечной экспедиции Иркутского государственного университета (А.В. Харинский). В 1994 г. тем же отрядом вскрыто одно погребение (№ 8), датируемое бронзовым веком [Харинский, 1995]. Тематические комплексные исследования могильника проводились в 2002-2003 гг. Курминским отрядом Российско-Канадской археологической экспедиции (Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН – ИГУ и Отдел антропологии Университета Альберта, г. Эдмонтон, Канада) [Горюнова, Вебер, 2002, 2003]. Древний некрополь хронологически разновременный (неолит – бронзовый век) [Горюнова, Вебер, 2003]. Основную массу захоронений составляют погребения бронзового века. В настоящее время это один из крупных полностью вскрытых и комплексно исследованных некрополей эпохи палеометалла на территории Прибайкалья (вскрыто 20 захоронений).

В составе сопроводительного материала 17 погребений найдены остатки костей животных (516 экз.). В связи с тем, что целостность большинства могил на некрополе была нарушена в древности, часть изделий из кости и фаунистических остатков сохранилась фрагментарно и, вследствие этого, они мало диагностичны (см. таблицу 1). В результате для 212 обломков костей и рогов получено определение «копытное», без указания их видовой принадлежности. Часть костных остатков несет на себе следы обработки человеком, являясь изделиями (451 экз.). В этом случае

Таблица 1. Костные остатки животных из погребений бронзового века могильника Курма XI.

Вид / Определение кости	Собака	Заяц	Бобр	Лисица	Медведь бурый	Соболь	Кабан	Копытное	Благородный олень	Косуля	Филин	Птица	Всего
Орудия бытовой деятельности													
Рог								1	12				13
Плюсна										5/5			5
Трубчатые кости								27	5	3		4	39
Предметы охотничьего и рыболовецкого промысла													
Стенки трубчатых костей								167					167
Рог									5				5
Украшения													
Клык							2/2		215/114				217
Зуб					5/4								5
Необработанная кость													
Трубчатые кости								11				2	13
Челюсть			1	1		2/2				1		1	5
Клык	2/1					1							3
Корен. зуб									1				1
Резец	1								6				7
Метаподия		25/4											25/4
Коготная фаланга											4/2		4/2
Ребро								1					1
Неопределимая фауна								6					6
Всего: кол. костей / кол. особей	3/2	25/4	1	1	5/4	3/3	2/2	212	244/114	9/7	4/2	7/4	516

костные остатки сильно фрагментированы и изменены, что также затрудняет их определение.

В 9 могилах в составе погребального материала зафиксированы необработанные кости животных (65 экз.). Из них часто встречаются стенки трубчатых костей копытных, которые могли быть сырьем для последующего изготовления изделий. Из определимых костей преобладают челюсти: бобр (№ 1), лисица (№ 10), косуля (№ 9), соболь (№ 10, 12); клыки и зубы: собака (№ 6, 10), соболь (№ 6), благородный олень (№ 6, 9, 18). В 4 погребениях (№ 3, 6, 12, 16) найдены метаподии и фаланги зайца, находящиеся между собой в анатомическом порядке (лапка животного). Лапки зайца неоднократно встречались в погребениях бронзового века Приольхонья: Сарминский Мыс № 33, Улярба № 19, Хужир-Нугэ XIV № 3, 61, где они так же располагались у пояса погребенного и, вероятно, использовались в ритуальных (культовых) целях [Горюнова, 2002; Древние погребения …, 2004; Новиков, 2007].

Видовой состав млекопитающих, отмеченных в погребениях могильника Курма XI, представляется следующим: заяц (*Lepus sp*.), бобр (*Castor fiber*), лисица (*Vulpes vulpes*), бурый медведь (*Ursus arctos*), соболь (*Martes zibellina*), кабан (*Sus scrofa*), благородный олень (*Cervus elaphus*), косуля (*Capreolus pygargus*). Обращает внимание наличие большого количества костей благородного оленя (244 экз. более чем от 114 особей). Практически все костные остатки принадлежали диким животным. Исключение составляют клыки и резец собаки (*Canis familiaris*), зафиксированные в двух погребениях (№ 6,10). Кроме костей и зубов млекопитающих в захоронениях найдены кости птиц (*Aves*): когтные фаланги филина (*Bubo bubo*) (№ 10), нижняя челюсть кулика (№ 18) и трубчатые кости крупных птиц (№ 3, 5, 10).

Анализ состава фаунистических остатков из погребений демонстрирует, с одной стороны, наличие типично лесных животных (медведь, бобр, соболь), с другой, – лесостепных видов (косуля, благородный олень). Эти данные свидетельствуют о хозяйственном использовании глазковскими охотниками степных и лесостепных участков вдоль побережья Малого моря оз. Байкал, а так же лесных – на склонах и вершинах Приморского хребта.

Судя по составу фауны, охота играла значительную роль в хозяйственной деятельности населения бронзового века, причем благородный олень являлся основным промысловым животным.

Кости копытных животных составляли сырьевую базу для производства костяных изделий. Всего на могильнике Курма XI зафиксировано 451 изделие из костей животных (целые и в обломках), которые подразделены нами на группы по употреблению их в той или иной сфере деятельности:

1. Орудия бытовой деятельности: острия – 22 экз. (№ 3, 6-7, 10, 12, 16, 19, 26); острия с боковыми выступами – 3 экз. (№ 7, 10); шило (№ 12);

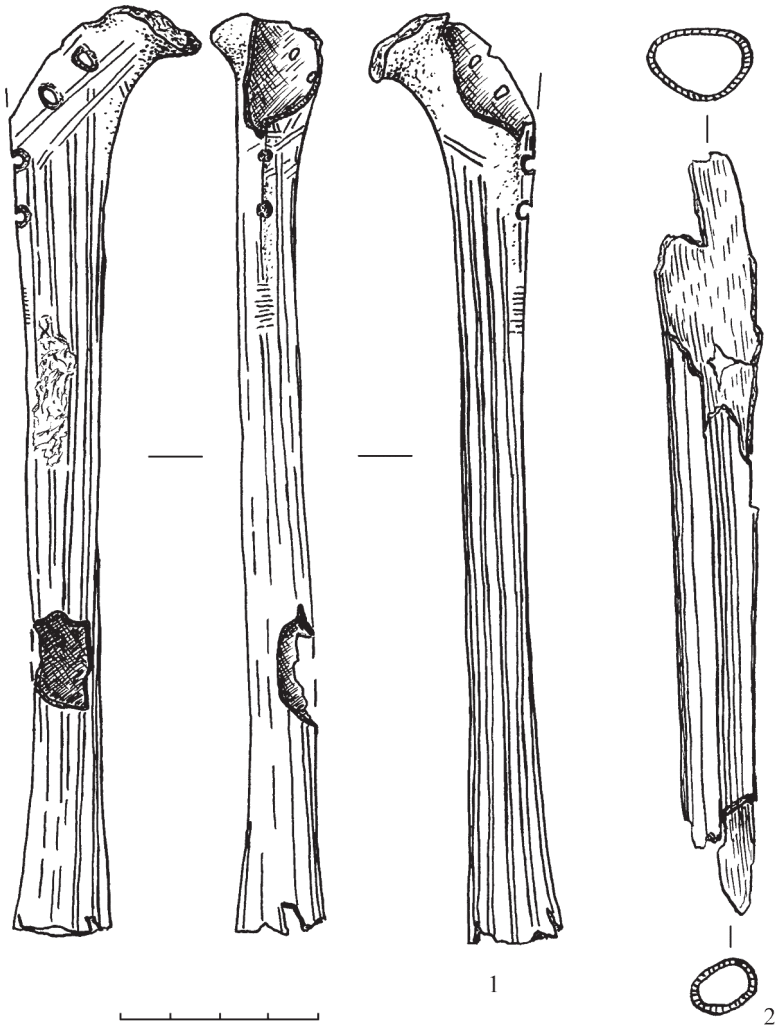

Рис. 1. Орнаментированные изделия из человеческих костей. Курма XI.
1 – из погр. № 14; *2* – из погр. № 19.

иглы – 13 экз. (№ 3, 10, 12, 16); игольники – 4 экз. (№ 5, 10); лощило (№ 1); ложки – 10 экз. (№ 1, 5, 9–10, 16, 19, 25); роговая пластина (№ 10);

2. Предметы охотничьего и рыболовецкого промысла: гарпуны – 5 экз. (№ 1, 9, 10); острога (№ 10); стерженьки составных рыболовных крючков – 8 экз. (№ 7, 10); цельновырезанный рыболовный крючок – два обломка от одного изделия (№ 10); наконечники стрел – 136 экз. (№ 1, 4, 7, 12); остроконечник с двумя боковыми выступами (№ 1); спицевидные стержни – 19 экз. (№ 4, 7, 9);

3. Украшения: подвески из клыков благородного оленя – 215 экз. (№ 1, 3–7, 12–13, 18); подвески из зубов медведя – 5 экз. (№ 5, 13); из расщепленного клыка кабана – 2 (№ 7, 15).

Среди сопроводительного инвентаря погребения № 14 (женское) выделяется изделие из бедренной кости ребенка, с частично срезанными эпифизами (рис. 1). Оно орнаментировано по всей поверхности резными парными продольными линиями; в его верхнем конце просверлены отверстия. Обломки орнаментированной человеческой кости (вероятно, большой берцовой или бедренной) зафиксированы и в погребении № 19 (мужчина). Узор так же состоял из продольных резных линий, сгруппированных по несколько штук.

Использование человеческих костей в качестве изделий – редкое явление не только для Прибайкалья, но и всей Сибири. Известна находка у п. Новоселово (Красноярский край) обломка лучевой кости человека с вырезанным на нем изображением личины и встречаются отдельные случаи обнаружения человеческих костей со следами подработки [Митько, Кержаев, 2004]. Вероятно, все эти изделия носят культовый характер и связаны с религиозными воззрениями древнего населения.

В целом, на основе анализа фаунистических остатков и костяных изделий из погребений могильника Курма XI можно сделать ряд обобщений: 1. большую роль в хозяйственной деятельности населения бронзового века играли охота и рыболовство; 2. состав фауны свидетельствует об использовании древним населением двух экологических зон: леса и лесостепи; 3. основным промысловым животным являлся благородный олень; 4. кости конечностей крупных копытных составляли сырьевую базу для производства костяных изделий бытового и промыслового назначения; 5. отдельные кости животных (челюсти и др.) имели культовую нагрузку и играли значительную роль в погребальной практике древнего населения. Эти данные хорошо согласуются с выводами, полученными по материалам могильника бронзового века Хужир-Нугэ XIV [Новиков, 2007], что увеличивает их достоверность. Уникальным является факт культового использования изделий из человеческих костей, отмеченный на могильнике Курма XI.

Список литературы

Горюнова О.И. Древние могильники Прибайкалья (неолит – бронзовый век). – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2002. – 83 с.

Горюнова О.И., Вебер А.В. Раскопки Российско-Канадской экспедиции на могильнике Курма XI (оз. Байкал) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 291–294.

Горюнова О.И., Вебер А.В. Работы Российско-Канадской экспедиции на могильниках бронзового века побережья оз. Байкал // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. 9, ч. 1. – С. 331–335.

Древние погребения могильника Улярба на Байкале (неолит – палеометалл) / О.И.Горюнова, А.Г. Новиков, Л.П. Зяблин, В.И. Смотрова**.** – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 88 с.

Митько О.А., Кержаев А.М. Шаманская кость // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004. – Вып. 3: Парадоксы археологии. – С. 74–79.

Новиков А.Г. Погребальная практика населения глазковской культуры Прибайкалья: по материалам могильника Хужир-Нугэ XIV: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Иркутск, 2007. – 26 с.

Харинский А.В. Исследования в окрестностях Курмы (западный берег оз. Байкал) // Археологические открытия 1994 года. – М.: Изд-во НПБО «Фонд археологии», 1995. – С. 310–311.

Н.В. Полосьмак, Е.С. Богданов,
Д. Цэвээндорж, Н. Эрдэнэ-Очир

ИССЛЕДОВАНИЕ НОИН-УЛИНСКОГО КУРГАНА № 31 (СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ)*

Курган № 31 (номер соответствует плану могильника, составленному экспедицией П.К. Козлова в 1924 г.) расположен в пади Суцзуктэ, в центральной части могильника. Он был самым крупным среди оставшихся не исследованных погребений. Курган представлял собой задернованную плоскую четырехугольную платформу, размером 18 х 20 м, вытянутую по линии С-Ю, по краям которой были видны выступающие камни ограды. В центре находилась большая воронка диаметром около 7 м и глубиной 3,4 м. От южной стенки ограды в южном направлении отходил дромос в виде невысокой (не более полуметра) насыпи, оконтуренной одним рядом камней. Длина дромоса составляла 14,5 м. После расчистки на уровне древней поверхности была выявлена четырехугольная ограда, сложенная из камней и валунов, ориентированная стенками по сторонам света. Ширина каменной ограды составляла 1,5 – 2,5м. В юго-западной части ограды был зафиксирован мощный грабительский выброс, в котором были найдены фрагменты керамики, черепные кости и зубы лошадей.

Могильная яма занимала всю площадь кургана, начинаясь непосредственно от ограды, и имела обычную для ноин-улинских погребений глубину – 13 м. Часть камней ограды перекрывала контур могильной ямы. Яма была вырыта в плотном слое глины и галечника, стенки ее имели широкие (вплоть до 1м) уступы (ступени). Всего этих уступов было четыре. Только восточная стенка имела еще одну, пятую ступень, которая была сделана уже после обрыва дромоса.

Площадь ямы была разделена с востока на запад и с севера на юг перегородками из крупных валунов, плит поставленных на ребро и мелких камней, сложенных друг на друга. Перегородки шли вглубь вплоть до первого каменного перекрытия, которое было обнаружено на глубине 5,7 м (у стенок ямы) – 9,5 м (в центре). Схожая конструкция была прослежена в кургане 54 в Ильмовой пади [Коновалов, 1976, с. 153, рис. 113], в кургане 20 могильника Гол Мод [Gergely Csiky, 2007, p. 57–58], в 7 кургане могильника Царам (Кяхтинский район республики Бурятия) [Миняев, Сахаровская, 2007, с. 130-131], а также в курганах могильника Дуурлиг Нарс (Вос-

*Работа выполнена в рамках проекта фундаментальных исследований СО РАН № 24.

точная Монголия), исследуемого экспедицией Корейского Национального музея [Chang, Ywangbo, Yoon, 2007]. По характеру укладки камней в перемычки можно полагать, что они были возведены одновременно с засыпкой ямы и делили, таким образом, котлован на отсеки. Об этом строительном приеме обустройства ноин-улинских курганов мы уже писали [Полосьмак и др., 2008, с. 85]. Подобной перемычкой из камней и валунов был перекрыт по всей глубине «вход» в курган со стороны дромоса. Дромос на всю глубину был разделен по центру перемычкой из плит и мелких камней в направлении С-Ю. Обрыв дромоса зафиксирован на глубине 8,8 м, когда глинисто-каменистые слои сменились песчаным. Дальше стенки могилы были отвесные. Пространство вдоль стен ямы было засыпано песком, центральная часть – камнем, щебнем, мелким галечником и материковой глиной

Все внутримогильные конструкции по центру были нарушены грабительской ямой. Она была заполнена крупными камнями, глиной и углистыми прослойками. В грабительской шахте были обнаружены 16 различных изделий из нефрита (рис. 1), а также многочисленные фрагменты шелковой ткани.

Перекрытие могильной ямы кургана № 31 состояло из камней голубого цвета, плотно уложенных в один слой по всей площади, вплоть до «входа» в дромос. Из-за грабежа каменное перекрытие сильно провалилось по центру. Следом за ним, на глубине 10,5 была зафиксирована выкладка из крупных камней, уложенных в центральной части могильной ямы. Через 0,5 м после этой выкладки появилась еще одна, которая состояла из крупных камней в центральной части и мелкого галечника

Рис. 1. Фрагмент нефритового изделия.

по контуру (от 0,5 до 1 м шириной) могильной ямы. Интересной конструктивной деталью 31-го кургана являются две небольшие полукруглые выемки в южной стене на уровне обрыва дромоса, расположенные на расстоянии около 1,5 м друг от друга. Характер этих отверстий позволяет предположить их строительное назначение. Вероятно, эти выемки образовались от двух бревен, являющихся основой лестницы, по которой опускались в 4-метровую шахту с отвесными стенами строители погребального сооружения.

Деревянные конструкции погребальной камеры показались на глубине 12 м. На дне могильной ямы было обнаружено два сруба - внутренний и внешний, собранные из соснового бруса. Пространство между стенками ямы и внешним срубом было заполнено мелким камнем и углем. Стенки срубов, а так же внутренние подпорки – колонны были в верхней части разрушены. Однако достаточно хорошая сохранность дерева позволяет реконструировать все особенности погребального сооружения, которое мало чем отличается от других ноин-улинских курганов, исследованных ранее [Руденко, 1962, с. 5–22; Полосьмак и др., 2008]. Единственное отличие 31-го кургана, это то, что в нем отсутствовало деревянное перекрытие внешнего сруба. Грабители проникли в северный коридор, разрушили всю северную часть внутреннего сруба – стенку и перекрытие. In situ сохранилась только южная часть внутреннего сруба. Внешний сруб был четырехвенцовым (размеры 5,5 × 3,5 м), внутренний – трехвенцовый (размеры: 3,5 × 2,1 м). Ширина бруса была около 25 см, высота – 30 см. Реконструируемая высота внешнего сруба была не более 1,4 м, внутреннего – не более метра. Западный, восточный и южный коридоры, образованные стенками внутреннего и внешнего срубов, были заполнены синей глиной. В северном отсеке были обнаружены остатки от двух разбитых глиняных сосудов, три лаковых чашки, на одной из которых сохранилась надпись иероглифами, и фрагменты тканей. В восточном – маленькие железные удила с псалиями, остатки грубой ткани, зерно. Срубы были установлены на пол, состоящий из 19 сосновых плах (лежащих по линии З–В), стесанных с четырех сторон и неплотно подогнанных друг к другу. Ширина плах составляла 20–30 см, толщина около 15 см. Пол погребальной камеры был уложен на два четырехугольных бруса, лежавших по линии С–Ю.

Сосновый гроб был сильно разбит грабителями. Сохранились не поврежденными дно и западная стенка гроба. Судя по этим фрагментам, его конструкция была аналогична другим гробам, найденным в ноин-улинских курганах: гроб был собран из тщательно отесанных толстых досок, которые скреплялись с помощью Х-образных шипов-закрепов, врезных отверстий такой же формы и врезных прямоугольных пластин из дерева [см. Руденко, 1962, рис. 7, 8, 17, 19, 20; Мыльников, 2006, с. 441–444]. Рядом с обломками гроба были обнаружены две металлических ручки саркофага и многочисленные украшения гроба из золотой фольги в виде четырехлепестковых розеток (рис. 2), здесь же найдено золотое изображение

полумесяца. Внутри гроба, на войлочной подстилке вместе с зернами и фрагментами одежды обнаружены останки человека: ребра, отдельные кости ног и рук, а также несколько зубов.

Погребальный обряд 31-го ноин-улинского кургана в основных деталях повторяет погребальные сооружения элитных хуннских могильников. Как и в каждом погребальном комплексе такого ранга, в нем есть свои особенности. Особенностью 31-го кургана является использование коридоров между внешней и внутренней погребальными камерами не для укладывания сопровождающих погребенного вещей, а для заполнения голубой озерной глиной. (Сохранился плотный слой глины более 30 см толщиной по всей площади коридоров. Похожая ситуация наблюдалась и в 20-м ноин-улинском кургане). В этом погребальном сооружение особенно четко проявилось, уже отмеченное нами ранее [см. Полосьмак и др., 2008, с. 86–87], стремление воспроизвести ханьскую погребальную обрядность с их культом сохранения тела, и предпринять те же шаги, которые делались для этого в ханьских погребениях на территории Китая: окружить погребальную камеру слоем угля, а затем оболочкой из глины. Наряду с китайскими вещами, присутствующими в кургане, эта укоренившаяся традиция еще раз подтверждает влияние ханьской культуры на кочевую элиту.

Рис. 2. Золотое украшение гроба.

Список литературы

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1976. – 247 с.

Мыльников В.П. О проблеме выявления строительных традиций в изготовлении погребальных сооружений из дерева на территории Монголии в раннем железном веке // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII. – С. 440–445.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д., Эрдене-Очир Н. Изучение погребального сооружения кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – № 2 (34). – С. 77–87.

Руденко С.И. Культура хунну и Ноинулинские курганы. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1962. – 203 с.

Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Ханьская колесница из могильника Царам // Археологические Вести. – Вып. 14. – М.: Наука, 2007. – С. 130–137.

Gergely Csiky. L'architecture funéraire Xiongnu // Mongolie, les Xiongnu de l'Arkhangaï. Mission archéologique franзaise en Mongolie. Musée national des Arts asiatiques-Guimet. – Paris, 2007. – P. 57–58.

Eunjeong Chang, Changseo Ywangbo, Sangdeok Yoon. Archaeological research on Xiognu tombs of Duurlig Nars, Mongolia // International symposium in celebrations of the 10-th anniversary of MON-SOL Project. – Seul, National Museum of Korea, 2007. – P. 214–231. (на английском и корейском языках.)

Suzanne Bourret, Andrea Steffen. La naissance d`un heritage // Mongolie, les Xiongnu de l'Arkhangaï. Mission archéologique française en Mongolie. Musée national des Arts asiatiques – Guimet. – Paris, 2007. – P. 89–91.

А.В. Поляков, Н.Ф. Степанова

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ОЗЕРЕ ИТКОЛЬ (РЕСПУБЛИКА ХАКАСИЯ)*

В 2008–2009 гг. на северо-западном берегу озера Итколь (Ширинский район Республики Хакасия) проводились раскопки археологических памятников эпохи энеолита и ранней бронзы. Было изучено три из восьми курганов афанасьевской культуры (могильник Итколь II) и вскрыто 172 кв.м на расположенном в непосредственной близости поселении Итколь III, где обнаружены материалы афанасьевской культуры. Одной из целей было проведение раскопок с применением современных методик, позволяющих уточнить данные по конструкциям надмогильных сооружений и погребальному обряду афанасьевских захоронений, а также получить образцы для радиоуглеродного датирования и керамический материал для технико-технологических исследований.

Могильник Итколь II насчитывает 43 разновременных объекта. Его "ядро" составляют курганы афанасьевской и окуневской культур. Более поздние сооружения карасукской и тагарской культур расположены по периферии.

Исследованные афанасьевские курганы различаются между собой по всем основным признакам погребального обряда, включая диаметр надмогильных конструкций – от 3,5 м до 8,5–9 м. Наибольшие отличия связаны с конструкциями оград и перекрытий могил, а также с особенностями размещения тела погребенного. Ориентация погребенных в рамках западного сектора варьирует широко (ЮЗ; СЗ; З). Самая небольшая ограда (курган 43) сооружена из вертикально поставленных плит. Два других объекта более сложные по конструкции. Курган 27 представлял кольцо из вертикальных плит диаметром 7,2 м. Внутри него выкладка из плит в один слой диаметром 6,2 м. Между выкладкой и оградой оставался "коридор" шириной 0,5 м. Курган 23 представлял кольцо-ограду из каменных блоков диаметром около 8,5–9 м. Она представляла собой стенку, которая была сложена из каменных блоков и имела ширину около 0,7 м. Внешний и внутренний края этой стенки складывались из более крупных камней, выравнивание производилось только по внешней стороне. Центральная часть стенки закладывалась более мелким камнем.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-01-00384а.

Выявленные различия в конструкциях надмогильных сооружений, расположенных в пределах одного кладбища, видимо, связаны с традициями, существовавшими у населения, оставившего эти ограды. Они имеют аналогии на других памятниках и не только на Енисее. Например, ограды из вертикально поставленных плит составляют большинство в Горном Алтае. Выравнивание ограды по внешнему краю отмечено при сооружении оград-стенок на многих памятниках Енисея [Иванова, 1968; Вадецкая, 1981; Bokovenko, Mitjaev, 2000 и др.]. Совмещение на одном объекте ограды из вертикально поставленных плит и кольца из каменных блоков заслуживает особого внимания. Если не учитывать некоторые особенности сооружения внутреннего кольца, то можно найти немало аналогий, когда афанасьевские объекты помимо внешнего кольца имели и внутреннее, например, в Горном Алтае и Монголии [Ларин, 2005; Новгородова, 1989 и др.]. Различия в погребальном обряде одного могильника отмечены не только в отношении Итколь II, но и на многих других афанасьевских памятниках. Они могут быть связаны с отличиями этнографического, социального или хронологического порядка.

Для могильника Итколь II получена пока одна радиоуглеродная дата, которая была сделана на основе остатков деревянного перекрытия могилы 1 кургана 27 (Ле-8517 – 4170±30). После калибровки в программе OxCal 5.0.2 был получен хронологический отрезок (с двойной сигмой 95,4% вероятности) соответствующий 2882-2635 гг. до н.э. Этот результат хорошо согласуется с основной массой радиоуглеродных дат полученных, для памятников Среднего Енисея и Горного Алтая [Svyatko, Mallory, Murphy, Polyakov, Reimer, Schulting, 2009; Святко, Поляков, 2009].

Исследование поселения Итколь III представляло интерес по двум причинам. Во-первых, на Енисее почти не проводилось раскопок афанасьевских поселений. Во-вторых, оно находится рядом с могильником, на котором проводятся исследования. Зафиксирован культурный слой, мощностью около 15 см, содержащий материалы афанасьевской и окуневской культур. Здесь же встречаются фрагменты керамики более поздних эпох. К сожалению, в рамках самого культурного слоя разделить афанасьевские и окуневские материалы не удается. Можно только отметить, что афанасьевская керамика чаще встречается в нижней его части. Подобная картина характерна для поселений данного периода. С материалами афанасьевского времени связаны очаги в виде колец сложенных из среднего размера камней, которые имеют аналогии как на Среднем Енисее (Тепсей X), так и в Горном Алтае на поселениях Балыктыюль, Узнезя-1, Малый Дуган, Кара-Тенеш [Грязнов, Комарова, 1980; Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1980; Степанова, 1990; 1994; .Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006].

Афанасьевские материалы представлены фрагментами керамики от нескольких десятков сосудов (рис. 1). Они отличаются от сосудов из погребений могильника Итколь II по форме, профилям венчиков, орнаменту и таким элементам, как жемчужины-шишечки (рис. 1–5). Преобладает

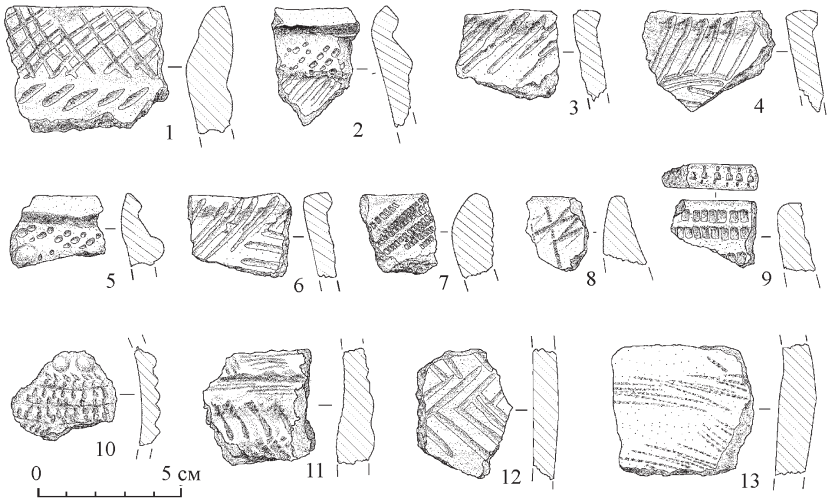

Рис. 1. Керамика афанасьевской культуры с поселения Итколь III.

орнамент в виде вертикального зигзага, полученного оттисками гладкого штампа. Зубчатым штампом выполнено шагание с прокатыванием (качалка). Орнамент, как правило, покрывает все тулово сосуда. Орнаментация в виде жумчужин-шишечек по шейке венчика редко встречается на афанасьевских сосудах, но имеет аналогии на афанасьевских сосудах с поселения Узнезя-1 в Горном Алтае. Имеет аналогии на поселениях Горного Алтая и другой способ орнаментации, выполненный протаскиванием незубчатого инструмента. Таким способом орнаментирована большая часть сосудов.

Аналогии в орнаментации керамики с поселений Енисея и Горного Алтая, прослеживаются не только в способах нанесения орнамента, но и индивидуальном сходстве орнаментиров. Зубчатые инструменты, использованные для орнаментации сосудов с поселения Итколь III, имеют существенные различия между собой в размерах зубцов, их форме, ширине и длине рабочего края в целом, но имеют удивительное, близкое к идентичности сходство с инструментами, которые использовали афанасьевские гончары Горного Алтая. Подобное сходство не может быть случайным. Орнаментиры периодически изготавливались новые, т.к. даже самые прочные инструменты изнашивались или терялись. О том, что зубцы изнашивались, имеются многочисленные свидетельства на керамике, нередко бывает сложно установить нанесен ли орнамент инструментом с зубчатым рабочим краем или гладким, такова степень их сработанности. Традиции в изготовлении орнаментиров не могли сохраняться в неизменном виде в течение нескольких столетий, т.к. при изготовлении новых инструментов со временем неизбежно накапливались изменения, и орнаментиры, при отсутствии контактов населения, не могли иметь сходство близкое к идентичности.

Проведены предварительные исследования технологии изготовления керамики афанасьевской и окуневской культур с поселения Итколь III. Между афанасьевской и окуневской керамикой наблюдаются существенные отличия как в орнаментации (способы нанесения, инструменты), так и в отборе исходного сырья, подготовке формовочных масс. Например, для окуневских сосудов поселения Итколь III характерно добавление в формовочные массы только дресвы в концентрации 1:1–2, а во многих афанасьевских сосудах (как с поселения, так и с могильника) отмечено добавление шамота. Традиция добавлять шамот и угасание этой традиции у афанасьевцев зафиксирована и в Горном Алтае [Степанова, 2005; 2007]. Сходство в навыках изготовления керамики, способах орнаментации, идентичности инструментов для нанесения орнамента позволяет говорить об одновременности проникновения афанасьевцев в Горный Алтай и на Енисей или же о контактах населения. Большинство различий между памятниками двух регионов может быть связано как с различиями исторических судеб населения, так и с тем, что изначально были этнографические различия между группами населения афанасьевской культуры. Дальнейшие исследования помогут ответить на ряд поставленных вопросов. Раскопки на северном берегу озера Итколь позволяют заметно обогатить наши представления об особенностях развития афанасьевской культуры на Среднем Енисее.

Список литературы

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1982. – С. 52–77.

Вадецкая Э.Б. Афанасьевский могильник Красный Яр // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 33–63.

Грязнов М.П., Комарова М.Н. Афанасьевская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1980.

Иванова Л.А. Могильник Подсуханиха и некоторые особенности афанасьевских надмогильных сооружений // КСИА. – 1968. – Вып. 114.

Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдяр-1. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. – 208 с.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. – М., 1989. – 384 с.

Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. – Ч.1. – Барнаул: Изд-во Азбука, 2006. – 233 с.

Святко С.В., Поляков А.В. Новые радиоуглеродные даты памятников эпохи бронзы – начала железного века Среднего Енисея // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 146–149.

Степанова Н.Ф. Поселение Малый Дуган – памятник эпохи бронзы Горного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1990. – С. 73–86.

Степанова Н.Ф. Поселение Узнезя-1 // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 19–26, 198–201.

Степанова Н.Ф. Некоторые результаты изучения формовочных масс керамических комплексов поселений эпохи бронзы Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т.**XI, ч. I. –** Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 455–459.

Степанова Н.Ф. К вопросу об адаптации населения афанасьевской культуры Горного Алтая (по материалам керамических комплексов) // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. – СПб, 2007. – С. 95–104.

Bokovenko N.A., Mitjaev P.E. Malinovyj Log. Ein Grdberfeld der Afanas'evo-Kultur // Eurasia AntiQua/ Zeitschrift Fьr ArchДologie Eurasiens. – Band 6. – 2000. – Sonderdruck. – P. 13–33.

Svyatko S.V., Mallory J.P., Murphy E.M., Polyakov A.V., Reimer P.J., Schulting R.J. New radiocarbon dates and a review of the chronology of prehistoric populations from the Minusinsk basin, Southern Siberia, Russia // Radiocarbon. – 2009. – V. 51, №1. – P. 243–273.

А.И. Соловьёв

БОЛЬШИЕ КУРГАНЫ: К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СТАТУСА ПОГРЕБЕННЫХ*

Свыше ста лет идут раскопки курганов в Сибири. К настоящему времени изучены многие тысячи насыпей – как самых крупных, господствующих над окрестной степью и подавляющих величием прохожего, так и мелких, едва заметных глазу всхолмлений. Изучены памятники разных культур и народов, ступавших по исторической арене. К сожалению, львиная доля таких объектов оказывается разрушенной либо современниками, либо жадными до могильных сокровищ потомками, которые уже не боялись ни гнева, ни мести мертвецов. Впрочем, что касается современников создателей курганов, то их действия по извлечению сокровищ во многом, на наш взгляд, были вторичным актом, сопутствующим обрядовому уничтожению души покойного или какой либо иной разновидности нематериальной сущности усопшего, ставшей духом предком-покровителем сородичей. Мифология бытия такого персонажа, в сакральной власти которого оказывалось так же и владение родовой территорией, в традиционном мировоззрении связывалось с целостностью его останков. «Охота» на могилы чужих предков и их уничтожение в таких условиях на протяжении веков становилась обычной целью военных экспедиций [Молодин, Соловьев, 2004, с. 109–112]. Естественно, в такой обстановке у захоронений представителей социальной верхушки было мало шансов уцелеть. Как правило, страдала центральная часть насыпи и, соответственно, те погребения, которые здесь располагаются и традиционно считаются в среде специалистов основными – принадлежащими, социально доминирующим субъектам. Что же касается периферийных погребальных комплексов, то им порой удавалось остаться в стороне от грабительской шахты и сохраниться до наших дней. Именно в таковых и были сделаны сенсационные находки «золотых людей». И всегда в таких случаях возникает вопрос, а что же было тогда в центральных погребениях, какая бездна роскоши, тончайших произведений искусства, да и просто золота попала в руки «бугровщиков» и навсегда исчезла из достояния мировой культуры?

Ответы во многом кроются в определении статуса ограбленных курганов и, конечно же, общественного ранга погребенных персон. Когда речь заходит о каком-нибудь «обильном златом и серебром» погребальном ком-

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-01-00281а.

плексе под монументальным сооружением, ему автоматически присваивается высший «царский» уровень. Мы, разумеется, далеки от того, чтобы взять на себя смелость решать вопросы действительно ли это были цари империй древних скотоводов или же главы локальных территориальных военно-потестарных образований. Но в данном случае будем использовать термин «царские курганы» в качестве рабочего понятия, обозначающего погребальные сооружения элиты – социальных лидеров территориальных и родовых объединений эпохи раннего железного века, независимо от их реального общественного устройства и фактических прерогатив предводителей.

Разумеется, масштабы «царских» курганов для разных территорий и культур будут различными, как будет различаться в деталях и их внутреннее устройство. Однако, есть ли здесь нечто такое, что позволило бы их выделить в определенную группу и определить внутреннюю иерархию статуса погребенных?* Обратимся к материалам эпохи раннего железного века Южной Сибири. Несмотря на то, что её степи буквально усыпаны курганными сооружениями, таких, которые бесспорно бы ассоциировались с самым высшим статусом погребенных совсем немного. Построек, которые по визуальным признакам можно было бы связать с управленческой верхушкой явно меньше, чем должно было бы быть таких персон на исторической арене. И в этом нет ничего странного. Достаточно вспомнить, что были и «цари», и «цари царей», а в том же самом Египте были большие пирамиды «великих» фараонов и пирамиды малые. То есть существуют веские основания предполагать, что значительно меньшие сооружения так же вполне могут претендовать на звание «царских». Но прежде чем позволить себе дальнейшие рассуждения на эту тему, отметим, что мы намеренно исключаем из рассмотрения такую важнейшую характеристику погребальных памятников, как их ландшафтное позиционирование. Хотя эта тема крайне важна, но она столь многопланова, что даже беглое её изложение перерастает в самостоятельное исследование. А пока обратим внимание, что интересующие нас сооружения располагаются, как правило, на открытых участках визуально ограниченных какими либо естественными природными границами. Любопытно, что в Новосибирском Приобье или, например, в Барабе самые крупные сооружения из тех, что обнаруживаются в окрестностях могут встречаться в пойменных низинах, на участках, на которых линия горизонта оказывается неожиданно близкой. А обзор окружающего пространства ограничивается коренными террасами и отдаленными гривами. Ландщафтные характеристики Минусы,

*Ясно, что, прежде всего. это будут размеры сооружения, количество трудовых затрат на возведение которого и набор обрядов, резко превосходят тот минимум, что был необходим по существующим представлениям для достижения усопшим конечной цели своего посмертного «странствия» и совершения грядущих инкарнаций.

Тувы и Алтая дают ещё большой простор для выбора таких замкнутых мест, в которых «образцовая космогония», обретала бы зримые формы, материализованные в формах окружающего рельефа, в облике которых сама природа давала человеку модель, соответствующую его космогоническим представлениям.

Одни из самых крупных среди исследованных «царских» гробниц Сибири находятся в минусинской котловине. Это – большой Салбыкский курган, раскопанный в 1954–1955 гг. С.В. Киселевым [Членова, 1992, С. 211–212, табл.91] и близкий ему по форме и размерам комплекс Барсучиха, изученный экспедицией DAI (Deutsches Archdologisches Institut) [Parzinger, Nagler, Gotlib, 2007]. Не вдаваясь в детали сравнения их устройства, облика и датировок, обратим внимание, на важную, наш взгляд, архитектурную деталь, объединяющую между собой обе постройки. Это ассиметричное расположение могильной камеры, «сдвинутой» от геометрического центра сооружения к одной из дальних стен ограды. Как представляется, данный элемент не случаен и несет вполне определенную смысловую нагрузку, которая может быть понята при обращении к организации внутреннего пространства дворцово-храмовых и жилых ансамблей.

Во всех известных нам случаях место, занимаемое разного рода владыками, в «зоне» их официального пребывания оказывается смещенным от центра помещения – вглубь от входа, ближе к одной из его дальних стен. Расстилающееся перед ним пространство оказывается предназначенным для приближенных и слуг, составляющих двор, каковым в определенном смысле слова эта территория и является. Такую картину мы наблюдаем на планировке дворцовых комплексов Японии Китая, Кореи, Европы, Индостана и т.д. От дворцов Нара и Киото на востоке до палат московских царей государей и правительственных резиденций Версаля, Мюнхена, Мадрида на западе. Такой же принцип смещения легко заметен и в архитектуре западноевропейских замков. Без труда улавливается он и на материалах Древнего Египта, Ура, Персии. Отметим, что в соответствии с ним располагается наиболее значимая и почитаемая зона в храмовых комплексах, как это имело место и в Египте, и в планировке древнейших, восходящих первым векам нашей эры, культовых сооружениях древней Японии, в расположении алтарной части христианских соборов Европы, внутренней планировки мечетей Стамбула. В традиционных культурах народов Сибири по такому же принципу устроены и культовые места, например у обских угров, где в глубине сакрализованного пространства в дальнем углу или около стенки помещения располагались изображения почитаемых духов [Гемуев, 1990, с.24, Гемуев, Сагалаев, 1986, с, 7–120].

Судя по описаниям Плано Карпини и Гильома де Рубрука, «асимметризм» планировки был характерен и для двора монгольских владык [1957, с. 74, 76, 94, 119, 159], пытавшихся сочетать привычную плани-

ровку круглого пространства кочевых юрт и прямоугольного устройства дворцов покоренных китайских царств. Обратим внимание на то обстоятельство, что для круглых в плане жилищ кочевого населения Сибири присущ тот же принцип смещения наиболее почетной и социально значимой части в дальний конец обитаемого пространства. Здесь же, кстати, располагались и почитаемые предметы [Львова, Октябрьская, Сагалаев…, 1988, с.63, 64, 66]. При этом по линии, связывавшей привходовую часть и «почетный угол» «нарастали положительные качества жилища» [Там же, с. 64]. Подчеркнем, что «минимум культурных характеристик привходового пространства» определяло и то обстоятельство, что места здесь занимали люди с более низким социальным статусом [Там же, с.66]. То есть в дальней точке опять таки смыкаются нарастающие векторы социального и сакрального. Таким образом, можно поставить вопрос о том, что рассматриваемая планировка оказывается проявлением некого архетипичного явления, имеющего глубокие исторические корни.

Вряд ли стоит доказывать изоморфность жилого и погребального сооружения, каждое из которых имело еще и определенный сакральный смысл. Хорошо вписывается в эту схему некрополь Цинь Шихуанди. Перед самой гробницей императора находится некая специально выделенная территория, на которой располагается его глиняная армия. Собственно сама гробница оказывается смещенной относительно этого обширного «двора», границы которого остаются пока неизвестными. То есть и здесь налицо рассмотренный принцип, только масштабы его иные. Отметим, что в строительстве погребальных сооружений когуресских царей реализовалась та же логика, а сами их гробницы и погребальные камеры, насколько нам это удалось наблюдать в Корее, оказываются смещенными относительно «двора».

А теперь, с позиций сказанного, обратимся к археологическим материалам Сибири и Центральной Азии. Итак, курганы Салбык и Барсучий лог, бесспорно, имеют «царский статус», но они ограбленны и мало что дали потомкам. А вот в трех других случаях – Иссык, Аржан-2, Сидоровка – все произошло иначе [Акишев, 1978, с. 10–15; National Geographic, 2003, с. 93; Čugunov, Parzinger, Nagler, 2007; Матющенко, Татаурова, 1997, с. 7–13]. Грабители уничтожили центральные камеры, которые, согласно изложенному, принадлежали «дворне», и не затронули погребения самих владык – «золотых людей» из «периферийных» могил, для которых и возводились эти сооружения. На вопрос же, поставленный в начале статьи о содержимом центральных склепов, следует ответить, что в них не было ничего такого, что могло бы сравниться с блеском и пышностью находок из боковых захоронений. А крупные курганы с ассиметричным расположением погребальной камеры с наибольшим правом претендуют на высший социальный статус.

Список литературы

Акишев К.А. Курган Иссык. – М.: Искусство, 1978. – 131 с.

Гемуев И.Н. Мировоззрение манси. Дом и Космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа Манси. Культовые места (XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1986. – 192 с.

Карпини Плано. История Могалов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М.: Изд-во географической литературы, 1957. – С. 21–83.

Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. – Новосибирск: Наука, 1997. – 198 с.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. – 184 с.

Рубрук Гильом. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М.: Изд-во географической литературы, 1957. – С. 84–271 с.

Членова Н.Л. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 206–224.

Čugunov K., Parzinger G., Nagler A. Der Fьrstenkurgan Arћan 2 // Im Zeichen des goldenen Greifen. Kцnigsgrдber der Skythen. – Mьnchen, Berlin, London, New York, 2007. – S. 69–82.

Parzinger H, Nagler A, Gotlib A. Die Fьrstengrдber der Tagar-Kultur // Im Zeichen des goldenen Greifen. Kцnigsgrдber der Skythen. – Mьnchen, Berlin, London, New York, 2007. – S. 102–105

National Geographic, октябрь, 2003. – 86. – 103.

Е.А. Соловьёва, А.В. Табарев, Д.А. Иванова

АНТРОПОМОРФНАЯ ПЛАСТИКА ТИХООКЕАНСКОГО БАССЕЙНА: ГЕОГРАФИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ*

Антропоморфная пластика – один из ярчайших и исключительно информативных элементов творчества и ритуала древних культур. Изобретение керамики положило начало не только принципиально иному техническому решению изготовления контейнеров, но также дало импульс к возникновению и развитию новых форм мобильного искусства.

Несмотря на очевидность этого тезиса и значительный корпус опубликованных материалов в отечественной археологической литературе еще практически нет фундаментальных работ, которые обобщали бы данные по антропоморфной пластике в самом широком хронологическом диапазоне и привлекали бы максимальное число региональных аналогий. Для сравнения, для американского континента такая масштабная работа была проведена в рамках специального проекта – «Статуэтки Нового Света» (The New World Figurine Project) [New World…, 1991, 2001]. Существуют также многолетние международные проекты по изучению пластики в средиземноморском и ближневосточном регионах [см.: Coroplastic Studies Interest Group].

Одним из шагов в данном направлении является проект «Антропоморфная пластика древних культур Сибири и Тихоокеанского бассейна», с 2009 г. разрабатываемый группой специалистов Института археологии и этнографии СО РАН [Solovieva, Tabarev, 2009]. Его реализация стала возможной благодаря созданию Совместной лаборатории СО РАН и Университета Тохоку (г. Сендай, Япония), в котором хранится самая большая и, одновременно, наименее опубликованная и экспонированная из коллекций дземонских антропоморфных фигурок – догу (более 3 тыс.) [Соловьева, 2005].

Интерес исследователей разных стран к догу как одному из ключевых элементов дземонского ритуала сегодня велик как никогда: в Северной Америке и Западной Европе в ряде университетов существуют тематические программы по изучению догу, а крупнейшие музеи мира организуют специальные выставки фигурок. Например, беспрецедентная по своим масштабам (более 70 изображений) выставка в Британском музее в сентябре-ноябре 2009 г. [The Power of Dogu…, 2009].

В то же время, проект изначально задумывался как более широкое исследование, не ограничивающееся сравнением сибирско-дальневосточных

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 09-01-00412а.

Рис. 1. Районы наиболее раннего проявления керамической антропоморфной пластики в культурах тихоокеанского бассейна.
1 – Приморье, Корейский полуостров; *2* – Приамурье; *3* – Японский архипелаг; *4* – бассейн р. Лейк (США); *5* – Калифорния (США); *6* – мексиканское побережье; *7* – Эквадор.

[Дьяков, 1987; Медведев, 2005 и др.] и дземонских материалов. Феномен антропоморфной пластики интересно рассмотреть в рамках такого крупного региона как тихоокеанский бассейн. Тем более что подавляющая часть материалов, известных в археологических культурах прибрежной части Северной, Мезо - и Южной Америк, отечественным специалистам практически неизвестна.

Единственная, пока эскизно, упоминаемая в этой связи культура – культура вальдивия, представленная серией поселений и ритуальных центров в

прибрежной части Эквадора [Молодин, Соловьева, 2008; Соловьева, 2005]. Керамическая посуда и антропоморфные изображения появляются на самой ранней стадии ее развития - как минимум 5, 5 – 5,000 л.н. [Handbook of South American Archaeology…, 2008]. Образцы пластики сопровождают жилищные и ритуальные комплексы, а также погребения. Существует целый ряд статей и специальных исследований, посвященных искусству культуры вальдивия. Отметим, например, опубликованную недавно работу М. Капути, которая содержит детальное описание обстоятельств находок всех антропоморфных изображений на одном из важнейших памятников культуры вальдивия – Реал Альто [Caputi, 2008].

Оставляя за рамками настоящей статьи обширную дискуссию об истоках гончарства на американском континенте (Эквадор, Колумбия, Бразилия, миграции из Восточной Азии и др.), отметим, что оно в любом случае появляется сначала в Южной Америке, а потом проникает в Мезоамерику и Северную Америку.

На сегодняшний день можно с большой долей уверенности говорить о том, что наиболее ранние пути распространения технологии производства керамики в Новом Свете пролегали по тихоокеанским побережьям. Хронологически этот процесс происходит в рамках т.н. «Начального формативного периода» (Initial Formative) – 4 – 3, 200 л.н. Наиболее ранние образцы керамической антропоморфной пластики зафиксированы в раковинных кучах и погребениях на поселениях Окос, Ла-Виктория, Эль-Виверо и др. По мнению американских специалистов, именно эти материалы лежат в основе последующих ярких стилей и традиций формативного и раннеклассического периодов Мезоамерики [Табарев, 2005; Evans, 2004; Mountjoy, 1991].

На тихоокеанском побережье Северной Америки с конца 1930-х гг. также прослеживаются находки предметов оригинальной керамической пластики. Они концентрируются, во-первых, в северо-западной и центральной частях Калифорнии и представлены фрагментами торсов женских керамических фигурок, на которых намечены элементы прически, одежды и украшений. Их хронологическая интерпретация предполагает достаточно широкий диапазон – от 4 тыс. до 500 л.н. [Elsasser, 1963; Heizer, 1937; Heizer, Pendergast, 1955].

Второй район тихоокеанского побережья Северной Америки с образцами древней антропоморфной пластики – бассейн р. Лэйк на границе штатов Орегон и Вашингтон. С середины 1960-х гг. оттуда периодически поступали сведения о находках керамики и фигурок. Подробное описание и анализ всех накопленных к настоящему времени материалов (5 памятников и ряд подъемных артефактов) приводится в недавно опубликованной книге А. Стенжер [Stenger, 2009]. Среди изделий наибольший интерес представляют фрагменты фигурок с проработанными лицами «азиатского типа», разнообразными прическами и элементами одежды. Датировки слоев, содержащих керамические изделия, относятся к доколумбовому периоду –

500–700 л.н. Примечательно, что все соседние с бассейном р. Лейк территории своего керамического производства в доколумбово время не имели.

Привлечение этих и других данных позволит по-новому осветить и интерпретировать феномен происхождения и распространения антропоморфной пластики в тихоокеанском регионе.

Список литературы

Дьяков В.И. Антропоморфные керамические скульптуры из Приморья эпохи бронзы // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 125–132.

Медведев В.Е. Неолитические культовые центры в долине Амура // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – №. 4 (24). – С. 40–69.

Молодин В.И., Соловьева Е.А. К вопросу об обрядовой практике использования антропоморфной пластики в Японии (дземон) и Америке (вальдивия) // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: человек и исторический ландшафт. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. – С. 126–130.

Соловьева Е.А. Догу: классификация и интерпретация. – Автореф. дисс. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2005.

Табарев А.В. Новое о культуре ольмеков (к выходу книги Evans S.T. Ancient Mexico and Central America. Archaeology and Cultural History. – London: Thames and Hudson, 2004. – 608 p.) // Аборигены Америки: предметы и представления. –МАЭ. – 2005. – T. L. – С. 286–292.

Caputi M. G. Las Figurinas de Real Alto. – Quito: Abya Yala, 2008. – 262 p.

Coroplastic Studies Interest Group. – http://www.coroplasticstudies.org/contact.html

Elsasser A.B. Two Fired-Clay Figurines from Central California // American Antiquity. – 1963. – Vol. 29. – P. 118–120.

Evans S.T. Ancient Mexico and Central America. – L.: Thames and Hudson, 2004. – 608 p.

Handbook of South American Archaeology. – NY: Springer, 2008. – 1191 p.

Heizer R. Baked-Clay Objects of the Lower Sacramento Valley, California // American Antiquity. – 1937. – Vol. 3. – P. 34–50.

Mountjoy J. B. The Analysis of Preclassic Figurines Excavated from the Site of La Pintada in the Central Coastal Plain of Jalisco, Mexico // New World Figurine Project. – Vol. 1. – Provo: Research Press, 1991. – P. 85–89.

Heizer R., Pendergast D. M. Additional Data on Fired Clay Human Figurines from California // American Antiquity. – 1955. – Vol. 21. – P. 181–185.

New World Figurine Project. – Vol. 1. – Provo: Research Press at Brigham Young University, 1991. – 298 p.

New World Figurine Project. – Vol. 2. – Provo: Research Press at Brigham Young University, 2001. – 288 p.

Solovieva E.A., Tabarev A.V. A New Project on the Anthropomorphic Clay Figurines of the Ancient Cultures of Northeast Asia // Newsletter of the Coroplastic Studies Interest Group. – Vol. 2. – June 2009. – P. 6–7.

Stenger A.T. A Vanished People. The Lake River Ceramic Makers. – Portland: Institute for Archaeological Studies, 2009.

The Power of Dogu. – L.: British Museum Press, 2009. – 170 p.

Н.Ф. Степанова

ПОГРЕБЕНИЯ КУРОТИНСКОГО ТИПА ЭПОХИ БРОНЗЫ В ГОРНОМ АЛТАЕ*

Проблемы абсолютной и относительной хронологии афанасьевских памятников, также как и другие вопросы, не решены до сих пор. Погребальные комплексы афанасьевской культуры отличаются тем, что их сложно разделить на ранние и поздние. Проведен статистический анализ признаков погребального обряда афанасьевской культуры Горного Алтая, позволивший выделить группы памятников по надмогильным сооружениям и по ориентации погребенных. Возникла необходимость определения места этих групп среди афанасьевских памятников.

Одну из групп составляют захоронения с ориентацией на СВ (9% от общего количества), из которых 60% совершено оградках-стенках. Перекрытия имелись в 66% могил, что выше общего показателя для афанасьевской культуры. Отмечен самый высокий процент захоронений с охрой – 87%, безинвентарных - 60% и без керамики – 67% (для афанасьевской культуры захоронения без керамики составляют около 40%, безинвентарные 30%). Остродонные сосуды найдены в 20% захоронений. Ни в одной могиле не прослежено остатков металла, за исключением находок из насыпи на Ело-1 (изделия из металла обнаружены в 18% погребений афанасьевской культуры). Между погребениями с СВ ориентацией в целом и из оградок-стенок с такой же ориентацией погребенных существенных различий не обнаруживается: в оградках-стенках меньше перекрытий из плит, но больше безинвентарных могил – 67%.

К СВ группе близки захоронения с ориентацией на В (7%), выявленные во всех типах надмогильных конструкций, но незначительное преобладание их приходится на оградки-стенки. Безинвентарные погребения составляют 63,5%, без керамики – 54,5%. Все остродонные сосуды этой группы имеют необычные черты. В отличие от предыдущей группы в 18% захоронений зафиксированы остатки металла.

Захоронения с плоскодонными сосудами имеют индивидуальные отличия, выделяющие их как внутри группы, так и среди афанасьевских. Пещеркин Лог 1, к.1 отличается тем, что погребенный был уложен на спину с ногами, первоначально слабо подогнутыми коленями вверх. Необычны

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-01-00384а.

уступы в могильной яме, количество инвентаря и его состав (костяные проколки, каменные шлифованный топорик, орудие типа стамески и кинжал, плоскодонный сосуд). В развале ограды найдены заготовка каменного сверленного топора и другие предметы. Большинство вещей редко встречаются или не имеют аналогий в афанасьевских могилах. Анализируя материалы могильников из долины р. Каракол, авторы раскопок предположили, что при дальнейшем исследовании, возможно, будут выявлены локальные варианты или особенности внутри афанасьевской культуры ([Деревянко, Молодин, Маркин, 1987].

Ело-1, о.1 выделяется тем, что в ЮВ части ограды среди развала камней найден плоскодонный сосуд, сверху перекрытый небольшой плиткой. Орнаментирован сосуд, как и из Пещеркиного Лога 1, глубокими отпечатками гладкого штампа. В сосуде находилось около 50 бусин (костяные, халцедоновые, медные спиралевидная пронизка и колечко). В ограде обнаружены обломки берцовых костей крупного животного, обломанными концами углубленные в материк, возможно, закреплявшие перекрытие органического происхождения [Абдулганеев, Посредников, Степанова, 1997].

В Горном Алтае известно еще несколько погребений, в которых умершие были уложены на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на СВ, ВСВ и В, но с баночными сосудами (Курота-2, к.4, Бойтыгем-2, к. 5, Берсюкта-1, к.1).

Могильник Бойтыгем II, к.5 представлял собой насыпь с крепидным кольцом из более крупных камней. Могила перекрыта плитами у самого дна, а не на уровне древнего горизонта. Погребенная была, по-видимому, уложена скорченно, головой на СВ. У СЗ стенки найден баночной сосуд, орнаментированный оттисками штампа с крупными подпрямоугольными зубцами. Авторы раскопок отмечают, что надмогильная конструкция не имеет аналогий среди исследованных афанасьевских объектов, к специфичным признакам они относят перекрытие могильной ямы у самого дна, форму сосуда [Абдулганеев, Ларин, 1994, с.26].

Захоронения из Куроты-II и Бойтыгема-2 рассматривались среди афанасьевских, но с афанасьевскими их объединяет только положение погребенного. Охра использовалась и в каракольских могилах, на афанасьевских памятниках нет баночных сосудов.

Итак, захоронения с СВ, В и ВСВ ориентаций составляют группу, для которой характерны надмогильные конструкции округлой формы, сложенные из рваного камня, обычно уложенного плашмя или горизонтально, грунтовые могилы, положение погребенного на спине с согнутыми в коленях ногами, окраска охрой, преобладают безинвентарные погребения. Отмечается незначительное преобладание остродонных сосудов и отсутствие круглодонных. Объекты имеют индивидуальные черты, не имеющие аналогий среди афанасьевских, например, перекрытие в нижней части могильной ямы (Бойтыгем-II), уступы (Пещеркин Лог-1) и др.

Несколько подобных погребений на одном памятнике раскопано только на Куроте II, который выделяется среди афанасьевских преобладанием ориентации умерших на восток, отсутствием захоронений с характерной для афанасьевской культуры ориентацией погребенных на ЮЗ, количеством плоскодонных сосудов (три плоскодонных, курильница, один остродонный) и другими признаками [Киселев, 1951; Степанова, 2005]. На остальных памятниках исследовано по одному, реже два таких погребения – Пещеркин Лог-1, Ело-1, о.1, Бике I, II, Урмулык, к.2, Кор-Кобы-I, к. 6, Кызык-Телань-I, к.33 и др. Поскольку одним из первых и наиболее исследованных остается могильник Курота-2, погребения с СВ, В и ВСВ ориентацией можно объединить как погребения куротинского типа.

М.Д. Хлобыстина, выделившая по материалам могильника Курота-2 куротинский тип погребений, считала его одним из наиболее ранних афанасьевских. Она предполагала, что в пользу большей древности Куроты-II служат интенсивная окраска охрой и ориентация, хотя керамика, по ее мнению, производит неархаичное впечатление [Хлобыстина, 1975]. С.В. Киселев считал, что керамика служит аргументом в пользу большей молодости куротинских курганов [Киселев, 1951]. С.В.Цыб включил могильник Курота-II в раннюю группу афанасьевских памятников [Цыб, 1984].

Наличие плоскодонных и баночных сосудов не позволяет считать погребения куротинского типа архаичными [Степанова, 1994; 2005; 2006]. Плоскодонная керамика составляет 9–10% от общего количества афанасьевской и разделяется по изготовлению дна на 2 группы [Владимиров, Степанова, 1994]. Одна группа сосудов (рис. 1–3) не вызывает сомнений в принадлежности к афанасьевской культуре, их появление может быть связано с влиянием на афанасьевцев населения изготавливающего посуду с плоским дном. Сосуды другой группы (Курота-II, Ело-1, о. 1, Пещеркин Лог-1) практически не имеют сходства с афанасьевскими как по форме, так и орнаментации (рис. 1–1,4,6,8).

Баночных сосудов в погребениях в Горном Алтае найдено 7 – на Куроте II, к.4, Бойтыгеме-2, к. 5, Берсюкте-1, Балыкты-Юле, к.2, Улите и в разрушенных погребениях в пос.Озерное и с.Кулада [Киселев, 1951; Абдулганеев, Ларин, 1994; Хлобыстина, 1975; Цыб, Мамадаков, Степанова, 1998; Ларин, 1988; Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982]. Находки из Озерного соотносят с каракольской культурой, из Улиты - эпохой бронзы. Сосуды баночного типа с поселений датированы эпохой бронзы [Погожева, Молодин, 1980; Кирюшин, Семибратов, Кунгуров, Грушин, 2006].

Неафанасьевская принадлежность погребений с баночными сосудами и некоторых с плоскодонной керамикой очевидна (Курота-II, Бойтыгем-2, к. 5, Покровка-4 и др.). Однако малочисленность таких захоронений и различия в погребальном обряде затрудняют определение их культурной и хронологической принадлежности. На соседних территориях баночные сосуды характерны для окуневской, елунинской и других культур. По-ви-

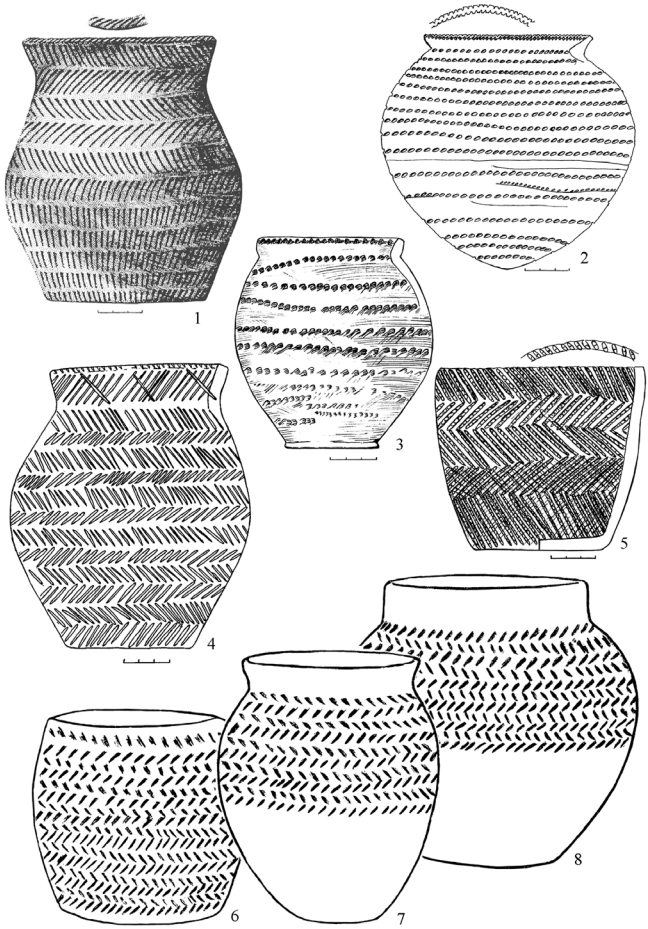

Рис. 1. Керамика из погребений куротинского типа: Пещеркин Лог-1, к. 1 (1), Кара-Коба-1, о.8 (2,3), Бойтыгем-2, к. 5(5), Ело-1, о.1 (4), Курота-2 (6–8). (По: [Деревянко, Молодин, Маркин, 1987] (1); [Абдулганеев, Посредников, Степанова, 1997] (4); [Абдулганеев, Ларин, 1994. (5); Киселев, 1951] (6–8).

димому, погребения куротинского типа с банками синхронны этим культурам. Поскольку в нескольких захоронениях куротинского типа найдены остродонные сосуды, то одновременность их с афанасьевской культурой также несомненна. Возможно, погребения куротинского типа оставлены группой населения, подвергшейся влиянию афанасьевцев, не исключено, что эта группа появилась в Горном Алтае вместе с афанасьевским, но отличалась от него по этнографическим характеристикам. Возможно, что население, оставившее погребения куротинского типа, обитало длительное

время в Горном Алтае и часть погребений, особенно с СВ ориентацией, могут быть соотнесены с ранними афанасьевскими (известно, что для неолита характерна ориентация на СВ). На поставленные вопросы сложно ответить без появления новых материалов.

Список литературы

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. – Барнаул, 1982. – С. 52–77.

Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. Афанасьевские памятники Бойтыгема // Археология Горного Алтая. – Барнаул, 1994. – С. 24–36.

Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф. Афанасьевские могильники на р. Ело // Источники по истории Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 1997. – С. 69–90.

Владимиров В.Н., Степанова Н.Ф. Исследование погребального обряда методом автоматической классификации // Археология Горного Алтая. – Барнаул, 1994. – С. 3–8.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Маркин С.В. Археологические исследования на Алтае в 1986 г. (предварительные итоги советско-японской экспедиции) // Советско-японские археологические исследования на Алтае. – Новосибирск, 1987. – 76 с.

Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П., Кунгуров А.Л., Грушин С.П. Материалы эпохи бронзы с поселения Тыткескень-VI на Средней Катуни // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XII, ч. 1. – Новосибирск, 2006. – С. 165–369.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951. – 642 с.

Ларин О.В. Новые материалы эпохи ранней бронзы из Горного Алтая // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1988. – С. 13–21.

Погожева А.П., Молодин В.И. Раскопки на поселении Кара-Тенеш (1978 г.) // Археологический поиск (Северная Азия). – Новосибирск, 1980. – С. 92–98.

Степанова Н.Ф. Эпоха бронзы Горного Алтая: погребальный обряд и керамика // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул, 1994. – С. 49–51.

Степанова Н.Ф. Могильник эпохи бронзы Курота-2 в Горном Алтае // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск, 2005. – С. 53–54.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // СА, 1975. – № 1. – С. 17–33.

Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая. – Автореферат дисс... – Кемерово, 1984. – 19 с.

С.Ф. Татауров

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ГОРОДА ТАРА В 2009 ГОДУ

Малые города Сибири, основанные в XVI–XVII вв. являются перспективными объектами для изучения процессов русского освоения этого края. Не имея крупных промышленных зон они, в значительной степени, сохранили свою первоначальную планиграфию. Отсутствие больших технологических подземных коммуникаций способствовало сохранению культурного слоя. Как правило, исторические центры в таких городах мало застроены, значительная часть отведена под зеленые зоны, площади, что делает возможным, в отличие от крупных центров, проведение широкомасштабных археологических раскопок. На территории Омской области наиболее актуальным является изучение исторического центра г. Тара. Этот один из старейших городов Западной Сибири, который совсем недавно отметил свое 415-летие. Он имеет свою богатую, пусть во многом трагичную историю. За годы своего существования Тара пережила и неоднократные разрушительные пожары и мощные наводнения и осады кочевников и бунт староверов, гражданскую войну и воскресники комсомольцев по уничтожению церквей и многое другое… И, как ни прискорбно отметить, до этого года не была предметом целенаправленных археологических исследований. Исключением является эпизод, когда в 2007 г. мною вместе с А.В. Шлюшинским был найден фундамент Никольского собора [Татауров, Шлюшинский. 2009]. По этой причине совершенно неизвестна картина возникновения и развития этого исторического центра. Письменные источники, в лучшем случае, дают приблизительную схему расположения кремля и городских построек в отдельно взятые моменты XVII – начала XX вв.

В 2009 г. Омским филиалом Института археологии и этнографии СО РАН совместно с Омским государственным университетом начаты работы по исследованию исторического центра г. Тары. На начало года в органах по охране культурного наследия РФ г. Тара не фигурировал, ни одного квадратного метра исторического центра города в качестве охраняемой зоны не значилось. Поэтому основной задачей было определение состояния культурного слоя, сохранности исторических объектов для выделения охранных зон. Еще одной задачей было определение перспективности проведения на этой территории археологических исследований. Практическими задачами археологических исследований полевого сезона стали:

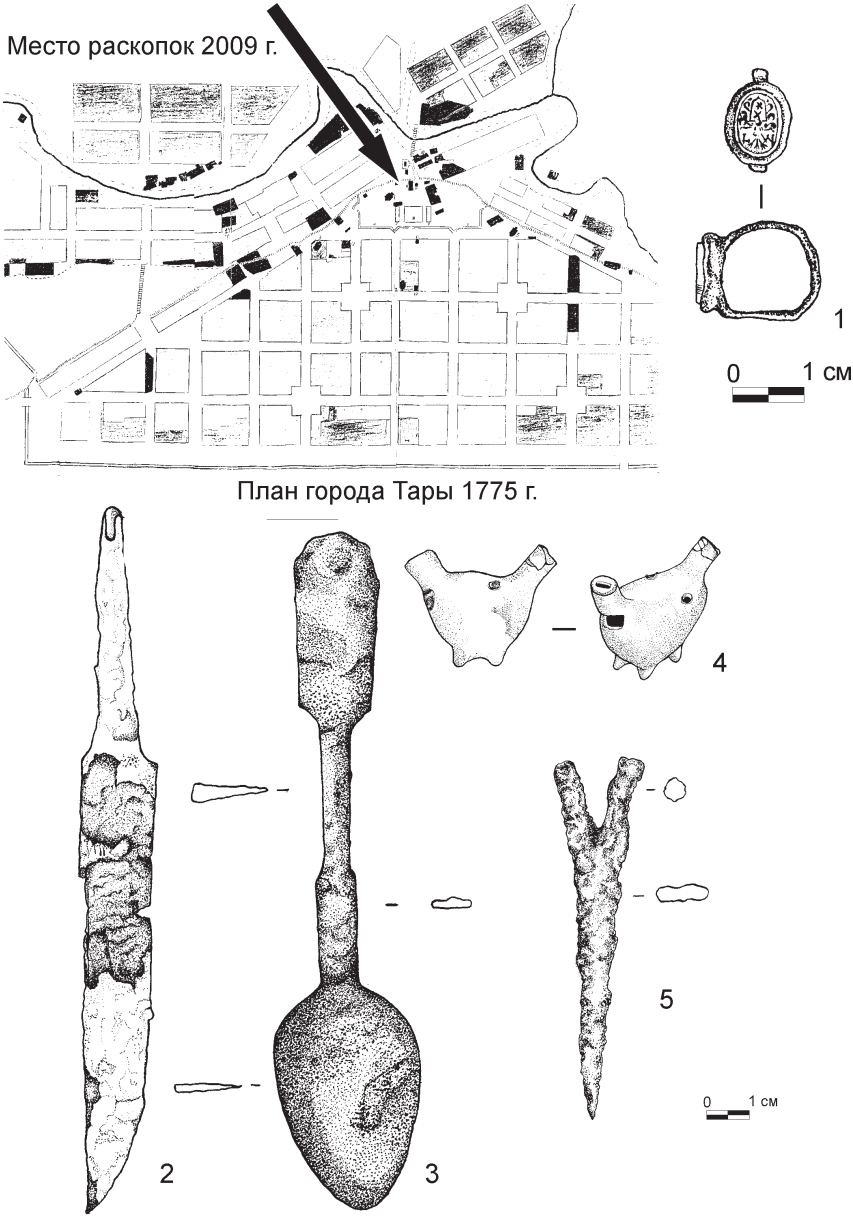

Рис. 1. Район работ и материалы раскопок 2009 г.
1 – перстень, *2* – нож, *3* – ложка, *4* – свистулька “курица”, *5* – святец.
(*1* – серебро, янтарь, *2–5* – железо, *3* – олово, *4* – керамика.)

Поиск границ Тарского кремля по состоянию на 1775 г. (рис. 1). За основу исследований взят план города за этот год по той причине, что более ранние схемы города оказались очень неточными [Матвеев, Татауров. 2005]. Установление степени повреждения культурного слоя на территории кремля современной застройкой и коммуникациями.

Поиск фундаментов тарских храмов, разрушенных в 30-х годах XX в. – Никольского и Успенского соборов, Казанской, Пятницкой и Тихвинская церквей, а так же одной из первых в Сибири каменной мечети.

Выявление мест массовых захоронений жертв белогвардейских и сталинских репрессий на территории города.

Для проведения этих работ зимой 2009 года была проведена работа в архивах Омска и Тобольска по поиску и обработке планов города, планов разрушенных архитектурных комплексов и их фотографий, свидетельств об их судьбе. После этого было сделано соотнесение этих комплексов с современным градостроительным планом города.

В соответствии с заявленными задачами были осуществлены работы по трем направлениям.

Мы провели исследования по выявлению расположения Спасских ворот и береговой стены кремля. В результате работ была обнаружена башня, защищавшая кремль со стороны реки Аркарки. Высота террасы в данном месте составляет 12 м. Башня расположена в 10 м от ее края и представляет собой правильный восьмигранник с длиной грани около 2 м. Сохранилось четыре венца, углы срублены с наружной стороны без выпусков. Судя по сохранившейся части башня имела коническую форму или по крайней мере таким было ее основание. Диаметр бревен 0,30–0,37 см. Материал – лиственница, сохранность очень хорошая. На дне башни лежали две плахи шириной 40 см и толщиной 8 см. Перед строительством башни верхние слои почвы были сняты и нижний венец был установлен на слое твердой глины.

Перед башней был зафиксирован небольшой вал из светлой глины, он непосредственно примыкает к башне, где достигает максимальной мощности и постепенно уменьшается к периферии. В настоящий момент мощность вала составляет 0,6 м, ширина 3 м. Внутри башни находок не зафиксировано. В заполнении культурного слоя над башней найдены лепная и гончарная керамика. Обнаружены несколько фрагментов чернолощеной посуды. В верхних слоях находится большое количество обломков кирпича от разрушенного в конце 30-х годов XX в. Успенского собора.

Поиск Спасских (Тобольских) ворот по схемам тарского кремля XVII – первой половины XVIII вв. оказался не совсем удачным. Проведенные исследования показали, что ворота, по видимому, располагались ближе к краю террасы, тем самым, можно говорить что все планы города до 1775 г. имеют большие погрешности.

В месте раскопок на глубине 1,7 м нами найден сегмент мостовой города, которую мы предварительно датируем первой половиной XVIII в. Мостовая состоит из пятиметровых лиственничных плах шириной 0,4–0,5 м

и толщиной 0,8–0,10 м. Рядом с ней проходила дорога, фрагмент которой нами исследован. Толщина грязи, которая была на дороге, составляет 60 см, в этом слое большое количество фрагментов керамики, древесины, мусора и т.д.

Под мостовой ранее располагалась сапожная мастерская, об этом свидетельствует найденная коллекция обуви и большое количество обрезков кожи, которую В.Б. Богомолов относит к допетровскому времени. Найденные образцы демонстрируют широкий диапазон моделей мужской и женской обуви. В этом слое зафиксировано большое количество слюды, причем много целых фрагментов, что позволило сделать реконструкцию окна. Окно 40х60 см с железным переплетом. В центре цветок из четырех лепестков, по краю неправильная сетка.

Мощность культурного слоя в данном месте превышает 2 метра (2,2–2,4 м). В слое фиксируется 4 мощных угольных прослойки, что подтверждает исторические сведения о пожарах, полностью уничтожавших город. Культурный слой насыщен находками. Большое количество керамики, лепной и гончарной, некоторые фрагменты орнаментированы. Найдено около 100 предметов из железа самого различного назначения: святцы (рис. 1–5), подковки на сапоги, гвозди и скобы разных размеров, ножи (рис. 1–2),и т.д. Керамические и каменные грузила, свистулька «курица» (рис. 1–4). Предметы быта – ложка (рис. 1–3), заколки, булавки. Наиболее интересной находкой стал серебряный перстень с вставкой из янтаря, на которой вырезан родовой герб с инициалами на латыни L и W (рис. 1–1).

Проведенные в этом сезоне исследования показали - значительная часть кремля (фактически вся береговая линия укреплений) не повреждена более поздними строениями и, тем самым, перед учеными имеется уникальная возможность изучения исторического центра одного из первых городов Сибири.

Поиск фундаментов тарских храмов, разрушенных в 30-х годах XX в. дал следующие результаты. Найден фундамент разрушенной в 1963 г. Тихвинской церкви, на первом городском кладбище, где в 1963–64 гг. был создан парк, а на месте церкви построен летний кинотеатр (сгорел через несколько лет). Затем на этом месте был установлен памятник героям-партизанам, погибшим при освобождении города от колчаковцев. Памятник был спилен и сдан на металлолом в начале нашего века. В данный момент парк заброшен. Установлено расположения Успенского собора, он находится между зданием районной администрации и местной телекомпании. В данный момент это заасфальтированная площадка под которой в двух кирпичных колодцах находится развязка кабелей узла связи. Тем самым значительная часть фундамента собора уничтожена. На месте расположения Казанской церкви и мечети в настоящий момент стоят дома постройки 60-х годов XX века.

Важным моментом в плане дальнейшего изучения храмовых комплексов, а в дальнейшем, возможно, для их воссоздания, является то, что места

расположения Никольского собора, Пятницкой и Тихвинской церквей в настоящий момент не застроены и не используются в каких-то хозяйственных целях.

Выявление мест массовых захоронений жертв белогвардейских и сталинских репрессий на территории города дало следующие результаты: По улице 11 линия одноэтажные кирпичные дома №№ 33, 35 построены на месте карьеров кирпичного завода (ныне недействующего). В карьерах в середине 30-х годов XX в. были «захоронены» расстрелянные заключенные Тарской пересыльной тюрьмы. Официально признан расстрел 1440 человек. В настоящий момент глубина залегания костяков на приусадебных участках не превышает 0,4 м, поэтому при вспашке земли стали выворачиваться человеческие кости, которые и были зафиксированы в ходе обследования.

Проведенные исследования показали, что г. Тара представляет собой уникальный исторический комплекс, который должен иметь статус особой охраняемой территории. Исторический центр города перспективен для проведения комплексных археолого-исторических исследований.

Список литературы

Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Перспективы археологических исследований исторических центров малых городов Сибири // Русский вопрос: история и современность. – Омск: Издательский дом «Наука», 2005. – С. 223–227.

Татауров С.Ф., Шлюшинский А.В. Археологические исследования центральной части города Тары в 2007 году // Социально-экономическое и историко-культурное наследие Тарского Прииртышья: Мат-лы IV науч.-практ. конф., посвящ. памяти А.В. Ваганова. – Тара, 2009. – С. 80–81.

Ю.С. Худяков

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ДОЛИНЕ РЕКИ ЭДИГАН В 2009 ГОДУ

Изучение археологических памятников в долине р. Эдиган началось в 1960-х гг. В 1964–1969 гг. археологические исследования в приустьевой части этой реки, по инициативе академика А.П. Окладникова, проводила Е.М. Берс. На левом берегу р. Эдиган ею была собрана большая коллекция каменных изделий [Худяков, 2008. С. 14]. В середине 1970-х гг., эту стоянку осмотрели Б.Х. Кадиков и Б.И. Лапшин [Лапшин, 1977. С. 215]. В 1981 и 1982 гг. этот и другие памятники в приустьевой части долины р. Эдиган были обследованы А.С. Суразаковым и Л.М. Чевалковым. На поверхности террасы были собраны каменные орудия верхнего палеолита и мезолита [Суразаков, Чевалков, 1983. С. 29–31]. В 1983 г., в зоне затопления Катунской ГЭС в долине Эдигана проводил археологические разведки М.Т. Абдулганеев. Им был опубликован материал нескольких памятников [Абдулганеев, 1985. С. 189]. В 1984 и 1988 гг. на поселении на левом берегу Эдигана, проводил раскопки Л.М. Чевалков [Чевалков, 1986. С. 130–148]. Им были выявлены неолитические и энеолитические находки [Чевалков, 1990. С. 201, 209]. В 1989 и 1990 гг. Н.Ф. Степановой на правом берегу Эдигана было раскопано 9 курганов на памятниках Верх. Тельтехмень – I и Верх. Тельтехмень – IV, датированных эпохой бронзы и раннескифским временем [Степанова Н.Ф., 1997. с. 64].

Автором настоящей статьи полевые работы в долине Эдигана ведутся с 1988 г. сначала силами Катунского, затем - Южносибирского отряда. В 1988-1994 гг. разведки и раскопки были сосредоточены в зоне затопления Катунской ГЭС [Худяков, 1994. С. 59–62]. В 1995-1996 гг. работы в долинах Катуни и Эдигана проводились в рамках ФЦП «Сохранение археологического наследия народов РФ» [Худяков, 1996. С. 376]. В последующие годы работы в долине Эдигана велись по программам СО РАН и Рособразования. За эти годы было обнаружено 58 памятников, на 14 проводились раскопки.

В 2009 г. работы в долине р. Эдиган были продолжены. В работах Южносибирского отряда приняли участие студенты отделений, проходившие археологическую практику. Результаты исследований предназначены для разработки учебных программ, курсов лекций и учебных пособий, подготовки студентами курсовых и дипломных работ. В ходе поисковых маршрутов по берегам рек Эдиган и Каинзара были обнаружены новые памят-

ники, осмотрено современное состояние известных комплексов, собрана коллекция подъемного материала, проведены раскопки на памятниках Улуг-Чолтух и Кишнег-Увал. Особо фиксировались случаи повреждения памятников в процессе проведения строительных работ.

Памятник Улуг-Чолтух расположен на правом берегу р. Эдиган, на увале горы, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 0,8 км от с. Эдиган. На поверхности могильника прослеживается 74 пологих каменных насыпи. С 2001 по 2008 г. было раскопано 45 насыпей, часть которых содержала по две могилы и два-три захоронения взрослых и детей [Худяков, 2002. С. 472–478; Худяков, 2003. С. 504–509; Худяков, 2005. С. 480–484; Худяков, 2007. С. 388–391; Борисенко, Худяков, 2008. С. 135-138]. На могильнике Улуг-Чолтух были выявлены повреждения вследствие современной хозяйственной деятельности. В 2009 г. было раскопано 5 овальных каменных насыпей, площадью от 3×2 до 4×2 м, высотой 0,1 м. Насыпи сложены из массивных и мелких скальных обломков и ориентированы по линии З–В. После снятия дерна и зачистки были выявлены очертания надмогильных сооружений овальной формы. Некоторые насыпи окаймлены крепидой из крупных камней. В процессе раскопок выявлена конструкция надмогильных сооружений из камней в 2–4 слоя. Под насыпями находились каменные перекрытия могильных ям. В насыпях, на перекрытии и в заполнении могильных ям встречались отдельные фрагменты керамических сосудов. Вдоль стен ям были уставлены отдельные каменные плиты или скальные обломки. В кургане № 46 каменные плиты были установлены по всему периметру ямы. В раскопанных могилах находились одиночные мужские и женские захоронения и одно погребение женщины с останками подростка. Погребенные были ориентированы головой на В, а подросток на З. Мужчины были захоронены с оружием, включая костяные накладки луков, железные и костяные наконечники стрел, кинжалы. Концевые накладки представляют собой длинные, узкие, плавно изогнутые по длине костяные пластины с арочными вырезами для крепления петель тетивы, срединные накладки представляют собой длинные и широкие костяные пластины со скошенными концами, срединные фронтальные накладки представляют собой длинные узкие костяные пластины с расширяющимися концами. Большая часть накладок сохранилась в обломках. Железные наконечники стрел, обнаруженные в раскопанных мужских погребениях, имели черешки и перо с трехлопастным сечением. Костяные наконечники из раскопанных могил черешковые с удлиненно-ромбическим пером. Найденные в погребениях кинжалы черешковые с однолезвийными пряными клинками. В мужских погребениях найдены железные принадлежности пояса, пряжки и накладки. Все железные предметы подверглись сильной коррозии. В захоронениях женщин были найдены украшения прически или головного убора и костюма, и бытовые предметы, среди которых были бронзовые височные подвески, обоймы, входившие в состав накосника, полусферические бляшки, крупные бляхи, железные пластины, каменные бусы,

роговой стержень с орнаментом. Набор украшений находит аналогии среди принадлежностей женского костюма с памятника Айрыдаш I. Судя по особенностям надмогильных и внутримогильных сооружений, погребальному обряду и сопроводительному инвентарю, раскопанные погребения относятся к айрыдашскому типу и датируются второй четвертью I тыс. н. э.

Одиночный курган Кишнег-Увал расположен на пологом склоне горы, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 0,9 км от с Эдиган. Пологая, неправильной подквадратной формы, интенсивно задернованная каменная выкладка, площадью 4х3 м, высотой 0,1 м. Выкладка ориентирована длинной осью по линии СВ-ЮЗ. На поверхности выкладки вывернуты отдельные камни. В результате снятия дерна и зачистки были выявлены очертания сооружения в виде выкладки, сложенной из массивных и мелких скальных обломков. Под выкладкой обнаружено перекрытие могильной ямы из крупных и мелких камней. На дне могилы обнаружен скелет взрослого человека и остатки берестяной подстилки. В составе сопроводительного инвентаря преобладали принадлежности конской сбруи: железные и костяные пряжки, бронзовые бляшки, цурки, железное стремя. Судя по находкам, погребение относится к древнетюркской культуре.

В ходе поисковых маршрутов, проведенных в полевом сезоне 2009 г. по обеим берегам р. Эдиган, на левобережье на оконечности высокой террасы была обнаружена группа курганов Курла, состоящая из двух пологих округлых, задернованных каменных насыпей. На местонахождении Кутургаш и поселении Бедик собрана коллекция фрагментов лепной керамики. На правом берегу на местонахождении Амаду на полотне автомобильной дороги была найдена заготовка каменной подвески. На местонахождении Кишнег-Лог был обнаружен фрагмент лепного керамического сосуда и обломок куранта зернотерки.

Среди исследованных в полевом сезоне 2009 г. памятников зафиксировано поселение раннего железного века и группа курганов эпохи средневековья, раскопаны погребальные комплексы хунно-сяньбийского и древнетюркского времени, собраны отдельные находки на поверхности. Исследованные памятники и находки позволяют уточнить сложившиеся представления по археологии Горного Алтая.

Список литературы

Абдулганеев М.Т. Работы в горном и лесостепном Алтае // Археологические открытия 1983 года. – М.: Наука, 1985. – С. 189.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2008 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СР РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 135–138.

Лапшин Б.И. Разведки в долинах рек Катуни и Бии // Археологические открытия 1976 года. – М.: Наука, 1977. – С. 215.

Степанова Н.Ф. Раскопки в устье р. Эдиган // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. – № 2. – С. 64–73.

Суразаков А.С., Чевалков Л.М. Новые находки эпохи камня в Горном Алтае // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 28–31.

Худяков Ю.С. Охранные работы в зоне затопления Катунской ГЭС в 1988–1993 гг. // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск: АКИН, 1994. – С. 59–62.

Худяков Ю.С. Исследования в Чемальском районе Республики Алтай // Археологические открытия 1995 года. – М.: Изд-во НПБО «Фонд археологии», 1996. – С. 376–377.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. VIII. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 472–478.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2003 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. IX, ч. I. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 504–509.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XI, ч. I. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 480–484.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2007 году // Проблемы археологии, этнографии. Антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XIII. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – С. 388–391.

Худяков Ю.С. Памятная веха для археологии в Новосибирском государственном университете: к 100-летию Е.М. Берс // Вестник НГУ. Серия: история, филология. – Новосибирск: НГУ, 2008. – Т. 7. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 12–19.

Чевалков Л.М. О результатах поиска памятников каменного века в Горном Алтае // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986. – С. 130–148.

Чевалков Л.М. Раскопки в устье реки Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катуни. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 200–210.

О.С. Шерстобитова, А.В. Полеводов

ИЗУЧЕНИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В СРЕДНЕМ ПРИИРТЫШЬЕ В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ СУЗГУНСКО-ИРМЕНСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ*

Древности эпохи поздней бронзы в Среднем Прииртышье привлекли к себе внимание исследователей более 40 лет назад. Наиболее последовательные и масштабные работы в Среднем Прииртышье провели уральские археологи и А.Я. Труфанов, исследовавшие, в том числе, и позднебронзовые памятники. Благодаря их работам, была составлена культурно-хронологическая колонка прииртышских древностей, выявлено и обосновано своеобразие ирменской культуры на Иртыше, изучен уникальный памятник финального этапа бронзового века – городище Большой Лог, описано своеобразие красноозерской культуры и впервые дана ее характеристика [Генинг, Гусенцова, Кондратьев, Стефанов, Трофименко, 1970; Абрамова, Стефанов, 1985; Стефанов, Труфанов, 1988; Генинг, Стефанов, 1993]. Полученные материалы стали основой для написания не только специальных [Труфанов, 1990], но и обобщающих работ [Косарев, 1981; Косарев, 1987]. Тем не менее, долгое время основным направлением изучения эпохи поздней бронзы в Среднем Прииртышье являлось выявление черт, характеризующих каждую из культур в отдельности, в то время как проблем взаимодействия культур исследователи касались вскользь [Стефанов, Труфанов, 1988, с. 84].

Как представляется, во многом таким восприятием позднебронзовой эпохи Среднего Прииртышья исследователи обязаны прочно укоренившейся концепции, согласно которой: 1. Сузгунская культура относилась к культуре «лесного» типа, в то время как ирменская тяготела к миру степей и, по мнению ученых, практически монопольно занимала лесостепные территории Среднего Прииртышья. 2. Появление «лесной» сузгунской культуры в лесостепи объяснялось начавшимся в начале I тыс. до н.э. продвижением носителей северной (гамаюно-атлымской) традиции на юг, повлекшее за собой перемещение «лесного» сузгунского населения [Косарев, 1987, с. 292]. 3. Признавая, что ирменская и сузгунская культуры находились в продолжительном контакте (о чем свидетельствуют материалы памятников), исследователи не допускали мысли о том, что обе культуры могли сосуществовать на одной территории и тем более в пределах одного поселения [Стефанов, Труфанов, 1988, с. 84].

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 09-01-67109 а/Т.

В настоящее время (благодаря новым и неоднократным пересмотрам материалов ранее исследованных памятников) значительно возросло количество данных, свидетельствующих об интенсивном сузгунско-ирменском взаимодействии в лесостепной и в предтаежной зоне, т. е. непосредственно на территории, закрепленной ранее исследователями за населением розановского (среднеиртышского) варианта ирменской культуры, хотя уже тогда были известны погребальные комплексы могильника Калачевка-II, содержащие материалы, неоднородные в культурном отношении. Один из исследованных курганов дал материалы эпохи поздней бронзы. В погребении обнаружен чашевидный круглодонный сосуд с геометрическим орнаментом и бронзовый однолезвийный нож с монетовидным навершием [Могильников, 1968, с. 94-97]. Позднее А.Я. Труфанов, обративший внимание на сочетание в погребении «ирменского» монетовидного ножа и типичного сузгунского чашевидного сосуда, предположил, что оно оставлено смешанным ирменско-сузгунским населением [Труфанов, 1991, с. 77]. Разделяя мнение исследователя о смешанном характере оставившего данное погребение населения и о компонентах, его слагающих, нам, тем не менее, кажется предпочтительным акцентировать на сузгунском компоненте, поскольку металлические изделия данной категории вряд ли могут служить более надежным культурно-диагностирующим признаком, нежели керамика. Впоследствии работы на могильнике были продолжены А.Я. Труфановым, который относит все исследованные погребения к ирменской культуре, а в отношении керамического материала замечает, что все сосуды «…вполне уверенно можно назвать ирменскими, несмотря на то, что они лишены специфических ирменских орнаментов» [Труфанов, 1991, с. 77]. Среди сопроводительного инвентаря следует отметить бронзовые гвоздевидные подвески и три керамических сосуда. Гвоздевидные подвески – характерное украшение ирменского населения, известное на всей территории распространения культуры, в отличие от керамических сосудов, чья культурная атрибуция не столь очевидна. Орнаментальное поле сосудов заполнено редкими монотонными композициями, в одном случае сочетающими горизонтальную «елочку» на шейке и два ряда наклонных оттисков в зоне плечико-тулово [Труфанов, 1991, рис. 2–*1*]. Эти орнаменты не характерны ни для ирменской, ни для сузгунской погребальной посуды, которая очень канонична и орнаментирована, главным образом, геометрическими узорами. По всей видимости, монотонность орнаментов на сосудах могильника объясняется смешанным обликом погребенного здесь населения, демонстрирующего наглядное отражение в закрытых комплексах процессов сузгунско-ирменского взаимодействия. Обозначенные процессы выявляются и на основе многочисленных поселенческих материалов. Среди новых памятников, дающих представительные серии смешанной сузгунско-ирменской посуды, можно отметить поселенческие комплексы Надеждинка-IV\V, Алексеевка-I и XXI (предтаежная зона Среднего Прииртышья) [Шерстобитова, 2008а, 2008б]. Среди ранее известных –

Сибирская Саргатка-I, Черноозерье-VIII, Красноозерское поселение, также обладающие материалами, свидетельствующими о межкультурном взаимодействии. Но, пожалуй, одним из самых ярких памятников, отражающих сложные межкультурные процессы в лесостепи Среднего Прииртышья, является курганный могильник Боровянка-XXVII, в течение ряда лет исследующийся экспедицией НАПП «Батаково» (автор работ – А.В. Полеводов). Могильник насчитывает более 30 насыпей. Центральная часть представлена позднебронзовыми погребениями, в то время как периферийная – сооружениями раннего железного века. Уникальность памятника связана с выявленным фактом сосуществования в пределах одного пространства сооружений сузгунских и ирменских курганов, расположенных в непосредственной близости друг от друга и, вероятно, сооруженных относительно синхронно. Подробный анализ выявленным погребениям уже дан в литературе [Полеводов, 2008], однако в ходе работ на могильнике Боровянка-XXVII в 2009 году обнаружены новые свидетельства сузгунско-ирменских контактов. Было исследовано два кургана, один из которых, судя по керамическому инвентарю, соотносится с сузгунской, а второй – с ирменской культурой. Диаметр обоих насыпей не превышал 8,5 м. В обоих курганах обнаружено по одной могиле, расположенной в центре на материке. Инвентарь представлен исключительно керамическими сосудами, установленными в ряд, по линии СВ-ЮЗ, слева от погребенных. Следует заметить, что, в отличие от исследований прошлых сезонов, в 2009 году деление курганов на две культурные линии довольно условно, поскольку обнаруженный керамический комплекс обоих сооружений синкретичен, и, в отличие от раскопок предыдущих лет, не соотносим ни с сузгунскими, ни с ирменскими погребальными канонами в их чистом виде. Орнаментация сосудов из обоих курганов демонстрирует высокую степень синкретизма, выраженную в сочетании фестонов (ирменская традиция) с формованным валиком, украшенным плотным «елочным» орнаментом и рядами специфически сузгунского штампа «скоба» на шейке.

Таким образом, даже в пределах единого погребального пространства отражены процессы не только тесного *сосуществования* сузгунской и ирменской традиций, но и их интенсивного *взаимодействия*, рождающего новые, смешанные формы. Благодаря исследованию новых и пересмотру материала старых памятников, на сегодняшний день можно говорить о том, что лесостепное Прииртышье в эпоху поздней бронзы не было монокультурным, сузгунская культура к началу I тыс. до н.э. уже существовала здесь, и не только *чересполосно*, но и *совместно* с ирменской традицией. Упомянутое продвижение северных (гамаюно-атлымских) групп вряд ли можно считать массовым явлением. Исходя из анализа археологического материала, они проникли в Среднее Прииртышье на этапе, когда процесс сузгунско-ирменского взаимодействия уже достиг своего расцвета.

Список литературы

Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районе новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 92–97.

Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: ТГУ, 1970. – С. 12–51.

Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Поселения Черноозерье-I, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века лесостепного Прииртышья // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: УрГУ, 1993. – С. 67–111.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 278 с.

Косарев М.Ф. Второй период развитого бронзового века Западной Сибири (андроновская эпоха) // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – Гл. IV. – С. 276–287.

Могильников В.А. Исследование курганной группы эпохи раннего железа Калачевка-II // КСИА. – 1968. – Вып. 114. – С. 94–98.

Полеводов А.В. К характеристике Погребального обряда населения лесостепного Прииртышья в эпоху поздней бронзы – канун раннего железного века (по материалам могильника Боровянка-XXVII) // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. – Барнаул: Концепт, 2008. – С. 69–77.

Стефанов В.И., Труфанов А.Я. К вопросу о своеобразии ирменской культуры в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: УрГУ, 1988. – С. 75–88.

Труфанов А.Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Кемерово, 1990. – 32 с.

Труфанов А.Я. Ирменский курган могильника Калачевка-II // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск: ОмГУ, 1991. – С. 72–78.

Шерстобитова О.С. К вопросу об особенностях и итогах сузгунско-ирменского взаимодействия на территории Среднего Прииртышья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008а. – Т. 1. – С. 453–456.

Шерстобитова О.С. Посуда со смешанными культурными признаками: к вопросу о специфике взаимодействия культур на территории Среднего Прииртышья в эпоху поздней бронзы // VII Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: ОмГУ, 2008б. – С. 129–137.

П.И. Шульга

РАННЕСКИФСКИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ В СИНЬЦЗЯНЕ*

В результате масштабных раскопок, начатых в 80-е годы преимущественно в местах строительства в предгорьях Тянь-Шаня, в Синьцзяне выявлено и частично исследовано более 20 могильников с погребениями раннескифского времени. Наиболее значительные работы проводились в Чаухугоу, где вскрыто около 400 раннескифских захоронений [см. Синьцзян Чауху …, 1999; Худяков, Комиссаров, 2002], и в Янхае [Turfanological Research, 2004, 2007; и др.]. Соответственно, к настоящему времени в Синьцзяне накоплен достаточно представительный материал, позволяющий перейти к монографическим публикациям могильников, написанию обобщающих и аналитических работ. Процесс этот лишь начался - изданы материалы могильников Чаухугоу [Синьцзян Чауху …, 1999] и первая краткая обобщающая работа по археологии Синьцзяна в эпоху бронзы и раннем железном веке [Хань Цзянье, 2007]. Тем не менее, впервые появилась возможность сопоставить культуры кочевников Синьцзяна с уже известными на сопредельных территориях.

Судя по имеющимся данным, население Синьцзяна в раннескифское время существенно отличалось от культур Казахстана, Саяно-Алтая и Ордоса. Так, погребальный обряд наиболее хорошо изученной культуры чауху [Синьцзян Чауху …, 1999], исследованной южнее г. Урумчи, предполагал ориентацию умерших в северо-западный сектор (ориентация, характерная для Казахстана и Саяно-Алтая). Однако, там в одной могиле погребались не один-два человека, а останки пяти, семи и более умерших, расположенных ярусами. В могиле 40 из Чаухугоу-4 на семи ярусах находились останки 21 человека. Преобладали захоронения ещё не разложившихся тел, но зафиксированы и многочисленные вторичные погребения в виде неполных скелетов или отдельных черепов. Вокруг могил сооружались подтреугольные оградки. Многие из них (Чаухугоу-1,2,4) имели у вершин в северной части обычно одиночные небольшие выкладки, под которыми в неглубоких ямках находились остатки изначально имевшихся одной (как правило) или нескольких шкур лошади – череп и кости нижней части конечностей. Конское снаряжение (как правило, бронзовые удила и роговые псалии) туда не помещали. Оно находилось только в погребениях людей.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 08-01-00309а.

В могилах расположенной восточнее г. Урумчи культуры субэйши (субаши) также встречаются ярусные захоронения, но преобладают одиночные погребения умерших, ориентированных в юго-восточный сектор, чего нет на Саяно-Алтае и в Казахстане.

Сохранившиеся в сухом грунте мумифицированные тела умерших людей и изделия из органики, впервые позволяют изучать на этнографическом уровне одежду, причёски и различное снаряжение раннескифских кочевников. Особый интерес представляют деревянные ведёрца из Янхая с изображениями животных и орнаментами, а также деревянные луки с горитами (рис. 1. – 17–19). На Саяно-Алтае подобные находки происходят только из мерзлотных погребений V-III вв. до н. э. Довольно часто в захоронениях встречаются бронзовые ножи (в том числе кольчатые), каменные оселки и подвески. Отличительной чертой культур чауху и субэйши является большое количество помещаемых с умершими керамических сосудов и пряслиц (рис. 1. – 13), отсутствующих в раннескифских могилах на примыкающих территориях Казахстана и на Саяно-Алтае.

Характерных для раннескифских культур металлических предметов вооружения, сбруйной и поясной фурнитуры, а также искусства в Синьцзяне найдено сравнительно немного. Лучше всего известно конское снаряжение, но представлено оно почти исключительно трёхдырчатыми псалиями (учтены изображения 18 псалиев примерно от 14 уздечек) и двусоставными удилами (от 16 уздечек). При этом лишь два псалия от одной уздечки с р. Или бронзовые (рис. 1. – 1). Остальные изготовлены из рога, кости и даже дерева. Все удила бронзовые (рис. 1. – 1, 3, 4–6), но в Янхае-2 они заменялись костью ноги барана (?) с отверстиями на концах (рис. 1. – 2). Остальная сбруйная фурнитура (распределители, застёжки, пронизки и подпружные пряжки) представлена единичными экземплярами. Не отличается разнообразием и поясная фурнитура. Концевых поясных блях и боковых подкововидных пряжек найдено по 3–4 экземпляра (рис. 1. – 7–9 и 10–12). Примерно столько же поясных обойм и ворворок. Из вооружения учтено 4 кинжала, четыре чекана (рис. 1. – 14, 15), две секиры, а также около 40 наконечников стрел из бронзы и рога, несколько десятков деревянных наконечников. Из предметов культа и украшений в значительном количестве представлены зеркала (имеются изображения 11 экз.) и серьги (более 15 экз.). Зеркала бронзовые, диаметром не более 10, 12,5 см (рис. 1. – 20–23). Из них восемь с петельками по центру (в том числе три с бортиками) (рис. 1. – 20, 22, 23), два с длинными ручками (рис. 1. – 21) и одно с крупной боковой петлёй-ручкой из переходного комплекса первой половины VI в. до н. э. Следует отметить два экземпляра с петельками на обороте из Чаухугоу-4. Одно из них из могилы 165 с изображением свернувшегося хищника или дракона и невысоким валиком по краю неоднократно публиковалось в русскоязычной литературе (рис. 1. – 22). Второе же зеркало с изображением свернувшегося существа из могилы 114, осталось не замеченным (рис. 1. – 23). Впрочем, и сами китайские

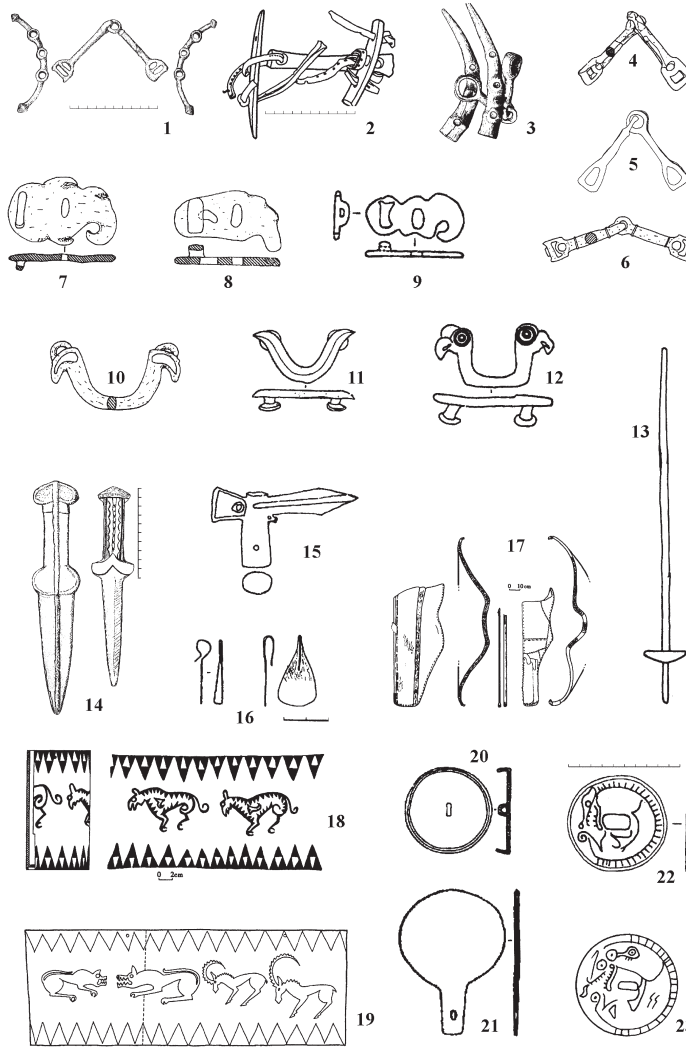

Рис. 1. Инвентарь из погребений раннескифского времени. Синьцзян.

исследователи, опубликовав его схематичный рисунок без разреза на фоне керамического сосуда [Синьцзян Чауху …, 1999, рис. 58. – 13, с. 80–81], «забыли» о нём и не включили в итоговую часть [Синьцзян Чауху …, 1999, с. 139–140, рис. 98]. Из украшений отметим несколько золотых серёжек с характерными для Казахстана и Саяно-Алтая коническими привесками. У одной серьги конус был покрыт золотой зернью. Выделяются специфические серьги с опускающимся плоским довольно узким или ложечковидным (обычно расширяющимся к низу) стерженьком (рис. 1. – 16). Аналогичных

изделий на указанных территориях автору не известно, хотя сам принцип фиксации серёжек на мочке уха при помощи загнутого верхнего конца (а не крупного колечка) известен в Аржане-1 [Грязнов, 1980, рис. 11. – 10, 11].

Анализ инвентаря из раннескифских погребений Синьцзяна указывает на его особую близость материалам из Саяно-Алтая и Казахстана. Прежде всего это касается специфичных поясных блях и пряжек в большом количестве найденных в Туве, а также в предгорьях Алтая [Шульга, 2008]. Из вооружения полные аналогии имеют многие наконечники стрел. Кинжалы подобны известным в Казахстане, а чеканы – найденным в Минусинской котловине. Подобие прослеживается также в форме большинства псалиев и удил. При этом последние, на первый взгляд, близки минусинским удилам, имеющим на внешних кольцах дополнительные отверстия. В действительности, минусинские удила существенно отличаются, а значительная их часть находят прямые аналогии в Ордосе. В комплексе конское снаряжение из исследованных памятников Синьцзяна демонстрирует особый путь его развития. Специфика прослеживается и по другим категориям инвентаря.

В целом, учитывая наличие особых форм погребальной обрядности и керамики, можно констатировать существование в Синьцзяне самостоятельных археологических культур раннескифского времени. Имеющиеся материалы позволяют датировать известные погребения в Синьцзяне по аналогии с Саяно-Алтаем с начала VII по середину VI вв. до н. э. При этом важно подчеркнуть, что относительно поздняя (по материалам из Саяно-Алтая) сбруйная и поясная фурнитура в Чаухугоу-1,4 появляется также в погребениях завершающего этапа существования этих могильников. Эти наблюдения подтверждают тезис о синхронном изменении материальной культуры на данных территориях в VII–VI вв. до н. э.

Список литературы

Грязнов М.П. Аржан: Царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 62 с.

Худяков Ю.С., Комиссаров С.А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. – 156 с.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. – Ч. I: Раннескифское время. – Барнаул: Азбука, 2008. – 276 с.

Синьцзян Чауху – дасин шицзу муди фацзюэ баогао [Чауху в Синьцзяне – отчёт о раскопках больших родовых могильников] / Ван Вэйхуа, Ван Минчжэ, Ли Сюэтан и др. – Пекин, 1999. – 416 с., илл. (на кит. языке)

Хань Цзянье. Культуры Синьцзяна бронзового и раннего железного веков. – 2007. – 128 с.: ил. (на кит. языке)

New Results of Archaeological Work in Turpan – Excavation of the Yanghai Graveyard // Turfanological Research. – № 1. – 2004. – P. 1–67.

Cultural Relics Newly Discovered from the Yanghai Cemetery in Shanshan County // Turfanological Research. – № 1. – 2007. P. 51–72.

ЭТНОГРАФИЯ

А.А. Бадмаев

ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В ИНТЕРЬЕРЕ ЖИЛИЩА СЕЛЕНГИНСКИХ БУРЯТ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Построение внутреннего пространства традиционного жилища любого этноса зависит как от мировоззренческих представлений, главным образом религиозных, так и от сложившихся социальных (семейных) устоев и хозяйственного уклада. В этом плане не выглядит исключением внутренняя обстановка традиционного жилища бурят. В XVIII в. у различных групп бурят были распространены войлочная и бревенчатая юрты, внутренняя планировка которых строилась на условном выделении трех функциональных зон: почетного места; мужской зоны; женской (хозяйственной) зоны.

Однако интерьер жилища (как и само жилище) в ходе исторического развития претерпевал определенные изменения. Настоящее исследование посвящается выяснению степени трансформации этой компоненты культуры жизнеобеспечения в период первой половины XIX в. у этнотерриториальной группы селенгинских бурят.

Селенгинские буряты включали в себя роды предбайкальского и монгольского происхождения. Сложение такого этнического симбиоза оказало влияние на жилищно-поселенческий комплекс. С предбайкальской компонентой в составе селенгинских бурят следует связывать появление в Селенгинской Даурии 4-стенных бревенчатых юрт. Кроме того, известно по описаниям путешественников XVIII в., что в Предбайкалье многие буряты чередовали проживание в деревянных и войлочных юртах в зависимости от сезона года (ХВРиК БНЦ СО РАН, Ф. 17, Оп. 1, Д. 457, Л. 9). При миграции в Западное Забайкалье эта традиция ими не была утрачена. При этом стоит заметить, что для них, также как и для других селенгинских бурят войлочные юрты были исконным жилищем.

Домашняя утварь селенгинских бурят, как показывают материалы XVIII в., была представлена металлической, кожаной и деревянной посудой собственного производства, так и импортной (китайской) посудой – керамической и металлической. При этом если китайские чугунные котлы были непременным атрибутом юрты и богатого, и бедного бурята, то, как отмечает И. Георги: «у богатых даурских буреттов (*бурятов* – А.Б.) бывает много фарфоровой, а не редко, и серебряной посуды» [Георги, 1799, С. 30].

В обстановку юрты входили также постельные войлоки, подголовники, «кожи» (*меховые коврики* – А.Б.), конская сбруя и оружие (панцири,

кольчуги, шлемы, колчаны, винтовки, луки со стрелами), висевшие на стенах, низкие обеденные столики, седла, детские люльки. Упоминаний о кроватях, сундуках, буфетах в интерьерах селенгинских бурят, известных в XIX в., не обнаруживается, что позволяет говорить о более позднем времени их появлении.

В почетной части юрты обычно располагалась божница, в зависимости от вероисповедания хозяев (в XVIII в. среди селенгинских бурят были распространены шаманизм и буддизм) обставленная разными культовыми предметами. Вот, например, как выглядел со слов М. Татаринова домашний алтарь бурята-буддиста: «тут же малинкой и низинкой столик, на котором ставят медный чарок по две и более. Еще и наподобие медной солоницы, в которой иногда жгут масло коровьего или наливают чаем, також почитают за святоданное на желтой китайке ламское писмо (ламы их попы), еще множество медный или деланный из алебастра и вызолочены, на которой изображают наподобие молодого царя, или женской персоны, которые лежат во особливых ящиках, обернуты камочками (*камка** – А.Б.) и протчим раз в десять, а оные вынимают редко и ставят на объявленной столик» (РГАДА, Ф. 24, Оп. 1, Д. 70, Л. 4 Об. – 5). Этот же автор подмечает обязательность фигурок онгонов в юрте бурята-шаманиста: «також домашних богов мужска и женска полу делают ис черных овчин с черными коженными лицами, вместо глаз вставливают синичкие королка, или бисиринки, который вешают впереди юрты, … да еще у юрты дверей в мешке висят данных чертей от шемана деланные деревянные наподобие кукол однонога, кривые, безрукие, троеногие и протчая» (РГАДА, Ф. 24, Оп. 1, Д. 70, Л. 4 Об. – 5).

В отличие от рядовых бурят-буддистов некоторые представители родовой аристократии заводили специальные молельные юрты, в которых помещалась божница *бурханай шэрээ*, буддийская религиозная литература, статуэтки буддийских божеств, ритуальные музыкальные инструменты и др. [Георги, 1799, С. 30].

Переходя к рассмотрению интерьера жилища селенгинских бурят первой половины XIX в. надлежит указать, что у данной группы сохранялась система сезонных перекочевок – соответственно, не потеряли свою актуальность и сезонные жилища (летники – войлочные юрты, зимники – деревянные юрты). Так, по данным за 1850 г., у селенгинских бурят насчитывалось 4096 деревянных и 4220 войлочных юрт (НАРБ, Ф. 2, Оп. 1, Д. 1942).

В то же время, с начала XIX в. заметно выросло количество изб и домов. К середине столетия в Селенгинском инородческом ведомстве имелось 1146 домовых строений, при этом лишь 31 из них принадлежали оседлым бурятам (НАРБ, Ф. 2. Оп. 1. Д. 2199, Л. 78 Об.). Сама по себе планировка дома делала невозможным традиционное членение

**Камка* – китайская шелковая узорчатая ткань.

жилого пространства по кругу с сакральным центром – домашним очагом, как это было в юрте. Поэтому нужно было вносить серьезные корректировки в интерьер, а это требовало нового осмысления внутреннего пространства жилища.

Другим фактором, воздействие которого имело локальный характер, была христианизация. На 1 января 1853 г., согласно отчета Селенгинской степной думы, численность крещенных среди т.н. "кочевых" бурят достигала 528 чел., а оседлых бурят, по определению являвшихся православными христианами, было 257 чел. (НАРБ, Ф. 2, Оп. 1, Д. 2198, Л. 51 Об. – 52). Естественно, принятие христианства привело к появлению в домах неофитов «красного» угла с образами Христа и святых покровителей, заменивших собой шаманских онгонов и буддийских божеств.

Подавляющее большинство селенгинских бурят к середине XIX в. стало приверженцами буддизма; для примера, в упомянутом 1853 г. их число составляло 22291 чел. (НАРБ, Ф. 2, Оп. 1, Д. 2198, Л. 51 Об. – 52). Заметим, что в делопроизводственных документах Селенгинской степной думы за указанный период вообще не выделялась категория шаманистов – это было, конечно, красноречивым итогом долгой антишаманской борьбы буддийского духовенства, активная фаза которой пришлась на 1820-е гг. Поэтому в интерьере жилищ изменения касались прежде всего замещения шаманских предметов поклонения буддийской культовой атрибутикой. Здесь нужно отметить, что в источниках имеются указания на иконографию домашних алтарей – бронзовых скульптур и живописных свитков *танка*, которые привозилась из стран Центральной и Восточной Азии или изготовлялись в дацанских мастерских Бурятии [Бестужев, 1991, С. 46]. Согласно архивным источникам, в бурятских юртах встречались скульптурные и живописные изображения *Билик Барит*, *Замбала*, *Якоша* (названия даны в соответствии с их написанием в документах – А.Б.) (НАРБ, Ф.2, Оп. 1, Д. 1/14; НАРБ, Ф. 2, Оп. 1, Д. 1306; НАРБ, Ф. 2, Оп. 1, Д. 1596). Там же сообщается о хранении в качестве семейных реликвий ксилографических книг (в частности, «Банцаракца»).

В остальном происходил процесс включения в домашний интерьер отдельных элементов инокультурного происхождения. С одной стороны, авторы первой половины XIX в. перечисляют тот же круг вещей, что был присущ обстановке юрты селенгинских бурят предыдущего периода. Такая трансляция вещевого комплекса объяснима – характер хозяйственных занятий у селенгинских бурят за полвека не претерпел существенных перемен. Но в утвари уже доминирует деревянная и металлическая посуда, причем заметно появление бондарной посуды (ведра, маслобойки, кадушки), и широкого спектра предметов китайского импорта (металлических и деревянных (из красного дерева) чайников *домбо*, лакированных чайных чашек, 3–5–7-клейменных котлов на треноге и т.д.). Из кожаной утвари, пожалуй, можно упомянуть лишь кожаные мешки *тулум*, хотя это не исключает бытование и других кожаных изделий, так как, по свидетельствам

авторов второй половины XIX в., такие предметы еще имели место быть у селенгинских бурят.

В изучаемое время более разнообразнее становится мебель – в числе предметов домашнего обихода указываются низкие деревянные кровати *орон*, расписные и нерасписные сундуки на подставке *абдар-ухэг*, буфеты *эргэнэг*, полки-этажерки для утвари.

Еще одним новшеством в интерьере являлось использование состоятельными бурятами городской утвари (самоваров, кастрюль, кофейников) и мебели (диваны). На это обращает внимание М.А. Кастрен [Кастрен, 1860, С. 71–72]. Предметами роскоши, которыми гордились буряты, были именные кортики и другое холодное оружие, а также «седла, украшенные серебром, старинные ружья с отделанным серебром прикладами, мечи с серебряными рукоятками, серебряные кружки, нарядно-украшенные луки». Бросилась в глаза знаменитому этнографу разница в интерьере состоятельных и бедных бурят. Он писал о жилище бедняка: «В этой юрте его движимое имущество состоит из нескольких деревянных сундуков, горшков, кадок и берестяных плетушек, ветхих войлоков и т.д.» [Кастрен, 1860, С. 71–72].

Богатая прослойка селенгинских бурят, помимо жилой юрты, ставила по соседству с ней хозяйственную юрту, где готовилась еда и выполнялись домашние; иногда имелась также молельная юрта с полным набором предметов буддийского культа.

Наряду с мебелью, утварью и предметами буддийского богослужения в юрте находился хозяйственный инвентарь: бурятские топоры с узким лезвием; ножницы; ножи; конская сбруя и седла; винтовки и др. (НАРБ, Ф. 2, Оп. 1, Д. 1/14; НАРБ, Ф. 2. Оп. 1. Д. 1306; НАРБ, Ф. 2, Оп. 1, Д. 1596).

Подытоживая, можно утверждать, что в первой половине XIX в. в интерьере жилищ селенгинских бурят произошли изменения, вызванные комплексом разнородных причин. Эти изменения являлись результатом: во-первых, смены вероисповедания частью селенгинских бурят; во-вторых, началом жительства части селенгинских бурят в избах и домах; в-третьих, межкультурным влиянием (китайским, центрально-азиатским, русской городской культуры).

Список литературы

Бестужев Н.А. Гусиное озеро: статьи, очерк / Б. Дугаров. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1991. – 112 с.

Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. – Ч. II. – СПб., 1799.

Кастрен А. Путешествие А. Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849) / А. Кастрен // Магазин землеведения и путешествий. – М., 1860. – Т. 6, ч. 2: Собрание старых и новых путешествий.

Список сокращений

БФ СО АН СССР – Бурятский филиал Сибирского Отделения Академии наук СССР

НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

ХВРиК БНЦ СО РАН – Хранилище восточных рукописей и ксилографов БНЦ СО РАН

Н.А. Березиков

ВОСПРИЯТИЕ КАЗАКАМИ-ЗЕМЛЕПРОХОДЦАМИ СИБИРСКИХ АБОРИГЕНОВ (НА ПРИМЕРЕ ЭКСПЕДИЦИИ АФАНАСИЯ ПУТИМЦА В БРАЦКУЮ ЗЕМЛЮ)

Активизация межэтнических контактов в результате присоединения Сибири определила рамки и характер этносоциальных процессов на целое столетие. Непрерывное, масштабное коммуникативное взаимодействие, выступившее на первый план и развернувшееся в этнически мозаичном пространстве Северной Азии, может быть использовано в качестве культурного лакмус–теста. Именно коммуникативные практики наиболее отчетливо высвечивают стержневые характеристики менталитета этнической группы, часто латентные, не артикулируемые в автообразах. С этих позиций представляется интересным рассмотреть некоторые черты русских в Сибири, проявившиеся в контактный период. В рамках данной статьи анализируется «скаска» красноярских казаков о походе в Бурятию под командованием казачьего пятидесятника Афанасия Путимца в 1629 / 1630–1631 гг. [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 12. Л. 521–527].

Выбор источника неслучаен и определен несколькими ключевыми моментами. Во-первых, экспедиция красноярских казаков относится к числу первых контактов с удскими «брацкими людьми» [Долгих, 1960, С. 348–350; Залкинд, 1958, С. 37–41]. Она предоставляет возможность взглянуть на первоначальные стадии, когда влияние московской администрации было минимальным, казакам-землепроходцам же предоставлялась максимально свободное поле действий. Соответственно, наиболее общие черты, установки, аттитюды, присущие этнической культуре, в этих текстах будут предельно открыты [Павлинская, 1999, с. 209].

Во-вторых, важное значение имеет ординарность этой «скаски» в ряду «казачьих» текстов. Это позволит уйти от случайности и уникальности и сосредоточиться на общем и типичном в этносоциальных процессах. Любопытно, что авторы различных сборников, издававших подборки документов по истории Бурятии, посчитали возможным оставить его вне публикаций по причине распространенности таких текстов [Сборник…, 1960].

В-третьих, документ отражает в большой степени настроения именно казачества. На это указывают следующие обстоятельства. Отряд Афанасия Путимца, насчитывавший 30 человек, состоял исключительно из казаков. По всей видимости, «скаска» была составлена «площадным» писцом и подана в Красноярскую съезжую избу, так как ее предваряет «отписка» вое-

воды с обычной для таких случаев формулой «И я холоп твой тое их челобитную послал к тебе к государю... к Москве под сею отпискою» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 12. Л. 520]. Разные «почерки» воеводской «отписки» и казачьей «скаски» подкрепляет этот вывод. «Площадные» писцы отличались более демократичным социальным составом, чем подьячие из воеводских приказных изб, были менее подвержены унифицирующему влиянию официальных формулировок, их контакты с челобитчиками были менее формализованы, – а потому в рукописях, выходивших из-под их пера, больше оставалось от речей челобитчиков.

Коллективная «скаска» казаков открывается обращением к имени царя. Служба государю выступает как символ и маркер, намечающий контуры казачьего отряда как целого. Чувство «мы» реализуется в исполнении воли правителя его холопами: «По твоему государеву указу велено нам холопем твоим...». В обозначении группы через систему маркеров государева служба была главным компонентом, по которому проходила ментальная разграничительная полоса с «другими». «Веленье» царя заключалось в том, чтобы «отправитца из Красноярсково острогу по Енисею реке на непослушных брацких людей» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 12. Л. 521.]. Негативная инаковость, которая изначально придавалась образу бурят (возможно, эти казаки даже не сталкивались с ними прежде), обуславливалась их непокорностью русскому государю.

Территориальная экспансия способствует «сгущению» поля этногеографических образов. Конфигурация образов Сибири в «скасках» и «отписках» первопроходцев представляется чрезвычайно многоликой. Встречаются десятки определений и разновидностей ландшафтных зон, несколько десятков обозначений народов по их хозяйственной деятельности, внешнему облику, воинским обычаям, поведенческим статусам по отношению к царю. Последнее было одним из главных адаптирующих механизмов, ментальных фильтров коллективного землепроходца в процессе межкультурных коммуникаций. Слова-маркеры, использованные при описании аборигенов, делили последних на ясачных и неясачных «иноземцов». Неясачные, в свою очередь, делились на «немирных» и «мирных». «Немирные» именовались «неприятельскими» («непокорны и непослушны»). Ясачные — на «добрых», «послушных», дающих ясак, и легко конвертировавшихся в «ослушников», как только «почали быть непослушны и государев ясак почали давать несполна» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 227. Л. 85.]. Последнее всегда жестко определялось как поведенческие девиации.

В целом пространственное зрение коллективного землепроходца не рассматривало Сибирь как пустой мир. Однако образу «мертвой полосы» более всего уподоблялись территории «неясачных иноземцов» (в особенности немирных) как лиминальные, переходные, пограничные зоны, стыки. Кливаж территорий, таким образом, проходил по линии главного маркирующего элемента – царя. Бытие «неясачных немирных» аборигенов,

безусловно, не отрицалось, но до тех пор, пока они не совершат переход в категорию ясачных, они рассматривались как часть нечеловеческого мира. Например, только к этой категории «иноземцов» применялась формула «...и мы холопи твои, прося у бога милости, с теми твоими государевыми неприятелями дрались...». Контакт с ними (даже битва) возможен только после очищения-благословения от бога. Вообще эта территория полна «скверны» и противостоит «чистоте» государевой земли. «А ходили мы холопи твои на твою государеву службу, всякую нужу, голод и наготу терпели, и помирали голодною смертию, и души свои осквернили, всякую гадину и медведину ели» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 12. Л. 522.].

Принадлежность к «неясачным немирным» аборигенам представляла собой апеллятивный фактор к применению насилия и агрессии, включая грабеж и взятия ясыря. «И оне брацкие люди твоего государеву ясаку нам холопем твоим не дали и учали *по нам холопем твоим* из стрел стрелять (по нам — холопам великого государя! – прим. Н. А.)... И мы холопи твои... тех брацких людей и непослушников побили и в полон взяли».

Принцип структурированного пространства был тесно сопряжен с обложением ясаком местных жителей, которые были непосредственными носителями ценности территории для государевой казны. Но если земля воспринималась через людей (особенно тех, которых нужно подчинить), это означало, что это чужая земля. Таким образом, русские заведомо оценивали эту землю как принадлежащую кому-то иному. Следовательно, установки на освоение земли не было. «Землицы» остаются у аборигенов, которые должны на них добывать «мягкую рухлядь».

Казак – это «землепроходец идущий», человек действия. Мир для него познается, осваивается и описывается через динамическую, функциональную и исключительно самоориентированную характеристику. «По твоему государеву указу велено нам холопем твоим *отправитца* из Красноярскова острогу по Енисею реке... И мы холопи твои *шли* от тое устья Оки речки сорок дней и *нашли* мы холопи твои твоих неприятельских и непослушных брацких людей... И после това *вышли* мы холопи твои к Оке реке и *пошли* вверх по Ангаре реке и *шли* лехкими *стругами* десять дней и нашли твоих государевых неприятельских непослушников брацких же людей... А *ходили* мы холопи твои на твою государеву службу, всякую нужу, голод и наготу терпели...» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 12. Л. 521-522]. Как видно, все это накладывается на схему преодоления и неосвоенности. Описание географии превращается в нарратив географического экстрима.

Путь, фиксируемый не в верстах, а в днях пути, – это традиционный кочевнический способ измерения расстояний. Это возврат к неким очень архаичным константам, когда пространство неотделимо от времени и описывается через движение. Для кочевника важен путь. Но как состояние он значения не имеет. В описании этого пути делается акцент на «вершинах», реперных точках. Важна исходная и финальная точка – все остальное стирается, расцениваясь как нулевая длительность.

Список литературы

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в **XVII в. –** М., 1960.

Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. –Улан-Удэ, 1958.

Павлинская Л. Р. Коренные народы байкальского региона и русские. Начало этнокультурного взаимодействия // Народы Сибири в составе Государства Российского (очерки этнической истории). – СПб., 1999. – С. 165–271.

Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. – Вып. 1. – Улан-Удэ, 1960.

Ф.Ф. Болонев

ПАХОТНЫЕ ОРУДИЯ СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ В XVIII–XX ВЕКАХ

Пахотным земледельческим орудиям русского народа посвящено несколько научных трудов. Наиболее полно они исследованы в обобщающем труде «Русские» [1967]. Но в этом историко-этнографическом атласе не все локальные группы русских были достаточно представлены. К тому же некоторые виды пахотных орудий, бытовавших у старообрядцев Забайкалья, авторам атласа не были известны. Из сибирских авторов по данной теме выделим работы И.А.Асалханова [1975], Ф.Ф.Болонева [2003], В.И.Пронина [1978]. В их исследованиях даны описания отдельных видов пахотного инвентаря, которые широко использовали забайкальские крестьяне, учитывая природно-климатические условия края и земледельческий опыт прежних мест проживания в европейской части России.

Наиболее распространенным пахотным орудием у семейских была соха с рассохой. Рассоху делали из естественно согнутой березы, из одной плахи с изгибом к сошникам. Их устанавливали наклонно. Рассоха соединялась с *обжами* (оглоблями). Ручки были вместе с *рогалем*. Вспахивали землю два раза. Обычно сплошь на второй ряд не пахали, а старались провести борозды на небольшом расстоянии друг от друга. Вероятно, это делалось с целью задержания влаги, осадков и против эрозии почвы. Меньше размывало потоками дождевой воды.

Фабричные сохи-красули появились у семейских в начале XX в. По воспоминаниям Евлампия Степановича Кравцова 1902 г. рожд., «красули появились в Куйтуне примерно в 1912 г. Я только учился пахать, а было мне лет 10. Малоимущие иногда к оглобле сохи привязывали лошадь, запряженную в борону. Это делали для экономии или тогда, когда некому было боронить».

В Новой Бряни в 1912 г/ было 465 хозяйств, из них 17 кулацких. Сох было 460, фабричных красуль – 75 (сообщено С.И. Жерловым, 1888 г. рожд.).

Иван Иванович Юрьев, 1906 г. рожд. из Большого Куналея тоже подтверждал: «Из орудий пахоты преобладала деревянная соха. Она состояла из рассохи с двумя железными сошниками. Отвал деревянный, прямоугольная доска – называлась *шебала*.

Обжи-оглобли забивались в рогаль и скреплялись вязками, подтяжками регулировалось направление рассохи. А ширина отрезанного пласта земли

была не больше 20 см. Глубина тоже была невелика. Сошники были перовой формы. Их насаживали на рассоху и заклинивали. Сошники имели свои названия: «мужичок» и «женка». «Мужичок» насаждался ребром. Он отрезал пласт земли. «Женка» шла плашмя по низу, к ним привинчивалась шебала-отвал. Лошадь запрягали в оглобли.

Сохи изготавливали мастера, специализирующиеся на этом деле. Более легкой сохой *оралкой* двоили, то есть пахали на второй ряд, это делалось для облегчения работы».

То же самое сообщил Илларион Макарович Вишняков 1901 г.рожд. из с. Десятниково. В этом селе соха с рассохой была с двумя сошниками. Один из них поднимал землю и назывался «женкой», а тот, который приваливал землю, назывался «мужичком». К «мужичку» привязывали небольшой отвал, который в Куналее называли «палицей».

Сошники насаживали на рассоху мастера. Они делали это, рассчитывая, чтобы сошники хорошо поднимали пласт земли и отваливали. Правильно построенная соха легче шла и легче управлялась. Такой сохой могли пахать дети с 10-летнего возраста. Так, в Большом Куналее Влас Трофимович Иванов начал пахать *оралкой*, сохой с одним сошником, с 10 лет. Весеннюю вспашку производили деревянною сохою с двумя железными сошниками, а оралкой двоили пар. Коню легче было.

Сошники к нам привозили с Петровского железоделательного завода и из Енисейска (сообщено Е.К.Сластиным 1891 г.рожд. из с. Большой Куналей).

В исторической литературе сохраняется устойчивое мнение о том, что плуг как более совершенное орудие для вспашки поля был завезен в Сибирь старообрядцами, выселенными из пределов Украины, Белоруссии, Польши. До их прихода во всей Сибири подобного земледельческого орудия не было. Первым об использовании старообрядцами плуга сообщил П.С. Паллас, который во время своих путешествий по Сибири через шесть лет (1772 г.) после водворения старообрядцев в Забайкалье, посетил места их поселения и отметил: «Поляки, чтобы лесистые и кустоватые места сделать пахотными, с чрезвычайным успехом употребляют плуг, коего сошники сделаны наподобие в их земле употребляемой и здесь по опытам пригодною найденной косули, в две припряжки на колесах или без оных. Коею орют гораздо глубже и лучше коренья подсекают, нежели русскою сохою». П.С. Паллас даже дает важное описание устройства и особенности этого плуга, применяемого в Забайкалье староверами, которых академик П.С. Паллас называет поляками или польскими колонистами.

«Сошники у плуга, – пишет он, – треугольные, шириною в ладонь и весьма вывострены… Стоячий или косой оный сошник наиболее служит для подрезывания попадающихся кореньев и еще от старых русских мужиков в Польских лесистых местах поселившихся выдуман» [Паллас, 1788].

В историко-этнографических изданиях о способах вспашки плугом у семейских и о том, из каких частей он состоит данных не обнаружено.

О более позднем появлении и использовании плугов в Забайкалье мы имеем следующие сведения. Так, А.П.Васильев пишет, что «переведенные из Польши пахали плугами, а местные крестьяне – сохами. В плуги запрягали по 4 лошади, в соху по одной. Землю вспахивали 2 раза, а боронили 5 раз» [Васильев, 2007]. Уже в конце XVIII в. Верхнеудинский уезд не нуждался в привозном хлебе. Также он сообщает, что «плуги и пашни на быках в Цурухайтуевском отделении введены не ранее 1850 года» [Васильев, 2007]. Фабричные плуги в семейских селах появились позже.

И.И. Юрьев рассказывал, что в Большом Куналее железные плуги стали использовать с 1905 г. Обычно это был однолемешный плуг сабан брянский. Хотя известно, что в ряде семейских сел (Бичуре, Куйтуне) плуг использовали с самого начала земледельческого освоения Забайкалья старообрядцами, т.е. сразу же после их водворения в этом крае. Об этом писал и П.С. Паллас.

Другой информатор Василий Иванович Семенов, 1890 г. рожд. сообщил, что плуги завели в Куналее в 1912 году. Назывались они – Лебгартовские плуги. Некоторые хозяева (крестьяне Сучковы) завели Охтинские плуги. Они были хуже. Словом, крестьяне в Забайкальских селеньях использовали орудия землепашества, изготовляемые на разных предприятиях России. Плуг был более совершенным орудием пахоты. При вспашке им «так поле взбуроят», что сорняков меньше стало. Сохами пахали плохо, травы вырастало много.

Что же представлял из себя плуг семейских в исторических исследованиях, до сих пор подробного описания нет. Мне в результате экспедиций в 1970-е гг. удалось записать некоторые данные о плуге в селе Бичура.

В этом селе старый плуг использовали до 1930-х гг. Вот что об устройстве плуга рассказал мне Андрей Калистратович Белых, 1918 г. рожд.: «В Бичуре основным пахотным орудием был плуг. Его завезли с собою, или знали как его сделать наши предки В его состав входила чапега (это как бы рассоха с сошником) внизу был корень. Топорня – в нее втыкали топор для подбития клиньев, таким образом регулировали глубину вспашки. В плуг впрягали 2 коня. Впрягали в посторонки, которые зацепляли за вальки, связанные с коромыслом. Целину распахивали тремя конями, впряженными в плуг. Дополнительный третий валек шел по центру возле борозды, правый конь шел по борозде.

В Бичуре работал российский мужик Дмитрий Зацепин. Он пахал сохой, над ним смеялись, это для бичурцев было непривычно».

Материалы о земледельческих орудиях у семейских я стал целенаправленно собирать в 1970-е гг. В районных музеях Бурятии и у отдельных крестьян еще хранились отдельные виды пахотных орудий. Некоторые из них удалось зарисовать, сфотографировать и сделать подробные описания их. В рамках данной статьи можно только обозначить составные части бичурского плуга. В селе Бичура удалось найти знающего человека Григория Прокопьевича Тюрюханова, 1899 г.рожд. В с. Десятниково повстречал

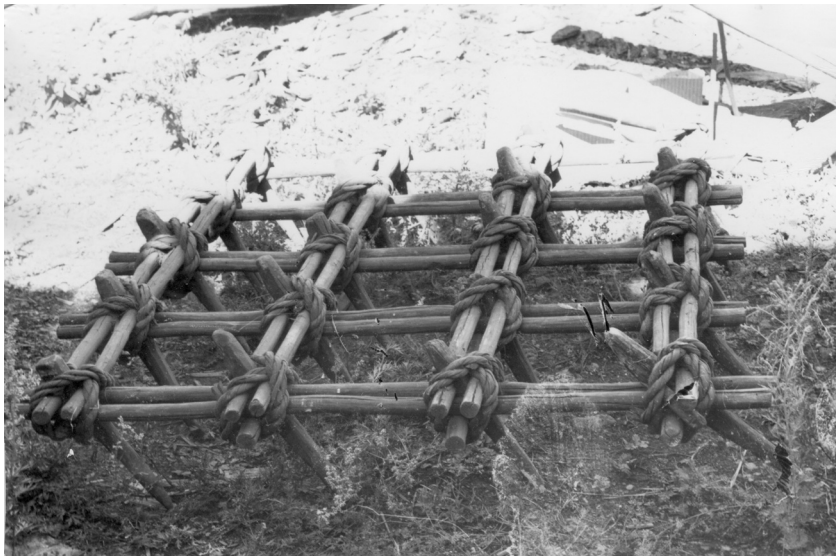

Рис. 1. Деревянная плетеная борона. Семейские Забайкалья.

мастера Ф. Натальина он признался, что в молодости делал деревянные бороны. Я заказал ему сделать такую борону. Он исполнил. Сейчас его плетеная борона находится у нас в музее (рис. 1).

По рассказу Григория Прокопьевича Тюрюханова, в с.Бичура деревянные бороны делал мастер Терентий, который жил на Казачьей улице, и они назывались «терехины». Бичурский плуг состоял из *чапеги*, деревянного состава с сабаном или с железным сошником, к нему крепилась *шебала* для отвала пласта земли, глубину вспашки регулировали клиньями, с чапегой был соединен грядель, который крепился к оси с колесами, это как бы было дышло, его продолжала *стрела*, которые соединяли сабан с припрягом, состоящим из коромысла или топорни, к которым были присоединены вальки, к валькам привязывали посторонки или веревки, в которые они впрягали лошадей. Из-за неправильно посаженного сабана плугом трудно было управлять. Он шел неравно, весь трясся, кидало в сторону. Еле в руках удержишь. При правильно посаженном сабане пахать было легко. Плуг держали за ручки, соединенные с чапегой (рис. 2)

Накануне образования колхозов в Бичуре появились брянские плуги или «брянки». Они были намного легче, удобнее и лучше обрабатывали поле. Для разрыхления вспаханной земли для заделки семян в почву и с целью очищения поля от сорных трав применяли бороны. У семейских они были двух видов. Деревянная плетеная борона и рамочная четырехугольная борона с деревянными зубьями, позднее стали применять зубья из железа (рис. 3).

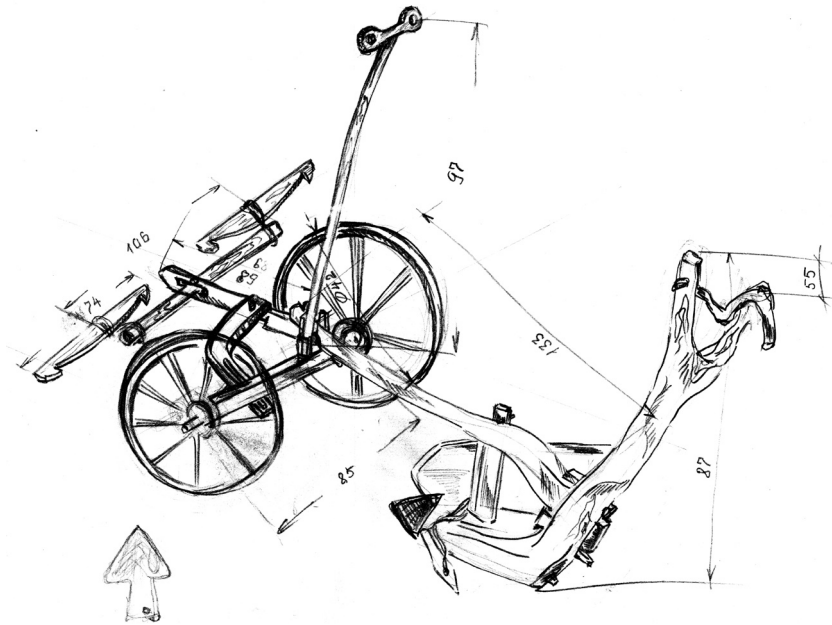

Рис. 2. Деревянный плуг семейских. С. Бичура, Бурятия (сборы автора 1970-х гг.).

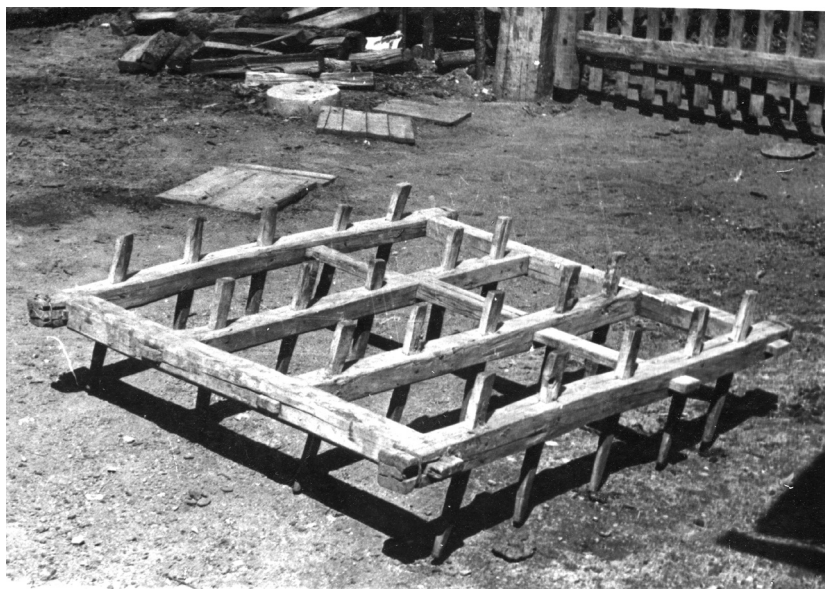

Рис. 3. Деревянная рамочная борона. С. Урлук, Красночекольский р-н, Забайкальский край (фото автора, 1971 г.).

Плуг у семейских преимущественно сохранился в лесостепной полосе, например, в Бичуре. Он хорошо был приспособлен к такой местности. Это было более совершенное земледельческое орудие, чем соха. Может быть, поэтому районы семейских, производившие большее количество зерна и огородных культур, назывались житницами Забайкалья.

Список литературы

Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 156–157.ы

Болонев Ф.Ф. Земледельческий опыт русских крестьян в Забайкалье (конец XVII – начало XX в.) // Проблемы изучения этнической культуры восточных славян Сибири XVII–XX вв. – Новосибирск, 2003. – С. 4–47.

Васильев А.П. Забайкальские казаки (исторический очерк). – Благовещенск, 2007. – Т. II. – С.291–322.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. – СПб., 1788. – Ч. 3, половина 1. – С. 226–227.

Пронин В.И. Земледельческие орудия и сельскохозяйственные машины в Сибири второй половины XIX – начала XX в. // Из истории крестьянства Сибири. – Томск, 1978. – С. 80–98.

Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие, крестьянское жилище, крестьянская одежда (середина XIX – начало XX века). – М.: Наука, 1967. – С. 33–59.

В.А. Бурнаков

ОБРАЗ СОРОКИ В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ ХАКАСОВ*

В мифологических представлениях хакасов сорока (*хак. саасхан*) была популярным персонажем. В фольклоре повествуется о том, что изначально среди птиц сорока занимала самый высокий статус. В силу своих незаурядных способностей она была назначена Худаем (Богом) ханом птичьего царства.

…Она мирила в птичьих ссорах,
Была судьей в житейских спорах,
Благословляла вставших на крыло.
На свадьбах речи говорила,
Гнездовья новые дарила,
Перстом своим искореняла зло…
[Татарова, 2007, с. 204].

Сорокой был установлен закон – «не смеяться над смешными птицами при появлении их на птичьем совете». Однако при прибытии коростеля (в других вариантах – цапли) с присущей ему потешной манерой передвигаться сорока не удержалась и расхохоталась; тем самым, нарушив ею же установленное правило. Худай был вынужден наказать ее за проступок – «разжаловал из ханов и заставил жить возле людских селений» [Мифы, 2006, с. 49–50; Унгвицкая, Майнагашева, 1972, с. 29]. Другим наказанием за неуместные насмешки было ее «пересотворение», в результате которого она потеряла свои недюжинные «интеллектуальные способности». Кроме того, как гласят мифы, Бог наложил запрет на отлет этой птицы в теплые края. Из-за этой кары, невзирая на жару и холод, сорока обречена жить круглый год на одном месте.

«С той поры сорока не может делать перелеты далее шести верст» (Архив РГО, разряд № 64, оп. 1, д. 29, л. 14 об.-15).

В устной традиции хакасов образ сороки чаще наделялся иронично-насмешливыми характеристиками. Вероятно, на подобную репутацию повлияли зоологические особенности этой птицы. Среди них выделялся специфический способ передвижения. Данный факт нашел отражение в хакасских загадках: «*ходит все скок-скок*, *а на голове шапка*, *покрытая*

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 08-01-00281а.

черным сукном; *вокруг улуса ходит хромая сорока* (*ступка*, *обходящая всю юрту*)» **[**Катанов, 1907, с. 240, 272**]**, «*с подпрыгивающим ходом*, *с украшенным бронзовым седлом*» [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 322].

На пренебрежительное отношение хакасов к сороке, возможно, повлиял еще и тот факт, что она является всеядной птицей. При этом значительную долю ее пищевого рациона составляют пищевые отходы, а также падаль. В связи с этим, в народе ее нередко называют *пуртах хус* – '*нечистая птица*'. Кроме того, дурную славу сороке принесла ее склонность к «воровству и разбою». Известно, что сорока, как и ворона (*харга*) регулярно разоряет гнёзда других птиц, истребляет их птенцов.

Стоит несколько подробнее остановиться на самом процессе похищения и транспортировки яиц сорокой. Автору этих строк лично и неоднократно приходилось наблюдать за поведением этой птицы. Объектом похищения были куриные яйца. Известно, что сорока не может целиком поместить и удержать их в своем клюве. Для облегчения транспортировки «похитительница» пробивает дырку у тупого конца яйца и вставляет туда верхнюю часть клюва, нижней придерживает яйцо снизу. Подобным образом похищенные яйца сорока обычно уносит в укромное место, где и поедает. Данное поведение говорит о высокой сообразительности и наблюдательности этой птицы. Хищническая природа сорок, как и в целом врановых птиц, была убедительно отражена в фольклоре.

...Отныне мы станем
Грозой ваших гнезд!
Из них будем яйца
Весною мы красть
И не отвратите
Вы эту напасть
[Кильчичаков, 1989, с. 6–7].

Кроме того, сорока своими повадками – живостью, непоседливостью и неугомонным стрекотанием сформировала символический образ «болтливой птицы». Как известно, сорока редко кого (особенно незнакомого) «пропустит» незамеченным около себя, и об увиденном сразу же «известит» всю округу. Данные реалии проявились в устойчивых выражениях хакасского языка. Они, как правило, применяются для характеристики людей, которым присущи такие черты, как чрезмерная словоохотливость, живость и любопытство: *сарыг пастыг саасхан полба* – '*не будь сероголовой сорокой*' [Майнагашев, 2003, с. 14]; *саасхан чіли сегіреннерге* – '*вертеться как сорока*'; *саасханма* – '*не будь сорокой*' [Хакасско-русский, 2006, с. 419].

Стоит заметить, что в народе порой стрекотание сороки воспринималось как своеобразное музыкальное исполнение. Это нашло отражение в хакасских загадках: *Посреди селения* (*бегает*) *хомыс* с грифом* (*сорока*),

*Хомыс – национальный струнный инструмент.

Сорока стрекочет, ее хвост в моих руках (*хомыс*) [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 321, 337].

В верованиях хакасов «говорливость» сороки также нередко ассоциировалась со сплетнями и обманом. В этой связи среди хакасов было распространено выражение: *Саасхан аалаладарга* – ‘*поболтать*, *посплетничать* (*букв. сороку принимать в гости*)‘ [Боргоякова, 2000, с. 67].

Восприятие сороки, как «лгуньи, живущей обманом» отчетливо проявилось в фольклоре. В мифах сообщается, что из-за особенностей своего характера и пищевой неразборчивости эта птица подверглась остракизму со стороны животного мира: *Ты, сорока, не кричи, у тебя стыда совсем нет. Ты лгунья, обманом только живешь! Когда волк давит овец, ты их кровью питаешься. Ты и сама как волк кровожадная, как увидишь кровь, то тут как тут, скок да скок. Нечистая грязная твоя жизнь, тебя из птиц никто не любит. И зверь тебя не любит, ты сама как волк. Вы с волком одинаковые, что угодно будете есть* [Мифы, 2006, с. 46].

В представлениях хакасов сороке были присущи еще и такие негативные черты, как жадность и жестокосердие. В одном из мифов, собранных Н.Ф. Катановым, повествуется о том, как сорока, пообещав помочь старой женщине, выпрашивает у нее угощение. Однако насытившись, она забывает о своем обещании и скрывается [1963, с. 149]. Характеристика сороки, как бесчестной и прожорливой птицы обнаруживается и в народных поговорках. При этом ее образ переносится на жадных и алчных людей: *Саасхан харагы чаглыг* – ‘*У сороки глаза сальные*’ [Ачитаева, 2005, с. 129].

В воззрениях хакасов образ сороки, как правило, соотносился с женским началом: *Тот род, в котором женщины – сороки! И так высокомерны, как глупы!* [Татарова, 2007, с. 191]. Кроме того, в фольклоре сорока была связана с идеей материнства. При этом стоит отметить, что символизация этой птицы в данной ипостаси все же в большей мере имела негативные характеристики. Она чаще изображалась как «плохая мать». В «Сказке о хитрой лисе» сорока, поддавшись обманным уговорам лисы, отдает ей на съедение своих птенцов [Кильчичаков, 1989, с. 22]. В «Песне-плаче сороки» из-за своей недальновидности она опять-таки лишилась своих птенцов.

На дереве низком устроив гнездо,
Какой же была я неумною!
К земле очень близко устроив гнездо,
Какой же была я немудрою!
Пришла с половодьем большая вода,
С собой унесла моих деточек!
Теперь я на свете осталась одна,
Как дерево сохну без веточек!
[Татарова, 2007, с. 216].

Между тем, высокие «коммуникативные способности» сороки содействовали формированию ее образа, как птицы, приносящей вести.

Исходя из подобных характеристик, в народе распространилась примета: *если сорока прилетит к дому и начнет стрекотать, а потом улетит, то обязательно будут гости* (ПМА-2009, с. Аскиз РХ, Тасбергенова/Тюкпеева Н.Е.). Верили, что сорока не всегда приносит добрые вести. Подобно другим врановым птицам, она могла предвещать плохое. Для предотвращения беды проводили специальный обряд. Как сообщал в **XIX в.** исследователь хакасской культуры Н. Попов: «Если сорока садится около юрты и щекочет, то необходимо бросить в нее пеплом из очага; в противном случае в этой юрте может быть несчастье» (Архив РГО, разряд № 64, оп. 1, д. 29, л. 15).

В хакасской мифопоэтике при описании чужой и далекой земли (мира) наряду с вороном опять-таки используется образ сороки, как вездесущей птицы.

...Смотри-ка, там желтая степь,
Куда не спустится и сорока,
Бледная широкая степь,
Куда не спустится ворон!
[Радлов, 1989, с. 241].

В прошлом в хакасских семьях, где была высокой детская смертность, новорожденным нередко давали имя, обозначающее эту птицу – *Саасхан* [Каратанов, 1884, с. 16]. Имя, безусловно, носило предохранительный характер, и выступало в качестве апотропея.

Сорока была популярной не только в устном творчестве хакасов. Эта птица, вернее ее отдельные органы, широко использовались в народной медицине. Как сообщал Н.Ф. Катанов: «Лишай и парша исчезают, если помазать его теплым свежим мозгом сороки» [1899, с. 394].

Подытоживая все вышесказанное можно констатировать, что в мировоззрении хакасов значительное место отводилось сороке. Образ этой птицы в большей степени наделялся ироничными и отрицательными чертами.

Список литературы

Ачитаева Л.К. Семантические особенности хакасских пословиц (*сёспектер*), поговорок (*сиспектер*) // 60 лет Хакасскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории. Ученые записки. – Вып. XXII. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2005.– С. 126–130.

Боргоякова Т.Г. Краткий Хакасско-русский фразеологический словарь. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2000. – 144 с.

Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2008. – 376 с.

Каратанов И. Черты внешнего быта качинских татар // Изв. Имп. рус. геогр. об-ва. – Т. XX. – Вып. 6. – СПб., 1884. – С. 6–33.

Катанов Н.Ф. Народные способы лечения у сагайцев // Деятель. – 1899. – № 10. – С. 394–395.

Катанов Н.Ф. Образцы народной литературы тюркских племен. – Т. IX. – СПб., 1907. – 600 с.

Катанов Н.Ф. Хакасский фольклор. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1963. – 163 с.

Кильчичаков М.Е. Сказка о том, как птицы царя выбирали. – М.: Сов. Россия, 1989. – 48 с.

Майнагашев С.А. Становление и развитие системы хакасского стихосложения. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2003. – 128 с.

Мифы и легенды хакасов. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2006. – 208 с.

Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.

Татарова В. Белая Волчица. – Изд. 2-е. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2007. – 282 с.

Унгвицкая М.А., Майнагашева В.Е. Хакасское народное поэтическое творчество. – Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-во, 1972. – 311 с.

Хакасско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.

Т.Н. Галкина

ДЕКОРАТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ НАЛИЧНИКОВ В ГОРОДЕ КЫЗЫЛЕ РЕСПУБЛИКИ ТЫВЫ

В настоящее время в этнографической науке возрос интерес к изучению культурного наследия отдельных регионов. В этом отношении территория Республики Тыва представляет особый интерес. Проникновение русских на территорию Тувы в конце XIX в., способствовало распространению крестьянской культуры домостроительства среди тувинцев, для которых ранее основным видом жилья являлась войлочная юрта. В свою очередь в русскую культуру проникали элементы тувинской традиции. Результаты межэтнических контактов и взаимопроникновения культур наглядно проявились в сфере архитектурного декора. Это прослеживается на примере резьбы наличников, как наиболее ярких декоративных элементов русских жилищ. Статья написана на основе полевых материалов автора, собранных в столице республики г. Кызыле в 2005–2009 гг.

Как показали полевые наблюдения, преобладающим типом жилья русских крестьян в Туве являлся деревянный срубный дом. В настоящее время в г. Кызыле богато декорированных домов встречается немного. Наибольшую распространенность в декорировании наличников имеет пропильная техника резьбы, для выполнения которой требовались ножовка-лобзик, выкружная и лучковые пилы [Майничева А.Ю., Майничева Е.А., 1999].

Изготовлением резных украшений для наличников окон занимались наемные плотники или хозяева дома, перенимая друг у друга мотивы, создавая оригинальные резные композиции. Наибольшую художественную нагрузку получила верхняя часть наличника – лобань. В большинстве случаев рисунок на лобани симметричен относительно центральной оси, система ритмических повторов создает впечатление гармонии. Часто карниз лобани на наличниках домов в г. Кызыле имеет волютообразное решение, оно дробит верхнюю часть окна и делает ее менее тяжелой. По мнению Л. М. Русаковой, такая симметричная композиция, возможно, является остатком архаичных верований в апотропейную роль изображения женской фигуры с двумя спутниками по обе стороны [Русакова Л. М., 1989].

Повторяемость и вариативность – принципы, на которых мастера строили узоры прорезной резьбы и накладных деталей. Мотивы резьбы повторялись с некоторыми вариациями, чаще всего это были растительные, зооморфные, антропоморфные, геометрические орнаменты.

Большое распространение в русской деревянной архитектуре г. Кызыла получил геометрический орнамент – круги, полукруги, разного рода розетки, ромбы и треугольники в сочетании с прямыми линиями. Эти фигуры наиболее просты в исполнении и не требуют особых затрат времени и мастерства. В большинстве случаев информаторы не знают символического значения подобных фигур и считают, что они используются лишь для украшения наличников.

Среди орнаментов украшения наличников так же встречаются антропоморфные мотивы. На навершиях многих наличников угадывается мотив с изображением женщины. Иногда он определяется очень четко, а иногда имеет условную трактовку. Но в любом случае его можно узнать – изображение с головой стилизовано, всегда находится в центре навершия. Наличников с такими мотивами в г. Кызыле встречается достаточно много. На наличниках одного дома были зафиксированы изображения, напоминающие мифических полуженщин-полуптиц – сиринов, смотрящих друг на друга и как бы держащих на головах крест; по сторонам от них – русалки, с поднятыми вверх руками, с которыми соприкасаются волнообразные элементы. О смысле данного изображения мы можем только догадываться; хозяева дома о его происхождении не знают.

Отдельную группу составляют наличники, украшенные растительным орнаментом. Основными элементами этого орнамента являются изгибающиеся ветви, завитки, цветы. Порой, растительный мотив выступает как часть композиции с включенным в нее зооморфным мотивом. Чаще всего из зооморфных мотивов в городе встречаются изображения птиц: голубей, уток, лебедей, петухов. Как правило, зооморфные образы изображаются парами, смотрящими друг на друга, и находятся по центру наличника. На наличниках также можно увидеть образы коней. По краям изображены затейливые узоры, напоминающие струи воды или растительность.

Одним из редких, но эффектных мотивов является геральдический – пятиконечная звезда, серп и молот, имеющие отношение к советской символике. По словам информантов, звезды на наличниках, означали, что кто-то из живших в доме, воевал на фронте.

Особый интерес для нас представляли наличники с изображением традиционного тувинского орнамента – «олчей удазыны» – «узел счастья». Это очень популярный тувинский орнамент, состоящий из двенадцати линий, которые имеют обобщающее название «хорлуу»; каждая в отдельности называется в честь животного из восточного календаря. Первая линия – «мышь», вторая – «корова» и т.д. (ПМА, 2005).

Традиционно «узел счастья» украшал элементы одежды и интерьера. Для традиционного тувинского интерьера были характерны войлочные ковры с простёганными геометрическими орнаментами, деревянные сундуки и кровати с многоцветной яркой и контрастной росписью. Для тувинских народных орнаментов типичны: строгая симметрия композиции, округлые криволинейные формы, меандры, растительные мотивы, стили-

зованные изображения рогов, S-образные узоры и различного вида «плетенки», среди которых и «узел счастья».

За время совместного проживания русских и тувинцев в Туве, традиционное русское жилище было освоено тувинским этносом. При этом элементы украшений, характерные для тувинской юрты, были перенесены в декор срубного жилища. Например, на наличниках, стенах домов и на воротах иногда размещали узор «узел счастья». Мастера располагали «узел» по центру наличника, а по краям обрамляли его растительными узорами или комбинацией одного и того же мотива, которые служили для выражения различных художественных замыслов. Бесконечный узел символизирует собой вечность и счастье, и, несомненно, является охранительным символом. Появление традиционного тувинского орнамента на русских домах связано с его обережным значением, которым его наделяют тувинцы.

Рассмотрев архитектурный декор деревянных построек в Кызыле, можно отметить, что в его основе лежали традиционные для русской культуры виды орнамента, оставшиеся почти неизменными. Наиболее часто встречающиеся мотивы – антропоморфные, зооморфные, орнитомофные, геральдические. Большая часть декора наличников выполнена пропильной резьбой. Основным назначением орнаментов на наличниках, по мнению большинства информантов, является декоративное значение; об их символическом смысле мало кто знает. Культурное взаимодействие русских и тувинцев привело к синтезу художественных традиций в декорировании срубного жилища, получившего повсеместное распространение в Республике Тыва.

Список литературы

Майничева А. Ю., Майничева Е. А. Мастера-резчики в Верхнем Приобье // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: Докл. III Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения-99». – Петрозаводск, 2000. – С. 371–375.

Русакова Л. М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. – Новосибирск, 1989.

О.В. Голубкова

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О *БЛАЗНЕ* КАК О ВОПЛОЩЕНИИ ДУШИ ПОСЛЕ СМЕРТИ У РУССКИХ И УКРАИНЦЕВ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Данное исследование выполнено по полевым материалам 2000-х гг. в рамках проекта РГНФ № 08-01-00281а. Оно посвящено анализу мифологических представлений славянского населения юга Западной Сибири. Ряд элементов обрядово-мифологической сферы у различных групп славянских народов дают основание предполагать о существовании представлений о наличии у человека двух (а может и более) душ. Понятия о том, где находятся умершие и чем они заняты, были неоднозначными. С одной стороны, представлялось, что душа продолжает жить в устроенном для нее «домовище», а с другой – как будто она совсем оставляет этот свет и живет в неведомом далеком («надзвездном») мире. По другому же представлению, она живет в земле [Власова, 1998, с. 394]. У славян существовали также воззрения о душе-тени, повторяющей образ человека. “Было еще у предка антропоморфическое представление души в виде тени, легкой как воздух и неуловимой для осязания” [Соболев, 1913, с. 58]. Вера в появление накануне смерти души-тени, а также – в возможность перевоплощения душ в зооморфные, орнитоморфные или иные субстанции – сохранилась (несмотря на длительный период, прошедший со времен установления христианской религии).

Русская терминология, связанная с появлением существ из иного мира, нередко несущих предзнаменования о скорой смерти, несколько туманна. Используются слова *видение*, *призрак*, *морок*, *мление*, *блазна* или иносказательные выражения, намекающие на суть явления, но избегающие его наименования.

Слово *блазна*, встречающееся в Западной Сибири (преимущественно у русского и украинского населения), означает явление, близкое по смыслу к привидению, призраку, персонажу из иного мира. *Блазнить* – казаться, чудиться, мерещиться, маячить: «*А то умрет хто, так если в тоску удариться, то начнет ему блазнить...*» [Словарь..., 1979, с. 30]. Иногда это слово используется для определения вещего сна или видения во время дремы.

Нередко появление *блазны* расценивается как знак смерти – своей или близких. *Перед смертью блазна бывает. Как увидишь – будешь кого-то скоро хоронить. Или сам приберешься на тот свет* (ПМА:

Новосибирская обл., Здвинский р-н, с. Хапово – укр., 2002). *Бывает такое состояние, когда блазнит. Кажется, что что-то привиделось, будто человека видел, а это вовсе не человек, это блазна была, привидение* (ПМА: Алтайский край, Первомайский р-н, с. Первомайское – рус., 2009). *Это когда не понятный кто-то приходит. Раньше говорили – нечистая сила блазнит. Значит к себе зовет, на тот свет манит* (ПМА: Там же – рус., 2009). *Покойники тоже ходят, живых блазнят, на тот свет зовут* (ПМА: Там же – рус., 2009). *Покойник приблазнится – к большой беде, значит кто-то скоро из родни умрет* (ПМА: Алтайский край, Заринский р-н, с. Зыряновка – рус., 2009). *Если во сне нечистый приблазнится – это худой знак* (ПМА: Алтайский край, Заринский р-н, д. Мостовая – укр., 2009).

Слово *блазна*, по имеющимся полевым материалам, употребляется редко. Чаще говорят: *блазнится* – в значении, что видится нечто потустороннее, рационально необъяснимое; *приблазнилось* – привиделось, померещилось. Выражения, производные от слова *блазна*, встречались в различных районах Новосибирской и Омской областей, на Алтае. *Блазнится – это когда кто-то ночью смотрит. Чужой. В доме никого нет, а чувствуешь, будто ходит кто-то. Глаза в темноте увидеть можно. И жутко так становится, как холодом по телу обдаст* (ПМА: Омская обл., Нижнеомский р-н, с. Нижняя Омка – рус., 2002). *Бывает, что люди надолго засыпают (...) летаргический сон. У всех, кто так засыпал, один сон был. А какой – нельзя рассказывать. Как только просыпаются, им память отшибает. Во сне у них душа на тот свет улетает, а тело еще живет. Известно только: кто долго спал, тому тот свет блазнился. Может даже с родителями душа встречается, или с самим Господом – если безгрешный человек. Никто потом не помнит* (ПМА: Омская обл., Нижнеомский р-н, с. Зенкуль – рус., 2002). *Мой родственник был в летаргическом сне, говорил, как будто на том свете побывал, ему потом еще долго ангелы блазнились* (ПМА: Алтайский край, Заринский р-н, с. Зыряновка – рус., 2009).

В ряде случаев видение *блазны* связывают с представлениями об орнитоморфном облике души (известными у славян, финно-угров и других народов [Голубкова, 2009, с. 199–256]. *Мне в сумерках приблазнилась, что по дому птица летает. А потом заболела сильно, чуть не умерла* (ПМА: Алтайский край, Заринский р-н, с. Зыряновка – рус., 2009). *Как-то шла к дому, уже смеркалось, зимой это было. Вдруг слышу, будто кукушка закуковала. Смотрю: на ветке сидит, и полетела в лес. А какая кукушка зимой бывает? Ясно, что приблазнилось. Это плохой знак, к беде* (ПМА: Там же – рус., 2009). *Покойник может к дому птицей прилетать. Некоторые умеют отличать настоящих птиц от блазны. Только не всем дано их видеть* (ПМА: Алтайский край, Первомайский р-н, с. Первомайское – рус., 2009). *Сижу я как-то дома, обедаю. Вдруг вижу, будто вокруг меня птичка маленькая, как синица, летает, летает, даже задевает меня по*

волосам. А потом бабушка сказала, что это блазнится, надо пойти на кладбище, родителей помянуть (ПМА: Алтайский край, Заринский р-н, с. Зыряновка – рус., 2009).

Во многих случаях явление *блазны* связывают со знаком предстоящей кончины, предполагая, что это приходят души умерших – увести за собой на *тот свет*. *Мне на днях приблазнилось. Кто-то страшный приходил. Встал в изголовье и смотрит на меня, долго так, и молчит. Я шевельнуться не могу. Хотела перекреститься, а рука не поднимается. Он постоял, потом исчез, как растаял. Самого не разглядеть было в сумерках. Какой-то морок нашел, такая прямо дремота напала, с тех пор вот болею. За мной, наверное, приходил. Помру скоро* (ПМА: Омская обл., Оконешниковский р-н, с. Лагушино – рус., 2001). *Когда что-то чудится нехорошее, неприятно так, по телу мурашки бегают, это блазнит. Так перед чьей-то смертью бывает* (ПМА: Новосибирская обл., Здвинский р-н, д. Барлакуль – укр., 2002). *Лежу я ночью одна и вдруг чувствую, что глаза на меня из темноты смотрят – поблазнилось у нас говорят. Дома никого нету. Замерла, не двигаюсь, страшно так сделалось. Потом собралась с духом и говорю: "Ты зачем пришел?" и матом его хорошо так приложила. Сразу исчез* (ПМА: Новосибирская обл., Карасукский р-н, д. Кукарка – укр., 2004). *Вечером, в потемках, боюсь в сторону кладбища ходить. Может покойник приблазниться* (ПМА: Алтайский край, Заринский р-н, с. Зыряновка – рус., 2009).

Нередко появление *блазны* связывается с тоской по умершему. *Если кто по мертвому сильно горюет, обязательно приблазнится. Покойник повадится ходить, тогда не отведешь* (ПМА: Алтайский край, Первомайский р-н, с. Первомайское – рус., 2009). *У нас одна по мужу тосковала, стал он ей блазнится. Она сама испугалась. Говорит, понимаю, что мертвый, а поделать с собой ничего не могу: так и манит к себе, зовет. Померла скоро, следом за мужем пошла* (ПМА: Алтайский край, Заринский р-н, с. Зыряновка – рус., 2009). *Муж умер вот уже пять лет скоро будет, мы дружно жили, он рано в землю ушел. Я сильно по нем тоскую. Летом почти каждый день на могилу хожу. Пойду, поговорю с ним, поплачу, как будто повидались. А если не схожу какой день, то мне начинает блазниться: как будто нечистый по дому ходит, видится что-то страшное. А муж у меня хороший был, если и привидится, то не страшно, его я не боюсь* (ПМА: Там же – рус., 2009).

Представления о *домовом* (рассказы о нем связаны со звуками и видениями: стучит, гремит, завывает, наваливается на спящего человека, выходит из-за печки в облике кота, маленького лохматого человека и т.п.) отличаются от появления *блазны*. По рассказам респондентов, домашний дух может предсказывать радостные и печальные события. Обычно, когда домовой проявляет себя (давит человека или издает протяжные звуки), ему задают вопрос: «к худу или к добру?», на который он должен

ответить. Знаки, которые подает *хозяин*, могут означать не только смерть, но также новоселье, замужество, приезд гостей, пополнение в хозяйстве (рождение телят, жеребят; находка чего-то ценного). Считается, что домовой активизируется накануне переезда в новый дом; в таких случаях говорят: *хозяин расшалился, кум на грудь давит, суседко ночью щекотал, заплетал косички*. Это значит домовой напоминая о себе – чтобы не забыли взять его с собой.

Появления *блазны* связаны с негативными аспектами жизненных ситуаций. Кроме этого, видение *блазны* отличается от проказ домового обостренными чувствами страха, «жути», озноба, о которых в рассказах о встрече со своим *суседкой* обычно не упоминается. *Блазна* может ассоциироваться с приходом души умершего. Посещение дома покойным нередко расценивается как знак смерти («за собой зовет»). Вспоминая о видениях, информанты обычно четко определяют, кто из скончавшихся родственников приходил, если они считают, что их навещала душа умершего.

Скорее всего, с *блазной* связаны представления о проникновении в дом потусторонней силы «чужого», враждебного пространства. Это может восприниматься либо как наваждение нечистой силы, либо – блуждание неизвестной неприкаянной души. В то время как души почивших родственников (а также домовой) считаются «своими», и потому – положительными («доброжелательными») или, по крайней мере, амбивалентными персонажами.

Следует подчеркнуть, что отношение к контактам с душами родных нейтрально-позитивное. Аналогичное отношение существует и по отношению к домовым: повсеместно распространены обряды «задабривания», угощения домашнего духа, приглашения его в новый дом; в цикле святочных гаданий непременны «заигрывания» с домовым; его присутствие в доме не пугает людей, а напротив, считается желательным и отличается от однозначно негативной реакции на появление «мертвецов», относимых к категории *заложных*, приравниваемых к *нежити*. То есть блуждание по земле *заложных* покойников и выход из могилы умерших естественной смертью предков – явления разного порядка. Примечательно, что согласно народным верованиям, активность покойников с негативным статусом (*нечистых*, *заложных*) традиционно выше, чем покойников-предков [Зеленин, 1995, с. 39–88].

Таким образом, видение *блазны* в русской и украинской мифоритуальной традиции, скорее всего, соотносимо с появлением *нежити*.

Список литературы

Власова М.Н. Русские суеверия. Энциклопедический словарь. – СПб.: Азбука, 1998. – 672 с.

Голубкова О.В. Душа и природа: Этнокультурные традиции славян и финно-угров. – Новосибирск.: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 304 с.

Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. – М.: Индрик, 1995. – 432 с.

Соболев А.Н. Загробный мир по древнерусским представлениям (Литературно-исторический опыт исследования древнерусского народного миросозерцания). – Сергиев Посад: Изд. книж. магазина М.С. Елова, 1913. – 208 с.

Словарь русских говоров Новосибирской области / ред. А.И. Федоров. – Новосибирск: Наука СО, 1979. – 606 с.

М.А. Жигунова

РУССКАЯ СЕМЬЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ФУНКЦИИ И УСТАНОВКИ

Проблемы семьи активно исследуют представители различных общественных дисциплин. Для этнографов эта тематика является традиционной. В последние годы активизируются гендерные исследования [Пушкарева, 2002]. Русской семье в Сибири посвящены работы Ю. В. Аргудяевой, И. В. Власовой, В. А. Зверева, Е. А. Зуевой, Ю. М. Гончарова, Н. А. Миненко, А. Р. Михеевой и др. В имеющихся публикациях, как правило, рассматривалась крестьянская (сельская) семья и хронологические рамки ограничивались началом XX в. В целом отмечается малая изученность городской семьи [Власова, 1999].

Представленная работа является продолжением авторских исследований русского населения Сибири и Северного Казахстана 1980-2000-х гг. Она базируется на полевых материалах, собранных экспедициями ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, ОФ ИАЭТ СО РАН, Сибирского культурного центра, «Центра славянских традиций».

В качестве объекта исследования выступает русское население г. Омска, которое отличается довольно высокой гетерогенностью: здесь можно встретить коренных омичей и недавних мигрантов, потомков кержаков и атеистов, дворян, купцов, кулаков, казаков и др. Исследование опиралось на анкетный опрос – было опрошено более 3000 человек, считающих себя русскими. Большая часть опрошенных (73 %) пришлась на молодежь 18–27 лет. Соотношение заполненных анкет коррелируется с современным половозрастным составом городского населения Омска, согласно которому на женщин приходится 54,6 %, на мужчин – 45,4 % населения.

Современные семьи, как правило, состоят из 2-х поколений. По мнению опрошенных, семья это *«двое или больше людей, проживающие совместно, воспитывающие детей»; «в большинстве случаев – социальный статус человека, его положение в обществе и обеспеченность»; «несколько близких человек, объединенных родственными и другими связями»; «маленький мирок со своими отношениями, политикой, экономикой и культурой.., это самые близкие люди»; «люди, имеющие общность взглядов на воспитание подрастающего поколения, для передачи межпоколенного опыта»; «самое важное в жизни.., дом, дерево, сын.., это группа людей, проживающих вместе.., все в этой группе строится на любви и взаимоуважении, у каждого имеются свои обязанности»; «это*

умение приспособиться друг к другу и желание вместе сосуществовать»; «фундамент церкви, поддержка народных традиций» и т. д.

Вопрос «какие ассоциации возникают у Вас при слове семья?» у подавляющего большинства респондентов вызвал позитивные ассоциации. *Родители (мама, папа), дети, дедушки-бабушки, жена и муж (супруги), дом (отдельная квартира), уют, покой, спокойствие, тепло, семейный очаг, гнездышко, любовь, взаимопонимание, вместе всегда, поддержка, помощь, взаимовыручка, забота, нежность, общность интересов, общение, ответственность, жизнь, телевизор, воспитание, кухня, еда, чай с вареньем, горячий кофе, семейный ужин/обед, верность, счастье, радость, веселье, продолжение рода, нажитое хозяйство, достаток, общий бюджет, потребности, деньги, будущее, новые родственники, Новый год, праздники, доброта, тёща, честность, цветы в горшках, домашнее животное (собака, кошка).*

Примерно у 27 % опрошенных встретились негативные ассоциации со словом «семья»: *ругань, скандалы, ссоры, суета, развод, кабала, ярмо* и др.

При слове «женщина» встречаются следующие ассоциации: *дети, семья, красота, косметика, магазины, любовь, продукты и приготовление пищи, муж, работа, кино (сериалы)*. Среди единичных ответов*: карьера, деньги, книги, маникюр, мода, музыка, подруги, театр, ум, фитнес* и др.

Вот из чего состоит современный образ женщины. Идеальная жена: *хозяйственная, любящая, добрая / доброжелательная и умная / мудрая, верная, заботливая, понимающая, умеющая вкусно готовить, терпеливая, хорошая мать.* Далее идут: *красивая, уважающая мужа, трудолюбивая, внимательная, нежная, ласковая, умеющая находить компромиссы, спокойная, гостеприимная, аккуратная, надежная* и др. Как видно из приведенных ответов, подавляющее большинство названных качеств полностью соответствует традиционному образу женщины в русской семье. Появились среди ответов и новые качества, не отмечавшиеся в традиционной культуре: *сексуальность, страстность, умение удовлетворить мужа в постели, умение зарабатывать деньги*. Несколько девушек ответили, что *«идеальная жена – это хорошая домохозяйка, прекрасная любовница, добропорядочная мать»* [Жигунова, 2008].

Считается, что мужчина должен: *обеспечивать семью, защищать и оберегать, быть надежным, умным, сильным, верным, любить жену и детей. Отдельная часть женщин считает, что муж также должен быть «непьющим», «некурящим», «не должен бить жену»*. Таким образом, можно с определенной долей уверенности утверждать, что «традиционно социальная роль мужчины в русской семье – это роль главы семейства, защитника, покровителя, добытчика, кормилица, помощника в тяжелом физическом труде. А жена обязательно должна родить детей, заниматься их здоровьем и воспитанием, хранить и беречь семейное тепло, создавать атмосферу любви» [Сергеева, 2005].

Данные наших этносоциологических опросов показали, что главой 70 % современных полных русских семей считается мужчина, 20 % – женщина, в 10 % семей декларируется равенство. В 1990-е гг. появились семьи, где мужчина занимается домашними делами, а жена зарабатывает деньги, содержит его и детей. Домашние дела (приготовление пищи, покупка продуктов и промышленных товаров, стирка, уборка, уход за одеждой) выполняются преимущественно женщинами. Ремонтом квартиры, работой на огороде, даче, приусадебном участке, хозяйством, как правило, супруги занимаются совместно. Уходом за малолетними детьми, играми, чтением, прогулками, проверкой уроков, посещением родительских собраний в большинстве семей занимаются также женщины.

Таким образом, ролевая структура семейной модели достаточно традиционна и ориентирована на функциональное разделение по гендерному признаку. Женщине традиционно отводится роль домохранительницы, воспитательницы, врачевательницы, помощницы мужчины. В большинстве семей муж и отец являются, прежде всего, добытчиками, отвечающими за материальное обеспечение семьи. Растет и количество матерей, воспитывающих ребенка без мужа.

Проанализируем ответы молодежи а вопрос: «Нужны ли дети и для чего?». Наряду с такими: *«Да, нужны для продолжения рода», «чтобы на земле остался кусочек меня и любимого человека», «чтобы они стали опорой родителям», «дети – это наше будущее, смысл жизни, они нужны, чтобы у человека была цель в жизни, чтобы он мог трудиться на благо ребенка, заботиться о нем», –* встречаются и другие. Некоторые девушки вообще не собираются рожать детей: *«Я не хочу иметь детей», «дети – это обуза: родишь их, а потом горбаться на них всю жизнь», «дети – это побочный продукт для того, чтобы получить к себе в подчинение существо, которым можно помыкать, приказывать, заставлять выполнять свои обязанности, навязывать свое мнение»*. Мы видим, что к опасениям за невозможность обеспечить детям достойную жизнь и образование добавляются перемены в сфере сознания. Все чаще встречаются девушки, которые нацелены прежде всего на успешную карьеру, а не на семью и рождение детей.

В целом, русские позже стали создавать семью: сейчас средний возраст невест составляет 22–25 лет; прогнозируется, по данным наших опросов, – 25–30 лет. Прежде чем создать семью, молодые люди стремятся получить высшее образование и устойчивое положение в обществе.

Интересно, что для большинства молодежи невступление в официальный брак не является ограничением для половой жизни, сексуальные связи считаются нормальными, а для юношей – даже обязательными.

Среди основных функций семьи были названы социальная, экономическая, психологическая, морально-нравственная, воспитательная функции.

Подавляющее большинство опрошенных русских считают, что национальность при вступлении в брак не имеет значения. На вопрос «Люди

каких национальностей имеются в семьях Ваших близких родственников?» некоторые ответили так: *«очень многих», «разных», «всяких», «почти всех»* и др. Затруднились ответить на этот вопрос 3,2 % респондентов («Не знаю, не интересовался», «Я из детдома» и др.).

У 83,2 % опрошенных русских омичей имеются близкие родственники других национальностей. Чаще всего это – украинцы / хохлы (у 37,6 % опрошенных), немцы (у 21,9 %), белорусы / бульбаши (у 11,5 %), татары (у 11,2 %), поляки (у 10,2 %), евреи (у 6,9 %), казахи (у 4,5 %); среди родственников также указывают казаков: (4,2 %). Нередко встречаются цыгане и чуваши (по 2,4 % опрошенных), мордва (2 %), армяне (1,7 %), молдаване и латыши (по 1,6 %), эстонцы (1,3 %), греки и грузины (по 1,2 %). Также есть: азербайджанцы, американцы, башкиры, болгары, литовцы, турки, узбеки (от 10 до 23 ответов). Другие этносы упоминаются менее 10 раз.

В современной русской семье в Сибири происходят примерно те же процессы, что и у русских Европейской части страны: рушатся механизмы межпоколенной связи, изменяются ролевые функции половозрастных групп, ослабевает контроль общества и старшего поколения, увеличивается самостоятельность молодежи и экономическая независимость женщин, вполне приемлемыми становятся добрачные сексуальные связи.

Установки на многодетную семью частично сохраняются, но превалирует желание иметь одного ребенка или двоих. Несмотря на частичную смену ценностных ориентаций и ролевых функций членов семьи, для большинства русских характерной остается традиционная модель семьи. Подавляющее большинство опрошенных считают, что семья является не просто ячейкой общества, воспроизводящей население, но и имеет воспитательную, социальную, психологическую, экономическую функции, и основную роль в ее сохранении продолжает играть женщина. Женщинам также принадлежит решающая роль в сохранении культурных традиций и передаче их новым поколениям.

Список литературы

Власова И.В. Брак и семья у русских (XVII – начало XX века // Русские. – М., 2003. – С. 426.

Жигунова М.А. Русская женщина и семья глазами современной молодежи // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. – Ч. 2. – Омск: Изд-во Омск. агр. ун-та, 2008. – С. 207-210.

Жигунова М.А. Праздники и обряды русской семьи в середине XX – начале XXI века // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2009. – Вып. 23 / 1. – С. 472-479.

Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность. – М.: Ладомир, 2002. – 526 с.

Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. – М.: Флинта; Наука, 2005. – 320 с.

М.А. Кудинова

ОБРАЗ СОБАКИ В МИФАХ И РИТУАЛАХ ТРАДИЦИОННОГО КИТАЯ

На территории Китая доместикация собаки датируется, как минимум, периодом ок. 10 тыс. л. н. [Кучера, 1977; Ли Сяншэн, 2006]. Собака являлась важным в хозяйственном отношении животным, служила источником мяса. В то же время, археологические находки (захоронения собак в могилах людей, жертвенных ямах и вблизи жертвенников, различные изображения собак) свидетельствуют о существовании уже с эпохи неолита религиозно-мифологических представлений, в которых важную роль играла собака [Археология…, 1986; Кучера, 1977; Chang Kwang-chih, 1964]. Это подтверждается и данными эпиграфических и письменных источников. Обычай захоронения собак в *яокэнах* (специальных ямах, располагавшихся в могилах под телом покойного), наибольшее распространение которого приходится на эпоху Шан-Инь (1562-1027 гг. до н. э.), вероятно, обусловлен существованием представлений о собаке как медиаторе между верхним, средним и нижнем мирами и как проводнике в загробный мир. Собака была одним из основных жертвенных животных, использовалась в жертвоприношениях духам предков, божеству земли *шэ*, а также в качестве строительной жертвы [Кучера, 1977; Чжунго каогусюэ…, 2003; Li Chi, 1957]. На формирование ее образа в духовной культуре древнего населения Китая оказывали влияние различные факторы: тотемистические и анимистические верования, почитание ее как первого домашнего и наиболее близкого человеку животного. Образ собаки был сложным уже в своем генезисе, что повлияло на дальнейшее развитие мифологических представлений об этом животном.

Все мифы о собаке, распространенные у народов Китая, можно сгруппировать в следующие тематические группы:

- космогонические, антропо- и этногенетические мифы
- собака как культурный герой
- мифы о собаке как о чудесном помощнике
- мифы о Небесной Собаке
- мифы о мире мертвых

В настоящее время представления о происхождении от собаки лучше всего сохранились у народов яо, мяо, шэ, мулао, у которых вера в происхождение от пса Паньху сформировала его культ и оказала серьезное влияние на повседневную жизнь [Народы, 1965; Ху Циван, 1994]. Именно

верования мяо-яоских народов повлияли на формирование общекитайской мифологии, прежде всего, в области космогонии, примером чего может послужить синкретический образ первопредка Паньгу. С мифом о Паньху сходны некоторые распространенные на юге Китая династийные мифы, важная роль в которых отводится собаке [Чеснов, 1976], а также мифы о стране собак [Каталог…, 1977; Юань Кэ, 1987; Eberhard, 1968].

В мифологии многих народов собака выступает в роли культурного героя, чудесного помощника и защитника человека [Няньлунь…, 2006; Рифтин, Кобзев, 2007; Таоли Ванфань; Юань Кэ, 1987; Eberhard, 1968]. Кроме того, с глубокой древности собака считалась животным, связанным с нижним миром, миром мертвых. Такие представления характерны для многих культур мира. Их существование объясняется, по всей видимости, естественной некрофагией собак. С другой стороны, идея о связи собаки с загробным миром может восходить к почитанию собаки как тотемного животного. Собака оказывается первой в ряду предков коллектива людей и, таким образом, помещается в мире усопших предков. Кроме того, считается, что тотемное животное служит покровителем своим «потомкам», может помогать в охоте, обеспечивать продовольствием. Именно этим обусловлено, на наш взгляд, появление мифов о собаке, приносящей рис, обычая обращаться к ней с молитвами об обильном урожае и т. п. Таким образом, собака оказывается сопричастна силам плодородия и жизни. Распространенный в мифах мотив путешествия по воде, упоминания о близости собаки к таким «водным» животным, как рыба и дракон, указывает на связь с водной стихией, с живительной влагой, необходимой для созревания урожая. Кроме того, собака, возможно, имела отношение и к стихии земли, напрямую связанной с плодородием, о чем свидетельствует обычай приношения собак в жертву божеству земли, существовавший в эпоху Шан-Инь. Связь со стихией земли могла быть обусловлена и представлением о принадлежности собаки к подземному миру.

Несколько особняком стоят мифы о Небесной Собаке, в которых она предстает как астральный персонаж, связанный с огненной стихией, что противоречит другим мифологическим сюжетам [Васильев, 2001; Гроот, 2000; МС, 1991; Eberhard, 1968]. Это противоречие, возможно, свидетельствует о разном происхождении мифов о Небесной Собаке и мифов о собаке как предке, культурном герое, божестве плодородия и помощнике героев.

С древнейших времен собаки в той или иной степени участвовали в различных магических ритуалах. Наиболее ранним обрядом, сведения о котором дошли до нас, является обряд «Большое изгнание», восходящий к охотничьим ритуалам и направленный на очищение, а также на обновление времени и пространства при наступлении нового года [Яншина, 1984]. В магии широко применялись кровь и экскременты собак, а также изображения этого животного. Ритуалы были направлены, прежде всего, на спасение от злых сил, что может быть связано с представлениями о собаке как защитнике и волшебном помощнике человека. В то же время, собака

использовалась в черной магии, что, вероятно, объясняется местом, отводимым этому животному в мире мертвых [Гроот, 2000; Гроот, 2001; Нянь-лунь…, 2006; Сыма Цянь, 2003; Юань Кэ, 1987; Eberhard, 1968].

Традиция употребления в пищу мяса собак, зародившаяся в неолитических культурах Китая, сохраняется на протяжении многих тысячелетий вплоть до настоящего времени. Этот обычай широко распространен как в целом в Азии, так и у разных народов Китая. В наши дни собачье мясо, как правило, не является повседневной пищей. Его поедание обусловлено представлениями о целебных и магических свойствах. У некоторых народов существует табу на употребление в пищу собачатины, связанное с почитанием собаки как тотемного животного [Чеснов, 1976]. Ее мясо, кровь и внутренние органы широко применяются в традиционной китайской медицине [Жоу гоу…, 2003; Жоуюн цюань…, 2001; Цзяньмин…, 2002].

Все сказанное выше говорит о сложном генезисе образа собаки и объясняет амбивалентное отношение к ней в китайской культуре. С одной стороны, собака как падальщик воспринималась как злое и опасное животное, связанное с миром мертвых; с другой стороны, собака, будучи первым одомашненным животным, защитником и помощником человека, в мифах выполняла задачи, сходные со своими функциями в реальной жизни (выступала в роли чудесного помощника, защитника и т. п.).

Таким образом, в отношении к собаке в Китае всегда присутствовала двойственность. И, тем не менее, уже много тысячелетий собака остается самым близким и преданным другом человека.

Список литературы

Археология зарубежной Азии / Г.М. Бонгард-Левин, Д.В. Деопик, А.П. Деревянко и др. – М.: Высш. шк., 1986. – 359 с.

Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. – М.: Вост. лит., 2001. – 488 с.

Гроот Я.Я.М. де. Война с демонами и обряды экзорцизма в древнем Китае / Пер. с англ. Котенко Р.В. – СПб.: Евразия, 2001. – 448 с.

Гроот Я.Я.М. де. Демонология древнего Китая / Пер. с англ. Котенко Р.В. – СПб.: Евразия, 2000. – 352 с.

Каталог гор и морей (Шань хай цзин) / Пер. с кит., предисл. и коммент. Яншиной Э.М. – М.: Наука, 1977. – 235 с.

Кучера С. Китайская археология 1965–1974: палеолит – эпоха Инь. Находки и проблемы. – М.: Наука, 1977. – 267 с.

Народы Восточной Азии / Ред. Н.Н. Чебоксаров, С.И. Брук, Р.Ф. Итс, Г.Г. Стратанович. – М.; Л.: Наука, 1965. – 1027 с.

Рифтин Б.Л., Кобзев А.И. Паньгу // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. – М.: Вост. лит, 2007. – Т. 2: Мифология. Религия. – С. 541–543.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина, В.С. Таскина; под общ. ред. Р.В. Вяткина. – Т. 2. – М.: Вост. лит., 2003. – 567 с.

Ху Циван. Предание о собаке Паньху и богине Милото / Пер. с кит. И.А. Алимова // Кунсткамера. Этнографические тетради. – 1994. – Вып. 5/6. – С. 244–257.

Чеснов В.Я. Историческая этнография стран Индокитая. – М.: Наука, 1976. – 298 с.

Юань Кэ. Мифы древнего Китая / Пер. с кит. Е.И. Лубо-Лесниченко, Е.В. Пузицкого, В.Ф. Сорокина; отв. ред. и автор послесл. Б.Л. Рифтин – М.: Наука, 1987. – 527 с.

Яншина Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. – М.: Наука, 1984. – 248 с.

Chang Kwang-chih. The archeology of ancient China. – New Haven; L.: Yale university press, 1964. – 346 p.

Eberhard W. The Local Cultures of South and East China: Translated from German by Alide Eberhard. – Leiden: E. J. Brill, 1968. – 522 p.

Li Chi. The Beginnings of Chinese Civilizations: Three Lectures Illustrated with Finds at Anyang. – Seattle: University of Washington Press, 1957. – 123 p.

Жоу гоу янчжи цзишу [Техника разведения мясных собак / Ред. Чжан **Юй** и др.]. – Пекин: Чжунго нунъе дасюэ чубаньшэ, 2003. – 350 с.

Жоуюн цюань кэсюэ янчжи вэнь да [Научное разведение мясных собак в вопросах и ответах / Ред. Чжан Шоуфа, Хэ Сицзюнь]. – Пекин: Чжунго нунъе чубаньшэ, 2001. – 330 с.

Няньлунь дэ цзии: Цзе ду шэнсяо вэньхуа. Сюй гоу. [Память годовых колец: разъяснение культуры зодиакального цикла. Собака / Ред. Шу Дафэн]. – Наньчан: Байхуачжоу вэньи чубаньшэ, 2006. – 152 с.

Цзяньмин жоу цюань янчжи шоуцэ [Краткий справочник по разведению мясных собак / Ред. Ван Шуньбао]. – Пекин: Чжунго нунъе дасюэ чубаньше, 2002. – 306 с.

Чжунго каогусюэ: Ся Шан цзюань [Китайская археология: Династии Ся и Шан / Ред. Ян Сичжан, Гао Вэй]. – Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2003. – 668 с.

Ли Сяншэн. Цянь тань сяньминь юй цзячу гоу дэ гуаньси [Предварительное рассуждение о взаимоотношениях древних людей и домашней собаки] // Нунъе каогу. – 2006. – № 1 (Электронный ресурс). Режим доступа: http://economy.guoxue.com/article.php/9026 (дата обращения 12.05.2009).

Таоли Ванфань. Цюань юй цюань вэньхуа. [Собака [как животное] и собака в культуре] // Официальный сайт Китайской ассоциации животноводства при Министерстве сельского хозяйства КНР. URL: www.caaa.cn/show/newsarticle.php?ID=228 (дата обращения 12.05.09).

В.Н. Курилов, А.Ю. Майничева

ОБСЛЕДОВАНИЕ РУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ТЮМЕНСКОГО РЕГИОНА В 1980-Х ГОДАХ: РЕЗУЛЬТАТЫ И НАПРАВЛЕНИЯ

В 1980-х гг. Институт истории, филологии и философии СО АН СССР (г. Новосибирск) выступил организатором экспедиций по выявлению памятников деревянного зодчества Сибири. В те годы в Новосибирском Академгородке по инициативе академика А.П. Окладникова начал создаваться общесибирский комплексный историко-архитектурный музей под открытым небом для размещения подлинных предметов и построек со времени появления первого человека на территории Сибири до начала XX в. Для формирования экспозиции и обеспечения ее научного сопровождения были инициированы архивные и полевые исследования, проведены работы по обмеру и вывозу деревянных сооружений, имеющих культурную ценность, а также обследованы некоторые регионы Сибири, где выявлялись типичные постройки и общие закономерности развития деревянного зодчества. Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН 25.7.3. Направление 8. Музейные и архивные фонды: изучение, введение в научный оборот, обеспечение нового качества доступа к культурному наследию. «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проекта «Проблемы сохранения культурного наследия: Историко-архитектурный музей под открытым небом», РГНФ – 09-01-18085е «Научно-реставрационные работы в историко-архитектурном музее ИАЭТ СО РАН».

Изучение деревянного зодчества сел Тюменской области проводилось в 1985–1988 гг. Участниками экспедиций в разные годы были сотрудники института «Спецпроектреставрация» Т.В. Барсова, М.А. Бенсман, М.Ю. Матвеев, от Института этнографии АН СССР - В.А. Липинская, от Тюменского краеведческого музея – В.А. Чупин. За время экспедиций были обследованы все населенные пункты, возникшие с XVIII – по конец XIX в. Исследования в тюменском регионе проводились в рамках нескольких районов Тюменской области: Исетском, Упоровском, Тобольском, Уватском, Ханты-Мансийском, Вагайском, Ишимском. Фотографический материал представляет собой собрание в более чем 500 единиц, ранее не публиковавшихся. Каждой подборке фотографий и зарисовок предшествует краткий комментарий. В настоящее время все оригиналы фотографий и зарисовок хранятся в научных отчетах в Институте археологии и этнографии СО РАН [Историко-архитектурный музей под открытым не-

бом СО АН СССР в г. Новосибирске: Исследование памятников архитектуры Тюменской области: Экспедиционное обследование: Научный отчет. Т. II. Кн. 12]. Фактический материал представляет весомую научную ценность, поскольку позволяет сформировать обоснованное представление о состоянии деревянной архитектуры сел Тюменского региона, выявить значимые в культурном отношении здания и сооружения.

Из материалов, собранных экспедициями следует, что для южных районов тюменского региона были характерны свободная и открытая планировка усадеб, по продвижению к северу более распространены замкнутые и крытые разновидности усадеб. В усадьбах, имеющих свободную планировку, хозяйственные постройки расположены хаотично, без строгой планировки. В открытых усадьбах постройки располагаются в один, два или три ряда. В усадьбах с замкнутой планировкой хозяйственные постройки размещены по периметру всего двора. В усадьбах с крытым двором пространство между хозяйственными постройками перекрыто кровлей или настилом. В усадьбах с двойной или тройной связью двор пристраивается сбоку от избы, представляющей собой «двойной» или «тройной» дом под «два коня» или «три коня», т.е. перекрытые двускатными крышами с параллельными друг другу самостоятельными коньками.

В открытых усадьбах различают передний, или чистый, двор с надворными постройками: амбарами, навесами, сараями, погребом и задний двор, расположенный позади избы с пригоном для скота, хлевами, конюшнями, сеновалом, которые выходят на огород («усад») с баней и гумном. Хлевов и конюшен насчитывается не менее трех – для лошадей, коров и мелкого скота. Над хлевами делали сеновал, куда «наметывали» сено. Поблизости рыли колодец. Телеги, сани и упряжь ставили под навес или в «завозню». Под навесом также хранили орудия земледелия, дрова, сено складывали «на пятрах» – проветриваемом редком настиле из тонких жердей. Двор мостили толстыми жердями или стесанными с одной стороны бревнами. В тех селениях, где занимались земледелием, строили овины и гумна. Замкнутые дворы имели разнообразный состав и размеры построек.

Наиболее распространены и являются традиционными в Исетском районе Тюменской области шестистенки-крестовики (местное название – круглый дом) и пятистенки. Имеются избы «со связью»: изба-сени-горница, изба-сени-изба, изба-сени-клеть (этот тип характерен для двоедан). Для ложных пятистенок с прирубленными сенями характерно отсутствие пятой капитальной стены, для экономии древесины она заменена перегородкой и двумя-тремя верхними и нижними обвязочными венцами. Встречаются пятистенки с прирубом хозяйственного двора. Распространены два типа усадеб: замкнутая с периметральной застройкой и двухчастная с пригоном сзади ограды. Ворота усадеб разнятся от простых на массивных столбах до украшенных накладной и пропильной резьбой. Приведем описания некоторых из зафиксированных на фотографиях зданий.

В д. Бобылево в 1880-х гг. на кирпичном фундаменте была построена деревянная церковь, являвшая хороший образец провинциального классицизма. На момент обследования в 1980-х гг. колокольни не было, а здание использовали как клуб. Сохранились рассказы о ее строительстве: «Строили ее Василий и сын его Иван Зыряновы. Строилась сразу под обшивку. Лес везли из Ершинского кардону. Колокольня была шатрова и выше храма. Крыльцо – односходно, с боков зашито. А на колокольне двенадцать колоколов. А вкруг церкви ограда была кирпична да кована».

В начале XX в. в д. Среднее Ушарово в ряду старой застройки были поставлены двумя братьями две одинаковые усадьбы. Они представляют собой трехрядную застройку с частично крытым чистым двором. Дома в усадьбах пятистенные с четырехскатной и трехскатной кровлей.

Амбар К.К. Федоровой, д. Дубровно-Ушарово, был построен в начале XIX в., с тех пор не переделывался. Это двухкамерное сооружение, в левой части которого расположено хранилище с сусеками, а в правой части картофельная яма. Кровля двускатная тесовая, раньше была устроена «по курицам и потокам».

Усадьба Лоскутовых конца XIX в. в с. Дубровно-Ушарово представляет собой трехрядную застройку с домом-пятистенком, чистый двор полностью перекрыт. Дом перебирали в середине XX в., но все постройки оставили на прежних местах.

Усадьба Ревнивых в д. Брысино была возведена в середине XIX в. и является примером трехрядной застройки с открытым чистым двором. Дом четырехстенный с прирубленными сенями и вальмовой кровлей. Печь стоит в центре, что является примером заимствования русскими у местного населения размещения очага в центре жилища.

Усадьба Д.С. Вохмина в д. Трухино построена в конце XIX в. и имеет трехрядную застройку; дом шестистенок, чистый двор крытый. Пригон и огород располагались за усадьбой. В усадьбе сохранились амбары на «ланах».

Деревня Зенково располагалась на острове, расположенном на р. Обь. Население занималось преимущественно скотоводством, охотой и рыбной ловлей. Дома ставились отдельно от хозяйственных построек и богато украшались. Сохранился дом одного из основателей деревни – Почганова (конец XVIII в.). Четырехстенный дом под двускатной кровлей, украшенный по фасаду трехчастным окном. Деревня богатела и к концу XIX в. в ней начинают появляться двухэтажные дома Таков дом Герасимова.

Усадьба Фуксовых была возведена в середине XIX в. в д. Петровщина, она имеет замкнутую застройку двора с домом-шестистенком, выходящим за пределы усадьбы. Пригон располагается за домом и имеет отдельный вход. Типично расположение хозяйственных построек амбар-завозня – баня-навес.

В с. Шестовое находилась церковь конца XIX в. Она была срублена из бревен диаметром 22–25 см и обшита тесом. Ее планировка стандартна:

притвор с колокольней – трапезная – храм – алтарь. С 1930 гг. использовалась как клуб и склад.

Дом Сармановых (с. Шестовое) был возведен в начале XX в., и с того времени не перестраивался, сохранено все декоративное убранство, демонстрировавшее сочетание русских и татарских традиций в орнаментации резного декора.

Основой народного зодчества русских в тюменском регионе послужила архитектура Русского Севера. В начале XVIII в. в южной части края стали распространяться приемы строительства жилья и культового зодчества, свойственные центральным и поволжским районам России, что связано с притоком населения из Поволжья, Вятки и Казани. Планировка поселений эволюционировала от свободной системы к уличной. Народное зодчество русских до XX в. развивалось преимущественно в формах деревянных построек. Выразительность русской деревянной архитектуры достигалось простыми геометрическими формами, естественной фактурой и текстурой дерева хвойных пород, декоративной резьбой и росписью, дополняющей и подчеркивающей ее красоту. В народном зодчестве русских Тюменского региона преобладала срубная система построек, в основе которой лежит модуль, равный длине бревна. В течение длительного времени сохранялись строительные приёмы, принципы возведения и украшения зданий, сопровождающееся огромным богатством и стилевым разнообразием решений и композиционных вариантов.

Г.В. Любимова, М.О. Бут, Т.Г. Рубинштейн

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННЫХ СТАРООБРЯДЦЕВ-ПУСТЫННИКОВ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ В СИБИРИ: ВОПРОСЫ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ*

Начиная с XVII в. Сибирь являлась традиционным прибежищем для наиболее радикально настроенных групп старообрядцев, переселявшихся на окраины государства в поисках хозяйственной и религиозной свободы, поскольку обретение спасения в старообрядческом мировоззрении предполагало уход из мира Антихриста *«во темные леса, во далекие пустыни, во глубокие пещеры»*. Вместе с тем, с конца XX в. в регионе получили распространение новые религиозные движения и культы, последователи которых, ориентированные на поиск альтернатив техногенной цивилизации, объявили Сибирь территорией, с которой начнется духовное возрождение всего человечества.

Несмотря на принципиальные различия в историческом опыте, культурном развитии и уровне образования сторонников названных религиозных течений в их доктринах можно обнаружить удивительное сходство в прогнозах на будущее, оценке достижений научно-технического прогресса, а также в том, что можно обозначить как поведенческие стратегии в сфере экологии (в их отношении к природному окружению).

Отличительной чертой старообрядческого мировоззрения, ориентированного на обретение спасения и на осознание конечной цели исторического развития в целом, всегда являлось пристальное внимание к категории будущего. Сама история рассматривается старообрядцами как ведущаяся с начала времен борьба темных и светлых сил, достигающая своей кульминации в конце света [Покровский, Зольникова, 2002]. Представления о будущем, понимаемом как окончательная победа над силами тьмы, оказываются, таким образом, неотъемлемой частью эсхатологического учения.

Яркие, поистине апокалиптические картины «последних времен» в рассказах современных старообрядцев предстают как глобальных масштабов неизбежная экологическая катастрофа. Ср.: *«Когда будет всемирная война, все страны в одну сольются»*, *«из семи городов люди съедутся в один город и будут там жить»*, *«Господь не даст дождя, земля не даст плода, вся вода иссохнет, реки и моря высохнут, золото от жара вытопится и будет блестеть вместо воды»* и т.п. (ПМА, 2004, Республика Тыва, Каа-Хемский р-н). При этом именно наука и техника (в первую

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 08-01-00333а.

очередь, военная) возводятся в старообрядческих произведениях в ранг непосредственных причин природных и социальных катаклизмов, которые неминуемо обрушатся на мир накануне Второго Пришествия и Страшного Суда – ср. названия сочинений енисейского писателя-старообрядца Афанасия Герасимова (Мурачева): «Предатомные предвестии» (1983), «Наука и техника природе убийца» (1984), «О конце света» (1994) и др. [Духовная литература, 1999; 2005].

Подобные воззрения перекликаются с доктринами ряда новых религиозных учений, идеологи которых проповедуют принципиальный отказ от использования научно-технических достижений, способствующих, как считается, движению современной цивилизации к глобальному экологическому кризису. Такова, к примеру, идеология самого крупного на сегодня учения Церкви Последнего Завета, адепты которого, более известные как последователи Виссариона, проповедуют исход из больших городов в сельские коммуны и построение на их основе экологических поселений.

Местом реализации указанного замысла с середины 1990-х гг. стали несколько деревень на юге Красноярского края, а также возведенная на Горе Сухой Обитель Рассвета, получившая статус «эконоосферного поселения». Заповедный участок сибирской тайги в районе озера Тиберкуль был объявлен территорией, обладающей особой «духовной аурой», а вся Сибирь – «единственным на земле местом», сохранившим «безграничное море нетронутого леса», и потому – способным принять огромное количество людей для формирования нового общества [Любимова, 2005].

Согласно главному источнику данного вероучения, «Последнему Завету», именно чистота земли, должна стать залогом «очищения» работающего на ней человека. Использование техники, означающей «привязанность к миру денег», допускается лишь в самых крайних случаях, поскольку сельскохозяйственная техника, как считается, «попирает» достоинство земли и «расслабляет» работающего на ней человека. Предполагается также, что в идеале человек должен питаться только тем, что вырастил на земле сам, и носить лишь то, что сшил своими руками [Последний Завет, 1997].

Разработанная идеологами учения концепция спасения предусматривает, таким образом, создание сообщества бескорыстных, гармонично сосуществующих с землей людей, отказавшихся от всех достижений современной цивилизации и возвратившихся к патриархальной жизни своих предков – крестьян [Григорьева, 2002]. Сходной модели поведения стараются придерживаться и проживающие в удаленных от мира скитах и поселениях старообрядцы, которые в своей повседневной жизни стремятся следовать раннехристианскому принципу «прокормления пустынника трудом рук своих» [Любимова, 2004].

Собранные в 2009 г. в ходе полевых исследований материалы позволяют выявить вопросы сходства и различия разработанных идеологами этих групп концепций спасения, а также те изменения, которые происходят в реальной жизни у представителей данных религиозных течений в настоящее время.

Все происходящие в мире события, как уже упоминалось, расцениваются старообрядцами как предопределенные. Образ советской власти в современных эсхатологических повествованиях отождествляется, к примеру, с одним из центральных образов Апокалипсиса – «седмиглавым» и «десятирожным» зверем, семь голов и десять рогов которого трактуются как олицетворение руководителей коммунистической партии и правительства [Покровский, Зольникова, 2002]. Многие из последователей Виссариона также убеждены, что две тысячи лет назад в Новом Завете были предсказаны основные события советской эпохи. В качестве аргумента приводится все та же числовая символика – ср.: *«До войны в Советском Союзе было 10 республик, а всего в СССР было 7 правителей: Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко и Горбачев»* (ПМА, 2009, Красноярский край, Курагинский р-н).

Облик Земли, как считают сторонники нового религиозного движения, в ближайшие годы радикально изменится – ср.: *«Ковчег уже тронулся», «Нашу планету ожидают небывалые землетрясения, засухи, наводнения и прочие катастрофы»* (природные катаклизмы рассматриваются при этом как «защитная реакция Земли» – живого, обладающего планетарным сознанием организма – на «неразумную и крайне опасную деятельность» людей). По этой причине идеологи движения призывают как можно скорее разработать и реализовать концепцию «Переходного периода», подразумевающую создание Общества на Духовной основе, живущего в гармонии с Природой. На базе общинного жизнеустройства предполагается развитие «малых производств, ремесел и народных промыслов», обеспечивающих экономическую независимость от внешнего мира, в том числе, от крупной промышленности, а также от состояния энергетических и дорожно-транспортных сетей. В качестве наиболее подходящего места для этого называется «юг Красноярского края», который оценивается как «наиболее стабильный в условиях возможных природных изменений на Земле» и куда в экстремальных ситуациях могут устремиться люди из пострадавших районов [Итоговые материалы, 2009] (как раз накануне традиционного праздника «Добрых плодов» произошла авария на Саяно-Шушенской ГЭС). Таким образом, «обновленное человечество» мыслится виссарионовцами как «неиндустриальное общество коммунистического типа», а тяга к преобразованию мира парадоксальным образом сочетается у них (*как и у староверов-пустынников − авт.*) с идеологией религиозного избранничества и «созерцательным мистицизмом» [Панченко, 2003]. По словам одного из первых последователей Висариона, с самого начала они *«учились по-новому относиться к Природе и строить отношения между собой... Первое время Учитель не разрешал использовать электроинструменты. Нужно было показать Природе единение с нею. Но потом для ускорения процесса было разрешено пользоваться техникой»*. Показательным представляется также замечание о том, что *«при работе бензопилой психологическая усталость больше, чем от труда вручную»* (ПМА, 2009).

Выявленное сходство в поведенческих стратегиях обитателей скитов и сторонников Церкви Последнего Завета (в том числе, строгое следование вегетарианству, а также минимальное использование современной техники), обусловлено тесным переплетением в их доктринах религиозной, трудовой и экологической этики. Вместе с тем, в зоне непосредственного контакта «паломников» (как называют последователей Виссариона местные жители) и старообрядцев, живущих преимущественно за счет охоты и рыбалки (деревни Петропавловка, Черемшанка, Гуляевка и др.), сравнение их образов жизни обнаруживает существенные различия, в первую очередь, в отношении тех и других к природному окружению.

Список литературы

Григорьева Л.И. Религии «Нового века» и современное государство: социально-философский очерк. – Красноярск: СГТУ, 2002.

Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. / Отв. ред. Н.Н. Покровский. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. – 800 с.

Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. / Отв. ред. Н.Н. Покровский. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2005. – 584 с.

Итоговые материалы 2-й Международной научно-практической конференции «Новое Сознание – Новый Человек – Новое Общество». 15–16 августа 2009 г., д. Петропавловка Курагинского района Красноярского Края / Личный архив автора.

Любимова Г.В. Образ Сибири в новых религиозных движениях и культах // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. Вып. 3. – Новосибирск: Изд-во ПреПресс-студио, 2005. – С.58–65.

Любимова Г.В. Старообрядцы-часовенные верховьев Малого Енисея: традиции и новации // Проблемы межэтнического взаимодействия в Сибири. – Вып. 2. – Новосибирск: АртИнфоДата, 2004.

Панченко А.А. Утопия «Последнего завета» // Отечественные записки. – 2003. – №3.

Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. Проблемы творчества и общественного сознания. – М.: Памятники исторической мысли, 2002. – 471 с.

Последний Завет. – СПб., 1997. – Т. 2. – Кн. 2.

А.А. Люцидарская

БЕЛОРУСЫ В СИБИРИ В XVII ВЕКЕ*

В XVII в. в Сибирь хлынула волна военнопленных, как результат постоянных войн на западных границах государства. Процесс включения новых земель в состав России требовал большого количества людских ресурсов, поэтому власти находили должное место для каждого ссыльного. Этнический состав военнопленных был необычайно пестрым. Задача данной работы выделить из общей массы пленных тех, кто проживал на территории современной Белоруссии.

В IX–XI вв. предки белорусов входили в состав Киевской Руси, а затем началось расширение влияния Великого княжества Литовского, завершившееся к концу XIV в. Период XIV–XVI вв. в истории принято считать временем складывания белорусской этнической общности [Солопова О. В., 2005].

Этноним «белорусы», вернее «белорусцы» применялся по отношению к жителям территорий Витебщены, северо-восточной части земель вблизи Могилева, а также будущих губерний, образованных вокруг Гродно, Полоцка, и по отношению к округи этих земель. В документах XVI–XVII вв. выходцы из тех краев именовались «литвинами», «литвой», «польскими людьми» и, наконец, «белорусцами».

Иначе обстояло дело с военнопленными. Например, Яков Тухачевский, начавший свою жизнь смоленским мелкопоместным дворянином, во время смуты потерял семью и социальное положение, а затем сражался с польскими интервентами и бунтовал против царских воевод; позже, попав «в опалу», оказался в Сибири, где оставил значительный след на военно-политическом поприще. «Смоленское происхождение» Тухачевского дает повод полагать, что он воспринял культуру тех слоев населения, из которых выкристаллизовывался белорусский этнос.

В книге, посвященной служилым иноземцам в Сибири, И. Р. Соколовский пишет, что за период 1593 по 1645 гг. только в Западную Сибирь было сослано на службу более 600 иностранных подданных, и эту цифру, вероятнее всего, можно приумножить [Соколовский, 2004. С. 87]. Противодействие сторон на западных границах России продолжалось до середины 1680-х гг., и в течение этого периода пленные продолжали поступать в Сибирь.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 09-01-00567а/Б.

Среди военнопленных были поляки, литвины, черкассы (украинцы), белорусы и представители иных европейских народов, попавших по ряду причин в горнило войны. Выделить из общей массы сосланных в Сибирь непосредственно белорусов сложно, чаще всего они обозначались в документах как литвины, однако термином «литвин» или «литва» могли обозначаться и поляки, и непосредственно литовцы, а порой и малороссы. Для адекватного определения этнической принадлежности необходимо знать места рождения этих людей. Источники XVII в. крайне скупо предоставляют такую возможность, но и в этих редких случаях, в силу не устоявшихся государственных границ и перманентных военных конфликтов, выделить этнических белорусов затруднительно. Термин «литва» одинаково мог применяться к выходцу из-под Кракова и к уроженцу Полоцка.

В настоящей работе будет сделана попытка обособления белорусов из общего ряда сибирских служилых людей, привязываясь к местам их выхода. К таковым в качестве примера можно отнести упомянутого выше Якова Тухачевского и основателя клана Козловских. Иван Козловский, шляхтич родом из Полоцкого воеводства, после пленения был перевезен в Москву и послан на службу в Казань. От предложенного «размена» пленными Козловский отказался и попросился на службу в Томск, где и был поверстан в чин сына боярского. В начале XVIII в. его сын, Василий Иванов Козловский, также получил высший служилый чин. Он имел двор в Верхотомском остроге, завел обширное хозяйство. Впоследствии многочисленные родственники Козловских жили как в Томске, так и по всему уезду [РГАДА. СП. Кн. 371. Л. 65].

В списке служилых 1634 г., находящихся в Западной Сибири, отмечены конный казак Алексей Федоров (могилевец), пешие казаки Игнат Иванов (могилевец) и Никита Мартынов сын Лишченок (могилевец). Любопытно, что в этом же списке пеший Иван Васильев определен как *белорусец* [Соколовский, 2004. С. 157] Термин «белорусец» редко встречается в сибирских воеводских документах. Обращает на себя внимание резкое отличие приведенных фамилий от типичных фамилий «литвы», оканчивающихся на *-ский* и присущих преимущественно шляхте.

Идентифицировать этническую принадлежность ссыльного возможно, исходя из рассказов самих пленных. При этом некоторые по каким-то причинам утаивали свое происхождение, а иные сами не могли четко «самоопределиться». Белорусы проживали на территории длительных перманентных конфликтов, не имея собственной государственности, в местах переходящих « из рук в руки» под эгиду Речи Посполитой, Литвы или России. В этих условиях территориальной (культурной, языковой) общности предстояло пройти определенный путь для выделения в самостоятельную «этническую единицу» и этнонимы «литва» и «литвин» всех устраивали.

Иначе обстояло дело с выходцами из польских земель. В именных списках служилых иноземцев за различные годы XVII в. часто указывалась родословная. Типичны записи такого рода: «отец поляк», «отец поляк

с Литвы», «дед поляк» или «родом польской земли». Это свидетельствует о том, что уроженцы Речи Посполитой четко знали свою этническую принадлежность, поскольку польский этнос уже сложился.

Создается впечатление, что властей больше интересовала градация ссыльных по социальной лестнице, нежели их «национальные признаки». При этом представители местной шляхты из региона будущих белорусских земель именовались в источниках «литвой» и попадали чаще всего в служилую элиту крупных городов.

Военнопленные статусом «попроще» определялись в ряды пеших казаков и направлялись в города и остроги отдаленных сибирских территорий. К этим ссыльным мог применяться этноним «белорусец»; либо они попадали в общие списки «ссыльных иноземцев» или «литовских людей» без индивидуальной расшифровки предшествующего положения в обществе.

В документах, опубликованных в начале XX в., имеется запись, относящаяся к 1650-м гг.: «…Литовские ж люди белорусцы Тимошка Ондреев, Осташка Иванов, Корнилка Корнильев, Янка Васильев…». Всего в списке 12 человек. Все они верстались в службу на Лену в Якутский острог. Несколькими годами позже в Тобольск из Москвы поступила новая партия «литовских полоняников», могилевцев и орашанцев, которых направили в Томск для дальнейшего распределения по острогам и селам.

Зачастую в ссылку отправлялись вместе со своими хозяевами и слуги (челядники). Среди них судя по всему оказывались нанятые по ходу событий русские люди или же холопы из мест выхода своих господ. Материалы источников не предоставляют никаких ориентиров для определения этнической принадлежности ссыльных низкого звания. В качестве иллюстрации к тексту уместна такая запись: «…Довезены с Москвы в Тобольск ссыльные ж литовские люди полоцкая шляхта изменники Богдашка Подбипята да жены его, да челяди его.., Казимирка Храповицкий, да челяди его…» и т. д. [Белокуров, 1901. С. 52, 58, 62].

Наиболее привилегированными местами ссылки являлся «центр» Западной Сибири, города Красноярск и Енисейск, – поселения, со сформированными многочисленными гарнизонами, развитой торговлей, промыслами и сопутствующим хлебопашеством. Сибирская администрация была заинтересована в пополнении гарнизонов грамотными и обученными военному делу людьми. Как правило, таковыми оказывались шляхтичи. Исключение среди них составляли «политические» и уголовные преступники, которых оставляли под надзором или отправляли в заведомо отдаленные края.

Чаще всего укоренялись в Сибири шляхтичи из Смоленска, Полоцка и прочих территорий будущей Белоруссии. Они лучше ориентировались в русской культуре, знали русский язык и русскую грамоту и, что очень важно, были ближе к православию. Принятие православия для государевых людей являлось обязательным условием; хотя, как всегда бывает, были исключения из правил. К бывшим католикам отношение оставалось насто-

роженным, а их поведение и восприятие церковных православных норм порой являлось неадекватным.

Показателен пример с попавшими в ссылку белорусским попом Власом и ксендзом Тишеевым. Летом 1661 г. поп Влас был определен «на вечное житье в Тобольск», а ксендз был отправлен в «в дальние сибирские города», в Якутский острог [Там же, с.73]

Царское правительство осуществляло акции по обмену военнопленных. Однако часть бывших пленников смогла получить достойные чины в служилом сообществе и адаптироваться к местным условиям. Естественно, эти люди «на размен идти» не стремились. В большей степени это касалось выходце из смоленских, могилевских, витебских и иных «белорусских» земель.

Справедливо мнение В. Носевича, что в состав белорусского этноса вошло население испытавшее воздействие «литовской» государственной идеи, униатской конфессиональной принадлежности и культурных импульсов со стороны католического и протестантского мира Западной Европы. Отсутствие централизованной идеи (задачи), которая могла бы быть воспринята в качестве объединяющей на этнической почве, объясняет запоздалость и значительно меньшую выраженность этнического самосознания белорусов в сравнении с русскими и украинцами. Определение границ белорусского этноса происходило скорее методом исключения, поскольку к его составу в XVII в. приходиться относить тех, кого нельзя в полной мере отнести ни к русским, ни к украинцам, ни к полякам [Носевич, 1998. С. 11–30].

Сопоставление сведений многих разноплановых источников позволяет утверждать, что в освоении Сибири в XVII в. было определенное количество выходцев с белорусских территорий, многие их них внесли значительный вклад в ход исторического процесса и были актуальны для своего времени.

Список литературы

Абецедарский Л.С. Белорусы в Москве в XVII в. – Минск, 1957.

Белокуров С.А. Юрий Крижанич в России. – М., 1901.

Носевич В.Л. Белорусы: становление этноса и национальная идея // Белоруссия и Россия: Общества и государства. – М., 1998. – С. 11–30.

Соколовский И.Р. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII в. – Новосибирск, 2004.

Солопова О.В. Белорусы Москвы (Очерки социальной истории XVII – начала XXI вв.). – М., 2005.

А.Ю. Майничева, В.С. Мыглан

ЖИЛАЯ ЗАСТРОЙКА ГОРОДА ЕНИСЕЙСКА В XIX ВЕКЕ

Енисейск был основан в начале XVII в. экспедицией П. Албычева и Ч. Рукина как форпост русских на Енисее [Резун, Васильевский, 1989, с. 135]. Ныне г. Енисейск известен как город-памятник Восточной Сибири, сохранивший историческую застройку XVIII-XIX вв. Несмотря на ряд имеющихся публикаций [Александров, 1962; Архангельский, 1923; Буланков, 1992; Буланков, Шумов, 1999; Гринберг, Канкеева, 1981. Енисейск, 1999; Памятники истории и культуры Красноярского края, 1989; Малютина, 1957; Миндаровский, 1916; Можайцева, 2003; Попадюк, 2002; Проскурякова, 1979; Слабуха, 1995, 1998; Томилов, 2006; Царев, Можайцева, 2005], жилая архитектура города пока не подвергалась систематическому этнографическому изучению. Натурные исследования 2009 г. позволили рассмотреть на сохранившихся примерах особенности жилой застройки Енисейска XIX в. Работа выполнена в рамках ФЦП гос. контракт № 02.740.11.0351.

Жилой дом по ул. Боград, 77, построен предположительно в середине XIX в. и представляет собой двухэтажную деревянную постройку на каменном подклете. Его слегка вытянутый прямоугольный план усложнен брусчатыми прирубами с лестницами на второй этаж, сенями с высокими крыльцами и нарядной остекленной галереей. Южное крыльцо закрыто кровлей лучкового очертания, опирающейся на брусчатые выпуски-кронштейны со спиленными по дуге торцами. Стены рублены с остатком из бревен диаметром 32–34 см. Их завершает профилированный карниз с фризом, имеющий сильный вынос. На торцах прирубов такой же карниз обрамляет треугольные фронтоны с полукруглыми оконцами в тимпанах. Поперечные стены делят дом на парадную восточную половину, имеющую два зала, и дворовую – из 3 комнат и внутренних сеней. Габариты дома без прирубов 10,5 × 12 м.

Наличники всех 29 окон решены одинаково: в филенках верхних и нижних досок заключены объемные розетки и листья, а профилированные сандрики обработаны резным орнаментом. Окна первого этажа имеют филенчатые ставни. Наличники окон второго этажа завершены фигурными очельями. В декоре галереи, выполненном в технике глубокой глухой резьбы, просматриваются мотивы классицизма. Столбы-простенки оформлены пилястрами стилизованного коринфского ордера, что характерно

для енисейских построек. Пьедесталы пилястр украшены вертикальными ромбами из лепестков, а на расположенном между ними вставках вся поверхность покрыта нарядным узором: на восточном фасаде в центре доски большая розетка в обрамлении завитков и листьев, а на южном – крупный горизонтальный ромб и пять небольших розеток в центре и углах. Под карнизом галереи протянут поясок, украшенный резным орнаментом из стилизованных ионников.

Жилой дом расположен на углу ул. Бабкина и Перенсона (ул. Бабкина 29), предварительно датирован второй половиной XIX в. Дом представляет собой двухэтажную (с высоким верхним этажом на подклете) деревянную постройку под вальмовой скатной кровлей. К южному дворовому фасаду прирублен сруб с сенями, покрытый двускатной кровлей, врезанной в южный скат кровли основного объема. Подклет разделен капитальными стенами на три части: расположенный посредине коридор, из которого одна дверь ведет в меньшую восточную половину, а еще две двери – в два помещения большей западной части. Верхний этаж имеет сходную планировку. Декор фасадов выполнен в традиционной для енисейской застройки манере барочной резьбы: наличники окон второго этажа имеют симметрично решенные фартуки и навершия – плоские волюты, между которыми расположен растительный орнамент. Сохранились детали декора на карнизе, водометах, балясины на лестнице. Типичный жилой дом второй половины XIX века, обладающий традиционными чертами объёмно-пространственной композиции и планировки, интересным декором в формах барочной резьбы.

Дом по ул. Бабкина 30 представляет собой одноэтажный деревянный особняк под вальмовой кровлей. В плане имеет Г-образную форму, образованную примыканием двух срубов разной ширины. Общая внутренняя капитальная стена делит их на четыре части, каждая из которых также разгорожена на комнаты. Вход в дом находился на южном дворовом фасаде. Особенностью объёмно-пространственной композиции является наличие фронтона на южной стороне двускатной кровли, перекрывающей часть сруба. Декор фасадов несложен: профилированный карниз под свесом кровли, с дощатым срезом под ним. Такой же карниз разложен по скатам фронтона, тимпан которого прорезан серповидным окном. Наличники окон уличных фасадов имеют прямые навершия. Над карнизом помещены картуши. Наличники снабжены филенчатыми ставнями. Стены из бревен диаметром 28–30 см, углы рублены с остатками. Здание характерно для рядовой застройки Енисейска конца XIX в.

Жилой дом (ул. Бабкина, 34), построенный в конце XIX в., принадлежал енисейскому купцу Максимовскому. Одноэтажный бревенчатый особняк покрыт вальмовой кровлей. К дворовому фасаду пристроено небольшое крыльцо с тамбуром, имеющее односкатную кровлю. В плане это пятистенная изба, каждая из частей которой разделена на несколько комнат дощатыми перегородками. В южной части находится пятиугольная комната, одной из стен которой служит печь. Развитый декор фасада изобилует элементами

пропильной и накладной резьбы: подзор под свесом кровли, широкий фриз вокруг всего здания. Высокие проемы окон с лучковым верхом украшены наличниками с накладной рокальной резьбой и прорезными акротериями. Углы кровли украшают изящные коленчатые водометы с накладными цветами и просечными железными деталями. Стены рублены в лапу из бревен диаметром около 28–30 см. Углы стен закрыты дощатыми пилястрами с каннелированной средней частью. Низкий цоколь сложен из кирпича. Кровля железная. Здание служит примером купеческого особняка с богатым пропильным декором, вошедшим в моду в Енисейске в конце XIX в.

Жилой дом (ул. Бабкина, 38) был построен после 1869 г. Это кирпичный особняк под вальмовой кровлей; цокольный этаж низкий, над ним расположен высокий жилой этаж. С севера к основному объему примыкает расположенная в средней части бокового фасада кирпичная пристройка парадных сеней, которую венчает двускатная кровля с фронтоном. От нее к улице вдоль стены северного фасада тянется кирпичная пристройка с парадной лестницей, выходящая на уличный фасад; здесь ее торцевая стена завершена аттиком, а над парадным входом устроен двускатный навес на двух колонках. На заднем (западном) фасаде имеется деревянная пристройка с черной лестницей, покрытая кровлей лучкового очертания. В верхнем этаже в северной части основного объема расположен зал, тремя окнами выходящий на главный фасад; к нему примыкают два помещения. Вход в зал - непосредственно с парадной лестницы. Декор фасадов разнообразен по обилию форм. По верху стен проходит кирпичный карниз с валиком, раскрепованный в наличниках окон. Такая же раскреповка пояском проходит на уровне междуэтажного перекрытия. На главном фасаде цоколь выделен раскреповкой с членениями, повторяющими карниз. Вынос цоколя покрыт железным сливом. На углах здания помещены пилястры. Пример купеческого особняка с оригинальным архитектурным решением, хорошо прорисованным кирпичным декором в формах эклектики. Здание выделяется среди окружающей застройки по величине и характеру декора.

В XIX в., как и в других сибирских городах, жилая застройка Енисейска была в основном деревянной. Редкие особняки были построены из кирпича. Особенностью жилых домов как деревянных, так и каменных было повышенное внимание к декору, разнообразной по рисунку резьбе, среди которой по качеству выполнения выделялась орнаментация в объемной «фряжской» технике.

Список литературы

Александров В.А. Начало хозяйственного освоения и присоединение к России северной части Енисейского края // Материалы по истории Сибири: Сибирь периода феодализма. – Вып. 1: Сибирь XVII–XVIII вв. – Новосибирск, 1962. – С. 5–34.

Архангельский И. Город Енисейск 1618–1918. – Енисейск, 1923. – 72 с.

Буланков В.В. Хронология каменных строений в Енисейске в XVIII в. // Памятники истории и культуры Красноярского края. – Красноярск, 1992. – Вып. 2. – С. 261–270.

Буланков В.В., Шумов К.Ю. Енисейск: очерк по истории развития и застройки города. – Красноряск: Кн. изд-во, 1999. – 216 с.

Гринберг Ю.И., Канкеева Г. Выполнены в "кирпичном стиле" (Архитектура домов-памятников в г. Енисейске) // Енисейская правда. – 1981. – 7 февр.

Енисейск – город-памятник / Сост. В. Майстренко. – Красноярск: Енис. меридиан, 1999. – 123 с.

Енисейск (ист. справка о городе, краткое описание памятников) // Памятники истории и культуры Красноярского края. – Красноярск, 1989. – Вып. 1. – С. 49–86.

Малютина А.И. Город Енисейск: Историко-краеведческий очерк. – Красноярск: Кн. изд-во, 1957. – 163 с.

Миндаровский М. Г. Енисейск // Сибирские записки. – Красноярск, 1916. – N 4. – С. 97.

Можайцева Н.В. Особенности формирования малых исторических городов Сибири (на примере Енисейска XVII–XX вв.) // Качество урбанизированной среды: архитектурно-градостроительный аспект: Материалы науч.-практ. конф. к 110-летию г. Новосибирска. – Новосибирск, 2003. – С. 128–132.

Можайцева Н.В. Проблемы сохранения и развития архитектурной среды города-памятника Енисейска // Провинциальный город: экономика, экология, архитектура, культура: Сб. материалов I Всерос. науч.-практ. конф. (15–16.12.2003 г.). – Пенза, 2003. – С. 63–65.

Попадюк С.С. Памятники архитектуры Енисейска (XVIII – 1-я половина XIX в.) // Архив наследия-2001. – М., 2002. – С. 26–60.

Проскурякова Т.С. Особенности сибирского барокко // Архитектурное наследство / Под ред. О.Х. Халпахчьяна. – М.: Стройиздат, 1979. – Вып. 27. – С. 152–160.

Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. − Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. − 304 с.

Слабуха А.В. Градостроительное освоение Приенисейского края в XVII–XX веках. Красноярск: КГАСА, 1998. 200 с.

Слабуха А.В. К истории изучения русской градостроительной культуры Сибири: Приенисейский край XVII – нач. XX века // Сто лет изучения архитектуры России. – СПб., 1995. – С. 23–27.

Томилов Н.А. Енисейск как памятник истории и культуры и Енисейский краеведческий музей // Культурологические исследования в Сибири. – 2006. – № 1 (18). – С. 82–90

Царев В.И., Можайцева Н.В. Градостроительная летопись Енисейска XVII–XX веков / Федер. Агентство по образованию, Краснояр. гос. архитектур.-строит. акад. [и др.]. – Красноярск: КрасГАСА, 2005. – 162 с.

О.В. Мальцева

САНИТАРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ СРЕДИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИАМУРЬЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА*

Начало XX века стало переломным моментом в жизнеобеспечении коренного населения Нижнего Приамурья. В 1920-е годы на смену правилам, разработанным в царской России и включающим элементы европейского опыта, пришли стандарты советской власти. Они проявились как новые идеологические установки и меры, затронувшие хозяйственную, культурную, бытовую стороны жизни. В целом новая власть, как и прежняя царская, по отношению к аборигенам Амура выступила в роли воспитателя, проводника норм цивилизации. Такое патерналистское отношение включало корректировку как пережиточных явлений традиционных форм жизни, в частности, организации труда, гигиенических и семейно-бытовых правил. К тому же амурская периферия считалась зоной, где медико-социальные проблемы имели масштабный характер. Так начало вхождения амурского левобережья в состав России, пришедшее на вторую половину XIX века, вошло в историю серией эпидемий, значительно сокративших коренное население. Л. Я. Шренк и И. А. Лопатин, анализируя состояние инородцев Амурского края, выделили 1856, 1863, 1877, 1881 года как критические. На них пришелся пик оспенной эпидемии, тифа и кори, в результате чего больше половины местного населения вымерло [Лопатин, 1922, с. 46; Шренк, 1899, с. 4]. Одной из причин распространения заразных болезней И. А. Лопатин считал контакт аборигенов с русскими и китайцами. До переселенческой волны места поселений малочисленных этнолокальных групп находились в окружении тайги, играющей роль преграды от смертоносных эпидемий с юга (со стороны Китая). Ситуация изменилась, когда новоселы из европейских областей России стали оттеснять автохтонов с насиженных мест, при этом расчищая таежное пространство вокруг своих поселений. В процессе русской колонизации выявились проблемы сокращения и оскудения таежных промысловых участков, загрязнения Амура отходами в результате массового вылова лосося и строительства рыбопромышленных предприятий в устье реки [Лопатин, 1922, с. 37–50].

В начале XX века остро обозначившийся вопрос выживания коренных малочисленных народов низовьев Амура был обусловлен трансформацией основ их жизни, проявившейся в переселениях, подрыве традиционной

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 08-01-00 333А.

хозяйственной, социально-бытовой, культурной сферы. Негативными явлениями в среде аборигенов стало пьянство, опиекурение при отсутствии гигиенических норм, консерватизме бытовых и трудовых правил [Арсеньев, 1914; Лопатин, 1922].

В 1929 г. бактериологический институт и врачебно-санитарный отряд Далькрайздрава совершили экспедицию в долину Амура с целью изучения санитарного состояния, заболеваемости местных народностей и проведения медико-профилактической работы с ними. Пойменная часть реки, где отмечалась высокая плотность населения, привлекла внимание исследователей как зона контактов аборигенов с иноземными группами. В низовьях реки, ближе к устью, размещались рыболовецкие фактории; в верховьях (в средней части Амура и ближе к истоку) сосредотачивалось население, прибывающее из земледельческих районов России. Нивхи, ульчи, амурские нанайцы в первую очередь испытали влияние «чужаков» с иными культурными ценностями и правилами общежития. Комиссия констатировала, что «цивилизация пришла к инородцам в форме спирта, сифилиса» [ХКА, ф. 683, оп. 1, д.79, л. 24]. На момент проведения отрядом Далькрайздрава в районе рек Кур и Тунгуски (ареале нанайцев) полевых исследований в нем проживало 608 коренных жителей. По статистическим данным за период 15 лет (с 1914 по 1929 гг.) в этом районе родилось 316 чел., умерло 254 чел. На фоне прироста – 62 человека, отмечалась высокая смертность детей [ХКА, т. с.].

Основанием слабого прироста служили различного рода заболевания. У нанайцев на первом месте стояли расстройство питания и обмена (27,2 %), хронический ревматизм. Следующие места занимали болезни органов зрения (20,9 %), органов пищеварения (14 %), инфекционные (8,9 %), туберкулез легких и других органов (8 %), кожные заболевания (8 %), болезни органов дыхания (5,5 %) [ХКА, ф. 683, оп. 1, д.79, л. 34–35].

Характер болезней объяснялся традиционными условиями быта и «профессиональными» особенностями. Нахождение на открытом воздухе во время летних ливней или зимних морозов, простаивание в холодной водной при осенней ловле кеты провоцировали гриппозные, остролегочные заболевания. Специальный дымокур в домах с целью защиты от комаров и мошки, традиционный костер с постоянным дымом являлись причиной развития трахомы, от которой страдали взрослые и дети. Перебои в питании приводили к расстройству пищеварения, нарушению обмена веществ. Сыроедение, постоянный контакт с собаками, отсутствие гигиенических навыков создавали почву для заразных болезней, грозивших перерасти в новую волну эпидемий.

Особенно тревожной была ситуация в приустьевой части Амура, где отмечалась большая загрязненность берега и воды отбросами рыбалок [ХКА, ф. 683, оп. 1, д. 30, л. 2–10]. «Крестьяне и гиляки (нивхи) большую часть отбросов выбрасывают в воду, часть оставляют на берегу, где они гниют. Рыбный промысел, сливные воды спускают тут же, а внутренности

вывозят на середину реки, откуда иногда вымывает их на берег» [ХКА, ф. 683, оп. 1, д. 30, л. 4]. Решено было для предотвращения распространений заразных болезней строить на месте рыбалок уборные и бани. Но не все промысловые коллективы соблюдали правила обязательного мытья в банях, старшее поколение нивхов это занятие просто игнорировало. Комиссия как негативный фактор выявила, что жилище нивхов имеет общие нары, посуду и трубку, которую начинают курить с 5–6 летнего возраста. Это способствует распространению туберкулеза. Употребление в пищу сырого мяса, в виде строганины, влечет за собой желудочно-кишечные заболевания.

В среде коренного населения санитарный отряд развернул просветительскую деятельность в форме бесед, демонстрации плакатов на тему о вреде использования сырого мяса, объяснял необходимость использовать рыбу в жаренном или вареном виде. Агитаторы и медработники для наглядности показывали под микроскопом пораженные глистами внутренности тюленя или дельфина, что производило большое впечатление на присутствующих. Они призывали слушателей противодействовать плеванию на пол (особенно для бациллоносителей), пользоваться отдельной посудой, проветривать помещение. Под давлением санитарной комиссии промысловые рабочие занялись уборкой береговой части от отбросов.

Отдельный вопрос был посвящен изменению организации труда, улучшению быта промысловых рабочих. Постепенно в местах промысла стали сооружать одноэтажные, двухэтажные бараки, временные хижины, прачечные, бани. Промысловый труд был дифференцирован и облегчен. Рабочие разделялись на береговых, чернорабочих, жестянщиков (занимающихся консервированием рыбы), уборщиков, санитаров, сортировщиков, «кишечников», укладчиков, мойщиков, чистильщиков, засольщиков, «икрянников» и т.д. [ХКА, ф. 683, оп. 1, д. 30, л. 11–13, 30–31].

Преобразование жилищных условий коренного населения и приобщение его к земледельческому труду считалась наиважнейшей задачей установления советской власти в низовьях Приамурья. Эта проблема имела и медико-социальный аспект. По данным комиссии, в ареале нивхов и амурских нанайцев в начале XX века появились избы русского типа, из толстых бревен с застекленными окнами, закрываемыми ставнями. Но отличительной особенностью этих жилищ являлось отсутствие печного отопления. Первоначально многие аборигены не видели надобности в использовании печей. К примеру, в стойбище Сикачи-Алян русскую печку, имеющуюся в одном доме, не использовали для приготовления еды. В другом стойбище глиняная русская печь была устроена на открытом воздухе. Подчеркивался аскетический интерьер многих жилищ, лишенный мебели – стола, табуретов, стульев, диванов. Данная обстановка свидетельствовала и об образе жизни их обитателей. Как заключил санитарный отряд по поводу режима питания нанайцев: «Есть хорошая добыча рыбы или мяса – гольдская семья сыта, плохая добыча – семья голодает». Жизнь за счет рыболовства

и охоты, нехватка земледельческих продуктов, отсутствие опыта консервирования, приготовления горячей пищи делала незащищенным коренное население от цинги и туберкулеза. Физический вид аборигена стал показателем его условий существования. Врачебно-санитарный отряд констатировал: «Недостаточная упитанность, слабо выраженный подкожный жировой слой, бледность кожных и слизистых покровов, малокровие» [ХКА, ф. 683, оп. 1, д. 79, л. 22–35].

Организация медпомощи коренному населению стало частью санитарно-просветительной работы советской власти. Но нехватка квалифицированных работников, отсутствие дорог препятствовало оспопрививанию всех туземцев. Многие фельдшерские пункты не имели практики работы с аборигенами и были рассчитаны на обслуживание русского населения. Для самих же коренных жителей традиционным являлось обращение при разных болезнях к шаману как лекарю. Комиссия в своих отчетах констатировала: «С одной стороны – распространение шаманства, с другой – хронические заболевания, язва желудка, туберкулез костей, волчанка… Наряду с применением наших лекарств, гольды не отказывались и от услуг шамана, доверяя, пожалуй, более последнему». По их данным 56,4 % нанайцев обращалось к шаману и русской медицинской помощью одновременно; 43,6 % – только к русским медикам [ХКМ, ф. 683, оп. 1, д. 79, л. 36–51].

В отдаленных от Амура стойбищах, находящихся в надпойменной части, вблизи горной тайги, без шамана не обходилось ни одно лечение. Население (в частности тунгусы), проживающее в стороне от русла реки и благ цивилизации, представляло опасность как источник новых эпидемий. Но к 1930-м годам жизнь таежных охотников затронули инновации. В отчетах врачебной комиссии на острове Бошняка засвидетельствовано, что местные орочены (эвенки) живут в палатках и ровдужных шатрах, отапливаемых железными печами; охотно моются в бане, имеют фарфоровую посуду, приобрели культурные привычки [ф. 683, оп. 1, д. 77].

Со второй половины 30-х годов наметилась тенденция сворачивания санитарно-просветительной работы, проводимой советской властью в малочисленных этнических общностях с учетом их реального состояния [История…, 2003, с. 7]. К этому времени в среде коренных народов юга Дальнего Востока стало нормой обращение за амбулаторной, стационарной медицинской, родильной помощью. Стандарты советского общества (в виде деревянного дома с печным отоплением, европейской одежды и кухни) прочно вошли в быт и культуру аборигенов Амура.

Список литературы и источников

Арсеньев В.К. Вымирание инородцев Амурского края. – Хабаровск: Тип. канцелярии приамурского генерал-губернатора, 1914. – 18 с.

История и культура нанайцев. – СПб: Наука, 2003. – 328 с.

Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. – Владивосток: [б.и.], 1922. – 371 с.

Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. – СПб: Изд-во АН, 1899. – Т. 2: этнографическая часть. – 314 с.

Отчет Дальневосточного бактериологического института, ноябрь 1927 (№ 161) // Хабаровский краевой архив. Ф. 683. Оп. 1. Д. 30. Л. 2–10, 11–13, 30–31.

Отчет о годовой работе врачебного пункта на о. Бошняка, 20.03.1930–1.03.1931 // Хабаровский краевой архив. Ф. 683. Оп.1. Д. 77.

«Санитарное состояние гольдов» (по материалам врачебно-санитарного отряда Далькрайздрава по обследованию туземцев Севера), 20.06–28.09.1929. – 51 л. // Хабаровский краевой архив. Ф. 683. Оп. 1. Д. 79.

В.В. Николаев

ТРАДИЦИОННОЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ*

Демографическое поведение и его этнические особенности обуславливают своеобразие протекания демографических процессов у отдельных народов. В данной публикации будет дана характеристика некоторым компонентам традиционного демографического поведения по поводу смертности коренного населения предгорий Северного Алтая в нескольких взаимообусловленных аспектах: отношение к смерти, санитарно-гигиенические традиции, народная и официальная медицина и др.

Источниковой базой для данной статьи стали полевые материалы автора, полученные в ходе этнографической поездки в 2008 г. и историко-этнографических экспедиций АлтГУ в 2001–2004 гг. в с. Красногорское Алтайского края и с. Турочак Республики Алтай, а также архивные материалы Центра хранения архивных фондов Алтайского края.

Традиционный образ жизни коренного тюркоязычного населения предгорий Северного Алтая обуславливал особенности его демографического поведения. Мировоззренческие установки, выражавшиеся в комплексе запретов, ограничений, обычаев, также влияли на характер воспроизводства и смертность.

На страницах метрических книг зафиксированы: умершие от огнестрельных ран, утонувшие в реке, «убитые лошадью» и т. д. Безусловно, отмеченные случаи были немногочисленны и существенно не влияли на общий уровень смертности.

Один из организаторов миссионерского дела на Алтае В.И. Вербицкий отмечал, что у аборигенного населения предгорий Северного Алтая распространено курение табака и пьянство; что «инородцы» нечистоплотны, одежду не моют, не купаются; посуду и руки не моют; склонны к отчаянию и самоубийству [Вербицкий, 1993].

Описания В.И. Вербицкого, который хорошо знал быт коренного населения, тем не менее не вполне верны. Распространенность суицидов среди аборигенного населения предгорий Северного Алтая была им явно преувеличена. Материалы метрических книг практически не содержат сведения подобного рода. Нами было найдено по одному случаю «застрелившегося» и «удавившегося» среди крещеных «инородцев». Традиционная культура

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 09-01-00396а.

обуславливала психологическое здоровье членов социума. В одном из документов РГО за 1910 г. отмечалось, что среди автохтонного населения нет «сумасшедших, юродивых, порченных и кликуш» (ЦХАФ АК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 43. Л. 17 об.).

Процесс алкоголизации «инородцев» был также спорен. Исследование П. В. Бутягина показало относительную безвредность для организма человека араки которой «для опьянения необходимо выпить до 4 бутылок» [Бутягин, 1905]. Традиционно значительная часть коренных жителей Северного Алтая потребляла слабоалкогольные напитки в ходе проведения праздников, посещения родственников, при проведении обрядов; их потребление регулировалось со стороны старшего поколения (ПМА, 2008).

Распространение русской водки имело место среди маргинальной части «инородцев» и в меньшей степени среди автохтонного населения отдаленных аилов. «Инородцы» первых миссионерских поселений, крестившиеся из-за бедности или изгнания из общины и проч., в наибольшей степени испытывали негативное влияние «новой жизни»; хотя их интеграции в русскую крестьянскую культуру сопровождалась множеством положительных заимствований в том числе в области демографического поведения.

Традиционно причину смерти аборигены Северного Алтая связывали с действиями злых духов, объединявшихся общим названием «*кара тӧс*», которых посылал к человеку забрать его душу Эрлик с разрешения Ульгеня. Во избежание опасности приносились жертвы Эрлику и его подопечным [Сатлаев, 1974] (МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 6. Оп. 2. К. 24. Л. 2).

Трагическое событие предполагало охранительные ограничения, имевшие во многом рациональный характер. Члены семьи, где случилось несчастье, были ограничены в свободе передвижения по деревне; соседи при встрече их сторонились (МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 10; 1. К. 22; 23; 26. Л. 6–7, 3, 4).

Согласно сведениям Ф. А. Сатлаева, у кумандинцев существовали нечистые духи «*кӱдербе-аза*» и «*кӱдертгиш-аза*», способные «зарыться» в ограде дома, что приводило к смерти членов семьи, а затем и рода [Сатлаев, 1974]. Различные ограничения сопровождали совершение всех обрядов погребально-поминального цикла в течение года, обеспечивая локализацию возможной эпидемии в рамках отдельной семьи и сохранение общины. Видимо, по той же причине в прошлом кумандинцы иногда покидали жилище после захоронения своего родственника [Гельмерсен Г., 1840; ТЕВ, 1890]. У тубаларов подобные действия объяснялись тем, что нельзя было оскорблять место погребения (МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 9, 11. К. 19).

У всех окон и у двери на ночь в доме усопшего клали железные вещи. Это делалось для того, чтобы в дом не проник его дух. В то же время кумандинцы, к примеру, для излечения могли отправиться на могилу утопленника, где на изголовье выливался один стакан водки, а другой выпивался [Сатлаев, 1974].

При большом количестве запретов, связанных со смертью, санитарно-гигиенические практики коренного населения были все же на низком уровне. Традицией запрещалось мыть посуду, мыться. Распространению инфекционных заболеваний способствовал ритуал *«чоочой»*, при проведении которого чашка с аракой передавалась от одного человека к другому после пригубления. Данный ритуал сопровождал сватовство и другие обрядовые действа (МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 9; 11. К. 20. Л. 1-3). Нарастание эпидемиологической угрозы было сопряжено с увеличением плотности и миграционной активности населения в рассматриваемом регионе.

В рамках традиционной культуры в условиях отсутствия или ограниченности влияния медицинских учреждений у коренного населения предгорий Северного Алтая «врачами» выступали шаманы, повивальные бабки, народные знахари. По традиционным представлениям аборигенного населения, происхождение болезни проистекало от двух причин: либо кражи души-двойника человека злым духом («нечистая сила съела изнутри»), либо заблудившейся души-двойника человека и вселившегося в человека нечистого духа. Следовательно, лечение сводилось к возвращению души-двойника человека.

Количество шаманов среди коренного населения еще в начале XX в. было значительным. Миссионер Созопского отделения, состоявшего из 26 населенных пунктов, в 1907 г. отмечал, что на подотчетной ему территории проживало 11 камов: 3 в Карагане, по 2 в Карасево, Тостоке, по 1 в Пешпере, Шатобале, Калашеве и Чонураке (ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 120. Л. 6).

В отдельную группу можно выделить повивальных бабок и народных знахарей. Они являлись хранителями традиций народной медицины и рациональных знаний, но в тоже время широко использовали магические действия. Иррациональное и рациональное тесно переплетались в родильной обрядности.

Роды происходили при стечении народа, криках и ружейной стрельбе [Вербицкий В. И., 1993]. Для облегчения родов повивальная бабка могла гладить роженицу по животу в направлении выхода младенца (МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 3. Оп. 3. К. 9. Л. 2). Могли пригласить шамана, чтобы изгнать злого духа, препятствующего родам. Иногда приводили мужчину, некогда разнявшего двух сцепившихся змей; порою было достаточно принести какую-нибудь вещь из его одежды, например, шапку, которой обводили дважды вокруг роженицы.

В связи с большой детской смертностью часто младенцам давали имена-обереги, т. к. считали, что это помешает злому духу забрать душу ребенка (МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 6. Оп. 1, 4. К. 7. Л. 7-9). В тех же целях использовали вещи-обереги: пуговицы, когти, бусы, крыло глухаря, бич и т. д. [Кандараков Е. П., 1999]. Важной составляющей послеродильной обрядности являлось соблюдение периода сорокадневной изоляции матери и младенца, игравшего практическую роль охраны здоровья (ПМА, 2008).

Таким образом, традиционное демографическое поведение представляло собой сложный комплекс запретов и ограничений, установок и обычаев, транслировавшихся из поколения в поколение, однако не было обеспечено должным уровнем санитарных и медицинских норм.

В ходе создания Алтайской духовной миссии (далее – АДМ) ее руководство большое внимание уделяло формированию сети медицинских учреждений. Появились больницы в г. Бийске и с. Улале. Крещенные и язычники обращались за помощью к сотрудникам миссии за лекарствами, везли детей для оспопрививания (ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 75. Л. 2 об.). Сотрудники АДМ помогали медицинскими средствами, распространяли медицинские и санитарно-гигиенические знания (ЦХАФ АК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 43. Л. 17об.).

В отчетах миссии отмечалось, что эпидемии в большей степени затрагивали некрещеное население. Новокрещены, проживавшие в миссионерских поселениях, в силу изменившегося быта (отапливаемые избы, бани, медицинская помощь и т. д.), были менее подвержены заболеваниям [ТЕВ, 1898]. В результате действия ряда факторов, в том числе формирование системы медицинской и санитарно-гигиенической профилактики, с XIX в. наблюдается изменение демографического поведения коренного населения предгорий Северного Алтая по поводу смертности.

Список литературы

Бутягин П.В. Арака – национальный напиток некоторых сибирских инородцев // Отдельный оттиск из «Вестника гигиены». – 1905.

Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. – Горно-Алтайск, 1993. – 268 с.

Гельмерсен Г. Телецкое озеро и телеуты Восточного Алтая // Горный журнал. – СПб., 1840. – Ч. 1; кн. 1/2.

Кандаракова Е.П. Обычаи и традиции чалканцев. Горно-Алтайск, 1999. – 176 с.

Сатлаев Ф.А. Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX в.). – Горно-Алтайск, 1974. – 199 с.

Томские епархиальные ведомости. – 1890. –№ 11; 1898. – № 15.

А.В. Новиков, М.А. Кудинова

СОБАЧЬЕ МЯСО В ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ МЕДИЦИНЕ

Собачье мясо широко использовалось в качестве продукта питания народами различных регионов Азии. Поедание мяса любого животного является лишь звеном в цепи: выбор животного – убиение – свежевание – приготовление мяса – поедание – действия с несъеденными останками (чаще всего с костями и шкурой). В архаических культурах все эти действия носят в большей или меньшей степени ритуализированный характер. Приведенная цепь является диахронной вертикалью ритуала, синхронные признаки ритуала на каждом этап обусловлены множеством причин.

Наиболее распространенными причинами выбора собаки для употребления в пищу являются: одна из форм (или один из этапов) ритуала жертвоприношения по различным причинам; убежденность в переносе положительных качеств животного, на людей, которые его съели; поедание мяса собак может быть обусловлено убежденностью в некоей особой его полезности при определенных заболеваниях или в целом для организма человека. Практика употребления мяса собаки с целью излечения или профилактики различных заболеваний в настоящее время широко распространена в странах Юго-Восточной Азии [Новиков, 1997].

На территории Китая мясо собак в пищу употребляют буи, мулао, кава [Народы…, 1965]. Среди традиционных праздников чжуанов есть праздник собачьего мяса, он распространен в Гуанси-Чжуанском АР в уездах Цзинси, Лунлинь и Дэбао, отмечают его каждый год в 5-й день 5-го месяца по лунному календарю или 22-го числа 2-го месяца по лунному календарю. По поверьям, собака обладает чудесными способностями защищать от злых сил, которые проявляются именно в этот день. Что касается поедания собачьего мяса, то считается, что оно полезно для здоровья и может продлить жизнь [Няньлунь…, 2006].

У яо и шэ, напротив, существует запрет на употребление в пищу собачьего мяса. Однако в периоды катастрофического голода народы группы мяо-яо практиковали обрядовое поедание мяса собаки как своего тотемного предка.

Что касается собственно китайцев (ханьцев), то употребление мяса собак в пищу у них имеет давнюю историю. Оно зародилось еще в неолитических культурах и сохранялось на протяжении всей истории Китая. Сведения о поедании мяса собак содержатся в древних и средневековых

китайских памятниках. Собачье мясо было одним из основных мясных продуктов в циньский и раннеханьский период [Морохаси, 1967; Пэн Вэй, 2007].

О сохранении традиции употребления в пищу собачатины свидетельствует замечание побывавшего в XVII в. в Китае Ф. И. Байкова: «Ядь в Китайском царстве… ядят всякую: и собак ядят, и в рядах собачье мясо вареное продают» [Демидова, Мясников, 1966]. Николай Спафарий писал: «…собаки, которых у бояр, как пиршество бывает, первее поставляют, и собачье мясо продается дороже иных мяс» [Николай Милеску Спафарий, 1960]

Некоторые исследователи утверждают, что в настоящее время употребление собачьего мяса в пищу уже прекратилось или сохранилось только в отдельных районах [Народы…, 1965; Стариков, 1967; Этнография…, 1981]. Сами жители Поднебесной оценивают это явление также крайне неоднозначно. Некоторые утверждают, что употребление в пищу собачьего мяса привнесено извне (из Кореи). Другие говорят, что поедание мяса собак распространено среди малообразованных людей и сельских жителей, и постепенно этот обычай должен исчезнуть. Однако и сегодня собачье мясо составляет важную часть рациона китайцев; и способы его приготовления разнообразны.

В отличие от территории континентального Китая, в Сянгане и на Тайване продажа и употребление в пищу собачьего мяса запрещены законом (1950 и 2001 гг.). Но правоохранительные органы смотрят на нарушение закона сквозь пальцы.

Употребление в пищу мяса собак связано с представлениями о его целебных и магических свойствах. Согласно поверьям, считалось, что злые духи боятся собак [Гань Бао, 1994]. А т.к. в Китае причинами болезней нередко считали проделки демонов, собаки (их кровь, мясо, внутренние органы) широко использовались в традиционной медицине.

В «Жизнеописании Хуа То» (одного из самых известных врачей древнего Китая) в «Истории Поздней Хань» («Хоу Хань шу») Фань Е (V в.) приводится следующая история: «У Лю Сюня из Ланъе, занимавшего пост губернатора Хэнэя, была дочь двадцати лет. На левом колене у нее была язва, которая не приносила страданий; однако если ее излечивали, она неизменно появлялась вновь по прошествии нескольких десятков дней. Так продолжалось в течение семи или восьми лет, пока, наконец, отец не решил пригласить Хуа То. «Больную излечить легко, – сказал лекарь. – Мне понадобится собака со шкурой желтого, как солома, цвета и два добрых коня». Он привязал собаку к шее лошади пустил ее галопом, а потом, когда лошадь притомилась, заменил ее на другую. Когда лошади протаскали за собой собаку в общей сложности более тридцати *ли*, она уже не могла двигаться от изнеможения. Тем не менее, Хуа То потребовал, чтобы теперь уже люди протащили ее за собой еще пятьдесят *ли*. Затем лекарь дал девушке лекарство, и она упала без чувств. Тогда Хуа То огромным ножом

вспорол собаке брюхо у задних лап и бросил собаку в двух-трех *чи* от открывшейся язвы. И тут из язвы вылезло существо, напоминающее змею. Тогда Хуа То схватил молоток и вбил гвоздь в голову чудовища – какое-то время оно продолжало извиваться, но потом затихло. Только тогда он смог измерить змею – она оказалась длиной в три *чи*, покрытой чешуей, а в глазах у нее не было зрачков. Хуа То еще семь дней смазывал язву мазями, и она исчезла» [Гроот, 2001].

Собачье мясо упоминается в древнейшем труде по китайской медицине – «Трактате Желтого императора о внутреннем» («Хуанди нэй цзин», III–II или II–I **вв. до н. э.) в числе кислых продуктов, рекомендуемых для улучш**ения работы сердца [Трактат…, 1996].

Собачья кровь широко использовалась в медицинской и экзорцистской практике. Гэ Хун, например, дает в книге «Рецепты под рукой на случай необходимости» («**Чжоу хоу бэй цзи фан**», IV **в.) такой рецепт для борь**бы с «ударами призраков»: «Обезглавьте белую собаку и дайте больному выпить один *шэн* горячей крови». Ли Шичжэнь в «Бэнь цао ганму» (кон. XVI **в.) пишет, что собачьей кровью можно вылечить «катар, лихо**радку, сумасшествие, избавить человека от кошмарных видений и ударов призраков и вообще отвратить всех демонов; лекари считают собаку хорошим средством для борьбы с демонами земли и приписывают ей способность оберегать человека от призраков и всевозможного колдовства». Польза от желтых, черных и белых собак различна [Гроот, 2001].

В настоящее время считается, что мясо собак полезно для укрепления энергии *ян* – мужской, горячей, экстравертивной составляющей человеческой натуры – в противовес женской, холодной, интровертивной *инь*. Многие китайцы верят, что собачье мясо спасает от болезней, вызванных холодом, поэтому потребление этого продукта возрастает зимой. Кроме того, существует поверье, что употребление мяса собак способствует повышению потенции и обеспечивает появление сыновей. Поэтому основными потребителями собачьего мяса являются мужчины.

В настоящее время мясо и различные внутренние органы собаки используются как лекарственные средства при заболеваниях желудочно-кишечного тракта, почек, половых расстройствах, анемии, тошноте, рвоте, головокружении, обмороках, учащенном сердцебиении, шуме в ушах, общей слабости, неврастении, ревматизме, переломах костей, обморожении, боли в пояснице и т. д. [Цзяньмин…, 2002]. Китайские авторы стараются популяризировать употребление в пищу мяса собак, объясняя это высокими вкусовыми и питательными свойствами этого продукта, высоким содержанием в нем белка и низким содержанием жира, а также высоким содержанием минеральных веществ и витаминов [Жоу гоу…, 2003; Жоуюн цюань…, 2001; Цзяньмин…, 2002].

Таким образом, обзор китайских источников показывает, что мотивация поедания мяса собак была основана на убеждении в его исключительной «полезности», оно используется как профилактическое или исцеляющее

средство. При этом, многовековая традиция поедания мяса собак в настоящее время вступает в противоречие с европейскими традициями. Это приводит к тому, что поедание мяса собак у народов Азии с одной стороны становится «непрестижным», переходит во внутреннюю сферу и даже запрещается законодательно. Но в то же время, оно по-прежнему широко распространено в их традиционной культуре.

Список литературы

Гань Бао. Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи). – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. – 576 с.

Гроот Я.Я.М. де. Война с демонами и обряды экзорцизма в древнем Китае. – СПб.: Евразия, 2001. – 448 с.

Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф.И. Байкова). – М.: Наука, 1966. – 159 с.

Жоу гоу янчжи цзишу [Техника разведения мясных собак]. – Пекин: Чжунго нунъе дасюэ чубаньшэ, 2003. – 350 с.

Жоуюн цюань кэсюэ янчжи вэнь да [Научное разведение мясных собак в вопросах и ответах]. – Пекин: Чжунго нунъе чубаньшэ, 2001. – 330 с.

Морохаси Тэцудзи. Дай кан-ва дзитэн [Большой китайско-японский словарь]: в 13 т. – Токио: Токио Тайсю: кан сётэн, 1966–1968. – Т. 7. – 1967. – 1228 с.

Народы Восточной Азии. – М.; Л.: Наука, 1965. – 1027 с.

Николай Милеску Спафарий. Сибирь и Китай. – Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1960. – 516 с.

Новиков А.В. Собаки в системе питания населения Азии // Интеграция археологических и этнографических исследований: Мат-лы V всерос. науч. семинара, посвященного 155-летию со дня рождения Н.М. Ядринцева. – Омск; Уфа: Изд-во ОмГУ. – 1997. – С. 112–115.

Няньлунь дэ цзии: Цзе ду шэнсяо вэньхуа. Сюй гоу [Память годовых колец: разъяснение культуры зодиакального цикла. Собака]. – Наньчан: Байхуачжоу вэньи чубаньшэ, 2006. – 152 с.

Пэн Вэй. Цинь Хань иньши шэнхо чжун дэ жоулэй шипинь // Цюйвэй каоцзюй (3) / Ван Цзыцзинь бянь [Мясные продукты в рационе [эпохи] Цинь-Хань // Занимательные исследования]. – Куньмин: Юньнань жэньминь чубаньшэ. – 2007. – Вып. 3. – С. 328–340.

Стариков В.С. Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР. – М.: Наука,1967. – 255 с.

Трактат Желтого императора о внутреннем: Китайская медицина и организмика. – М.: ЛМА, 1996. – 301 с.

Харузин Н. Этнография. Лекции, читанные в Императорском Московском университете. – № IV: Верования. – СПб., 1905. – 530 с.

Цзяньмин жоу цюань янчжи шоуцэ [Краткий справочник по разведению мясных собак]. – Пекин: Чжунго нунъе дасюэ чубаньше, 2002. – 306 с.

Этнография питания народов стран зарубежной Азии: опыт сравнительной типологии. – М.: Наука, 1981. – 256 с.

А.Ю. Охотников

ШЕЙНДОРФСК-ПАВЛОВКА: СИБИРСКОЕ НЕМЕЦКОЕ СЕЛО В УСЛОВИЯХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АГРАРНЫХ ИНИЦИАТИВ (1920–1960-е годы)

В основу публикации положены результаты полевых и архивных исследований автора в Карасукском р-не НСО – территории, до начала 1960-х гг. входившей в состав Андреевского р-на (в прошлом – Андреевской вол. Каинского у. Томской губ.). Прибывшие в 1907-1908 гг. на Бек-Павловский переселенческий участок Андреевской вол. поволжские немцы – основатели поселка Шейндорфского [Сборник статистических…, 1913] – контактировали преимущественно с казахским старожильческим населением. Собственно и происхождение названия переселенческого участка старожилы связывают с именем Бекпала (Бекпау).

В 1920-х гг. крупный пос. Шейндорфск (на 1926 г. – 483 жителя), становится центром сельского совета [Список населенных мест, 1928]. В 1927 г. Шейндорфский сельский совет «состоял из 14 членов – мужчин 13, женщин 1; русских 7, немцев 5, киргиз 2; членов ВКП(б) 1, кандидатов 2, беспартийных 11» [ОАС адм. Карасукского р. НСО, ф. 1, оп. 1, д. 1, Л. 1].

Во второй половине 1920-х гг. Шейндорфск развивается как трактовое поселение. На паях с кредитным товариществом немецкого пос. Луганск была основана Шейндорфская мельница. Двухэтажная постройка с новейшим оборудованием американского производства была самым значительным промышленным объектом за всю историю Шейндорфска-Павловки: «С самого Славгорода к нам муку молоть приезжали». Успешная работа мельницы дала возможность сельскому совету осуществить ряд масштабных начинаний в области сельского благоустройства: в 1927–1928 гг. были учреждены изба-читальня, агропункт, ветпункт и скотомогильник. На территории сельсовета была осуществлена противопожарная «разбивка среди населения» по поволжско-немецкому образцу: «кто с чем должен являться в случае пожара», было открыто «мелиоративное общество копать озера на предмет водопоя скота».

Особенно обстоятельным было отношение к школьному делу. Одна из резолюций сельского совета гласила: «Поручить школьному совету по средствам и содействию Шейндорфского сельсовета построить сарай-помещение под топливо, ватерклозет, отремонтировать парты, построить хорошую печь в школе, окончить начатые двойные рамы, купить бак, рукомойники и другие принадлежащие к защите и улучшению быта детей предметы…». Сельсовет торопит Андреевский РИК «отпустить средства

на покупку топлива – кизяку, пеньков, корней и кураю, потому что сейчас можно купить дешевле» [там же, Л. 34-39].

В первой половине 1930-х гг. пос. Шейндорфск остается лидером по уровню развития производства и инфраструктуры в Андреевском р-не Славгородского окр. Здесь был основан первый успешный колхоз (артель «Слава»); в мае 1930 г. правление командирует трех колхозников для получения второго трактора [ГАНО, П-28, оп. 1, д. 39, Л. 45]. Впоследствии в поселке была создана одна из четырех районных МТС; была открыта больница.

Лидеры, пользующиеся доверием сельской общины, либо не принимались районной властью (как бывший председатель сельсовета «кулак» Бехтольд), либо сами подавали в отставку «по несогласию» с методами колхозного строительства (как первый председатель артели «Слава» Вернер). С рекрутированием новых представителей местной власти из числа бывших батраков возникли проблемы. Так, в декабре 1929 г. закрытое собрание Шейндорфской партийной группы поставило вопрос об исключении двух кандидатов – немцев-бедняков, которые «ведут связь с кулацким элементом и систематически пьянствуют, не посещают партсобрания… дискредитируют партию» [там же, Л. 51].

Руководство немецких колхозов районная пресса нередко критиковала за «разделение» хозяйственных и политических задач: «Правление колхоза им. Тельмана Шейндорфского сельсовета недооценивает роль красного уголка. В колхозе имеется клуб, красный уголок, но благодаря оппортунистическим взглядам на вещи правления и председателя колхоза Шнайдер, красноуголец не выделен. Председатель колхоза заявляет: на красноуголька трудодней нет, мы и без него справляемся с заданиями» [«Сталинский путь» от 17.03.1935].

В то же время внимательное рассмотрение интеграции сибирских немцев в колхозное крестьянство указывает на относительную лояльность немецких сельских обществ, наличие примет советизации, принятие и даже ревностное исполнение решений местной власти. Так, большие усилия по интеграции немцев в «новую жизнь» прилагались советской школой: «Ученики Шейндорфской школы под руководством учителя Мауль проработали письмо КрайОНО о выписке детских газет и одобрили его» [«Сталинский путь» от 17.03.1935]. В условиях пресечения деятельности конфессиональных институтов идеологическое воздействие и практики советского воспитания были весьма эффективными.

Сведения, имеющиеся о немецком населении в Андреевском РК ВКП(б) на 1937 г., никак не подтверждали сталинский тезис о «нарастании классовой борьбы». Районному отделу НКВД в 1936 г. досаждали четыре немца из четырех десятков местного «контрреволюционного кулацкого и уголовного элемента»: два «уголовника», один «сектант» и один «кулак» [ГАНО, П-28, оп. 1, д. 150, Л. 2-4]. В 1937 г. два андреевских немца были «выдвинуты» в состав местной партийной номенклатуры – Карл Герман стал

парторгом в Шейндорфске, Андрей Зейбель – инструктором РК ВКП(б) [ГАНО, П-28, оп. 1, д. 188, Л. 153].

Годы «большого террора» имели катастрофические последствия для сибирских немцев. На начало 1941 г. из 134 немецких хозяйств в Шейндорфске 42 были вдовьими. Помимо потерь от репрессий, немецкие села знали и миграционные потери. Так, из 164 хозяйств шейндорфских немцев в течение 1940 г. выехали 30 (из них 15 – старожильческие) [ОАС адм. Карасукского р. НСО, ф. 8, оп. 3, дд. 19, 22; ф. 9, оп. 3, д. 3, 31].

Тяготы военного времени (изъятие трудоспособного населения, военные фискальные обязательства, размещение перемещенных лиц) в сибирско-немецких деревнях приходились на ослабленную «большим террором» демографическую структуру. По данным Л.П. Белковец, «после отправки немцев в рабочие колонны в октябре 1942 г. в ряде районов осталась половина трудоспособного населения. Так…в 13 немецких колхозах Андреевского района из 1187 чел. осталось 465» [Белковец Л.П., 2003].

«В апреле месяце [*1945 г. Андреевский – авт*.] РК ВКП(б), Райисполком и РайЗО предложили колхозникам из бывших немецких колхозов выехать в русские колхозы, а кто не желает – устраиваться там, где они сочтут нужным» [ГАНО, ф. П-4, оп. 34, д. 233, Л. 162.]. Шейндорфские немцы были принуждены к переезду в окрестные деревни и аулы, в свою очередь, казахское население – к перемещению в оставленные немцами дома. Вероятно, «микширование» населения национальных поселков преследовало и фискальные цели: размещение казахов по немецким «линиям» упрощало учет и контроль личного имущества, распределение немцев по украинским деревням и казахским аулам первое время лишало их поддержки сельских обществ.

Ликвидация немецких колхозов сопровождалась актами мародерства и конфискациями: «После того, как немецким колхозам весной 1945 года посевного задания дано не было, их имущество начало растаскиваться и разбазариваться… Из бывшего колхоза «Шейндорф» была взята мельница с двигателем и оборудованием и передана Райпищепрому на слом» [Там же, Л. 163].

В 1948 г. пос. Шейндорф «в соответствии с пожеланиями трудящихся» был переименован в Павловку [ОАС адм. Карасукского р. НСО, ф. 1, оп. 1., д. 248, Л. 61.]. Данью реальному положению дел и изменившейся национальной структуре была смена статуса поселения – в 1957 г. Павловка еще именовалась аулом [ОАС адм. Карасукского р. НСО, ф. 1, оп. 1., д. 74, Л. 219.]. В 1949 г., с момента возвращения взрослых мужчин из трудармии, начался процесс стихийного переселения семей андреевских немцев в родные поселки.

Восстановление к началу 1960-х гг. «исходных» этнических параметров немецких населенных пунктов Андреевского р-на было относительным как по доле коренных жителей, так и в смысле их культурной гетерогенности, приобретенной за время проживания в иноэтничном окружении,

усиленной совместным участием в модернизированном общественном производстве и обращением к единым образовательным институциям.

Целинная застройка Павловки может служить примером влияния совхозных практик на традиционную материальную культуру. Поселение (к началу 1960-х гг. – отделение совхоза им. Дзержинского) было перемещено относительно своей «исторической территории», основу жилищного фонда составляли типовые кирпичные одноэтажные дома на двух хозяев. Немецкие черты застройки проявлялись лишь в цветовом решении (в окраске наружных деревянных деталей преобладает синий цвет) и аккуратном уходе за строениями.

Традиционно ориентированные на производство зерновых, павловские немцы работали в животноводческом совхозе: «вечный скотник», «пожизненная доярка» - так пожилые информанты обозначают собственную трудовую биографию.

Занятость в совхозе и школьное обучение способствовали распространению русского языка, прежде всего в служебной иерархии, в то время как бытовая сфера в моноэтничных семьях павловских старожилов вплоть до настоящего момента обслуживается языком и культурой предков, со значительным массивом лингвистических и бытовых казахских, русских, украинских заимствований.

Благодарности

Автор выражает признательность работникам отдела архивной службы администрации Карасукского района Новосибирской области, сотрудникам Карасукского филиала Новосибирского областного Российско-немецкого дома, жителям с. Павловка за помощь в подготовке публикации.

Список литературы

Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг.: Историко-правовое исследование. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 142.

Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. – Томск, 1913. – Вып. 1. – С. 278–279.

Список населенных мест Сибирского края. – Новосибирск, 1928. – Т. 1: Округа Юго-Западной Сибири. – С. 328.

Е.Ю. Павлова

НАРОДНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ*

Социо-экономические и политические преобразования 1990-х гг., а также процессы этнокультурного возрождения России на первый план выдвинули задачи сохранения и развития культурного наследия, в том числе народных художественных традиций. В Тюменской обл. Комитетом по культуре администрации на 1994 г. одними из приоритетных направлений развития были названы возрождение и развитие национальных культур, промыслов и ремесел, охрана и реставрация памятников истории и культуры, межнациональное и международное сотрудничество в этой области.

В том же 1994 г. был образован Областной центр прикладного творчества и ремесел. Перед Центром были поставлены следующие задачи: содействие осуществлению государственной политики в области народных художественных промыслов и ремесел, участие в федеральных, региональных и других акциях, касающихся народного художественного творчества; поддержка мастеров и народных умельцев, популяризация их творчества, создание благоприятных условий развития прикладного народного искусства; содействие сохранению и росту профессионального и ремесленного искусства народов области и национальных традиций, обеспечение преемственности и привлечение молодежи к изучению и освоению секретов мастерства [ГУТО ГАТО. Ф. 1731, оп. 1, д. 1196, л. 2–7].

В аналитическом заключении о состоянии культуры Тюменской обл. на 1996 г. подчеркивается, что «область обладает богатейшим культурным потенциалом, который может обеспечить решение задач экономического и социального развития. Это многонациональный край, народы которого сохранили свое национальное культурное наследие». Ключевыми проблемами называются: оторванность широких слоев населения от культурного потенциала, разрывы между национальными культурами; утрата культурного наследия, разрушения историко-культурных памятников, традиционных форм культуры, унификация народных промыслов и ремесел, опасность утраты уникальных форм народного творчества [ГУТО ГАТО, Ф. 1731, оп. 1, д. 1196, л. 12–16].

К этому времени информационный банк данных при Комитете по культуре администрации располагал сведениями более чем о 600 мастерах

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 09-01-00396а.

прикладного творчества и ремесел Тюменской обл. Лидирующие позиции в организации процесса возрождения традиций принадлежит Центру прикладного творчества и ремесел. Центр сотрудничает с окружными центрами ремесел Ханты-Мансийского автономного округа [ГУТО ГАТО, Ф. 1731, оп. 1, д. 1196, л. 105].

Координирующим научным, методическим, культурно-образовательным центром ХМАО-Югры является местный Центр народных художественных промыслов и ремесел. В 2008 г. было принято Постановление Правительства ХМАО-Югры №85-п (от 22 апреля 2008 г.) «Об утверждении Порядка отнесения изделий, изготавливаемых на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, к изделиям народных художественных промыслов».

Комплексные экспедиции с целью сбора информации о современных и некогда бытовавших ремеслах и промыслах народов, проживающих на территории округа (ханты, манси, русских, коми-зырян), проводились Центром за счет средств целевой программы «Культура Югры на 2006–2008 годы», подпрограммы «Народные художественные промыслы и ремесла». На сегодняшний день в округе известны 595 мастеров народного искусства, из них 32 имеют квалификацию «Народный мастер России». Народными мастерами, мастерами народных художественных промыслов и народного искусства, дизайнерами, модельерами и художниками Югры создаются уникальные изделия из керамики, кости, бересты, бисера, дерева, кожи, меха, текстиля и пр.

С середины 1990-х гг. В Тюменской обл. работают три предприятия, отнесенные к группе предприятий народных художественных промыслов – АОЭТ фабрика художественных косторезных изделий г. Тобольска, ТОО «ИКФА» – Ишимская ковровая фабрика и ТОО «Тобольские ковры». В 1995 г. они стали участниками ассоциации «Народные художественные промыслы России». На 1994 г. на предприятиях было занято более 450 мастеров.

В годовых отчетах Центра тех лет констатировалось, что очень быстрыми темпами теряется знаменитое ручное ковроткачество, представленное двумя школами – Тобольской и Ялуторовской. Практически закрыто производство гончарных изделий в Казанке. Испытывает сложности со сбытом продукции Тобольская косторезная фабрика. Программа государственной поддержки художественных промыслов и ремесел не выполнялась [ГУТО ГАТО, Ф. 1731, оп. 1, д. 1196, л. 147].

В 1996 г. был принят закон «Об охране и использовании историко-культурного наследия на территории Тюменской области». Разработанная программа «Развитие и сохранение культуры и искусства Тюменской области на 1997–1999 г.» также исходила из необходимости сохранения культурного наследия и развития творческого потенциала региона [ГУТО ГАТО, Ф. 1731, оп. 1, д. 1211, л. 133].

Ситуация в сфере народных промыслов и ремесел улучшается к концу 1990-х гг. В январе 2000 г. в г. Тюмени и г. Тобольске была проведена Все-

российская творческая лаборатория «Косторезы России – 2000», в которой приняли участие 60 мастеров из 10 регионов России. Состоялась выставка «Косторезное искусство России на рубеже веков»; прошли мастер-классы на базе фабрики «Тобольская резная кость». Завершилась творческая лаборатория обсуждением проблем сохранения и развития косторезного искусства России [ГУТО ГАТО, Ф. 1731, оп. 1, д. 1240, л. 76].

В этом же году состоялся областной конкурс народных умельцев «Мастер – «золотые руки». Основная цель проекта состояла в содействии росту профессионального и ремесленного искусства народов области и в создании художественного образа региона. В итоговой выставке приняли участие более 80 мастеров из 15 районов и 3 городов области [ГУТО ГАТО, Ф. 1731, оп. 1, д. 1240, л. 127–129].

На сегодняшний день Центр, по информации, любезно предоставленной директором Л. Г. Чуфистовой, располагает банком данных более чем о 1000 мастерах народных художественных промыслов и ремесел. Наиболее значимыми на территории современного Тюменского Севера являются Тюменский ковровый промысел и Тобольский косторезный промысел.

Распоряжением губернатора Тюменской обл. от 25.12.2002 г. закреплено место бытования тобольского косторезного промысла – г. Тобольск. Постановлением Правительства Тюменской области 2.02.2009 г. закреплено место традиционного бытования Тюменского коврового промысла – г. Тюмень и г. Ишим.

Ковровый промысел на территории Тюменской обл. был известен еще с XIX в. Ковры ткались более чем в пятидесяти селениях округа. С. Каменское и вся Каменская волость стали центром коврового производства. В 1881 г. в Тюменском окр. работали 3780 ковровщиц [Сезева, 2009. с. 18]. В 1920-е гг. в с. Каменское была основана артель «Коверница», перемещенная в 1940-х гг. в Тюмень. К началу XX в. в г. Ишиме появилась ткацкая мастерская, а в 1958 г. в городе начала действовать артель им. Ильича – подсобное ковровое производство. В 1960 г. артель была преобразована в Ишимскую ковровую фабрику, на которой трудилось более 700 мастериц; но к 1996 г. ковровых фабрик в Тюменской области не стало [Сезева Н. И., 2009. с. 40-47].

Новый этап в развитии тюменского коврового промысла начался после образования ООО «Сибирская ковровая фабрика» в 2001 г. На 1 января 2009 г. в ней работают 36 ковровщиц; 80 % ковровых изделий выпускается по одной из наиболее традиционных для Сибири махровой технологии. При разработке рисунка сохраняется старинная стилистика: цветочный, геометрический орнамент и сюжетные композиции. В архивах «Сибирской ковровой фабрики» сохранились технические карты ковров, разработанные в 1950–1980-х гг. при участии НИИХП и имевшие статус изделий народного художественного промысла. Некоторые из этих карт легли в основу современного ассортимента [ПМА – Материалы Центра прикладного творчества и ремесел].

В мае 2009 г. в Москве состоялось заседание Экспертного совета по народным художественным промыслам при Министерстве промышленности и торговли РФ: 18 ковров ООО «Сибирская ковровая фабрика», выполненные в традициях тюменского коврового промысла, были зарегистрированы в качестве образцов изделий народного художественного промысла признанного художественного достоинства.

Традиционным для Тюменской обл. остается косторезный промысел. Первые косторезы появились в Тобольске в XVIII в. Это были сосланные шведские офицеры, занимающиеся токарной резьбой по кости. В 1860-е гг. ссыльные поляки занялись изготовлением брошей, табакерок, заколок, пресс-папье. В 1874 г. открылась «Сибирская мастерская из мамонтовой кости С.И. Овешковой» Вслед за нею появлялись другие, в том числе – «Образцовая Сибирская мастерская Ю. И. Мельгуновой» (1893 г.). К середине 1870-х гг. тобольская резьба по кости являлась промыслом со всеми присущими ему особенностями. Основной линией развития становится миниатюрная объемная скульптура. В 1897 г. при Тобольском губернском музее создается комиссия по изучению кустарных промыслов губернии. В их возрождении видную роль сыграл художник М.С. Знаменский. Самым талантливым его учеником был П.Г. Терентьев. Он первым обратился к изображению национальных типажей Западной Сибири и к жанровым сценам из жизни коренных народов Севера.

В начале XX в. Тобольский промысел переживал упадок. С целью обеспечения поставок изделий косторезного промысла за границу в 1933 г. косторезный цех в Тобольске преобразуется в артель «Коопэкспорт». Новая страница истории промысла начинается со второй половины 1940-х гг. В 1960 г. артель становится фабрикой. В 1960–1970-х гг. в связи с началом освоения ресурсов Тюменской обл. ведущей вновь становится северная тема.

В настоящее время на фабрике работают около 60 мастеров. Диапазон творческих вариаций задают 300 работ, зарегистрированных экспертным советом по народным художественным промыслам в качестве эталонных. На фабрике развиваются несколько сюжетных линий: охотничья тема и анималистика; северные бытовые сюжеты и сказочное, историческое направление. Традиционные художественные промыслы Тюменской области развиваются сегодня на основе прямой преемственности мастерства.

Список литературы

Сезева Н.И. Ковры России. Тюменский ковер. – М.: «Интербук-бизнес», 2009. – 159 с.

Е.В. Самушкина

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ В ВОСПРИЯТИИ МОЛОДЕЖИ*

Во все времена символические системы являлись важными составляющими этнополитической действительности. В условиях реформирования постсоветской эпохи творческая и научная интеллигенция ряда субъектов Российской Федерации предпринимала попытки создания и тиражирования новых этнических символов и ценностей. Лидерами этнонационального движения Республики Алтай были сгенерированы образы общего прошлого тюркских народов, определены основные черты национального характера, реконструированы праздничный календарь, пантеон национальных героев, система государственной символики, включающая национальный герб, флаг и гимн. Наряду с этим был создан образ идеального общества в целом. В периодической печати республики появились описания, апеллирующие к героическому эпосу. В центре сюжетов – идеальный локус, населенный справедливыми и честными людьми.

В рамках исследования символьного воспроизводства этничности в Республике Алтай был проведен анкетный опрос, методика которого определялась типовыми опросными листами (17 вопросов), разработанными Л. М. Дробижевой для исследования этнического самосознания. Первый блок вопросов был направлен на выяснение степени вовлеченности молодежи в политическую и культурную жизнь региона, на определение компетенции в области праздничной культуры, степени вовлеченности в родовое движение. Второй блок был введен для выяснения популярности образов прошлого среди учащихся, степени интереса к истории родного края и его героям.

Учащимся средних и высших учебных заведений было предложено назвать любимые книги по истории и культуре своего народа, вспомнить легендарных героев, указать три исторических события, повлиявших на историю их родины.

В 2007 г. исследования проводились в г. Горно-Алтайске – столице Республики Алтай. Всего было опрошено 200 человек. Выяснилось, что около четверти учеников в Республиканской национальной гимназии им. В. К. Плакаса полагают, что современные авторы могут создать правдивые и яркие образы прошлого. При этом учащиеся отмечают, что более успешно это сможет сделать носитель алтайской культуры, говорящий на

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 09-01-00396а.

родном языке и обладающий знаниями истории Алтая. Оценивая историческую публицистику, 20 % респондентов думают, что современные писатели не отражают в полной мере суть событий, происходящих в древности.

Тем не менее, старшеклассники знакомы с исторической публицистикой и исследованиями – 90 % учеников называют любимые книги по истории и культуре своего народа. Среди них: учебник «История Горного Алтая», работы В. В. Радлова, Л. Н. Гумилева, А. А. Бунге и К. Ф. Ледебура, фольклорные произведения С. С. Суразакова, исследование Л. П. Потапова «Очерк истории Ойротии: алтайцы в период русской колонизации» (1933 г.), красочный альбом «Алтай – сокровище культуры» (2004 г.), книги известного в Республике Алтай общественного деятеля Н. И. Шодоева на алтайском языке. Популярны среди школьников работы, посвященные алтайским субэтносам: «Теленгиты» И. С. Тенгерекова (2001 г.), «Обычаи и традиции челканцев» Е. П. Кандараковой (1999 г.), «Телеуты», а также книги, рассматривающие историю крупных родовых объединений: «Кыпчаки» С. Челтуева, «Мундус» И. С. Тенгерекова.

Перечисляя легендарных героев своего народа, алтайская молодежь упоминает: эпических героев-богатырей – Алып-Манаш, Ирбизек, Карчага, Маадай-кара, Малчы-Мерген, Очы бала, Сактарпай, Чече, Ырысту; знаменитых полководцев – Чингисхан, Есугей; общественных деятелей, художников и писателей, исследователей Горного Алтая – Г. И. Чорос-Гуркина, В. В. Радлова, Г. Н. Потанина, А. Г. Калкина.

На предложение назвать выдающихся исторических деятелей, мыслителей прошлого и настоящего учащиеся представляют более широкий круг исторических персонажей. Важно отметить, что примерно половина школьников предпочтение отдает алтайским легендарным героям и ученым-исследователям родной земли. В список знаменитостей, с которыми хотели бы встретиться учащиеся гимназии, вошли: А. В. Анохин, Л. В. Кокышев, Г. Н. Потанин, В. В. Радлов, С. И. Руденко, С. С. Суразаков, М. П. Чевалков, Г. И. Чорос-Гуркин. Популярностью пользуются мыслители и полководцы древности: Платон, Аристотель, Архимед. Александр Македонский, Чингисхан, а также мыслители и политики нового и новейшего времени – М. В. Ломоносов, И. Ньютон, Г.-В. Гегель, Ч. Дарвин, Ж.-Б. Ламарк, Г.-И. Мендель, В. И. Ленин, М. М. Сперанский, С. Ю. Витте, И. В. Сталин, П. А. Столыпин, Л. И. Брежнев, Н. С. Хрущев, В. В. Путин.

Значимыми для алтайской молодежи историческими событиями стали вхождение алтайского народа в состав Российского государства, создание Ойротской автономной области, возникновение республики на административной карте РФ начала 1990-х гг. Также перечисляются учениками события российского и мирового масштаба – завоевательные походы Чингисхана, гражданская война, Первая мировая и Великая Отечественная война, сталинские репрессии.

В целом, опросы, проведенные в учебных заведениях Горно-Алтайска показывают, что разработки творческой научной интеллигенции находят

живой отклик среди молодого поколения Алтая. Символами коренного тюркоязычного населения региона, согласно полученным материалам, являются элементы традиционной культуры алтайского сообщества – родовые тамги, легенды, мифы и сказания алтайского народа, его традиции и обряды, национальные инструменты и горловое пение.

Наиболее значимыми памятниками мировой культуры ученики считают археологические ценности, найденные на территории Республики Алтай, – Денисову пещеру, Улалинскую стоянку, петроглифы, курганы на плато Укок, древнетюркские изваяния. В список символов, презентирующих Горный Алтай, вошли природные объекты – гора Белуха, Катунский заповедник, а также работы художника Г. И. Чорос-Гуркина и республиканские фольклорные коллективы.

Современный праздничный календарь, согласно опросу, проведенному в Республиканской национальной гимназии им. В. К. Плакаса в г. Горно-Алтайск, включает: общегражданские праздники – Новый год, День защитника отечества, День победы; республиканские государственные праздники (Эл Ойын); семейные праздники – день рождения, свадьба; национальные праздники – Чага байрам, Тюрюк байрам; праздники религиозные – Рождество и Пасху. Наиболее востребованными в молодежной аудитории являются: Новый год (47 %) и семейные торжества (25 %).

В числе любимых школьники (12 %) называют также республиканские государственные и национальные праздники – Эл Ойын, Чага байрам, Тюрюк байрам. В национальной праздничной культуре ученики проявляют большую эрудицию, перечисляя не только широко известные Эл Ойын и Чага-байрам, но также праздники Ыылгаяк, Кай-байрам, родовые праздники, фестивали «Родники Алтая», «Чике-Таманская весна».

Для оценки степени популярности ценностей традиционного общества респондентам из числа тюркоязычной молодежи Алтая было предложено ответить на вопрос: «Что бы Вы взяли из прошлого в будущее?», а также выбрать отдельные фразы из набора тезисов, среди них: высказывания, выражающие идею покорности, превосходства ума над силой, а также тезисы, отражающие рациональные ценности индустриального общества, нацеленные на формирование ценностей активных граждан, и, наконец, высказывания, носящие агрессивный оттенок.

Первый блок был представлен выражениями, по мнению профессора Л. Р. Кызласова, отражающими философию тюркоязычных народов и его психологию: «Под луной и солнцем находясь, с сильнейшими не спорьте и не боритесь», «Сила уступает уму», «Смирной головы и сабля не отрежет» [Кызласов Л. Р., 1991]. Вторую группу составили фразы, принадлежащие перу известного публициста, утверждающего идеалы пантюркизма, М. И. Аджи: «Говорить и верить надо без сомнения», «Мщение – это великий дар природы», «Бегство печальнее гибели, защита – признак страха» [Аджи М. И., 1998]. Последними на выбор были представлены изречения американского просветителя, одного из авторов Декларации независимос-

ти США Б. Франклина, отражающие ценности индустриального общества, построенного на социальной конкуренции: «Бог помогает тем, кто сам себе помогает», «Никогда не копай больше, чем на глубину плуга», «В делах этого мира люди спасаются не благодаря вере, а ее недостатку» [Франклин Б., 1956].

Опрашиваемые должны были выбрать наиболее понравившиеся выражения, импонирующие складу их характера и образу мыслей. По результатам опроса, наибольшей популярностью у учащихся пользовалось высказывание Б. Франклина «Бог помогает тем, кто сам себе помогает» (40 %); также подростки отметили второе приведенное выражение американского просветителя.

Показательным является и то, что идеи М. И. Аджи, исключающие рефлексию и межкультурный диалог, не нашли отклика в молодежной среде; только 10 % учащихся понравились высказывания автора современной версии пантюркизма.

Ответы на вопрос «Что бы Вы согласились взять в будущее из нашего общего прошлого?» содержат перечисление моральных качеств: уважение к старшим, все хорошее, моральные качества, мир, согласие и дружбу между народами, желание помогать и любить, мудрость, воспитанную на ошибках. Следующими по популярности становятся ценности традиционной алтайской культуры: традиции и обычаи алтайского народа, исторические памятники и произведения, родовые и республиканские праздники, родной язык, бережное отношение к природе и священным местам.

Анализ результатов анкетирования позволяет утверждать, что предлагаемые научной и творческой интеллигенцией мифы, символы, ценности востребованы в молодежной среде Республики Алтай. Символьные практики становятся для молодежи новым способом выражения этничности. Однако в Республике Алтай символьная элита разобщена – сохраняют свое значение различия на субэтническом и родовом уровнях. Алтайские интеллектуалы еще не сформулировали обобщающей концепции прошлого, которая была бы способна консолидировать тюркоязычное население региона. Вероятно, поэтому молодежь Алтая менее ориентирована в истории родного края, склонна к восприятию региональных и общегражданских символов. Однако алтайская молодежь проявляет большую компетентность в области родовой принадлежности, праздничной обрядности; элементы традиционной культуры актуальны в повседневной жизни подростков

Список литературы

Аджи М.И. Европа, тюрки, Великая Степь. – М.: Мысль, 1998. – 334 с.

Кызласов Л.Р. «Под луной и солнцем находясь». О народной философии хакасов // Советская Хакасия. – 1991. – № 166. – С. 3.

Франклин Б. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1956. – 376 с.

А.С. Севостьянов

ТУВИНСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ В СОБРАНИИ МИНУСИНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ им. Н.М. МАРТЬЯНОВА

С конца XIX в. Тува стала привлекать большое число ученых разных областей знания, в том числе этнографов. За более чем столетнюю историю изучения было накоплено огромное количество материалов, хранящихся сегодня в различных музеях России. Старейшим является Минусинский краеведческий музей. Основанный в 1877 г. Н. М. Мартьяновым сегодня этот музей обладает собранием, насчитывающим более 200 тысяч предметов, из которых более 10 тысяч – этнографическая коллекция, отражающая жизнь и быт народов Северной и Центральной Азии. Особый интерес представляет этнографическая коллекция по Туве.

С самого открытия с музеем сотрудничали многие ученые и исследователи верховьев Енисея. К концу XIX в. музей собрал значительные этнографические и историко-бытовые коллекции, относящиеся к народам Южной Сибири. Это потребовало работы по упорядочению и описанию имеющегося материала. Первое наиболее полное описание этнографических коллекций Минусинского музея в 1900 г. сделал Е.К. Яковлев [Яковлев, 1900]. Однако с тех пор коллекция расширялась и пополнялась. В советский период изучением и описанием минусинских коллекций практически не занимались, и исследований по этой теме нет. Лишь в последнее время работа активизировалась, и в печати появилось несколько статей, посвященных коллекции Ф.Я. Кона и общей оценке тувинского собрания. [Бауман, 1999, с. 65–68; Боярченко, 2005, с. 9–11].

Целью данной работы является рассмотрение структуры и состава этнографической коллекции по Туве в собрании Минусинского краеведческого музея.

В настоящей статье коллекционные материалы структурированы на основе «Тематического классификатора этнографических коллекций» [Система, 2003], разработанного Государственным музеем этнографии (ныне Российский этнографический музей). Использование данного тематического классификатора имеет принципиальное значение, так как он затрагивает практически все стороны жизнедеятельности человека – от культуры первичного производства до сфер традиционной духовной культуры. Современное состояние музейной документации не позволяет определить всех, кто участвовал в комплектовании тувинского фонда. Тем не менее, считаем необходимым упомянуть две фамилии – Г.П. Сафьянов и Ф.Я. Кон.

Г.П. Сафьянов был известным минусинским купцом и сыграл огромную роль в организации Минусинского краеведческого музея. На протяжении всей жизни он принимал активное участие в формировании музейных фондов. Как указывает О. И. Боярченко, большая часть коллекции по Туве (конец XIX – начало XX в.) была подарена Г.П.Сафьяновым и его семьей [Боярченко, 2005, с. 10]. Также большой вклад в формирование и пополнение коллекций внес Ф.Я. Кон. Будучи, прежде всего, деятелем революционного движения, он, тем не менее, активно занимался отечественной этнографической наукой. Собранные им этнографические материалы и сегодня составляют гордость многих российских музеев. Находясь в ссылке в Сибири, он долгое время изучал ее коренные народы - якутский и тувинский. Тувинская коллекция была собрана во время нескольких поездок Ф.Я. Кона по Урянхайскому краю в 1902–1903 г.г. И хотя большинство ее материалов отправилось в Петербург, некоторая часть коллекции осталась в Сибири, в частности, в Иркутске и Минусинске.

Ныне этнографическая коллекция Минусинского музея насчитывает более 250 предметов, характеризующих различные стороны культуры и быта тувинцев. Согласно тематическому классификатору, в коллекции выделяется группа предметов, характеризующих культуру первичного производства. В частности, представлены материалы, касающиеся земледелия, животноводства, охоты, различных ремесел. Предметы земледелия представлены лишь одним экспонатом – это широкая лопата ромбической формы. Предметы животноводства – это несколько видов тавро, круглая подкова, лассо для ловли домашнего скота, а также специальная веревка с деревянными палочками для связывания ягнят и телят. Группа, характеризующая ремесла, не очень обширна. В основном, в ней представлены различные инструменты для обработки дерева, металла и кожи. Предметы охоты – это, прежде всего, предметы, использовавшиеся при охоте, с использованием огнестрельного оружия. В коллекции имеется различные емкости для пороха и пуль, пороховница сделана из рога, костяная мерка для пороха, а также отвертка для винтовки. Помимо этого в коллекции представлены другие орудия охоты. В частности, имеются стрелы с железными и костяными наконечниками, капкан большого размера, приспособление для ловли рыбы. Также имеются деревянные ножны, обтянутые кожей, и охотничий пояс.

К группе предметов, характеризующих культуру жизнеобеспечения, относятся вещи, представляющие поселения и постройки, костюм, украшения, пищу, утварь для питания и курения, посуду, средства передвижения и транспортировки. В этой категории выделяется коллекция, характеризующая поселения и постройки. Она состоит из предметов**,** представляющих убранство, мебель, предметы, используемые в быту. Здесь имеются различные сундуки, шкатулки, столики, а также приспособления для снимания котлов с огня.

Из одежды есть несколько видов головных уборов, национальной обуви, мужской и женской безрукавками, а также несколько женских халатов.

Также имеется суконный пояс, шелковые штаны и несколько образцов тувинской вышивки на бархате. Украшения представлены различными предметами. Встречаются медные и бронзовые поясные пряжки из различных материалов, пуговицы, серьги и другое. В музее хранятся некоторые образцы пищи, употреблявшейся тувинцами и русскими. Это преимущественно продукты растительного происхождения: различные коренья, кедровые орехи, молотая черемуха, чай. Курительные принадлежности представлены различными видами чешек (приспособление для чистки трубок), кисетами для табака, табаком. Также имеются специальные железные щипцы, которыми берутся угли для раскуривания трубок.

Посуда весьма разнообразна. Присутствуют ведра, ковши, различные сосуды и ступы, традиционные тувинские фляжки, различные кожаные мешочки, употреблявшиеся для хранения сыпучих продуктов. Практически вся посуда изготовлена из дерева и кожи. Есть единичные предметы, изготовленные из других материалов, в частности, медная ложка, агальматолитовая чашка для чая, а также есть специальные крючки для вынимания мяса из котла.

Средства передвижения и транспортировки грузов представлены несколькими видами седел и приспособлениями для верховой езды. В частности, имеются лошадиные и оленьи седла, различные вожжи, удила, стремена.

Предметы, характеризующие соционормативную и гуманитарную культуру, – это вещи, использующиеся в религиозном культе (шаманизм и ламаизм), предметы**,** употребляемые в игровой деятельности и музыкальном творчестве. Предметы**,** используемые в шаманизме, весьма обширны. Обращает на себя внимание большое количество разнообразных идолов. Все они, как правило, либо вырезаны из дерева в виде различных животных, либо сшиты из куска материи и отделаны кусочками кожи и разноцветными ленточками. Помимо этого, в коллекции представлены колотушки для бубна - одна из дерева, другая из рога лося. А также, имеется зимний шаманский костюм. Игрушки представлены в основном деревянными детскими резными изображениями животных и людей. Также в коллекции имеются деревянные и агальматолитовые шахматы. Музыкальные инструменты представлены двумя струнными инструментами «бызанчи», а также металлическим хомусом. Группа предметов, характеризующих народные знания, представлена экспонатами, используемыми в медицинских целях. Это ланцет для кровопускания, дорожный несессер ламы с медицинскими инструментами, несколько видов лекарств китайского происхождения. Народное искусство представлено тувинскими рисунками, многочисленными резными статуэтками из агальматолита, изображающими животных, людей, различные бытовые приспособления.

Говоря о состоянии музейного собрания, необходимо отметить, что оно находится не в лучшем состоянии. Большое количество материалов сломано, либо изношено. Однако подобная ситуация характерна для боль-

шинства музеев, особенно если учитывать то, что коллекция формировалась более чем сто лет назад. Тем не менее, в целом, тувинская коллекция Минусинского музея является одной из лучших в Сибири. В ней представлены материалы, касающиеся различных сторон жизни Тувы, и, безусловно, использование предметов музейного собрания, для изучения материальной и духовной жизни Тувы представляет большой интерес.

Список литературы

Бауман Р.П. Коллекции Феликса Яковлевича Кона в собрании Минусинского краеведческого музея // Мартьяновские краеведческие чтения (1989–1999): Сб. докл. и сооб. – Минусинск, 1999. – С. 65–68.

Боярченко О.П. Тува в коллекциях музея им. Н.М. Мартьянова // Мартьяновские краеведческие чтения (2003−2004): Сб. докл. и сооб. – Вып. III. – Минусинск, 2005. – С. 9–11.

Система научного описания музейного предмета: Справочник. – Спб., 2003.

Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. – Минусинск, 1900.

С.Г. Скобелев, А.В. Выборнов

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА*

Изучение демографии коренного населения юга Сибири представляет особый интерес. Известно, что эта проблема широко рассматривалась в работах ученых и публицистов областнического направления во второй половине XIX – начале XX в. Как писал Л.Б. Красин, «кабала, водка и сифилис явились чуть ли не единственными формами, которые несет инородцу "цивилизация"» [Красин, 1896]. Отсюда следовал вывод о постепенном исчезновении целых племен и этнических групп.

Один из основоположников областничества Н.М. Ядринцев указывал на якобы стремительную депопуляцию «минусинских инородцев» (будущих хакасов) во второй половине XIX в., которых, по его мнению, в 1851 г. было 40470 чел., а в 1868 г. осталось только 37153 [История…, 1993, с. 302]. «Сибирская газета», один из рупоров областничества, во второй половине XIX в. публиковала, например, следующие сообщения: «...инородческое население Минусинского округа... вымирает с такой быстротою, при которой еще через двадцать лет, мы вполне надеемся, не будет в долинах р. Абакана ни одного туземца» [Сибирская газета, 1881. № 29].

О вымирании аборигенов в результате русских влияний писали П.М. Головачев, Д.И. Голенищев-Кутузов (псевдоним Д. Илимский) [Головачев, 1902, с. 135; Илимский, 1916; Серебренников, 1917, с. 7, 14; 1926, с. 27].

Большинство зарубежных исследователей Сибири того времени также отдали дань этой негативистской традиции. Так К. Оланьон утверждал, что русская колонизация поглощала самые жизнеспособные слои коренного населения, остальных обрекая на вымирание [Оланьон 1903, с. 5, 76–77, 250]. Аналогично оценивал ситуацию и А. Глейнер [1906, с. 9–10].

Такие оценки базировались зачастую на не вполне корректных данных официальных источников, в основном краеведческого характера. Поэтому важно установить реальную динамику численности предков современных алтайцев, хакасов, шорцев, бурят с момента проведения последней ревизии 1858 г. допридания территориям их расселения статуса национально-территориальных автономий в 1920-х гг.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-01-00332а.

Тюркоязычные группы, проживавшие в предгорных районах и северной части Алтайских гор, административно относились к территории Бийского окр. (после 1898 г. – уезда) Томской губ.. Согласно данным последней, 10-й ревизии 1858 г., совокупная их численность в 7 дючинах (административно-родовых единицах) Горного Алтая и таёжных (черневых) волостях Бийского окр. составляла (без учёта оседлых и крещеных алтайцев) 16200 д.об.п. [Статистика…, 1894; Швецов, 1900, с. 43]. В 1861 г. их численность составила 18390 чел. [Москаленко, 2004; Ядринцев, 1881]; в 1864 г. – 18500, 1872 г. – 26661, 1876 г. – 26371, в 1880 г. – 22805 (без учёта оседлых и крещеных алтайцев); в 1886 г. алтайцев-кочевников насчитывалось уже 25432 чел. [Москаленко, 2004].

Первая Всероссийская перепись 1897 г. определила общую численность всех представителей алтайской группы томских тюрок в 26084 чел. [Патканов, 1911а, с. 65]. Однако С. Швецов указал - 28363 чел. кочевых алтайцев и 2975 - оседлых [1900, с. 43]. С.К. Патканов определял число всех тюрок Алтая в 35284 чел., включая телеутов (4061 чел.), мигрировавших из района верхней Томи в пределы Бийского уезда [1911а, с. 77]. Оба автора отмечали значительный прирост алтайцев с момента 10 ревизии. Для южных алтайцев С. Швецов определял среднегодовой прирост в 1,5 % [1900, с. 43]. В итоге, совокупная численность коренного населения Алтая в конце XIX в. должна определяться, приблизительно, в 32–33 тыс. чел.

Имеющиеся статистические данные начала XX в. крайне скудны и требуют дополнительной корректировки. Для 1911 г. допустима цифра в 46770 чел. [Москаленко, 2004, с. 124], но она должна уточнятся. Существуют сведения, согласно которым численность коренных жителей Горного Алтая в 1908 г. определялась в 34740 чел. [Елбачева, 1998, с. 148].

По данным переписи 1920 г. в Ойротии (Горном Алтае), численность алтайцев, проживавших в границах будущей автономии, составляла, без поправок на имевший место недоучет, только 36860 чел. [Москаленко, 2004, с. 124]. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. алтайцев в стране насчитывалось 50831 чел., из них в границах автономии 41690 [Всесоюзная…, 1928, с. 90].

Анализ демографического развития шорского этноса напрямую связывается с проблемой его этнической идентификации в статистической документации XIX – начала XX в. До революции шорцы относились к коренным группам татар Кузнецкого уезда (округа) Томской губернии. Кроме них к кузнецким татарам причислялись бачатские телеуты и, собственно, часть татар томско-кузнецкой группы. В этом отношении динамика прироста шорцев не может рассматриваться изолированно от динамики численности кузнецких инородцев. Она была следующей: по 10-й ревизской переписи 1858 г. – 8198 мужчин (т. е., около 16 тыс. всего населения), 1861 г. – 17874 чел., 1865 г. – 18658, 1876 г. – 19806, 1886 г. – 19806, 1887 г. – 21792, 1903 г. – 23692 [Статистика…, 1894, с. 69; Москаленко, 2004, с. 126]. По данным же С.К. Патканова, численность собственно шор-

цев выросла с 10688 чел. в 1869 г. до 12037 в 1897 г. [1911б, с. 69]. Согласно переписи 1926 г. на территории СССР официально зарегистрирован 12601 шорец [Всесоюзная…, 1928, с. 90].

Формирование хакасской общности вплоть до образования собственной автономной территории в 1925–1930 гг. проходило в условиях отсутствия четких административных границ. В российской статистике к «абаканским татарам» и «минусинским инородцам» нередко причислялись оседлые тюрки верхнего Чулыма, называемые «мелетцкими татарами». С.К. Патканов отнес к ним и сагайские роды Мрасской волости Кузнецкого уезда общей численностью 2325 чел. (1897 г.) [1911б, с. 71]. В демографическом отношении обе эти группы показывали положительный прирост, хотя чулымцы уже в значительной степени были ассимилированы русскими: численность минусинских тюрок в 1859–1897 гг. выросла на 21 % (без мелетцев и кузнецких сагайцев – только на 16 %) [Патканов, 1911б, с. 71]. Последующие сведения по их численности относятся лишь ко времени переписи 1926 г., когда хакасами записались все соседние этнические группы (обрусевшие чулымцы, качинцы, камасинцы, сагайцы Кузнецкого круга).

В целом же, динамика численности хакасов была следующей: 1858 г. – 32527 чел., 1897 г. – 41229, 1926 г. – 45850 (в целом по стране) [Патканов, 1911б, с. 71; Всесоюзная…, 1928, с. 92]. Она была явно положительной, несмотря на то, что статистика конца XIX в. варьировала сведения от 28300 (1888 г.) до 37259 чел. (1893 г.) [Статистика, 1895, с. 35, 65]. А.А. Кузнецова и П.Е. Кулаков указывали, что с 1840 по 1896 г. число минусинских и ачинских инородцев выросло с 23215 до 33855 душ обоего пола [1898, с. 12–13]. К концу же 1890-х гг. численность «абаканских татар» не превышала 39 тыс. чел. Помимо прочего, следует отметить, что данные по численности хакасов в результате переписи 1926 г. относились к коренному населению Хакасского округа, и не учитывали проживавших за его пределами. В результате, общесоюзная численность лиц, указавших себя хакасами в 1926 г., составляла 48925 чел. [Москаленко, 2004, с. 129] .

Численность бурят в XIX в. также росла. Если в 1851 г. по расчетам В.С. Ханхараева их насчитывалось 196 тыс. чел. [2002, с. 205], то по данным переписи 1897 г. уже 288,4 тыс..

В целом, выявленные моменты демографической истории этносов Южной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. радикально опровергают высказывания об их стремительной депопуляции в рассматриваемое время. Несмотря на все превратности истории коренное население региона в XIX–XX вв. численно росло.

Список литературы

Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. 4: Народность и родной язык населения СССР. – Вып. 3: Азиатская часть СССР. – М., 1928. – 138 с.

Глейнер А. Сибирь, Америка будущего: По соч. Дж.Ф. Фразера «The Real Siberia» / Пер. с нем. – Киев: Тип. П. Барского, 1906. – 61 с.

Головачев П.М. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. – М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнеров и К°, 1902. – 300 с.

Елбачева Г.А. К вопросу об эволюции родовых традиций в аграрных отношениях и административном устройстве в Горном Алтае // Алтай и Центральная Азия: культурно-историческая преемственность. – Горно-Алтайск, 1998. – С. 148–157.

Илимский Д. Национальная политика в Сибири // Северные записки. Литературно-политический ежемесячник. – 1916. – Февраль. – С. 171–175.

История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. – М., 1993. – 525 с.

Красин Л.Б. Судьбы капитализма в Сибири // Восточное обозрение. – 1896. – 18 октября.

Кузнецова А.А., Кулаков П.Е. Минусинские и ачинские инородцы (материалы для изучения). – Красноярск, 1898. – 298 с.

Москаленко С.В. Динамика численности и демографические предпосылки консолидации тюрков Южной Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Этносы Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее. – Ч. 1. – Красноярск, 2004. – С. 121–130.

Оланьон К. Сибирь и ее экономическая будущность / Пер. с фр. А.Д. Погрузова; Предисл. Ф. Пасси. – СПб.: Просвещение, 1903. – 253 с.

Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) // Записки ИРГО. – Т. 11: Тобольская, Томская и Енисейская губ. – СПб., 1911а. – 432 с.

Патканов С. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. – СПб., 1911б. – 210 с.

Серебренников И.И. Инородческий вопрос в Сибири. – Иркутск, 1917. – 16 с.

Серебренников И.И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование. – Верхнеудинск: Бурят-монгол. изд-во, 1926. – 229 с.

Сибирская газета. – 1881. – № 29. – 13 сентября.

Статистика Российской империи: волости и населенные места. – Т. XXXII. – Вып. 10: Томская губерния. – СПб., 1894. – 125 с.

Статистика Российской империи: волости и населенные места. – Т. XXIX. – Вып.11: Енисейская губерния. – СПб., 1895. – 124 с.

Ханхараев В.С. Демографические процессы у бурят Иркутской губернии во второй половине XIX в. // Мир Центральной Азии. – Т. 1: Археология. Этнология. – Улан-Удэ, 2002. – С. 205–211.

Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии (1860) // Избранные философские сочинения: в 3-х тт. – Т. III. – М., 1951.– С. 665–670.

Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Кочевники Бийскаго уезда. – Т. 1. – Вып. 1. – Барнаул, 1900. – 340 с.

Ядринцев Н. Об алтайцах и черневых татарах: Этногр. очерк // Изв. ИРГО. – 1881. – Кн. 17. – Вып. 4. – С. 228–254.

Е.Ф. Фурсова

ОРНАМЕНТАЦИЯ РУКОДЕЛИЙ БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯНОК В СИБИРИ: СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ*

Комплексный анализ традиций орнаментации предметов прикладного искусства предполагает привлечение как музейных, так и полевых этнографических материалов, без которых невозможно выяснить терминологию мотивов, убедительно расшифровать семантический ряд, осуществить этническую или региональную привязку предмета исследования. Д.К. Зеленин писал о необходимости различать при изучении этнографических фактов их форму и функцию, что справедливо и в отношении женских орнаментированных рукоделий, в большинстве своем подлинных произведений декоративно-прикладного искусства [Зеленин, 1934, с. 4–10].

Кроме своего утилитарного назначения, как отрезка полотна для утирания лица и рук («рушник», «ручник» от слова «рука», «для рук»), полотенце играло особую роль во многих обрядах. На обрядовое употребление полотенец имеются указания древних летописцев, по времени относившихся к существованию восточнославянских племенных группировок: «…дуплинам древяным ветви убрусцем обвешивающе, и сим поклоняющеся» [Бломквист, с. 1]. Важная роль полотенец в календарных обычаях и обрядах жизненного цикла свидетельствует о том, что в этих предметах заложена важная для жизнедеятельности человека и всего традиционного общества информация. Готовясь к Рождеству и Новому году, минские переселенцы Западной Сибири приводили в порядок дом и развешивали специальные полотенца: *«Снутри белили, чистые шторочки вешали, на иконы хорошие, вышитые полотенца. Цветы мама делала из цветной бумаги, вешала к иконке, по шторочкам, по окнам букетиками. На иконке полотенце всегда висело. Ну, а к празднику уже хорошие, вышитые полотенца, длинные с кружавами, чуть ли не до пола»* (ПМА, Каменский). К празднику Пасхи по обеим сторонам от икон развешивали особо вышитые «набожники» (на увиденных нами рукоделиях были вышиты «светы», сеточки из ромбов, «самовары»). Иконы, убранные таким образом, висели все лето. Особым образом – «букетом» – могли укладывать к этому празднику полотенце: *«Раньше на Пасху полотенца развешивали «букетом», т.е. пополам складывали и связывали, концы расправляли вдоль иконы»* (ПМА, Тарасенко). Современные информаторы рассказывают, что по-

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 09-01-00567 а/Б.

мощью полотенец “пользуются” души умерших при посещении домов своих родных в «родительские» (т.е. поминальные) дни, когда они «умываются и утираются» рушниками.

Для изучаемого времени в условиях Сибири женские рукоделия белорусок были представлены: а) экземплярами, взятыми с мест выхода на память о матери, бабушке; по времени изготовления относятся к концу XIX – началу XX в.; б) экземплярами, выполненными в Сибири в первой половине XX в. Первые образцы достаточно точно отражали региональные традиции Белоруссии, вторые – испытали воздействие новых историко-культурных условий, сибирских и городских традиций XX в.

Этнографическое исследование невозможно без обращения к типологическим категориям, необходимым для осуществления сравнительного анализа. В отличие от рукоделий русских старожилок с характерными для них сюжетными и даже сложными орнаментальными композициями, белорусские полотенца четко разбиты на поперечные полосы разной ширины. В полосах помещены разнообразные геометрические и геометризированные узоры. В настоящее время расшифровать подобные изображения можно попробовать с помощью информаторов, принимая во внимание преемственность поколений мастериц и терминологию отдельных мотивов орнаментов. В зависимости от композиций, характера мотивов и технологического исполнения, просмотренный материал можно сгруппировать следующим образом.

1 группа. Рукоделия (полотенца) с геометрическим орнаментом красного цвета на белом фоне. Основные мотивы: ромбы, многоступенчатые ромбы, пересеченные ромбы, концентрические ромбы, крестообразные фигуры, восьмирогие фигуры, шести- и восьми лепестковые розетки в круге, ромбы с крестами внутри и пр. Узоры выполнены в технике ручного браного (ремизно-челночного) ткачества и набора («завалаканне») по счету нитей. Встречаются сочетания обеих техник, когда «перебором» выполнены полосы, а орнаментальные фигуры поменьше набраны иглой. В последнем случае фон обычно красного цвета, орнамент – белого. Кроме того, ступенчатые ромбы могут идти отдельной полосой в технике закладного ткачества. Описанные геометрические мотивы, характерные для вышивки всех славянских народов, связываются многими исследователями с древними верованиями крестьян-земледельцев – культом солнца, поклонением матушке-земле, почитанием природных стихий [Рыбаков, 1981, с. 46, 88].

К этой группе полотенец можно отнести сложную, цельную композицию, в которой все составляющие подчинены одному замыслу. В таком полотенце из пос. Северное НСО слиты воедино антропо-орнитоморфные мотивы, включающие также элементы соляризма, «мирового древа», христианскую символику (рис. 1). Такие композиции считаются белорусскими этнографами архаичными, для расшифровки которых требуется дополнительный этнографический материал и комплексное сравнительное изучение славянской орнаментики [Белорусы, 1998, с. 430]. Полотенца, отнесен-

Рис. 1. Орнамент полотенца в технике ручного ткачества, пос. Северное НСО (ПМА, 2009).

ные нами к 1-й группе, в настоящее время хранятся в сельских и городских музейных фондах или в домашних собраниях сибирских белорусов.

2 группа. Рукоделия (полотенца и скатерти-«настольники») с геометрическим орнаментом «в шашечку» бело-серого сочетания (ахроматическая гамма) отбеленных и неотбеленных («суравых») нитей. Эти узоры называли ◊ – «круги», ▓ и ▒ – «дробницы». Наиболее красивыми считались отбеленные до блеска нити: *«Наши-то белорусы любили беленькое-беленькое. У свекрови холст был – снег. Говорила перед смертью: «Как хотите, в своем меня похороните* (здесь: в своем рукодельном холсте – Е.Ф.)*»* (ПМА, Ведерникова). Узорнотканые полотна соединялись через кружево, связанное иглой. Орнамент кружева повторял тканые узоры полотен. *«Домотканые скатерти стелют в праздники. Эти скатерти хранили, чтобы*

*Полевые материалы, собранные автором в ходе экспедиционных исследований в Белоруссии в 2008–2009 гг. (г. Минск, Витебская область).

стелить их на могилки. Мать говорила: «Скока будешь жива, постели скатерку». Скатерти стелили прямо на могилки, сверху клали, что приготовили: стряпню, яички крашеные обязательно», – вспоминала жительница д. Колбаса Кыштовского района НСО Прасковья Ивановна Бондарева. Подобные рукоделия в широком ассортименте встречались также у русских Сибири под названиями «настольники», «рукотеры».

3 группа. Геометрические и геометризированные растительные мотивы в технике счетной глади («вгладь»). Основная цветовая гамма строится на красно-белом сочетании с небольшими вкраплениями черного: красный орнамент на белом фоне или наоборот. Встречающиеся мотивы: лучистые ромбы в «ареоле», кресты в ромбах, розетки и пр. (рис. 2). В белорусских семьях такие полотенца, сделанные руками матерей информаторов, можно увидеть на семейных иконостасах еще в наши дни.

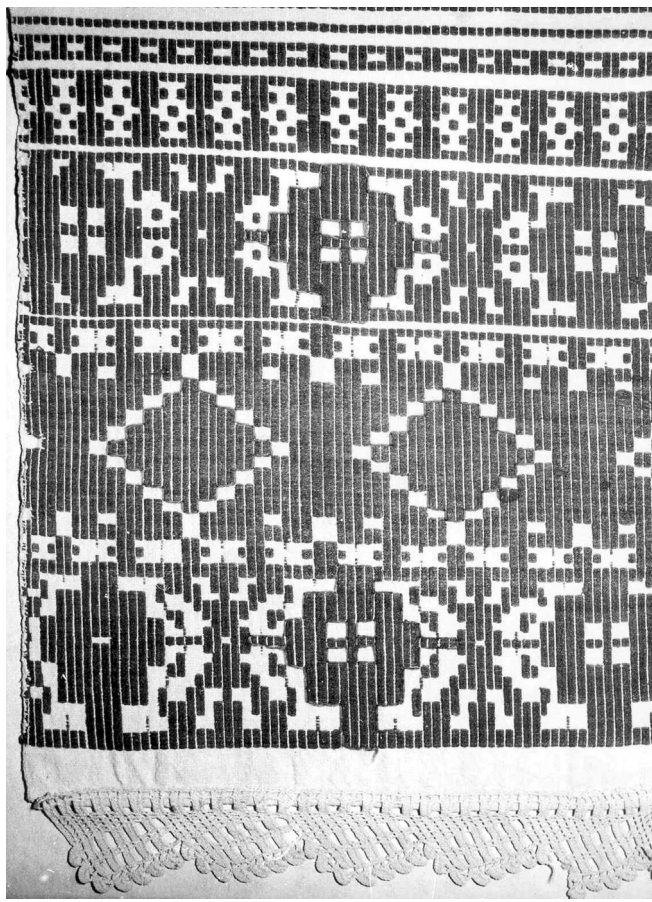

Рис. 2. Орнамент полотенца в технике счетной глади, г. Болотное НСО (ПМА, 2009).

4 группа. Полотенца «кролевецкого» вида, выполненные в технике браного ткачества. Орнамент выткан красными нитями по белому фону. Основные мотивы: ступенчатые ромбы, «арёл», «церква», «самавар», «самавар бальшой» и пр. Появление подобных полотенец в белорусской среде трудно объяснить распространением из одного украинского центра – пос. Кролевец. Во всяком случае, белорусские информаторы склоняются в сторону существования местной самобытной традиции или удачного подражания.

5 группа. Полотенца с узорами, выполненными разноцветными нитками в технике крест («хрэстик»). От расшитых крестиком русских рукоделий такие полотенца отличает более разнообразная цветовая гамма. Основные мотивы: кресты, проросшие цветами-розетками; розетка-крест; «цветочная лоза», «ягодки» и пр. Цветочные орнаменты, выполненные цветастыми нитками, способствуют реалистичности изображаемого: обычно различимы два-три вида цветка («ромашка», «незабудка» и т.д.). Типологически эти рукоделия являются более поздними в сравнении с вышеописанными.

Полотенца, отнесенные нами к 1–5 группам, сохраняются в Белоруссии и в значительном количестве представлены в фондах центральных и сельских музеев (ПМА, 2009)*. В целом, следует отметить, что в Сибири зооморфные, орнитоморфные и антропоморфные мотивы встречаются в белорусских рукоделиях достаточно редко, во всяком случае, значительно реже, чем у русских старожилов (из 41 экземпляра встретилось 3, которые можно отнести к сюжетным).

В Западной Сибири выходцы из Белоруссии проявили свои способности в области прикладного искусства в непривычном для себя направлении: научились, как говорили информаторы, «от соседей-сибиряков вязать иголкой коврики» (ПД № 15, л. 78 об., Искитимский, Тогучинский районы НСО). Новыми оказались технические приемы, которые заключались в том, что иглой делались воздушные петли-«мохры» на лицевой стороне ковриков. На черном фоне вышивались традиционные орнаменты – ромбы с продолженными сторонами, кресты в нарядной красно-сине-зеленой гамме. Служили такие коврики для покрывания сундуков, а при зимних поездках – саней-кошев.

Выводы. Орнаментальные традиции женских рукоделий белорусских крестьянок специфичны и опознаваемы на фоне сибирских материалов конца XIX – первой половины XX в. «Земледельческий характер» изображенных мотивов отражает систему жизнедеятельности и связанные с ней верования

славянских народов. Этнографические материалы свидетельствуют об отсутствии (или малом числе) сложных многосоставных сюжетных композиций, известных в сибирской старожильческой традиции. Если такие сюжеты фиксируются у выходцев из Белоруссии, то преимущественно в среде русских старообрядцев, мигрировавших в Северную Барабу и Васюганье из Полоцкого уезда Витебской губернии. При освоении новой

техники под влиянием сибирских старожилов (вязание иглой) белорусские мастерицы сохраняли в орнаментике типологически архаичные орнаменты мест выхода.

Информаторы

Бондарева П.И., 1923 г.р., родилась в д. Колбаса Кыштовского района НСО. Деды приехали в Сибирь из Могилевской губернии.

Ведерникова (дев. Концевая) Л.Ф., 1923 г.р., д. Пайвино Маслянинского р-на НСО. Родители приехали «из Могилева».

Каменский В.А., 1919 г.р., пос. Мошково НСО. Деды приехали в Сибирь в начале XX в. из Минской губернии.

Тарасенко Ф.С., 1920 г.р., п. Северное НСО. Родители приехали в Сибирь «из-под Гродно».

Список литературы

Белорусы. – М.: Наука, 1998.

Бломквист Е. Полотенце в русском быту // Русский Музей. Этнографический отдел. – Л., Гос. тип. им. Ив. Федорова, [б.г.]. – 3 с.

Зеленин Д.К. Истолкование пережиточных религиозных обрядов // Советская этнография. – 1934. – № 5. – С. 4–10.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1964. – 607 с.

Список сокращений

НСО – Новосибирская область

ПД – полевой дневник

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ
И ОРГАНИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ

В.А. Астапчук, Е.В. Карпеева

АВТОМАТИЗИРОВАННАЯ СИСТЕМА ВЕДЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ

Археологические раскопки дают множество артефактов, способствующих пониманию истории развития человечества. К сожалению, состояние находок не всегда пригодно для дальнейшего анализа и экспозиции. Реставрационные работы, проводимые для восстановления первоначального вида, часто сложны, трудоёмки и длительны, а документальное сопровождение процедур учёта и реставрации не способствует оперативному доступу к информации о находках для специалистов. Решением упомянутой проблемы является внедрение в деятельность археологических учреждений информационных технологий, позволяющих автоматизировать большинство процессов, связанных с учётом, реставрацией, подготовкой к экспозиции.

В России известно несколько систем, реализующих соответствующие информационные технологии [АС «Музей», 2009; Ника-Музей, 2009; Борисова, 2009; Гук, Морозов и др., 2009], однако они не всегда удовлетворяют нуждам конкретного археологического учреждения: высокая стоимость, недостаточная функциональность, необходимость специализированного персонала для поддержки работоспособности. С учётом этих факторов на кафедре АСУ НГТУ силами преподавателей и студентов ведётся инициативная работа по созданию информационной системы, условно названной «Учёт и реставрация» и предназначенной для хранения информации об археологических находках как в вербальном, так и в графическом форматах, учёта движения и реставрационных работ, для подготовки публикаций и виртуальных экспозиций, и автоматизации документального сопровождения.

Архитектура системы включает базу данных, рабочие места специалистов, WEB-сервер и программное обеспечение (ПО) виртуальных экспозиций, и ориентирована на использование свободного ПО, что существенно уменьшает себестоимость системы, однако при этом сохраняется и возможность использования проприетарного ПО.

Информационная система «Учёт и реставрация» – это функционально полный, открытый программный комплекс, имеющий модульную архитектуру. Функции, реализованные в программном комплексе, позволяют решать весь объем задач, возникающих в археологических исследованиях. Указанная возможность обеспечивается за счет:

– модульности, способа построения комплекса как набора взаимосвязанных, но достаточно независимых модулей, могущих функционировать автономно, независимо от других. Группы модулей образуют подсистемы комплекса, поддерживающие различные функции. Подсистемы являются независимыми друг от друга и связаны, при совместном функционировании, только информационно. Внедрение комплекса возможно помодульно, на каждом шаге процесса получая целостный законченный комплекс;

– интегрированности, что означает информационную связь подсистем комплекса между собой по принципу «однократный ввод – многократное использование». Все подсистемы комплекса выполнены в едином стиле по единой идеологии, на основе принципа концептуальной целостности. Все автоматизированные рабочие места реализуют принцип функциональной полноты, обеспечивая своим пользователям доступ ко всем необходимым им функциям комплекса;

– гибкости, учитывающей, что с комплексом будет работать большое число пользователей – как с ограниченным опытом, так и профессионалов. Поэтому функциональный, информационный и регламентно-правовой состав каждого автоматизированного рабочего места (АРМа) определяется для каждого подразделения индивидуально, при внедрении комплекса;

– надежности, основанной на использовании апробированных технологий хранения и распределения данных и средств разработки приложений. Легкость доступа к информации в комплексе сочетается с надежной ее защитой. Стратегии распределения и динамика локальных изменений данных не влекут за собой неправильного и несанкционированного информационного использования системы. Она не только сообщает пользователю об ошибках, но и обеспечивает определенную степень защиты от них;

– интероперабильности, возможности работы комплекса с различными аппаратными и программными платформами;

– открытости, способности к адаптации и развитию за счет полного набора функциональных и информационных моделей и наличия автономной подсистемы АДМИНИСТРАТОР, реализующей процедуры администрирования интегрированной базы данных и системы в целом. Совместимость разрабатываемой системы с другими информационными системами заинтересованных организаций и ведомств обеспечивается на уровне использования стандартных протоколов и утвержденных классификаторов.

Пилотная версия системы осуществляет информационную поддержку реставрационных работ, выполняя:

– разграничение пользователей по доступу к данным и функциям системы;

– автоматизированную подготовку Паспорта реставрации памятника истории и культуры (движимого);

– автоматизированное составление плана реставрационных работ;

– автоматизированное составление отчётов и других сопровождающих документов;

– учёт движения экспонатов и взаимодействия с внешними организациями.

Итогом внедрения системы «Учёт и реставрация» в практику археологических учреждений явится надёжный и полный учёт экспонатов, рациональная организация работы с экспонатами, оперативный доступ научных работников к хранимой информации, возможность создания виртуальных экспозиций, позволяющих ознакомиться с материалами археологических исследований всем желающим, имеющим доступ в INTERNET.

Список литературы и источников

АС «МУЗЕЙ» [Электронный ресурс] // Сервер ГИВЦ. 2009. URL: http://www.givc.ru/service/asmuseum/main/ (дата обращения: 17.09.2009).

Борисова Н.А. Инфокоммуникационные технологии в музейной деятельности [Электронный ресурс] // Сервер Центрального музея связи им. А.С. Попова. 2009. URL: http://www.rustelecom-museum.ru/objects/ContainerID=7069&ContainerType=73&objectID=8982&langID=57 (дата обращения: 16.09.2009).

Гук Ю.Г., Морозов С.В., Мазуркевич А.Н., Бочарова Н.А. Концепция реализации системы запросов в музейной информационно-поисковой системе «Атлант» [Электронный ресурс] // Сервер Банка данных современного искусства Артинфо. 2009. URL: http://www.artinfo.ru/eva/EVA2000M/eva-papers/200008/Gook-R.htm (дата обращения: 17.09.2009).

НИКА-Музей [Электронный ресурс] // Сервер Cognitive Technologies. 2009. – URL: http://www.cognitive.ru/products/nika_museum1.htm (дата обращения: 17.09.2009).

Список сокращений

АС – автоматизированные системы

ГИВЦ – Главный информационно-вычислительный центр

А.Ю. Майничева, В.П. Мыльников, А.А. Бадмаев,
В.А. Бурнаков, Е.А. Коваленко

РЕСТАВРАЦИОННЫЕ РАБОТЫ В ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОМ МУЗЕЕ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ ИАЭТ СО РАН

Реставрационные работы в Историко-архитектурном музее под открытым небом (ИАМ) ИАЭТ СО РАН нацелены на проведение ряда мероприятий по сохранению имеющихся экспонатов и сбору подготовительных материалов для проектных работ по реконструкции интерьеров построек народов Сибири (поддержаны РГНФ – 09-01-18085е «Научно-реставрационные работы в историко-архитектурном музее ИАЭТ СО РАН»).

Мониторинг состояния объектов культурного наследия и консервационные мероприятия. В течение 2009 г. проводился мониторинг состояния археологических памятников с петроглифами и конструкций уникальных образцов деревянной архитектуры Сибири – Спасской церкви из Зашиверска, звонницы, башен Казымского острога.

Осмотр 33 археологических памятников, подвергавшихся консервационной обработке в 2007 г., показал, что она дала положительный результат, лишь на двух объектах наблюдаются следы грибковых и лишайниковых образований. Вместе с тем, очевидно, что обработку необходимо проводить повторно раз в 2-3 года с целью предотвращения роста лишайников. Более 40 артефактов было осмотрено, вокруг них была произведена расчистка от земли, муравейников, травы. Внешний вид 6 камней потерял первоначальный облик: отдельные детали изображений на изваяниях скрылись под слоями органических наростов, которые портят не только поверхность каменных основ, но и их структуру, заполняя трещины и щели и размножаясь в них. Они подверглись обработке по ранее разработанной методике [Актуальные проблемы фондовой работы музеев, 1978; Никитин, Мельникова, 2002]. Были проделаны следующие охранно-реставрационные мероприятия: оценка состояния каждого экспоната; определение видов грибковых наростов и отбор проб для лабораторных анализов; заказ и изготовление специальных растворов для обработки грибков-лишайников с целью их уничтожения; составление растворов для консервирующей пропитки поверхностей каменных изваяний, препятствующих образованию грибковых наростов и действия влаги.

Далее, в установленной последовательности были проведены следующие технологические операции:

1. Сухая обработка поверхностей каменных артефактов и изваяний.
2. Размачивание водой грибков-лишайников - водяные компрессы.

3. Очистка каменных поверхностей щеткой с естественной щетиной разбухшей и отмякшей консистенции мхов-лишайников и смывание их водой.

4. Очистка трудно удаляемых пятен лишайников и мхов деревянными лопатками и щетками с последующим смыванием водой.

5. Естественная сушка поверхностей каменных изваяний.

6. Пропитка высушенных изваяний биозащитными и гидрофобными растворами серии «Оберег» от нежелательного действия органики и влаги.

Мониторинг состояния обработанных в 2007 г. бревенчатых конструкций и элементов галереи Спасской церкви из Зашиверска показал их удовлетворительное состояние, отсутствие признаков нового вылета жуков-точильщиков. Задача приближения цвета конструкций-«протезов» к цвету оригинальных конструкций была выполнена: их цвет на тон светлее, что соответствует основным принципам практики реставрации зданий. В 2009 г. после необходимых согласований с учреждениями по охране историко-культурного наследия к конструкциям звонницы церкви была применена уже апробированная методика, включающая

1. Механическую очистку;

2. Обработку составами по огнебиозащите и гидрофобными растворами серии «Оберег», которые гарантировали сохранность деревянных конструкций в течение 10–15 лет.

Механическая очистка от пыли и органических остатков производилась сухой обработкой щетками с синтетической щетиной. Обработка составами по огнебиозащите выполнялась краскопультом по рекомендованной технологии, предусматривающей двойное покрытие.

Подготовка этнографических материалов для реконструкции построек народов Сибири. В целях подготовки программы по развитию музея были выполнены работы для воссоздания интерьеров жилищно-хозяйственных комплексов аборигенного населения Сибири, осуществлен сбор материалов для размещения на территории музея жилищ и хозяйственных построек бурят и хакасов (ПМА Бурнаков, 2009; ПМА Бадмаев, 2009). Исследования показали следующее.

Внутренне устройство хакасской юрты и ее утварь. Традиционная юрта хакасов – *тадар иб* своей формой и интерьером издавна привлекала внимание исследователей и путешественников, которые оставили о ней разнообразные сведения [Щукин, 1847, с. 267; Степанов, 1835, с. 184; Каратанов, 1884, с. 620].

Внутреннее убранство юрты, наличие утвари характеризовали социальный статус ее обитателей, их материальное положение и демонстрировали их хозяйственные качества. Внутреннее устройство каждого жилища носило однотипный традиционный характер. Посередине находился очаг (*от орыны*). Это небольшое круглое углубление. Края и пол его обмазывались глиной. Рядом с очагом, с правой стороны, делалась круглая печь (*кимеге*).

Стенка ее складывалась из камней и обмазывалась глиной. Со стороны входа оставлялось отверстие для топки и два небольших отверстия с боков для поступления воздуха. В верхней части *кимеги* устанавливался чашеобразный котел. В нем готовили пищу, хлебное или молочное вино (арага). Дым от очага шел вверх через дымовое отверстие. Кроме очага и *кимег* в юртах зажиточных кызыльцев и качинцев вправо от входа устанавливался особый очаг в виде камина (*соол*) с прямой трубой. Напротив входа у западной стены ставилась супружеская кровать – *орган* (*орындых*, *сірее*). Она изготовлялась из дерева. Постель покрывалась овчинным одеялом (*чорган*) и заправлялась легким покрывалом из ситца (*хыблых*). Зимнее одеяло (*хара чорган*) шилось из шкур овец, а летнее (*ах чорган*) – из мерлушек и покрывалось синей бязью. С двух сторон постели лежали хакасские подушки (*частых*). Они делались из выделанной овчины с шерстью внутрь в виде мешка с длиною на ширину кровати. Набивалась она птичьим пером, овечьей шерстью или мягкой травой. Юрта делилась на две половины: правая от входа, или северная половина (*алтынзарых*), считалась женской. На этой стороне находились предметы домашней кухни. Здесь было рабочее место хозяйки. Левая от входа сторона, или южная половина (*устунзарых*), была мужской. В ней сосредотачивались предметы хозяйственного значения, которыми преимущественно пользовались мужчины. Деление юрты на две половины было связано, несомненно, с разделением труда внутри семьи. Пол традиционных жилищ хакасов (за исключением *соол иба*) был земляной. Он застилался невыделанными шкурами (*талбах*), а сверху покрывался кошмами (*киис*). Сагайцы, кроме того, у дверей клали дорожки из холста (*ике*), а кызыльцы при входе стелили циновки (*чирлік*).

Реконструкция бурятской деревянной юрты по полевым материалам. Традиционным жилищем бурят XIX – начала XX в., прежде всего предбайкальских и присаянских бурят, была бревенчатая юрта (гэр, булгаһаан, hурэ). Наиболее распространенными типами юрты были четырехстенная и восьмистенная, шестистенная и десятистенная типы юрт встречались довольно редко. У предбайкальских бурят строительство 8-стенной юрты *пупаарин* начиналось с установки 4-х опорных столбов *тээни (тээнги)*, что объяснялось конструкционными особенностями их традиционного жилища. Первым ставили женский столб, расположенный на восток от условного центра юрты – места очага. Деревянный пол был не сплошной – в центре юрты располагался огражденный небольшим срубом открытый очаг, к концу XIX – началу XX в. он был заменен чувалом, железной печью или плитой с основанием, сложенным из кирпичей. Но нередко полы были и земляные. Половицы направляли вдоль краев очажной площадки. Иногда к северной стене юрты примыкал амбар, имевший входное отверстие прямо из юрты. В подполье этого амбара устраивался погребок-ледник, в котором летом хранили скоропортящиеся пищевые продукты.

Деревянные юрты присаянских бурят нередко имели пол, сложенный из расколотых плах, и небольшой смотровой проем в стене. У людей, жив-

ших в низменной местности, сруб юрты имел 10–12 венцов, что было достаточно типично для подобных строений и у других групп бурят.

В начале XX в. у тункинских бурят получили некоторое распространение шестистенные юрты с застекленными высокими окнами, обрамленными ставнями и наличниками, с четырехскатной крышей из теса. Помещение отапливалось железной печкой, металлическая труба которой выводилась из светодымового отверстия. Еще одной особенностью этого здания была пристроенная к входному проему закрытая дощатая веранда, поставленная на оклад из трех бревен и защищенная двускатной крышей. Эта веранда завершалась лестницей с перилами.В 1890-е гг. как в юртах *пираг*, так и в многоугольных юртах присаянские буряты начали ставить глинобитные печи и небольшие железные печи, известные в народе как *яндан*. Производством таких печей занимались местные кузнецы. Летним жилищем агинских бурят служили четырехстенные юрты, имеющие квадратное или прямоугольное основание, высота которых была чуть больше двух метров. Светодымовое отверстие в такой юрте было посредине пирамидальной крыши, и закрывалось небольшим щитом, сбитым из двух рядов дранки и бересты. Деревянные юрты не имели окон и закрытого пола. Для обогрева помещения ставили небольшие кирпичные или железные печки. На летниках строились бревенчатые юрты, имевшие светодымовые отверстия; без потолка, с крышей, крытой дранками и лиственничной корой, утепленные сверху слоем дерна.

Итак, итогами работы 2009 г. в Историко-архитектурном музее под открытым небом ИАЭТ СО РАН стали как выполнение комплекса работ по мониторингу состояния конструкций и огнебиозащите памятников археологии и архитектуры Сибири, что позволяет говорить об обеспечении их сохранности на следующее десятилетие, так и проведение полевых, архивных и историографических изысканий, которые создают информативную базу для развития экспозиции, согласно принятой концепции ИАМ.

Список литературы

Каратанов И. Черты внешнего быта качинских татар // Известия ИРГО. – Т. XX, вып. 6. – СПб., 1884. – С. 6–33.

Щукин Н.С. Народы турецкого языка**,** обитающие в Южной Сибири // Журнал Министерства внутренних дел. – Ч. 18, № 6. **–** СПб., 1847. **–** С. 225–284.

Степанов А.П. Енисейская губерния. – Ч. II. – СПб.: Тип. Конрада Вингебера, 1835. – С. 7–276.

Никитин М.К., Мельникова Е.Н. Химия в реставрации. Справочное издание. – СПб.: «Центр ТЕХИНФОРМ», 2002. – 304 с.

В.И. Молодин, С.Г. Скобелев

ОПЫТ УЧАСТИЯ КОЛЛЕКТИВА СОВМЕСТНОГО УЧЕБНО-НАУЧНОГО ЦЕНТРА НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА И ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЦЕЛЕВЫХ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММАХ В 1998–2009 ГОДАХ

Последние 12 лет характеризуются повышенным вниманием государства к развитию научно-образовательной сферы. Можно отметить ряд крупных программ, в рамках которых реализовались проекты поддержки образования (от начального до высшего и послевузовского), обеспечивалось стимулирование интеграции фундаментальной науки и высшего образования по всей номенклатуре специальностей, поддерживались исследования экспедиционного характера, осуществлялось финансирование уникальных объектов в вузах (музеев, ботанических садов, обсерваторий и т. д.). На реализацию этих программ государством выделялись значительные финансовые ресурсы.

Работа в данном направлении несомненно будет проводиться и впредь. Как и в настоящее время, конкретные коллективы или отдельные исполнители к участию в ней будут привлекаться лишь на конкурсной основе. Поэтому нам представляется целесообразным изложить накопленный опыт, сформировавшийся в ходе участия в последнее десятилетие коллектива совместного Учебно-научного центра (УНЦ) ГОУ ВПО (ныне НИУ) «Новосибирский государственный университет» и Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН по специализациям «Археология», «Этнография» и «Востоковедении» в государственных программах по поддержке науки и высшего образования.

Собственно, сам УНЦ был создан в 1998 г. в рамках реализации задач Федеральной целевой программы (ФЦП) «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2000 годы» (ФЦП «Интеграция»), с которой мы связываем известный прорыв в отношении государства к науке и высшему образованию [Молодин и др, 2000]. Так за год до этого, начиная с 1997 г., коллектив ученых ИАЭТ и преподавателей НГУ, составивших кадровую основу УНЦ, опробовал свои силы в ходе выполнения экспедиционного проекта данной программы, сыгравшего роль пилотного [Молодин и др, 2008]. С 1998 г. экспедиционный проект, в связи с его успешным выполнением при широком участии учащейся и научной молодежи, был дополнен проектом «Совместный сибиреведческий учебно-научный центр по специальностям “Археология” и “Этнография” Новосибирского государственного университета

и Института археологии и этнографии СО РАН». Сутью и главным содержанием нашей работы стал комплекс мероприятий по реализации задач интеграции фундаментальной науки и высшего образования по указанным дисциплинам. Достаточно успешный опыт работы УНЦ в 1998–2004 гг. в рамках данной программы с широким привлечением студентов, аспирантов и молодых ученых позволил нашему коллективу, в целом, относительно успешно участвовать в 2004–2005 гг. в конкурсах, объявленных Минобрнауки по поддержке научных исследований, выполняемых аспирантами вузов (поддержано 4 таких проекта), а также развитию инфраструктуры научно-образовательного процесса.

Одновременно, в эти годы дважды подавались и заявки на развитие деятельности самого УНЦ, однако оба раза наши предложения не были поддержаны. Причинами, кроме определенных моментов субъективного характера, возникших из-за поднятого тогда вопроса о переходе НГУ в систему РАН, были и наши собственные ошибки, связанные с включением в состав исполнителей проекта слишком широкого круга коллективов исследователей, работающих в разных подразделениях СО РАН по тематикам, мало между собой связанным (археология и этнография как база с одной стороны и археография, социально-экономическая и политическая история и т. п. с другой).

Ошибки были учтены и в конце 2005 г. нами было принято решение сосредоточиться исключительно в рамках археолого-этнографической тематики, расширив ее лишь за счет востоковедения, которое в НГУ развивалось, преимущественно, также в сфере археологии и этнографии народов Восточной и Центральной Азии [Деревянко и др., 2006]. Прежний состав коллективов участников УНЦ (ИАЭТ, кафедра археологии и этнографии, кафедра всеобщей истории, лаборатория гуманитарных исследований) был расширен за счет коллектива кафедры востоковедения с добавлением специализации «Востоковедение» в сферу учебно–научных задач УНЦ.

В целях участия в приоритетном национальном проекте «Образование» нами в рамках следующей крупной программы Минобрнауки – обновленной и окончательно оформленной Аналитической ведомственной целевой программы (АВЦП) «Развитие научного потенциала высшей школы»), была подана заявка на развитие деятельности УНЦ по этим трем специализациям. Заявка успешно прошла соответствующую экспертизу и в 2006–2007 гг. коллектив УНЦ с широким привлечением научной молодежи и учащихся достаточно напряженно работал в рамках плана по выполнению весьма масштабных научно-учебных задач данного проекта. Наша деятельность на первом этапе выполнения задач АВЦП оказалась достаточно плодотворной и по итогам сдачи отчета о работе за 2006 г. первоначально установленное нам финансирование на 2007 г. было увеличено, а затем проект (даже без нашей инициативы) был продлен на 2008 г. также с существенным увеличением финансирования. Установленные для нашего коллектива индикаторы по направлениям отчетности оказались выполнен-

ными и даже частично перевыполненными [Молодин, Скобелев, 2008]. Для участия во втором этапе АВЦП нами была подана заявка, которая также успешно прошла экспертизу и в настоящее время коллектив УНЦ работает над выполнением еще более масштабных задач учебно-научного характера (достаточно сказать только, что только за 2009 г. мы должны в рамках проекта подготовить 56 публикаций в рейтинговых научных журналах).

Успешная деятельность УНЦ в 2006-2007 гг. привела и к тому, что в Минобрнауке было принято самостоятельное решение предложить нам выполнить в 2008 г. работу и по заказ-наряду Рособразования, тематически направленную на дальнейшее развитие научно-образовательной деятельности по археологии, этнографии и востоковедению непосредственно в вузе (организационно – в рамках ЛГИ НГУ). Отчет по выполнению задач данного заказ-наряда за 2008 г. успешно прошел экспертизу и в результате тематический план по нему и финансирование были утверждены на 4 года, начиная с 2009 г.

В ходе дальнейшей реализации задач приоритетного национального проекта «Образование» в нашей стране в 2008–2009 гг. проходил ряд мероприятий по формированию тематики и подготовке заявок для участия в ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России». Коллектив УНЦ достаточно широко и, в целом, успешно участвовал в этом процессе. В результате в 2009 г. были получены положительные решения по 3 проектам научно-образовательного характера.

Так в рамках УНЦ с самого начала его деятельности очень крупный и быстро развивающийся блок исследований по археологии и соответствующий сектор учебного процесса был представлен трудами специалистов в области палеолита и неолита. Это и создало необходимые научные и организационные предпосылки для того, чтобы осуществить дальнейшее развитие структуры УНЦ. И в 2009 г. по инициативе академика А. П. Деревянко было принято решение о подаче соответствующей заявки в рамках данной ФЦП. Заявка, выполненная на высоком уровне, успешно прошла экспертизу, конкурсный отбор и проект «Проведение научных исследований коллективом учебно-научного центра НГУ и ИАЭТ СО РАН в области изучения процессов освоения древним человеком Северной и Центральной Азии (культурно-популяционный, хронологический, экологический аспекты)» был поддержан. В настоящее время успешно выполнены задачи первого этапа его реализации, начата работа по следующему этапу.

В рамках УНЦ с 2006 г. под руководством профессора Л. В. Лбовой успешно велась специализированная работа учебно-научного характера, направленная на дальнейшее повышение полевой квалификации молодых исследователей-археологов. Она реализовывалась в виде ежегодно проводимой Сибирской археологической полевой школы (САПШ), в работе которой в 2006-2009 гг. участвовали десятки студентов старших курсов, аспиранты и молодые ученые из вузов и научных учреждений как нашей страны, так и из-за рубежа. Данная деятельность послужила основой для

подачи соответствующей заявки в рамках ФЦП «Кадры» и успешного прохождения ею экспертизы и конкурсного отбора. В результате, в 2009 г. для обеспечения деятельности САПШ было выделено отдельное финансирование, которое позволило существенно расширить как круг направлений, так и состав участников школы. Надо надеяться, что созданный научно-организационный и учебный задел позволит таким же образом успешно решить проблему финансового обеспечения и, соответственно, дальнейшего развития деятельности САПШ и в 2010 г.

Одним из частных направлений научной работы УНЦ в 1998–2008 гг. в рамках этнографической тематики было изучение проблем демографии коренного населения Сибири в составе России в XVII–XXI вв., разрабатываемые небольшой группой исследователей под руководством С. Г. Скобелева. Созданный за эти годы научно-учебный задел также позволил в 2009 г. в рамках ФЦП «Кадры» подать соответствующую заявку и получить на 2009-2011 гг. финансирование для реализации по отдельному плану коллективом, состоящим из двух студентов, аспиранта и молодого ученого, проекта учебно-научного характера «Историческая демография коренного населения Сибири в составе Российского государства: сравнения с мировым опытом».

Таким образом, в настоящее время мы обладаем более чем 10-летним опытом, в целом, успешной реализации части задач крупных целевых государственных программ научно-образовательного характера, что дает возможность сделать некоторые практические выводы.

Первый и главный вывод касается непреложного условия объединения в рамках коллектива исполнителей одного проекта как преподавателей и научных сотрудников вуза, так и ученых академического института, желательно руководителей ведущих научных направлений, поскольку уровень интеграции фундаментальной науки и высшего образования в настоящее время определяется лишь конкретным фактом участия ученого в учебном процессе и реализации той или иной научной задачи по плану проекта.

Во-вторых, в связи с существующей в нашей стране проблемой быстрого старения научно-преподавательских кадров, нарушения преемственности научных и педагогических школ, одним из важнейших критериев для оценки любого проекта научно-образовательного характера служит уровень участия в нем молодежи, а также сам характер и новизна подготовки молодых кадров в процессе реализации проекта.

В-третьих, вероятность выполнения принимаемых по проекту обязательств обычно рассматривается с точки зрения уровня и содержания соответствующего учебно-научного задела. Слишком завышенные обещания по результатам проекта в целях получения максимальных оценочных баллов недопустимы, в том числе и в виду того, что в научном сообществе, к которому принадлежат и члены экспертных комиссий, достаточно хорошо известны возможности того или иного научного или педагогического коллектива или отдельного ученого.

В-четвертых, очень малые перспективы на получение высоких оценок со стороны экспертных комиссий соответствующих программ имеют проекты, в которых с точки зрения получения конкретных результатов искусственно соединены разнородные научные направления и учебные дисциплины.

И конечно же, не последнее место занимают само оформление заявки, порядок и характер изложения предложений, полнота их обоснований. Данные обстоятельств всегда должны быть основополагающими при планировании участия любого коллектива в программах учебно-научного характера и подготовке соответствующих документов заявочного характера.

Список литературы

Молодин В.И., Новикова О.И., Скобелев С.Г., Худяков Ю.С. Опыт подготовки молодых специалистов в деятельности совместного сибиреведческого учебно-научного центра по специальностям «Археология» и «Этнография» Новосибирского госуниверситета, Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН на первом этапе функционирования ФЦП «Интеграция» (1998–2000 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. VI. – Новосибирск, 2000. – С. 567–576.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Худяков Ю.С., Лбова Л.В., Войтишек Е.Э., Новикова О.И., Скобелев С.Г. Опыт работы и перспективы дальнейшего развития механизма интеграции фундаментальных исследований и образовательной деятельности в рамках совместного учебно-научного центра Новосибирского государственного университета и Института археологии и этнографии СО РАН по специализациям «Археология», «Этнография» и «Востоковедение» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Т. 5, вып. 3: Археология и этнография. – Новосибирск, 2006. – С. 3–28.

Молодин В.И., Худяков Ю.С., Шуньков М.В., Скобелев С.Г., Новикова О.И. Опыт реализации межсекторного партнерства ГОУ ВПО «Новосибирский государственный университет» и Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН в области профессионального образования: полевая археологическая практика как часть процесса интеграции фундаментальной науки и высшего образования в дисциплинах исторического профиля (1963–2008 гг.). – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2008. – 25 с.

Молодин В.И., Скобелев С.Г. Результаты совместной деятельности ИАЭТ СО РАН и НГУ на первом этапе выполнения (2006–2008 годы) Аналитической ведомственной целевой программы Федерального агентства по образованию «Развитие научного потенциала высшей школы» // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XIV. – Новосибирск, 2008. – С. 404–408.

В.В. Оленченко, М.А. Чемякина

РЕЗУЛЬТАТЫ МЕТОДИЧЕСКИХ ГЕОРАДАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ*

Работа георадара основана на использовании классических принципов радиолокации. Передающей антенной прибора излучаются сверхкороткие электромагнитные импульсы (единицы и доли наносекунды). Центральная частота сигнала определяется типом антенны. Излучаемый в исследуемую среду импульс отражается от находящихся в ней предметов или неоднородностей среды, имеющих отличную от среды диэлектрическую проницаемость или проводимость, принимается приемной антенной, усиливается в широкополосном усилителе, преобразуется в цифровой вид при помощи аналого-цифрового преобразователя и запоминается для последующей обработки.

В последние десять лет значительно вырос интерес к применению этого неразрушающего метода для решения археологических задач. Такая тенденция связана, прежде всего, с существенным повышением возможности новых аппаратных и программных комплексов. Наибольшие перспективы имеет применение георадара в высокоомной песчанистой толще пустынных и полупустынных районов. При определенном опыте можно достичь неплохих результатов в средних широтах и даже при изучении объектов подводной археологии [Журбин, 2004].

Все шире используется георадар в комплексе с другими геофизическими методами: магнитометрией, методом сопротивлений, частотным электромагнитным зондированием.

Комплекс геофизических методов, включающих георадиолокацию, впервые в археологии Западной Сибири был применен при исследовании городища Чича-1 для получения дополнительной информации об аномалиях, выявленных магнитометрически. Так на раскопе 14 результаты георадиолокационной съемки позволили предположить, что мы имеем дело с плоскодонным котлованом древнего жилища, незначительно углубленным в материковый суглинок. Последующие раскопки подтвердили геофизический прогноз. Там же были проведены методические работы по сопоставлению эффективности метода частотного электромагнитного зондирования и георадиолокации. [Молодин, Парцингер, Гаркуша, и др., 2001; Молодин, Парцингер, Чемякина и др., 2001;Чича, 2001].

*Работа выполнена в рамках интеграционного проекта СО РАН № 16.

В арсенал геофизических методов по поиску льда в погребальных камерах курганов пазырыкской культуры на плато Укок в 2007 г. был успешно введен георадар [Эпов, Молодин, Чемякина, 2008].

Новый этап геофизических исследований археологических памятников Западной Сибири и Алтая нацелен на распознавание структуры курганов различной степени сохранности. В 2008 – 2009 гг. проведены археолого-геофизические исследования на частично распаханном курганном могильнике Тартас-2 в Венгеровском районе НСО. Задачей исследований было определить возможность выявления при помощи георадара древних погребений и прикурганных рвов на распаханной территории.

Для георадиолокационных исследований применялся георадар ОКО-2 с антеннами центральной частоты 150 и 700 МГц. Пред началом работ были проведены опытно-методические измерения на эталонном участке (15× ×5 м) – траншее №116 грунтового могильника Тартас-1. Целью опытных работ являлось определение интерпретационных критериев для выделения на радарограммах объектов поисков. Оба археологических памятника сходны в геоморфологическом отношении: расположены на надпойменной террасе р. Тартас, сложенной супесчано-суглинистыми отложениями, светло-желтого цвета, однородного состава. Грунты на глубину раскопов влажные, со значительным количеством глинистой составляющей. По гранулометрическому составу их можно классифицировать как супесь тяжелая – суглинок легкий. В пределах исследуемой траншеи 116 при зачистке выделялось несколько темных пятен, отражающих наличие древних погребений. Темный цвет пятен обусловлен отличием по составу грунтов, заполняющих погребение, от состава материковых отложений.

На площадке было разбито 6 профилей с интервалом в 1 м, по которым проведена георадарная съемка с антеннами АБ-150 и АБ-700. По результатом площадной съемки по траншее №116 были построены временные срезы. Для АБ-700 временной срез построен по времени 9 нс, что соответствует глубине 41 см при средней диэлектрической проницаемости среды $\varepsilon = 12$. Для АБ-150 временной срез построен по времени 22 нс, что соответствует глубине 80 см при средней диэлектрической проницаемости среды $\varepsilon = 12$. Диэлектрическая проницаемость грунтов выбрана на основании анализа специальной литературы [Финкельштейн и др., 1986], в которой указано, что ε суглинков при влажности 20% может изменяться от 10 до 14,7.

При послойной обработке данных зондирования было установлено, что границы древних погребений и объекты в них выделяются в разрезе слабо и только при детальном рассмотрении и анализе радарограмм (рис. 1А). Вероятно это обусловлено тем, что субстрат, заполняющий погребения и вмещающая среда имеют малый контраст по физическим свойствам, в частности, по проводимости и диэлектрической проницаемости.

В качестве эксперимента были выполнены измерения над погребением № 297 в траншее 115 (рис. 1Б), которое было частично вскрыто с восточной стороны. Короткий профиль длиной 3,5 м пересекал погребение с севера

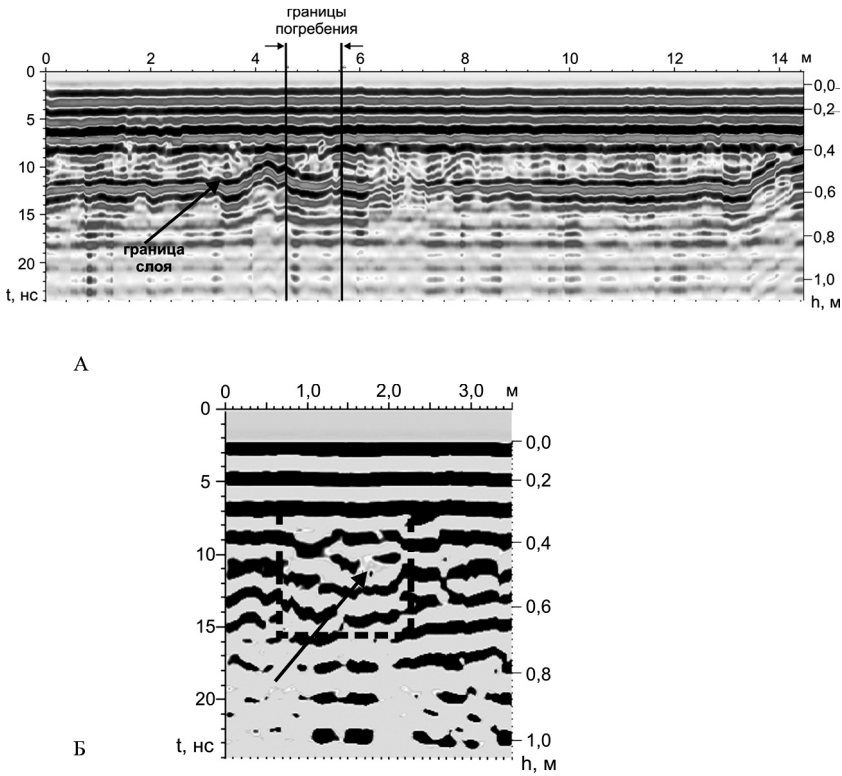

Рис. 1. Тартас-1.
А – Траншея 116. Радарограмма по профилю 5. Антенна АБ-700; **Б** – Траншея 115. Радарограмма профиля над погребением № 297. Антенна АБ-700.

на юг. На радарограмме можно наблюдать небольшое нарушение осей синфазности в области погребения (выделено прямоугольником) и радиообраз объекта в погребении (выделено окружностью). После полного вскрытия погребения было установлено, что зафиксированный на радарограмме крупный объект являлся черепом.

Таким образом, опытно-методические работы показали следующее. Высокочастотную антенну АБ-700 целесообразно применять лишь для уточнения ситуации с неглубокими археологическими объектами на зачищенных от почвенно-растительного слоя поверхностях. Антенну с центральной частотой 150 МГц можно применять на покрытых почвенным слоем поверхностях, мощность которого может достигать 30-40 см. Объекты поисков – погребения – на временных разрезах по профилям выделяются не четко в виду слабой контрастности вмещающих пород и заполнителя. В благоприятных случаях возможно обнаружение предметов в погребении. Однако костный материал не создает гипербол дифракции на радарограммах, что затрудняет его выделение.

Интерпретационные критерии выделения древних погребений не являются постоянными. В некоторых случаях это могут быть нарушения осей синфазности на радарограммах, в других – появление низкочастотной составляющей в сигнале. В связи с неопределенностью критериев выделения объектов поисков однозначность интерпретации радарограмм резко снижается.

На участке частично распаханного кургана 12 могильника Тартас-2 георадиолокационные исследования выполнялись по той же сети наблюдения, что и магниторазведочные измерения. Анализ отобранного к обработке материала и сопоставление его с магниторазведочными данными показал, что на радарограммах иногда возможно выделить в разрезе неоднородности, интерпретируемые как археологические объекты.

Рассмотрим результаты геофизических измерений по профилю 21, пересекающему курган в центральной части (рис. 2).

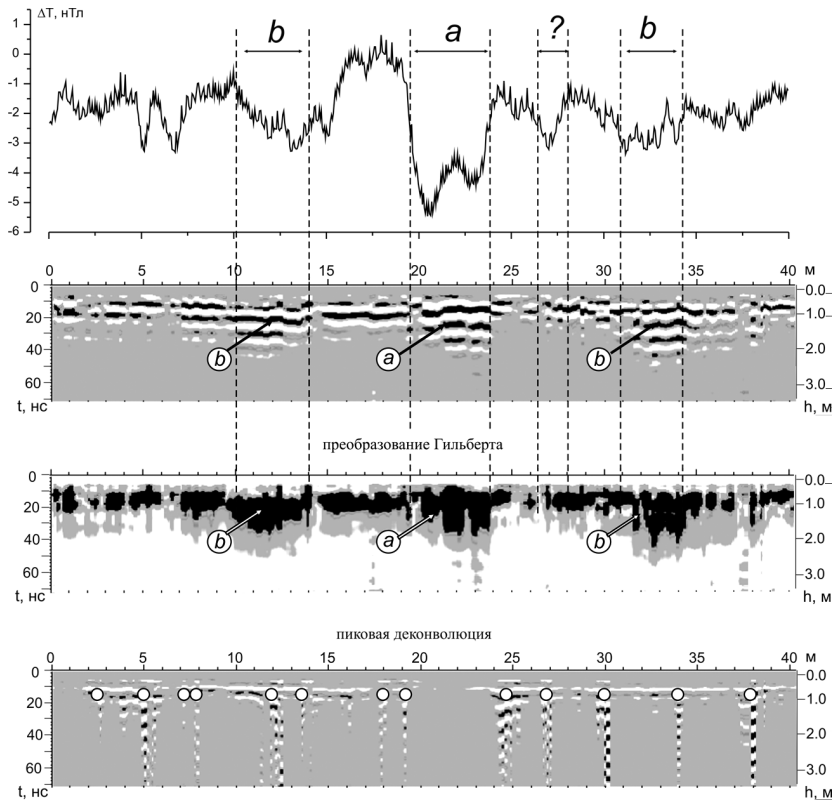

Рис. 2. Тартас-2. Курган 12. График вертикального градиента магнитного поля $_{\Delta}T$, исходная радарограмма, результаты ее обработки преобразованием Гильберта и методом пиковой деконволюции по профилю 27: *a* – границы центрального погребения; *b* – граница рва; *?* – неопознанный объект. Белыми кружками показаны металлические объекты в верхней части разреза. Применялась антенна 150 МГц.

На графике вертикального градиента магнитного поля наиболее интенсивная аномалия проявилась в центральной части профиля (a). Исходя из опыта предыдущих работ, интерпретируется как центральное погребение. Слева и справа от нее отмечаются менее интенсивные минимумы (b), которые вероятно всего соответствуют рву вокруг кургана. Более четко кольцевая структура рва прослеживается на планах изолиний вертикального градиента магнитного поля. Рядом с аномалией центрального погребения на профиле 27 выделяется еще один локальный минимум $_{\Delta}$T неизвестной природы.

На радарограмме выделенные по данным магниторазведки объекты выделяются участками с повышенной амплитудой отраженных волн и низкочастотным типом записи. Для лучшей визуализации георадарных данных было применено преобразование Гильберта, после которого в разрезе четко вырисовываются три структуры, соответствующие центральному погребению и участкам рва. Оценочная глубина структур при средней диэлектрической проницаемости разреза равной 12 составляет 1,2–1,4 м. Неопознанный объект на профиле 27 имеет значительно меньшую глубину – примерно 0,9 м.

В результате обработки радарограммы методом пиковой деконволюции в верхней части разреза были выделены металлические предметы, отмечающиеся характерным типом «звенящего» сигнала. Почти все выделенные металлические объекты создают локальные аномалии градиента магнитного поля, которые четко видно на графике $_{\Delta}$T.

Таким образом, результаты геофизических исследований показали, что комплексный анализ магниторазведочных и георадиолокационных данных значительно повышает информативность методов и снижает неоднозначность трактовки. Полученный опыт комплексной интерпретации необходимо применять при археологических исследованиях и в дальнейшем.

Список литературы

Журбин И.В. Геофизика в археологии: методы, технология и результаты применения. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – 152 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Беккер Г., Фассбиндер Й., Чемякина М.А., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Васильев С.К., Мыльникова Л.Н., Балков Е.В. Археолого-геофизические исследования городища переходного от бронзы к железу времени Чича-1 в Барабинской лесостепи. Первые результаты российско-германской экспедиции // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 104–127.

Молодин В.И., Парцингер Г., Чемякина М.А., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Омельяненко А.В., Балков Е.В., Абель Д. Геофизические исследования городища Чича-1 в 2001 г. // Проблемы археологии и этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т.VII.-Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 391–398.

Финкельштейн М.И., Кутев В.А., Золотарев В.П. Применение радиолокационного подповерхностного зондирования в инженерной геологии. / Под ред. М.И. Финкельштейна – М.: Недра, 1986. –128 с.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи (первые результаты исследований). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 240 с.

Эпов М.И., Молодин В.И., Чемякина М.А. Диагностика структуры «замерзших» курганов пазырыкской культуры Алтая геофизическими и геохимическими методами // Труды II (XVIII) Всероссийского съезда в Суздале. – Т. III. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 416–419.

О.И. Новикова, Т.Н. Мартынова

О СИСТЕМАТИЗАЦИИ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФОНДА ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН

Музеи, библиотеки и архивы являются основными хранителями исторической памяти, оставаясь таковыми на протяжении всей датируемой истории человечества [Козлов, 2009]. Но если музей и библиотека давно и прочно заняли почетные места в структуре Института археологии и этнографии СО РАН, то скромная табличка с надписью «Архив» появилась на двери одного из кабинетов совсем недавно. В 2009 г. в ИАЭТ СО РАН в рамках проекта по Программе фундаментальных исследований РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» началась работа по созданию научного архива.

Документы, образующиеся в процессе деятельности учреждений Российской академии наук, входят в состав Архивного фонда РАН. Это закреплено Федеральным законом РФ «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22.10.2004 № 125-ФЗ и в Положении об Архивном фонде РАН, утвержденном постановлением Президиума РАН от 21.06.1994 № 125. В то же время документы научных учреждений являются их интеллектуальной собственностью. Делопроизводство в академическом институте должно быть организовано на основе нормативных документов, установленных для учреждений РАН (с перечнем и содержанием нормативов можно ознакомиться на официальном сайте «Архивы Российской Академии наук» [www.arran.ru]).

История формирования документального фонда Института археологии и этнографии СО РАН неразрывно связана с историей соответствующих научных организаций и их структурных подразделений. С 1961 года археологическое направление в Сибирском отделении АН СССР развивалось в рамках деятельности сектора истории промышленности Института экономики и организации промышленного производства. В 1965 г. был организован Отдел гуманитарных исследований в этом же Институте, в 1966 г. создан Институт истории, филологии и философии, который возглавил академик А.П. Окладников. Постановлением Президиума СО АН СССР от 26.12.1990 № 591 Институт истории, филологии и философии (ИИФиФ) СО АН преобразован в Объединенный институт истории, филологии и философии (ОИФФ) СО АН, в состав которого вошли четыре научно-исследовательских учреждения гуманитарного профиля, в том числе и Институт археологии и этнографии

В соответствии с постановлением Президиума РАН от 20.03.2001 № 83 Объединенный институт истории, филологии и философии был реорганизован, и Институт археологии и этнографии (ИАЭТ) стал самостоятельным юридическим лицом.

За эти годы (вторая половина XX века) было создано значительное количество документов, представляющих историческую ценность, поскольку в них отражен процесс развития гуманитарных наук в Сибирском отделении РАН, история научных учреждений соответствующего профиля, деятельность выдающихся ученых (археологов, этнографов, историков, филологов) на протяжении последних 50 лет. Нужно отметить, что этот период в истории сибирской археологии и этнографии еще не получил должного освещения.

Многочисленные реорганизации, увы, не способствовали целенаправленному комплектованию архивного фонда. Работа с документами в ИИФиФ, ОИФФ, ИАЭТ в течение длительного периода во многом не соответствовала нормативным требованиям. Экспертные комиссии по отбору документов на постоянное хранение, если и создавались, никогда не работали. Учета документов не было, условия их сохранности не обеспечивались. Научно-организационные, научные, планово-финансовые и документы по личному составу с постоянными и долговременными сроками хранения по 1975 год включительно были переданы на хранение в Научный архив СО РАН в 1981 году.

С 1976 года документы оставались в Институте, большая их часть хранилась и продолжает храниться на рабочих местах сотрудников. Формирование дел или не осуществлялось, или осуществлялось в соответствии с тем, как сотрудники структурных подразделений представляли себе практическое использование документов, без учетов сроков хранения. В результате такого небрежного отношения к документам многие из них навсегда утрачены, восстановить их уже невозможно.

По результатам работы комплексной проверки научной, научно-организационной и финансово–хозяйственной деятельности ИАЭТ СО РАН в 2006 г. комиссия рекомендовала: «Привести делопроизводство в соответствие с нормативными требованиями, установленными для учреждений РАН. Собрать максимально полный комплекс документов с постоянными и долговременными сроками хранения за 1976-2006 годы, провести их учет и описание. Обеспечить условия сохранности документов». Постановлением Президиума СО РАН от 23.11.2006 г. № 424 Ученому совету и руководству Института было рекомендовано рассмотреть вопрос о создании единого архива полевой документации на бумажных и электронных носителях, как источниковедческой базы для археологических и этнографических исследований.

Первый этап работы по систематизации документального фонда ИАЭТ СО РАН потребовал определенных материальных затрат, связанных с оборудованием отдельного специализированного помещения для хранения

документов. Благодаря пониманию и поддержке руководства Института данная задача было успешно решена, что позволило приступить к систематизации и оценке состояния имеющихся документов. Поскольку номенклатура дел не составлялась очень давно и дела комплектовались хаотично, проводилась полистная экспертиза научных и научно-организационных документов за 1961– 2000 годы.

В настоящий момент скомплектованы протоколы заседаний Ученого совета Института за 1976-1990 годы в количестве 25 томов. Сохранились годовые отчеты о научной и научно-организационной деятельности за 1970 – 1997 гг., отчеты о работе секторов за 1976–1999 гг. Сформировано 26 дел с документами о совещаниях и конференциях, проведенных Институтом в 1976 – 1982 гг., 19 дел с планами выпуска изданий за 1978–1991 гг. Собраны договоры о творческом сотрудничестве Института с другими академическими институтами и вузами за 1976 – 2000 гг., научные отчеты по темам.

Всего заново скомплектовано и перекомплектовано около 208 дел. На все сформированные дела составлены заголовки. Немногим более 300 дел с истекшими сроками хранения включены в акт на уничтожение. За сухими цифрами – огромный объем работы и сотни просмотренных документов!

Только начата систематизация полевых отчетов сотрудников, хранившихся до этого момента в Музее истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока. Но уже сейчас очевидно, что предстоит многолетняя работа по созданию копий оригиналов отчетов, особенно за 1960–1990-е годы, хранящихся в научно-отраслевом архиве Института археологии РАН в Москве. Сдавая десятилетиями отчеты в Отдел полевых исследований, мы не создали аналогичный резервный фонд в собственном Институте: более или менее целенаправленно он начал формироваться только в 1990-х годах.

Особой длительной работы потребует обработка фотодокументов, ведь каждая фотография, хранящаяся в архиве, должна сопровождаться аннотацией: кем, где и когда сделан кадр, сведениями о предмете, событии, факте, лице(ах), запечатленных на документе.

В ближайшее время планируется начать работу по информатизации архивного фонда Института с использованием программы Typer («Наборщик», версия 1.3), предназначенной для создания электронных вариантов архивных описей, формат которых совпадает с форматом базы данных «Архив РАН».

Сделаны первые шаги по созданию архива ИАЭТ СО РАН – крупнейшего профильного учреждения за Уралом. Насколько востребованы и значимы архивные фонды аналогичных учреждений, можно судить по деятельности научно-отраслевых архивов Института археологии РАН и Института истории материальной культуры РАН. Хочется верить, что и в Институте археологии и этнографии Сибирского отделения РАН со временем

будет не только комната-хранилище с надписью «Архив», а полноценное научное подразделение с богатейшими фондами документов, фотографий и рукописей.

Список литературы

Козлов В.П. Музеи, библиотеки, архивы в системе исторической памяти // Отечественные архивы. – 2004. – № 6.

Архивы учреждений РАН. Нормативы. [Электронный ресурс] // URL: http://arran.ru/index.php?page=normativ/normativ&ARFOND=bbf8ccdd5721559b5463a3dc948325a5/ (дата обращения 02.11.2009 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

Агаджанян А.К.
МЛЕКОПИТАЮЩИЕ КАК ИНДИКАТОР ПРИРОДНОГО ОКРУЖЕНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК 4

Акимова Е.В., Мотузко А.Н., Колямкин В.М., Чеха В.П.
НОВАЯ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА СЕРЕБРЯКОВКА (СРЕДНИЙ ЕНИСЕЙ) 11

Анойкин А.А.
ВАРИАНТЫ ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ В ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСАХ СТОЯНКИ ТИНИТ-1 (ПО ДАННЫМ РЕМОНТАЖА КОЛЛЕКЦИИ 2009 ГОДА) 17

Анойкин А.А., Борисов М.А., Лещинский С.В., Зенин И.В.
ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОСЛОЙНОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ТИНИТ-1 (ЮЖНЫЙ ДАГЕСТАН) В 2009 ГОДУ 22

Анойкин А.А., Борисов М.А., Лещинский С.В., Зенин И.В.
НОВЫЕ ДАННЫЕ О СТОЯНКЕ ТИНИТ-1 (ПО МАТЕРИАЛАМ ШУРФОВ 2009 ГОДА) 28

Асеев И.В.
ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ НЕОЛИТА В ДОЛИНЕ РЕКИ МАНЗУРКА (ПРИТОК РЕКИ ЛЕНА) 34

Бердникова Н.Е., Роговской Е.О.
НОВОЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ В ДОЛИНЕ РЕКИ БЕЛОЙ (ПРИБАЙКАЛЬЕ) 39

Бобров В.В., Марочкин А.Г.
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА ЛЕСОСТЕПНОЙ БАРАБЫ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ АВТОДРОМ-2 В 2009 ГОДУ) 44

Васильев С.К.
ОСТАТКИ ТЕРИОФАУНЫ ИЗ ПЕЩЕРЫ ЧАГЫРСКАЯ (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ АЛТАЙ) ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В 2007 И 2008 ГОДАХ 50

Васильев С.К., Зенин А.Н.
ФАУНИСТИЧЕСКИЕ ОСТАТКИ ИЗ ПЕЩЕРЫ СТРАШНАЯ (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ АЛТАЙ) ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В 1988–2008 ГОДАХ 56

Васильев С.К., Шуньков М.В.
КРУПНЫЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ ИЗ ПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ В ЮЖНОЙ ГАЛЕРЕЕ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ 63

Волков П.В., Волков Д.П., Зайцев Н.Н., Миронов М.А.
НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ С ГОРЫ ШАПКА В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК В 2009 ГОДУ) 70

Гладышев С.А., Болорбат Ц., Одсурэн Д., Чаргынов Т.Т.
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ МНОГОСЛОЙНОГО ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА ТОЛБОР-15 В 2009 ГОДУ 75
Гладышев С.А., Табарев А.В., Болорбат Ц., Одсурэн Д.
ГОЛОЦЕНОВЫЙ КОМПЛЕКС СТОЯНКИ ТОЛБОР-15 (СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ) 79
Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Ульянов В.А., Кандыба А.В., Рыбалко А.Г.
ПОИСКИ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА В ПРЕДКАВКАЗЬЕ 84
Деревянко А.П., Анойкин А.А., Борисов М.А.
РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ РУБАС-1 (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ В 2009 ГОДУ) 90
Деревянко А.П., Зенин В.Н., Рыбалко А.Г., Анойкин А.А.
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ФИНАЛА СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА СТОЯНКИ ДАРВАГЧАЙ-ЗАЛИВ-1 (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОДЪЕМНЫХ СБОРОВ В 2009 ГОДУ) 96
Деревянко А.П., Зенин В.Н., Рыбалко А.Г., Кулик Н.А.
ДРЕВНЕЙШИЙ КУЛЬТУРОСОДЕРЖАЩИЙ ГОРИЗОНТ СТОЯНКИ ДАРВАГЧАЙ-1 101
Деревянко А.П., Зенин В.Н., Рыбалко А.Г., Лещинский С.В., Зенин И.В.
ДАРВАГЧАЙ-ЗАЛИВ-1 – НОВЫЙ МНОГОСЛОЙНЫЙ ПАМЯТНИК В ЮЖНОМ ДАГЕСТАНЕ 106
Деревянко А.П., Кандыба А.В.
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ОРХОН-1 И ОРХОН-7 (МОНГОЛИЯ) 111
Деревянко А.П., Кандыба А.В.
К ВОПРОСУ О ПЕРЕХОДЕ ОТ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА К ВЕРХНЕМУ НА ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПОСЛЕДНИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 117
Деревянко А.П., Колобова К.А., Фляс Д., Кривошапкин А.И. , Исламов У.И., Павленок К.К.
ИССЛЕДОВАНИЕ СТОЯНКИ КУЛЬБУЛАК В 2009 ГОДУ 123
Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкина В.С., Зыкин В.С.
ЧАГЫРСКАЯ ПЕЩЕРА: ИССЛЕДОВАНИЯ В 2009 ГОДУ 129
Деревянко А.П., Шуньков М.В., Бакович М., Зенин А.Н., Зенин В.Н., Кривошапкин А.И., Булатович Л., Меденица И.
ИЗУЧЕНИЕ ПАЛЕОЛИТА В РЕСПУБЛИКЕ ЧЕРНОГОРИИ 133
Деревянко А.П., Шуньков М.В., Ульянов В.А., Векслер А.Г., Зенин А.Н., Зенин В.Н., Кривошапкин А.И.
ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ МОСКВЫ 136
Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А., Ульянов В.А.
НОВЫЕ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕИ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ 141
Комиссаров С.А., Азаренко Ю.А.
ПЕРВЫЙ ПЛЕЙСТОЦЕНОВЫЙ ПАМЯТНИК НА ТЕРРИТОРИИ ГОНКОНГА 147

Кулик Н.А., Маркин С.В.
ПЕТРОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЙ ИЗ ЧАГЫРСКОЙ ПЕЩЕРЫ 151
Ларичев В.Е., Павлов П.Ю.
ДРЕВНЕКАМЕННЫЙ ВЕК ЕВРОПЫ: ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ РАННЕГО ЭТАПА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА (РЕКОНСТРУКЦИЯ КАЛЕНДАРНЫХ СИСТЕМ СЕВЕРА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ) 158
Медведев В.Е.
НЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКА АМУРЗЕТ (ЕВРЕЙСКАЯ АВТОНОМНАЯ ОБЛАСТЬ) 164
Медведев В.Е., Филатова И.В.
НЕОЛИТ НИЖНЕГО АМУРА И ПРИМОРЬЯ: ЭЛЕМЕНТЫ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КЕРАМИКИ) 170
Номоконова Т.Ю., Лозей Р. Дж., Горюнова О.И.
ФАУНА МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ БЕРЛОГА (МАЛОЕ МОРЕ, ОЗЕРО БАЙКАЛ) 177
Оводов Н.Д.
БОЛЬШАЯ ПОЗДНЕПЛЕЙСТОЦЕНОВАЯ КОШКА В СИБИРИ 182
Ратников В.Ю., Мотузко А.Н., Акимова Е.В.
ГЕРПЕТОФАУНА И МЕЛКИЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ЛИСТВЕНКА 186
Роговской Е.О., Бердникова Н.Е., Попов А.А., Молчанов Г.Н., Клементьев А.М.
ИССЛЕДОВАНИЯ НОВОГО ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ СЕДОВА НА ТЕРРИТОРИИ ИРКУТСКА 190
Шуньков М.В., Агаджанян А.К.
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТАФОЦЕНОЗОВ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК 194

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Алкин С.В., Нестеренко В.В.
ИЗУЧЕНИЕ ФОРТИФИКАЦИИ УСТЬ-ЧЁРНИНСКОГО ГОРОДИЩА В ВОСТОЧНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ 200
Бердникова Н.Е., Бердников И.М., Батракова Н.А.
РАСКОПКИ ВЛАДИМИРСКОГО НЕКРОПОЛЯ В ИРКУТСКЕ 204
Бобров В.В., Васютин А.С., Зимин А.А.
ОРНАМЕНТАЦИЯ ПОЗДНЕЙ ВЕРХНЕОБСКОЙ КЕРАМИКИ ИЗ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ КАЛТЫШИНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА (КУЗНЕЦКАЯ КОТЛОВИНА) ... 209
Бобров В.В., Ковтун И.В., Марочкин А.Г.
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ В НИЖНЕТОМСКОМ ОЧАГЕ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА 214
Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.
ВЗАИМОВЛИЯНИЕ РУССКИХ КАЗАКОВ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ САЯНО-АЛТАЯ В ВОЕННОЙ ОБЛАСТИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОЕ ВРЕМЯ 220

Бородовский А.П.
ГРАВИРОВКИ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
В МЫЮТИНСКОМ ПЕТРОГЛИФИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ 224
Бородовский А.П., Бородовская Е.Л.
КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ В ГОРНОЙ ДОЛИНЕ
НИЖНЕЙ КАТУНИ 229
Быков Н.И., Слюсаренко И.Ю.
ЛИХЕНОМЕТРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
В БАССЕЙНЕ РЕКИ ЮСТЫТ (ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ АЛТАЙ) 235
Варёнов А.В., Бауло И.А., Шульга П.И.
КОСТЯНЫЕ И РОГОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ МОГИЛЬНИКА
ЦЗЯОХЭ (ЯР-ХОТО) В ТУРФАНСКОЙ ВПАДИНЕ
В ВОСТОЧНОМ ТУРКЕСТАНЕ 240
Варёнов А.В., Гирченко Е.А.
КУЛЬТОВЫЕ БРОНЗЫ САНЬСИНДУЯ
И ПУТИ ИХ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ 246
Волков Д.П.
СТРОИТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ НАЙФЕЛЬДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
НА ОЗЕРЕ БЕЛОБЕРЕЗОВОМ В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ 252
Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е.
НОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ 257
Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В.
РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ РАБОТ В 2009 ГОДУ НА ПАМЯТНИКАХ
В УСТЬЕ РЕКИ ВЕРХНЯЯ КЕЖМА (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ) 262
Зубова А.В.
К ВОПРОСУ О МУМИФИКАЦИИ
У РАННЕСКИФСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТУВЫ 267
Кирюшин К.Ю., Горбунов В.В., Тишкин А.А., Семибратов В.П.
ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКОГО КУРГАНА
НА ТЕРРИТОРИИ «БИРЮЗОВОЙ КАТУНИ» 270
Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С.
ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА
В КУЛУНДИНСКОЙ СТЕПИ ЛЕТОМ 2009 ГОДА 275
Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П.
ИССЛЕДОВАНИЕ ТАВДИНСКОГО ГРОТА В 2008 ГОДУ 281
Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., Эрдэнэбаатар Д., Мунхбаяр Ч.
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В МОНГОЛИИ И НА АЛТАЕ 287
Комиссаров С.А., Хачатурян О.А.
ЦИНЬСКАЯ КЕРАМИКА 291
Комиссаров С.А., Хачатурян О.А., Черемисин Д.В.
ЦИНЬСКАЯ ЧЕРЕПИЦА С РИСУНКАМИ
В «ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ» 297
Кубарев В.Д.
ДВА ЧАШЕЧНЫХ КАМНЯ ИЗ СЕЛА БЕШ-ОЗЕК
(РЕСПУБЛИКА АЛТАЙ) 302
Кубарев В.Д., Кубарев Г.В.
НОВЫЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ИЗВАЯНИЯ АЛТАЯ 307

Кубарев Г.В., Слюсаренко И.Ю., Кубарев В.Д.
ИССЛЕДОВАНИЕ ПОМИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА
V – НАЧАЛА VI ВЕКА АРЖАН-БУГУЗУН НА АЛТАЕ 312
Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Паршиков С.А.
ХРАМ ВРЕМЕНИ И СВЯЗАННЫЕ С НИМ КОМПЛЕКСЫ
САКРАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА (К ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
АСТРАЛЬНЫХ СТРУКТУР СВЯТИЛИЩА ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА
СЕВЕРНОЙ ХАКАСИИ) 317
Миклашевич Е.А.
ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ И МОНИТОРИНГ ПАМЯТНИКОВ
НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА В ХАКАСИИ
И НА ЮГЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В 2009 ГОДУ 323
Миклашевич Е.А., Бове Л.Л.
ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА
В ОНГУДАЙСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ В 2009 ГОДУ 329
Молодин В.И., Ермакова Н.В.
БРОНЗОВЫЙ ВИСЛООБУШНЫЙ ТОПОР
ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ БАРАБЫ 334
Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Соловьёв А.И.,
Наглер А., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Ненахов Д.А.
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ У НАСЕЛЕНИЯ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ БАРАБЫ В ЭПОХУ РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА ТАРТАС-1
В 2009 ГОДУ) 337
Молодин В.И., Наглер А.О., Соловьёв А.И., Кобелева Л.С.,
Дураков И.А., Чемякина М.А., Дядьков П.Г.
НОВЫЙ ЭТАП СОТРУДНИЧЕСТВА ИНСТИТУТА
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН И ГЕРМАНСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА. РАСКОПКИ
МОГИЛЬНИКА САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОГОРЕЛКА-2 343
Молодин В.И., Соловьёва Е.А., Соловьёв А.И.
КОЛЛЕКЦИЯ ПРЕДМЕТОВ ЭПОХИ ДЗЁМОН
ТОКИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ 350
Мыльников В.П.
РАЗМЕТКА – КЛЮЧЕВАЯ ОПЕРАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
РЕЗЬБЫ ПО ДЕРЕВУ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ
КОЛЛЕКЦИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА) 353
Нестеров С.Н., Юн Кванджин, Хан Джисун, Шин Хи Квон,
Хабибуллина Я.Ю., Ли Кёнха, Пак Джонсэн, Шеломихин О.А.,
Лоскутов В.Д., Хун Гунмук
ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ОСИНОВОЕ ОЗЕРО
В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 2009 ГОДУ 360
Оводов Н.Д., Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В.
ФАУНИСТИЧЕСКИЕ ОСТАТКИ И КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ
ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ БРОНЗОВОГО ВЕКА МОГИЛЬНИКА
КУРМА XI (ОЗЕРО БАЙКАЛ) 366
Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д., Эрдэнэ-Очир Н.
ИССЛЕДОВАНИЕ НОИН-УЛИНСКОГО КУРГАНА № 31 (СЕВЕРНАЯ
МОНГОЛИЯ) 372

Поляков А.В., Степанова Н.Ф.
ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ОЗЕРЕ ИТКОЛЬ (РЕСПУБЛИКА ХАКАСИЯ) 377
Соловьёв А.И.
БОЛЬШИЕ КУРГАНЫ: К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СТАТУСА ПОГРЕБЕННЫХ 382
Соловьёва Е.А., Табарев А.В., Иванова Д.А.
АНТРОПОМОРФНАЯ ПЛАСТИКА ТИХООКЕАНСКОГО БАССЕЙНА: ГЕОГРАФИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ 387
Степанова Н.Ф.
ПОГРЕБЕНИЯ КУРОТИНСКОГО ТИПА ЭПОХИ БРОНЗЫ В ГОРНОМ АЛТАЕ 391
Татауров С.Ф.
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ГОРОДА ТАРА В 2009 ГОДУ 396
Худяков Ю.С.
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ДОЛИНЕ РЕКИ ЭДИГАН В 2009 ГОДУ 401
Шерстобитова О.С., Полеводов А.В.
ИЗУЧЕНИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В СРЕДНЕМ ПРИИРТЫШЬЕ В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ СУЗГУНСКО-ИРМЕНСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ 405
Шульга П.И.
РАННЕСКИФСКИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ В СИНЬЦЗЯНЕ 409

ЭТНОГРАФИЯ

Бадмаев А.А.
ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В ИНТЕРЬЕРЕ ЖИЛИЩА СЕЛЕНГИНСКИХ БУРЯТ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА 414
Березиков Н.А.
ВОСПРИЯТИЕ КАЗАКАМИ-ЗЕМЛЕПРОХОДЦАМИ СИБИРСКИХ АБОРИГЕНОВ (НА ПРИМЕРЕ ЭКСПЕДИЦИИ АФАНАСИЯ ПУТИМЦА В БРАЦКУЮ ЗЕМЛЮ) 419
Болонев Ф.Ф.
ПАХОТНЫЕ ОРУДИЯ СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ В XVIII–XX ВЕКАХ 423
Бурнаков В.А.
ОБРАЗ СОРОКИ В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ ХАКАСОВ 429
Галкина Т.Н.
ДЕКОРАТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ НАЛИЧНИКОВ В ГОРОДЕ КЫЗЫЛЕ РЕСПУБЛИКИ ТЫВЫ 434
Голубкова О.В.
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О *БЛАЗНЕ* КАК О ВОПЛОЩЕНИИ ДУШИ ПОСЛЕ СМЕРТИ У РУССКИХ И УКРАИНЦЕВ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ 437
Жигунова М.А.
РУССКАЯ СЕМЬЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ФУНКЦИИ И УСТАНОВКИ 442

Кудинова М.А.
ОБРАЗ СОБАКИ В МИФАХ И РИТУАЛАХ ТРАДИЦИОННОГО КИТАЯ 446
Курилов В.Н., Майничева А.Ю.
ОБСЛЕДОВАНИЕ РУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ТЮМЕНСКОГО РЕГИОНА В 1980-Х ГОДАХ: РЕЗУЛЬТАТЫ И НАПРАВЛЕНИЯ 450
Любимова Г.В., Бут М.О., Рубинштейн Т.Г.
ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННЫХ СТАРООБРЯДЦЕВ-ПУСТЫННИКОВ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ В СИБИРИ: ВОПРОСЫ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ 454
Люцидарская А.А.
БЕЛОРУСЫ В СИБИРИ В XVII ВЕКЕ 458
Майничева А.Ю., Мыглан В.С.
ЖИЛАЯ ЗАСТРОЙКА ГОРОДА ЕНИСЕЙСКА В XIX ВЕКЕ 462
Мальцева О.В.
САНИТАРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ СРЕДИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИАМУРЬЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА 466
Николаев В.В.
ТРАДИЦИОННОЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ 471
Новиков А.В., Кудинова М.А.
СОБАЧЬЕ МЯСО В ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ МЕДИЦИНЕ 475
Охотников А.Ю.
ШЕЙНДОРФСК-ПАВЛОВКА: СИБИРСКОЕ НЕМЕЦКОЕ СЕЛО В УСЛОВИЯХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АГРАРНЫХ ИНИЦИАТИВ (1920–1960-е годы) 479
Павлова Е.Ю.
НАРОДНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ 483
Самушкина Е.В.
СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ В ВОСПРИЯТИИ МОЛОДЕЖИ 487
Севостьянов А.С.
ТУВИНСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ В СОБРАНИИ МИНУСИНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ им. Н.М. МАРТЬЯНОВА 491
Скобелев С.Г., Выборнов А.В.
ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА 495
Фурсова Е.Ф.
ОРНАМЕНТАЦИЯ РУКОДЕЛИЙ БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯНОК В СИБИРИ: СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ 499

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Астапчук В.А., Карпеева Е.В.
АВТОМАТИЗИРОВАННАЯ СИСТЕМА ВЕДЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ 506
Майничева А.Ю., Мыльников В.П., Бадмаев А.А., Бурнаков В.А., Коваленко Е.А.
РЕСТАВРАЦИОННЫЕ РАБОТЫ В ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОМ МУЗЕЕ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ ИАЭТ СО РАН 509
Молодин В.И., Скобелев С.Г.
ОПЫТ УЧАСТИЯ КОЛЛЕКТИВА СОВМЕСТНОГО УЧЕБНО-НАУЧНОГО ЦЕНТРА НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА И ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЦЕЛЕВЫХ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММАХ В 1998–2009 ГОДАХ 513
Оленченко В.В., Чемякина М.А.
РЕЗУЛЬТАТЫ МЕТОДИЧЕСКИХ ГЕОРАДАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ 518
Новикова О.И., Мартынова Т.Н.
О СИСТЕМАТИЗАЦИИ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФОНДА ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН 524

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ,
ЭТНОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ**

ТОМ XV

Материалы Итоговой сессии
Института археологии и этнографии СО РАН 2009 года

Статьи публикуются в авторской редакции,
иллюстрации и таблицы соответствуют авторским оригиналам.

Технический редактор *М.В. Геращенко*
Дизайнер обложки *А.А. Фурсенко*

Подписано к печати 04.12.2009 г. Бумага офсетная. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 33,5. Уч.-изд. л. 34. Тираж 300 экз. Заказ № 217.
Цена договорная.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
630090, Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, 17.